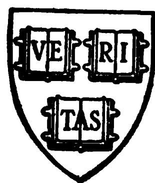

VE RI
TAS

1905.

Образованіе.

Апрѣль.

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

ОТДѢЛЪ I.

См.

XIV. 1905.

ОБРАЗОВАНІЕ.

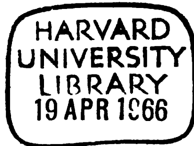
ЖУРНАЛЪ

литературный,
научно-популярный
и педагогическій.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 апрѣля 1905 г.

Содержаніе № 4.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Хлопоты.

Разсказъ **С. Елеонскаго.**

I.

Рано утромъ, съ первыми лучами майскаго солнца, о. Порфирій выходилъ изъ дому и зацѣпилъ ногой за свертокъ лохмотьевъ, валявшихся на крыльцѣ. Онъ хотѣлъ отшвырнуть тряпье, но оттуда послышался странный звукъ, батюшка нагнулся и сталъ осторожно развертывать...

— Мла-денецъ!.. мужеска пола... Господи Іисусе!.. Чей?— спросилъ онъ, простирая руки по направленію къ селу, и какъ будто ждалъ отвѣта. Но ни вблизи, ни вдали никто не показывался и не отзывался. Только раскинутыя въ котловинѣ, вдоль мутной рѣчушки, избы безшумно курились и, казалось, дѣлались больше, росли и полнѣли отъ окутывавшаго ихъ дыма. Синіе столбы поднимались изъ трубъ надъ соломенными крышами и вытягивались, какъ сказочные сторожевые, стройно и медленно, съ изумительнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ къ тому, что подъ этими крышами совершается. Синій дымокъ бѣдноты тянулся въ высь, таялъ и пропадалъ въ голубой вышинѣ, сливаясь съ небесной синевой неслышно, незримо.

— Откуда?—повторилъ снова о. Порфирій; вопросъ попрежнему замеръ въ свѣжей утренней тишинѣ.—Неужели?!. Нѣтъ, нѣтъ... тутъ я не виноватъ...

Онъ такъ глубоко погрузился въ тревожныя соображенія, что словно оцѣпенѣлъ и не слышалъ отчаяннаго плача у ногъ своихъ и какъ будто старался увѣрить нетерпѣливаго крикуна:

— Нѣтъ, врешь, такого случая, чтобы я отказалъ кому-нибудь въ крещеніи изъ-за денегъ, не было... Всѣхъ кре-

стилъ, никого не откладывалъ... Такъ что все это напрасно... Видитъ Богъ, напрасно...—Двѣ крупныхъ слезы скатились по его длинной рыжей бородѣ и упали на продрогшаго младенца.

А ребенокъ сильнѣе надрывался, и о. Порфирій рѣзко произнесъ:

— Мерзавка... Хуже животнаго... Звѣрь такъ не сдѣлаетъ...

Онъ взялъ въ охапку тряпье и внесъ подкидыша въ кухню.

Вскорѣ и кухарка Анисья, и матушка Анна Михайловна захлопотали, отыскали зыбку, обмыли младенца, завернули въ другія, болѣе мягкія и чистыя пеленки, напоили его молокомъ,—малютка заснулъ.

Послѣ того стали рѣшать вопросъ о происхожденіи новаго существа. Батюшка, впрочемъ, не принималъ въ разговорѣ прямого участія, а только прислушивался къ тому, что говорили женщины.

— Солдаткинъ, должно быть,—высказывала матушка.— Не Ѳеклы-ли Будановой?

— Нѣтъ, матушка... Дѣвкинъ, я такъ думаю... Любка Чучалова... Не иначе. Да вотъ сейчасъ узнаю!

И Анисья побѣжала на самый край улицы, гдѣ жила бобылка Степанида съ дочерью Любкой.

— Степанида! Эй, Степанида!—звала Анисья у оконъ, но никто ей не откликался.—Любка!.. Эй, кто-тамъ? Живутъ словно богачи взаперти, ничѣмъ не достучишься...—Глухое молчаніе было въ отвѣтъ. Анисья хотѣла проникнуть во дворъ, но ворота и калитка были заперты изнутри; она обошла дворъ кругомъ, отомкнула задвижку въ дверкѣ на задахъ. Была повсюду полная пустота, а дверь въ избу оказалась припертой осиновымъ коломъ...

— Ну, вымерли...

Сосѣдки объяснили, что Степанида собиралась съ вечера въ городъ.

— А Любку давно видали?

— Не въ-домёкъ...

— То-то не въ-домёкъ... Не она-ли это распросталась?.. ребенка-то къ намъ подкинула.

— Можетъ статься...

— Чай бы, другой дворъ могла для этого найтить. А то, на-ка, какой домъ опорочила...

— А какъ-же иначе?.. Извѣстно, кто ее испортилъ.

— Ну, вы наскажете... васъ только послушай...

— А развѣ не правда? Видѣли мы, какà шелкова рубаха тутъ по задворкамъ слонялась... И днемъ и ночью... Знамъ, чье это дѣло.

Анисья удалилась.

Для нея, впрочемъ, это не было новостью. Она сама раньше другихъ запримҍтила, что Осипъ Порфирычъ, поповичъ, очень ластился къ Любкҍ, когда картошку за баней рыли. Любка дҍвка бойкая, статная, верткая, голосистая и плясать мастерица. Жила она съ матерью въ бҍдности, ходила на подёнку, но не унывала. Парни за ней табунились, но она, зная, что на ней, голой сиротҍ, никто изъ нихъ не женится, не поддавалась. У ней было на умҍ другое:—не деревня, а городъ, и тамъ должность горничной... Поэтому она наводила справки о городской жизни у Осипа Порфирыча, поторый десять лҍтъ выжилъ въ городҍ, учился тамъ, курсъ кончилъ въ семинаріи и пріобрҍлъ всҍ права на священство, а пока учительствовалъ въ церковно-приходской школҍ въ родномъ селҍ, отдыхая отъ науки.

— Въ городҍ хорошо...—красно расписывалъ молодой человҍкъ.—И домà, и люди—все особенное, не то, что здҍсь въ Мотовиловкҍ... Церкви какія тамъ—высокія, каменныя, колокола по тысячҍ пудовъ!.. Генералы тамъ живутъ, архіерей, архіерейскіе пҍвчіе, музыка полковая, театръ... пожарная каланча съ шарами... улицы камнемъ выложены, по нимъ электрическая конка ходитъ безъ лошадей, а фонари всю ночь горятъ, такъ что и ночей какъ будто не бываетъ, всегда свҍтло...

Любка слушала и мечтала, глаза ея разгорались отъ представленія другой жизни, особенно когда поповичъ объяснилъ:

— У нашего ректора горничная восемь рублей, гладитъ...

— Восемь рублей?!—выкрикнула отъ восторга Любаша.—А мнҍ сколько положатъ?—поинтересовалась она.—Ты какъ думаешь?

— Тебҍ?..—переспросилъ поповичъ, искрясь глазами, и потянулся къ дҍвушкҍ... Онъ былъ здоровъ и силенъ, имҍлъ цвҍтущій видъ лица, опушеннаго нҍжною растительностью, ходилъ щеголемъ въ шелковой рубашкҍ, подтянутой вышитымъ въ благочестивомъ женскомъ монастырҍ поясомъ со словами: „Препояшетъ тя Господь въ день печали", бойко игралъ на двухрядной гармоникҍ и запросто обходился съ народомъ... Живя въ своей квартирҍ при училищҍ, пользовался отъ домашнихъ свободой, а чтобы мать не приходила къ нему по вечерамъ, онъ предусмотрительно зажигалъ лампу, а самъ шелъ на всю ночь въ хороводъ, на „посҍдилки"... Онъ ладилъ съ парнями, умҍлъ съ деревенскими красавицами „лясы точить"... Люба засматривалась на его ровные бҍлые зубы подъ безхарактерными пухлыми губами...

У него же водились деньжонки,—жалованье получалъ—пятнадцать рублей въ мѣсяцъ и всѣ тратилъ на себя, а кушать ходилъ въ отчій домъ. Скоро мотовиловскія дѣвки замѣтили, что Любка Чучалова стала носить ленточки, а потомъ „полсапожки“, „полушалки“ и розовую юбку съ такой же кофточкой. Про Любашу стали поговаривать... Потомъ Любаша стала полнѣть въ таліи... Тогда Осипъ Порфирьевичъ сразу прекратилъ сношенія съ улицей, сталъ до неузнаваемости угрюмъ и необычайно трудолюбивъ въ занятіяхъ по школѣ. О. Порфирій не нарадовался на сына... Тѣмъ не менѣе Осипъ Порфирьевичъ выражалъ желаніе немедленно бросить Мотовиловскую школу и поступить въ священники. Но отецъ удерживалъ:

— Погоди... Не уйдетъ отъ тебя поповство... Полгода еще куда ни шло... За то, какъ пріѣдетъ къ намъ наблюдатель на экзаменъ, мы ему покажемъ, ужъ мы ему покажемъ свои успѣхи: вотъ, молъ, какъ надо заниматься!.. Утремъ носъ и земскимъ учителямъ — всѣхъ ребятъ выпустимъ со свидѣтельствами и съ похвальными листами! Наблюдатель обязанъ будетъ выставить тебя въ отчетѣ, какъ рѣдкаго учителя, и чрезъ это ты снисчешь особое благоволеніе владыки, который дастъ тебѣ хорошій приходъ... Владыка очень радѣетъ о церковныхъ школахъ и поощряетъ хорошихъ учителей.

Осипъ внялъ родительскимъ увѣщаніямъ и остался учить до конца учебнаго года.

II.

Анисья, вернувшись съ улицы, на всѣ вопросы матушки относительно Любки, отвѣчала односложно:

— Её дѣло... Больше некому. Отъ стыда ушли далеко. А стыдъ-отъ за ними...

— Вотъ подлячка!.. Креста на ней нѣтъ! — волновалась матушка. — Попъ, предай ее суду! Этакая распущенность, этакая распущенность... Ну и народъ!...

Однако волненія не помѣшали матушкѣ заботиться о ребенкѣ,—она послала Анисью къ мяснику за коровьимъ соскомъ... Но эти заботы въ то же время чередовались съ руганью:

— Стерва... ушла и горюшка мало... А тутъ возись. Да что, обязана я?

О. Порфирій часто входилъ въ кухню и спрашивалъ:

— Пищитъ?.. Хм... все пищитъ...

— Да, пищитъ...—злилась матушка.—А ты, чѣмъ бы попусту слоняться изъ угла въ уголъ, послалъ бы за кѣмъ

надо, пусть отыщутъ и приведутъ мать. Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое? Еще умереть... Онъ матерняго молока требуетъ.

— Матерняго?—переспрашивалъ о. Порфирій.

— Ну да!—рѣзко повторяла матушка.—Мать надо, мать...

— Что же, пожалуй, приму мѣры... Только послѣ обѣда... Что это Осипъ долго нейдетъ?

Часы отбивали двѣнадцать, а учитель все занимался.

— Усердствуетъ... Сходи-ка за нимъ, Трофимъ...—приказывалъ о. Порфирій работнику.

Осипъ Порфирьичъ пришелъ измученный. Отецъ, жалѣя его, совѣтовалъ:

— Все-таки, Ося, ты не очень ужъ... до потери здоровья... Знай мѣру во всемъ... Жизнь, братъ, требуетъ здоровья... Не изматывайся.

Осипъ молчалъ угрюмо и съ испугомъ взглянулъ въ уголъ, гдѣ висѣла люлька. Отецъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Удивляешься?.. То-то, живешь въ своей школѣ, ничего не знаешь, а у насъ тутъ съ утра цѣлая катавасія... Да, развратился народъ... И чѣмъ ни дальше, тѣмъ больше развращается... Дѣвки, братъ, стали отчаянныя, родятъ безо всякаго стыда. Ѣсть дурѣ нечего, а сама родитъ... Когда будешь попомъ, Ося, обрати на это особенное вниманіе, постоянно внушай народу и въ церкви, и на домахъ, при всякомъ случаѣ... благовременнѣ и безвременнѣ настой... Особенно вооружайся противъ „посидѣлокъ". Это—язва... Тамъ дѣвки честь теряютъ... Парни—такая сволочь... Да ты что все молчишь? Бывало разговаривалъ, а теперь слова не дождешься... Скажи что-нибудь... Или тебя это поразило?

— Поразило, папаша...—черезъ силу выговорилъ сынъ.

— А ты не будь впечатлительнымъ, это не годится... То ли еще будетъ въ попахъ?! Вотъ какъ придутъ къ тебѣ на исповѣдь бабы, да начнутъ расписывать свои грѣхи... А между прочимъ, знаешь-ли, кто всѣхъ откровеннѣе на исповѣди?

— Кто?

— Юродивые... дурачки... Никто такъ свою душу не выкладываетъ, какъ эти блаженненькіе... Да скоро-ли, попадья, обѣдать? Ѣсть хотимъ...

— Погоди, сейчасъ... вотъ только соску привяжу къ бутылкѣ... Голоднехонекъ... ахъ, какъ голоднехонекъ, миленькій...

— Да, Ося, вонъ она какая... Любка-то. Знаешь, чай, ее?

Анисья крякнула, а Осипъ едва вымолвилъ:

— Д-д-да...

— Но я ее проучу! Будетъ знать! Вотъ пообѣдаю, бумагу уряднику напишу... Кстати ты, кажется, за шабашомъ соби-

рался съѣздить въ Глюкино? Такъ отдай тамъ бумагу урядинику, рядомъ съ лавочкой живетъ, черезъ дворъ.

— Не охота, папаша, усталъ я сегодня...

— А ты провѣтрись, разомнись... Чего киснешь? Тюря, право, тюря... Развѣ женихи такіе бываютъ?.. Ты будь храбръ и съ отвагой—вотъ такъ! Смѣло гляди на Божій міръ... Иначе какая поповна за тебя пойдетъ?

— Кстати, Ося,—заговорила матушка,—заверни къ Глюкинскому попу, къ о. Матвѣю... Будутъ очень рады; у нихъ гоститъ Агничка Цвѣтаева... Помнишь? Въ прошлыя святки танцовалъ ты съ нею третью кадриль... со значеніемъ. Тебѣ, кажется, она нравилась... И богатенькая... тысячи двѣ приданаго за ней. .

— Въ самомъ дѣлѣ, Ося, чего дремлешь? Надо думать и о будущемъ. Рѣшайся... И я съ своей стороны благословляю... Цвѣтаевы—семья прекрасная...

Обѣдъ кончился. Батюшка сказалъ:

— Ну, я запрягу тебѣ лошадь.—И ушелъ.

Матушка тоже вышла, говоря:

— А я тебѣ достану черную кашмировую рубашку, она къ тебѣ идетъ...

Въ кухнѣ осталось трое: кухарка, поповичъ и малютка, который завозился. Анисья подошла къ люлькѣ. Подошелъ на цыпочкахъ и Осипъ Порфирьевичъ, какъ виноватый. Анисья распеленала ребенка и перевела свой взоръ на учителя... Потомъ она прибавила почти торжественно:

— Жить будетъ...

— Жить будетъ?—тревожно переспросилъ Осипъ.

— Да. А ты что испужался? Поблѣднѣлъ даже...

— Такъ, Анисья...

— Весь въ отца... Смотри-ка... Хоть маленькій, а породу показываетъ...

— Чей онъ, Анисья?..—запинался Осипъ.

Та мгновенно обернулась, сверкая глазами:

— Ты еще не знаешь?.. Эхъ, господинъ хорошій...

— Анисья, помолчи ради Бога передъ... папашей, передъ мамашей... Не выдай... Вотъ тебѣ рубль... Больше нѣтъ...

— Провались ты, идолъ, и съ деньгами... Не человѣкъ ты... Уйди!—Она оттолкнула его.

Вошелъ о. Порфирій.

— Ну, Ося, въ бѣговыя дрожки заложилъ сивка... Да ты еще не готовъ? Ишь, невидаль—блудныя дѣти!.. Полно, свои будутъ, досыта налюбуешься, даже опротивѣютъ... Придетъ время. А ты нечего, нечего... Обряжайся скорѣе... Вотъ и бумага урядинику.

Весь красный отъ волненія, Осипъ Порфирьичъ ушелъ

въ горницу, нарядился, и потомъ, ни на кого не глядя, поѣхалъ съ папашиной жалобой къ уряднику на Любашу, съ рублемъ въ карманѣ на табакъ и съ особеннымъ чувствомъ къ Агничкѣ Цвѣтаевой, на которой теперь уже въ душѣ рѣшилъ жениться безотлагательно.

III.

— Ужъ и подлецы же нынѣ парни!..—ораторствовалъ урядникъ, сидя за спиной Осипа Порфирьевича, возвращавшагося въ Мотовиловку.—Ни стыда, ни совѣсти... Законъ прямо запрещаетъ сборища, публичное пѣніе на улицахъ и хороводы... Хочешь, такъ дери въ одиночку глотку въ полѣ, въ лѣсу... А имъ бы все вмѣстѣ... Ужъ я ихъ и нагайкой, и въ холодную, и на волостное правленіе, нѣтъ, не унимаются. А господа за нихъ! Подите-ка, что говоритъ помѣщикъ Кабановъ!! Вы, говоритъ, полиція — народную пѣсню уничтожили,, всю, говоритъ, поэзію... Ваше какое мнѣніе, Осипъ Порфирьевичъ, по этому предмету будетъ? Богословіе, думаю, даетъ правильный взглядъ...

— Да, дѣйствительно... съ точки зрѣнія богословія свѣтскія пѣсни и игрища—безбожіе. И исторія подтверждаетъ, что всѣ эти хороводы—остатки древняго язычества.

— Ну вотъ! Ну вотъ! Развѣ я не правъ? За насъ всѣ науки. А Кабановъ?.. Вотъ поди и толкуй съ нимъ. Умный человѣкъ, помѣщикъ... Пѣсни, видите ли, ему нужны... Записываетъ ихъ. Призоветъ старую старуху беззубую:—„Ну, матушка, пой!“ И поетъ старуха древняя, столѣтняя... Есть такая, Абрамовной звать... Прямо пересказать она не можетъ... вотъ какъ все равно вашъ дьячекъ Серафимычъ:— заставь его Херувимскую прочесть, ни за что! а спѣть—все подрядъ безъ ошибки отчеканитъ. Такъ и Абрамовна... Баринъ деньги за это ей... Не объ пѣсняхъ бы старухѣ думать, да кушать хочется, ну и поетъ... А послѣ плюетъ: „Согрѣшила-де, окаянная, я съ бариномъ, пѣсни пѣла полюбовныя“... Да, Кабановъ... нечего сказать... Споритъ со всѣми и съ исправникомъ. Но нашъ исправникъ—молодчина,—здорово его опровергаетъ и ведетъ свою линію чисто... По нашему уѣзду пѣсни не услышишь, все тихо... живутъ, не дышутъ... И отцы духовные съ нами за-одно, помогаютъ въ этомъ дѣлѣ... Мальчишки, впрочемъ, поютъ, но только духовное, божественное или патріотическое... Это и я разрѣшаю... А чтобы тамъ про Матаню или „Сѣли дѣвки на лужокъ“—да ну ихъ къ чорту! Ни въ какомъ случаѣ!

Осипъ Порфирьевичъ теперь только понялъ, до чего правъ урядникъ Кузьма Яковлевичъ и жалѣлъ себя:

— „Эхъ, кабы мысли Кузьмы Яковлевича имѣть мнѣ годикъ тому назадъ, не вышло бы того, что вышло съ Любкой...“—И онъ вздохнулъ.

— О чемъ, Осипъ Порфирьевичъ, сухотитесь? Кажется, поздравить васъ можно, ежели не секретъ... Жениться надумали на мамзель Цвѣтаевой? Что же, барышня во всѣхъ статьяхъ... А вы горюете... Не по-жениховски ваше сердце чувствуетъ...

— Бракъ, Кузьма Яковлевичъ, дѣло очень важное, особенно у насъ, у духовныхъ... На всю жизнь судьба рѣшается. Поневолѣ задумаешься.

Кузьма Яковлевичъ только черезъ минуту отвѣтилъ съ чувствомъ уваженія къ собесѣднику:

— По всему видно, Осипъ Порфирьевичъ, что вы—очень серьезный человѣкъ. Годъ жизни среди деревенскаго люда для васъ прошелъ не даромъ... Да, изъ васъ выйдетъ прекраснѣйшій священникъ...

IV.

О. Порфирій выбѣжалъ безъ шапки на крыльцо встрѣчать урядника, который отъ такого почета сразу принялъ покровительственный тонъ:

— Что это такое у васъ случилось? Давно ли?

— Сегодня поутру. Есть неопровержимыя данныя, указующія на виновницу... Напримѣръ, наша Анисья...

— Запротоколимъ!—Урядникъ солидно усѣлся за кухонный столъ и сталъ писать, говоря въ то же время:—Ну, Анисья, какъ было дѣло, показывай...

— Да кто знать? Я почемъ знаю? Ей лучше знать...

— Кому—ей?

— Да Любкѣ... Она мнѣ не признавалась... Можетъ, парень, можетъ, господинъ... Болтаютъ по разному. Спросите самого...

— Кого?

— Ну, кого! Знамо...— Анисья остановила свой взоръ на поповичѣ, который оттого покраснѣлъ. Урядникъ шумно втянулъ ноздрями воздухъ и сказалъ начальственно:

— Удалитесь, господа... Свидѣтельница смущается.

Хозяева безпрекословно исполнили приказаніе; они только потомъ прикладывали ухо къ дверной щели, но не могли разслышать, потому что урядникъ велъ допросъ шепотомъ. Послѣ допроса урядникъ вошелъ въ горницу съ строгимъ видомъ и, отведя батюшку въ сторону, что-то таинственно излагалъ. О. Порфирій даже отшатнулся и воскликнулъ:

— Не можетъ быть! Клевета!

— Допросите сами,—тихо сказалъ урядникъ и удалился въ слѣдующую комнату, затворивъ за собою дверь. А батюшка искалъ глазами сына и, не находя его, обратился къ женѣ:

— Мать! Анисья показала на Осю, будто онъ...

— Что ты, отецъ! Что ты, Богъ съ тобой! Ося такой скромный... красная дѣвушка...

— Да вотъ... что подѣлаешь?—И о. Порфирій развелъ руками.—Гдѣ онъ?.. Осипъ! Ося!

— Вонъ идетъ къ училищу...

— Ося! вернись... На одну минуту,—кричалъ о. Порфирій съ балкона.

И, когда сынъ вошелъ, отецъ началъ:

— Говорятъ, будто Любка... будто ты... будто твой онъ... тамъ въ кухнѣ-то, въ зыбкѣ... Правда?

У Осипа ноги дрожали, онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно и не могъ открыть рта.

— Ну, что же, говори!

— Не... не знаю...

— Какъ не знаешь?,. Было дѣло?

— Бы...—И Осипъ не договорилъ.

— Ахъ, Осипъ, Осипъ... Голову ты съ насъ снялъ! Ну какъ теперь быть? Какъ быть?.. А-яй, а-яй!..

Всѣ растерялись, не имѣя силъ поднять глазъ другъ на друга; матушка плакала, причитывая:

— Зарѣзалъ! Зарѣзалъ насъ... отца съ матерью... И когда это? когда?—причитывала она.—Кажется, глазъ съ тебя не спускала... А ты?.. О, хо-хо... Что съ нами будетъ! Сраму— на весь вѣкъ... Несчастные мы...

Урядникъ громко и сухо прокашлялся, подавая тѣмъ знакъ, что пора ужъ окончить семейные переговоры.

О. Порфирій вошелъ къ нему.

— Ну что, какъ?—дѣловито спрашивалъ урядникъ, звуча шпорами и заложивъ руки за спину, по манерѣ исправника.

— Да что, Кузьма Яковлевичъ, хуже-то и нельзя... Просто головы не приложу!

— Дѣйствительно, дѣльце... того... не красивое. Если преосвященный узнаетъ, то на священство вашему сыну плохая надежда.

— Да, да... правила церковныя... конечно. Развѣ законъ перейдешь?—вздыхалъ батюшка.—Строгія правила...

— А если жениться на Любкѣ?—соображалъ урядникъ не безъ ехидства.

— На мужичкѣ-то? Что вы, Кузьма Яковлевичъ? Развѣ это подходитъ къ священнику? Надо брать невѣсту изъ своего круга. Какая же она ему пара?

— А ежели она — невинная была?— ставилъ вопросъ урядникъ.

— Кто-же это можетъ доказать?—защищался о. Порфирій.

Они готовы были заспорить. Вскорѣ появилась на столѣ водка и закуска.

— Эхъ, съ горя выпить, что-ли!— воскликнулъ хозяинъ и сталъ угощать Кузьму Яковлевича съ большимъ усердіемъ.

Урядникъ скоро оттаялъ, и хотя продолжалъ говорить: „Да, дѣло... дѣло“, но тонъ перемѣнилъ, а потомъ обнадежилъ:

— Все-таки не такое, чтобы не разжевать его...

— Помогите, Кузьма Яковлевичъ, вы—человѣкъ опытный.

— Дѣло бывалое... Но только...

— Да ужъ не постою...—О. Порфирій отвернулся и, позвякавъ золотыми, ухватилъ руку Кузьмы Яковлевича, который, послѣ батюшкинаго рукопожатія, полѣзъ въ карманъ за платкомъ и отеръ потъ съ лица. Черезъ минуту онъ заговорилъ сочувственно:

— По французскимъ законамъ отца искать не полагается.

— Такъ... такъ... — радовался о. Порфирій, пожирая глазами Кузьму Яковлевича и искренно завидуя французамъ. А урядникъ продолжалъ:

— По русскимъ... тоже самое... можетъ быть...

— Такъ... такъ...

— И она, кажется, не ищетъ... Любка-то?

— Да, да...

— И, значитъ, все прекрасно!

О. Порфирій даже хлопнулъ себя по бедрамъ,—до того все просто оказалось. А урядникъ развивалъ свои мысли:

— И на воспитаніе не придется расходоваться...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? — возразилъ о. Порфирій. — Мы всегда готовы... Ну тамъ три рубля въ мѣсяцъ... или какъ...

— Да кому будете выдавать?—спрашивалъ урядникъ.

— Любкѣ, конечно.

— Да почему именно Любкѣ? Почему не Марьѣ, не Дарьѣ, а непремѣнно Любкѣ?

— А кому-же? Чай, она мать.

— А почему она мать? Вѣдь это же неизвѣстно, оффиціально неизвѣстно... И можно ее оффиціально не розыскивать...

О. Порфирій потеръ себѣ лобъ и, когда мысли его прояснились, воскликнулъ:

— Въ самомъ дѣлѣ!.. Кузьма Яковлевичъ, скажите, ради Бога, гдѣ вы образованіе получили?

— Я-то?.. О, батюшка, долга пѣсня—все разсказывать...

— У васъ, можно сказать, умъ—неограниченный,—льстилъ о. Порфирій.—И даже удивительно, почему такое несоотвѣтствіе между вашими познаніями и должностью...

— Скоро, батюшка, становымъ буду... Скоро!—И гость похлопалъ хозяина дружески по плечу.—Уже представленъ къ повышенію... Скоро, мѣсяца черезъ полтора...

— Слава Богу...

— Слава Богу...

Они еще и еще выпили. Наконецъ урядникъ сказалъ:

— А младенца-то все-таки надо... какъ это у васъ говорится по духовному?.. присоединить въ лоно православной церкви...

— Да, да... Какое же дать ему имя, Кузьма Яковлевичъ?—совѣщался о. Порфирій.

— Думаю по дѣду... какъ обыкновенно водится...

— Ну нѣтъ, не желаю...

— Тогда по отцу?

— Тоже не... Нѣтъ ужъ лучше—какъ судьба укажетъ... По календарю... Первое имя сего числа... О. Порфирій сталъ рыться въ святцахъ и потомъ громко воскликнулъ:

— Самсонъ!

— Ну и пусть будетъ Самсономъ!—подтвердилъ урядникъ.—Но главное не въ томъ, а гдѣ онъ будетъ жить?

— Кто?

— Да Самсонъ-то.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Урядникъ облегчалъ мысли батюшки:

— Можно въ воспитательный... Можно и на кухнѣ воспитывать.

— Что же лучше?

— И то и другое, по-моему, хорошо. Но лучше спросить отца... Эй, отецъ!—зашутилъ уже урядникъ.—Ваше мнѣніе какое? Да вы пожалуйте сюда... Дѣло житейское, нечего закрываться рукой.

Осипъ двигался съ такой неохотой, точно его тянули за шею на арканѣ.

— Ребеночкомъ-то какъ желаете распорядиться:—съ собой его возьмете въ приходъ и еще какъ?

Осипъ Порфирьевичъ побагровѣлъ и отвернулся, а урядникъ допекалъ:

— Не понравится, пожалуй, ей... будущей матушкѣ-то вашей... Агніи... какъ ее по отчеству?

— Агнія Васильевна,—подсказалъ о. Порфирій.

— Не понравится, говорю, Агніи Васильевнѣ.

Матушка Анна Михайловна, наконецъ, потеряла терпѣнье и вступилась:

— Да что это вы издѣваетесь? Да чего пристаете къ нему? Что онъ вамъ дался? Чай, видите, каково ему, сердешному... Пора бы и прекратить... А я вамъ вотъ что скажу: Любку возьму къ себѣ въ кухарки... И пусть она живетъ у насъ... И пусть... Вотъ и все...

— Внучка желаете, матушка, воспитать? язвилъ урядникъ.

— А что же такое? Ну, внучка!.. Вамъ-то какое дѣло?

— Намъ-то все единственно... Какъ другіе къ этому отнесутся?

— А мнѣ наплевать! Вотъ и все!

— А Цвѣтаевы что скажутъ?

— Можемъ другую невѣсту засватать... въ другой даже епархіи.

— Мамаша!—перебилъ сынъ.—Я ужъ сдѣлалъ предложеніе.

— И, конечно, получилъ согласіе,—добавилъ урядникъ и не встрѣтилъ возраженія.

— Поторопились,—замѣтилъ о. Порфирій хмуро.

Всѣ стали думать; наступило молчаніе.

— Ну это дѣло будущаго,—заговорилъ Кузьма Яковлевичъ, стряхивая пепелъ съ папиросы.—А сейчасъ надо крестинами заняться... Медлить нечего... Кумъ на лицо.

— Кто?—спрашивалъ о. Порфирій.

— Да вотъ!—указывалъ на Осипа Порфирьевича урядникъ.—Чай не откажется.

Осипъ мялся. Замѣтно и отцу съ матерью этого тоже не хотѣлось. Урядникъ продолжалъ:

— Кума—Анисья.

— Анисья—такъ, это ничего... А вотъ кумъ... Да не лучше-ли быть кумомъ еще кому?—думалъ вслухъ о. Порфирій.

— Я могу...—вызвался урядникъ.

— Но??

— Что же въ томъ зазорнаго?.. Только, конечно...

О. Порфирій снова пошевырялся въ портмонэ и недовольно сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ лучше пусть работникъ...

— Что, или дорого обходятся крестины?.. Да я бы и такъ... изъ чести...

О. Порфирій подумалъ немного и наконецъ, рѣшительно махнувъ рукой, сказалъ:

— Нѣтъ ужъ, пусть Трофимъ!

Принесли купель, налили холодной воды, зажгли

свѣчи... Анисья замѣтно, немного принарядилась и, какъ настоящая кума, вдохновенно держала ребенка въ розовомъ одѣяльцѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ когда-то крестили Осипа Порфирьевича. Трофимъ стоялъ около Анисьи, безсмысленно выпучивъ глаза, и сморкался въ полу армяка, подпоясаннаго зеленымъ кушакомъ. Онъ соображалъ: давать или не давать батюшкѣ полтину за крестины, и каравай, какъ водится?

— Какъ будто-сь, я кумъ... Но, кажись, всѣ тутъ даромъ... Даже и дьячокъ... Не дамъ! Ничего не дамъ!

Матушка роняла слезы. Урядникъ молился, какъ исправникъ.

Дьячекъ Серафимычъ механически выводилъ старческимъ голосомъ и поглядывалъ въ другую комнату, гдѣ, свѣсивъ голову, сидѣлъ отецъ маленькаго Самсона, будущій о. Іосифъ.

Послѣ крестинъ выпили также, какъ и до крестинъ, причемъ урядникъ очень хлопоталъ передъ родителями, чтобы они разрѣшили своему сыну выпить какъ слѣдуетъ:

— Потому что онъ ужъ, можно сказать, вполнѣ доказалъ свою самостоятельность... Ну, выпьемъ, что-ли, цѣломудренный о. Іосифъ? Надо тебя поздравить,—уже совсѣмъ безцеремонничалъ урядникъ.—Пей, горе-то какъ рукой сниметъ.

Осипъ Порфирьевичъ до того угобзился, что сталъ отшучиваться и даже назвалъ стараго урядника Пентефріемъ.

Онъ былъ веселъ... А его ребенокъ, уже безъ розоваго покрывала, пищалъ въ кухнѣ, куда матушка по случаю крестинъ выслала за труды работнику и работницѣ ложечку чаю и шесть кусковъ сахару. Трофимъ дулъ на блюдечко и спрашивалъ Анисью:

— А гдѣ таперь Любка?

Анисья молчала...

---

* * *

Какъ-то грустно, и не вѣрится
Ни во что... И надъ душой
Какъ туманъ забвенье стелется
Мягкой, мягкой пеленой.
Вотъ окутало, обвилося,
И ласкаетъ, и томитъ...
Полно, что-бы ни случилося,
Все забвенье схоронитъ!
Зачаруетъ тихой сказкою,
Убаюкаетъ шутя,
И заснетъ, согрѣто ласкою,
Сердце—бѣдное дитя!

Наталья Крандіевская.

Наша дешевая литература.

(*Продолженіе*).

Возьмите любой каталогъ дешевыхъ народныхъ изданій, взгляните на него, вы сейчасъ же увидите, что чаще всего попадается на страницахъ его имя издателя Сытина; это самый популярный издатель книгъ для народа, выпускающій ежегодно милліонами книги для обращенія въ народной средѣ. Популярнымъ онъ сталъ, какъ извѣстно, съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ вошла въ сношенія фирма „Посредникъ". Торговля Сытина имѣетъ свои отдѣленія въ различныхъ городахъ; издательство же его сосредоточено въ Москвѣ, гдѣ онъ и содержитъ у Ильинскихъ воротъ оптовую торговлю. Изданія Сытина очень многочисленны и разнообразны; часть ихъ все еще носитъ свой чисто-лубочный характеръ; другія, напротивъ, вполнѣ „интеллигентны", если можно такъ выразиться, и по внѣшности, и по содержанію (черезъ посредство Сытина, напр., выходятъ въ печать изданія комиссіи домашняго чтенія, т. е. учебники для самообразованія) и, наконецъ, нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, т. е. изданія лубочныя, но выбранныя, просмотрѣнныя и исправленныя людьми интеллигентными и, слѣдовательно, по содержанію своему не имѣющія ничего такого, за что можно было бы забраковать ту или иную книгу. Вотъ этотъ переходный элементъ всегда заслуживаетъ вниманія и въ немъ очень важно разобраться всѣмъ, кто имѣетъ дѣло съ дешевой литературой. Въ числѣ изданій Сытина вы найдете много такого, чего не ожидали найти; вотъ, напр., среди дѣтскихъ книжекъ одна, предназначенная для маленькихъ дѣтей, содержащая очень удачный подборъ дѣтскихъ стиховъ и пѣсенокъ; вы видите, что сборникъ этотъ составленъ г-жей Урсыновичъ, человѣкомъ интеллигентнымъ и знающимъ дѣтей и народъ; ея же перу принадлежитъ одна изъ лучшихъ передѣлокъ Робинзона Крузе, также изданная Сытинымъ; въ числѣ сытинскихъ

изданій попадается рядъ очень недурныхъ дѣтскихъ книжекъ (напр. „Школьные товарищи“ по Амичису, „Безъ семьи“ по Мало и др.), также цѣлое множество книгъ съ картинками по дешевой цѣнѣ. Благодаря ему, такимъ образомъ, книги съ картинами (и притомъ раскрашенными), считавшіяся до сихъ поръ привилегіей богатыхъ дѣтей, демократизировались и стали попадать и въ руки крестьянскихъ ребятъ, къ великой радости послѣднихъ. Сытинымъ же изданы, и изданы очень опрятно, сказки Андерсена въ полномъ и сокращенномъ видѣ, сказки Афанасьева, сказки Гримма, дешевое изданіе сочиненій Пушкина и другихъ писателей и многое другое. За Сытинымъ надо признать большую заслугу въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія путемъ литературы; имъ выпущена въ свѣтъ и пущена въ обращеніе народа масса различныхъ книгъ; не ищите у него послѣдовательности или какой-нибудь программы, общей идеи въ его изданіяхъ; вѣдь это не интеллигентный издатель, не Павленковъ, и работа его не идейная работа, а лишь обширное коммерческое предпріятіе; но въ огромномъ количествѣ и разнообразіи его изданій, среди плевеловъ и сора, вы найдете много хорошаго и порядочнаго, благодаря тому, что нѣкоторые отдѣлы изданій поручались имъ время отъ времени лицамъ интеллигентнымъ. Тѣсно связаннымъ съ Сытинымъ является издательство „Посредникъ“; одно время изданія „Посредника“ были оффиціально запрещены, они не обозначались тогда на обложкахъ книжекъ, а выходили въ числѣ прочихъ изданій Сытина, причемъ отличить серію изданій „Посредника“ можно было лишь по №№, которые проставлялись на внутренней сторонѣ обложки. Въ настоящее время изданія Посредника снова выходятъ самостоятельно, лишь черезъ посредство станка Сытина. „Посредникъ“ со времени своего основанія, т. е. съ 1885 года, работаетъ не уставая, но программа его расширилась, беллетристическій отдѣлъ за послѣднее время пополнился цѣлымъ рядомъ переводовъ произведеній иностранной литературы (Додэ, Мопассана, Оржешко, Зудермана, Троллопа, Сенкевича), причемъ выбраны большею частью небольшія короткія вещи, не требующія сокращеній; кромѣ того, значительно расширенъ отдѣлъ прикладныхъ знаній (медицины, гигіены, сельскаго хозяйства); наряду съ изданіями для народа, „Посредникомъ“ ведется отдѣлъ изданій для интеллигентныхъ читателей, заключающій въ себѣ рядъ небольшихъ книжекъ беллетристическаго и научнаго содержанія, освѣщающихъ въ общемъ основные взгляды Л. Н. Толстого (его взгляды на бракъ, на искусство, на вегетеріанство, алкоголизмъ, и другіе вопросы).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ главнымъ издателемъ фирмы „Посредникъ“ Ив. Ив. Горбуновымъ-Посадовымъ предприняты двѣ новыя серіи изданій; одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ „Библіотеки для дѣтей и юношества“; другая носитъ общее

названіе „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь". Первая изъ этихъ двухъ серій заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ разсказовъ, повѣстей, стихотвореній, сборниковъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ, преимущественно заимствованныхъ или переведенныхъ съ иностранной литературы для дѣтей (съ англійской, французской, шведской, нѣмецкой, итальянской, датской и др.); книги эти по цѣнѣ, внѣшности, языку представляютъ собой нѣчто среднее между дорогими и дешевыми дѣтскими книгами, которыя мы видѣли до сихъ поръ; онѣ всѣ имѣютъ очень опрятную внѣшность, всѣ иллюстрированы; цѣны ихъ болѣе чѣмъ умѣренныя (30, 40, 50, 60 к.), такъ что онѣ могутъ быть пріобрѣтены и небогатой семьей, и школой; это не богатыя Девріеновскія изданія по 3 р., 3 р. 50 к. за книжку, но и не копеечныя книжки, т. к. это не листовки, а довольно значительныя по объему книжки; по содержанію—всѣ онѣ безусловно являются вполнѣ для дѣтей подходящими, и большая часть изъ нихъ одинаково и дѣтямъ изъ интеллигентной среды, и изъ народа, хотя для первыхъ ихъ больше, такъ какъ маленькихъ деревенскихъ читателей будутъ, безъ сомнѣнія, затруднять иностранныя имена, а отчасти и языкъ.

Серія „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь" состоитъ изъ цѣлаго ряда книгъ по самымъ различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства (по земледѣлію, скотоводству, ремесламъ, ветеринаріи, медицинѣ, гигіенѣ и пр.); книжки составлены спеціалистами и вполнѣ доступны деревенской читающей публикѣ по изложенію и по цѣнѣ (отъ 2-хъ до 20 коп.).

Обѣ серіи изданій Горбунова-Посадова отвѣчаютъ насущнымъ потребностямъ дешевой литературы и пополняютъ собой два пробѣла, на которые, не разъ, указывалось критикой, и которые настоятельно требовали удовлетворенія: пробѣлъ въ хорошихъ книгахъ для дѣтей и юношества и въ книгахъ практическаго содержанія для крестьянъ; весьма удачной надо признать идею Г.-П., обратиться за пополненіемъ нашей дѣтской литературы къ литературѣ иностранной, а также идею изданія дешевыхъ книгъ по серіямъ; въ подобныхъ „серіяхъ" изданій особенно нуждается дешевая литература, до сихъ поръ страдающая въ значительной степени безпорядочностью, случайностью и какой-то хаотичностью. Слабой стороной Посредника являлась съ самаго начала излишняя тенденціозность въ подборѣ произведеній для беллетристическаго отдѣла; ради основной тенденціи изданій, выраженныхъ ими въ началѣ дѣятельности, издатели напечатали много очень слабыхъ произведеній, словно написанныхъ на заданную тему, въ которыхъ фабула сшита бѣлыми нитками и часто нѣтъ ни намека на художественность; такія книжки не могутъ имѣть на читателей большого вліянія; къ числу ихъ мы относимъ книжки „Лихой врагъ", „Искра любви",

„Передъ людьми“, многіе изъ разсказовъ Журавова, Семенова и друг.

Существующее съ нѣкотораго времени въ Петербургѣ книгоиздательство О. Н.Поповой, выпустило цѣлый рядъ хорошихъ книгъ для дѣтскаго чтенія и для юношества, а также серію дешевыхъ (по 3, по 4 коп.) книгъ для народнаго чтенія; серія эта заключаетъ 52 книги; послѣдняя изъ нихъ вышла въ 1899 году, и съ тѣхъ поръ народныхъ книжекъ фирма Поповой уже не издавала. Почти всѣ книжки серіи—произведенія беллетристическія (дѣлового содержанія лишь 4 брошюры: „Кукушка“ Кайгородова, его же „Дерево и его жизнь“, Бернштейнъ „Очерки по міровѣдѣнію“, Реклю „Земля и человѣкъ“), принадлежащія перу лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей,—по содержанію своему затрагивающія народную жизнь или деревенскаго люда, или городской бѣдноты; это не передѣлки, а все произведенія полныя; всѣ книжки снабжены внизу страницъ выносками, въ которыхъ дается переводъ иностранныхъ словъ; изъ книжекъ беллетристическаго содержанія укажемъ на слѣдующія: рядъ разсказовъ Успенскаго (Будка, Книжка чековъ, Про счастливыхъ людей, Нужда пѣсенки поетъ, Неизлѣчимый), очень удачно выбранныхъ и за которыя фирмѣ надо болѣе всего сказать спасибо, Станюковича, Нефедова, Наумова, Потапенко, а изъ произведеній иностранныхъ писателей—разсказы Франко, нѣсколько прекрасныхъ по идеѣ разсказовъ Мопассана (изъ франко-прусской войны), Скрама и Гейерстрама (со шведскаго). По сравненію съ изданіями прежнихъ лѣтъ изданія Поповой представляютъ слѣдующія особенности: Попова издаетъ не только Пушкина, Лермонтова, Гоголя, какъ это приходилось дѣлать первымъ интеллигентнымъ издательскимъ фирмамъ, впервые знакомившимъ народъ съ его писателями—классиками, а также произведенія новѣйшихъ писателей и знакомитъ читателей и съ современными иностранными писателями; при выборѣ сюжетовъ незамѣтно какой-нибудь узкой тенденціи, а тѣмъ болѣе тенденціи морализировать, а отмѣчаются лишь произведенія, проводящія идеи гуманности, справедливости (напр., произведенія Мопассана противъ войны, Нефедова противъ кулачества и т. д.). Мы слышали въ кружкѣ лицъ, занимавшихся изученіемъ дешевой литературы, пренія по поводу книги „Погибшая жизнь“ Гейерстрама (шведскаго писателя), споры касались вопроса, желательно-ли давать народу такія книги, производящія самое тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, притомъ неотразимое, благодаря таланту автора, и могущія въ силу этого развить лишь пессимизмъ, влить въ душу читателя горечь, вмѣсто того, чтобы внушить имъ бодрость. Содержаніе разсказа вкратцѣ таково: герой его, рабочій съ нѣжной и чуткой душой, собственноручно убиваетъ своего горячо-любимаго сына, чтобъ избавить послѣдняго отъ ожидающей его пытки жизни, которую несъ онъ, и несутъ всѣ бѣдняки. Ду-

шевное состояніе этого человѣка въ теченіе всей его жизни, а въ особенности въ моментъ совершенія убійства и послѣ, нарисованы съ необыкновеннымъ мастерствомъ, такъ что читатель испытываетъ ужасъ, ощущаемый имъ почти физически, какъ бы при реальномъ созерцаніи всего изображаемаго авторомъ. Дѣйствительно, страшно за читателя, который, и безъ того подавленый нуждой, искалъ можетъ быть въ книгѣ забвенія или какого-нибудь исхода, отвѣта на свои вопросы, а вмѣсто этого увидѣлъ лишь какъ-бы въ зеркалѣ свою душу въ самые горькіе моменты жизни. Но дѣло даже не въ этомъ; мы склонны думать, что это чувство страха за читателя-бѣдняка есть, пожалуй, пережитокъ того покровительственнаго отношенія къ народу, которое было такъ распространено; нельзя искать въ книгѣ отрадныхъ впечатлѣній; современная литература прежде всего реальна и служитъ изображеніемъ дѣйствительной жизни со всѣми ея мрачными сторонами, а слѣдовательно тяжелыя впечатлѣнія, доставленныя ею, неминуемы; дѣло, повторяемъ мы, не въ томъ, что картина, рисуемая авторомъ „Погибшей жизни", такъ безотрадна, а въ томъ, что въ этомъ разсказѣ въ значительной степени играетъ роль мистическій элементъ, какой-то рокъ виситъ надъ бѣднымъ Литомъ, толкаетъ его туда, куда онъ не хотѣлъ-бы итти; въ простомъ народѣ, еще въ значительной степени опутанномъ различными суевѣріями, еще только теперь выходящемъ изъ лѣса, и безъ того достаточно мистицизма, и поэтому мы находимъ необходимымъ изгонять всякій мистицизмъ изъ литературы, для него предназначающейся. Изъ числа изданій Поповой должна быть отмѣчена книжка „Думы и пѣсни", заключающая въ себѣ весьма удачный подборъ стихотвореній.

Видное мѣсто среди издателей литературы для народа занимаетъ Ф. Ф. Павленковъ. Дѣятельность этого замѣчательнаго, *идейнаго* въ полномъ смыслѣ этого слова работника слишкомъ извѣстна въ Россіи, чтобъ намъ нужно было на ней здѣсь останавливаться. Кто не знаетъ Павленковскихъ изданій? есть ли хоть одна библіотека—публичная, народная, школьная, частная, на полкахъ которой не было бы значительнаго числа этихъ, такъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ желтыхъ книжекъ изданія Павленкова? Все, что издано Павленковымъ въ теченіе его долголѣтней неутомимой издательской дѣятельности, отмѣчено было всегда строгимъ выборомъ: всѣ его изданія содержательны, симпатичны по направленію и доступны широкому кругу читателей. Дешевизна его изданій прямо замѣчательна. Благодаря своему умѣнью выбрать въ данный моментъ книгу, наиболѣе соотвѣтствующую настроенію публики, благодаря умѣнью привлечь къ дѣлу лучшія силы, его изданія расходились всегда въ огромномъ количествѣ что давало возможность ему удешевлять свои изданія до послѣдней степени. Изданія Павленкова захватываютъ цѣликомъ

интересы самаго большого круга читателей—дѣтей, юношества, народа и всѣхъ тѣхъ, кому еще недоступна настоящая научная книга. Первой изданной имъ книгой была составленная имъ самимъ Наглядная азбука, затѣмъ шелъ рядъ дѣтскихъ книгъ и книгъ для самообразованія (Электричество въ домашнемъ быту, Научныя развлеченія, Мученики науки и др.), затѣмъ полныя собранія сочиненій большихъ авторовъ нашихъ и иностранныхъ (Павленковымъ изданы полныя собранія сочиненій Пушкина, Лермонтова, Успенскаго, Рѣшетникова, Писарева, Шелгунова, Гюго, Диккенса и др.), біографическая библіотека, заключающая въ отдѣльныхъ книжкахъ біографіи всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей литературы и науки, дешевый энциклопедическій словарь, популярно-научная библіотека Лункевича и др. Извѣстно завѣщаніе Павленкова, въ силу котораго его издательская дѣятельность продолжается его душеприказчиками, и имъ же поручена организація 250 народныхъ библіотекъ на средства, оставленныя покойнымъ.

Весьма симпатичными по направленію являются недавно начавшія свою дѣятельность фирмы Орѣховой и Раппъ и Потаповой, выпустившія въ дешевыхъ изданіяхъ отрывки изъ прекрасныхъ очерковъ Мельшина „Въ мірѣ отверженныхъ", нѣсколько разсказовъ Дмитріевой, Чирикова, Горькаго, Рубакина и вообще знакомящіе народъ съ произведеніями современныхъ писателей, опять-таки затрогивающими по преимуществу народную жизнь. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, подобранныхъ названными фирмами для дешеваго изданія въ серіи, объединенныя одной идеей, сказывается духъ времени: многіе изъ разсказовъ современныхъ беллетристовъ, хотя и не были написаны авторами спеціально для народа, но по своей формѣ, оборотамъ рѣчи, языку такъ просты и доступны, какъ будто современные беллетристы чуютъ, что кругъ читателей ихъ ростетъ, и что имъ надо писать не для кучки избранныхъ, а для „большого свѣта" (le vrai grand monde — выраженіе Толстого изъ его романа „Воскресеніе"). Многія изъ этихъ книгъ снабжены выносками внизу страницы, заключающими объясненія иностранныхъ и вообще непонятныхъ для необразованнаго человѣка словъ; это очень полезная вещь, много облегчающая пониманіе прочитаннаго.

Желательно было бы, чтобы и всѣ издатели дешевыхъ книгъ приняли это за правило, такъ какъ непонятныя слова, какъ на это настойчиво указываетъ Ан—скій, порой дѣлаютъ книгу совершенно недоступной для читателя. Вотъ, напр., передъ нами разсказъ Потапенко „Ахметка Саратовскій" въ дешевомъ изданіи Поповой. По сюжету выборъ весьма удачный (разсказъ рисуетъ трудъ крючниковъ на Волгѣ и смерть одного изъ нихъ—татарина Ахметки въ Саратовѣ), но, конечно, для читателя съ элементарнымъ лишь образованіемъ и незнакомаго съ иностранными

языками будутъ звучать тарабарщиной слѣдующія слова: гармонія, мелодія, фа-ми-до-ре, доминантъ-аккордъ и др., оставленныя издателемъ безъ объясненій. Но и по поводу объясненій словъ слѣдовало бы дающимъ ихъ подумать о наилучшей формѣ этихъ объясненій: очень краткія, напоминающія опредѣленіе, объясненія, не всегда могутъ удовлетворить читателя, и, по прочтеніи ихъ, онъ рискуетъ остаться по поводу непонятаго имъ слова въ такомъ же недоумѣніи. Обращаетъ на себя вниманіе издательская дѣятельность Харьковскаго Комитета Грамотности. Х. К. Гр. далъ болѣе 70 дешевыхъ изданій, въ число которыхъ входятъ вещи, очень удачно подобранныя, напр., передѣлка романа Бальзака „Тайна богатой наслѣдницы" подъ названіемъ „Народный дворецъ"; „Очерки американской жизни" съ біографіей Купера, очень хорошо составленная книжка „Швейцарія", затѣмъ весьма содержательные „Разсказы о доисторическомъ бытѣ", сдѣлавшійся вскорѣ по выходѣ весьма популярнымъ разсказъ: „Страшная смерть невиннаго человѣка" и др. Въ общемъ изданія Х. К. Гр. весьма разнообразны,—въ число ихъ входятъ беллетристическія произведенія, біографіи, этнографическіе очерки и цѣлый рядъ книжекъ по гигіенѣ (бесѣды врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ). Тогда какъ большая часть современныхъ издательскихъ фирмъ (Раппъ и Потаповой, Поповой, Донская рѣчь, о которой мы будемъ говорить ниже) издаютъ беллетристику для взрослыхъ, въ изданіяхъ Харьк. К. Гр. преобладаютъ книги дѣлового содержанія, а беллетристика, какъ и всѣ другія книги, является наиболѣе подходящей для читателей школьнаго возраста или скорѣе для окончившихъ курсъ начальной школы. Школьной и окончившей школу молодежи посвящаетъ свое изданіе Слѣпцова, оно носитъ названіе „Книжка за книжкой"; самое названіе этой серіи или, вѣрнѣе, серій книжекъ указываетъ на то, что онѣ представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ журнала, такъ какъ книжки слѣдуютъ одна за другой. Книжки по содержанію разнообразны; есть рядъ разсказовъ и повѣстей; есть много очерковъ по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Наиболѣе удачными, по нашему мнѣнію, являются слѣдующіе: „Откуда взялись камни на нашихъ поляхъ" (краткая геологія), „Разсказы о землѣ Аравійской", заключающіе живыя картинныя описанія природы, а также быта и нравовъ людей, такого же рода книжка „По Средиземному морю", иллюстрированная между прочимъ очень хорошо, тонко выполненными рисунками (виды береговъ Средиземнаго моря); затѣмъ небольшіе, очень живо написанные очерки: „Дерево здоровья" (Хинное дерево), „Муравей чудодѣй", „И въ червѣ толкъ—отъ червя шелкъ", „Жилища и нравы птицъ"—довольно толстая книжка, составленная преимущественно по Вуду и др.; въ беллетристическомъ отдѣлѣ помѣщенъ рядъ также недурныхъ

разсказовъ и повѣстей, по преимуществу изъ народнаго быта, какъ, напр., „Кормилецъ“ Мамина-Сибиряка, трогательный и драматическій, за душу хватающій разсказъ о смерти малютки, погибшаго во время работы на заводѣ оттого, что онъ, не будучи въ состояніи преодолѣть своего сна, уснулъ подъ краномъ машины, откуда его соннаго и обдало кипяткомъ. „Пріемышъ отца Веденѣя“—жизнь мальчика бродяги и нѣкоторые другіе. Въ изданіи „Книжка за книжкой“ впервые появились популярныя книжки новаго рода, еще не встрѣчавшіяся въ другихъ изданіяхъ, а именно: поясненія историческаго, эстетическаго, критическаго характера къ литературнымъ произведеніямъ; такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь „Короля Лира“ Шекспира съ поясненіями, которыя заключаютъ въ себѣ и историческое освѣщеніе эпохи (не совсѣмъ, впрочемъ, удачно составленное). Въ одной изъ книжекъ помѣщена въ сокращенномъ видѣ поэма „Рустемъ и Зорабъ“ въ переводѣ Жуковскаго, и вслѣдъ за нею въ книжкѣ подъ названіемъ „Поздній даръ“ помѣщены комментаріи къ этой поэмѣ, а именно: біографія поэта Фирдуси, автора поэмы, историческій очеркъ Ирана, разборъ самого произведенія, оцѣнка характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ поступковъ съ точки зрѣнія современной этики, причемъ авторъ въ рядѣ общихъ разсужденій выясняетъ разницу между идеалами прошлыхъ вѣковъ и современными, сопоставляя преклоненіе передъ физической силой, хитрость, вѣроломство, какъ обычныя свойства въ старину, и космополитизмъ, уваженіе личности, возвеличеніе правды въ наше время; тутъ же говорится о національномъ сознаніи каждаго народа, о народности, о заимствованіяхъ однимъ народомъ у другого и т. д. Короче говоря, „Поздній даръ“ представляетъ собой экскурсію въ область исторіи литературы и критики—область, которая до сихъ поръ еще не вводилась въ народную литературу, хотя и очень желательна.

Рядъ прекрасныхъ, занимательныхъ и дѣльныхъ книжекъ для юношества дала библіотека „Юнаго Читателя“, „Всходовъ“, а для маленькихъ дѣтей много недурныхъ книжекъ издано подъ общимъ названіемъ „библіотеки для маленькихъ дѣтей“ Лавровой и Поповой.

Три года тому назадъ въ Петербургѣ начало свою дѣятельность книгоиздательство Алексѣева и Гершунина; оно издало рядъ книгъ, составленныхъ для народа Н. А. Рубакинымъ, разборъ которыхъ мы даемъ ниже, а также „Разсказы изъ исторіи Англіи“, Быковой.

Издательство Курнина и Стаханова въ Москвѣ дало нѣсколько недорогихъ дѣтскихъ книжекъ и нѣсколько порядочныхъ книжекъ по исторіи, изъ числа которыхъ необходимо отмѣтить книгу: „Какъ сложилось и пало крѣпостное право на Руси“ Князькова; это одна изъ немногихъ среди дешевыхъ изданій

книгъ по исторіи, дающая картину внутренней жизни Россіи политической и общественной, а по изложенію, пожалуй; единственная изъ дешевыхъ книгъ по исторіи Россіи, дающая нѣчто большее, чѣмъ наивные разсказы о царяхъ и войнахъ, о смутахъ и междуцарствіяхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ появилась въ печати серія маленькихъ дешевыхъ книжекъ по всеобщей исторіи, на обложкахъ которыхъ значилось, что это изданіе кружка профессоровъ, *„подъ редакціей В. И. Герье"*. Вниманіе публики было привлечено такимъ заголовкомъ, обѣщавшимъ очень много. Казалось бы, что отъ изданія подъ такимъ флагомъ надо было ожидать лишь самаго лучшаго содержанія; но каково же было наше разочарованіе, когда мы познакомились съ содержаніемъ этихъ книжекъ! Достаточно было однако прочесть предисловіе къ этой серіи за подписью профессора Герье, чтобы получить о нихъ настоящее представленіе; мы отсылаемъ читателя къ этому предисловію: оно говоритъ само за себя, не требуя комментарій. И содержаніе книжекъ, и выборъ темъ вполнѣ гармонируютъ съ предисловіемъ. Изъ всего пространства всемірной исторіи матеріаломъ для одной изъ первыхъ книжекъ взята жизнь Людовика Святого, котораго авторъ восхваляетъ за его благочестіе, и за участіе въ крестовомъ походѣ—все это съ самой узкой, внѣшней точки зрѣнія. Остальныя книжки серіи въ такомъ же родѣ, и заслуживаютъ лишь полнаго порицанія.

Изданія Герье не слѣдуетъ смѣшивать съ изданіями коммиссіи при Учебномъ Отдѣлѣ Императорскаго Техническаго Общества, выпустившей нѣсколько книжекъ по исторіи и географіи, довольно содержательныхъ, страдающихъ лишь нѣкоторой сухостью изложенія. Въ такомъ же духѣ составленъ рядъ довольно интересныхъ очерковъ по этнографіи (Разные народы), подъ ред. А. Ивановскаго.

Послѣднее время оживилась издательская дѣятельность „Товарищества Общественная польза" въ Петербургѣ; имъ напечатаны отдѣльными книжками съ иллюстраціями (всего 40 брошюръ) извлеченіе изъ „Жизни животныхъ" Брэма, подъ редакціей Сентъ-Илера, а также переизданы разсказы Толстого изъ Ясной Поляны (всего 12 книжекъ), о которыхъ мы говорили выше, и 2 серіи книжекъ Калмыковой: „Жизнь прежде и теперь" и „Силы природы и трудъ человѣка". Изданія Вятскаго Губернскаго Земства обращаютъ на себя вниманіе дешевизной, очень опрятной внѣшностью и удачнымъ подборомъ книгъ; таковы же изданія „Вятскаго Товарищества"; послѣднимъ недавно выпущена очень полезная книжка „Какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника".

Нельзя не отмѣтить также въ числѣ новыхъ издательствъ „Школьной библіотеки" подъ редакціей Львова. „Школьной

библіотекой" изданъ рядъ книжекъ по этнографіи (изъ жизни лопарей, самоѣдовъ, норвержцевъ и др.); очерки эти читаются съ большимъ интересомъ благодаря тому, что имъ придана полубеллетристическая форма и введенъ драматическій элементъ; но эпизоды эти изъ жизни людей не случайны и вставлены не ради занимательности лишь, а вытекаютъ дѣйствительно изъ общей суммы условій жизни того народа, о которомъ идетъ рѣчь. Такова напр. исторія жизни и смерть мальчика самоѣда въ разсказѣ; благодаря этому драматическому элементу, разсказъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе, и общее представленіе о жизни самоѣдовъ вообще получается очень яркое. Книжки, подобныя школьной библіотекѣ Львова, сослужатъ большую службу школѣ; ими съ успѣхомъ могутъ быть дополнены и даже замѣнены наши скучные учебники по географіи. Наконецъ, нашъ общій обзоръ различныхъ изданій для народа мы должны закончить отзывомъ объ изданіяхъ „Товарищества Донская рѣчь"; изданія эти появились годъ тому назадъ и однако ихъ уже вышло болѣе 70 книжекъ; издатели, какъ видно изъ этого факта, повели свое дѣло энергично, и книжки ихъ расходятся съ необыкновенной быстротой; нѣкоторыя успѣли разойтись уже въ 2-хъ и 3-хъ изданіяхъ.

Перечитывая для ознакомленія съ дешевой литературой кипы маленькихъ книжекъ, составляющихъ эту литературу, мы не разъ испытывали порядочную скуку: какъ ни хороши, напр., намѣренія Посредника, какъ ни почтенна задача, которую онъ стремится провести въ жизни путемъ своихъ изданій, многія изъ его книжекъ скучны и безцвѣтны, и вы, перечитывая книжки, носящія названія болѣе или менѣе поучительныя: „Лихой врагъ" (водка), „Искра любви", читаете ихъ по обязанности, какъ бы отбывая какую-то повинность и хотя въ каждой изъ нихъ всегда проводятся хорошія мысли, и вы не можете сказать о нихъ ничего дурного, но у васъ является опасеніе: не покажутся ли онѣ скучными и народу? и насколько глубокое впечатлѣніе могутъ произвести онѣ?

Совершенно иное впечатлѣніе вынесли мы по прочтеніи книжекъ изданія „Донская Рѣчь". Вы читаете ихъ съ наслажденіемъ, совершенно забывая, что онѣ изданы для народа; по прочтеніи одной изъ нихъ, ваша рука сама тянется къ лежащей передъ вами пачкѣ изданій „Донская Рѣчь", и вы прочитываете ихъ быстро одну за другой. Огромное достоинство этихъ книжекъ въ томъ, что онѣ съ одинаковымъ интересомъ читаются и интеллигентнымъ человѣкомъ, и мужикомъ, и рабочимъ; объясняется это во 1-хъ тѣмъ, что значительная часть ихъ произведенія художественныя, и всѣ талантливыя; а во 2-хъ содержаніемъ ихъ, охватывающимъ собой современную жизнь, касающимся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, наболѣвшихъ у

каждаго въ душѣ. Родная жизнь, въ которой всѣ мы выросли и впечатлѣніями которой питаемся и теперь, развертывается постепенно передъ нами, по мѣрѣ прочтенія книжекъ „Донской Рѣчи“.

Вотъ дорожные разговоры въ вагонѣ, такіе, которые каждый изъ насъ слышалъ не разъ, о томъ, что земля не родитъ, что народъ бѣдствуетъ, голодаетъ, и что въ Сибири земля хороша. Но подъ перомъ талантливаго автора (мы говоримъ объ очеркахъ Вересаева „Въ пути“ и „Въ сухомъ туманѣ“) всѣ эти дорожныя лица воплощаются въ живые образы, а изъ ихъ разговоровъ схвачено все самое существенное, типичное, такъ что въ цѣломъ получается картина, производящая сильное впечатлѣніе. „Конецъ мужику приходитъ!“ Звучатъ у васъ въ ушахъ словно слышанные вами лично слова одного изъ собесѣдниковъ, „бородатаго мужика съ печальными, умными глазами“.

Жизнь современной русской деревни въ ея истинномъ видѣ, не прикрашенная, со всей ея ужасающей бѣдностью и послѣдствіями, изъ этой бѣдности вытекающими, рисуется во многихъ книжкахъ „Донской Рѣчи“, вотъ „деревня Печальная“ (очеркъ Бѣлоконскаго) напоминающая намъ Подлиповцевъ Рѣшетникова, вотъ безъискусственный разсказъ крестьянина Семенова „Отчего Параша не выучилась грамотѣ“, въ которомъ также изображается безъисходная бѣдность крестьянина, вотъ картина эксплуатаціи крестьянъ, работающихъ на фабрикѣ въ деревнѣ (Страховка—Бѣлоконскаго), вотъ наконецъ производящій тяжелое впечатлѣніе, несмотря на нѣкоторую долю юмора въ изложеніи— разсказъ Чирикова „Свинья“, въ которомъ идетъ рѣчь о мужикѣ, поѣхавшемъ въ городъ продавать свинью, чтобъ накормить голодныхъ дѣтей и внести часть податей, и у котораго въ полиціи отняли эту свинью въ уплату за порванные его собакой „казенные“ штаны городового; вотъ деревенская глушь зимою, и страшный вой волковъ, оглашающій дорогу изъ этой глуши на станцію ж. д., и молодой парень, безъ страха пускающійся одинъ по этой дорогѣ, и рвущійся изъ этой глуши взглянуть на свѣтъ Божій, побывать тамъ, гдѣ „разныхъ людей много“. Среди этого деревенскаго мрака и нужды встаетъ, какъ брильянтъ сверкающій среди пыли и грязи, чудный нравственный обликъ крестьянки Маѳы, (разсказъ Дмитріевой „Ее всѣ знаютъ“), въ которой вѣчная нужда и горе и порождаемая ею грубость окружающей жизни не убили ни человѣческаго достоинства, ни любви къ людямъ; она отказывается принять отъ доктора въ подарокъ бѣлый хлѣбъ для больной внучки и ухаживаетъ во время эпидеміи за родными, выгнавшими ее изъ семьи.

Въ параллель этимъ картинамъ деревенской жизни идутъ не менѣе, если не болѣе удручающія картины жизни городскихъ рабочихъ, поденщиковъ, фабричныхъ, рабочихъ въ рудникахъ,

(послѣднимъ посвящено нѣсколько книжекъ), каторжныхъ (очерки Мельшина). Вотъ несчастный больной рабочій, когда то бывшій на хорошемъ счету, послѣ болѣзни не принятый на фабрику и возвращающійся къ голодной семьѣ „забракованнымъ" („Забракованный" Свирскаго); вотъ надорвавшійся на работѣ „поденщикъ" („Поденщикъ" Остои), умирающій подъ тяжестью ноши грузчикъ („Майна Вира" Дмитріевой), вотъ измученный работой, которую сверхъ служебныхъ обязанностей наваливаетъ на него начальство (то начальнику дровъ натаскать, то то, то другое), стрѣлочникъ, умирающій отъ несчастнаго случая вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія, („Стрѣлочникъ" Серафимовича), вотъ почти также умирающій „на посту", доработавшись до послѣдняго истощенія силъ, кондукторъ конки, вотъ трогательный разсказъ о ребенкѣ, отданномъ „въ науку" въ парикмахерскую, невидѣвшемъ никогда природы и попавшемъ на нѣкоторое время на дачу („Петька на дачѣ" Андреева), вотъ мечтающій о „бѣлыхъ крыльяхъ" юноша „Спирька", работающій въ рудникѣ („Бѣлыя крылья" Дмитріевой). Вотъ рядъ несчастныхъ бѣдняковъ, осмѣянныхъ, обманутыхъ и ограбленныхъ богачами („Самъ виноватъ" Франко, „На мельницѣ" Баранцевича, „Страховка" Бѣлоконскаго, „Хорошій заработокъ" Франка). Во всѣхъ этихъ разсказахъ, очеркахъ одинъ фонъ—ужасающая обстановка бѣдняка, одинаково стонущаго подъ игомъ нужды и въ деревнѣ, и въ городѣ, и въ рудникахъ, и на пристаняхъ; и одинъ и тотъ же аккордъ, въ который сливаются всѣ ихъ голоса: мука отъ жизни, которую несутъ они; и старанія, какъ нибудь, собравъ всѣ свои нравственныя силы, перенести свою тяжкую долю, не поддаваясь ей; иные изъ нихъ мечтаютъ о бѣлыхъ крыльяхъ, о какой-то невѣдомой далекой жизни и въ мечтахъ этихъ забываются нѣсколько, другіе топятъ горе въ винѣ, третьи создаютъ въ себѣ извѣстное настроеніе, „несокрушимое", не поддающееся никакому горю. „Мы семьсотъ пропьемъ, не поморщимся, побираться пойдемъ, не сугорбимся"; четвертые, затаивъ въ себѣ все, всякое стремленіе къ лучшей долѣ, всякія мечты о лучшей жизни, полные заботъ о семьѣ, о дѣтяхъ, уходятъ цѣликомъ въ работу и несутъ ярмо жизни до тѣхъ поръ, пока не умираютъ, напоминая своей смертью смерть загнанной лошади посреди дороги („Майна Вира", „Стрѣлочникъ", „На посту", „Самъ виноватъ").Есть бѣдняки и изъ интеллигентной среды, и ихъ мука рисуется съ неменьшей яркостью (Ивашева „Мой день", Тимковскій „Среди людей", Андреевъ „Ангелочекъ"), за этими образами идутъ образы изъ міра людей, обезпеченныхъ матеріально, но опять таки въ ихъ отношеніяхъ къ міру бѣдняковъ, къ страдающей, изнемогающей подъ бременемъ тяжкаго труда многомилліонной массѣ. Мы видимъ, какъ страшно дѣйствуетъ на молодую писательницу *часъ*, проведенный ею въ

шахтѣ; авторъ раскрываетъ передъ нами ея нравственныя муки и мысли, навѣянныя на нее посѣщеніемъ шахты.

Подобнымъ-же сознаніемъ колоссальной несправедливости, царящей въ мірѣ и выражающейся въ непомѣрномъ трудѣ и невыносимыхъ условіяхъ существованія народа, пронизана душа инженера Боброва, у котораго это сознаніе создаетъ разладъ почти доводящій его до самоубійства („Молохъ" Куприна). Затѣмъ рисуется рядъ интеллигентовъ, стремящихся внести сколько-нибудь свѣта въ этотъ мракъ существованія народа, сколько-нибудь помочь имъ. Въ разсказѣ Танаевской „Безпокойная" мы видимъ молодую сельскую учительницу, бодро идущую работать въ глухую деревню и пытающуюся отвоевать для школы сколько-нибудь сносное помѣщеніе, причемъ опять-таки, какъ и въ другихъ произведеніяхъ, жизнь ея и дѣятельность изображены во всемъ ея реализмѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ въ ту или другую сторону, и страшно-тяжелыя условія, въ которыхъ приходится работать на Руси сельскому учителю и учительницѣ, нарисованы въ полномъ согласіи съ дѣйствительностью. Въ очеркѣ Крандіевской „Для души" мы встрѣчаемся съ молодой дѣвушкой-художницей, ѣдущей на голодъ въ деревню; въ превосходномъ очеркѣ Яблоновскаго „Въ консультаціи" рисуется начавшая послѣднее время прививаться юридическая помощь населенію, организуемая добровольно юристами, а въ очеркѣ „Повѣтріе" разсказывается объ организаціи артелей. Эти немногіе разсказы не могутъ, конечно, разсѣять общаго тяжелаго впечатлѣнія отъ картины того мрака, которымъ окутана жизнь народа, но все же они немного смягчаютъ это общее впечатлѣніе и внушаютъ надежды на лучшее будущее. Надежды эти внушаетъ и существованіе сильныхъ характеровъ и личностей, которые живутъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, ими же закаленные. Философія жизни резюмируется въ разсказѣ Вересаева „Звѣзда" (восточное сказаніе), гдѣ жизнь человѣческая представляется жизнью въ грязи и мракѣ, а люди, желающіе цѣною хотя бы собственной жизни освѣтить и очистить эту жизнь, признаются безумными и возбуждаютъ къ себѣ ненависть, а также въ разсказѣ Немировича-Данченко „Воскресшая пѣснь", гдѣ поэтъ заключенный въ мрачное подземелье средневѣковой тюрьмы умираетъ съ счастливой улыбкой на лицѣ, потому что видитъ передъ смертью въ видѣніи братство и равенство, воцарившіяся на землѣ.

Разсказы, изданные „Донской Рѣчью" всѣ почти перепечатаны со страницъ толстыхъ журналовъ, гдѣ они помѣщались, но, разбросанные по журналамъ, гдѣ они занимали маленькое мѣсто, нѣсколько листиковъ среди различныхъ научныхъ и публицистическихъ статей и большихъ романовъ, они не производили того впечатлѣнія, которое они даютъ въ изданіяхъ Донской Рѣчи, гдѣ они собраны вмѣстѣ. Въ изданіяхъ Донской Рѣчи нѣтъ тен-

денціи въ узкомъ, опредѣленномъ смыслѣ слова, но есть тенденція въ широкомъ смыслѣ въ томъ, что всѣ они говорятъ объ одномъ—о жизни трудящихся массъ, объ ихъ жестокой долѣ—и объ отношеніи къ нимъ общества. Этимъ объясняется та сила и цѣльность впечатлѣнія, которая получается по прочтеніи всѣхъ книжекъ Д. Р.

Есть среди изданій Донской Рѣчи нѣсколько разсказовъ, не пронизанныхъ общей красной нитью, при чтеніи которыхъ читатель отдыхаетъ душой. Таковъ, напр., прелестный разсказъ Дмитріевой „Мама на войнѣ", поэтическая картина Бунина „Надъ городомъ" и чудныя вещи Короленко „Пріемышъ", „Черкесъ", „Ночью". Научныя книжки (ихъ немного): „Русское Общество въ XVIII вѣкѣ", „XIX вѣкъ въ Исторіи Россіи", „Земскіе соборы древней Руси"—знакомятъ читателя съ внутренней жизнью государства, съ жизнью народа, съ развитіемъ его политической и гражданской жизни и пр. Эти научныя книжки мало доступны и для пониманія требуютъ подготовки. Не всѣ книжки Донской Рѣчи будутъ понятны народу; многія изъ нихъ совершенно недоступны и неинтересны деревенскому читателю, напр. „Молохъ" Куприна, разсказъ построенный главнымъ образомъ на психикѣ и душевномъ разладѣ инженера Боброва; „Для души" Крандіевской, въ которой приводятся толки и споры молодежи изъ интеллигенціи о разныхъ общественныхъ вопросахъ; непонятнымъ останется многое изъ разсказа „На днѣ" и нѣкоторыя другія.

Книжки Донской Рѣчи всѣ очень дешевы—2, 3, 4—не дороже 10—12 коп., изданы очень опрятно; иллюстрированы немногія изъ нихъ.

Подводя итогъ сдѣланному нами общему обзору различныхъ фирмъ дешевыхъ изданій, нельзя не отмѣтить того факта, что современныя изданія если ихъ сравнить съ дешевой литературой 70 хъ годовъ, значительно ушли впередъ и приблизились къ тому, чѣмъ должна бы быть литература для народа. Со стороны внутренняго содержанія беллетристическія произведенія, издаваемыя тоже для народа, по большей части представляютъ собой выборъ изъ общей литературы того, что является по мнѣнію издателей наиболѣе подходящимъ для народа, а научные отдѣлы обогащаются постепенно книгами, написанными по болѣе современнымъ методамъ, притомъ въ талантливомъ, живомъ изложеніи; со стороны внѣшней большой прогрессъ: изданія для народа становятся все дешевле, опрятнѣе, изящнѣе и главное все проще, проще и доступнѣе по языку; входятъ понемногу въ употребленіе нѣкоторые новые пріемы въ изложеніи: напр. сообщеніе попутно различныхъ свѣдѣній, не относящихся прямо къ предмету разсказа, (пріемъ, широко практикуемый Рубакинымъ) и др. Раздвигаются мало по малу грани, отдѣлявшія различные отдѣлы литературы; вы не всегда отличите теперь беллетристическую

книгу отъ книги популярно-научной, такъ какъ благодаря новымъ пріемамъ изложенія, современные авторы популярно-научныхъ книгъ широко пользуются беллетристикой для своихъ цѣлей. Вотъ, напр., *„учебникъ“* по географіи Меча; онъ начинается разсказомъ о мальчикѣ заблудившемся въ лѣсу и нашедшемъ дорогу, опредѣливъ *страны свѣта* по солнцу и т. д., а дальше идетъ разсказъ о приключеніяхъ переселенцевъ въ Америкѣ; все это не имѣетъ ничего общаго съ прежними „учебниками“ географіи. Въ книгахъ Рубакина всѣ сообщаемыя авторомъ научныя свѣдѣнія тѣсно сплетены съ фабулой разсказа и все это приводитъ къ тому, что наука перестаетъ быть скучной, а беллетристика—легкимъ чтеніемъ, какъ это считалось въ старину. Кромѣ того, все большее и большее число вопросовъ, считавшихся до сихъ поръ доступными немногимъ, дѣлаются достояніемъ большого круга читателей. Несмотря на сдѣланные ею большіе шаги впередъ, дешевая литература еще только начинаетъ развиваться, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея въ особенности замѣчаются до сихъ поръ большіе пробѣлы, на что мы укажемъ, дѣлая обзоръ дешевой литературы по частямъ; начнемъ съ книгъ для дѣтскаго возраста.

V.

Мы уже говорили выше о томъ, какъ важенъ разумно-сдѣланный выборъ первыхъ книгъ для чтенія; поэтому выборъ этотъ долженъ быть сдѣланъ особенно тщательно.

Исходя изъ того, что у дѣтей особенно развита фантазія, зная какъ всѣ дѣти любятъ слушать и читать сказки, мы остановимся прежде всего на сказкахъ. Извѣстно, что по вопросу о сказкахъ и пригодности ихъ для дѣтей, существуютъ различныя мнѣнія; есть защитники и есть противники сказокъ; и у тѣхъ и у другихъ есть свои доводы въ защиту каждаго мнѣнія. Мы не будемъ здѣсь излагать всѣхъ этихъ мнѣній и доводовъ по недостатку мѣста, и, предполагая ихъ общеизвѣстными, выскажемся лишь по поводу ихъ: нельзя отказать удовлетворенію дѣйствительно существующей потребности дѣтской натуры въ фантастическомъ элементѣ; дѣти обладаютъ живымъ воображеніемъ, и оно ищетъ себѣ удовлетворенія и пищи; пищу эту даютъ между прочимъ сказки и слѣдовательно отказать дѣтямъ въ сказкѣ, преподносить имъ лишь одно реальное—значило бы итти наперекоръ дѣтской природѣ, подвергать ее ломкѣ. Признавая такимъ образомъ право на существованіе сказки, мы однако рекомендуемъ пользоваться ею умѣренно, т. к. сказки, если ими только исключительно питать дѣтскій умъ и воображеніе, могутъ до крайней степени развить эту послѣднюю способность въ ущербъ другимъ. Притомъ, изъ народныхъ сказокъ

надо дѣлать тщательный выборъ для дѣтей; есть сказки, дѣтямъ совершенно не подходящія (сказки о чертяхъ, о солдатахъ и пр.). Останавливаясь во всякомъ случаѣ на сказкахъ, какъ на чтеніи для дѣтей пригодномъ, мы рекомендовали бы дѣтямъ слѣдующія книги съ сказками изъ числа дешевыхъ изданій.

1) Избранныя русскія сказки, изд. Жиркова 3 вып. (по возрастамъ). 2) Избранныя русскія сказки изд. Тулупова. Одоевскій. Сказки дѣдушки Иринея. Афанасьевъ. Русскія дѣтскія сказки. 3) Сказки братьевъ Гриммъ, изд. Сытина. 4) Перра. Волшебныя сказки, изд. Сытина. 5) Красная шапочка, Мальчикъ съ пальчикъ и др. сказки въ изд. Лавровой-Поповой. Изъ числа сказокъ не народныхъ, а составленныхъ различными писателями въ народномъ духѣ, можно указать: 6) Три медвѣдя, изд. Сытина (напеч. очень крупно). 7) Сказки Пушкина: О рыбакѣ и рыбкѣ, О мертвой царевнѣ, О царѣ Салтанѣ. 8) Сказки Жуковскаго (Объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ, Котъ въ сапогахъ). 9) Ершовъ: Конекъ-горбунокъ. 10) Аксаковъ: Аленькій цвѣточекъ. 11) Андерсенъ: Дикіе лебеди, Дѣвочка съ пальчикъ, Гадкій утенокъ, Соловей. 12) Котъ мурлыка, Царевна Меллина.

Все это вещи настолько извѣстныя всѣмъ, что мы распространяться о нихъ не будемъ: замѣтимъ, что многія изъ указанныхъ сказокъ, напечатаны крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ, что имѣетъ большое значеніе для дѣтей. Кромѣ того, для дѣтей, только что научившихся читать, важно, чтобы книга была написана просто, короткими предложеніями. Этимъ двумъ требованіямъ удовлетворяютъ: 1) первые выпуски собр. нар. сказокъ въ изд. Жиркова и Тулупова, 2) сказка, Три медвѣдя 3) сказки Гримма въ изданіи Лавровой и Поповой. Остальныя напечатаны довольно мелкимъ шрифтомъ, и нѣкоторыя, какъ напр., сказка Андерсена, Котъ Мурлыка, написаны недостаточно простымъ языкомъ. Затѣмъ на первыхъ порахъ, для дѣтей только что научившихся читать, на первую очередь можно поставить № 1 книжки *Малымъ ребятамъ* изд. Сытина, напечатанной крупнымъ шрифтомъ и заключающей рядъ короткихъ незатѣйливыхъ статеекъ и въ такомъ же родѣ книжку „*Колосья*", изданіе Ступина (мы не называемъ здѣсь дорогихъ книгъ для дѣтей, среди которыхъ нашлось бы нѣсколько подходящихъ для дѣтскаго возраста), и „Первое домашнее чтеніе школьника" *Крижа*.

Отъ коротенькихъ статеекъ къ сказкамъ, отъ сказокъ къ книгамъ, изображающимъ окружающій міръ, который долженъ при помощи книги для чтенія постепенно развертываться передъ дитятей. Какъ мы уже говорили выше, маленькахъ дѣтей болѣе всего интересуетъ; 1) Жизнь такихъ же маленькихъ дѣтей, какъ они сами; 2) Жизнь домашнихъ и дикихъ животныхъ. Подбирая сообразно этому книги и помня при этомъ, что на первой очереди должны итти книги, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ и

изложенныя простымъ языкомъ, мы намѣчаемъ слѣдующія книги: 15) Быкова: Первые разсказы изъ жизни животныхъ. 16) Журавская: Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. 17) Тургеневъ: Перепелка. 18) Бажинъ: Мотька, Счастье, Какъ Миша попалъ на фабрику. 19) Водовозова: Изъ русской жизни и природы. 20) Малымъ ребятамъ (20 кн.). 21) Удивительный червячокъ. 22) Чистяковъ. 23) Соковнинъ: Первое знакомство съ тѣмъ, что мы видимъ каждый день. 24) Приключенія Бѣлки Бобочки. Кромѣ того, этому первому возрасту читателей дѣтей, трудно отказать въ прекрасныхъ разсказахъ Фребелевскаго Общества, которые, какъ намъ кажется, несмотря на ихъ дороговизну (по 50 к.) должна постараться пріобрѣсти каждая школьная сельская библіотека; лучшіе изъ нихъ слѣдующіе: 25) Малышъ и Жучка. 26) Гнѣдко. 27) Ласточкино гнѣздо. 28) Мурка. 29) Шарикъ. 30) Моя мама. Ихъ можно поставить въ самую первую очередь. Вотъ приблизительно первыя 30 книгъ для дѣтскаго возраста.

Идемъ дальше. Что давать читать дѣтямъ, которыя читали уже приблизительно съ годъ, преодолѣли первыя трудности механизма чтенія и нѣсколько освоились съ книжной рѣчью? На этой ступени мы вводимъ уже болѣе разнообразія. Любимыми книгами читателей этого возраста будутъ все же разсказы изъ жизни животныхъ и изъ дѣтской жизни. Къ счастью, на эту тему существуетъ довольно много хорошихъ дѣтскихъ книгъ; во 1-хъ, опять-таки изданія Фребелевскаго Общества: 31) Лиса Патрикѣевна. 32) Емеля охотникъ. 33) Дядя Чернышъ. Затѣмъ очень популярныя среди дѣтей двѣ книжки Сливицкаго. 34) Раззоренное гнѣздо (жизнь медвѣдей). 35) Волчья дубрава. 36) Великодушный Голіафъ (изд. Сытина, о слонѣ). 37) Милосердные звѣри. 38) Чудесныя животныя, изд. Ступина. 39) Маминъ-Сибирякъ: Постойко. 40) Сентъ-Иллеръ: Сказка про сову (прелестная вещь). 41) Отд. изданія разсказовъ изъ ест. ист. Богданова (ужъ, жаба, и др.) и 42) Чеглокъ. 43) Оржешко: Приключенія Яся. 44) Уйдъ: Приключенія маленькаго графа.

Затѣмъ, предполагая уже 9—10-лѣтняго читателя ребенка, до извѣстной степени освоившагося уже съ книгой, для котораго не является уже препятствіемъ и мелкій шрифтъ, и длинноты въ изложеніи, мы можемъ назвать рядъ хорошихъ и дешевыхъ книгъ, вполнѣ доступныхъ для дѣтей 9—10-лѣтняго возраста.

По естественной исторіи: 45) Никольскій: Уроки жизни. 46) Вагнеръ: Разсказы изъ ест. исторіи (тогда какъ Богдановъ, Брэмъ, Чеглокъ, переизданы въ дешевыхъ изданіяхъ, Вагнеръ ожидаетъ своей очереди въ этомъ отношеніи). 47) Коровинъ: Двѣ капельки—очень живой, увлекательный разсказъ, въ которомъ въ беллетристич. формѣ передается о метаморфозахъ воды.

48) Богдановъ: Изъ русской жизни и природы. 49) Ульяновъ: Дружба въ мірѣ животныхъ. 50) Рубакинъ: О дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. 51) Рубакинъ: О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Въ возрастѣ 9—10 л. охотнѣе всего и съ наибольшимъ интересомъ и увлеченіемъ читается Робинзонъ, эта въ полномъ смыслѣ безсмертная, единственная въ своемъ родѣ, незамѣнимая книга, заключающая въ себѣ и первоначальную исторію культуры, и идею о значеніи самодѣятельности. Извѣстно, что въ литературѣ существуетъ цѣлый рядъ пересказовъ этой богатой темы. Самая краткая передѣлка Робинзона это 52) Робинзонъ изъ Ясной Поляны (изд. Общ. Пользы). Затѣмъ болѣе подробный, полный 53) Робинзонъ въ передѣлкѣ Урсыновичъ, изд. Сытина; также не дуренъ 54) Робинзонъ Блинова; еще болѣе подробный Робинзонъ это 55) Робинзонъ Анненской.

Дѣтей, въ возрастѣ 9—10 л., уже начинаютъ интересовать путешествія, манитъ перспектива далекихъ странъ. Изъ числа небольшихъ книжекъ путешествій можно назвать: 56) Первое плаваніе капитана Форстера. 57) Приключенія 2-хъ кораблей. Рубакина. 58) Про капитана Головнина изъ Ясной Поляны. 59). 60) Путешественникъ Пржевальскій, изд. Лавровой. Читаются 9—10 л. дѣтьми съ интересомъ и очень полезны для нихъ въ это время разсказы, рисующіе сельскій бытъ, полевыя работы, жизнь крестьянъ въ Россіи, а также кое-что о жизни и бытѣ различныхъ народовъ.

На эту тему можно рекомендовать 61) Смирнова: Родное, состоящее изъ разсказовъ: Въ овинѣ; Дрова плывутъ. 62) Большакъ, Круглова. 63) Богдановъ: Карпушкинъ родникъ. 64) Ѳедька рудокопъ. 65) Ключниковъ: Богодалка. 66) Маминъ-Сибирякъ: Бѣлое золото. 67) Немировичъ-Данченко: Забытый рудникъ. 68) Ночь подъ Рождество. 69) Смирновъ: Въ глуши и Деревенская школа. 70) Оцзи и Олесь, изъ школьной библ. Львова. 71) Чеховъ: Ванька. 72) Амичисъ: Аппенины и Анды. Очень охотно читаютъ въ это время дѣти разсказы и повѣсти изъ школьной жизни, а также, какъ противуположность этому, жизнь дѣтей, лишенныхъ школы, бездомныхъ.

73) Егорка Артельный. 74) Пріемышъ отца Веденѣя, изъ Книжки за Книжкой. 75) Ильюшкины яблоки; изд. Сытина. 76) Скитанія Егорки; изъ Книжки за Книжкой. 77) Гриша Анненской (разсказъ этотъ входитъ въ собраніе разсказовъ для дѣтскаго возраста Анненской, подъ общимъ названіемъ: „Зимніе вечера“; жаль, что нѣтъ его въ отдѣльномъ изданіи). 78) Кормилецъ, Мамина-Сибиряка. 79) Амичисъ: Школьные товарищи. 80) Безъ семьи, Мало.

Естественно, что и въ этомъ возрастѣ у дѣтей начинаетъ мало-по-малу возникать и созрѣвать стремленіе къ созданію идеала, и понемногу начинаютъ вырисовываться черты, которыя

дѣти по своему, конечно, разумѣнію, готовы приписать своимъ любимымъ героямъ. Къ числу книгъ, которыя могли бы дать отвѣтъ на такіе запросы, могутъ быть отнесены: 81) Славныя дѣти; сборникъ разсказовъ о дѣтяхъ герояхъ, изд. Сытина. 82) Галя; извѣстный разсказъ изъ первыхъ временъ христіанства. 83) Два міра, Бекетовой, изъ борьбы христіанства съ язычествомъ. 84) Амичисъ: Отцовская сидѣлка. 85) Его же: Аппенины и Анды. 86) Вучетичъ: Красный фонарь. 87) Горбуновъ-Посадовъ: Живая Любовь. 88) Нелло и Патрашъ. 89) Амичисъ: Дѣвочка, спасшая поѣздъ. 90) Сысоева: Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго дома. 91) Канаевъ: Замѣчательный работникъ. 92) Исаакъ Джеммъ. Вмѣстѣ съ представленіемъ о героѣ у дѣтей возникаетъ желаніе познакомиться съ жизнью людей, чѣмъ-либо замѣчательныхъ. На эту тему, кромѣ только что указанныхъ книгъ, отвѣчаютъ еще слѣдующія: 93) Біографія Ломоносова (Некрасовой или Фурмана) 94) Канаевъ: Замѣчательный работникъ (жизнь Томаса Эдвардса). 95) Сенкевичъ: Янко музыкантъ. 96) Лукашевичъ: Другъ несчастныхъ, докторъ Гаазъ. 97) Изъ американской жизни, изд. Харьк. Общ. Грам. 98) Христофоръ Колумбъ, изъ Ясной Поляны.

Итакъ вотъ приблизительно 100 первыхъ книгъ, которыя могутъ быть прочитаны дѣтьми младшаго возраста т. е., 7—8—9—10 лѣтъ, слѣд. въ теченіе 3-хъ лѣтъ приблизительно. Порядокъ, котораго мы придерживались при постепенномъ расположеніи книгъ для этого возраста, былъ слѣдующій: 1) Сборники самыхъ короткихъ разсказовъ и статеекъ; 2) сказки; 3) разсказы, несложные изъ дѣтской жизни, 4) такіе же разсказы изъ жизни домашнихъ животныхъ, 5) дикихъ, 6) первое знакомство съ нѣкоторыми явленіями природы, 7) путешествія, 8) школа, 9) жизнь дѣтей бѣдняковъ, лишенныхъ школы, 10) идеальные люди, герои, 11) біографіи нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей.

Начиная съ 10-лѣтняго возраста дѣти, въ особенности мальчики, начинаютъ выказывать особенный интересъ къ знакомству съ далекими странами, населяющими ихъ, и слѣдов., для насъ чудесными повидимому животными (напр. слонъ, китъ) и увлекаются путешествіями. Надо удовлетворить этому запросу. Но при этомъ тѣ, кому приходилось руководить чтеніемъ, встрѣчаютъ почти такое же затрудненіе, какъ по поводу сказокъ. Вѣдь разсказы о далекихъ странахъ, въ которыхъ все: и растительность, и животныя, и люди такъ отличны отъ того, что окружаетъ насъ— это своего рода сказка; и этого рода чтеніе оттого такъ и увлекательно, что напоминаетъ сказку. Извѣстно, какъ страшно увлекаются дѣти сочиненіями Майнъ-Рида, въ которыхъ въ яркихъ краскахъ изображается природа и жизнь въ жаркихъ странахъ и различныя приключенія охотниковъ.

Извѣстно также, что зачитываясь Майнъ-Ридомъ, дѣти под-

часъ утрачиваютъ интересъ ко всему другому, кромѣ охоты за тиграми и войны съ краснокожими. Какъ предотвратить такую крайность и какъ поклонниковъ Майнъ-Рида заинтересовать чѣмъ-нибудь инымъ, это вопросъ разрѣшаемый на практикѣ чисто индивидуально. Здѣсь же мы укажемъ на лучшія книги о путешествіяхъ. 1) Рубакинъ. Приключенія двухъ кораблей, 2) Его же. Разсказы о жаркой странѣ, 3) его же. На необитаемомъ островѣ, 4) На плавающихъ, льдинахъ по Ледовитому океану, 5) Жюль Вернъ, Дѣти капитана Гранта, 6) Капитанъ Гаттерасъ, 7) Лункевичъ, Среди снѣговъ и вѣчнаго льда, 8) Ворнсгоферъ, Сказочная страна, 9) Его же, Образовательное путешествіе, 10) Приключенія двухъ контрабандистовъ, 11) Фритіофъ Нансенъ, 12) Нечаевъ, Между огнемъ и льдомъ, 13) Пименова, На запретномъ пути, 14) Пименова, Путешествіе въ Дагомею. 15) Ея же, За океаномъ. 16) Ея же, Природа и люди Африки. Послѣ чтенія путешествій естественно можетъ возникнуть интересъ къ знакомству съ различными странами и отсюда естественный переходъ къ чтенію популярныхъ книгъ по географіи и этнографіи.

Изъ книгъ, въ которыхъ рисуется природа и жизнь другихъ странъ мы можемъ указать на слѣдующія: 17) Школьная библіотека Львова. 18) Рядъ географическихъ очерковъ изъ серіи Книжка за Книжкой (О землѣ Аравійской), По Средиземному морю и др. 19) Радикова Швейцарія, Голландія и много другихъ, названіе которыхъ мы здѣсь не помѣщаемъ, потому что это уже были бы не „дешевыя“ книжки.

Очень важно пробудить и поддержать интересъ къ родному краю, родной природѣ, къ прошлому родины. Это не всегда бываетъ легко, такъ какъ дѣтей часто, вслѣдствіе преобладанія у нихъ фантазіи, влечетъ вдаль, въ невѣдомыя далекія страны, и потому очень важно имѣть на эту тему нѣсколько хорошихъ талантливыхъ книгъ. Смѣло можно рекомендовать въ этомъ отношеніи превосходную книгу Богданова „Изъ русской жизни и природы“; книга эта состоитъ изъ ряда очерковъ, написаныхъ въ полубеллетристической-полунаучной формѣ и знакомящихъ съ жизнью природы; здѣсь и звѣри, и птицы, ихъ нравы, обычаи— все это изображено необыкновенно живо, увлекательно: вы словно слышите голоса природы. Такихъ книгъ вообще мало и потому книгѣ Богданова непремѣнно должно быть дано мѣсто во всякой дѣтской, школьной, народной библіотекѣ. Изъ области естествознанія укажемъ снова на серію очерковъ по естествознанію и географіи изд. „Книжка за Книжкой“. (Лучшія изъ нихъ: змѣи, обезьяны, слоны, вымирающіе богатыри, откуда взялись камни на нашихъ поляхъ, жилища и нравы птицъ, охранители лѣса, взаимная помощь у животныхъ и др.), на „Школьную библіотеку“ Львова, на книги Рубакина: „Подземный огонь“, „Вода на землѣ и подъ землей“... „Кораллы и люди“ (разсказъ, относящійся столько же къ есте-

ствознанію, сколько къ беллетристикѣ) на библіотеку для юношества Горбунова-Посадова, въ которой много книгъ о животныхъ, на Ест. исторію (Вода, Воздухъ, Звѣзды и пр.) Ю. Вагнера въ изданіи Сытина, на дешевое изданіе (Товарищества Общественной Пользы) Жизни животныхъ Брэма, а также на популярно-научную библіотеку Лункевича (изд. Павленкова).

Итакъ лишь бы въ началѣ, благодаря разумному руководству чтеніемъ, была возбуждена охота къ чтенію книгъ популярно-научныхъ, недостатка въ нихъ для дѣтей 10-11-12 лѣтъ не будетъ, и ребенокъ, прочитавшій книжку Лункевича, Рубакина, Львова, Богданова, Слѣпцовой (Книжка за Книжкой) будетъ имѣть извѣстную подготовку къ занятіямъ естествознаніемъ, если ему предстоитъ еще учиться или къ чтенію болѣе серьезному, если онъ будетъ по окончаніи школы предоставленъ самому себѣ. Мы забыли упомянуть еще о книжкахъ по астрономіи, среди которыхъ можно указать на книжки Чижова „Тайны и чудеса Божьяго міра", Вахтерова „О свѣтилахъ небесныхъ" и др.

Для читателей 10—12 л. возраста не будетъ недостатка и въ біографіяхъ, въ дешевой литературѣ существуетъ рядъ недурныхъ біографій разныхъ замѣчательныхъ людей (мы остановимся на нихъ ниже, когда будемъ говорить о популярно-научной литературѣ).

Что касается отдѣла исторіи, къ которой дѣти вообще относятся въ этомъ возрастѣ съ интересомъ, то мы имѣемъ хорошія книги по исторіи лишь изъ области первобытной культуры (О'Конноръ: Разсказы о доисторическомъ бытѣ человѣка, Рони Вамирэхъ) (изъ библіотеки Всходовъ). По исторіи хорошихъ книгъ для этого возраста мало не только въ дешевой литературѣ, но и вообще. Можно рекомендовать рядъ историческихъ повѣстей: Князь Серебряный, Юрій Милославскій, Мареа Посадница, Авенаріуса: Меньшой Потѣшный, Фурмана: Саардамскій плотникъ; затѣмъ Рубакина: О великихъ событіяхъ и войнахъ, и Очерки Князькова и Кизеветтера; Авенаріусъ: Передъ разсвѣтомъ (это уже дорогая книга), Освобожденіе негровъ по Герштеккеру и др.

Что касается отдѣла беллетристики, то какъ ни бѣдна вообще хорошими книгами дѣтская литература, тѣмъ не менѣе можно указать безъ труда нѣсколько десятковъ хорошихъ книгъ, которыя можно смѣло рекомендовать для чтенія дѣтямъ. Списокъ этихъ книгъ читатель найдетъ ниже, размѣщенными по рубрикамъ; здѣсь же мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые сборники разсказовъ и отдѣльныя повѣсти, подходящія для этого возраста.

Острогорскій: Изъ міра великихъ преданій, Хорошіе люди. *Чистяковъ*: 4 времени года. *Твэнъ*: Принцъ и нищій, *Бернетъ*: Маленькій Лордъ Фонтлерой. *Андерсенъ*: Сказки. *Уйдъ*: Сказки. *Жоржъ Зандъ*, Бабушкины сказки. *Гальтъ*: Исторія маленькаго

человѣка. *Алтаевъ*: Свѣточи правды. *Анненская*: Зимніе Вечера. Ея же: Своимъ путемъ и др.

Считаемъ долгомъ замѣтить по поводу дѣтскихъ книгъ, что насъ удивляло не разъ, что во всѣхъ каталогахъ къ числу дѣтскихъ книгъ неизмѣнно причисляется нѣсколько совершенно для дѣтскаго чтенія неподходящихъ, какъ, напр., „Царевна Каменное Сердце" Харузина, „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ" Пушкина, „Чудесная коряга" Сизовой и нѣсколько другихъ.

Переходимъ теперь къ частному разсмотрѣнію беллетристическаго отдѣла для взрослыхъ въ дешевой литературѣ. Отдѣлъ этотъ самый богатый, но въ то же время въ немъ много блѣдныхъ, неудачныхъ произведеній, книгъ безполезныхъ. Посмотримъ прежде всего, кто изъ нашихъ поэтовъ-классиковъ доступенъ народу по цѣнѣ. Въ силу существующаго закона, лишь 50 лѣтъ спустя со дня смерти писателя право на изданіе его сочиненій становится всеобщимъ, т. е. всякій, кто пожелаетъ, получаетъ право издавать его сочиненія по какой угодно цѣнѣ, а до этого срока сочиненія писателя считаются собственностью его наслѣдниковъ. Въ силу этого закона далеко не всѣ наши поэты и беллетристы знакомы народу. Въ 1899 году Россія праздновала 100 лѣтіе со дня рожденія Пушкина (50 лѣтіе со дня его смерти наступило еще раньше), и это послужило поводомъ къ выходу въ свѣтъ множества изданій его сочиненій, и изданія эти, несмотря на ихъ многочисленность, разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, Пушкинъ является въ настоящее время самымъ популярнымъ (если судить по количеству проданныхъ его сочиненій) изъ писателей беллетристовъ; однако, приведенные выше отзывы показываютъ, что онъ далеко не такъ близокъ и понятенъ народу, какъ можно было бы заключить изъ огромной цифры распроданныхъ экземпляровъ его сочиненій; многое изъ его сочиненій, какъ это доказываютъ вышеприведенные отзывы изъ книги „Что читать народу" и другіе, непонятно народу по языку и неинтересно по содержанію. Это можетъ подтвердить всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ народомъ; попробуйте людямъ, недавно выучившимся читать, прочесть „Евгенія Онѣгина" (особенно цѣликомъ), „Скупого рыцаря", „Моцарта и Сальери" и многія изъ стихотвореній,—большинство слушателей останется въ недоумѣніи и почувствуетъ скуку. Впрочемъ, по поводу доступности Пушкина, какъ поэта народу, намъ вспоминается слѣдующій фактъ, исключительный въ этомъ отношеніи. Былъ у меня знакомый, молодой крестьянинъ Саратовской губ., пришедшій на заработки въ голодный годъ въ Т., городъ, гдѣ я жила. Я съ нимъ познакомилась на базарѣ, гдѣ онъ покупалъ у букиниста теорію словесности, объяснивъ, что она нужна ему для того, чтобы научиться лучше писать стихи. А стихи онъ уже писалъ, у него ихъ была цѣлая тетрадка. Ш. оказался горячимъ

поклонникомъ таланта Пушкина, онъ восхищался положительно каждой строчкой его стихотвореній. Нѣкоторыя изъ его произведеній, напр., „Полтаву“ онъ зналъ наизусть отъ начала до конца, „я ее сто разъ перечитывалъ, говорилъ онъ, и все-таки каждый разъ прихожу въ восторгъ!“ И дѣйствительно, когда онъ, читая вслухъ Полтаву, доходилъ до извѣстнаго мѣста: „Тиха украинская ночь...“ у него дрожалъ отъ восторга и волненія голосъ и онъ восклицалъ: до чего это хорошо! до чего хорошо! какая красота въ этихъ стихахъ! точно въ самомъ дѣлѣ чувствуешь эту тишину ночи и теплоту воздуха! Да, Пушкинъ можетъ хоть кому внушить любовь къ природѣ! Да, Пушкинъ великій, геніальный писатель, великій поэтъ! заключилъ онъ съ паѳосомъ. Видно было, что онъ всей душой чувствовалъ восторгъ, преклоненіе передъ Пушкинымъ. Но Ш. и его отношеніе къ Пушкину нельзя ставить въ общій уровень читателей изъ народа, т. к. онъ дѣйствительно человѣкъ выдающійся и оригинальный.

Ближайшимъ и по времени, и по духу поэзіи Пушкину, поэтомъ является Лермонтовъ; т. к. и его 50-лѣтіе истекло недавно, то и его сочиненія имѣются въ дешевыхъ изданіяхъ. Едва ли впрочемъ, Лермонтовъ доступнѣе Пушкина народу; изъ его произведеній; „Герой нашего времени“ непонятенъ читателямъ изъ народа, понятна лишь „Пѣснь про купца Калашникова“ и нѣкоторыя лирическія стихотворенія. Но все же Пушкинъ и Лермонтовъ въ общемъ не народные поэты, они мало касаются народной жизни; ближе къ народу стоитъ Гоголь. Его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ дышатъ поэзіей, простотой и свѣжестью народной жизни, а мало-мальски грамотный читатель отъ души посмѣется и надъ Агафьей Тихоновной въ „Женитьбѣ“, и надъ глупыми чиновниками въ „Ревизорѣ“. Однако, Гоголь уже менѣе доступенъ народу по цѣнѣ; правда, многія изъ его произведеній изданы отдѣльными книжками, но по довольно дорогой цѣнѣ (10, 15 к.), а полное собраніе его сочиненій стоитъ 6 р. Нельзя не вспомнить по этому поводу, что за-границей, гдѣ нѣтъ нашего закона о правахъ авторства, сочиненія каждаго писателя выходятъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, начиная съ самыхъ дорогихъ, иллюстрированныхъ, на роскошной бумагѣ для богатыхъ людей и кончая самыми дешевыми копеечными, и, между прочимъ, нашъ Гоголь въ переводѣ на нѣмецкій языкъ стоитъ дешевле, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Еще менѣе счастливъ въ этомъ отношеніи Некрасовъ, всю свою поэзію посвятившій народу, въ произведеніяхъ котораго каждая строчка говоритъ о народной нуждѣ и горѣ, высказавшій такую горячую вѣру въ духовную силу „всевыносящаго русскаго племени“, съ такой любовью нарисовавшій героическій образъ русской крестьянки, такъ горячо воспѣвшій ея трудную долю, Некрасовъ, у котораго нѣтъ ни одного произведенія, въ которомъ бы онъ не вспоминалъ мужика, вотъ

истинно народный поэтъ! Казалось бы, что его сочиненіямъ надо бы быть въ каждой избѣ настольной книгой, его стихотвореніямъ надо бы быть любимыми пѣснями, распѣваемыми вездѣ въ деревняхъ, однако же ничего этого нѣтъ. Некрасовъ почти неизвѣстенъ народу; собраніе его сочиненій стоитъ 5 р., изданій его отдѣльныхъ произведеній не существуетъ, за исключеніемъ небольшого сборничка съ отрывками изъ стихотвореній; и въ довершеніе всего, сочиненій Некрасова нельзя найти и въ народной библіотекѣ-читальнѣ, такъ какъ онѣ не допущены къ употребленію въ этихъ библіотекахъ. Народные поэты Кольцовъ и Никитинъ одинаково доступны народу; но Кольцовъ и стоитъ дешево, а Никитинъ въ школьномъ изданіи стоитъ 1 р. Изъ сочиненій Тургенева изданы отдѣльными брошюрками лишь „Записки Охотника“; полное собраніе его сочиненій стоитъ 15 р., отдѣльныя изданія его повѣстей и романовъ между тѣмъ расходились бы среди городской молодежи, покупающей различные переводные романы у лубочниковъ, платя за нихъ не только копейки, но и рубли. А между тѣмъ всѣ отдѣльные романы Тургенева изданы въ переводѣ на нѣмецкій языкъ нѣмецкимъ издателемъ Тейбнеромъ и стоятъ дешево—40 пф.!. Такимъ образомъ нѣмецкій крестьянинъ или рабочій скорѣе прочтетъ романъ Тургенева, чѣмъ русскій. Достоевскій также могъ бы быть однимъ изъ любимыхъ писателей народа, будучи доступенъ болѣе интеллигентной части его молодежи, городскимъ рабочимъ, ремесленникамъ, а также наиболѣе развитымъ изъ крестьянъ; въ духѣ его произведеній есть нѣчто, что должно бы являться притягательной силой для читателя изъ народа—это нотка страданія, это проповѣдь любви, терпѣнія, прощенія, снисхожденія, это тяготѣніе къ судьбѣ униженныхъ и оскорбленныхъ—все это должно быть близко и понятно народу; но и здѣсь—увы! Опять приблизительно та же судьба постигаетъ Достоевскаго, какъ и другихъ русскихъ писателей, опять дороговизна (сочиненія Достоевскаго стоятъ 30 р.); въ отдѣльныхъ же изданіяхъ существуютъ лишь коротенькіе отрывки изъ тѣхъ или другихъ произведеній и отрывки подчасъ не совсѣмъ удачно выбранные (напр., „Представленіе“ изъ „Мертваго Дома“; почему народу предоставляется прочесть только этотъ отрывокъ, тогда какъ любой грамотный человѣкъ смѣло могъ бы прочесть и понять все это произведеніе цѣликомъ). Изъ отчетовъ многихъ народныхъ библіотекъ видно, что народъ очень любитъ историческіе романы;—читаютъ всегда и вездѣ на расхватъ „Юрія Милославскаго“, „Князя Серебрянаго“, историческіе романы Данилевскаго; между тѣмъ „Князь Серебряный“ стоитъ 1 р. 50 к., за то многія его передѣлки, или, вѣрнѣе, искаженія въ лубочныхъ изданіяхъ стоятъ дешевле, по 40—50 к. и раскупаются въ огромномъ количествѣ; Юрій Милославскій является чуть не библіографической рѣдкостью,

такъ какъ его изданіе давно распродано; сочиненія Данилевскаго стоятъ 15 р. и въ отдѣльныхъ изданіяхъ не существуютъ. Мы не будемъ дольше утомлять вниманія читателя однообразнымъ перечисленіемъ именъ различныхъ авторовъ, ихъ произведеній и указаніемъ всякій разъ на тотъ печальный фактъ, что произведенія эти недоступны народу по цѣнѣ, и что въ отдѣльныхъ дешевыхъ изданіяхъ существуютъ лишь жалкіе отрывки изъ нихъ, и что многія изъ нихъ даже не допущены къ употребленію въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, что получить иное изъ произведеній русскаго писателя въ дешевомъ изданіи можно скорѣе на нѣмецкомъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Почти всѣ наши лучшіе писатели беллетристы находятся по отношенію къ народу въ такомъ положеніи: между ними и народомъ воздвигнута стѣна; все сказанное относится и къ сочиненіямъ Л. Толстого, А. Толстого, Гаршина, Надсона, Горькаго, Островскаго, исключеніе представляютъ, впрочемъ, нѣкоторые современные беллетристы (Вересаевъ, Чириковъ, Дмитріева, Серафимовичъ, Мельшинъ, а также Короленко и др.), многія произведенія которыхъ, благодаря предпріимчивости издателей, заручившихся согласіемъ авторовъ, при жизни послѣднихъ доступны народу, за что надо принести большую благодарность издателямъ фирмъ Раппъ и Потаповъ, Орѣхова, Донской Рѣчи, а прежде всего незабвенному Павленкову, значительно удешевившему полныя собранія сочиненій многихъ писателей (напр., Успенскаго и многихъ другихъ). Однако, все же эти отрадные факты, которые нельзя достаточно привѣтствовать, являются пока исключительными, и наряду съ ними встрѣчаются такіе факты. Полныя собранія сочиненій Гаршина и Короленко, напр., стоятъ настолько дорого, что являются не по карману бѣдняку, а отдѣльныя дешевыя изданія нѣкоторыхъ произведеній этихъ авторовъ, вскорѣ по выходѣ ихъ въ свѣтъ, постигла кара запрещенія. Такъ, напр., изъ сочиненій Гаршина вышли отдѣльными книжками „4 дня на полѣ сраженія", „Сигналъ", „Изъ записокъ рядового Иванова", „Медвѣди". По собраннымъ различными наблюдателями свѣдѣніямъ выяснилось, что всѣ эти книжки производили большое впечатлѣніе, вызывали прочтеніе вслухъ, живой обмѣнъ мыслей; да и могло ли быть иначе? Однако, вскорѣ всѣ эти книжки были запрещены, за исключеніемъ одной „Сигнала". А между тѣмъ, какую бы популярность пріобрѣли онѣ скоро въ народѣ, еслибы ихъ обращеніе въ этой средѣ не было искусственно пріостановлено! „Чтеніе разсказа „Медвѣди" въ народной аудиторіи произвело на слушателей потрясающее впечатлѣніе, читаемъ мы въ книгѣ „Что читать народу"; плакали не только женщины, плакалъ даже дѣдъ Бруско, не проронившій никогда кажется ни одной слезинки на чтеніи. Слезы дѣда Бруско были такъ необычны, что всѣ обратили на нихъ вниманіе. А Короленко! Его разсказы: „Сонъ Макара", „Лѣсъ шу-

мить!" вѣдь они взяты прямо изъ народной жизни! въ нихъ все— и поэзія и художественность, и драматизмъ. Когда разсказъ „Убивецъ „(читаемъ мы въ „Что читать народу") читался въ деревнѣ, то учительница хотѣла было отложить окончаніе чтенія до слѣдующаго воскресенья, но слушатели убѣдили ее дочитать. „Будьте ласковы, доводить до краю", просили они. Пришлось продолжать. Слушатели очевидно не чувствовали утомленія, несмотря на то, что былъ 12-й часъ ночи, а утромъ они выѣхали въ поле въ 4 часа. И однако произведенія Короленко въ дешевыхъ изданіяхъ такъ же періодически запрещаются. Право, когда въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, возвращаешься мысленно къ тѣмъ преніямъ, которыя возникали по поводу вопроса, нужна ли народу особая народная литература, то пренія эти кажутся преждевременными и въ значительной степени безпочвенными; ихъ можно бы было поднимать лишь тогда, если бы народу были предоставлены *всѣ* сокровища нашей литературы, *всѣ* произведенія ея лучшихъ представителей; а ничего этого пока нѣтъ. Надо помнить при этомъ, что народъ. т. е. вся подразумѣваемая подъ этимъ собирательнымъ именемъ многомилліонная масса, не есть нѣчто однородное, а наоборотъ: представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ большое разнообразіе, состоитъ изъ весьма различающихся между собою по развитію группъ и что слѣдовательно среди грамотнаго народа нашлись бы всегда читатели, которые поняли бы и оцѣнили и Пушкинскую поэзію, и юморъ Гоголя, и жестокій талантъ Достоевскаго, и тонкіе образы и живописныя картины русской природы, нарисованныя мастерской кистью Тургенева и проникнутую гражданскимъ духомъ поэзію Некрасова. Но пока все это остается въ области пожеланій, а народу приходится довольствоваться пока до поры до времени тѣмъ ничтожнымъ количествомъ книгъ, которое доходитъ до него путемъ дешевыхъ изданій и народныхъ библіотекъ, а лицамъ, работающимъ надъ дѣломъ народнаго просвѣщенія путемъ книги для чтеній,—умѣщаться въ тѣхъ узенькихъ рамкахъ, которыя отведены имъ для этого дѣла.

Итакъ постараемся разобраться въ томъ матеріалѣ, который намъ данъ, выдѣлить изъ него лучшее и расположить въ какой-нибудь системѣ.

О. Кайданова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ жизни народнаго пѣвца.

Новыя черты для біографіи поэта-крестьянина И. З. Сурикова.

(Къ 25-лѣтію со дня его смерти).

Несмотря на простоту и относительную наивность музы Сурикова, „блѣднолицей сиротинки съ грустными голубыми глазами и тихой жалобой на устахъ"; несмотря на всю цѣльность и прямоту „поэта тоски и печали",—о немъ еще не сказано послѣдняго слова. Критики указывали, главнымъ образомъ, на то, что „жизнь дала Сурикову печальные образы и грустные звуки; ихъ же и выразила его пѣсня, явившаяся непосредственнымъ отголоскомъ всего того, что мучило и давило поэта. Эти образы и звуки пережили Сурикова и, несмотря на кажущееся забвеніе его имени, читатель, любящій родную поэзію, найдетъ въ этихъ скорбныхъ звукахъ настоящую поэзію правды, искренности и простоты". Конечно, это не было открытіемъ, потому-что печаль звуковъ и образовъ свойственна большинству русскихъ поэтовъ стараго и новаго времени. Если же мы обратимся къ перепискѣ Сурикова, которой до сихъ поръ никто не пользовался, то здѣсь чуть не на каждомъ шагу найдемъ взгляды самого поэта на свое призваніе, на задачи поэзіи вообще, а это особенно и интересно.

Въ письмѣ къ И. Барышеву (Мясницкому) отъ 5 іюня 1878 года Суриковъ припоминаетъ поводъ, по которому написано его стихотвореніе „Дѣтская молитва": „въ стихотвореніи этомъ я привелъ задушевную мою мысль—*любовь ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ*". Намъ кажется, что съ этой именно точки зрѣнія и надо разсматривать не только всю поэзію, но и самую жизнь поэта-горемыки, который съ ранняго дѣтства узналъ нужду, но среди самыхъ тяжелыхъ условій мелкаго торговца старымъ желѣзнымъ хламомъ, среди угнетающей семейной обста-

новки и тревожныхъ признаковъ неизлѣчимаго недуга,—всегда являлся другомъ страждущихъ и угнетенныхъ, другомъ такихъ же, какъ и онъ, горемыкъ, оторванныхъ отъ родныхъ полей и брошенныхъ въ омутъ столичной жизни. Этими чертами и объясняется то, что не всякому, быть можетъ, понятна и родственна грусть суриковскихъ пѣсенъ. И не даромъ другой поэтъ-крестьянинъ, С. Дрожжинъ, сказалъ про такихъ поэтовъ:

Вамъ не понять пѣвца, когда
Онъ на пиру сидитъ угрюмый
И въ горькой пѣснѣ иногда
Свои высказываетъ думы.
Но кто изъ васъ среди заботъ,
Какъ онъ, всю жизнь съ нуждою бьется,—
На пѣсню вздохомъ отзовется
И скорбь души его пойметъ.

Суриковъ не былъ борцомъ: борьба съ какимъ бы то ни было зломъ даже не свойственна его мягкому, женственному характеру. Но въ одномъ изъ своихъ раннихъ писемъ къ поэту-крестьянину И. Воронину онъ говоритъ, что все-таки не въ силахъ онъ мириться съ тѣмъ, кто каждый день его душитъ и давитъ, стараясь втоптать въ грязь. „Писать?—спрашиваетъ онъ далѣе.— Но что писать?.. Душа у меня по природѣ мягкая, я способенъ только плакать въ стихахъ, но никакъ не упрекать, не бичевать людей. Богъ съ ними: они не вѣдаютъ бо, что творятъ“. Это онъ писалъ въ апрѣлѣ 1873 года. Немного позднѣе онъ возмущается тѣми развѣ писателями, которыхъ можно упрекнуть въ неискренности, которые не убѣждены въ томъ, за что ратуютъ. Примѣръ такихъ писателей производилъ на Сурикова отталкивающее впечатлѣніе, и въ письмѣ къ Н. А. Соловьеву-Несмѣлову въ концѣ февраля 1878 года, главной причиной „неписанія стиховъ“ онъ считаетъ „ложь и фразерство“, съ которыми ему пришлось познакомиться при столкновеніи съ разными писателями. „Если многіе завѣдомо лгутъ, то что же я буду дѣлать съ моимъ стономъ, плачемъ и завѣтными стремленіями къ искренности и правдѣ, какъ понимаю? Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ писательствомъ: *я лгать не хочу*“.

И поэтъ не лгалъ, не солгалъ ни разу въ жизни, а потому правы были тѣ критики, которые замѣчали, что „талантъ Сурикова, прежде всего—искренній талантъ. Пусть не громки были его пѣсни, пусть много несовершеннаго въ нихъ, но онъ никогда не былъ ни жалкимъ версификаторомъ, ни рабомъ одной риѳмы, поющимъ съ чужого голоса. Тѣсенъ и однообразенъ міръ его поэтическаго вдохновенья, но въ этомъ мірѣ нужды, скорбей и труда онъ является настоящимъ поэтомъ; его негромкая пѣсня захватываетъ читателя, и, захваченный ею, задумается онъ о грустной судьбѣ грустнаго поэта, рано промѣнявшаго ширь род-

ныхъ полей на духоту столичнаго центра. Родныя поля, деревенская ширь и раздолье ласкали его первыя впечатлѣнія бытія; среди нихъ прошли дѣтскіе дни; о картинахъ дѣтства онъ во всю жизнь „среди сердечной мглы“ сохранилъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія. Но впечатлѣнія этихъ дней были очень кратковременны“. Его симпатіи всегда были на сторонѣ людей, нуждающихся въ тепломъ словѣ, въ откликѣ на страданія. Отзывчивая душа Сурикова готова была откликнуться на всякое страданіе.

Когда одинъ изъ рецензентовъ упрекалъ поэта въ преувеличеніи „тоски и горя“, которымъ будто бы дышалъ весь сборникъ его стиховъ, появившійся въ 1871 году, Суриковъ написалъ стихотвореніе съ обращеніемъ къ тѣмъ поэтамъ-братьямъ, которымъ чужды были эти „пѣсни горя и печали“. Онъ спрашиваетъ ихъ:

— Иль братались мы позорно
Съ ложью темною людскою?
— Нѣтъ! всю жизнь вели упорно
Мы борьбу съ царящей тьмою;
Наше сердце полно было
Къ человѣчеству любовью,
Но отъ мукъ оно изныло,
Изошло отъ боли кровью.
Честны были въ насъ стремленья,
Честны были мы душою...
Такъ за что-жъ кидать каменья
Въ насъ, измученныхъ борьбою?

Конечно, этотъ упрекъ былъ несправедливъ: искренній поэтъ поетъ только о томъ, что трогаетъ его душу. Чѣмъ же виноватъ Суриковъ, что вся жизнь его была сплошнымъ ненастьемъ въ то время, когда инымъ поэтамъ выпало на долю вёдро? Въ самомъ дѣлѣ, на его долю выпали такіе тяжелые дни, какіе едва-ли извѣстны многимъ, очень многимъ. Бѣдный крестьянскій мальчикъ, онъ на восьмомъ году попалъ въ Москву, сейчасъ же былъ поставленъ за прилавокъ овощной лавочки отца, затѣмъ завелъ собственную торговлю старымъ желѣзомъ и углемъ, и если въ тѣсной каморкѣ находилъ утѣшеніе въ чтеніи и писаніи, то молодыя грезы сейчасъ же разбивались о жестокія требованія пьянаго отца, врага „книжности“ юнаго поэта, о торгашескіе разсчеты и матеріальныя нужды. Такъ проходила его однообразная жизнь, и Суриковъ имѣлъ полное право сказать вмѣстѣ съ Никитинымъ:

И все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной,—
И горе и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ оборванный и блѣдный—
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Поэтому жизнь людей, подобныхъ Сурикову и другимъ писателямъ, вскормленнымъ сѣрой русской деревней и заброшеннымъ

въ большой городъ, представляетъ глубокое воспитательное значеніе. Въ тяжелыя минуты ихъ образъ можетъ служить намъ лучшимъ утѣшеніемъ, и свои собственныя скорби намъ покажутся, навѣрное, самыми ничтожными, въ сравненіи съ тяжелой и безотрадной долей бѣдняковъ-писателей, истинныхъ подвижниковъ и мучениковъ долга. Чтобы составить представленіе объ обстановкѣ Сурикова, достаточно привести два-три отрывка изъ его писемъ къ друзьямъ: „извини, что письмо неразборчиво написано: ужасно неловко писать. Пишу на деревянномъ ящикѣ, который то и дѣло качается; на квартирѣ заняться нельзя, тамъ маляры клеятъ да мажутъ“. Черезъ годъ, въ мартѣ 1874 года, онъ сообщаетъ тому же Воронину, что не перебрался еще на новую квартиру: „у меня была страшная возня съ угольями. Дня четыре я изволилъ съ ними пѣстоваться. Помѣщеніе, которое я занималъ угольями, домовладѣлецъ сдалъ другому жильцу, и я долженъ былъ выбираться въ другое мѣсто. И девятьсотъ кулей уголья побывали на нашихъ спинахъ—моей и моего шурина, живущаго у меня. Мы перетаскали ихъ на себѣ съ одной улицы на другую,—но это мимо. Интереснаго тутъ мало...“

Черезъ два мѣсяца онъ снова жалуется на недостаточность матеріальныхъ средствъ: „каждый день идетъ пересыпка изъ кулей въ другіе кули, и я хожу, какъ трубочистъ. Если тебѣ когда-нибудь вздумается представить меня, въ какомъ видѣ я нахожусь,—взгляни на трубочиста, и будетъ предъ тобой твой другъ Суриковъ. Тяжело и чёрно; сморкнешь—угольная пыль, откашлянешь мокроту—угольная пыль... О, нужда, чего она не заставляетъ дѣлать! Иногда такъ становится тяжело, что поневолѣ склонишь голову и опустишь руки. До умственнаго-ли труда въ это время?... Впрочемъ, это въ сторону: у кого нѣтъ горя и нужды?“ И при всѣхъ этихъ условіяхъ, Суриковъ подарилъ литературѣ много великолѣпныхъ, красивыхъ пѣсенъ, которыя имѣютъ глубокое воспитательное значеніе и современемъ, несомнѣнно, займутъ мѣсто въ учебныхъ хрестоматіяхъ, потому что могутъ внушить только самыя свѣтлыя и высокія чувства. Въ этомъ смыслѣ, повторяемъ, интересны и поучительны біографическія данныя о поэтѣ, потому что и они внушаютъ читателю вѣру въ людей, надежду на лучшее будущее, любовь къ труду и человѣку. Человѣкъ чуткій къ чужимъ горестямъ, онъ не могъ представлять жизнь въ розовыхъ мечтахъ и основное настроеніе его грустныхъ мотивовъ прекрасно вылилось въ краткихъ словахъ:

Мнѣ доставались нелегко
Моей души больные звуки;
Страдалъ я сердцемъ глубоко,
Когда слагалась пѣсня муки.
Я въ пѣснѣ жилъ не головой,
Я жилъ скорбящею душою,

И оттого мой стихъ больной
Звучитъ тяжелою тоскою.

Познакомимся съ выдержками изъ неизданной переписки Сурикова съ здравствующимъ поэтомъ-крестьяниномъ Саввой Яковлевичемъ Деруновымъ. Жалобы его на всякія невзгоды начинаются довольно рано. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Дерунову, отъ 9 сентября 1872 года, Суриковъ проситъ извиненія въ томъ, что долго не отвѣчалъ на письмо друга: „Причины этому слѣдующія: Бывши на Политехнической выставкѣ, я умудрился захватить сильнѣйшую простуду, долго шляясь по Морскому отдѣлу, который открытъ съ четырехъ сторонъ. День былъ холодный, вѣтренный. Я былъ одѣтъ въ легкомъ сюртучишкѣ,— и всего прохватило. Придя домой, я почувствовалъ внутренній жаръ и ознобъ, боль поясницы, боль рукъ и ногъ, и весь я дрожалъ. На завтра у меня въ горлѣ образовалась сильнѣйшая жаба, такъ что даже говорить было невозможно, и я безвыходно три съ половиной недѣли изволилъ вылежать на квартирѣ. Вотъ почему и не отвѣчалъ на твое письмо. И теперь пишу тебѣ на клочкѣ бумаги. Искалъ, искалъ на квартирѣ—нѣтъ ея, потому что теперь моя контора находится въ лавкѣ. Я уже оторвалъ отъ письма половину листочка. На немъ то и пишу тебѣ“. Положеніе поэта не улучшилось и черезъ два мѣсяца, когда онъ писалъ тому же лицу. „На твое письмо надо бы отвѣтить толкомъ и кое о чемъ поговорить слѣдовало бы поразумнѣе, но извини, едва осилилъ и это: нездоровье одолѣло: пять дней нахожусь въ лихорадочномъ состояніи, не выхожу изъ квартиры и думаю отправиться въ больницу. При лихорадочномъ состояніи у меня еще открылся кашель. Такъ что, когда закашляешься,— и не дождешься конца, когда окончится этотъ проклятый кашель. Здоровье мое, братъ, самое дрянное: недѣлю здоровъ, да недѣлю нездоровъ“. Очевидно, это были первыя жалобы Сурикова на тотъ недугъ, который черезъ восемь лѣтъ свелъ его въ могилу, когда онъ „уплылъ вмѣстѣ съ вешней водой“.

Впрочемъ, Суриковъ сталъ какъ будто уже свыкаться съ болѣзнью, какъ къ его невзгодамъ прибавилась новая: въ его квартирѣ случился пожаръ, о которомъ онъ подробно разсказываетъ въ письмѣ къ Дерунову: „Дорогой мой Саввушка,—писалъ онъ 23 Іюня 1874 года.—Отвѣчаю на твое письмо на скорую руку, ибо писать нечѣмъ и негдѣ: живу пока безъ квартиры на дворѣ. У меня, братъ, случилось великое несчастье—пожаръ; хотя имущество и вытаскали, но половины его не соберу. Изъ довольно порядочной моей библіотеки книгъ не осталось и половины. Богъ знаетъ, куда она расподѣвалась. Портфель съ письмами моихъ друзей исчезъ невѣдомо куда. Квартирная мебель, иконостасы и т. п.—все изломано вдребезги. Предъ самымъ пожаромъ, какъ на грѣхъ, я только сложилъ въ сарай сотъ до семи

угольевъ. Пожаръ случился не у меня, а рядомъ черезъ два дома и быстро дошелъ до сараевъ. Полиція не пустила меня даже вытаскивать квартирное имущество и велѣла очищать сараи отъ угольевъ. Поэтому я даже не знаю, кто вытаскивалъ мое квартирное имущество. Уголья вывезены и валяются теперь за заставою, въ лѣсномъ ряду и за валомъ у машины. Отъ этого погрома никакъ, братъ, не оправлюсь; очень скверно то, что много рукописей у меня пропало: „Лучшіе люди" И. Г. Воронина, „Блуждающій огонекъ", „Разлучница" И. К. Кондратьева, „Зазорныя дѣти" и „Стихотворенія" твои, тетрадь стихотвореній И. Е. Тарусина". Удалось спасти очень немногое, и то благодаря тому, что кое-что попало въ имущество сосѣдей. Теперь онъ живетъ во дворѣ, подъ открытымъ небомъ, а главное, что безпокоило его, это—сгорѣвшая библіотека, собранная цѣлыми годами, стоившая многихъ жертвъ и связанная съ лучшими воспоминаніями.

Не лучше обстояло дѣло къ началу августа того же года. Трое друзей Сурикова больны, лежатъ въ больницѣ, внушаютъ серьезныя опасенія; четыре дня передъ тѣмъ онъ схоронилъ молодого поэта-крестьянина Жарова. „У меня, братъ, все семейство нездорово,—прибавляетъ онъ дальше,—отецъ, жена, женинъ братъ; хоть бѣги изъ дома, глаза-бы не глядѣли... Послѣ пожара въ матеріальномъ отношеніи все еще, братъ, не могу поправиться—гадко, очень гадко. Въ настоящее время на меня напало какое то затишье, писать ничего не хочется, грустно. Кто не здоровъ, кто умеръ,—все это кладетъ на душу тяжелое впечатлѣніе: живи, трудись—и для чего?. Что о тебѣ скажутъ что-нибудь въ потомствѣ, что-ли? Глупости, пошлая ерунда! Впрочемъ, ты мои работы за полѣднее время можешь видѣть въ „Дѣлѣ" въ майской, іюньской и іюльской книгахъ, въ августовской не знаю, будетъ ли, ничего не писали, а для августовской книги тамъ мои стихи есть. Прощай, мой милый, и будь здоровъ".

Очень характерны мысли Сурикова, вызванныя размышленіями Дерунова. Несмотря на мрачный общій тонъ ихъ, въ концѣ концовъ поэтъ находитъ утѣшеніе въ нравственномъ началѣ. „Дорогой мой другъ, Савва Яковлевичъ,—писалъ онъ 2 Сентября 1874 года.—Отозвались великою скорбью въ сердцѣ моемъ твои слова: „да, часто стало приходить на умъ-разумъ не махнуть ли на все писательство рукой. „Что оно мнѣ дало, кромѣ страданія? Живутъ же люди, да какъ живутъ-то, не зная ни печали, ни скорби, ни треволненій—припѣваючи." Это выходитъ-то: заглушить дѣятельность мысли, потребность духа выражать свои воззрѣнія на видимый міръ, сдѣлаться человѣкомъ чисто матеріальнымъ; но это легко сказать словомъ, но каково исполнить это на дѣлѣ?

Какъ тяжело сказать уму:
„Оборотись, иди во тьму...“

Что живутъ люди не мыслящіе ни о чемъ другомъ, кромѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній, живутъ хорошо,—съ этимъ я вполнѣ согласенъ. Эхъ, другъ, Саввушка! Намъ съ тобою такъ не жить, а слѣдовательно, объ этомъ поздно говорить. Наши волосы начинаетъ покрывать уже сѣдина, перемѣнять свои убѣжденія немыслимо, да и невозможно: полъ дороги мы съ этими убѣжденіями прошли, а послѣднюю половину какъ нибудь дотянемъ“. И поэтъ „дотягивалъ“ ее, держалъ себя стойко, изливая свои скорби лишь въ письмахъ къ тѣмъ, кто могъ понять его, да въ стихахъ. Его угнеталъ матеріальный вопросъ. „Торговыя дѣла заѣли меня совсѣмъ,—жаловался онъ въ концѣ февраля слѣдующаго года,—нужда, заботы о семьѣ все время мучатъ и нравственно, и физически. Остается одно средство: покончить свои литературныя занятія, махнуть на нихъ рукой и броситься въ грязный омутъ матеріальной дѣятельности. Некрасиво это, я знаю, но по крайней мѣрѣ я буду жить безбѣдно. Но жить тою жизнью, какою я живу, среди окружающихъ тебя подлецовъ и мошенниковъ,—ей Богу, нельзя. Плохо жить честному человѣку на свѣтѣ, и вдвое плоше еще многосемейному.“ Хотя у Сурикова не было дѣтей, но онъ могъ говорить о многосемейности потому, что долженъ былъ содержать жену, ея брата и сестру съ мужемъ, наконецъ, своего старика отца, который второй разъ женился на сварливой женщинѣ, отбился отъ дѣла, пьянствовалъ и еще больше увеличивалъ страданія сына. „Прошу великодушно меня извинить, что я получилъ отъ тебя два письма, и давно уже, но отвѣчаю только на послѣднее,—читаемъ мы въ письмѣ отъ 14 Августа 1875 года.—Причиной моего молчанія была недосужность взяться за перо. Батюшка мой уже третій мѣсяцъ—какъ запилъ. Дѣлъ много. Мечешься, какъ угорѣлый, то туда, то сюда,—и все одинъ... Тяжело, живется, тяжело, грязно и душно— и ничего не подѣлаешь. Живи и мучься... Какъ ты живешь, мой другъ, какъ работаешь? Какъ жизнь идетъ, свѣтло или темно? Я, братъ, начинаю уставать, силы измѣняютъ. Я думаю, если бы ты меня увидалъ за послѣднее время, то не узналъ бы меня. Я посѣдѣлъ и состарился.“

Затѣмъ онъ перечисляетъ журналы, давшіе отзывы о послѣднемъ сборникѣ его стихотвореній. Отзывы благопріятные, книга идетъ хорошо, и мѣсяца черезъ два-три всѣ экземпляры разойдутся. За это время напечатаны новыя стихотворенія въ разныхъ журналахъ и написана „Богатырская жена“, предназначенная для „Вѣстника Европы“. „Не знаю, помѣстятъ-ли ее, но написана она недурно,—прибавляетъ Суриковъ.—Вотъ, мой милый другъ, и все, что я сдѣлалъ за послѣднее время, и усталъ, усталъ... Толстые журналы на стихи смотрятъ очень строго и требуютъ

изящной отдѣлки формы; иначе ихъ и не читаютъ и возвращаютъ обратно. Время Кольцова прошло; тогда на форму стиха смотрѣли иначе. Теперь напиши такою формою какое-нибудь стихотворенie,—его ни одинъ журналъ, даже плохенькiй не напечатаетъ". Впрочемъ, его опасенiя относительно „Вѣстника Европы" оказались напрасными: поэма была принята, и за нее онъ получилъ 225 рублей, сумму очень значительную для поэта, печатавшаго много и совсѣмъ безъ гонорара.

Не смотря на то, что Сурикова охотно печатали лучшiе журналы, тѣмъ не менѣе, заработокъ его все таки былъ случайнымъ. Въ концѣ того же года онъ снова жалуется другу на нездоровье: день ходитъ, а другой лежитъ. Писалъ онъ вообще немного, и хотя толстые журналы платили ему по 50 копѣекъ за строчку, дѣла его въ матерiальномъ отношенiи не поправлялись. „Расходы одолѣли,—объяснялъ онъ,—у меня шесть человѣкъ семейства. Отецъ постоянно пьянствуетъ, допивается до умопомѣшательства. Два раза уже былъ отправленъ въ больницу полицiей въ винной горячкѣ; какъ только выйдетъ, то опять за то же". Къ этому присоединились муки авторскаго самолюбiя. „Голубчикъ, Савушка,—восклицаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—мнѣ было прежде лучше, когда на мои работы обращали мало вниманiя; теперь же, какъ только появится гдѣ-нибудь въ журналѣ мое стихотворенie, то сейчасъ поднимаются толки: кто хвалитъ, кто ругаетъ. Это меня иногда интересуетъ, иногда раздражаетъ. Мнѣ теперь должно быть очень, очень осторожнымъ: что мнѣ прежде спускали, теперь мнѣ этого не прощаютъ".

„Второе изданie моихъ стихотворенiй почти все разошлося. К. Т. Солдатенковъ мнѣ дѣлалъ предложенie, что онъ съ большимъ удовольствiемъ возьметъ на себя трудъ быть ихъ издателемъ. Къ концу будущаго года я, можетъ быть, и соглашусь ихъ издать, но до тѣхъ поръ нужно погодить. У меня уже теперь есть много новыхъ стихотворенiй, да, можетъ быть, и еще напишу. А. Н. Якоби, А. К. Шеллеръ, А. Н. Плещеевъ писали мнѣ, чтобы я прiѣзжалъ въ Петербургъ, и они меня познакомятъ съ тѣми литературными знаменитостями, которые интересуются меня видѣть, но я человѣкъ ужасно не подъемистый и черезъчуръ дикiй и застѣнчивый. Что я тамъ буду дѣлать, и что со мною будутъ дѣлать? Но все это въ сторону: здоровье мое плохо, грудь болитъ, задыхаюсь. Лечитъ меня домашнiй докторъ К. Т. Солдатенкова, пища моя—два стакана молока и бѣлый хлѣбъ въ сутки. Да, дорого достались мнѣ мои пѣсни! Я потерялъ черезъ нихъ мое здоровье. Что дѣлать? Судьба мучениковъ мысли всегда такова. Прощай, мой друже, крѣпко жму твою руку". Къ тому же его огорчало, что критики сравнивали его стихи съ Кольцовскими. Объ этомъ онъ писалъ Н. А. Соловьеву-Несмѣлову, своему петербургскому другу. „Меня не мало удивляютъ

нѣкоторые рецензенты: они непремѣнно хотятъ видѣть во мнѣ Кольцова. Хоть мы и самоучки, но мы оба разные; при разныхъ условіяхъ пришлось намъ жить, чахнуть, да я и не думалъ никогда быть Кольцовымъ и тянуться за нимъ: я хотѣлъ быть просто Суриковымъ, хоть лыкомъ шитымъ, но быть самимъ собою".

И въ слѣдующемъ году обстоятельства не измѣнились къ лучшему. Онъ извиняется передъ Деруновымъ, что долго молчалъ, и объясняетъ это своимъ недугомъ. Надежда на выздоровленіе не покидаетъ поэта, и 2 іюня онъ пишетъ, что теперь сталъ понемногу поправляться, можетъ писать, а прежде не могъ и этого дѣлать: лежалъ и кашлялъ... „Я въ настоящее время ничего не дѣлаю и ничего не пишу, ни голова, ни душа не работаютъ. Я сознаю теперь, что по моему здоровью мнѣ нуженъ продолжительный отдыхъ и спокойствіе души. Но это по нѣкоторымъ причинамъ недостижимо: торговыя дѣла и каждодневныя почти непріятности съ отцомъ уколачиваютъ мое здоровье. По болѣзненному моему состоянію, я почти отбился отъ лавки и нѣсколько времени не занимался торговлею—лежалъ на квартирѣ. Въ это время дѣла по лавкѣ разстроились такъ, хоть плюнь на все,—товаръ оказался распроданъ, а денегъ нѣтъ. Къ литературѣ я начинаю охладѣвать; даетъ она вознагражденіе пустяковое, а теряю я изъ-за нея много, и поэтому теперь почти не занимаюсь ею. Если и будетъ что напечатано въ этихъ мѣсяцахъ въ „Дѣлѣ", то это изъ прежнихъ моихъ работъ".

И дѣйствительно, въ перепискѣ между Суриковымъ и его другомъ наступаетъ долгій перерывъ, почти годъ, и слѣдующее письмо начинается обычнымъ извиненіемъ за долгое молчаніе. „Просто на-просто человѣкъ погрязъ въ житейской тинѣ, ничего не пишу и не дѣлаю. Трудно, друже, быть слугою двухъ господъ: и торговать, и литераторствовать. Я теперь занимаюсь больше торговлею, а не писательствомъ. Съ писательствомъ придется бѣдствовать, а мнѣ уже 37-ой годъ, это дѣло неловкое, да и здоровье мое плохое. За послѣднее время я соорудилъ только „Казнь Стеньки Разина" и „Въ деревнѣ"; послѣднее и напечатано въ „Дѣлѣ". Затѣмъ написалъ некрологъ А. И. Левитова для „Пчелы", который былъ помѣщенъ въ 4-мъ номерѣ. Вчера написалъ некрологъ и біографическія свѣдѣнія о Кафтыревѣ, тоже для „Пчелы", гдѣ указалъ и литературную дѣятельность покойнаго".

Ряды поэтовъ—друзей Сурикова, замѣтно рѣдѣли, и эти потери тяжело отзывались на состояніи духа больного писателя, человѣка отзывчиваго. Онъ скорбѣлъ по новоду этихъ утратъ еще потому, что всѣ поэты изъ народа—„по духу братья":

Вѣдь не поле насъ посѣяно:
Нѣтъ, не много насъ, братъ, видано—

И всего-то горстка малая
По святой Руси раскидана.

Съ апрѣля 1877 года сообщенія о болѣзни Сурикова становятся болѣе тревожными: она какъ-будто опредѣлилась, и надо было подумать о леченіи. „Все-то я плохо здоровъ,—пишетъ онъ,—проклятый кашель не даетъ мнѣ покоя, а тутъ еще показался кровавый кашель, но на этихъ дняхъ усиліями доктора Пикулина кровотеченіе горломъ остановлено. Докторъ совѣтуетъ мнѣ пить кумысъ и лѣтомъ ѣхать куда нибудь въ деревню. Всѣ эти совѣты докторскіе, разумѣется, хороши, но къ несчастію моему, они для меня неисполнимы. И нужно махнуть на эти совѣты рукой и послѣдовательно доколачивать самому себя въ городѣ, доколачивать физическимъ трудомъ и всякими мелкими житейскими дрязгами. Въ „Будильникѣ“ ты увидишь нѣсколько моихъ стишинъ, въ которыхъ встрѣтишь и „житье-бытье“ мое горькое, и мои порывы въ деревню“. Мрачныя думы поэта о своей собственной судьбѣ получили иное освѣщеніе, когда онъ близко познакомился съ горемычными днями другихъ писателей; къ тому же письму онъ дѣлаетъ такую приписку: „Некролога моего, написаннаго о Д. Н. Кафтыревѣ и посланнаго въ „Пчелу“, цензура не пропустила... Впрочемъ, я самъ виноватъ. Въ этомъ некрологѣ я набросалъ общій очеркъ тяжелой жизни, а тѣмъ болѣе тяжелой смерти всѣхъ писателей изъ народа, начиная съ Кольцова, не минуя Помяловскаго, Рѣшетникова, Бабикова, Кущевскаго, Никитина, Сухова, Левитова и кончая Кафтыревымъ. Картина вышла дѣйствительно мрачная“.

Особенной грустью больного поэта дышетъ его письмо отъ 18 апрѣля слѣдующаго года, гдѣ онъ поздравляетъ своего друга со Свѣтлымъ праздникомъ: „Христосъ Воскресе! Желаю тебѣ всего хорошаго, а главное—здоровья. Нездоровье меня замучило въ конецъ, я почти годъ не принимался за перо и никому ничего не писалъ. Дѣло мое, голубчикъ, плохо; кашель становится день ото дня все сильнѣе. Доктора совѣтуютъ ѣхать на лѣто куда-нибудь въ деревню, но торговыя мои занятія и семейныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ это исполнить. Приходится околѣвать... Будь же здоровъ, мой хорошій“. Теперь онъ чаще думаетъ о смерти и рисуетъ картину, какъ будетъ лежать въ могилѣ рядомъ съ матерью, о которой у поэта остались свѣтлыя воспоминанія:

И когда меня, родная,
Принесутъ къ тебѣ, —
Пріюти тогда меня ты
Тутъ въ землѣ сырой.
Буду спать, я, спать покойно
Рядышкомъ съ тобой;
Будетъ солнце надо мною
Жаркое сіять;

Будутъ звѣзды золотыя
Во всю ночь блистать;
Будетъ вѣтеръ безпокойный
Пѣсни свои пѣть,
Надъ могилой серебристой
Тополью шумѣть;
Будетъ вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно—силъ погибшихъ
Ей не разбудить...

Нужно было серьезно лечиться, а средствъ не было. На помощь Сурикову явился просвѣщенный московскій благотворитель К. Т. Солдатенковъ, владѣлецъ извѣстной картинной галлереи и издатель цѣлаго ряда замѣчательныхъ книгъ. Узнавъ о серьезномъ положеніи здоровья поэта, Солдатенковъ послалъ его на свой счетъ въ Самарскую губернію, на кумысъ въ санаторію доктора Чембулатова. Здѣсь Суриковъ думалъ прожить до 1 августа, и просторъ волжскихъ степей снова вдохновилъ его. Среди природы онъ нашелъ новыя силы и на пароходѣ набросалъ стихотвореніе, въ которомъ обвиняетъ душную городскую обстановку, причинившую ему столько горестей:

Городъ душный, городъ пыльный,
Городъ полный нищеты!
Точно склепъ сырой, могильный,
Бодрыхъ духомъ давишь ты!
Радъ, что я тебя покинулъ,
Душный городъ, гдѣ я росъ,
Гдѣ едва, едва не сгинулъ
Въ безднѣ горя, въ морѣ слезъ.
Солнце тамъ меня не грѣло
Золотымъ своимъ лучомъ,
Здѣсь въ степи же закипѣла
Снова жизнь во мнѣ ключомъ.
Я впиваю воздухъ жадно...
Душный городъ далеко!..
Какъ душѣ моей отрадно,
Какъ груди моей легко!

Его провожали друзья-поэты, разлука съ которыми его огорчала, а 14 іюля 1878 года Суриковъ привѣтствуетъ друга уже изъ Самарской степи, гдѣ живетъ цѣлыхъ два мѣсяца: „За послѣднее время болѣзнь моя, пораженіе легкихъ, дошла чуть не до крайней степени своего развитія, и доктора отказались меня лѣчить, не находя для этого средствъ въ Москвѣ. И вотъ, по совѣту докторовъ, которые нашли единственное средство для излѣченія моей болѣзни кумысъ и степной воздухъ, я отправился въ Самарскія степи на кумысъ. Здоровье мое дѣйствительно поправляется, одышка пропадаетъ, душившій меня кашель сталъ легче, силы начинаютъ крѣпнуть. Скука здѣсь, голубчикъ, страшная! Перваго августа кончится курсъ моего лѣченія, и я воз-

вращаюсь въ Москву. За послѣднее время я почти ничего не писалъ, едва волочилъ ноги. Здѣсь я нацарапалъ слѣдующія стихотворенія: „На одрѣ“, „Погоняй, ямщикъ, скорѣе“, „Вотъ и степь съ твоей красою“, „Не корите, братья“, „Догорѣла румяная зорька вдали“, „На кумысѣ“, „Все люди, люди..., тьма людей“, „Занялася надъ степью заря“, „На чужбинѣ“, „Надъ широкой степью хищный коршунъ вьется“, „Въ тихомъ сумракѣ лампада еле теплится, горитъ“, „Прощаніе“, изъ украинскихъ мотивовъ, „Ужъ падаютъ, падаютъ листья съ деревъ, уноситъ ихъ вѣтеръ осенній...“, „Чего еще сердце отъ жизни ты ждешь“, „Ожиданіе“, изъ украинскихъ мотивовъ. Вотъ покуда что—и все! Планы кое какіе еще есть, можетъ быть, испеку и еще нѣсколько стихотвореній“.

Настроеніе Сурикова временно перемѣнилось къ лучшему; результатомъ его было нѣсколько стихотвореній болѣе бодрыхъ, чѣмъ прежнія, и шутливые отрывки въ письмахъ къ друзьямъ. Возвращеніе въ Москву 14 августа заставило его призадуматься надъ будущимъ, такъ какъ докторъ призналъ, что для легкихъ очень вредна угольная пыль и ржавое желѣзо. Но иныхъ средствъ къ существованію у него не было. Принимая отъ друга поздравленіе съ новымъ годомъ, онъ какъ будто съ надеждой спрашиваетъ: „что то намъ принесетъ этотъ 1879 годъ?“ и затѣмъ сообщаетъ о своихъ литературныхъ планахъ. „Дѣло по изданію журнала „Зарница“ у меня не состоялось, а разрѣшить его мнѣ положительно обѣщали. Но меня пугаетъ мое здоровье и вотъ хомутъ, издательство, который я долженъ надѣть на себя, и поэтому я мысль объ изданіи журнала оставилъ. Весною, по совѣту докторовъ, я опять долженъ уѣхать въ Самарскія степи на кумысъ; иначе я свалюсь и протяну ноги. Но это въ сторону—не умремъ, такъ поживемъ!.. Какъ ты поживаешь, мой хорошій? Я же, братъ, живу неважно и почти ничего не пишу. Вседневныя заботы о добываніи куска отнимаютъ время отъ моего поползновенія на стихоплетство. Да, устарѣлъ, братъ, я и посѣдѣлъ, какъ старая попова собака, и брехать не въ состояніи“. Послѣднія слова находимъ также въ письмѣ къ Соловьеву-Несмѣлову, датированномъ 3 марта 1879 года, гдѣ Суриковъ высказываетъ желаніе повидать А. Н. Плещеева, который „понялъ и оцѣнилъ меня лѣтъ пятнадцать тому назадъ и поощрилъ мои стремленія. Но этотъ милый человѣкъ, встрѣтясь со мною, меня теперь не узналъ-бы: волоса на головѣ и бородѣ побѣлѣли, зовутъ теперь простые добрые мои знакомые—дѣдушкой. Что дѣлать? Жизнь вашего „Захарыча“ не баловала. Да, она, пожалуй и резонно поступала такъ со мною. Зачѣмъ? Невольно припоминаются слова Некрасова: „Зачѣмъ?..

Чтобъ человѣкъ не баловался...“

Съ наступленіемъ весны Суриковъ рѣшилъ снова уѣхать изъ

Москвы, но на первый день Пасхи слегъ въ постель, нѣсколько дней находился въ безпамятствѣ и не могъ даже бесѣдовать со своимъ доброжелателемъ Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

Слѣдующая поѣздка на кумысъ не принесла никакой пользы, потому что стояли страшныя жары, трава выгорѣла, и больные не поправлялись. Вернулся Суриковъ въ Москву въ худшемъ положеніи, и оставалось подумать о лѣченіи въ Крыму. Средства для этого были предоставлены литературнымъ фондомъ, которыхъ хватило однакожъ не надолго. Крымская лихорадка истрепала и безъ того измученнаго страдальца, и теперь къ его бѣдамъ прибавилась тоска по семьѣ. Въ октябрѣ 1879 года онъ писалъ К. Т. Солдатенкову: „оставшись зимовать въ Ялтѣ, я буду лишенъ душевнаго тепла встрѣтить праздникъ Рождества Христова дома, въ кругу моей семьи. Я знаю, что мой отецъ, этотъ безпомощный безъ меня человѣкъ, придетъ въ великій праздникъ отъ обѣдни и, не встрѣтивши меня, горько-горько зарыдаетъ, — и будетъ ему праздникъ не въ праздникъ, а въ черный скорбный день... Отецъ мой смотритъ на меня теперь уже иначе, чѣмъ смотрѣлъ когда-то; не знаетъ даже, чѣмъ угодить мнѣ, и относится ко мнѣ сердечно, любовно... Въ Ялтѣ я не буду слышать праздничнаго колокольнаго звона: въ Ялтѣ одна только церковь, да и то звонятъ не какъ у насъ. Я буду слышать одинъ татарскій, еврейскій и караимскій говоръ, да крики армянъ и персіянъ... Вотъ и все; здѣсь русскую рѣчь услышишь рѣдко". Въ другихъ письмахъ изъ Ялты онъ называетъ себя „грѣшнымъ, растерзавшимся и измотавшимся Иваномъ". Силы съ каждымъ днемъ слабѣли, надежда на выздоровленіе гасла.

Наконецъ, въ декабрѣ жена Сурикова привезла его въ Москву: онъ пересталъ о поправленіи теперь и думать. Предпослѣднее письмо къ Дерунову помѣчено 20 декабря 1879 года. „Я только что вернулся изъ Крыма,—пишетъ онъ,—здоровье, мой друже, очень и очень плохо, и все день ото дня становится хуже. Не знаю, долго ли я протяну, но пѣсня моя уже спѣта... Я изъ комнаты уже никуда не выхожу и все кашляю, кашляю и кашляю... дышу я трудно и тяжело, мое правое легкое давно уже тю-тю... Писать я, голубчикъ, ничего не пишу, ибо не могу: голова и дума не работаютъ. Какъ твое здоровье? Что подѣлываешь? Поклонись доброму Л. Н. Трефолеву. Прощай, мой друже! Будь здоровъ." На прощанье Суриковъ написалъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей стихи. Онъ проситъ одного изъ нихъ вспомнить поэта, когда тотъ навѣки заснетъ въ гробовой долинѣ, когда замретъ его грустная пѣсня.

И предъ тобою въ этотъ мигъ
Воскреснетъ другъ любящій,
И ты припомнишь вновь мой стихъ
Болѣзненный, скорбящій.

И скажешь ты; „его ужъ нѣтъ.
Онъ спитъ, скорбей не зная,
Но пѣсня та, что спѣлъ поэтъ,
Звучитъ еще рыдая“...

Теперь пришло время подводить итоги жизни, всей жизни; „такъ мало прожито—такъ много пережито“... Сумѣлъ ли онъ въ чемъ-нибудь запечатлѣть все то, что переживала его душа? Принесутъ ли хоть малую пользу его грустныя пѣсни, что вылились вмѣстѣ съ глубокой тоской? Оставитъ ли онъ слѣдъ въ родной литературѣ?—Всѣ эти вопросы сдѣлались для Сурикова болѣе мучительными, чѣмъ страданія безнадежнаго недуга. Его мысль боролась съ предчувствіями, и послѣднее письмо къ Дерунову, за два мѣсяца до смерти,—еще грустнѣе, чѣмъ предыдущее: „Я все, душа моя, лежалъ,—писалъ онъ 9 февраля 1880 года. „Здоровье мое день за днемъ становится все хуже, не знаю, дотяну ли до весны. Надежды на выздоровленіе никакой нѣтъ. Доктора говорятъ: лѣчить вашу болѣзнь нечѣмъ, медицина не имѣетъ такихъ средствъ, вамъ нуженъ теперь только покой. Если я дотяну до весны, то мнѣ совѣтуютъ уѣхать куда нибудь въ деревню, гдѣ имѣется скотный дворъ, помѣститься въ томъ помѣщеніи, гдѣ стоятъ коровы, и вдыхать этотъ воздухъ, который одинъ только въ состояніи залѣчить больныя легкія. Насколько это вѣрно, я не знаю, но мнѣ приводили нѣсколько примѣровъ исцѣленія этимъ способомъ: одинъ господинъ, страдавшій чахоткой, устроилъ себѣ постель въ коровьемъ помѣщеніи, и спалъ тамъ, вдыхая воздухъ отъ коровъ, и черезъ два съ половиной мѣсяца исцѣлился отъ своей болѣзни. А господина этого отказались лѣчить уже всѣ доктора. Знаменитый германскій ученый и докторъ Шмитсонъ въ своихъ „Письмахъ и Замѣткахъ“ говоритъ: „я чахоточнаго, безнадежнаго уже больного исцѣлилъ слѣдующимъ образомъ: помѣстилъ его на житье въ большой сарай, въ которомъ помѣщались коровы, числомъ шестнадцать. Въ сараѣ сдѣланъ былъ маленькій шалашъ нѣсколько выше помоста, постель же больного была утверждена на высотѣ на три локтя, ибо выходящій изъ навоза паръ поднимается къ верху. Больной, проживши въ сараѣ нѣсколько недѣль, началъ выздоравливать, а спустя 12 недѣль, и совсѣмъ оставилъ свою временную квартиру, возвратившую ему прежнее здоровье“. Я думаю, все это—ерунда. Но, впрочемъ, испробовать не мѣшало бы.“

„Въ Москвѣ, мой друже, новаго пока ничего нѣтъ. Да и знать я теперь мало что знаю: съ квартиры не выхожу, кашляю да лежу. По пріѣздѣ моемъ изъ Крыма, почти ничего не писалъ, болѣзнь меня совсѣмъ пригнела—голова не работаетъ, дума тоже. Только набросалъ одинъ переводъ изъ Одынца, затѣмъ стихотвореніе: „Въ тихомъ сумракѣ лампада“. Потомъ написалъ для педагогическаго журнала „Обученіе и Воспитаніе“ типично-

бытовое стихотвореніе „Дѣдъ Климъ“ и маленькое стихотвореньице „Зима“. Нѣтъ, голубчикъ, видно пѣсенка моя спѣта... и съ весенней водой, пожалуй, уплыву и я... Прощай, мой хорошій. Пиши“.

Предчувствіе поэта сбылось въ точности. 24 апрѣля 1880 г., въ страстной четвергъ, его не стало. Его похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, до могилы провожало нѣсколько друзей. Черезъ десять лѣтъ въ Москвѣ основался „кружокъ писателей изъ народа въ память Сурикова“, и результатомъ его было изданіе нѣсколькихъ товарищескихъ сборниковъ. Нѣкоторыя стихотворенія посвящены покойному поэту, а одно изъ нихъ, принадлежащее М. Леонову, обобщаетъ судьбу многихъ страдальцевъ, участь которыхъ похожа на жизнь нашего пѣвца тоски и горя:

Бѣдные люди, вы много страдали,
Радостей въ жизни вы вовсе не знали,
Счастія свѣтлаго вамъ не дано,
Было вамъ горе одно суждено.

Жизнь вамъ казалася мрачной тюрьмою,
Въ ней вы боролися съ горькой нуждою,
И непосильная эта борьба,
Васъ до могилы сырой довела.

Спите-жъ покойно вы скорбные странники,
Жалкіе жизни печальной избранники;
Тамъ подъ холодной могильной плитой,
Вы не увидитесь съ горькой нуждой...

А. И. Яцимирскій.

Въ глуши.

(Съ натуры).

О, Боже мой, какая скука!
Надъ городомъ и сонъ, и тишь...
Въ пустынной комнатѣ ни звука,
Лишь за стѣной скребется мышь.
Тамъ за окномъ на снѣжномъ фонѣ
Дома прижатые къ землѣ.
Смѣшались дали въ полумглѣ,
Въ какомъ-то грязно-синемъ тонѣ.
Надъ рѣчкой церковь, дальше—поле,
Снѣга, снѣга... За ними лѣсъ.
Опять снѣга. Растутъ все болѣ
До самыхъ пасмурныхъ небесъ.
Я подошла и молча стала
У замороженныхъ оконъ.
Собака съ лаемъ пробѣжала,
Прошелъ усталый почтальонъ.
Худая кляча протащилась,
Звеня уныло бубенцомъ.
Плелась, плелась... Остановилась
Предъ покосившимся крыльцомъ.
Потомъ прошелъ телеграфистъ,
Спѣша и кутаясь въ шинели...
Уже темнѣетъ. Вихрь мятели
Заводитъ въ полѣ вой и свистъ.
Густѣетъ мгла, густѣютъ тѣни,
Смѣшались контуры, тона...
Мнѣ надоѣло у окна,
Я вся полна какой-то лѣни.
Прошлась по комнатѣ, потомъ
Зѣвая въ кресло повалилась,
Но, вставъ, опять передъ окномъ
Въ тоскѣ нѣмой остановилась.
Вотъ колокольчикъ зазвенѣлъ.
Ямщикъ съ кибиткою дорожной
Сквозь сумракъ ночи пролетѣлъ,
И замираетъ звонъ тревожный.
Звенитъ надъ полемъ, высоко.
Все тише, тише... Рѣже, рѣже...
Есть гдѣ-то жизнь,—но далеко!
Есть гдѣ-то счастіе,—но гдѣ-же?!

Наталья Крандіевская.

Зимней ночью.

(Картины изъ жизни рабочихъ).

А. Чапыгина.

I.

Время отъ времени поетъ холодная вьюга, крутя мелкій, сухой снѣгъ. Высоко въ сѣромъ небѣ, мимо полной тусклой луны, проходятъ сизыя облака съ бѣлосвѣтовыми узорчатыми краями—они, погоняемыя вѣтромъ, словно торопятся скорѣе перебѣжать блѣдное пятно луннаго свѣта и утонуть въ безконечномъ пространствѣ неба.

Внизу около стѣнъ угрюмыхъ домовъ, по скользкимъ, обледенѣвшимъ панелямъ спѣшатъ понурые люди. Они тоже, то появляются въ желтыхъ полосахъ падающаго изъ лавокъ свѣта, то скрываются въ сѣрой движущейся темнотѣ и появляются снова. Надъ головами людей, понурыхъ, спѣшащихъ куда-то, виситъ задернутый снѣжнымъ туманомъ свѣтъ уличныхъ фонарей—расходясь свѣтлыми пятнами по стѣнамъ угрюмыхъ домовъ, онъ, дробясь, отражается въ окнахъ, бросая отъ верхушекъ фонарей уходящія вверхъ черныя, клинообразныя тѣни.

По панели слышенъ кое-гдѣ непріятный, рѣжущій ухо, звукъ дворницкаго скребка, иногда, когда затихаетъ вьюга и съ сѣраго неба спокойнѣй, яснѣй глядитъ луна, особенно рѣзко въ прояснившемся воздухѣ воетъ заводскій гудокъ, или ровно и безстрастно бьютъ башенные часы, и снова поетъ вьюга, стушевывая всѣ остальные звуки. Сквозь ея живую пелену, гдѣ-то близко, сіяютъ угли костра и трогаютъ розовыми пятнами лица прохожихъ, бѣлый снѣгъ, выступы домовъ и заиндевѣвшую шерсть мимо бѣгущихъ лошадей, съ угрюмыми побѣлѣвшими извозчиками, въ высокихъ, пестрыхъ отъ снѣга шапкахъ.

— А, холодно вамъ песьи дѣти? У холодно!—Обращаясь

къ прохожимъ оретъ, вдругъ на всю улицу, пьяная лохматая фигура мастерового, вынырнувшая Богъ вѣсть откуда.

— Я столяръ, спиртная душа—политурная! мнѣ тепло. Иванъ Валяевъ—столяръ—сегодня меня кровно обидѣли, и кто думаете? Скажу—хотите, не хотите, скажу: мальчишка, недоучка обидѣлъ!.. я въ долгу не останусь — шалишь... молодая!—Будетъ знать, какъ надъ старыми мастерами канитель канителить. При хозяинѣ дамъ ему фанеру и скажу—полируй, песій сынъ! А онъ? Ха!.. окромя бѣлодеревной работы, ни во щи валенкомъ. Новичекъ—шушера. Ну-ка, скажу, вправь шипы сборному платяному шкапу, да отфигуруй доску толкомъ, а онъ и тпрр... Самъ хозяинъ мнѣ кажинное утро манжетотрясеніе производитъ, за руку здоровается, а онъ не понимаетъ уваженія. Не песъ, не укушу—пожалуйте, проходите—уступаетъ дорогу Валяевъ двумъ женщинамъ, которыя испуганно остановились передъ нимъ.

— Озорникъ этотъ Антоха... въ ученьи еще вазгряка помню: возьметъ бывало, песій сынъ, чайникъ съ кипяткомъ и пойдетъ по лѣстницѣ кошекъ шпарить—кошка тварь—безсловесное насѣкомое, дери съ нея живой шкуру, она тебя дуракомъ не умѣетъ обозвать—ты человѣка тронь... Меня вотъ тронулъ, а ты думаешь я тебѣ не преподнесу? Ты мнѣ сонному бороду обстригъ, и эта борода тебѣ, парень, памятна будетъ. Въ гости зазвалъ, правда... купилъ ты бутылку водки да закусить принесъ колбасы путей сообщенія *)—я вѣдь хорошо помню. А зачѣмъ смѣяться было—когда человѣкъ размякъ душой—заснулъ?

— Важнецкую мастику сварилъ—любуйся теперь, проходящій народъ, на рыло Ивана Валяева.—Столяръ поворачиваетъ свое пьяное, широкое лицо во всѣ стороны и водитъ большой рукой по подбородку. Прохожіе сторонятся его, и Валяеву вдругъ кажется, что эти прохожіе все господа.

— Холодно вамъ, господчики—дворянскія кости озябли—у?!

Въ вышинѣ сизыя облака также бѣгутъ мимо полной, туманной луны, время отъ времени вьюга свищетъ Валяеву въ уши что-то сердитое и обдаетъ его бѣлой холодной пылью.

— Морозъ—фугуй меня! мнѣ тепло, а кому холодно—тотъ пускай идетъ за столяромъ Иваномъ Валяевымъ въ кабакъ!.. во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. Въ кабачкѣ честь честью выпьешь—закусишь коровьимъ патретомъ**),потолкомячишь съ пропащей публикой—умная публика. Потомъ къ женѣ, Марфуткѣ, насѣкомой... Жена у меня тройной нашатырный спиртъ—озорная баба. Моей конпаньи тер-

*) Рубца.

** Щековина.

пѣть не можетъ... Разозлитъ иной разъ, возьмешь ее эдакъ за волосья и одной рукой, какъ собаченку къ потолку бросишь—пищитъ... ударить хошь, она ребенка на руки—боязно ударить, жалко... А поднамажешься чернѣй поповой шляпы—выпьешь лишку, она, глядшь виситъ у тебя въ бородѣ, или другой мохнатой части лица... Сегодня, знаю, дѣло плохо—копылки мои слабоваты, а ее зло возьметъ—потому Антоха ея супружника Ивана Валяева къ другой свадьбѣ подготовилъ—выстригъ, получитъ свое мальчишка, а насѣкомая-то развѣ пойметъ?... Не пойметъ. Эхъ, для храбрости надо еще выпить!..

Столяръ свернулъ въ ближайшій переулокъ и исчезъ.

II.

Вьюга за окномъ плачетъ и рвется въ комнату, но ужъ ея порывы слабы и въ промежуткахъ, когда разсѣивается бѣлесоватая крутящаяся мгла, на темный подоконникъ падаютъ лучи мѣсяца...

Прислушиваясь къ свисту вѣтра, жена Валяева, Марфа тихо разговариваетъ съ сапожникомъ Треуховымъ, угловымъ жильцомъ въ ихней комнатѣ. Она сидитъ на кровати и ногой, сухой какъ палка, толкаетъ стоящую на полу люльку. Люлька легко поворачивается на полукруглыхъ подставкахъ; въ ней, задравъ кверху маленькія подошвы розовыхъ ногъ, копошится ребенокъ... Онъ, вытаращивъ голубые глазенки и скрививъ гримаской лицо, силится поймать въ ротъ пеструю куклу, привязанную къ укрѣпленному надъ люлькой деревянному обручу. На темномъ тряпьѣ ребенокъ кажется розовымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на землю.

Сапожникъ сидитъ у окна на доскахъ, примощенныхъ на козелки; на доскахъ лежитъ березовое полѣно. Тутъ же у окна стоятъ: его рабочій столъ и съ продраннымъ сидѣніемъ старая липка *).

— Ты-бы, Марфа, человѣчку-то пѣсню спѣла!...побаюкала... —ворчитъ сапожникъ.

— Я его никогда не баюкаю—пѣть не умѣю... Онъ у меня тихій,—отвѣчаетъ она, поглядѣвъ въ люльку.

— А ты-бы спѣла... выростетъ человѣчекъ, тоже зачнетъ кладъ копать... Покудова еще на грибъ похожъ, тогда ему и пѣсенъ послушать...

— Какой кладъ, Треуховъ?

— Такой—рабочій кладъ... всякъ рабочій человѣкъ свой кладъ копаетъ. Всю свою жисть норовитъ счастье выкопать,

*) Табуретъ обитый кожей.

а замѣсто клада выроетъ могилу, и бухъ. Ха!..—онъ улыбнулся непріятной улыбкой.

— Всегда ты худое говоришь, Треуховъ.

— Правду я, Марфа, говорю.

— Ты свою правду кинь, а мужа моего не караводь...

— Чего мнѣ людей караводить, коли я съ себя отрясти медвѣдя *) не могу,—надвигая старую шапку на блѣдный лобъ, угрюмо отвѣтилъ онъ.

— Ты-бы хоть шапку снялъ, у насъ образъ есть,—она указала ему въ уголъ на темную икону.

— Богъ пьяницу, Марфа, проститъ—коли грѣшу, а въ шапкѣ я затѣмъ, что мнѣ зябнется... свою кровь я всюю пропилъ—пойми,—помолчавъ отвѣтилъ сапожникъ, заправляя подъ шапку уши.

— Ты, Треуховъ, видомъ худой сталъ, лицо у тебя стянуло—только глаза живы.

Глядя передъ собой большими съ больнымъ выраженіемъ глазами, сапожникъ отвѣтилъ не сразу.

— Правда, Марфа, у насъ съ тобой одни шкилеты остались, пойми... у меня съ пьянства, а у тебя съ чего?—однѣ караулки тоже на лицѣ-то примѣтны.—На этотъ разъ Марфа долго не отвѣчала. Видя, что сапожникъ смотритъ по прежнему и не думаетъ повторять вопроса, а молчаніе въ полутемной комнатѣ ее тяготитъ, она тряхнула маленькой головой, вздохнула и сказала ему съ упрекомъ.

— Чего спрашиваешь? Кажись, ты не слѣпой... Самъ видишь, отчего я худѣю... съ горя я худѣю. Мужъ пьетъ, скандалитъ.

— Онъ думаетъ, я всегда такъ жила,—подумала она. Ей захотѣлось разсказать про свою дѣвичью жизнь. Сапожникъ, не измѣняя позы, молчалъ.

— Ахъ, стоитъ-ли ему говорить?...—капризно подумала Марфа, но молчаніе ее тяготило, а мысли противъ воли бѣжали впередъ и вызывали ея прошлое. Обижаясь въ душѣ на сапожника, который, казалось, не желалъ ее слушать, Марфа начала говорить.

— Ахъ, Треуховъ. Какая была я красавица, дѣвкой-то... деньги у тятьки были—съ деньгами шла замужъ... И надо было мнѣ за такого лѣшаго сунуться... Въ селѣ-то своемъ жила, я въ кросетѣ ходила... розовую жерси по праздникамъ надѣвала, юбку зеленую, али голубую... Шляпку, а зимой шапочку плюшевую, черную... шубку. Жениховъ у меня много было, все пряниками угощали. Ахъ, Треуховъ. Какъ помянешь, что было—такъ взяла бы, кажись, и удавилась... гдѣ она

*) Хмѣль.

молодость-то?... Думаешь пожить, а тутъ, гдѣ она жизнь? гдѣ она?... Вотъ поди... позарилась я на этого оборотня... Мужа-то... Въ Питеръ пріѣдемъ, мастерскую, говоритъ, откроемъ; хозяйкой, купчихой будешь—къ гильдіи припишемся. Самъ такой видный былъ, нарядный; бывало, въ праздникъ гуляетъ, а изъ-подъ жилетки рубаха красная выпущена, въ клѣтку, питерскій пиджакъ одѣтъ, сапоги съ лакомъ, штаны плисовые... борода длиннущая, расчешетъ ее, такъ она у него горитъ какъ золото. У насъ въ роду все длиннобородые были—тятька, два брата, и даже у дѣда была огроматенная борода.. Бородой то онъ меня и смустилъ—думала по роду пришелся..

— Ахъ, Треуховъ, самъ ты видишь, что онъ теперь? спился, обтрепался... рожа красная, глаза пьяные...—Сапожникъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее мрачнымъ взглядомъ...

— Вижу, Марфа, все вижу... тебѣ вотъ жисти жалко—ты лучше жила, а мнѣ такъ все одно, въ единственной я рубашенкѣ росъ — родился голымъ и во рваной рубахѣ помру... Я жить лучше никогда не хотѣлъ и жисти мнѣ не жаль... Съ ребячества я грязь да темноту позналъ... Въ ученьи тоже, а на ноги поднялся, гулять началъ и ту-же темноту извѣдалъ, а прогулявши силу, понялъ, что онотакъ и надо... кто червемъ родился да солнышка не видалъ,тому его и не увидать.

— Трудно съ тобой говорить Треуховъ... тяжело,—упавшимъ голосомъ отозвалась Марфа.

— Тяжело? а ты жисти не жалѣй и тебѣ легко станетъ... Мы съ тобой свою жисть съѣли... чего ее жалѣть. Оттого съ лица мы другъ на дружку схожи, обличье наше теперь на черепа человѣчьи похоже стало... право, ты не пужайся—будто это черепа изъ могилки откопали да намъ на плечи поставили и по парѣ караулокъ туда вложили...

— Ахъ, не говори ты! говори про веселое, Треуховъ...

— Ха, про веселое?—Онъ улыбнулся непріятной улыбкой, подъ старой шапкой его глаза лихорадочно сверкнули.

— Ты отчего, Марфа, жить не боялась, а про смерть поминать боишься?.. Человѣкъ рабочій тоже... можетъ быть и ты скоро откопаешь свой кладъ...—Она промолчала и отвернулась, чтобъ не видѣть его улыбки.

— Ты моего мужа не караводь...—снова начала она.

— Твой мужъ, Марфа, гниль, я тоже, а знаешь, гнилое отъ гнилья не испортится.

— Ты его оставь—у насъ ребенокъ...

— Человѣчекъ? оставлю!.. прямо слово оставлю. Я спать, Марфа, ложусь, а передъ сномъ нѣтъ-ли у тебя чего подшибить... пойми, закусить. Я весь пропился. Чужіе заказчи-

ковы сапоги пропилъ... самъ въ опоркахъ сижу, а заказчикъ стало-быть въ туфляхъ ходитъ... въ нутрѣ у меня, какъ въ дутой овчинѣ, пусто, подшибить, пойми страшная охота.— Марфа не отвѣтила. Помолчалъ и сапожникъ. Жестяная лампа, висѣвшая на сѣрой стѣнѣ, тускло, какъ-бы нехотя освѣщала два блѣдныхъ лица съ большими глазами, только огонь этихъ глазъ былъ не одинаковъ. У Марфы онъ горѣлъ желаніемъ жить, а у сапожника горѣлъ мрачно и, казалось, его тяжелый взглядъ, сквозь доски пола, уже видѣлъ кладъ свой.

— Горяченькой колбаски теперь съ мягкимъ хлѣбушкомъ... можетъ быть тогда и сапожникъ Треуховъ замолитъ успѣлъ-бы свои грѣхи,—вдругъ проговорилъ онъ. Марфѣ стало жаль его.

— Вонъ у меня на столѣ хлѣбъ—возьми.—Она указала ему на столъ въ ногахъ кровати.

— Спасибо, Марфа!—сказалъ онъ, посоливъ хлѣбъ и съ жадностью начиная ѣсть.

— Ты, видно, не проспался, что тебя шатаетъ?

— Проспался, Марфа. Только пойми—когда голова пуста, то ее къ землѣ клонитъ... отъ пустой головы и брюха, ноги слабѣютъ...—Сапожникъ легъ на свои нары и, подсовывая подъ голову полѣно, прошепталъ своимъ обычнымъ, угрюмымъ голосомъ:

— Благослови Господи. Проснемся завтра—хорошо... не проснемся—лучше...—Услыхавъ его, Марфа вздрогнула и стала раздѣваться. Она погасила лампу и, поставивъ на столъ ночникъ, зажгла его. Свѣто-тѣни въ полутемной комнатѣ неясно мелькали. Вьюга на время затихла. Лунный свѣтъ ярко прорѣзалъ морозные узоры окна и легъ большимъ квадратнымъ пятномъ на нары и блѣдное лицо сапожника, онъ заблестѣлъ на полу—на горлышкѣ бутылки и, задѣвая край рабочаго стола, сверкнулъ на лезвіи сапожнаго ножа. Марфа заглянула въ люльку, ребенокъ спалъ, держа обѣими ручонками куклу. Она потянулась поцѣловать его, но раздумала, боясь разбудить и, отвернувшись, тяжело вздохнула, потомъ словно вспомнивъ что-то, начала плакать, уткнувшись головой въ подушки—по ея вздрагивавшей спинѣ русыя кольца волосъ, извиваясь, прыгали. Поплакавъ вдоволь, она встала у кровати на колѣни и начала усердно молиться Богу. Черная, расплывчатая тѣнь отъ ея маленькаго тѣла на сѣрой стѣнѣ долго моталась.

III.

Въ комнатѣ Валяева душно. Мигая, коптитъ въ сѣромъ полумракѣ ночникъ. Большая круглая тѣнь отъ ножки ночника, колеблясь, лежитъ на палевой столовой доскѣ. Время отъ времени, какъ клубки черной шерсти по полу, мелькаютъ мыши; забѣжавъ подъ нары сапожника въ лунное пятно, онѣ кажутся тамъ клочками сѣраго атласа. Въ душной тишинѣ раздается ихъ голодный пискъ.

У окна виднѣется освѣщенное луной лицо сапожника. На кровати, на фонѣ темнаго одѣяла, выдѣляется прозрачной худобой блѣдное лицо Марфы. Марфа спитъ на спинѣ. Напирая въ окно, вьюга прорываетъ бумагой заклеенное стекло, и струя холоднаго воздуха несется по комнатѣ. Бѣлая полоса снѣга стелется по темному подоконнику.

Марфа вздыхаетъ глубже, и выраженіе удовольствія отражается на ея лицѣ. Ей снится сонъ, что будто-бы она въ бору, на родинѣ, собираетъ крупныя, красныя ягоды. Ужъ кабы да сонъ... это... я тогда знала бы, что видѣть ягоды... плакать... шепчетъ она во снѣ. Она себя не слышитъ и не понимаетъ—старые знакомые разговоры о снахъ приходятъ ей въ голову.

— Зелень-то, зелень, а темнота какая,—продолжаетъ она.— Какъ ночью? я въ лѣсу—а, въ лѣсу? вонъ ручеекъ журчитъ... Хорошо... здѣся хорошо.

Снится Марфѣ, что идетъ она по берегу лѣсного ручья, надъ ручьемъ склонились кусты красной смородины, низко пригнулись надъ водой ивы и купаютъ въ ней свои вѣтки. Зеленая, острая осока растетъ по берегу и вмѣстѣ съ голубымъ небомъ въ водѣ отражается. Осока шевелится, какъ живая, по ней гуляетъ вѣтеръ. Все живетъ, дышетъ, гдѣ-то свиститъ птичка.

— Птичка, птичка—ахъ, какъ давно! Я не помню!.. — Марфа подставляетъ лицо вѣтру, ей душно—но вѣтра нѣтъ. Кругомъ все помертвѣло, не двигается. Она легко идетъ дальше и хочетъ прошептать:

— Хорошо! Какъ хорошо... вотъ тяжело стало—душно. Вѣтеръ порывами треплетъ пламя ночника. Во снѣ ротъ Марфы полуоткрытъ, на блѣдномъ лицѣ выступилъ слабый румянецъ, но черныя овальныя тѣни лежатъ на мѣстѣ закрытыхъ глазъ. Подъ одѣяломъ на ея сухой груди безпокойно шевелятся угловатыя выпуклости сложенныхъ рукъ. Прутья спинки кровати вмѣстѣ съ длиннымъ, безформеннымъ пятномъ ея тѣла прыгаютъ черными тѣнями на темной, мутно освѣщенной стѣнѣ.

— Вонъ родникъ, я знала... Я ручьемъ должна дойти... знала.—Шепчетъ снова она; снится ей, что смотритъ она въ родникъ, въ глубинѣ его синѣетъ дно, мелкіе камушки на днѣ шевелятся. Песокъ какъ живой подпрыгиваетъ кверху, и словно золотой туманъ по дну стелется. Напиться хочется Марфѣ. Она ложится на траву и силится приблизить къ прозрачной водѣ лицо. Ее колетъ острыми концами упругая осока. Передъ ней изъ воды быстро выростаютъ частыя ивы—воды нѣтъ. Лишь сквозь зеленовато-сѣрые стволы ольхъ синѣютъ поляны.

— Гдѣ?.. гдѣ?... Я въ поляны; уйду туда!..—Она рвется впередъ и въ то же время чувствуетъ, что кто-то сильный схватилъ ее. Въ глазахъ ея темнѣетъ. Ей снова душно, тяжело дышать.

— Кто? пусти, пусти-же.—Марфа шевелитъ запутанными въ одѣялѣ руками и, проснувшись, недолго глядитъ въ пространство—на дворѣ визжитъ подмерзшая дверь, гдѣ-то плачетъ ребенокъ, и кто-то тяжелый поднимается вверхъ по скрипучимъ ступенямъ деревянной лѣстницы. Марфа снова засыпаетъ.

На нарахъ поднялся сапожникъ, онъ оглядѣлся, почесался зѣвнулъ и прошепталъ:

— Зябко стало и подшибить охота чего-нибудь. Увидѣвъ дыру вѣ окнѣ, онъ прибавилъ вполголоса:

— Ишь ты, въ гости вьюга пришла—безъ тебя, милая, холодно. Онъ подошелъ къ люлькѣ и посмотрѣлъ на ребенка.

— Человѣчекъ-то посинѣлъ, а не плачетъ... Смирный—тоже видно духу-то въ емъ мало? Матка Марфа—скудная ты... изглодали тебя съ человѣчкомъ!..—Сапожникъ взялъ изъ люльки пеленку и заткнулъ ею дыру въ окнѣ.

— Пускай тряпица провѣтрится!—Заткнувъ окно, онъ обошелъ пошатываясь комнату, отыскалъ въ столѣ и по угламъ всѣ корки и ворча разложилъ ихъ на подоконникѣ.

— Нищета, прости Богъ, окаянная, скоро ли помру-то я, тамъ хошь землей ротъ набьютъ.—Онъ нагнулся, досталъ съ пола бутылку съ водой и, помочивъ корки въ кружку, сталъ жевать ихъ.

Дверь въ комнату распахнулась и долго не затворялась; большая, плотная фигура Валяева появилась на порогѣ.

— Шибко ѣхалъ—ноги натеръ, тсс! ты песій сынъ.., —проворчалъ онъ сильно хмѣльнымъ голосомъ.

— Большого ты медвѣдя поймалъ, еле дышишь,—сказалъ сапожникъ.

— Тссъ!.. медвѣдя... Ха, ха, ха.

— И снялъ бороду—примолодился.

— Тссъ, насѣкомая услышитъ. Сегодня я слабъ.

— Гнилье ты Валяевъ.

— Молчать!

— Гнилье... тлѣнъ.

Сапожникъ легъ на свои нары.

— И я... лежи, тссъ!.. Валяевъ потянулся къ ночнику и дунулъ на него. Дымное пламя метнулось въ сторону, но не погасло.

— Не хошь?.. ну мы тебя песьяго сына прикроемъ послѣ—гори.

— Эхъ пропащая обрѣтается публика въ кабачкахъ, а умная—я люблю съ ней толкомячить... Перво-на-перво надо пиджакъ стащить, а другимъ дѣломъ лечь спать и въ люльку ногами, чтобъ ни Боже упаси, а то ребенокъ... младенецъ мя... мя... насѣкомая—бѣда сегодня, она осилитъ. Захлопнули кабачки—крышка мнѣ!.. точно въ душу Ивану Валяеву корзину сажи всыпали, въ глазахъ темно, черно, а въ брюхѣ одна махорка фабрики Дунаева.—Стаскивая съ себя пиджакъ, Валяевъ продолжалъ вполголоса басомъ:

— Ты, Антоха помни. Моя борода. Борода моя—преподнесу я тебѣ.—Пиджакъ трещалъ на немъ, но не снимался. Валяевъ сдвинулъ его до локтей и, потерявъ равновѣсіе, упалъ на сундукъ въ уголъ, стукнувъ головой въ стѣну.

— Вотъ поди, старый мастеръ, а такой пустяковины—ни во щи валенкомъ, каково?

Марфа давно смотрѣла на мужа и въ полумракѣ не узнавала его.

— Ухъ, ты!—Забывшись, басомъ крикнулъ онъ, болтая большими ногами. Она сразу очнулась и соскочила съ кровати.

— Ребенка напугаешь, оборотень,—сердитымъ шепотомъ сказала она, легко ступая босикомъ, подходя къ нему и вглядываясь въ его лицо. Она провела себѣ рукой по глазамъ.

— Гдѣ тебѣ бороду обрили—чортъ?

— Не помню... да, да, Антоха, я ему преподнесу, отфигую.

— Вѣдь тебя изуродовали, оборотень?..

— Борода не голова... все въ цѣлости, насѣкомая Марфа... Марфа Петровна... Не подходи. Я тебя знаю. Я не хочу. Брысь!—Онъ поднялъ ногу, чтобы оттолкнуть ее, но она быстро сдернула съ его ноги сапогъ и голенище собственнаго сапога шлепнуло по лицу Валяева.

— Вотъ, вотъ, вотъ, на.—Словно качая ребенка, ударяя его сапогомъ, начала она тихимъ, сдавленнымъ, ровнымъ голосомъ.

— Сегодня хошь спи на мнѣ, а просплюсь я, съ тобой насѣкомая—бѣда... убью!.. Ну-ка рученьки ослобони—бей, бей...

— На, на, на, вотъ тебѣ!—Снова послышались шлепки.

— Бей, бей... стою—не пей, песій сынъ, до того, чтобъ мразь—бей!—Марфа заплакала. Бросила мужу въ лицо сапогъ и ушла на постель. Она качнула раза два люльку съ ребенкомъ и, завернувшись въ одѣяло, продолжала вздрагивать отъ слезъ.

Валяевъ захрапѣлъ на сундукѣ.

За окномъ бѣлесоватая мгла металась и крутилась. Яркое пятно луннаго свѣта давно исчезло, лишь иногда на темный, мокрый отъ растаявшаго снѣга подоконникъ ложился мутно-бѣлый отблескъ занесенныхъ снѣгомъ крышъ. Напирая въ стекла, вьюга снова просилась въ комнату—ей хотѣлось разсѣять душный, тяжелый мракъ; она вѣдь не знала, что мракъ этотъ сильнѣй ея снѣжныхъ, непостоянныхъ порывовъ.

Къ исторіи русской журналистики.

Отечественныя записки 1868—1884 г.

(*Продолженіе*).

IX.

Цензурныя неистовства и кары обрушивались на „Отечеств. Записки“ и до, и послѣ статьи Краевскаго по самому ничтожному и отдаленному поводу. Въ началѣ 1848 г. была напечатана повѣсть Салтыкова „Запутанное дѣло“ [1]), за которую авторъ поплатился ссылкой (подъ видомъ служебнаго перевода) въ Вятку. Въ повѣсти изображались злоключенія провинціальнаго юнца Мичулина, пріѣхавшаго въ Петербургъ искать счастья. Отправляя свое дѣтище въ столицу, родитель далъ ему такое наставленіе: „Будь ласковъ со старшими, не высокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смиряйся — и будешь ты вознесенъ премного; ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ“. Но куда ни „совался“ Мичулинъ, какъ ни старался исполнять родительское наставленіе, никакого мѣста не могъ себѣ найти и долженъ былъ голодать. „Вся жизнь г. Мичулина, говоритъ авторъ, съ самаго его въѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій и все безъ результата... Онъ-ли не угождалъ, онъ-ли не нагибался... И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ“...

Сравнивая свое голодное, безпріютное существованіе съ жизнью „сытыхъ“ людей столицы, Мичулинъ, какъ ни слабо была устроена его голова, предавался разнымъ „мыслямъ“. „Но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся большею частію около того пункта, что есть дескать въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣздятъ

[1]) Первыми произведеніями Салтыкова были рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ (преимущественно учебниковъ и дѣтскихъ), помѣщенныя въ библіографич. отдѣлѣ „Отеч. Записокъ“. Затѣмъ въ 1847 г. въ ноябрьской книжкѣ тѣхъ же „Отечеств. Записокъ“ была напечатана первая повѣсть Салтыкова „Противорѣчія“, подъ псевдонимомъ М. Непанова.

въ каретахъ, сидятъ себѣ спокойно въ театрахъ, или просто дома, одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругою"... „Въ сущности дѣло было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства Мичулина были такъ плохи, такъ плохи, что просто хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое—да человѣкъ-то иной глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!"

...Впервые, какъ будто сквозь сонъ, мелькнуло въ мозгу Мичулина, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе играетъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы. Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да притомъ же и оробѣлъ ужасно"...

Предъ смертью въ болѣзненномъ бреду герой повѣсти, Мичулинъ, видитъ фантастическую картину, ему представляется безчисленное количество колоннъ, поставленныхъ другъ на друга, и каждая изъ колоннъ состоитъ изъ множества поставленныхъ другъ на друга людей, а въ самомъ низу онъ съ ужасомъ видитъ самого себя. Голова его была такъ изуродована тяготѣвшей надъ ней тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера. Несмотря на все желаніе, онъ не могъ освободить своего страждущаго двойника изъ этого ужаснаго положенія.

Послѣ цѣлаго ряда мученій и униженій Мичулинъ умираетъ, такъ и не найдя себѣ мѣста въ жизни и не рѣшивъ мучившихъ его вопросовъ [1]).

Эта повѣсть и ея главная мысль—сочувствіе бѣднымъ и униженнымъ — подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848 г. была истолкована въ смыслѣ „прямого и непозволительнаго порицанія общественнаго строя". Въ повѣсти усматривалось вліяніе Ж. Зандъ и другихъ французскихъ писателей, считавшихся виновниками распространенія соціалистическихъ идей и революціоннаго движенія въ Европѣ. Къ этому присоединилось еще то, что въ повѣсти нашли сходство между дѣйствительными лицами и изображаемыми (изъ „сытыхъ").

Салтыковъ состоялъ въ это время на службѣ въ канцеляріи военнаго министра. На бѣду Салтыкова однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе военному министру за цензурныя неисправности въ „Русскомъ Инвалидѣ". Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева (военнаго министра и начальника Салтыкова) противъ литераторовъ.

„Какъ нарочно, говоритъ біографъ Салтыкова, въ то время, какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ под-

[1]) Отеч. Зап. 1848 г., кн. 4, стр. 50—120.

чиненный, проситься въ отпускъ. Тутъ только Чернышевъ вспомнилъ, что Салтыковъ тоже занимается литературою и спросилъ его: „вы, кажется, въ журналахъ пишите?“ На утвердительный отвѣтъ гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочиненія, а потомъ молъ „мы и посмотримъ, можно-ли васъ отпустить“... Салтыковъ представилъ ему свои два разсказа, а тотъ поручилъ Кукольнику написать о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы, Кукольникъ представилъ ему такой докладъ, что гр. Чернышевъ „только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ служитъ въ его министерствѣ“, и тотчасъ-же препроводилъ докладъ въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства. Затѣмъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ отправленъ въ Вятку. „Въ мартѣ мѣсяцѣ, говоритъ Салтыковъ, я написалъ повѣсть, а въ маѣ ужъ былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губ. правленія“ [1]).

По разсказу К. Веселовскаго дѣло о „Запутанномъ дѣлѣ“ происходило нѣсколько иначе. Меньшиковскій, а потомъ Бутурлинскій комитетъ намѣтилъ себѣ жертвою Веселовскаго за его статью о жилищахъ рабочаго люда въ Петербургѣ, напечатанную въ тѣхъ-же „Отечеств. Запискахъ“. Въ комитетѣ изготовлялся уже всеподданнѣйшій докладъ, какъ вдругъ, разсказываетъ Веселовскій, „въ засѣданіе комитета является одинъ изъ членовъ, кажется, Дегай, съ радостнымъ—эврика! эврика! и заявляетъ, что въ томъ-же томѣ „Отеч. Записокъ“, въ которомъ напечатана статья Веселовскаго, онъ нашелъ нѣчто еще лучшее или худшее—не знаю, какъ сказать,—а именно повѣсть подъ заглавіемъ „Запутанное дѣло“, подписанную буквами М. С., подъ которыми скрылся авторъ ея Михаилъ Салтыковъ... По выслушаніи этого сообщенія члены комитета нашли, что въ снѣ Мичулина нельзя не видѣть дерзкаго умысла изобразить въ аллегорической формѣ Россію, и что о повѣсти Салтыкова должно быть внесено въ изготовляемый докладъ о вредномъ направленіи журналовъ“. Тогда комитетъ, исключивъ докладъ о статьѣ Веселовскаго, ограничился одною лишь повѣстью Салтыкова [2]).

Какъ-бы то ни было, но въ результатѣ получилась ссылка Салтыкова въ Вятку (подъ видомъ перевода). Въ мартѣ 1848 г. появилась статья, а 28-го апр. Салтыковъ былъ отправленъ въ Вятку.

Не избѣжали кровавой операціи и разсказы Тургенева. До 1848 г. Тургеневъ помѣстилъ въ „Отечеств. Запискахъ“ только двѣ вещи: „Андрей Колосовъ“ въ 1844 г. т. 44-й и „Бреттеръ“ въ 1846 г. т. 50-й. Обѣ эти вещи прошли сравнительно благо-

[1]) Кривенко. Салтыковъ стр. 23—25.
[2]) Рус. Стар. 1899 г. т. X. Веселовскій. „Отголоски старой памяти“.

получно, если не считать такихъ „мелочей“, какъ замѣна слова „покровитель“ словомъ—„родитель“ и т. п. [1]).

Въ 1849 г. Тургеневъ, сообщая Краевскому, что въ январѣ 1849 года предположено поставить для бенефиса Щепкина его комедію „Нахлѣбникъ“, пишетъ: „...Хотите ее напечатать въ „Отеч. Запискахъ“, если она не шлепнется, разумѣется? Если вы на это согласны, я съ своей стороны буду очень радъ“.

Но цензура не пропустила „Нахлѣбника“, и Тургеневъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Краевскому недоумѣваетъ: „Я, ей же ей, не понимаю, что могла найти цензура въ „Нахлѣбникѣ“? Чрезъ недѣлю, въ отвѣтъ на сообщеніе Краевскаго, Тургеневъ пишетъ: „Получилъ ваше письмо съ извѣстіемъ объ окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго „Нахлѣбника“. Миръ его праху. Трудно, говоритъ священное писаніе, переть противъ рожна“ [2]).

Такимъ образомъ „Нахлѣбникъ“ не прошелъ и былъ напечатанъ только въ 1857 г. въ „Современникѣ“, подъ названіемъ „Чужой хлѣбъ“.

Въ 1849 г. въ „Отеч. Запискахъ“ Тургеневъ помѣстилъ комедію „Холостякъ“. По поводу „Холостяка“ Тургеневъ писалъ Краевскому: „Въ этомъ произведеніи цензурѣ нетолько нечего вычеркивать, но напротивъ, она должна меня наградить за мою примѣрную нравственность“ [3]).

Хоть награды Тургеневъ не получилъ, но пьеса прошла безъ помарокъ, да вѣдь въ ней и дѣйствительно ужъ придраться не къ чему.

Зато, какъ будто въ отместку, цензура съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ набросилась на „Дневникъ лишняго человѣка“.

Всего, въ общей сложности, изъ „Дневника“ выброшено было цензурою 550 строкъ, т. е. 16 страницъ,—больше $1/4$ всего разсказа. Вотъ нѣкоторые примѣры этой расправы. На первой же страницѣ Чулкатуринъ пишетъ: „Рѣки вскроются, и я, съ послѣднимъ снѣгомъ, вѣроятно, *уплыву... куда? Богъ вѣсть! Тоже въ море*“. Цензура передѣлала: „...*и я уплыву въ море вѣчности*“. И затѣмъ вмѣсто: „И чѣмъ 14 дней менѣе 14 лѣтъ, 14 столѣтій? Передъ вѣчностью, говорятъ, все пустяки—да; но въ такомъ случаѣ и сама вѣчность — пустяки“... передѣлано: „И чѣмъ 14 дней менѣе 14 лѣтъ, 14 столѣтій передъ вѣчностію“, а все остальное выброшено.

Двѣ слѣдующія страницы, гдѣ „лишній человѣкъ“ изображаетъ

1) Въ разсказѣ „Бреттеръ“, о женѣ Перекатова, Нениллѣ Макарьевнѣ, Тургеневъ говоритъ между прочимъ: „Ненила Макарьевна происходила не совершенно законнымъ образомъ отъ знатнаго московскаго барина. Покровитель ея воспитывалъ свою Ненилушку весьма, какъ говорится, тщательно“... Въ журналѣ вмѣсто „покровитель“ стоитъ—„родитель“.

2) Отчетъ Импер. Пуб. Библіотеки 1890 г. Приложенія. Письма Тургенева къ Краевскому стр. 2—4.

3) Ibid. стр. 5.

своихъ родителей, ихъ отношенія другъ къ другу и къ сыну, выброшены цѣликомъ.

Далѣе, изобразивъ свое домашнее воспитаніе, смерть отца, переѣздъ въ Москву и продажу всего „гнѣзда", Чулкатуринъ съ грустью вспоминаетъ свой тихій садъ.

Въ ряду воспоминаній, связанныхъ съ садомъ, выплываетъ въ его памяти и такое: „Тамъ, наконецъ, я въ первый разъ увидалъ между кустами спѣлой малины горничную Клавдію, которая, несмотря на свой курносый носъ и привычку смѣяться въ платокъ, возбудила во мнѣ такую нѣжную страсть, что я, въ присутствіи ея, едва дышалъ, замиралъ и безмолвствовалъ, а однажды, въ Свѣтлое Воскресеніе, когда дошла до нея очередь приложиться къ моей барской ручкѣ, чуть не бросился цѣловать ея стоптанные козловые башмаки". Цѣломудренная цензура выбросила всю эту тираду. Да это и неудивительно, если принять въ соображеніе, что тогдашняя цензура заботилась о нравственности не только выводимыхъ въ повѣстяхъ и романахъ людей, но даже и... птицъ.

Чулкатуринъ, наблюдая изъ окна за пробужденіемъ и возбужденіемъ всей природы весною, говоритъ между прочимъ: „Вонъ, прыгаетъ самецъ—воробей съ растопыренными крыльями; онъ кричитъ—и каждый звукъ его голоса дышитъ здоровьемъ и силой"... Слово—„самецъ" (какая безнравственность и грубость) выброшено цензурою...

Подъ 23-мъ и 24-мъ марта Чулкатуринъ заноситъ свои воспоминанія о поѣздкѣ въ городъ О. Все описаніе города со словъ: „бѣдности необыкновенной, домишки совершенно ни на что не похожи... по самой серединѣ изумительно неопрятной площади возвышается крошечное желтоватое строеніе съ темными дырами, а въ дырахъ сидятъ люди въ большихъ картузахъ и притворяются, будто торгуютъ"... и т. д. до конца цѣликомъ выброшено.

Изображая общество, бывавшее у Ожогина, Тургеневъ устами Чулкатурина говоритъ: „Къ нему ѣздилъ и городничій, на широкихъ рыжихъ дрожкахъ парой, *необыкновенно крупный, словно изъ залежалаго матеріала скроенный человѣкъ*; ѣздили прочіе чиновники: стряпчій, *желтенькое и злобненькое существо*; *острякъ* землемѣръ—*нѣмецкаго происхожденія, съ татарскимъ лицомъ*; *офицеръ путей сообщенія—нѣжная душа, пѣвецъ, но сплетникъ*; бывшій уѣздный предводитель—*господинъ съ крашеными волосами, взбитой манишкой, панталонами въ обтяжку и тѣмъ благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, которое такъ свойственно людямъ, побывавшимъ подъ судомъ*" и т. д.

Всѣ подчеркнутыя слова и фразы выброшены цензурой.

Точно также всѣ мѣста, обрисовывающія съ отрицательной стороны князя Н., обольстителя Лизы, систематически вычеркивались. И даже, напр., такое: „Князь... рѣшительно очаровалъ

все тамошнее общество. Очаровать нашего брата—степняка всегда очень легко человѣку изъ высшаго круга.

Частыя посѣщенія князя Ожогиныхъ, конечно, возбуждали зависть другихъ господъ дворянъ и чиновниковъ; но князь, какъ человѣкъ свѣтскій и умный, не обошелъ ни одного изъ нихъ, побывалъ у всѣхъ, всѣмъ барынямъ и барышнямъ сказалъ хотя по одному ласковому слову, позволялъ кормить себя вычурно-тяжелыми кушаньями и поить дрянными винами, словомъ, велъ себя отлично, осторожно и ловко. Князь Н. вообще былъ человѣкъ веселаго нрава, общежительный, любезный по наклонности, да тутъ еще, кстати, по разсчету: какъ-же ему было не успѣть совершенно и во всемъ?"

Послѣ дуэли „городскія власти немедленно обратились къ князю съ предложеніемъ примѣрно и строго наказать меня; однѣ настоятельныя и неотступныя просьбы самого князя отвратили бѣдствіе, грозившее моей головѣ. Этому человѣку суждено было всячески меня уничтожить".

Все это мѣсто и многія подобныя были выброшены.

Наконецъ совершенно были уничтожены 12 послѣднихъ страницъ (со словъ: „Въ третій разъ я ее видѣлъ въ церкви), описывающихъ отъѣздъ князя послѣ достиженія своей цѣли, состояніе „лишняго человѣка" и Лизы, выходъ ея замужъ за Бизьменкова и пр. [1]).

Естественно, что, получивъ извѣщеніе отъ Краевскаго о такой расправѣ съ „Дневникомъ", Тургеневъ писалъ ему: „Сожалѣю объ участи „Дневника", тѣмъ болѣе, что я никакъ не ожидалъ, чтобы цензура напала на такое невинное произведеніе; но судьбы неисповѣдимы. Ла Алла илъ Алла, Магометъ резулъ Алла! Я сильно начинаю склоняться къ магометанской вѣрѣ" [2]).

Помимо указанныхъ вещей Тургеневъ помѣстилъ еще въ „Отеч. запискахъ"—„Провинціалку" (т. 74, 1851 г.) и „Яковъ Пасынковъ", которыя прошли безъ особенныхъ затрудненій и помарокъ.

Въ самомъ началѣ слѣдующаго 1849 г. петербургскій попечитель писалъ Уварову, что цензурный комитетъ затрудняется дозволить напечатаніе въ „Отеч. Запискахъ" перевода „Замогильныхъ записокъ" Шатобріана. Во второй части этой книги, говорилъ цензоръ Шидловскій (разсматривавшій ее), Шатобріанъ говоритъ, какъ живой свидѣтель, съ увлекательной подробностью о причинахъ французской революціи (1793 г.), ужасномъ ея развитіи, оскорбленіи священной особы короля и его фамиліи, и о страшномъ и безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ міра паденіи

[1]) Ср. „Отеч. Зап." т. 69, 1850 г. и Полное Собр. соч. Тургенева т. 5. Изд. Глазунова.

[2]) Отчетъ Импер. публ. библ. 1890 г. Приложенія. Письма Тургенева къ Краевскому стр. 17.

нравственности народа въ частныхъ его и общественныхъ проявленіяхъ. Подобнаго рода событія должны имѣть мѣсто только въ наукѣ, именно въ исторіи, а не быть предметомъ народнаго летучаго чтенія въ журналахъ, а между тѣмъ всѣ наши журналы нынѣ заняты напечатаніемъ этого сочиненія".

Уваровъ отвѣтилъ, что цензурѣ, при одобреніи этого перевода въ журналѣ, надлежитъ съ должною осмотрительностью исключить все то, что не можетъ быть допущено къ печатанію, но онъ, министръ, не находитъ достаточной причины безусловно не дозволять въ „Отечеств. Запискахъ" перевода сочиненія, въ которомъ излагаются событія историческія и извѣстныя. Вниманіе цензуры должно быть обращено на то, въ какомъ видѣ они представлены; хотя въ этомъ отношеніи имя писателя, извѣстнаго своимъ образомъ мыслей, и можетъ служить ручательствомъ, но не менѣе того и въ его сочиненіяхъ могутъ встрѣтиться мѣста, которыя цензура должна подвергнуть строгости исключенія" [1]).

Въ маѣ 1849 г. Бутурлинъ писалъ Уварову, что въ майской книжкѣ „Отечеств. Записокъ" замѣчено слѣдующее: 1) Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются такіе афоризмы: „Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное самосовершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе".

Очевидно, говоритъ Бутурлинъ, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи этого журнала, дававшей, преднамѣренной неясностью идей и наборомъ словъ, широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы,—напр.,—„человѣкъ вооруженъ врожденною ему властью уничтожать зло",—или—„постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ—вотъ его обязанность и величіе",—фразы эти не могутъ ли, въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіи неопытныхъ юношей, сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ? 2) При разборѣ дѣтской книжки „Колокольчикъ" критикъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и приводитъ мѣсто изъ другой книги, гдѣ сочинителемъ ея, Булгаринымъ, описывается, какъ дѣти, пріѣз-

---

[1]) „Рус. Стар." 1903 г., кн. 8, стр. 412.

жая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, должны были преклонять предъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію и проч. Затѣмъ критикъ пишетъ: „Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобы чтить память ихъ, дѣти и по смерти родителей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать, и все оттого, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено“.

Эту выходку, заключалъ Бутурлинъ, а за нимъ и Уваровъ, трудно признать приличною: во 1-хъ, при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Во 2-хъ возстаніе, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вообще противъ *внѣшней формы* легко также можетъ способствовать къ отнесенію этого понятія и на другой кругъ вещей, который при нашемъ общественномъ устройствѣ долженъ быть неприкосновененъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ этого рода двусмысленность нерѣдко столь же опасна, какъ и прямо выраженная предосудительная мысль, иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура.

Комитетъ счелъ обязанностью представить эти замѣчанія потому особенно, что они возбуждены журналомъ, навлекавшимъ уже на себя болѣе другихъ подтвержденій со стороны правительства. Если со времени этихъ подтвержденій и вообще усиленія цензурнаго надзора „Отечественныя Записки“, въ теченіе цѣлаго года, совершенно измѣнили духъ свой, то тѣмъ, кажется, необходимѣе, чрезъ указаніе издателю ихъ Краевскому, что прежнее за нимъ наблюденіе нисколько не ослаблено, предостеречь его отъ возвращенія къ прежнему направленію, а чрезъ то отвратить и необходимость въ совершенномъ запрещеніи его журнала,—мѣра, которую комитетъ съ своей стороны всегда признавалъ гораздо болѣе вредною, нежели полезною.

Вслѣдствіе того комитетъ полагалъ на этотъ разъ предоставить министру нар. просвѣщенія, призвавъ предъ себя Краевскаго, сдѣлать ему, въ изложенномъ выше смыслѣ, самое строгое

внушеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цензорамъ, разсматривающимъ его журналъ, поставить въ обязанность дѣйствовать при пропускѣ статей въ ономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный".

Исполняя это предписаніе комитета, подтвержденное высочайшимъ повелѣніемъ, министръ народн. просвѣщенія въ точности сдѣлалъ все то, что указывалось въ „предложеніи" Бутурлина [1]).

Въ 1851 году возникло „дѣло" по поводу статей „Дилетантизмъ въ наукѣ", напечатанныхъ 10 лѣтъ тому назадъ.

13-го ноября 1851 г. баронъ Корфъ писалъ: „Въ 208 № „Московскихъ полицейскихъ вѣдомостей" помѣщено объявленіе купца Степана Васильева о продажѣ изъ его лавки (находящейся въ Москвѣ на Моховой, домъ Бородина) разныхъ книгъ по дешевой цѣнѣ, и въ томъ числѣ „Отечествен. Записокъ" за 1840, 1841 и 1843 годы, частью полными годовыми изданіями, частью отдѣльными книжками".

Государь императоръ, по предложенію комитета 2-го апрѣля, высочайше повелѣлъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ распорядиться немедленно покупкою у книгопродавца Васильева, подъ рукою, чрезъ довѣренное лицо, всѣхъ этихъ книжекъ „Отечеств. Записокъ" и доставленіемъ ихъ въ комитетъ.

Когда это распоряженіе было исполнено, генералъ-адъютантъ Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову: „Комитетъ, принявъ въ соображеніе: а) что въ числѣ 202-хъ, доставленныхъ изъ Москвы, книжекъ „Отечеств. Записокъ", только 15 оказались разрѣзанными, слѣдовательно, прочія пущены въ продажу, по всей вѣроятности, не подписчиками, а самою редакціей, или же книжными торговцами, пріобрѣвшими ихъ отъ редакціи дешевою цѣною; б) что наиболѣе замѣчательная по вредному направленію статья „Дилентантизмъ въ наукѣ" (Герцена) заключается въ №№ 1, 2 и 3 „Отеч. Записокъ" за 1843 г., а эти именно нумера и были объявлены отъ книгопродавца Васильева въ отдѣльную продажу по 75 коп.,—принявъ все это въ соображеніе, комитетъ считаетъ нужнымъ объявить редактору „Отечеств. Записокъ", что правительство, признавая упомянутыя выше книжки этого журнала положительно предосудительными, обратило на этотъ предметъ строгую свою бдительность, и если не имѣетъ еще теперь положительныхъ доказательствъ къ обвиненію его, редактора, въ умышленномъ распространеніи именно этихъ книжекъ по дешевой цѣнѣ, то ожидаетъ, однако, что, послѣ настоящаго предостереженія, онъ не только не позволитъ себѣ, подъ опасеніемъ

---

[1]) Сборникъ постановл. и распоряженій по цензурѣ. Стр. 259—260. „Рус. Старина" 1903 г. іюль стр. 155—157.

всей законной отвѣтственности, выпускать вновь въ продажу могущіе еще оставаться въ редакціи экземпляры тѣхъ книжекъ, по какой-бы цѣнѣ ни было, но напротивъ будетъ и съ своей стороны всемѣрно способствовать къ раскрытію и указанію тѣхъ экземпляровъ, которые обращаются уже въ продажѣ изъ прежде выпущенныхъ".

На этомъ журналѣ комитета послѣдовала высочайшая резолюція: „Исполнить".

Вслѣдствіе этого, Краевскій 22-го марта 1852 г. далъ подписку въ томъ, что экземпляровъ „Отечеств. Записокъ" съ 1829 по 1848-й годъ въ редакціи нынѣ не имѣется ни одного, и если бы ему, Краевскому, случилось гдѣ-нибудь найти экземпляръ 1843 года, то онъ обязуется стараться изъять его изъ обращенія въ продажѣ.

Кромѣ всего этого, министръ народнаго просвѣщенія циркуляромъ отъ 27 декабря 1852 г. *весьма секретно* предложилъ начальникамъ губерній, чтобы они, по разсмотрѣніи каталоговъ губернскихъ и уѣздныхъ публичныхъ библіотекъ, буде окажутся тамъ „Отеч. Записки" 1840, 1841 и 1843 годовъ, истребовали ихъ къ себѣ и поступили съ ними, какъ поступлено было со скупленными экземплярами, а попечителямъ учебныхъ округовъ и другимъ главнымъ мѣстнымъ начальникамъ въ то-же время *весьма секретно* же предписать, чтобы экземпляры тѣхъ-же книжекъ этого журнала, находящіеся въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, были запечатаны въ особыхъ ящикахъ или пачкахъ казенною печатью, и чтобы никому не было дозволено пользоваться ими.

Собранные-же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ экземпляры, какъ видно изъ отношенія министра, „истреблять на точномъ основаніи послѣдовавшаго о томъ высочайшаго повелѣнія" [1]).

Въ 1854 г. въ „Отеч. Запискахъ" (№ 9 и 10) была помѣщена статья „Фантастическая зоологія", переведенная изъ Revue des deux mondes". Статья была самая безобидная и сухая, она трактовала о различныхъ миѳическихъ вѣрованіяхъ, относящихся къ древнимъ и особенно среднимъ вѣкамъ,—о всевозможныхъ сфинксахъ, драконахъ, центаврахъ и тому подобныхъ чудовищахъ различныхъ миѳологій. Библейскія сказанія подобнаго рода, конечно, тщательно обходились въ статьѣ, прошедшей сквозь строгую цензуру того времени. Однимъ словомъ, въ статьѣ, казалось, не было „ни сучка, ни задоринки" въ цензурномъ отношеніи. Какихъ-либо обобщеній или выводовъ въ ней не было и слѣда,— одинъ голый наборъ фактовъ. Лишь въ концѣ статьи авторъ радуется, что „въ концѣ XVII-го вѣка науки, литература и художества положили конецъ прежней роли животныхъ, что теперь

---

1) Рус. Стар. 1903 г. сентябрь, стр. 654—655.

исторія животныхъ не принадлежитъ уже ни поэзіи, ни нравственности, ни судопроизводству, а положительной наукѣ и строгимъ наблюденіямъ; одни сельскіе жители, остающіеся подъ вліяніемъ преданій древности, сохранили еще нѣкоторыя изъ старинныхъ повѣрій; въ сельской жизни еще вѣрятъ предзнаменованіямъ филина, ворона, ласточки, разсказываютъ еще о пещерахъ, гдѣ живутъ крылатые змѣи, и беррійскій крестьянинъ увѣренъ, что быки его разговариваютъ между собою человѣческимъ языкомъ въ ночь на 25-е декабря. Наука, съ своей стороны, теперь только классифируетъ животныхъ, анатомируетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ чучелы, безжалостно устраняя всякую поэзію и повѣрья"... Тѣмъ не менѣе высшія цензурныя власти усмотрѣли въ этой статьѣ „колебаніе основъ", и цензурнымъ комитетамъ было сдѣлано распоряженіе, что впредь „цензура обязана отстранять всякое разсужденіе, могущее поколебать вѣрованіе читателей въ непреложность церковныхъ преданій" [1]).

Слѣдить за дальнѣйшей судьбой (до 1867 г.) „Отеч. Записокъ" не представляется ни надобности, ни интереса.

Достаточно сказать, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и незавиднѣе становилось положеніе „Отеч. Записокъ" во всѣхъ отношеніяхъ. Уходъ Бѣлинскаго, реакція 1848 г., цензурный произволъ, тактика самого Краевскаго, все это привело „Отеч. Зап." къ окончательному упадку, отъ прежняго вліянія журнала не осталось, въ концѣ концовъ, и слѣда. „Отеч. Записки", пишетъ Некрасовъ Тургеневу въ 1857 г., продолжаютъ падать все быстрѣе и быстрѣе; подписка на нихъ очень плоха. Дружининъ боленъ". [2])

Краевскій употреблялъ всю свою изворотливость, не жалѣлъ даже подчасъ „мошны", чтобъ „перехватить" на книжномъ рынкѣ произведенія извѣстныхъ писателей и тѣмъ поднять падающій курсъ журнала,—ничто не помогало. О множествѣ подобныхъ, чисто биржевыхъ предпріятій Краевскаго разсказываетъ Некрасовъ въ своихъ письмахъ къ Тургеневу.

„Писемскій романъ свой, пишетъ напр. Некрасовъ,—проданный намъ—продалъ за лишнюю тысячу Краевскому, даже не предупредивши насъ и не спрося: что де и вы не дадите-ли столько-же?" [3])

„Кушелевъ хотѣлъ, пишетъ Некрасовъ въ другомъ мѣстѣ, купить романъ Гончарова, но скромный нашъ капиталистъ Краевскій внесъ наличныя деньги, и романъ остался за нимъ". [4])

Но всѣ эти старанія Краевскаго не достигали цѣли, журналъ продолжалъ падать. По своему преобладающему содержанію и

---

[1]) Рус. Стар. 1890, № 5, стр. 299. Скабичевскій, стр. 381.
[2]) Пыпинъ. Некрасовъ. Вѣстн. Евр. 1903 г. № 12 стр. 638, 577 и др.
[3]) ibid. стр. 599.
[4]) Ibid. стр. 642. „Кстати, прибавляетъ Некрасовъ, романъ этотъ проданъ за адскую сумму—10 тысячъ руб.".

характеру „Отеч. Записки“ дѣлались все болѣе и болѣе безцвѣтными и заботились главнымъ образомъ о „солидности“, помѣщая тяжеловѣсныя статьи, какъ напр. „Сибирскія лѣтописи XVI и XVII столѣтій, филологическій разборъ перевода Жуковскаго „Одиссеи“, съ присоединеніемъ греческаго текста и т. п. [1])

Даже эпоха реформъ не внесла сколько-нибудь существеннаго оживленія въ „Отеч. Записки“ и мало отразилась на ихъ содержаніи и характерѣ.

„Дѣла „Отеч. Записокъ“, говорилъ покойный Н. К. Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ, шли все хуже и хуже. Ни борьба г. Страхова съ „Западомъ“ и съ „нигилистами“, ни другіе перлы не спасали журналъ отъ очевиднаго паденія. И даже послѣ 1866 г. Краевскій не могъ-бы повторить фразу Скалозуба: „Довольно счастливъ я въ товарищахъ своихъ,—тѣ, смотришь, умерли, другіе перебиты“. Прекращеніе „Современника“ и „Русскаго Слова“, благодаря которому сильно очистилось поле конкурренціи, не улучшило дѣлъ „Отечественныхъ Записокъ“. [2])

Только съ переходомъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ 1867 г. подъ редакцію и въ завѣдываніе Некрасова начинается новая блестящая эпоха въ исторіи этого журнала.

X.

Обновленіе въ 1868 г. „Отечественныхъ Записокъ“ сопровождалось, вмѣсто привѣтствій и благопожеланій, обстоятельствами совершенно иного рода, правда, обычными въ исторіи нашей журналистики, но особенно тягостными при началѣ всякаго дѣла. Выступленіе Некрасова въ качествѣ редактора „Отечеств. Записокъ“ и арендный договоръ его съ Краевскимъ сдѣлались предметомъ злобно-ядовитыхъ и злорадно-ехидныхъ нападокъ, притомъ даже и отъ людей одного лагеря. Въ результатѣ получился, хотя и мимолетный, но довольно громкій „скандалъ въ литературѣ“. Главными его виновниками, давшими пищу литературной сплетнѣ, были прежніе товарищи и сотрудники Некрасова—Антоновичъ и Жуковскій. Ихъ взаимныя отношенія къ Некрасову были довольно натянуты еще въ „Современникѣ“, въ послѣдніе годы существованія этого журнала, что вызывалось отчасти личными счетами, отчасти неблаговидными слухами о Некрасовѣ (застольные стихи, отзывы о сотрудникахъ и др.). Хотя отношенія эти потомъ и сгладились, предполагалась даже совмѣстная работа, но недовѣріе и подозрительность, очевидно, остались. Когда Некрасовъ взялъ на себя редакторство „Отеч. Записокъ“, Антоновичъ и Жуковскій увидали въ этомъ идейный союзъ Некрасова съ

[1]) Словарь Брокгауза т. 43 стр. 415.
[2]) Воспоминанія т. 1 стр. 48.

Краевскимъ и измѣну перваго своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Выпущенный ими по этому случаю памфлетъ: „Матеріалы для характеристики современной русской литературы“ полонъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ, самыхъ разнообразныхъ обвиненій по адресу Некрасова. Въ своемъ „послѣднемъ словѣ“ они, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи и мелочностью, чисто полицейской, разбирали „по косточкамъ“ прошлую и настоящую дѣятельность Некрасова, и гадали болѣе или менѣе гнусно о будущемъ Некрасова.

Говоря, напр., о Некрасовѣ, какъ поэтѣ, г. Антоновичъ писалъ между прочимъ: „...Вамъ легко перестроить свою лиру на совершенно новый ладъ, какъ вашему другу Краевскому легко промѣнять прежній образъ мыслей на новый; вы съ одинаковымъ увлеченіемъ и искусствомъ можете и восхвалять, и порицать одинъ и тотъ же предметъ, вамъ ничего не стоитъ сегодня метать на лирѣ громы гражданскаго негодованія на какого-нибудь вельможу, швейцаръ котораго отогналъ отъ параднаго подъѣзда „деревенскихъ рус. людей“, а завтра на той же лирѣ рабски льстить ему и прославлять его доблести восторженнымъ мадригаломъ“ [1]).

Самыя мысли и мотивы поэзіи, оказывается, взяты на прокатъ (у ближайшихъ друзей и руководителей—Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго). „Жаль только, прибавляетъ Антоновичъ, что вы заимствовались отъ нихъ мыслями, но не моральными принципами, и притомъ только для стиховъ и печати, а не для практики и жизни“ [2]).

Касаясь журнальной и редакторской дѣятельности Некрасова, Антоновичъ представляетъ его и въ этомъ случаѣ хамелеономъ. Когда дулъ „попутно-либеральный“ вѣтеръ, Некрасовъ либеральничалъ и печаталъ радикальныя стихотворенія, благодаря чему пріобрѣлъ „Современнику“ славу, а себѣ богатство. Когда же налетѣла мрачная туча и „молнія ударила въ журналъ“, Некрасовъ быстро отказался отъ либерализма и отъ своихъ сотрудниковъ, „засвидѣтельствовавъ свое ренегатство формальнымъ актомъ въ стихахъ“.

Послѣ того, какъ, несмотря на „щиты и громоотводы“, на всѣ „моральныя и неморальныя жертвы“, „Современникъ“ все-таки былъ закрытъ, Антоновичъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать первыхъ звуковъ Некрасова на „перестроенной лирѣ“. Но дѣйствительность, видите-ли, превзошла всѣ его ожиданія,—такъ неожиданно и абсурдно было объявленіе о выходѣ (въ 68 г.) „Отеч. Записокъ“ подъ измѣненной редакціей и обѣщанное участіе въ нихъ Елисеева. Изумляясь возникшей комбинаціи, г. Ан-

---

1) Матеріалы, стр. 24—25.
2) Ibid. стр. 26.

тоновичъ даетъ этому факту такое объясненіе. „Сопоставленіе г. Краевскаго съ г. Елисеевымъ сразу выдавало и освѣщало планъ, который предположенъ къ осуществленію въ „Отеч. Запискахъ“. Эти два имени своимъ совокупленіемъ служили заложникомъ и залогомъ каждое для особенной сферы. Для одной сферы г. Краевскій будетъ гарантіей, какъ испытанный, солидноблагонамѣренный литераторъ, который на старости лѣтъ не только самъ не станетъ либеральничать по мальчишески, но и никому другому не позволитъ дѣлать этого подъ прикрытіемъ его имени; а г. Елисеевъ будетъ приманкой для другой, противоположной сферы, которая будетъ охотно наклевываться на этого либеральнаго червячка... Итакъ, снова начнется старая пѣсня: виляніе на ту и на другую сторону, угожденіе и вашимъ, и нашимъ“ [1]).

Поэтому, понятно, „Отечеств. Запискамъ“ предсказывалась самая печальная и жалкая будущность: журналъ будетъ лишенъ всякаго опредѣленнаго направленія и явится не болѣе, какъ подголоскомъ „куринаго эхо“ (такъ въ насмѣшку назывался въ кружкахъ „Современника“ „Голосъ“ Краевскаго).

Помимо этого въ брошюрѣ сдѣланы экскурсы въ сферы не совсѣмъ литературныя: таковы замѣчанія о знакомствахъ, привычкахъ и образѣ жизни Некрасова, а также обвиненія его въ эксплуатированіи своихъ сотрудниковъ и пр. и пр. [2]).

Хотя брошюра Антоновича и Жуковскаго не имѣла вліянія на положеніе и судьбу „Отеч. Записокъ“, однако доставила много тяжелыхъ минутъ Некрасову, Елисееву и Салтыкову. Покойный Н. К. Михайловскій—непосредственный очевидецъ того, что происходило вокругъ обновленныхъ „Отеч. Записокъ“ и въ нихъ самихъ—въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько разъ возвращается къ этому эпизоду. Онъ выясняетъ всю безпочвенность и фактическую несостоятельность упомянутой брошюры. Большая часть высказанныхъ въ ней намековъ и предположеній насчетъ Некрасова, Елисеева и „Отеч. Записокъ“ давно „ликвидированы“, по выраженію Михайловскаго, самой жизнью. „Отечеств. Запискамъ“ предсказывалось рѣшительное отклоненіе отъ того направленія, котораго Некрасовъ, Елисеевъ и Салтыковъ держались въ „Современникѣ“, а этого, какъ извѣстно, не случилось.

Авторы брошюры потратили много остроумія по поводу объединенія Некрасова съ Краевскимъ, слитія ихъ въ одну „литературную фирму“, а такого объединенія и слитія не было, а была лишь простая денежная сдѣлка. Въ концѣ концовъ, съ точки зрѣнія логики вещей, брошюра Антоновича „сыграла роль хлопушки, брошенной шаловливой дѣтской рукой подъ поѣздъ: хло-

[1]) Ibid. стр. 55.
[2]) Ibid. стр. 13, 21, 31, 119, 120 и др.

пушка разорвалась съ извѣстнымъ трескомъ, но поѣзда не остановила и ничему не помѣшала" [1]).

„Тѣмъ не менѣе, говоритъ Михайловскій, никогда, ни до, ни послѣ этой брошюры, Некрасовъ не былъ „развѣнчанъ" такъ грубо, такъ открыто и безпощадно, — и кѣмъ-же? — не какимъ-нибудь отпѣтымъ проходимцемъ, а „своими", „людьми", объявлявшими себя истинными хранителями лучшихъ литературныхъ преданій. А за одно съ Некрасовымъ призывался къ отвѣту и весь журналъ въ лицѣ, впрочемъ, главнымъ образомъ Елисеева [2]). Немудрено, что, придя въ ближайшій редакціонный день въ редакцію, я засталъ тамъ переполохъ. Салтыковъ рвалъ и металъ, направляя по адресу авторовъ брошюры совершенно нецензурные эпитеты. Елисеевъ сидѣлъ молча, поглаживая правою рукою лѣвый усъ, и думалъ, очевидно, невеселую думу... Самъ Некрасовъ произвелъ на меня истинно удручающее впечатлѣніе... Тяжело было смотрѣть на этого человѣка. Онъ прямо-таки заболѣлъ, и какъ теперь вижу его вдругъ осунувшуюся, точно постарѣвшую фигуру въ халатѣ. Но самое поразительное состояло въ томъ, что онъ, какъ-то странно запинаясь и заикаясь, пробовалъ что-то объяснить, что-то возразить на обвиненія брошюры и не могъ: не то онъ признавалъ справедливость обвиненій и каялся, не то имѣлъ многое возразить, но, по закоренѣлой привычкѣ таить все въ себѣ, не умѣлъ"..... [3]).

Придавая первоначально, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, всей этой исторіи значеніе большее, чѣмъ она заслуживала, Елисеевъ и Салтыковъ помѣстили въ „Отеч. Запискахъ" (69 г. № 4) краткое возраженіе, [4]) обѣщая дать подробный разборъ брошюры Антоновича и Жуковскаго. Но видя, что ихъ выходка существенно не вліяетъ ни на публику, ни на журналъ, сочли за лучшее оставить „трудъ" Антоновича и Жуковскаго въ рѣкѣ забвенія.

Судьбѣ угодно было, чтобы одинъ изъ участниковъ воинственнаго похода на Некрасова—именно г. Антоновичъ—не только былъ свидѣтелемъ того, какъ сама жизнь „ликвидировала" взводимыя имъ на Некрасова обвиненія и печальныя предсказанія, но и дожилъ до того времени, когда русское общество благодарно вспоминало Некрасова. Въ юбилейные Некрасовскіе дни

---

[1]) Воспоминанія т. I, стр. 485—486.

[2]) Салтыкову предоставлялось узнать себя въ слѣдующей фразѣ брошюры: Въ „Отеч. Зап." перешли, кромѣ Некрасова и Елисеева, разная шушера и шелуха изъ „Современника".

[3]) Михайловскій. Воспоминанія, т. I. стр. 73—74.

[4]) Елисееву принадлежала статья „Отвѣтъ на критику", гдѣ онъ выясняетъ, что вся брошюра есть плодъ раздраженія и мелкаго самолюбія. Салтыковъ въ разборѣ новыхъ книгъ помѣстилъ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній по адресу авторовъ брошюры.

г. Антоновичъ естественно долженъ былъ испытывать нѣкоторую неловкость, припоминая сказанное когда-то, быть можетъ, сгоряча. Въ статьѣ „Изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ“, напечатанной въ 1903-мъ году [1]), г. Антоновичъ, отказываясь отъ прежняго взгляда на Некрасова, сознается, что „въ тогдашней ихъ враждебности къ Некрасову, въ ея возбужденіи и подкрѣпленіи участвовали (кромѣ серьезныхъ общихъ причинъ), также элементы неважные, временные, личные, излишняя горячность и жаръ увлеченія“ (стр. 195).

Разсматривая тогдашнія событія и личность Некрасова сквозь призму далекаго прошлаго и съ точки зрѣнія исторической перспективы, Антоновичъ даетъ слѣдующую, діаметрально противоположную прежней, оцѣнку поэтической и редакторской дѣятельности Некрасова. „Поэтическія заслуги Некрасова общеизвѣстны и общепризнаны. Поэтическую репутацію Некрасова можно считать окончательно установившеюся; большое значеніе и высокую цѣнность его поэзіи можно считать общепризнанными“ (стр. 196, 200). О журнальной и редакторской дѣятельности Некрасова Антоновичъ говоритъ: „Заслуги Некрасова въ области журналистики не менѣе значительны. Некрасовъ былъ идеальнымъ редакторомъ-издателемъ и довелъ свой журналъ „Современникъ“ до почти идеальнаго совершенства“.

Вспоминая и пересказывая свое столкновеніе съ Некрасовымъ по поводу арендованія послѣднимъ „Отечеств. Записокъ“, Антоновичъ говоритъ между прочимъ: „...Между тѣмъ время шло. Наши сомнѣнія и опасенія относительно Некрасова не оправдались. Онъ и не думалъ перестраивать своей лиры на иной ладъ, но продолжалъ въ прежнемъ ладѣ пѣть пѣсни, столь же сильныя и энергичныя, столь же звучныя и возбуждающія, какъ и его прежнія пѣсни... Такимъ образомъ мы ошиблись относительно Некрасова. Вопреки нашимъ опасеніямъ, онъ снова пошелъ твердымъ и бодрымъ шагомъ по своему прежнему пути. За это ему честь, слава и вѣчная память въ лѣтописяхъ русской литературы“ [2]).

Несмотря на всѣ дрязги и непріятности, обновленныя „Отеч. Записки“ сразу же прочно стали на ноги, пріобрѣли опредѣленный характеръ и направленіе, которые сохранили до конца дней своихъ, и быстро завоевали сочувствіе общества. Первыми и главными дѣятелями обновленія были трое—Некрасовъ, Елисеевъ и Салтыковъ, несшіе первоначально весь журналъ на своихъ плечахъ. Они вмѣстѣ работали въ „Современникѣ“, вмѣстѣ перешли и въ „Отеч. Записки“, съ ними, такъ сказать, переселились сюда лучшія традиціи и принципы „Современника“.

[1]) „Журналъ для всѣхъ“, 1903 г. № 2.
[2]) „Журн. для всѣхъ“, 1903 г. № 2, стр. 217—218.

Насколько велики заслуги Елисеева въ дѣлѣ обновленія „Отеч. Записокъ“, видно изъ слѣдующихъ словъ Михайловскаго: „Не сойдись Елисеевъ съ Некрасовымъ, не рѣшись онъ на этотъ, по совокупности тогдашнихъ условій, большой рискъ, „Отеч. Записки“ не существовали бы“ [1]).

Что касается Салтыкова, то онъ, подъ вліяніемъ писательскихъ тягостей и царившаго въ литературѣ произвола, хотѣлъ было совсѣмъ порвать съ литературой [2]).

Но влеченіе къ литературѣ взяло верхъ, и когда Некрасовъ пригласилъ его къ участію въ „Отеч. Запискахъ“, Салтыковъ сразу становится самымъ ревностнымъ дѣятелемъ журнала; ни одна почти книжка „Отеч. Зап.“ не выходила безъ его статьи. Затѣмъ, въ іюнѣ 1868 г. Салтыковъ окончательно вышелъ въ отставку, поселился въ Петербургѣ и весь отдался литературѣ, посвятивъ всѣ свои силы, всю свою жизнь „Отечественнымъ Запискамъ“.

Некрасовъ, Салтыковъ и Елисеевъ и явились тѣмъ живительнымъ центромъ, той закваской, которая вдохнула жизнь и душу въ умирающій журналъ. Всѣ трое, независимо отъ своего литературнаго таланта, были опытные и горячо преданные своему дѣлу журналисты, убѣжденные въ возвышенности задачъ журналистики. „А изъ-за этихъ трехъ, говоритъ Михайловскій, выглядывали еще образы Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, какъ бы передавшихъ имъ свой авторитетъ... Немудрено, что отъ этихъ людей и отъ руководимаго ими дѣла вѣяло спокойною, сознающею себя силою...“ [3]).

Поэтому неудивительно, что въ „Отеч. Запискахъ“ вскорѣ же сгрупировалось все наиболѣе сильное, живое и убѣжденное. Съ перваго же года существованія „Отеч. Зап.“ мы видимъ въ составѣ ихъ ближайшихъ дѣятелей—Гл. Успенскаго, Михайловскаго, Миртова (Арнольди), Демерта, Курочкина, Скабичевскаго и др. [4]).

---

[1]) Воспоминанія. Т. I, стр. 486.

[2]) „Послѣ одного изъ цензурныхъ запрещеній, разсказываетъ Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ, Салтыковъ явился въ редакцію („Современ.“) въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить рус. литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литер. труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать умственный трудъ литератора, что чиновничья служба имѣетъ предъ литературой хоть то преимущество, что человѣка не грабятъ“. „Истор. Вѣстн.“. 1889 г., № 11, стр. 273—274. Матеріалы для біографіи Салтыкова, стр. 101—102.

[3]) „Воспоминанія“. Т. 1, стр. 55—56.

[4]) Вотъ наиболѣе крупныя вещи, помѣщенныя въ 1868 въ „Отеч. Запискахъ“; *Некрасовъ*, „Мать“, „Притча о киселѣ“, „Судъ“, „Не рыдай такъ безумно надъ нимъ“ и др. *Салтыковъ*, „Новый нарцизъ“, „Старый

Затѣмъ въ числѣ сотрудниковъ „Отечеств. Записокъ“ являются: Островскій, Боборыкинъ, Златовратскій, Каронинъ, Гаршинъ, Новодворскій (Осиповичъ), Цебрикова, Марко-Вовчокъ; Щаповъ, Зиберъ, Леоевичъ, Семевскій, Южаковъ, Энгельгардъ, В. В. (Воронцовъ), Иванюковъ, Головачевъ, Кривенко и мн. др.

Не лишне отмѣтить еще тотъ фактъ, что въ „Отеч. Записки“ былъ привлеченъ Некрасовымъ и Писаревъ. Писаревъ оказался въ такомъ же положеніи у своего „патрона“—Благосвѣтлова, какъ и Бѣлинскій—у Краевскаго. Оба они вдохнули въ свои журналы „душу живу“, пріобрѣли имъ огромную популярность и вліяніе, а издателямъ—солидный капиталъ, и оба, въ благодарность, были выброшены своими „благодѣтелями“ на улицу. И Краевскій, и Благосвѣтловъ повели дѣло такъ, что Бѣлинскій и Писаревъ должны были оставить дѣло, созданное ихъ трудами. Пускались въ ходъ прижимки, оскорбленія, „начеты“, слухи о томъ, что „исписался“ и т. д.

Вслѣдствіе подобнаго отношенія Писаревъ въ 1867 г. окончательно разошелся съ Благосвѣтловымъ и принялъ приглашеніе Некрасова.

Но не долго пришлось Писареву работать для „Отеч. Записокъ“. Въ 1868 г. было помѣщено лишь нѣсколько небольшихъ его замѣтокъ. Въ томъ же 1868 г. 4 іюля Писаревъ, какъ извѣстно, утонулъ, купаясь въ морѣ. Такимъ образомъ привлеченіе Писарева въ „О. З.“ еще и еще разъ является доказательствомъ литературно-художественнаго чутья и журнально-издательскаго такта Некрасова (въ данномъ случаѣ, конечно, больше послѣдняго).

При всемъ различіи въ степени и характерѣ дарованія, всѣхъ какъ названныхъ, такъ и впослѣдствіи примкнувшихъ къ „Отеч. Запискамъ“ писателей объединяла одна общая черта (помимо, конечно, общности основныхъ убѣжденій): жизненная струя, неумолкаемо пробивавшаяся во всѣхъ ихъ писаніяхъ, „безпокойная жилка публициста, т. е. болѣе или менѣе страстнаго докладчика по дѣламъ сегодняшняго дня“, по выраженію Михайловскаго. Стоитъ вспомнить, что Некрасову „борьба мѣшала быть поэтомъ“, что Салтыковъ, имѣя огромный художественный талантъ, годный для созданія типовъ міроваго значенія (на что указываютъ такія

котъ на покоѣ“, „Помпадуры и помпадурши“, „Признаки времени“, „Письма о провинціи“, *Елисеевъ* (Грицко), „Производит. силы Россіи“, „Крестьянскій вопросъ“ (№ 2 и 3), *Гл. Успенскій*, „Будка“, „Остановка“. *Скабичевскій*. „Новое время и старые боги“, „По поводу Дыма“ (№ 1). *Михайловскій* дебютировалъ въ „Отеч. Зап.“ статьей — „Жертва старой русской исторіи“. *Курочкинъ* велъ критическій и библіографическій отдѣлъ. *Демертъ* велъ внутреннее обозрѣніе, а съ 1855 оно перешло къ Елисееву. Въ 1869 г., кромѣ стих. Некрасова, Салтыковъ напечаталъ „Исторію одного города“, „Господа Ташкентцы“, Михайловскій „Что такое прогрессъ“? Миртовъ „Цивилизація и дикія племена“ (№ 5—9). Скабичевскій о Писаревѣ и т. д.

фигуры, какъ Іудушка въ „Головлевыхъ"), посвятилъ свою сатиру бичеванію пошехонскихъ порядковъ и болѣе или менѣе крупныхъ „мелочей жизни"—съ точки зрѣнія высшихъ, „непреходящихъ" идеаловъ. Иначе онъ и не могъ дѣйствовать по самому характеру своего таланта и темперамента.

Опредѣляя сущность своей литературной дѣятельности, Салтыковъ говоритъ въ „Имя рекъ": „Лозунгъ его (писателя) выражался въ трехъ словахъ: свобода, развитіе и справедливость. Свобода—какъ стихія, въ которой предстояло воспитываться человѣку; развитіе—какъ неизбѣжное условіе, безъ котораго никакое начинаніе не можетъ представлять задатковъ жизненности; справедливость—какъ мѣрило въ отношеніяхъ между людьми" Ту же мысль развиваетъ Салтыковъ и въ одномъ частномъ письмѣ. „Писатель, говоритъ онъ здѣсь, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые издавна волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость" [1]).

Достаточно извѣстенъ, затѣмъ, фактъ, что у Михайловскаго публицистика не только постоянно врѣзывалась въ „науку", но и въ концѣ концовъ брала надъ ней верхъ. А что такое вся литературная дѣятельность Гл. Успенскаго, какъ не художественная публицистика?

Относительно Елисеева такъ говоритъ его соратникъ, самый близкій къ нему человѣкъ, долго стоявшій вмѣстѣ съ нимъ „на славномъ посту": „Елисеевъ былъ, по самому складу своего ума, практикъ, „мужъ совѣта"... Если бъ онъ былъ поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и несъ открыто ея знамя (если бъ это было возможно по условіямъ русской жизни), то онъ былъ бы крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ немъ всегда билась жилка практическаго реформатора... Елисеевъ былъ, если можно такъ выразиться, аскетъ текущей жизни и непосредственныхъ практическихъ результатовъ, хотя въ то же время онъ очень хорошо зналъ, что именно въ этомъ отношеніи положеніе нашей печати особенно трудно"... [2]).

Немудрено, что при такомъ подборѣ лицъ „Отеч. Записки" сразу выступили и съ опредѣленной, послѣдовательно проведенной программой, и съ рѣзко очерченнымъ стремленіемъ практическаго воздѣйствія на жизнь.

Единству, стройности и жизненности журнала способствовала, наконецъ, и личность, стоявшая во главѣ его. Характеризуя

---

1) „Рус. Бог. 1889 г. сент. стр. 153.

„Всѣ силы своего ума и сердца, говоритъ Салтыковъ о Крамольниковѣ, т. е. о себѣ самомъ, онъ посвятилъ на то, чтобы возстановлять въ душахъ своихъ присныхъ представленіе о свѣтѣ и правдѣ и поддерживать въ сердцахъ вѣру, что свѣтъ придетъ и мракъ его не обниметъ"...

2) Михайловскій. Воспоминанія. Т. I. стр. 500, 503.

Некрасова, какъ редактора, Елисеевъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Большая часть нашихъ редакторовъ, набирая сотрудниковъ, что называется, съ бору и сосенки, похожи на дурныхъ кучеровъ, которые не даютъ лошадямъ бѣжать спокойно и ровно, дергаютъ ихъ безъ всякой нужды изъ стороны въ сторону... Некрасовъ, сдѣлавшись редакторомъ „Отеч. Записокъ", остался къ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ и къ „Современнику". Человѣкъ отъ природы несомнѣнно умный, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, онъ ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу итти, какъ оно могло итти, не подражая тѣмъ мало опытнымъ и неискуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно... И дѣло шло хорошо, какъ только могло итти при данныхъ наличныхъ силахъ [1])".

По своей программѣ „Отечеств. Записки" были прямымъ продолженіемъ „Современника". Какъ и въ „Современникѣ", въ „Отеч. Запискахъ" въ центрѣ программы стоялъ народъ, „мужикъ". Но только въ силу измѣнившихся условій и настроеній эпохи, народъ и дѣятельность на благо народное принимали своеобразную окраску. Жалость къ „освобожденному", но несчастливому народу и ненависть ко всему тому, что мѣшаетъ народному благу и счастью, преклоненіе предъ „высшей правдой", заключающейся въ особенностяхъ жизненнаго уклада и міровоззрѣнія народа — вотъ исходная и главнѣйшая особенность того направленія, выразителемъ котораго явились „Отеч. Записки". „Истерзанная совѣсть" „кающагося дворянина" взывала къ расплатѣ, къ самопожертвованію на благо народа. „Покаяніе въ историческомъ грѣхѣ передъ народомъ, идея долга народу отражалась ярче всего въ „Отеч. Запискахъ". Кромѣ открытаго заявленія этой идеи, какъ руководящаго принципа, она составляла тотъ общій фонъ, на которомъ рисовались узоры лирики, беллетристики, критики, философіи, исторіи, экономики и политики... Участливое отношеніе къ народу составляло необходимое условіе этихъ статей" [2])...

Признаніе самобытной правды, красоты и жизненности въ общинно-артельныхъ устояхъ народной жизни поселяло увѣренность, что Россія можетъ прямо перейти къ высшимъ формамъ общежитія и такимъ образомъ, минуя мучительный процессъ капитализаціи, осуществить идеалъ справедливаго распредѣленія благъ и гармонически-развитой личности.

Въ сферѣ практической провозглашалось: необходимость слія-

---

[1]) Елисеевъ, Некрасовъ и Салтыковъ. „Рус. Богатство", 1893 г. № 9. стр. 66—67.

[2]) Михайловскій. Воспоминанія. Т. I, стр. 345.

нія интеллигенціи съ народомъ, причемъ „народъ дастъ высокій *типъ* своей жизни, а интеллигенція *степень* своего развитія; — воплотить въ общественной жизни правду-истину и правду-справедливость,—дискредитировать бюрократію, русскій либерализмъ и его надежды на реформы, убѣдить всѣхъ въ недостаточности однихъ только гражданскихъ преобразованій—„вотъ главнѣйшія положенія программы „Отечественныхъ Записокъ“ [1]).

XI.

Обновленныя „Отечественныя Записки“ вступали въ жизнь при дѣйствіи закона 1865 г., внесшаго въ положеніе печати два измѣненія: 1) освождеоіе отъ предварительной цензуры выходящихъ въ столицѣ книгъ извѣстнаго объема (десять листовъ для оригинальныхъ и двадцать для переводныхъ) 2) освобожденіе отъ предварительной цензуры нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, съ подчиненіемъ ихъ какъ судебной, такъ и административной отвѣтственности.

Но на практикѣ подчиненіе печати суду сдѣлалось не общимъ правиломъ (какъ предполагалось, повидимому, по закону), а исключеніемъ, тогда какъ, наоборотъ, административныя взысканія и неизбѣжный при этомъ произволъ сдѣлались общимъ правиломъ. Въ то время, какъ судебный процессъ извѣстенъ только одинъ: по обвиненію Пыпина и Жуковскаго за статью: „Вопросы молодого поколѣнія“, административныхъ взысканій, при дѣйствіи закона 1865 г., было множество. Съ 1865 по 1870 г. было дано 44 предостереженія, семь періодическихъ изданій были пріостановлены на срокъ отъ 2 до 6 мѣсяцевъ. Административнымъ взысканіямъ подвергались и книги; напр., были изъяты изъ обращенія: сочин. Спенсера, Сѣченова, „Рефлексы головного мозга“, 2-ой т. сочин. Писарева, 2-ой т. Лассаля, „Всякіе“ Суворина, „Отщепенцы“ Соколова и т. д. [2]).

Такимъ образомъ положеніе печати свелось на прежній дореформенный порядокъ, пресса по прежнему всецѣло зависѣла отъ администраціи, т. е. въ сущности отъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, въ рукахъ которыхъ право давать предостереженія, а затѣмъ останавливать или вовсе прекращать изданіе явилось страшнымъ для печати оружіемъ.

Когда Некрасовъ предпринялъ изданіе „Отечеств. Записокъ“, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Тимашевъ, только что назначенный (въ 68 г.) вмѣсто Валуева. Тимашевъ не только продолжалъ политику Валуева, но изыскивалъ новыя средства для

[1]) См. Соловьевъ. Очерки по исторіи рус. литер., стр. 327—328; 352—354. Михайловскій. Воспоминанія. Т. I, стр. 140—141; 346—347 и др.

[2]) Арсеньевъ. Наши законы о печати, стр. 23—25.

„обузданія“ печати, находя имѣющіяся для этого въ его рукахъ средства недостаточными.

Такъ, въ 1868 г. онъ внесъ въ комитетъ министровъ представленіе о томъ, чтобы министру внутр. дѣлъ было предоставлено право запрещать, по его усмотрѣнію, розничную продажу газетъ. Интересны мотивы, вызывающіе, по мнѣнію Тимашева, необходимость указанной мѣры. „Однимъ изъ послѣдствій цензурнаго устава 1865 г., говорилось въ представленіи министра, и освобожденія многихъ газетъ отъ предварительной цензуры, было—широкое развитіе розничной продажи. Этимъ путемъ стали проникать вредныя внушенія въ тѣ классы народа, среди которыхъ они особенно опасны. А между тѣмъ въ рукахъ власти очень мало средствъ (?) для сдерживанія печати, ибо уставъ 1865 г. давалъ только одно средство — административныя предостереженія; весьма дѣйствительнымъ средствомъ было бы поэтому право разрѣшать и запрещать розничную продажу“ [1]).

Это представленіе было высочайше утверждено въ видѣ временной мѣры, безъ внесенія въ государств. совѣтъ, но и до сихъ поръ имѣетъ силу закона. Съ тѣхъ поръ почти всѣ постановленія, ухудшавшія положеніе печати, проходили не чрезъ государств. совѣтъ, а чрезъ комитетъ министровъ. [2])

Практика послѣдующихъ затѣмъ запрещеній розничной продажи показала, что они нужны были разсматриваться не какъ способъ охраненія тишины и спокойствія (которыхъ розничная продажа не можетъ нарушить), а просто какъ новое средство воздѣйствія на печать путемъ административныхъ взысканій. Что система административныхъ взысканій (безъ суда), въ связи съ залогами и правомъ прекращать изданіе, несправедлива и вредна, какъ для общества, такъ и для государства—это, кажется, не нужно доказывать. Интересующійся подробностями этого вопроса можетъ найти въ книгѣ г. Арсеньева („Наши законы о печати“) критику всѣхъ видовъ админист. взысканій.

Въ концѣ 1869 г. въ административныхъ сферахъ возникла было мысль о прекращеніи „временно-обязаннаго“ положенія печати. Для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и для приведенія ихъ въ систему, въ ноябрѣ 1869 г. была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Урусова. Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи говорилось между прочимъ: „Опытъ показалъ, что временныя правила 1865 г. во многихъ случаяхъ возбуждали недоразумѣнія и не всегда могли служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи. Предоставляя отечественной печати возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ, вмѣстѣ съ

[1]) Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ т. 3 ч. 2, стр. 203.
[2]) Арсеньевъ стр. 28.

симъ, вооружить какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова".

Комиссія работала два года, и плодомъ ея трудовъ явился проектъ (неполный) устава о цензурѣ, заключающій въ себѣ 361 статью. Но комиссія, очевидно, тщательно разрабатывала только вторую половину формулы, заключающейся въ высочайшемъ рескриптѣ: всѣ статьи проекта направлены лишь къ обузданію, а объ удобствахъ и облегченіяхъ для печати не было и помину. [1]) Такъ, право разрѣшать или не разрѣшать выходъ періодич. изданій безъ цензуры было оставлено по прежнему за министромъ вн. дѣлъ. Систему административныхъ каръ комиссія также не нашла возможнымъ отмѣнить. Самый терминъ „вредное направленіе" ком. не нашла возможнымъ замѣнить другимъ—болѣе опредѣленнымъ. Запрещеніе розницы попрежнему было оставлено за министромъ внутр. дѣлъ и т. д.

Но и этому однобокому проекту не пришлось увидѣть свѣтъ: въ 1871 г. работы комиссіи были прекращены, „труды" ея были сданы въ архивъ, а печать вмѣсто „возможныхъ облегченій и удобствъ" подверглась новымъ стѣсненіямъ. Этотъ поворотъ назадъ стоялъ несомнѣнно въ связи съ начавшимися около этого времени политическими движеніями и процессами (болѣе крупный изъ нихъ „нечаевскій").

Не безъ вліянія въ данномъ случаѣ осталась и „охранительная" печать, которая ставила въ связь и зависимость политическія движенія съ „либеральной" литературой. Органы печати, взявшіе на себя роль Булгарина и сложившіеся съ половины 60-хъ гг. въ „русскую литературную полицію"—„Московскія Вѣдомости", „Рус. Вѣстникъ" и даже такіе, какъ „Заря",—были полны злобныхъ обвиненій „либерально-радикальной" литературы

---

[1]) Никитенко, несомнѣнно освѣдомленный въ этомъ вопросѣ, указываетъ и причины, по которымъ работы комиссіи приняли такое направленіе. „Кн. Урусову, говоритъ онъ, поручено составить комиссію для начертанія новыхъ законовъ о печати. Но такъ какъ комиссіи этой *заранѣе дана задача составить законы репрессивнаго свойства*", то немного находится охотниковъ быть ея членами. Приходится назначать членовъ, не спросяся предварительно ихъ согласія. Урусовъ такъ и поступаетъ... Такимъ образомъ кн. Урусову поручено отыскать философскій камень, т. е. издать такіе законы о печати, которые бы равно удовлетворяли и правительство и общество и, ограничивая свободу мысли, въ то же время не мѣшали бы ходу науки и образованія.—Надо поставить вопросъ, заключаетъ Никитенко, честно и ясно: хотятъ-ли раздѣлить съ обществомъ заботы о безопасности и благѣ народа, или думаютъ достигнуть этого единственно посредствомъ администраціи". (Дневникъ Т. 3, стр. 223 –224).

въ происходившихъ „бѣдствіяхъ". [1]) Даже такой благодушный и умѣренно-либеральный человѣкъ, какъ Никитенко, выступаетъ съ слѣдующими обвиненіями противъ „радикаловъ": „Ничто столько не вредитъ успѣху свободы, какъ нелѣпыя требованія радикальныхъ преобразователей общества. Они дѣлаютъ врагами ея не только правительство, но и благомыслящихъ, разсудительныхъ ея поборниковъ... Совершенно фальшиво правило этихъ господъ: „требуй больше, чтобы получить что-нибудь". Ужасъ, который они наводятъ своимъ „больше", служитъ предлогомъ къ тому, чтобы стѣснять всякій порывъ даже къ самому „меньше" [2]).

Или „Стоитъ поближе всмотрѣться въ такъ называемыхъ передовыхъ людей нашего времени, чтобъ невольно почувствовать къ нимъ особаго рода сожалѣніе, не лишенное доли презрѣнія. Правда, они много и даже очень громко говорятъ о низшихъ классахъ, о ихъ благосостояніи, о свободѣ просвѣщенія, о наилучшемъ устройствѣ обществъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ... эти либералы и провозвѣстники свободы готовы растерзать всякаго, кто осмѣлится предъявить свое мнѣніе, не согласное съ ихъ мнѣніями. Если передовые таковы, то что-же сказать о тѣхъ, которые стоятъ или идутъ позади ихъ". [3])

Политическія движенія Никитенко понимаетъ слѣдующимъ образомъ: „Стремленіе къ абсолютной свободѣ, не ограниченной никакими законами—ни нравственными, ни гражданскими,—вѣдь это анархія... вѣчная кровавая революція, полная неизмѣримыхъ бѣдъ... Большинство... прикрывшись пышными фразами, желаетъ только половить рыбу въ мутной водѣ, а болѣе хладнокровные заботятся только о томъ, чтобы прибрать власть въ свои руки" [4]).

Въ частности по поводу нечаевскаго процесса Никитенко говоритъ: „Возбуждать полудикій народъ къ возстанію, давать ему въ руки топоры—не есть-ли это политическое безуміе"... [5])

Немудрено поэтому, что подобные „жупелы" произвели свое дѣйствіе и способствовали усиленію реакціи, тотчасъ же отразившейся на положеніи печати. Будучи весьма тяжелымъ до и

---

[1]) Что касается „критическихъ отзывовъ" объ „Отеч. Зап.", то вотъ напр., какую „критику" „наводилъ" Окрейцъ въ 1872 г.: „Въ минувшемъ году „Отеч. Записки" падали, благодаря сухимъ и неудобо-читаемымъ статьямъ Н. Михайловскаго, Кедрова и дикимъ критикамъ Скабичевскаго. Для массы въ этомъ журналѣ не доставало живой беллетристики, а она необходима для успѣха журнала. Руководители О. З. поняли эту истину и разразились въ 1872 г. цѣлымъ ливнемъ романовъ"...

[2]) Дневникъ т. 3, стр. 229—230.

[3]) Ibid стр. 268—269.

[4]) Ibid стр. 236.

[5]) Ibid. стр. 272

во время работъ Урусовской коммиссіи, [1]) положеніе печати съ 1872 г. еще болѣе ухудшается.

Въ 1872 г. государств. совѣтъ, основываясь на представленіи мин. вн. дѣлъ Тимашева, нашелъ, что „въ послѣдніе годы, наряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно бывали случаи изданія сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка... Во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальною цѣлію распространять лжеученія между учащеюся молодежью. Въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги... уступаются издателями за треть или четверть стоимости, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій"... На основаніи этихъ соображеній состоялось слѣдующее Высочайше утвержденное мнѣніе государств. совѣта: „Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія министромъ внутр. дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска его въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ" [2]).

Въ 1873 г. Тимашевъ указалъ комитету министровъ, что въ уставѣ 1865 г. есть несомнѣнные пробѣлы:

1) не опредѣлена отвѣтственность редакторовъ за помѣщеніе свѣдѣній, которыя не подлежатъ обнародованію;

2) не указаны средства для того, чтобы сдерживать, въ случаяхъ, имѣющихъ особое значеніе, печать въ границахъ умѣренности и скромности". Тимашевъ полагалъ, что всѣ секретныя свѣдѣнія редакціи получали отъ чиновниковъ, имена которыхъ оставались неизвѣстны; поэтому онъ предлагалъ предоставить министру вн. дѣлъ право устранять, временно или окончательно, редакторовъ отъ ихъ званія, если они обнародуютъ то, что запрещено печатать, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они откажутся сообщить настоящія фамиліи лицъ, доставившихъ имъ недозволенныя свѣдѣнія [3]).

Вслѣдствіе этого представленія явился законъ (дѣйствующій и до настоящаго времени), по которому, если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе

---

[1]) Только съ 1870—1871 г. (во время работъ коммиссіи Урусова) было дано 23 предостереженія, пріостановлено 6 изданій и запрещена розница 9 изданій. Арсеньевъ стр. 85.

[2]) Это постановленіе остается въ силѣ и до настоящаго времени. Арсеньевъ стр. 87—88.

[3]) Историч. обзоръ дѣятельности комит. министровъ т. 3, ч. 2, стр. 204.

или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати. Въ случаѣ нарушенія объявленнаго такимъ образомъ запрета, министру внутрен. дѣлъ предоставляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія" [1]).

Циркуляръ прибавлялъ, что это распоряженіе „нисколько не стѣсняетъ тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлено печати обсуждать политическіе и общественные вопросы". Но на практикѣ дѣло свелось къ тому, что ни о чемъ нельзя стало говорить въ печати, каждый вопросъ сталъ „извѣстнымъ",—вопросомъ „государственной важности". Циркуляръ говорилъ, что новое постановленіе, „по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ, чрезвычайно рѣдкихъ",—на практикѣ оно сдѣлалось общимъ явленіемъ.

Когда явилась возможность высказаться (въ 1880 г.), Елисеевъ писалъ во внутр. обозрѣніи „Отеч. Записокъ" по поводу этихъ распоряженій Тимашева:

„Въ докладъ министра внутр. дѣлъ вкралось нѣсколько неточностей. Во-первыхъ, невозможно себѣ представить, чтобы въ сочиненіяхъ, „наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать основы государственнаго и общественнаго порядка", цензура не могла усмотрѣть прямого нарушенія карательнаго закона, а потому пропускала свободно въ свѣтъ. Разъ цензура, при всей своей строгости (а надобно замѣтить, что строже нашей цензуры нигдѣ нѣтъ), пропускала ихъ, очевидно она не видѣла въ нихъ ничего опаснаго".

Если же они впослѣдствіи были найдены опасными, разсуждалъ Елисеевъ, то въ такомъ случаѣ оцѣнка опасности является дѣломъ весьма условнымъ. При одномъ настроеніи правящихъ сферъ и лицъ, книга свободно пропускается, при другомъ—она оказывается опасной и уничтожается. И затѣмъ приводитъ списокъ книгъ, изъятыхъ изъ обращенія съ 1871—1876 г., [2]) изъ

---

[1]) Отеч. Зап. т. 252. Арсеньевъ стр. 89.

[2]) Вотъ наиболѣе „вредныя" книги, подвергшіяся изъятію: *Луи Бланъ.* „Исторія революціи"; *Бута.* „Біогр. Роб. Овена"; *Вермореля.* Мара. „Другъ народа"; *Штрауса.* „Вольтеръ"; *Гетнеръ.* „Исторія всеобщей литературы"; *Кине.* „Новый духъ"; *Ланжеле и Корье.* „Исторія революціи"; *Лассаль.* Соч. т. I. *Лекки.* „Исторія нравственности"; *Нейманъ.* „Исторія С.-Ам. С. Штатовъ. *Спенсеръ.* „Соціальная статика"; *Швейцеръ.* „Люцинда"; *Шерра,* „Историческія характеристики"; *Лоренцъ Штейнъ.* „Исторія соц. движенія во Франціи". Изъ оригинальныхъ: 1) Сочиненія *Писарева,* ч. 4 и 7; 2) *Азбука* соціальныхъ наукъ; 3) *Радищевъ.* Соч. 1, 2; 4) *Флеровскій.* „Положеніе рабоч. класса"; 5) *Скабичевскаго.* „Очерки развитія прогрессивныхъ идей"; 6) *Утина.* „Франція въ 1871 г." 7) *Алферьевъ.* „Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ"; 8) *Шашкова* „Женское дѣло въ Америкѣ".

которыхъ ни къ одной „невозможно примѣнить ту ужасную характеристику, которая сдѣлана въ представленіи министра".

Вторую „неточность" въ представленіи министра Елисеевъ усматривалъ въ томъ, будто бы существовали такіе издатели, которые издавали книги, наполненныя лжеученіями, съ спеціальной цѣлью распространять эти лжеученія среди молодежи.

„Всѣ издатели нашихъ либеральныхъ книгъ, говоритъ онъ, наперечетъ извѣстны, и едва ли они станутъ издавать и продавать книги въ убытокъ себѣ, за $^1/_3$ цѣны".

Разсуждая о предоставленномъ министру внутр. дѣлъ правѣ, запрещать обсужденіе въ печати вопросовъ государственной важности (по собственному усмотрѣнію), Елисеевъ говоритъ, что это право получило на практикѣ „невѣроятное" примѣненіе. „Кажется, трудно и придумать такой предметъ изъ относящихся къ вопросамъ злобы дня, о которомъ не воспрещалось бы говорить въ то или другое время...

Нельзя писать о полиціи, объ урядникахъ, нельзя писать о гимназіяхъ, объ университетскомъ уставѣ, о бѣдности мужика, о голоданіи народа, о молодомъ поколѣніи, объ угнетеніи рабочихъ капиталомъ и т. д...

По временамъ нѣкоторыя лица поступали въ разрядъ вопросовъ государственной важности... Такъ было запрещено говорить о профессорѣ Любимовѣ, о проф. Ціонѣ, о проф. Цитовичѣ.

Вотъ тогда-то редакторы прибѣгали—которые посмѣлѣе—къ обличенію Висмарка, Гамбетты и т. п. (и это все-таки не безопасно, можно проговориться какъ-нибудь), а которые поосторожнѣе—къ жучку колорадскому. Жучокъ—милое дѣло. Какъ запуститъ редакторъ этого колорадскаго жучка передовицы на три—на четыре, и сидитъ себѣ спокойно. Знаетъ, что за это время никто его не заподозритъ въ неблагонадежности и вольномысліи.

Мораль изъ всего этого, заканчиваетъ Елисеевъ, очень простая: всякая безконтрольная власть, въ концѣ концовъ, непремѣнно порождаетъ сервильное состояніе, въ которомъ являются равно обнаженными отъ всякаго декорума какъ она сама, такъ и все, что находится подъ ея гнетомъ.

Прессу необходимо вполнѣ освободить отъ администраціи" [1]).

Невѣроятному примѣненію на практикѣ изданныхъ Тимашевымъ распоряженій содѣйствовало еще то обстоятельство, что вскорѣ послѣ ихъ изданія начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ Лонгиновъ [2]).

Эта пристяжная въ административно-цензурной колесницѣ пришлась какъ нельзя болѣе къ масти. Шутливо осмѣянный

---

1) Отеч. Зап. т. 252, стр. 240—264.

2) Вмѣсто генер. Шидловскаго.

когда то (болѣе десяти лѣтъ назадъ) въ либеральной прессѣ за свои библіографическія разысканія, Лонгиновъ, сдѣлавшись подручнымъ Тимашева, сталъ вымещать на либеральной прессѣ затаенную издавна злобу. Онъ принялъ за правило всѣ сочиненія либеральнаго направленія признавать особенно вредными и отсылать ихъ въ комитетъ министровъ (гдѣ они обыкновенно и уничтожались).

Поэтому Лонгиновъ въ число запрещенныхъ книгъ занесъ и такія, которыя при его предшественникѣ печатались въ журналахъ, какъ напр.: „Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ Россіи“ Скабичевскаго, „Францiя въ 1871 г.“. Утина, или разрѣшенная въ первомъ изд. кн. Флеровскаго „Положеніе рабочаго кл. въ Россіи“.

„Такая система, говоритъ тотъ же обозрѣватель „Отеч. Зап.“, несомнѣнно облегчила цензуру, ибо послѣдней не было теперь надобности проводить много времени надъ сочненіемъ, разыскивая: есть-ли въ немъ душевредный куколь, и много ли, и какой. Теперь это дѣло совсѣмъ упростилось. Найдены два-три душевредные куколя въ сочиненіи или даже совсѣмъ не найдены, а явилось опасеніе, что и самая пшеница, несмотря на свою отличную доброкачественность, можетъ дурно подѣйствовать на больной желудокъ молодыхъ умовъ — и сочиненіе отправлялось въ комитетъ министровъ, какъ особенно вредное“. Затѣмъ, какъ типичный случай, излагается гоненіе, воздвигнутое Лонгиновымъ въ 1872 г. на *календарь* Суворина. Все отличіе этого календаря отъ прежде выходившихъ заключалось въ томъ, что матеріалъ въ немъ былъ распредѣленъ по рубрикамъ, подведены итоги и сопоставлены съ таковыми же въ другихъ государствахъ. Лонгиновъ призналъ этотъ календарь „особенно вреднымъ сочиненіемъ, наполненнымъ разрушительныхъ ученій“ и препроводилъ его въ комитетъ министровъ на истребленіе. Только благодаря заступничеству какого-то сильнаго лица Лонгиновъ согласился пропустить календарь, тщательно уничтоживъ въ немъ „мысли“ и „освѣщеніе“.

Что касается періодическихъ изданій, то, вспоминая этотъ періодъ, Елисеевъ говорилъ (въ 1880 г.), что „трудно даже представить себѣ, какъ Богъ хранилъ эти изданія, какъ могли они существовать не мѣсяцъ, не два, а цѣлые годы въ теченіе управленія Лонгинова“. За одну строку, показавшуюся вредной, истреблялась вся книжка. Отправляя книжку журнала въ цензуру, редакція находилась „въ томъ спасительномъ страхѣ, въ которомъ „Моск. Вѣд.“ рекомендуютъ держать все русское общество. Никто въ редакціи не зналъ и не могъ даже предположить: выйдетъ-ли благополучно книжка или нѣтъ? Ибо никто не могъ быть увѣренъ, что въ книжкѣ не найдутъ чего-нибудь вреднаго, такъ какъ существо этого вреднаго никому не было извѣстно, и

усмотрѣніе его въ книжкѣ зависѣло вовсе не отъ дѣйствительнаго его присутствія, а отъ предположенія начальника, что оно тамъ есть". „Этотъ спасительный страхъ, съ горечью вспоминаетъ Елисеевъ, внушенный Лонгиновымъ, былъ такъ великъ, что, признаться, стыдно вспомнить, что въ подобномъ состояніи можетъ находиться ни отъ кого по своей профессіи независимый литературный персоналъ". Разсказавъ о тѣхъ униженіяхъ, какія приходилось выносить редакціи и писателямъ, чтобы только узнать хоть,—гдѣ и въ чемъ именно заключается „зловредный куколь" той или другой книжки журнала, Елисеевъ восклицаетъ: „Есть-ли еще страна, въ которой бы литературный персоналъ могъ быть такъ третируемъ и повергаемъ въ такое униженіе"? [1]).

Немудрено, что при такомъ отношеніи администраціи къ печати и при увеличившемся количествѣ административныхъ „скорпіоновъ" разнообразныя кары на печать сыпались, какъ изъ рога изобилія. Съ 1872—1877 г. было дано 72 предостереженія, 45 разъ запрещена розничная продажа, 16 изданій были пріостановлены на срокъ отъ 3 недѣль до 6 мѣсяцевъ [2]).

Получалось впечатлѣніе, что администрація рѣшилась уничтожить періодическую прессу или по крайней мѣрѣ ту ея часть, которая хотѣла быть правдивой и самостоятельной, оставивъ лишь холоповъ и „пѣнкоснимателей" отъ литературы. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Люди совершенно различныхъ положеній и убѣжденій изображаютъ положеніе литературы въ разсматриваемый періодъ одинаково тягостнымъ.

Благонамѣреннѣйшій изъ наблюдателей, Никитенко, говоритъ: „Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній, съ намѣреніемъ отклонить среднее и неимущее сословія отъ высшаго образованія... подкапываніе подъ самостоятельность новыхъ судовъ и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати"...

Перечисливъ затѣмъ важнѣйшія изъ распоряженій Тимашева [3]),

---

[1]) Отеч. Записки. Т. 252 стр. 237—264.

[2]) Арсеньевъ. Стр. 98.

[3]) Любопытно, что возникшія репрессіи Никитенко объясняетъ борьбой двухъ министровъ Тимашева и Толстого. „Мысль о „подтянутіи" печати, говоритъ онъ, возникла первоначально въ головѣ министра нар. просв., гр. Д. Толстого. Состоя не въ ладахъ съ мин. внутр. дѣлъ, Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ. На это представители мин. внутр. дѣлъ отвѣтили, что распущенности и зловредности въ печати никакихъ нѣтъ, а если онѣ гдѣ-либо существуютъ, такъ въ головахъ профессоровъ и учителей, за

Никитенко восклицаетъ: „Finis печати. Все рѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какого бы специальнаго содержанія ни была книга, онъ можетъ ее по собственному усмотрѣнію конфисковать. При этомъ законѣ, если онъ будетъ исполняться, рѣшительно становятся невозможными въ Россіи наука и литература. Да, правду сказать, давно-бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ" [1])?

„Живуча" же, стало-быть, рус. литература: ужасавшіе Никитенку законы дѣйствовали и такъ усердно, что вызвали въ другомъ мѣстѣ у него замѣчаніе: „нынѣшняя цензура чуть-ли не свирѣпѣе Николаевской", [2]) дѣйствуютъ и до настоящаго времени, а она—литература—всетаки существуетъ...

Салтыковъ, характеризуя тогдашнее положеніе печати, писалъ въ „Отеч. Запискахъ" („Дневникъ провинціала въ Петербургѣ"): „Литература убита или умерла; она отказалась отъ поисковъ въ области мысли и всецѣло обратилась къ пѣнкоснимательству... Очевидно, что литературная мысль утратила ясность и сдѣлалась неспособною не только давать практическія рѣшенія по вопросамъ жизни, но даже опредѣлять характеръ и значеніе послѣднихъ. Литература уныло бредетъ по заглохшей колеѣ и безсвязно лепечетъ о томъ, что первое попадется подъ руку".

Саркастически изображая развившееся въ литературѣ, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ она поставлена, „пѣнкоснимательство", Салтыковъ даетъ въ томъ же „Дневникѣ" „Уставъ вольнаго союза пѣнкоснимателей". Первый § ст. 1-ая этого устава гласитъ: „за отсутствіемъ настоящаго дѣла и въ видахъ безобиднаго препровожденія времени, учреждается учено-литературное общество подъ названіемъ „Вольнаго союза пѣнкоснимателей".

Ст. 2-ая. „Никакой организаціи союзъ не имѣетъ, союзъ сей вольный по преимуществу. Каждому предоставляется снимать пѣнки съ чего угодно и какъ угодно.

§ 2 ст. 1: „Въ члены союза пѣнкоснимателей имѣетъ право вступить всякій, кто можетъ безобиднымъ образомъ излагать смутность испытываемыхъ имъ ощущеній. Ни познаній, ни тѣмъ менѣе такъ называемыхъ идей не требуется.

ст. 2-ая: „Отмѣтчики и газетные репортеры, т. е. всѣ тѣ, кои

которыми смотритъ гр. Толстой"... Никитенко. Дневникъ, Т. 3, стр. 244. Этимъ же объясняется заявленіе Тимашева (въ приведен. циркулярѣ), что издатели разсылаютъ зловредныя и запрещенныя книги въ гимназіи и университеты. (См. выше. А. Е.).

[1]) Дневникъ. Т. 3 стр. 284, 297.

[2]) ibid стр. 307. Въ другомъ мѣстѣ по поводу цензурныхъ неистовствъ и въ частности сожженія двухъ нумеровъ „Бесѣды" (за ст. о монастыряхъ), календаря Суворина и др., Никитенко говоритъ: „Въ администраціи... господствуетъ какая-то злоба противъ всего печатнаго. Мѣры принимаются съ какою-то бѣшеною яростью", ibid. стр. 311.

наблюдають, дабы полуда на посудѣ въ трактирныхъ заведеніяхъ всегда находилась въ исправности, могутъ вступать въ союзъ даже въ томъ случаѣ, если не имѣютъ вполнѣ твердыхъ познаній въ грамматикѣ.

§ 3 ст. 1: „Разсѣянные по лицу земли, лишенные организаціи, не связанные ни идеальными, ни ясными взглядами на современность—да послужатъ россійскіе пѣнкосниматели на славномъ поприщѣ россійской литературы, которая издревле всѣмъ безъ пороху палящимъ пріютъ давала.

§ 4 ст. 1: Обязанности членовъ союза слѣдующія: 1. Не пропуская ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ разсчетомъ, чтобы никогда ничего изъ сего не выходило.—2. По наружности имѣть видъ откровенный и даже смѣлый, внутренно же трепетать. 3. Усиливать откровенность и смѣлость по мѣрѣ того, какъ предметъ, о которомъ заведена рѣчь, представляетъ меньшую опасность для вольнаго обсужденія. Напр., по вопросу о неношеніи нѣкоторыми городовыми на виду бляхъ надлежитъ дѣйствовать съ такою настоятельностью, какъ-бы имѣлось въ виду получить за сіе 3-е предостереженіе. 4. Разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться по возможности сокращать ихъ размѣры. 5. Ежеминутно обращать вниманіе читателей на пройденный славный путь. 6. Обнадеживать, что въ будущемъ ожидаетъ читателей еще того лучше. 7. Проводить русскую мысль, рус. науку и высказывать надежду, что „новое слово“ когда-нибудь будетъ сказано. 8. Всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось. 9. Опасаться вообще“.

Разсуждая о причинахъ, по которымъ русская литература въ большей своей части обратилась въ пѣнкоснимательство и о средствахъ къ его устраненію, Салтыковъ писалъ: „Въ литературѣ, сколько нибудь одаренной жизнью, такое явленіе не могло бы существовать. Оно можетъ существовать только въ запертомъ наглухо и никогда не провѣтривающемся помѣщеніи. Откройте окна и двери, пустите струю свѣжаго воздуха—и паразиты мгновенно исчезнутъ“...

Такое положеніе вещей естественно не могло не отражаться и весьма чувствительно—на „Отечественныхъ Запискахъ“. А какъ именно—тому примѣры далѣе слѣдуютъ.

XII.

Въ 1872 г. „Отеч. Записки“ получили первое предостереженіе за статью Демерта „Наши общественныя дѣла“ (№ 1). Содержаніе этой статьи слѣдующее. Во вступленіи осмѣивалась политехническая выставка въ Москвѣ за ея безалаберность и курьез-

ную систему. На ней, напр., въ отдѣлѣ ботаники и садоводства помѣщались пробочныя издѣлія фабрики Путилова и К°, въ медицинскомъ отдѣлѣ — цѣлый складъ кавказскихъ винъ, къ промысловымъ животнымъ отнесены парчи Колокольникова и т. д. Затѣмъ авторъ переходитъ къ главному предмету своей статьи— животрепещущему въ то время (вслѣдствіе только что вошедшаго въ силу новаго устава о гимназіяхъ)—школьному вопросу.

„По отношенію къ училищной реформѣ, говоритъ авторъ, Россія въ настоящій моментъ живо изображаетъ собою московскую политехническую выставку или просто — огромный домъ, въ которомъ идутъ лѣтнія передѣлки. Всѣ окна безъ рамъ, настежь, чтобъ сырость вытягивало, у стѣнъ—и снаружи, и внутри—подставки, а комнатная мебель въ амбарѣ и т. д.". Указавъ на хвалебный гимнъ, пропѣтый новому уставу „Московскими Вѣдомостями", писавшими, что „этимъ уставомъ завершается реформа русскаго учебнаго дѣла, что имъ исполнена воля Петра В., пламенно желавшаго ввести рус. народъ въ міръ европейской цивилизаціи", авторъ говоритъ: „Осуществится или не осуществится новымъ уставомъ воля Петра, это покажетъ будущее, а пока посмотримъ на то, что есть".

„Жалобы на существующіе порядки по вѣдомству народнаго просвѣщенія приходится слышать такъ же часто, какъ жалобы землевладѣльцевъ на неаккуратность и дороговизну рабочихъ и жалобы рабочихъ на жадность нанимателей. Нынче тотъ только по этому вѣдомству не плачетъ, у кого нѣтъ ни дѣтей, ни близкихъ родственниковъ, да и то бездѣтныхъ. Не плачутъ, разумѣется, еще люди богатые".

Причины недовольства тогдашнимъ „переходнымъ" временемъ авторъ ставитъ въ связь съ тѣми способами, какими вводилось у насъ образованіе — сначала принудительными, а потомъ поощрительными. „При Петрѣ Великомъ и при его ближайшихъ преемникахъ у насъ даже въ высшихъ сословіяхъ смотрѣли на школу, какъ на арестантскую роту или рекрутчину. Первоначально побудительными мѣрами были—штрафъ, батоги и кошки, а со времени открытія университетовъ—различныя привилегіи и льготы, какія давались учившимся. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій университетскіе дипломы получили особенную силу и значеніе. Такъ называемое высшее и среднее образованіе сдѣлалось почти необходимымъ для полученія новыхъ, очень выгодныхъ должностей. Отдаленная надежда на хорошую поживу подѣйствовала на отцовъ и на дѣтей несравненно сильнѣе, чѣмъ старинныя палки и кошки: гимназіи и университеты переполнились".

Вдругъ является предписаніе, чтобы въ концѣ 1841 г. выпущены были въ университеты изъ гимназій лишь отличнѣйшіе ученики, а всѣ прочіе остались еще на годъ, такъ какъ къ прежнимъ семи классамъ прибавленъ лишній". Предполагая, что гим-

назисты и ихъ родители не безъ неудовольствія подчинятся этой мѣрѣ, несмотря на ея очевидную пользу, начальникамъ гимназій предписывалось всячески убѣждать и одобрять молодыхъ людей указаніемъ на важность и полезность этой мѣры.

Не взирая на ободренія начальниковъ, молодые люди нисколько не ободрились и утѣшительнымъ словамъ не повѣрили, а просто покинули гимназіи, не надѣясь попасть въ число отличнѣйшихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (какъ гласили приводимыя авторомъ корреспонденціи) находилось два-три смѣльчака, рискнувшихъ экзаменоваться, а въ большинствѣ гимназій или не находилось „достойныхъ", или не оказывалось желающихъ" [1]).

„Положеніе гимназистовъ, продолжаетъ авторъ, ухудшилось еще тѣмъ, что... многіе изъ директоровъ и инспекторовъ гимназій поняли требованія новаго устава по своему. Уставомъ предписывалось задержать на восьмой годъ тѣхъ, которые не окажутся отличнѣйшими, а имъ показалось, будто высшее учебное начальство желаетъ разогнать всѣхъ гимназистовъ, даже изъ низшихъ классовъ, какъ стадо барановъ волкодавами. Какая могла быть разумная цѣль травить овечье стадо собаками, заведенными собственно для охраны овецъ отъ волковъ, объ этомъ усердные не по разуму пастыри не подумали".

Какъ иллюстраціи неистоваго усердія учебнаго начальства приводятся такіе примѣры. Инспекторъ старобѣльской гимназіи выпустилъ въ свѣтъ слѣдующій приказъ: „заботясь о преуспѣяніи воспитанниковъ въ наукахъ и поведеніи, имъ (восп.) воспрещается послѣ окончанія уроковъ выходить изъ дому куда бы то ни было, и нельзя, даже въ своихъ домахъ, устраивать какія бы то ни было игры или бѣгать (стиль подлинника). Виновные подвергаются аресту".

Въ Калужской гимназіи изданъ приказъ, чтобъ „гимназисты отнюдь не собирались не только большимъ обществомъ, но даже по два и по три человѣка, ни на улицахъ, ни въ публичныхъ мѣстахъ, ни даже дома".

Въ московской гимназіи одинъ изъ воспитанниковъ старшаго класса былъ поставленъ *въ уголъ на цѣлый годъ*. Выстоявъ нѣсколько дней и узнавъ о состоявшемся рѣшеніи, воспитанникъ оставилъ гимназію. Далѣе въ статьѣ указывается, что протестъ противъ такихъ порядковъ, кромѣ бѣгства, выражается самоубійствами.

Приведя рядъ самоубійствъ гимназистовъ, бывшихъ въ теченіе одного года, авторъ говоритъ: „Послѣ судебно-медицинскаго

---

[1]) „Причина послѣдняго обстоятельства проста, замѣчаетъ авторъ. Если гимназисты на опытѣ убѣдились, что семь лѣтъ ученья пропали для нихъ даромъ, что ихъ всѣхъ забраковали, какъ негодныхъ, то какъ же вы ихъ заставите надѣяться, что черезъ годъ терпѣливаго выжиданія они вдругъ будутъ признаны годными".

изслѣдованія труповъ оказывалось обыкновенно, что черепа застрѣлившихся гимназистовъ „*не имѣли достаточной плотности*“ и почти прозрачны, а отсюда само-собою образовалось убѣжденіе, что причины самоубійствъ—вовсе не гимназическіе порядки и не излишнее заучиванье, а просто—*недостаточная плотность гимназическихъ череповъ*... Одинъ изъ учителей казанской гимназіи заявилъ печатно, что онъ тоже когда-то учился въ гимназіи и латинскому, и греческому языкамъ, но однако же не застрѣлился, какъ не застрѣлились и многіе другіе, достигшіе учительскихъ, инспекторскихъ и директорскихъ мѣстъ. Все это совершенно справедливо, замѣчаетъ Демертъ, но учитель, какъ видно, позабылъ объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ довольно важное значеніе, а именно, что родъ людской рѣзко раздѣляется на двѣ не равныя половины: *на крѣпколобыхъ и на людей съ недостаточно плотными черепами*“ [1]).

19 іюля 1872 г. послѣдовало слѣдующее распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: „Принимая въ соображеніе, что статья „Наши общественныя дѣла, напечатанная въ № 7 журнала „Отечеств. Записки“, заключаетъ въ себѣ рѣзкое порицаніе недавно изданныхъ законовъ о народномъ просвѣщеніи и, искусственнымъ подборомъ и превратнымъ толкованіемъ газетныхъ извѣстій, явно стремится къ возбужденію въ обществѣ недовѣрія къ симъ законамъ, а въ учащихся какъ неуваженія къ начальству и преподавателямъ, такъ и неудовольствія противъ вводимой нынѣ системы образованія,—управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи п. II Высочайшаго указа 6 апрѣля 1865 г. и ст. 29 гл. 2 Высочайше утвержденнаго въ тотъ же день мнѣнія Государственнаго Совѣта, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу „Отечеств. Записки“ *первое предостереженіе*, въ лицѣ издателя-редактора статскаго совѣтника Андрея Краевскаго“.

Въ 1874 г. одна изъ книжекъ „Отеч. Зап.“, пятая—была признана „особенно вредною“ и на основаніи временныхъ правилъ 1872 г. была задержана и совсѣмъ не увидѣла свѣтъ. Въ этой книжкѣ были помѣщены между прочимъ разсказы Гл. Успенскаго—„Рекрутскій наборъ“, „Очень маленькій человѣкъ“ и „Литературныя и журнальныя замѣтки“ Михайловскаго.

Въ томъ же 1874 г. „Отечеств. Записки“, по добровольному сыску „Московскихъ Вѣдомостей“, оказались виновными въ студенческихъ безпорядкахъ, возникшихъ первоначально въ медико-хирургической академіи, а затѣмъ перешедшихъ въ Горный, Технологическій институтъ и Университетъ. Поводомъ для безпо-

[1]) „Отеч. Зап.“ 1872 г. т. 203 отд. 2-й, стр. 74—92. Курсивъ вездѣ Демерта.

рядковъ послужило назначеніе на каѳедру физіологіи, вмѣсто Сѣченова, проф. Ціона. Сама по себѣ замѣна Сѣченова бездарностью была возмутительна. Кромѣ того, она сопровождалась обстоятельствами, рисующими претендента съ самой пакостной стороны. Наконецъ, когда на актѣ въ своей рѣчи проф. Ціонъ позволилъ себѣ рядъ инсинуацій, по адресу предшественника (напр., будто бы Сѣченовъ „показывалъ душу подъ микроскопомъ"), студенчество возмутилось, устроило демонстрацію и заявило, что не будетъ слушать лекцій Ціона.

„Московскія Вѣдомости", воспользовавшись тѣмъ, что въ „Отеч. Запискахъ" было помѣщено нѣсколько статей и замѣтокъ о Ціонѣ съ неодобрительно-пренебрежительными отзывами о немъ, обвинили журналъ въ подстрекательствѣ молодежи къ безпорядкамъ.

„Изъ стѣнъ академіи, писали „Моск. Вѣдом." въ № 309 [1]), походъ противъ г. Ціона перешелъ на болѣе широкую арену петербургской журналистики. Брань на г. Ціона сдѣлалася одною изъ ея любимѣйшихъ темъ, имя его волочили чрезъ фельетоны газетъ и критику „Знанія" въ „Отечеств. Записки", гдѣ самымъ нахальнымъ нареканіямъ и клеветамъ на него посвящено нѣсколько листовъ печати... и все для того, чтобы взбѣсить противъ него учащуюся молодежь"...

Въ слѣдующемъ, № 310 „Моск. Вѣдом.", сдѣлавъ выписку изъ „Голоса" гдѣ порицались волненія студентовъ, продолжали: „Вотъ какъ заботливо заботятся (!) эти господа о сохраненіи порядка въ школѣ. А между тѣмъ, какое безстыдство! Всѣмъ извѣстно, что тотъ же самый г. Краевскій, издающій „Голосъ", есть редакторъ и „Отечеств. Записокъ"; а именно въ этомъ журналѣ нашла себѣ пріютъ недобросовѣстная полемика противъ проф. Ціона. Именно статья „Отеч. Записокъ", исполненная лжи и недостойнаго глумленія была всего болѣе разсчитана на то, чтобы смутить молодые умы и, дѣйствительно, по собственнымъ показаніямъ студентовъ, всего болѣе смутила ихъ".

Справедливо возмущаясь этой выходкой, „Отеч. Записки" устами Михайловскаго восклицали: Какое дѣйствительно безстыдство... Это ложь и нахальное нареканіе, какъ на студентовъ, такъ и на „Отеч. Записки". Пусть „Моск. Вѣд." приведутъ эти показанія или, по крайней мѣрѣ, укажутъ, гдѣ и когда они обнародованы".

Но развѣ съ „мѣдными лбами" можно было разсуждать?...

Въ результатѣ всей этой исторіи г. Ціону былъ данъ заграничный отпускъ, а „Отечеств. Записки" занесены въ кондуитъ.

А. Ершовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Цитирую по „Отеч. Зап.".

Омраченный праздникъ.

Гимнъ весны и благовѣстъ пасхальный
И влюбленная ликующая ночь
Смерти призракъ блѣдный и печальный
Гонятъ прочь.

Надъ землею неземныя грезы
Рѣютъ радостно въ лазури голубой
И цвѣтутъ въ сердцахъ усталыхъ слезы
Надъ тобой.

Раздаются пѣсни воскресенья,
Міръ поетъ о счастьи безъ конца...
И полны великаго прощенья,
Всѣ сердца!

Но, увы! И въ эту ночь святую
Все забыть и всѣмъ простить нѣтъ силъ,
И за кровь безвинно пролитую
Мракъ могилъ.

Ты проклятья шлешь врагамъ-тиранамъ,
Ты клеймишь безстыдную ихъ ложь...
И припавъ къ роднымъ, кровавымъ ранамъ
Слезы льешь.

В. Львовъ.

Автобіографія Герберта Спенсера.

(*Окончаніе*).

XXI.

Изданіе трудовъ по соціологіи и окончаніе „Системы Синтетической Философіи".

Съ окончаніемъ „Основъ Психологіи" Спенсеру предстояло перейти къ „Соціологіи". Случилось, однако, что какъ разъ около этого времени пріѣхалъ изъ Америки другъ Спенсера проф. Юмансъ и сталъ его просить написать что-нибудь по соціологіи для одного, только что имъ образованнаго при содѣйствіи наиболѣе выдающихся ученыхъ Европы и Америки—научнаго предпріятія. Предпріятіе состояло въ изданіи одновременнаго на нѣсколькихъ языкахъ серьезныхъ научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доступныхъ для широкихъ круговъ общества сочиненій по самымъ различнымъ областямъ знанія. Спенсеръ долго отказывался, но затѣмъ частью изъ уваженія къ проф. Юмансу, который обнаружилъ чрезвычайную энергію въ популяризаціи сочиненій Спенсера въ Америкѣ, согласился написать книгу подъ заглавіемъ „Изученіе соціологіи" и изложить въ ней свои взгляды на то, каковы должны быть предварительныя занятія человѣка, который желаетъ приняться за серьезное изученіе соціологіи, и вообще свои взгляды на эту въ то время совершенно новую область знанія.

Было рѣшено, что первоначально книга появится въ видѣ отдѣльныхъ статей, которыя будутъ печататься одновременно въ одномъ изъ англійскихъ и одномъ изъ американскихъ журналовъ. Въ Англіи печатать эти статьи согласился охотно журналъ „Contemporary Review". Заботы о подысканіи подходящаго американскаго журнала взялъ на себя проф. Юмансъ. Встрѣтивъ, однако, нѣкоторое затрудненіе въ подысканіи журнала, Юмансъ, не долго думая, основалъ новый популярный научный журналъ—

„Popular Science Monthly“, употребивъ на это всего недѣлю по полученіи манускрипта первой статьи Спенсера и проявивъ себя такимъ образомъ настоящимъ американцемъ въ этомъ отношеніи. Это было въ 1872 г.; съ тѣхъ поръ до настоящаго дня выходитъ основанный Юмансомъ журналъ, составляя до сихъ поръ одно изъ лучшихъ въ мірѣ изданій, гдѣ печатаются выдающимися американскими и отчасти европейскими учеными популярныя статьи по всѣмъ областямъ знанія, но преимущественно, впрочемъ, по естественнымъ наукамъ [1]).

Статьи Спенсера имѣли большой успѣхъ, равно какъ и составившаяся изъ нихъ книга „Изученіе Соціологіи“ (Study of Sociology“). Гонораръ за статьи и прибыль отъ продажи нѣсколькихъ одно за другимъ слѣдовавшихъ изданій книги доставили Спенсеру болѣе 14.000 руб. и позволили ему перенести большіе убытки отъ изданія „Описательной Соціологіи“ (Descriptiva Sociology).

Такое названіе далъ Спенсеръ таблицамъ, надъ составленіемъ которыхъ съ 1867 г. работалъ упомянутый нами выше г-нъ Денканъ [2]). Въ этихъ таблицахъ были собраны и классифицированы факты, показывающіе постепенное измѣненіе разнаго рода вѣрованій, обычаевъ и учрежденій народовъ, находящихся на самыхъ различныхъ степеняхъ развитія. Какъ ни назидательно, можетъ быть, изученіе этихъ таблицъ для лицъ, занимающихся разработкой того или иного соціологическаго вопроса, читать ихъ, какъ и всякія вообще таблицы, невозможно. Неудивительно поэтому, что онѣ не имѣли никакого успѣха въ Англіи, хотя Спенсеръ не желалъ бросать матеріала, собраннаго съ огромной затратой времени и труда сначала Денканомъ, и затѣмъ Шеппингомъ и въ особенности Дж. Коллье, напечаталъ послѣдовательно 8 частей „Описательной Соціологіи“ [3]). Начавъ выпускать это изданіе въ 1871 г., Спенсеръ прекратилъ его въ 1881, затративъ на него въ общемъ, считая съ вознагражденіемъ за трудъ составителей, около 45.000 руб. и выручивъ всего около 10.000 руб. Такимъ образомъ весь доходъ за необыкновенно успѣшную книгу „Study of Sociology“ не покрылъ и половины дефицита по изданію „Описательной Соціологіи“. Извѣстно, что первая часть этого изданія была переведена на русскій языкъ проф. И. В. Лучицкимъ, но, надо думать, также не имѣла никакого успѣха, такъ какъ весьма скоро попала къ петербургскимъ букинистамъ, гдѣ продавалась значительно ниже номинальной цѣны.

---

[1]) Покойный М. М. Филиповъ часто переводилъ статьи изъ Popular Science Monthly, помѣщая ихъ въ своемъ журналѣ, „Научное Обозрѣніе“.

[2]) См. предшествующую главу.

[3]) Часть I Англичане, часть II Мексиканцы, жители центральной Америки и Перу, ч. III Полинезійскія расы, ч. IV Африканскія расы, ч. V Азіятскія расы, ч. VI Американскія расы, ч. VII Евреи и финикіяне, ч. VIII Французы. Мы сомнѣваемся, чтобы во всей Россіи нашлось 5 полныхъ экземпляровъ этого изданія.

Скажемъ кстати, что, когда въ Америкѣ стало извѣстно, какъ плохо расходится „Описательная Соціологія" одинъ житель города С. Луиса предлагалъ Юмансу собрать путемъ подписки 10.000 руб. въ возмѣщеніе убытковъ Спенсера и изъявляя съ своей стороны готовность дать половину этой суммы. По разнымъ основаніямъ, на которыхъ мы не находимъ возможнымъ останавливать вниманіе читателя, Спенсеръ, когда ему черезъ проф. Юманса было сообщено объ этомъ желаніи его американскихъ почитателей, отклонилъ эту помощь и рѣшилъ самъ нести всѣ убытки по изданію „Описательной Соціологіи" [1]).

Составленіе „Описательной Соціологіи" принесло во всякомъ случаѣ громадную пользу самому Спенсеру, такъ какъ позволило ему въ сравнительно короткое время обозрѣть огромное число фактовъ, которые подлежали обобщенію для составленія „Основъ Соціологіи". Несмотря на такое облегченіе, составленіе одного перваго тома „Соціологіи" потребовало отъ Спенсера трехъ лѣтъ труда (съ 1874 по 1877), впрочемъ нѣкоторое значеніе имѣло здѣсь и небольшое расширеніе первоначально задуманнаго плана.

Въ іюнѣ 1877 г. вышелъ послѣдній выпускъ перваго тома „Соціологіи" и 44-ый выпускъ всей „Системы Синтетической Философіи", которая теперь состояла уже изъ 6 томовъ и заключала въ общемъ счетѣ почти 3.600 страницъ. Съ этого времени Спенсеръ рѣшилъ прекратить печатаніе своей философіи выпусками и впослѣдствіи издавалъ уже прямо отдѣльные томы. Бояться за матеріальный успѣхъ его изданій (кромѣ, конечно, „Описательной Соціологіи") не было уже никакихъ основаній, а между тѣмъ выходъ философіи небольшими выпусками налагалъ на Спенсера массу лишнихъ хлопотъ и переписки съ типографіей и издателемъ.

Напечатавъ часть второго тома „Основъ Соціологіи" въ видѣ статей въ журналѣ „Fortnightly Review", Спенсеръ прервалъ на время этотъ трудъ и принялся за составленіе „Основъ Нравственности". Первый томъ (The Data of Ethics—по-русски было издано подъ названіемъ „Данныя науки о нравственности") этого труда вышелъ въ 1879 г. и имѣлъ значительный успѣхъ. Къ такому образу дѣйствій Спенсера побудило сознаніе слабости своего здоровья и боязнь, что у него не хватитъ силъ довести до конца грандіозное зданіе „Синтетической Философіи", вѣнцомъ котораго должны были служить именно „Основы Нравственности", представляющія, такъ сказать, конечный выводъ всѣхъ думъ и занятій Спенсера въ теченіе всей его жизни.

---

[1]) См. одно изъ приложеній (н) ко второму тому „Автобіографіи" Спенсера.

XXII.

Закатъ литературно-научной дѣятельности Спенсера. Поѣздка въ Америку.

Послѣдніе 25 лѣтъ своей жизни Спенсеръ описываетъ очень кратко, почему и намъ приходится въ этомъ случаѣ быть краткими, хотя это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ къ этому времени, т. е. къ шестидесяти годамъ, Спенсеръ почти уже закончилъ величественное зданіе „Системы Синтетической Философіи“,—главное дѣло своей жизни.

Изъ внѣшнихъ событій жизни Спенсера послѣ появленія „Data of Ethics“, слѣдуетъ отмѣтить поѣздку ранней весной 1879 г. на югъ Франціи, предпринятую главнымъ образомъ для поправленія здоровья. Тотъ же мотивъ побудилъ его присоединиться къ нѣкоторымъ его друзьямъ, отправившимся въ Египетъ осенью того же года. Къ сожалѣнію, эта поѣздка по разнымъ причинамъ не улучшила состоянія здоровья Спенсера, хотя дала ему возможность познакомиться бѣгло со страной, представляющей такъ много интереса въ историческомъ и многихъ другихъ отношеніяхъ.

По возвращеніи въ Англію, Спенсеръ принялся однако снова за прерванныя научныя работы: онъ докончилъ изданіе „Описательной Соціологіи“, прекративъ его, какъ мы уже говорили, на X-мъ томѣ, посвященномъ Франціи, и понеся, какъ мы также упоминали, убытокъ на всемъ этомъ изданіи до 40.000 руб.

Въ 1880 г., будучи 60 лѣтъ отъ роду, Спенсеръ работалъ надъ „Политическими Учрежденіями“, составляющими пятую часть его Соціологіи (2-я часть 2-го тома англійскаго изданія). Отдѣльныя главы этой части печатались первоначально въ англійскомъ журналѣ „Fortnightly Review“ и *одновременно* въ американскомъ журналѣ „Pohalur Science Monthly“, а также и въ одномъ изъ главныхъ журналовъ Франціи, Германіи и Италіи, названія этихъ журналовъ однако намъ неизвѣстны [1]). Мы сообщаемъ этотъ фактъ главнымъ образомъ для того, чтобы показать, какъ великъ былъ въ то время международный авторитетъ Спенсера, такъ какъ по поводу его статей входили охотно въ предварительныя соглашенія издатели не только англійскихъ и американскихъ журналовъ, но и журпаловъ континентальной Европы.

Впрочемъ, какъ это признаетъ отчасти и самъ Спенсеръ, эта часть его Соціологіи не удовлетворила многихъ изъ его почитателей; эта часть Соціологіи имѣла сравнительно малый успѣхъ и тогда, когда вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Оно и неудиви-

[1]) Autobiography, vol. II 354.

тельно! Въ то время, какъ въ Англіи и частію на континентѣ Европы получили преобладаніе радикальныя воззрѣнія, и все въ болѣе и болѣе значительной мѣрѣ осуществлялись въ самомъ строѣ общегосударственныхъ и мѣстныхъ учрежденій, воззрѣнія Спенсера развивались въ обратную сторону и понемногу утрачивали радикализмъ періода составленія „Соціальной Статики". Какъ это весьма понятно, Спенсеръ пытается оправдать нѣкоторую перемѣну своихъ взглядовъ, приписывая это главнымъ образомъ болѣе глубокимъ знаніямъ и болѣе широкому жизненному опыту [1]). Онъ упрекаетъ своихъ современниковъ въ одностороннемъ увлеченіи общими идеями, посвящая выясненію своей точки зрѣнія нѣсколько страницъ своей автобіографіи. Не входя въ разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса по существу [2]), мы считаемъ однако полезнымъ отмѣтить эту любопытную сторону эволюціи политическихъ взглядовъ знаменитаго философа.

Около того времени, когда Спенсеръ выпустилъ „Политическія Учрежденія", нѣсколько крупныхъ общественныхъ дѣятелей Англіи задумали организовать лигу, для борьбы съ джингоистскими тенденціями, которыя получили особенно широкое распространеніе въ Англіи во второе министерство лорда Биконсфильда (1876—1880 г.). Спенсеръ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, къ которымъ обратились за поддержкой иниціаторы этого движенія. Онъ отнесся къ дѣлу очень сочувственно и участвовалъ даже въ подготовительныхъ работахъ къ организаціи перваго публичнаго митинга, устроеннаго лигой, которая приняла названія „Anti-agressiw Leagu". Спенсеръ и составилъ первое печатное обращеніе лиги къ англійскому обществу, въ которомъ были выяснены цѣли лиги. На первомъ публичномъ собраніи [3]), организованномъ лигой, онъ произнесъ рѣчь и въ заключеніе предложилъ собранію одобрить формулированную имъ резолюцію, выражавшую общее сочувствіе задачамъ лиги. Это было въ февралѣ, 1882 г., т. е. тогда, когда Англія была поглощена главнымъ образомъ ирландскими дѣлами.

Можетъ быть, частью вслѣдствіе только что указаннаго обстоятельства, изъ дѣятельности лиги ничего не вышло; съ теченіемъ времени она даже прекратила свое существованіе. Для Спенсера же это небольшое увлеченіе общественнымъ дѣломъ не прошло безслѣдно, а повлекло за собой такое ослабленіе силъ, что онъ долженъ былъ на время пріостановить свои научныя работы. Вотъ почему онъ отнесся довольно сочувственно къ предложенію Юманса совершить поѣздку въ С.-Америк. Соеди-

---

[1]) Autobiography, vol. II, 367—9.

[2]) См. нашу книгу „Соціалогическіе Этюды" (статья „Полемика Ричи съ Спенсеромъ, по вопросу объ отношеніи личности къ государству).

[3]) 10/22 февр. 1882 г.

енные Штаты, которые всегда его интересовали, какъ одна изъ величайшихъ демократій современнаго міра.

Мы видѣли кромѣ того, что въ Америкѣ было много почитателей Спенсера и что сочувствіе многихъ американцевъ къ литературно-научной дѣятельности Спенсера выразилось не только въ хорошей продажѣ его книгъ въ Америкѣ, но и еще болѣе очевиднымъ и осязательнымъ образомъ. Еще въ февралѣ 1882 г., т. е. за полгода до отъѣзда въ Америку, Спенсеръ получилъ однажды отъ американца Hegeler'а (совладѣльца одной фирмы въ штатѣ Иллинойсъ) длинное письмо, въ которомъ этотъ американецъ, сообщая о томъ, что ему стало извѣстно изъ чикагскихъ газетъ о затруднительномъ матеріальномъ положеніи Спенсера, предлагалъ ему принять чекъ на 2500 рубл. (250 фунт. стерл.), положенный въ письмо.

„Я думаю, говоритъ по этому поводу Спенсеръ, что такой слухъ возникъ вслѣдствіе сообщенія о моихъ потеряхъ при изданіи Описательной Соціологіи. Я немедленно вернулъ чекъ, поблагодарилъ г-на Хегелера за великодушіе и объяснилъ ему, что я вовсе не нахожусь въ такихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, какъ онъ это себѣ представляетъ".

Популярность Спенсера въ Америкѣ доказывается далѣе тѣмъ, что, когда тамъ разнеслась вѣсть о его предстоящемъ пріѣздѣ, ему тотчасъ же было предложено однимъ предпринимателемъ прочесть рядъ лекцій съ платой по 500 рубл. (250 дол.) за лекцію. Затѣмъ такое же предложеніе было сдѣлано Спенсеру черезъ проф. Юманса, причемъ обѣщано было даже 600 рубл. за лекцію; Спенсеръ однако рѣшительно отказался отъ обоихъ предложеній, мотивируя свой отказъ непривычкой выступать въ обществѣ въ качествѣ лектора и опасаясь, какъ бы эти лекціи не приняли характеръ нѣкотораго рода выставки его самого [1]).

12 августа 1882 г. Спенсеръ выѣхалъ изъ Ливерпуля въ Соед. Штаты. Онъ пробылъ тамъ около трехъ мѣсяцевъ и посѣтилъ много городовъ и побывалъ даже въ Канадѣ. Мы не будемъ передавать ни маршрута Спенсера, ни его впечатлѣній, такъ какъ вслѣдствіе краткости времени и обширности района, который онъ объѣхалъ, Спенсеръ не могъ сколько-нибудь внимательно присмотрѣться къ амириканской жизни. Не мало мѣшала Спенсеру въ этомъ случаѣ и его слава, такъ какъ ему и его спутникамъ приходилось постоянно принимать разныя мѣры, чтобы избѣгать всевозможныхъ репортеровъ, интервьюеровъ и т. п. Хотя у Спенсера къ тому времени, когда онъ писалъ свою автобіографію, значительно ослабѣли прежнія демократическія идеи, онъ все таки, закончивши описаніе своей поѣздки по Америкѣ, признаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что, если С. Штаты

---

[1]) Autobiography, vol. II, 385.

будутъ развиваться впредь съ той же быстротой, съ какой они развивались ранѣе, это будетъ весьма скоро самая могущественная нація въ мірѣ. [1])

Состояніе здоровья не позволяло Спенсеру во время его пребыванія въ Америкѣ соглашаться на какіе-либо торжественные пріемы или парадные обѣды. Онъ согласился принять участіе лишь въ одномъ прощальномъ обѣдѣ по подпискѣ, который друзья Спенсера организовали въ Нью-Іоркѣ передъ самымъ его отъѣздомъ въ Европу. По окончаніи обѣда Спенсеру пришлось выслушать множество хвалебныхъ рѣчей по своему адресу. Онъ долженъ былъ конечно произнести также спичъ, который онъ приготовилъ заранѣе. „Мнѣ это удалось, говоритъ Спенсеръ, безъ особаго труда, хотя моя рѣчь не произвела большого эффекта, такъ какъ у меня нѣтъ отъ природы ораторскаго таланта... Само собой разумѣется, моя рѣчь по своему содержанію далеко не напоминала тѣхъ рѣчей, которыя произносятся обыкновенно въ отвѣтъ на подобныя привѣтствія. Воздавъ должное американцамъ за ихъ симпатію ко мнѣ, я главнымъ образомъ посвятилъ свою рѣчь критической оцѣнкѣ американской жизни, поскольку послѣдняя выражается въ чрезмѣрномъ увлеченіи работой. Я старался доказать ту мысль, что жизнь не для знанія и не для работы, а напротивъ знаніе и работа для жизни. Я выводилъ изъ этого, какъ слѣдствіе, что въ будущемъ насъ ожидаютъ новые идеалы, которые будутъ настолько же далеки отъ идеаловъ нынѣшней индустріальной эпохи, насколько далеки идеалы нашего времени отъ идеаловъ эпохи милитаризма“ [2]).

Поѣздка въ Америку, предпринятая Спенсеромъ, какъ мы знаемъ, отчасти въ надеждѣ улучшить такимъ образомъ свое здоровье, на самомъ дѣлѣ повліяла довольно дурно на его состояніе [3]). Вообще всѣ послѣдующіе годы своей жизни Спенсеръ считаетъ годами систематическаго недомоганія, только изрѣдка прерываемаго свѣтлыми полосами умственнаго подъема, которыми онъ пользовался главнымъ образомъ для окончанія своихъ литературно-научныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Америки Спенсеръ написалъ нѣсколько статей въ журналъ „Contemporary Review“, а затѣмъ выпустилъ эти статьи отдѣльной книгой подъ названіемъ „The Man versus the State“, т. е. объ отношеніяхъ личности къ государству. Это одно изъ наиболѣе реакціонныхъ по своей тенденціи сочиненій Спенсера, послѣ котораго значительная часть консервативныхъ слоевъ англійскаго общества съ большимъ основаніемъ стала его причислять къ своимъ аполо-

---

1) Autobiography, vol. II, 402.
2) Autobiography, vol. II, 402.
3) Autobiography, vol. II, 409.

гетамъ. Такимъ же образомъ было понято это сочиненіе и на континентѣ Европы, гдѣ оно было вскорѣ переведено и получило широкое распространеніе. На русскій языкъ, насколько намъ извѣстно, была переведена лишь одна глава этой книги Спенсера; она была выпущена въ видѣ брошюры подъ названіемъ: „Грядущее рабство".

Въ послѣдующіе годы своей жизни Спенсеръ закончилъ „Основы Соціологіи" и „Основы Нравственности". Не мало часовъ онъ употребилъ на диктованіе той самой автобіографіи, съ которой мы теперь знакомимъ нашихъ читателей.

XXIII.

Взгляды семидесятилѣтняго Спенсера на себя и свою жизнь.

Какъ мы говорили въ первой главѣ настоящаго труда, Спенсеръ составлялъ свою „Автобіографію" по частямъ, черезъ довольно продолжительные промежутки времени. Послѣдняя, заключительная часть (XIII) „Автобіографіи" написана имъ въ 1893 г., т. е. тогда, когда ему было 73 года, и когда съ выходомъ послѣднихъ томовъ „Системы Синтетической Философіи" закончилась фактически и вся его литературно-научная дѣятельность. Въ послѣдней части своей „Автобіографіи" Спенсеръ пытается дать общую оцѣнку своему уму и характеру и своей жизни и знакомитъ читателя съ тѣмъ, какую окончательную форму приняли на закатѣ дней его взгляды на главные политическіе, соціальные и религіозные вопросы. Какъ ни интересна и важна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта часть „Автобіографіи" Спенсера, мы позволимъ себѣ привести изъ нея лишь сравнительно небольшія извлеченія, въ виду необходимости сократить по возможности размѣры нашей работы.

Эта часть „Автобіографіи" Спенсера начинается весьма длинными общими соображеніями объ тѣсной связи между физической конституціей человѣка—состояніемъ его мозга, кровообращенія, желудка и всѣхъ вообще главныхъ органовъ—съ его умственной энергіей и даже большей или меньшей способностью къ альтруистическимъ дѣйствіямъ.

„Вліяніе плохого прилива крови къ мозгу проявляется въ нежеланіи дѣлать многое такое, на что требуется затрата энергіи, а слѣдовательно и въ плохомъ выполненіи обязанностей по отношенію къ самому себѣ и другимъ. Одинъ изъ нелѣпыхъ взглядовъ, широко распространенныхъ какъ между образованными, такъ и между необразованными людьми, заключается въ мнѣніи, что для одного человѣка быть дѣятельнымъ также легко, какъ и для другого. Если *А.* прилеженъ, а *В.* лѣнивъ, то, осуждая *В.*, мы считаемъ не подлежащимъ сомнѣнію, что, усиліе, не-

обходимое для того или другого дѣла, одинаково какъ для *А.*, такъ и для *В*. Хотя каждый знаетъ, что во время болѣзни и въ то время, пока длится выздоровленіе отъ перенесенной болѣзни, большое усиліе требуется и для пустяшнаго дѣла, тѣмъ не менѣе рѣдко изъ этого выводятъ то заключеніе, что отсутствіе энергіи, проявляющееся въ такихъ случаяхъ временно, въ другихъ случаяхъ наблюдается постоянно, дѣлая болѣе или менѣе трудной энергичную дѣятельность въ теченіе всей жизни.

„Здоровье вліяетъ на характеръ различными путями. Часто случается, что человѣкъ, слабый отъ природы, терпитъ серьезныя неудобства, не имѣя достаточной энергіи для того, чтобы устранить причину претерпѣваемыхъ имъ неудобствъ. Если такимъ образомъ онъ избѣгаетъ напряженій, когда дѣло идетъ о собственныхъ его страданіяхъ или удовольствіяхъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ конечно имѣть охоту къ напряженной дѣятельности, когда дѣло идетъ о страданіяхъ и удовольствіяхъ другихъ“.

Послѣ долгихъ дальнѣйшихъ разсужденій, развивающихъ ту же мысль, Спенсеръ наконецъ заключаетъ ихъ такъ: „Всѣ эти общія соображенія я привожу лишь для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые спеціальные выводы. Я часто задавалъ себѣ вопросъ, почему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я составляю значительный и невыгодный для меня контрастъ съ моимъ отцомъ и матерью? Вѣроятно это объясняется, главнымъ образомъ, физіологическими причинами. Я никогда не обнаруживалъ неослабнаго усердія, которымъ отличались они оба; равнымъ образомъ я не проявлялъ и столь значительныхъ альтруистическихъ чувствъ, какія проявляли они. Повидимому, одна изъ причинъ этого обстоятельства заключается въ томъ, что циркуляція крови въ моемъ мозгу, вслѣдствіе нѣкоторыхъ физическихъ особенностей организма, совершалась въ теченіе всей моей жизни менѣе энергично, чѣмъ слѣдуетъ [1]).

Переходя нѣсколько далѣе къ выясненію интеллектуальныхъ, или, какъ Спенсеръ выражается, психическихъ сторонъ своего характера, онъ пишетъ слѣдующее. „Каковы бы ни были особенности моего характера и способностей, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ наслѣдственности, они во всякомъ случаѣ наслѣдованы мной отъ отца. Между своей психикой и психикой моей матери я почти не вижу никакого сходства ни съ эмоціональной, ни съ интеллектуальной стороны. Она была очень терпѣлива, я очень нетерпѣливъ. Она переносила легко страданія физическія и нравственныя, я не переносилъ ни тѣхъ, ни другихъ. Она почти вовсе не обнаруживала какой-либо склонности замѣчать недостатки другихъ, я напротивъ былъ къ этому весьма склоненъ. Въ отношеніи умственныхъ способ-

---

1) Autobiography, vol II, 426.

ностей я также не могу найти между нами ничего общаго, если не считать того, что мы оба отличались бо́льшимъ спокойствіемъ сужденій, чѣмъ мой отецъ, которому въ этомъ случаѣ мѣшало его живое воображеніе".

„Однако я похожъ на отца не только со стороны вышеуказанныхъ нравственныхъ чертъ, но отъ него же перешли ко мнѣ нѣкоторыя особыя, свойственныя мнѣ умственныя особенности. Я укажу во-первыхъ на три основныхъ [1]).

Какъ видно изъ послѣдующихъ довольно длинныхъ разсужденій Спенсера, эти три основныя умственныя особенности, унаслѣдованныя имъ по его мнѣнію отъ отца, можно формулировать такъ:—способность къ интуитивному пониманію причинности явленій, способность къ синтезу и способность къ анализу. Послѣдняя способность, по мнѣнію Спенсера, была у его отца въ меньшей степени, чѣмъ у него, но во всякомъ случаѣ въ большей степени, чѣмъ у большинства людей вообще. Четвертой своей характерной способностью, являющейся, какъ справедливо говоритъ Спенсеръ, въ извѣстномъ смыслѣ естественнымъ слѣдствіемъ трехъ остальныхъ—Спенсеръ считаетъ способиость замѣчать сходства, не бросающіяся въ глаза, что такъ необходимо для всякаго рода плодотворныхъ обобщеній и вообще для созидательной работы мыслей.

„Совокупной работѣ этихъ способностей, изъ которыхъ первыя три были и у моего отца, но перешли ко мнѣ, повидимому, въ увеличенномъ размѣрѣ, и послѣдняя,—производная трехъ остальныхъ, — выразились у меня очень энергично, не проявившись внѣшнимъ образомъ у моего отца, — совокупной работѣ этихъ способностей, направленной на широкія области мысли, я долженъ въ значительной мѣрѣ приписать все, что мной сдѣлано на научно-литературномъ поприщѣ [2])".

Среди дальнѣйшихъ сужденій Спенсера о своемъ характерѣ заслуживаютъ также вниманіе слѣдующія строки.

„Когда мнѣ приходилось писать по вопросу о томъ, наслѣдственны ли дѣйствія употребленія и неупотребленія, я иногда имѣлъ сильное желаніе сослаться въ качествѣ доказательства на нѣкоторыя черты моего характера, но воздерживался отъ этого, не желая дѣлать ихъ предметомъ общественнаго обсужденія. Здѣсь однако, въ своей автобіографіи, я нахожу вполнѣ умѣстнымъ указать на нѣкоторыя свои умственныя и физическія особенности, которыя явились у меня, какъ результатъ спеціальныхъ занятій и привычекъ моихъ предковъ".

Далѣе Спенсеръ называетъ четыре слѣдующихъ особенности своего ума и характера: часто ему приписываемую „необыкновенную способность изложенія, большую склонность къ

---

[1]) Autobiography, vol. II, 430.

[2]) Autobiograhy, vol. II, 434—36.

критикѣ и вообще склонность замѣчать чужіе недостатки, пренебреженіе авторитетами и тѣсно связанное съ этимъ отсутствіе страха передъ кѣмъ-либо. Всѣ эти особенности Спенсера, по весьма подробнымъ его объясненіямъ, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ тому, что его дѣдъ и отецъ всю жизнь были учителями.

„А работа учителя состоитъ въ значительной мѣрѣ въ постоянномъ изложеніи и объясненіи...

Однако, хотя одна половина времени учителя занята изложеніемъ, остальное его время занято—критикой, указаніемъ ошибокъ въ отвѣтахъ и исправленіемъ письменныхъ работъ...

...Пойдемъ далѣе. Учитель въ присутствіи своихъ учениковъ является для нихъ авторитетомъ и даже высшимъ или единственнымъ авторитетомъ... Каково, наконецъ, взаимное отношеніе учителя и его учениковъ? Это такое отношеніе, при которомъ чувство страха по крайней мѣрѣ одной стороны совершенно чуждо". Таковы центральныя фразы довольно длинной аргументаціи Спенсера, съ которой мы считали нужнымъ хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ познакомить нашихъ читателей, предоставляя имъ самимъ рѣшать вопросъ о степени ея убѣдительности.

Спенсеръ указываетъ и на одну физическую свою особенность—необыкновенно маленькія руки, приписывая эту особенность тому, что отецъ его и дѣдъ, будучи всю жизнь учителями, работали руками только тогда, когда дѣйствовали перомъ или карандашомъ. „Ни одинъ изъ нихъ не занимался никакимъ спортомъ и вообще ничѣмъ такимъ, что могло бы дать работу рукамъ и удерживать ихъ въ нормальной величинѣ.

„Такимъ образомъ, заключаетъ Спенсеръ, я могу служить примѣромъ унаслѣдованія пяти пріобрѣтенныхъ чертъ, четырехъ умственныхъ и одной физической" [1]).

Склонности относиться ко всему критически Спенсеръ приписываетъ свой успѣхъ какъ философа. Онъ считаетъ однако возможнымъ, что эта склонность заходила у него иногда черезъчуръ далеко, и что онъ самъ съ другой стороны слишкомъ поспѣшно пріобрѣталъ увѣренность въ правильности своихъ взглядовъ. Такая чрезмѣрная самоувѣренность, какъ признаетъ Спенсеръ, представляла недостатокъ, который являлся нѣкоторымъ образомъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другихъ его достоинствъ [2]).

„Вѣроятно говоритъ Спенсеръ, эта же чрезмѣрная тенденція къ критикѣ была главной причиной моей холостой жизни. Способность замѣчанія скорѣе недостатка, чѣмъ достоинства, надо

---

1) Autobiography, vol. II, 440.

2) Autobiography, vol. I, 440. Смѣлое и самостоятельное отношеніе ко всякимъ признаннымъ авторитетамъ и т. д.

думать, помѣшали мнѣ найти женщину, которая показалась бы мнѣ достаточно привлекательной"...

Въ своихъ „Размышленіяхъ", заканчивающихъ „Автобіографію", Спенсеръ пытается между прочимъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, каковы были главные двигатели его жизни.

Я иногда спрашивалъ самъ себя, говоритъ Спенсеръ, каковы были мотивы, опредѣлившіе мою жизненную карьеру, насколько они были эгоистичны и насколько альтруистичны. Нельзя конечно сомнѣваться, что въ нихъ были элементы эгоизма и альтруизма, но въ этомъ, какъ и въ большинствѣ другихъ случаевъ, почти невозможно выдѣлить умомъ эти элементы такъ, чтобы опредѣлить ихъ относительную величину. Удовольствіе, получаемое отъ сознанія своихъ дарованій, какъ и дальнѣйшее удовольствіе отъ успѣха, который доставляютъ признанныя дарованія, на столько велико, что никто не можетъ исключить ихъ изъ числа мотивовъ, вліявшихъ на свою дѣятельность. Во всякомъ случаѣ я долженъ признать, что на меня вліялъ этотъ мотивъ. Однако, насколько я могу припомнить, честолюбіе не было основнымъ мотивомъ моихъ первыхъ литературно-научныхъ работъ; оно не было основнымъ мотивомъ и моихъ дальнѣйшихъ, болѣе позднихъ и болѣе важныхъ трудовъ. Къ составленію писемъ о „Нормальныхъ границахъ правительственной власти" меня побудило, какъ я полагаю, единственно только желаніе распространить взгляды, которые я считалъ правильными. Тотъ фактъ, что такіе же мотивы руководили мной при переработкѣ этихъ писемъ, составившихъ „Соціальную Статику", доказывается, какъ я полагаю, уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что я намѣревался издать книгу анонимно и поступилъ иначе, лишь уступая желанію издателя г-на Чэпмана! Болѣе позднимъ проявленіемъ руководящаго значенія для меня указаннаго мотива можно считать тотъ фактъ, что я тратилъ время и деньги на „Описательную Соціологію" послѣ того, какъ стало вполнѣ яснымъ отсутствіе интереса публики къ этому изданію."

„При всемъ томъ желаніе. успѣха и честь, которую приноситъ особый успѣхъ, несомнѣнно были могущественными мотивами моей дѣятельности. Когда случалось, что кто нибудь высказывалъ раньше меня какую нибудь пришедшую мнѣ въ голову новую идею, мнѣ это несомнѣнно было нѣсколько досадно, хотя, если бы мной руководили только альтруистическія чуства, то я бы долженъ былъ быть одинаково довольнымъ, я ли первый высказалъ эту идею или кто либо другой.

„Равнымъ образомъ и въ полемикѣ желаніе личнаго торжества я испытывалъ наряду съ желаніемъ установить истину; первый мотивъ можетъ быть былъ даже сильнѣе второго, что, какъ я готовъ думать, замѣчается у большинства людей въ такихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что борьба настолько возбу-

ждаетъ личныя чуства, что они выступаютъ скорѣе на первый, чѣмъ на второй планъ".

„Нельзя далѣе отрицать и того, что при выполненіи главной работы моей жизни, я былъ поддерживаемъ все время желаніемъ связать свое имя съ какимъ нибудь крупнымъ дѣломъ. Хотя съ самаго начала я имѣлъ въ виду оказать вліяніе на умы и жизнь людей—въ особенности на рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ и вопроса о функціяхъ правительства,—тѣмъ не менѣе честолюбіе оставалось все время дѣятельнымъ". [1])

Указавъ далѣе, что въ числѣ мотивовъ, опредѣлившихъ его жизненную дѣятельность было также непосредственное удовольствіе, являвшееся съ одной стороны результатомъ разработки разныхъ занимавшихъ его идей, а съ другой результатомъ удовлетворенія (какъ Спенсеръ выражается) „архитектоническаго инстинкта" или, говоря проще, любви къ созданію стройной системы мыслей, указавъ на эту особенность своей натуры, Спенсеръ дѣлаетъ небольшое отступленіе, знакомя читателей съ состояніемъ своего здоровья во время составленія заключительныхъ страницъ своей „Автобіографіи".

Здоровье и въ это время (половина 1893 года) было таково, что онъ могъ диктовать по утрамъ не болѣе десяти минутъ подъ рядъ и затѣмъ долженъ былъ дѣлать небольшой перерывъ, при чемъ обыкновенно могъ возобновить такую диктовку не болѣе 5 разъ. Такимъ образомъ все количество его рабочаго времени въ теченіе дня составляло въ совокупности менѣе часа, очень часто это количество не превышало получаса или даже двадцати минутъ. „Когда я чувствую себя лучше обыкновеннаго, говоритъ Спенсеръ, я могу работать немного такимъ же образомъ и вечеромъ, читая корректуру—по нѣскольку фразъ за разъ. Остальную часть дня я долженъ убивать, какъ умѣю. [2])

Онъ могъ пройти пѣшкомъ не болѣе 200—300 ярдовъ (80—120 саженъ) а иногда не могъ позволить себѣ и такого упражненія. „Прогулка въ экипажѣ на $1^1/_4$ или $1^1/_2$ часа—вотъ единственное другое удовольствіе на свѣжемъ воздухѣ, которое я могъ себѣ позволить, но и то не постоянное. Чтеніе, даже самое легкое, оказываетъ на меня столь же вредное дѣйствіе, какъ и работа...

Такимъ же образомъ дѣйствуетъ на меня и продолжительный разговоръ... Даже продолжительное слушаніе для меня утомительно, и я закрываю уши ватой, когда почему либо неудобно выйти изъ комнаты... Такое состояніе моего здоровья само собой разумѣется, лишаетъ меня обыкновенно возможности бывать въ обществѣ. За послѣдніе десять лѣтъ я ни разу не

---

[1]) Autobiography, vol. II, 448,—450.

[2]) Autobiography, vol, II, 452.

былъ ни на одномъ вечерѣ; съ 1882 г. я всего нѣсколько разъ рѣшился обѣдать у знакомыхъ, при чемъ послѣдній такой случай былъ два года тому назадъ и имѣлъ для меня весьма дурныя послѣдствія. Общественныя развлеченія для меня не существуютъ. Во время поѣздки въ Америку я былъ разъ въ театрѣ, но съ тѣхъ поръ не былъ въ театрѣ ни разу. Такимъ же образомъ я долженъ былъ отказаться и отъ концертовъ: послѣдній разъ, когда я былъ на концертѣ, меня хватило всего на полчаса". [1])

Мысли о нездоровьѣ, явившемся какъ результатъ сорока лѣтъ умственнаго труда, наводятъ Спенсера на вопросы о томъ, какой бы онъ далъ совѣтъ „молодому человѣку или человѣку среднихъ лѣтъ, который хотѣлъ бы посвятить себя разработкѣ философскихъ или другихъ серьезныхъ вопросовъ, будучи увлекаемъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ сказать кое что, заслуживающее общественнаго вниманія".

„Допуская даже, говоритъ Спенсеръ, что идеи, которыя молодой человѣкъ имѣетъ въ виду распространять, дѣйствительно важны, а это, однако мало вѣроятно, не смотря на увѣренность молодого человѣка), все таки можно съ большимъ основаніемъ дать отрицательный совѣтъ".

Указывая на то, какъ долго приходится ждать какого-либо дохода отъ серьезныхъ книгъ, Спенсеръ говоритъ, что всякій начинающій такого рода дѣятельность, все равно скоро долженъ будетъ прекратить ее, если у него нѣтъ значительнаго состоянія. Онъ подтверждаетъ такое мнѣніе собственнымъ своимъ примѣромъ, говоря, что если бы онъ не получилъ дважды наслѣдства, и если бы ему не помогли въ извѣстныхъ случаяхъ его друзья, онъ не только не написалъ бы „Синтетической Философіи", но вообще его литературно-научная дѣятельность прекратилась бы послѣ первыхъ же шаговъ.

Спенсеръ указываетъ далѣе и на то, какъ мало дѣйствительнаго удовлетворенія даетъ въ сущности и литературная слава, если таковая и будетъ наконецъ достигнута. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе, какую массу надо затратить для этого труда, сколько приходится нерѣдко испытывать лишеній, „игра, положительно, не стоитъ свѣчъ", какъ выражается Спенсеръ.

Спенсеръ обращаетъ далѣе вниманіе читателя и на тѣ непріятности, которыя неизбѣжно навлекаетъ на себя—даже въ Англіи—человѣкъ, высказывающій въ области политики, религіи или соціальныхъ вопросовъ, мысли, рѣзко расходящіяся съ общераспространенными, такъ какъ при этомъ всегда оскорбляются закоренѣлые предразсудки и задѣваются интересы многихъ лицъ.

Мы полагаемъ однако, что въ послѣднемъ случаѣ Гербертъ

---

[1]) Autobiography, vol. II, 403

Спенсеръ въ значительной мѣрѣ не правъ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, такъ какъ изъ самой его автобіографіи видно, что онъ никогда не терпѣлъ никакихъ—не только гоненій, или притѣсненій, но даже рѣшительно никакихъ неудобствъ, проистекающихъ отъ характера высказанныхъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ взглядовъ [1]). Мы знаемъ, что ему дважды была предложена профессорская каѳедра, хотя онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ дипломовъ, при чемъ эти предложенія были сдѣланы послѣ того, какъ Спенсеръ успѣлъ уже высказать свои взгляды на основные вопросы религіи и политики. Къ этому можно было бы прибавить, что даже полемика съ вполнѣ ортодоксальнымъ въ области религіи Гладстономъ повлекла лишь къ тому, что между Спенсеромъ и Гладстономъ завязались личныя отношенія дружественнаго характера, и Спенсеръ былъ не разъ приглашаемъ обѣдать [2]) къ вліятельнѣйшему человѣку въ Англіи, когда у него собиралась подходящая компанія, какъ это было, напр., въ апрѣлѣ 1877 г., когда къ Гладстону пріѣзжалъ Шлиманъ [3]).

Возвращаемся однако вновь къ самой автобіографіи Спенсера.

„Остановилили бы меня, говоритъ Спенсеръ, всѣ тѣ доводы противъ литературно-научной карьеры, на которые я указалъ? Сожалѣю ли я о томъ, что никто не удержалъ меня такими соображеніями? Я не могу отвѣтить утвердительно на эти вопросы. Я сомнѣваюсь однако, чтобы я измѣнилъ свою жизненную карьеру, если бы кто-нибудь съ самаго же начала указалъ мнѣ, какъ мало я имѣлъ шансовъ на успѣхъ. Я не отказался бы отъ нея даже и тогда, если бы я ясно предвидѣлъ, какъ дурно отзовутся мои занятія на здоровьѣ. Когда мной овладѣла идея эволюціи въ ея наиболѣе общей формѣ, желаніе разработать и изложить эту идею сдѣлалось настолько сильнымъ, что мнѣ было бы невыносимо употребить свою жизнь на что-либо иное. Сознаніе, что я оставилъ невыполненнымъ великое дѣло, такъ сильно и неотступно терзало бы меня, что я не могъ бы этого перенести“.

„Такимъ образомъ, какъ я ни мало склоненъ поощрять другихъ слѣдовать моему примѣру и пренебрегать голосомъ благо-

---

[1]) Вышеприведенное сужденіе Спенсера объясняется, надо думать, раздраженнымъ его состояніемъ, вызваннымъ появленіемъ около этого времени одной книги (A Perplexed Philosopher) Генри Джорджа, въ которой этотъ талантливый американецъ чрезвычайно рѣзко, но, какъ мнѣ кажется, довольно основательно обвинялъ Спенсера въ измѣнѣ нѣкоторымъ весьма радикальнымъ взглядамъ, высказаннымъ Спенсеромъ въ годы молодости въ „Соціальной Статикѣ“.

[2]) Autobiography, vol. II, 255 и 297.

[3]) Знаменитый германскій археологъ, производившій раскопки на предполагаемомъ мѣстѣ древней Трои и въ Микенахъ. Шлиманъ, какъ извѣстно, началъ жизнь приказчикомъ, затѣмъ велъ крупную торговлю въ Петербургѣ и, разбогатѣвъ, употребилъ состояніе на раскопки.

разумія, самъ я долженъ сказать, что не только не раскаиваюсь въ своемъ образѣ дѣйствія и не жалѣю о томъ, какъ я прожилъ свою жизнь, но, наоборотъ, очень доволенъ своей жизнью".

„Почти всѣ люди должны изъ года въ годъ тратить энергію на занятія, которыя, если не прямо таки противны, но во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе непріятны. Между тѣмъ такими занятіями люди обезпечиваютъ средства существованія для себя и своихъ близкихъ, не испытывая вовсе удовлетворенія отъ сознанія, что они работаютъ для достиженія какой-либо сильно желаемой цѣли. Не такова была моя участь: моей наибольшей непріятностью было то, что я по состоянію своего здоровья не могъ работать каждый день надъ любимымъ дѣломъ столько, сколько я хотѣлъ. Но, даже принимая во вниманіе свое хроническое нездоровье, я имѣю полное основаніе быть довольнымъ тѣмъ удѣломъ, который данъ былъ мнѣ судьбой".

„Да и мое нездоровье было не такого рода, чтобы мнѣ было трудно его переносить, какъ это было со многими, для которыхъ нездоровье, кромѣ того, ничѣмъ не компенсируется. Мое нездоровье не причиняло мнѣ никакого положительнаго страданія, если не считать раздраженія отъ постоянно дурныхъ ночей..."

„Итакъ, если игнорировать альтруистическія соображенія, а имѣть въ виду лишь эгоистическія, я могу съ чувствомъ удовольствія оглянуться на всю свою прошлую жизнь. Одного только не хватало въ моей жизни, и пробѣлъ этотъ очень великъ. Во всѣ тѣ годы, когда я, работая, долженъ бы пользоваться обществомъ жены и дѣтей, мои средства были таковы, что я не могъ жениться: мнѣ едва хватало на собственное прожитіе, и я тѣмъ менѣе, конечно, могъ содержать другихъ. Когда же, наконецъ, явились средства, уже прошло время для женитьбы. Можетъ быть, даже и въ этомъ случаѣ судьба мнѣ благопріятствовала. Въ самомъ дѣлѣ, часто, когда имѣются всѣ шансы на счастье, бракъ влечетъ за собой скорѣе неудовлетвореніе, чѣмъ удовлетвореніе, а по отношенію ко мнѣ шансы на счастье въ семейной жизни не могли быть значительны. По своей натурѣ я не гожусь для такихъ отношеній, когда требуются постоянные компромиссы и большое терпѣніе. Чрезвычайное стремленіе къ критикѣ, на которое я указывалъ, и столь же сильное отсутствіе сдержанности, вызывали бы, я думаю, постоянныя семейныя неудовольствія. Въ концѣ концовъ то, что я остался холостымъ [1]), было, вѣроятно, самымъ лучшимъ для меня и для нѣкотораго другого неизвѣстнаго лица".

---

[1]) Autobiography, vol. II, 461—63.

XXIV.

Высказанные посмертно взгляды Спенсера на нѣкоторые основные политическіе и религіозные вопросы. Относительный консерватизмъ этихъ взглядовъ.

„Размышленія“ (Refelctions), которыми заканчивается автобіографія Спенсера, написаны имъ на 74-омъ году жизни, когда уже прекратилась фактически его литературно-научная дѣятельность, и когда приняли свою конечную форму его взгляды на всѣ важнѣйшіе философскіе и иные вопросы. Въ настоящей главѣ мы познакомимъ читателей съ этими конечными взглядами Спенсера, высказанными имъ посмертно, взглядами, касающимися нѣкоторыхъ кардинальныхъ вопросовъ религіи и политики.

„Теперь, когда я окончилъ свои размышленія по поводу собственнаго ума и характера и по поводу своей жизненной работы“, говоритъ Спенсеръ, „что я еще могу сказать относительно своихъ взглядовъ на міръ вообще? Какія идеи удалось мнѣ составить на ряду съ тѣми главными результатами моихъ трудовъ и думъ, которые выражены мной въ систематической формѣ въ моихъ книгахъ? Чѣмъ существеннымъ отличаются мои взгляды на окружающій міръ на закатѣ моихъ дней?

„Въ моихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ были указаны тѣ измѣненія во взглядахъ на политическіе, религіозные и соціальные вопросы, измѣненія, которыя принесли съ собой зрѣлые годы. Съ теченіемъ времени перемѣна стала еще яснѣе. Мнѣ остается изложить теперь эти измѣненія въ ихъ болѣе рѣзкой формѣ, предварительно разсмотрѣвъ, насколько вѣроятно, чтобы мнѣнія, образованныя въ концѣ жизни, были ближе къ системѣ, чѣмъ тѣ, которыхъ человѣкъ держался раньше.

„Относительный консерватизмъ старческаго возраста является результатомъ различныхъ факторовъ. Частью онъ проистекаетъ отъ меньшей энергіи человѣка. Сознаніе силы побуждаетъ къ дѣйствію, а дѣйствіе, вызывая перемѣны, пріучаетъ къ нимъ умъ и дѣлаетъ ихъ относительно привлекательными: предпріимчивость свойственна юности. Однако перемѣны становятся все менѣе и менѣе привлекательными, не только вслѣдствіе уменьшенія энергіи, но и вслѣдствіе образованія постоянныхъ привычекъ. Идти въ разрѣзъ съ установившимися постепенно взглядами и привычками становится все труднѣе и непріятнѣе. Къ этимъ препятствіямъ, являющимся результатомъ конституціональныхъ перемѣнъ, присоединяются другія, проистекающія отъ того, что можно въ извѣстномъ смыслѣ считать умственнымъ прогрессомъ. Вещи, которыя въ молодости казались простыми и легко измѣняемыми, оказываются по дальнѣйшимъ наблюденіямъ сложными и имѣющими глубокіе корни. Въ томъ, что раньше казалось только

дурнымъ, оказываются въ скрытомъ состояніи элементы хорошаго; то, что раньше представлялось безполезнымъ или излишнимъ, оказывается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благотворнымъ, а можетъ быть, даже существенно важнымъ. На каждаго человѣка по мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, такіе факторы оказываютъ вліяніе въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ, причемъ наибольшее вліяніе имѣетъ обыкновенно въ этомъ отношеніи старческая дряхлость.

„Что касается меня, то я думаю, на меня наиболѣе повліялъ болѣе широкій жизненный опытъ и болѣе продолжительная работа мысли. Я основываю свое мнѣніе на томъ, что у меня осталось по прежнему отвращеніе, которое я испытывалъ въ молодые годы, къ болѣе старымъ типамъ соціальной организаціи. Теперь, какъ и въ годы ранней молодости, я не только чувствую отвращеніе къ автократіи, но я испытываю упорное нерасположеніе даже къ той формѣ личной власти, которую можно наблюдать въ ограниченныхъ монархіяхъ".

Послѣ нѣсколькихъ весьма рѣзкихъ выраженій по поводу нѣкоторыхъ дурныхъ въ соціальномъ отношеніи явленій, наблюдаемыхъ во всѣхъ современныхъ монархіяхъ, Спенсеръ продолжаетъ однако такъ. „Изъ этого видно, что если я теперь отношусь болѣе терпимо къ монархическому правленію, то вовсе не потому, что измѣнились къ нему мои личныя чувства, но просто потому, что болѣе широкія знанія привели меня къ убѣжденію, что такое правленіе соотвѣтствуетъ существующему типу человѣка. Всякаго рода учрежденія слѣдуетъ оцѣнивать съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ характеромъ гражданъ и съ условіями ихъ существованія. Пока чувства и взгляды народа будутъ оставаться такими, каковы они теперь, лишать англійскій народъ короля было бы такъ же умѣстно, какъ лишать ребенка его куклы.

„Однако тотъ фактъ, что я въ настоящее время больше, чѣмъ ранѣе, удовлетворенъ существующими формами правительственной власти, объясняется главнымъ образомъ укрѣпившимся во мнѣ убѣжденіемъ въ необходимости связи между природой соціальныхъ особей и природой соціальнаго аггрегата. Основная доктрина Огюста Конта и его учениковъ заключается въ томъ, что отдѣльныя личности являются продуктами великаго цѣлаго, среди котораго они существуютъ, что личность во всѣхъ высшихъ аттрибутахъ создается человѣчествомъ въ его совокупности, называемымъ Контомъ высшимъ существомъ.

„Однако не менѣе справедливъ или даже гораздо болѣе справедливъ тотъ взглядъ, согласно которому общество создается составными его единицами, и характеръ организаціи общества опредѣляется природой его составныхъ единицъ. И то, и другое воздѣйствуютъ другъ на друга, но первичнымъ факторомъ яв-

ляется характеръ отдѣльныхъ личностей, а производнымъ — характеръ общества. Это по необходимости подразумѣвается самимъ представленіемъ о соціальномъ организмѣ.

„Единицы, изъ которыхъ складывается индивидуальный организмъ, не могутъ образовать организмъ иного рода... То же самое справедливо въ значительной мѣрѣ и относительно общества. Я говорю *„въ значительной мѣрѣ“*, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отношеніемъ менѣе устойчивымъ. Въ животномъ организмѣ составныя единицы и цѣлый организмъ существовали вмѣстѣ при постоянномъ взаимодѣйствіи милліоны лѣтъ, въ общественной организаціи всего какихъ нибудь нѣсколько тысячъ лѣтъ и въ высшихъ типахъ общественной организаціи даже въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ столѣтій. Поэтому характеръ общества гораздо менѣе ясно и прочно запечатлѣнъ въ характерѣ его составныхъ единицъ. Однако онъ во всякомъ случаѣ настолько запечатлѣнъ, что полная смѣна одного рода соціальной организаціи другого рода организаціей невозможна, и потому за всякими внезапными перемѣнами неминуемо наступаетъ реакція—возвращеніе, если не къ прежнему типу организаціи то во всякомъ случаѣ къ такому, который отличается отъ прежняго лишь внѣшнимъ образомъ.

„Таковъ характеръ перемѣны въ моихъ политическихъ взглядахъ, перемѣны, становившейся съ годами все болѣе и болѣе замѣтной. Тогда какъ въ дни энтузіазма молодости я полагалъ, что все пойдетъ хорошо, если только измѣнить формы правительственной власти, теперь я думаю, что такого рода перемѣны полезны лишь настолько, насколько онѣ являются выраженіемъ измѣненій, происшедшихъ въ характерѣ гражданъ.

„Менѣе замѣтны, хотя все-таки достаточно замѣтны, измѣненія, происшедшія въ моихъ взглядахъ по поводу религіозныхъ учрежденій. Эти измѣненія были также указаны въ моихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ, но съ тѣхъ поръ они приняли еще болѣе опредѣленный характеръ. Въ то время, когда я понемногу утрачивалъ обычную систему вѣрованій, вопросъ заключался, какъ мнѣ казалось, единственно въ томъ, вѣрны или невѣрны тѣ спеціальныя доктрины, которымъ меня учили. Однако постепенно, особенно въ послѣдніе годы, я сталъ сознавать, что это вовсе не единственный вопросъ.

„Указываемое мной обстоятельство объясняется отчасти болѣе широкимъ знаніемъ человѣческихъ обществъ. Многіе, какъ мнѣ кажется, убѣдились теперь въ томъ фактѣ, что религіозный культъ какого-либо рода, съ извѣстной системой соціальной организаціи составляетъ одинъ изъ признаковъ каждаго общества, сколько-нибудь подвинувшагося по пути прогресса. Это въ свою очередь привело многихъ къ заключенію, что сдерживающая роль религіозныхъ вѣрованій и духовныхъ лицъ въ отношеніи

человѣческаго поведенія была необходима. Я пришелъ независимо къ этому убѣжденію, подъ вліяніемъ массы доказательствъ, собранныхъ и классифицированныхъ въ „Описательной Соціологіи“, и притомъ пришелъ къ такому убѣжденію, если не вопреки своему желанію, то во всякомъ случаѣ помимо какого-либо подобнаго желанія. Настолько рѣзко бросаются въ глаза доказательства того, что между расами, не имѣвшими никакого общенія и находящимися въ разныхъ частяхъ свѣта, прогрессъ въ цивилизаціи шелъ на ряду съ развитіемъ религіозной системы,— абсолютной по своимъ догматамъ, страшной по грознымъ наказаніямъ,—системы, осуществляемой могущественнымъ жречествомъ, что, повидимому, является неизбѣжнымъ тотъ выводъ, что поддержаніе общественнаго уклада безусловно требовало помощи чего-либо подобнаго.

„Правда, можно съ большимъ основаніемъ удивляться недѣйствительности угрозъ и обѣщаній, которымъ приписывается сверхъестественное происхожденіе. Изученіе европейской исторіи, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчается преступленіе за преступленіемъ, повидимому, приводитъ къ тому выводу, что боязнь ада или надежда на рай имѣли малое вліяніе на жизнь людей. Даже и въ наше время абсолютное противорѣчіе между доктриной прощенія, которую проповѣдуютъ около ста тысячъ европейскихъ духовныхъ лицъ, и дѣйствіями европейскихъ солдатъ и колонистовъ, которые заходятъ далѣе закона кровной мести дикарей и избиваютъ поголовно всѣхъ жителей деревни за убійство одного лица,—это противорѣчіе показываетъ, что двѣ тысячи лѣтъ христіанской культуры мало измѣнили первобытное варварство людей. Однако, несмотря на все это, нельзя избѣжать того вывода, что христіанская культура имѣла нѣкоторое вліяніе, и что при ея отсутствіи было бы еще хуже.

„Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что, принимая во вниманіе, каковы люди были и каковы они теперь, конечныя оправданія добропорядочнаго поведенія слишкомъ далеки и слишкомъ неясны, чтобы оказывать на людей сколько-нибудь дѣйствительное вліяніе. Если перспектива вѣчныхъ мученій опредѣленнаго характера не можетъ сдержать людей, еще менѣе можно ожидать этого отъ перспективы временныхъ и неопредѣленныхъ дурныхъ послѣдствій недобропорядочнаго поведенія. Когда, изучая мысли средняго британскаго избирателя, мы видимъ, что онъ не понимаетъ, чтобы при подачѣ голоса можно было руководиться иными соображеніями, кромѣ надежды на какую-либо матеріальную выгоду, то изъ этого ясно, что только угрозы сильнѣйшихъ мученій и обѣщанія такихъ же удовольствій могутъ оказать замѣтное вліяніе на людскіе поступки.

Затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе тотъ фактъ, становящійся все болѣе и болѣе яснымъ, что дѣйствительныя вѣрованія

постоянно уклоняются отъ номинальныхъ и приспособляются къ новымъ соціальнымъ и индивидуальнымъ требованіямъ. Контрастъ между средневѣковымъ христіанствомъ и современнымъ христіанствомъ протестантскихъ странъ, или далѣе контрастъ между вѣрой въ дьявола, которому указано мучить грѣшниковъ, вѣрой, которой крѣпко держались еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и распространяющимся отрицаніемъ самаго существованія дьявола и вѣчныхъ мученій, или между прежней вѣрой и недавно выраженнымъ мнѣніемъ католика, что счастье возможно и въ аду, — этихъ примѣровъ довольно, чтобы показать, какъ видоизмѣняется и передѣлывается постоянно то, что номинально считается одной и той же вѣрой даже и тогда, когда фактически обратилось по существу въ другую вѣру.

„Когда мы посмотримъ далѣе, насколько при церковныхъ проповѣдяхъ нашего времени догматы отходятъ на задній планъ и впередъ выступаетъ этическое ученіе, то, повидимому, мы будемъ въ правѣ ожидать, что съ теченіемъ времени мы достигнемъ такого состоянія, когда, признавъ тайну природы вещей неразрѣшимой, люди обратятъ религіозную организацію къ служенію этической культурѣ...

„Вслѣдствіе всего этого я сталъ смотрѣть все болѣе и болѣе спокойно на формы религіозныхъ вѣрованій, которыя въ болѣе молодые годы вызывали у меня чувство рѣзкаго отвращенія. Держась теперь того мнѣнія, что эти вѣрованія, согласно естественному порядку вещей, приспособлены, въ общемъ, къ состоянію народовъ въ разныхъ періодахъ ихъ культурнаго развитія, я готовъ, пожалуй, считать хорошимъ, чтобы каждое вѣрованіе жило и оказывало на людей вліяніе, пока это позволяютъ условія народной жизни; равнымъ образомъ я полагаю, что всякія рѣзкія перемѣны религіозныхъ учрежденій, какъ и таковыя же перемѣны учрежденій политическихъ, неминуемо влекутъ за собой реакцію.

„Если бы меня спросили, почему же, думая такимъ образомъ, я продолжалъ настойчиво излагать взгляды, расходящіеся съ общераспространенными вѣрованіями, я отвѣтилъ бы на это такъ, какъ мнѣ случилось уже разъ отвѣтить при другихъ обстоятельствахъ: пусть каждый откровенно высказываетъ то, что считаетъ истиннымъ, присоединяя такимъ образомъ свое вліяніе ко всѣмъ остальнымъ и предоставляя самой жизни свести это къ конечному результату...“

„Такая перемѣна въ чувствахъ по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя служатъ для ихъ поддержки, проистекаетъ однако въ значительной мѣрѣ, если даже не главнымъ образомъ, отъ все болѣе и болѣе укрѣпляющагося у меня убѣжденія въ томъ, что область, занимаемая этими чувствами, не можетъ никогда стать пустой, незаполненной что,

напротивъ, должны постоянно возникать великіе вопросы относительно насъ самихъ и окружающихъ насъ предметовъ, и что на эти вопросы должны быть у людей, если не положительные отвѣты, то по крайней мѣрѣ, извѣстныя состоянія сознанія, замѣняющія положительные отвѣты.

„Правда мы видимъ, что какъ среди образованныхъ, такъ и необразованныхъ людей преобладаетъ, вообще говоря, индифферентное отношеніе ко всему, не затрагивающему ихъ матеріальныхъ интересовъ, и отсутствіе всякаго желанія вдумываться въ сущность происходящихъ на ихъ глазахъ фактовъ и явленій жизни. Многіе милліоны людей видятъ ежедневно восходъ и заходъ солнца и никогда не задаютъ себѣ вопроса, что такое солнце. Есть люди съ университетскимъ образованіемъ, интересующіеся филологическими вопросами и считающіе въ то же время пустыми изслѣдованія, касающіяся происхожденія природы живыхъ существъ. Есть даже люди науки, которые, разсматривая съ интересомъ спектръ туманныхъ пятенъ или производя вычисленія массъ и движеній двойныхъ звѣздъ, никогда не останавливаются, чтобы подумать о какой-либо иной сторонѣ, кромѣ чисто физической, неизмѣримо огромныхъ фактовъ, которые они отмѣчаютъ.

„Однако, какъ у образованныхъ, такъ и у необразованныхъ людей бываютъ моменты просвѣтлѣнія. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ людей или заполняютъ пустоту стереотипными отвѣтами, или же сознаютъ, что у нихъ нѣтъ отвѣта на нѣкоторые вопросы огромной важности. Необходимость найти объясненія чувствуется однако болѣе тѣми, кто знаетъ много, чѣмъ тѣми, кто знаетъ мало. Каково происхожденіе этого процесса, непостижимаго, какъ бы мы его ни выражали, въ силу котораго какъ монада, такъ и человѣкъ пріобрѣтаетъ, каждый, свою особую структуру? Что мы должны сказать о жизни мельчайшихъ, многочисленныхъ, стоящихъ низко по своему развитію организмовъ, которые, заполняя глубины океановъ, занимаютъ значительно большую часть земной поверхности, и которые, развиваясь и умирая въ полномъ мракѣ, тѣмъ не менѣе представляютъ сотни видовъ одного рода? Или, далѣе, что мы должны сказать, подумавъ о миріадахъ лѣтъ прошлой жизни земли, въ теченіе которыхъ нарождались и вымирали низко организованныя формы существъ малаго и большого размѣра, которыя, умерщвляя другихъ и будучи сами умерщвляемы, постепенно усложнялись въ своей организаціи, когда мы подумаемъ обо всемъ этомъ, что мы отвѣтимъ на вопросъ:—къ чему это?

„Поднимаясь выше, къ болѣе широкимъ проблемамъ, мы должны спросить себя — какъ слѣдуетъ объяснять отсутствіе жизни на болѣе значительныхъ небесныхъ тѣлахъ—на гигантскихъ планетахъ и на солнцѣ—по сравненію съ которыми обитаемыя планеты просто ничто? Если мы перейдемъ отъ этихъ относительно близкихъ тѣлъ къ 30 милліонамъ отдѣльныхъ солнцевъ

и солнечныхъ системъ, гдѣ намъ искать смыслъ всего этого, повидимому лишеннаго сознанія существованія,—безконечнаго, по сравненію съ существованіемъ, имѣющимъ сознаніе и представляющимъ повидимому пустынную вселенную?

„Затѣмъ, за всѣми этими тайнами, лежитъ всеобъемлющая тайна;—чѣмъ объясняется то всеобщее измѣненіе, которое продолжалось непрерывно въ теченіе вѣчности прошедшихъ временъ и которое будетъ совершаться непрерывно и впредь, въ теченіе вѣчности будущихъ временъ? А наряду съ этимъ зарождается парализующая умъ мысль — что, если для всего этого, являющагося для насъ такимъ образомъ непостижимымъ, нѣтъ нигдѣ пониманія?. Нѣтъ послѣ этого ничего удивительнаго въ томъ, что люди ищутъ успокоенія въ авторитетно утверждаемыхъ догматахъ".

„Такія же затрудненія мы испытываемъ и тогда, когда задаемъ себѣ вопросы относительно собственной природы. Не менѣе непостижимо въ самомъ дѣлѣ то сложное сознаніе, которое медленно образуется изъ пустоты сознанія ребенка, которое, въ другихъ формахъ обнаруживается всѣми живыми существами вообще и которое во время развитія каждаго отдѣльнаго существа появляется изъ того, что имѣетъ видъ безсознательной матеріи. Это въ свою очередь наводитъ на мысль, что сознаніе въ рудиментарной формѣ присуще всему".

„Затѣмъ выступаютъ неразрѣшимыя проблемы о нашей собственной судьбѣ; доказательства, повидимому, такъ велики, что отношенія ума и нервной структуры таковы, что прекращеніе дѣятельности одного влечетъ за собой разложеніе другого. Въ то же время приходитъ мысль,—допустить которую такъ странно и такъ трудно,—мысль, что со смертью прекращается какъ сознаніе продолжающагося существованія, такъ и сознаніе бывшаго ранѣе существованія".

„Такимъ образомъ на религіозныя вѣрованія, такъ или иначе занимающія сферу, которую пытается, но неудачно, занять разумъ, испытывая тѣмъ большую неудачу, чѣмъ энергичнѣе дѣлаются попытки,—я сталъ смотрѣть на эти вѣрованія съ нѣкоторой симпатіей, основанной на общности потребности: я чувствую, что расхожусь съ ними, такъ какъ не могу принять предлагаемыхъ ими отвѣтовъ, но я испытываю по крайней мѣрѣ желаніе, чтобы отвѣты были найдены".

XXV.

Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній. Взгляды Спенсера на значеніе классическаго міра для современной школы и жизни.

Приведенными выше строками заканчивается двухтомная автобіографія Спенсера. Имѣя въ виду огромный размѣръ этой автобіографіи, мы старались обратить вниманіе читателя лишь на главные факты, характеризующіе обстоятельства жизни и умствен-

наго развитія Спенсера, остановившись особенно подробно на условіяхъ воспитанія и образованія знаменитаго англійскаго философа. Обиліе фактовъ, съ которыми мы считали нужнымъ познакомить читателя, заставили насъ почти совершенно отказаться отъ какихъ-либо къ нимъ комментарій и ограничиться, главнымъ образомъ, выборомъ наиболѣе любопытныхъ страницъ обширной автобіографіи Спенсера, при чемъ вездѣ, гдѣ это было только возможно, мы цитировали собственныя слова знаменитаго философа.

Мы знаемъ, какъ много почитателей имѣетъ Спенсеръ въ русскомъ обществѣ, и какъ для нихъ дорого получить возможность ознакомиться съ подлинными словами автора „Системы Синтетичеткой Философіи".

Имѣя въ виду познакомить читателя лишь съ тѣмъ, что Спенсеръ говоритъ въ своей автобіографіи о самомъ себѣ и о своей литературно-научной дѣятельности, мы опустили множество любопытныхъ страницъ, гдѣ Спенсеръ даетъ характеристику нѣкоторыхъ выдающихся своихъ современниковъ — философовъ (Милль, Льюисъ), ученыхъ (Гексли, Леббокъ, Тиндалль, Бокль) и писателей вообще (Дж. Эліотъ, Карлейль), съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе близко знакомъ. Въ этомъ отношеніи автобіографія Спенсера представляетъ также значительный интересъ, такъ какъ знакомитъ насъ съ состояніемъ и нравомъ литературно-научнаго міра Англіи второй и третьей четверти XIX вѣка, когда Англія несомнѣнно стояла впереди всѣхъ народовъ по обилію крупнѣйшихъ дарованій въ области литературы (Тэккерей, Диккенсъ, Эліотъ и т. д.), науки (Дарвинъ, Спенсеръ, Гексли, Максуэлль и т. д.) и политики (Гладстонъ, Кобденъ, Брайтъ и т. д.).

Въ двухъ томахъ автобіографіи Спенсера разсѣяно множество отдѣльныхъ замѣчаній, взглядовъ, мыслей знаменитаго философа какъ по поводу разныхъ сторонъ обыкновенной человѣческой жизни (взгляды Спенсера на отношенія родителей къ дѣтямъ и обратно, на взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, на значеніе общества друзей для человѣка, на музыку, театръ, спортъ и т. д.), такъ и по поводу нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ общественныхъ или научныхъ вопросовъ. Большинства этихъ послѣднихъ вопросовъ онъ касается, конечно, и въ своихъ научныхъ трудахъ, но, затрагивая ихъ снова въ своей „Автобіографіи", онъ нерѣдко высказывается по поводу ихъ съ большей опредѣленностью, или же вноситъ въ нихъ тѣ или другія поправки или дополненія.

Изъ всѣхъ такихъ замѣчаній Спенсера мы остановимся лишь на немногихъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о значеніи для нашего времени и въ особенности для современной школы—изученія классической древности. Избирая такой сюжетъ, мы руководствуемся частью тѣмъ, что въ настоящее время это больной

вопросъ нашей средней школы, стоящей на перепутьи и повидимому жалѣющей о недавнемъ прошломъ, частью потому, что рѣзкость нѣкоторыхъ относящихся сюда замѣчаній Спенсера (о Гомерѣ и о Платонѣ) произвели значительную сенсацію [1]) въ нѣкоторыхъ кругахъ англійскаго міра ученыхъ и педагоговъ, несмотря на то, что общее предпочтеніе Спенсера изученію новѣйшаго міра, по сравненію съ изученіемъ классической древности, было уже извѣстно англійскому обществу изъ высокопоучительной книги англійскаго философа „О воспитаніи физическомъ, умственномъ и нравственномъ".

Дойдя въ своей автобіографіи до того времени, когда (1859) имъ была написана статья „Какое знаніе наиболѣе цѣнно", составившая, какъ извѣстно, впослѣдствіи первую главу его книги „О воспитаніи", Спенсеръ говоритъ по этому поводу слѣдующее.

„Эта статья была напечатана въ Westminster Review"—въ іюльской книжкѣ 1859 года. Съ тѣхъ поръ права естественныхъ и физико-математическихъ наукъ получили болѣе значительное признаніе, но, когда статья появилась, ея руководящая мысль, заключающаяся въ томъ положеніи, что изученіе классическихъ языковъ должно быть замѣнено изученіемъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ, эта мысль представлялась девяти человѣкамъ изъ десяти просто чудовищной. Въ самомъ дѣлѣ, даже и теперь, когда общее отношеніе къ вопросу измѣнилось, въ школахъ неохотно уступаютъ больше времени точнымъ наукамъ, и въ такъ называемыхъ „общественныхъ школахъ" [2]) все еще этимъ наукамъ отводится слишкомъ мало мѣста. Такой взглядъ на дѣло представляется просто непостижимымъ человѣку, взгляды котораго не были извращены прохожденіемъ традиціонной школьной системы, и который вообще мало поддается вліянію традицій и обычаевъ. Представить себѣ, что послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій цивилизованной жизни можетъ все еще преобладать мнѣніе, что человѣку не важно знать собственную свою природу — физическую и умственную, — міръ физическій и міръ соціальный, среди котораго приходится жить, и что съ другой стороны очень важно овладѣть по возможности языками двухъ несуществующихъ болѣе народовъ и хорошо познакомиться съ ихъ легендами, сраженіями, суевѣріями равно какъ и съ ихъ подвигами, сопровождавшимися по большей части большимъ кровопролитіемъ и наконецъ съ преступленіями ихъ бо-

---

1) Намъ случалось читать много отзывовъ въ англійской и американской прессѣ по поводу выхода „Автобіографіи" Спенсера, при чемъ почти всѣ рецензенты обращаютъ вниманіе читателей на приводимыя нами ниже цитаты изъ „Автобіографіи".

2) См. одно изъ нашихъ примѣчаній къ предшествующимъ главамъ. См. также нашу книгу „Очеркъ развитія и соврем. состоянія средняго образованія въ Англіи".

говъ!! Двѣ небольшія группы фактовъ и выдумокъ, заполняющихъ сравнительно весьма малое мѣсто въ генезисѣ міра—который въ свою очередь составляетъ ничтожную часть вселенной,—это занимаетъ учащихся настолько, что они оставляютъ безъ вниманія остальной міръ и всю вселенную!".

„Если бы Греціи и Рима никогда не было, жизнь человѣческая, принципы, руководящіе правильной жизнью, все это во всемъ существенномъ было бы то же, какъ и теперь: выздоровленіе или смерть, здоровье или болѣзнь, благоденствіе или несчастіе, богатство или бѣдность—все это зависѣло бы отъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія дѣйствій извѣстнымъ условіямъ или требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, знаніе истинъ, опредѣляющихъ соотношенія или соотвѣтствія, оказывающія на насъ ежечасно столь глубокое вліяніе, это знаніе съ пренебреженіемъ игнорируется; въ то-же время наилучшей подготовкой къ полной жизни считается близкое знакомство со словами и мыслями, успѣхами и неудачами, глупостями, пороками и жестокостями двухъ народовъ, умственное развитіе которыхъ было несомнѣнно не выше нашего, нравственное же развитіе было даже несомнѣнно ниже, знакомство котораго съ природой вещей, съ внѣшней и внутренней жизнью человѣка и животныхъ было сравнительно незначительно.

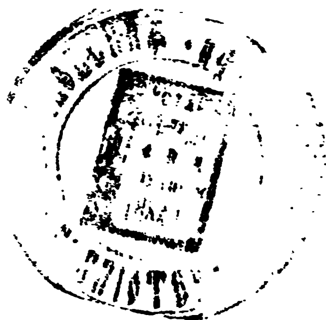
„Когда же мы перейдемъ отъ оцѣнки знаній, поскольку онѣ необходимы для руководства въ жизни, къ оцѣнкѣ ихъ, какъ средства общаго развитія, то мы также будемъ продолжать удивляться нелѣпости, заключающейся въ томъ, что поколѣніе за поколѣніемъ учащіеся тратятъ годы на изученіе ошибокъ древнихъ мыслителей, которые не располагали для своихъ разсужденій достаточнымъ количествомъ надлежащихъ фактовъ, игнорируя въ то же время то, что новѣйшая наука, имѣющая въ своемъ распоряженіи систематизированный матеріалъ, собранный въ теченіе ряда столѣтій, можетъ сказать по поводу насъ самихъ и окружающаго насъ міра. Если же дѣтямъ даютъ заглянуть въ эту науку, то лишь между дѣломъ и какъ на нѣчто сравнительно маловажное".

„Впослѣдствіи такое настроеніе общественнаго мнѣнія будутъ приводить въ качествѣ примѣра одного изъ странныхъ заблужденій которыя пережило человѣчество" [1]).

П. Г. Мижуевъ.

---

[1]) Autobiography, vol. II, 36—37.

Гомельскіе силуэты.

Очерки Тана.

(*Продолженіе*).

VI.

. . . .

VII.

Старые и молодые.

Это было въ воскресный полдень.

Мы сидѣли въ довольно разнообразной компаніи и пили чай. Хозяинъ дома былъ старовѣръ Соймоновъ, колесникъ по ремеслу, человѣкъ зажиточный, умный и въ обращеніи привѣтливый. Послѣднее между старовѣрами встрѣчается не особенно часто, и его уважали за обходительность всѣ сосѣди, и русскіе, и евреи. Въ „національномъ" вопросѣ онъ занималъ нейтральное положеніе и въ день погрома далъ пріютъ въ своемъ саду нѣсколькимъ еврейскимъ семьямъ.

Остальное общество состояло изъ двухъ старовѣровъ, мѣщанъ и сосѣдей Соймонова по улицѣ, двухъ кондукторовъ, одного машиниста, одного помощника мастера вагоннаго цеха изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, и двухъ слесарей оттуда-же. Я попалъ къ Соймонову черезъ посредство его младшаго сына, тоже слесаря, который недавно выступалъ свидѣтелемъ на судѣ и далъ такое показаніе, что оно навлекло на него негодованіе прокурора и даже окрикъ со стороны предсѣдателя. Младшій Соймоновъ привелъ съ собой еще одного пріятеля, такого-же молодого, который впрочемъ сидѣлъ въ сторонѣ и разговаривалъ больше съ женщинами.

Женщинъ было четыре, старуха, ея сестра и двѣ дочери: дѣвушка и замужняя. Вмѣстѣ съ молодежью сидѣлъ также зять Соймонова, немного постарше лѣтами, работавшій у

тестя въ колесной мастерской. Кромѣ кипящаго самовара на столѣ были двѣ бутылки пива и бутылка водки. Кондуктора пили пиво, а мастеровые водку, закусывая жареной рыбой и кусками говяжьяго студня. Всего въ горницѣ было человѣкъ пятнадцать, но мѣста было много и даже стакановъ и чайныхъ ложекъ хватало на всѣхъ, ибо Соймоновы жили зажиточно и старикъ любилъ при случаѣ принять гостей. Разговоръ шелъ, разумѣется, о прошлогоднемъ погромѣ. Въ Гомелѣ, когда три человѣка сойдутся вмѣстѣ, они не могутъ говорить ни о чемъ иномъ. Теперь мы обсуждали погромъ, такъ сказать, съ средней мѣщанской точки зрѣнія. Общество, собравшееся у Соймоновыхъ, было слишкомъ солидно для того, чтобы, напримѣръ, принимать непосредственное участіе въ погромѣ. Эти люди только глядѣли со стороны, какъ „работали" погромщики и войска усмиряли еврейскую самооборону. Они прежде всего принимали мѣры для огражденія собственнаго имущества, если понадобится, отъ тѣхъ и другихъ.

— Богъ ихъ знаить,—задумчиво говорилъ старикъ Соймоновъ,—между прочимъ было все хорошо, потому русскіе и евреи это почти одна раса, а тутъ какъ будто пузырь вспухнулъ. Чѣмъ его надуло, Богъ знаить...

— Это все демократы паршивые,—замѣтилъ кондукторъ Андросовъ,—я бы ихъ!..

У него было сытое, красное лицо, вытаращенные глаза и толстые усы, чѣмъ-то смазанные по концамъ.

— Что такое демократы? — поставилъ я вопросъ. Въ этотъ день я получилъ уже два объясненія на этотъ основной вопросъ гомельской жизни. Одно, болѣе ученаго характера, принадлежало небезызвѣстному въ Гомелѣ учителю гимназіи Брыкину и гласило такъ: „Демократы это тѣ, кто заявляетъ притязаніе на участіе въ прибыляхъ производства, не участвуя въ его издержкахъ". Въ объясненіяхъ къ учебнику древней исторіи Иловайскаго, преподаваемыхъ гимназическимъ дѣвицамъ, г. Брыкинъ прибавлялъ другія подробности.—„Демократы—еврейскіе бунтовщики, — говорилъ онъ,—они бунтовали еще противъ римскаго начальства. Еврейскіе демократы погубили Іерусалимъ".

Другое объясненіе исходило съ еврейской стороны, отъ мелочного лавочника Іосельмана. Оно отличалось загадочной эпиграмматичностью:—„У демократовъ сапоги съ дирками, а карманы съ книжками. Мы, говорятъ, не простые евреи, мы прокламируемъ, что мы еврейскіе пролетаріаты".

Третье опредѣленіе не замедлило послѣдовать.

— Такъ, сволочь, — сказалъ Андросовъ, презрительно оттопыривъ нижнюю губу,—сапожники паршивые. „Га, что,

мы тоже люде", — передразнилъ онъ акцентъ предполагаемыхъ сапожниковъ.

— Главное дѣло у демократовъ, что они на часы смотрятъ,—объяснилъ безстрастнымъ тономъ зять Соймонова.— Отъ шести до шести, а больше не моги требовать.

Мнѣ показалось однако, что безстрастіе его скрывало нѣкоторое сочувствіе къ работѣ по часамъ.

— Что же это за порядокъ, — немедленно возразилъ старикъ.—По моему это не порядокъ, а если, напримѣръ, работа тебѣ не нравится, можешь ты уходить прочь.

— Конечно,—подтвердилъ помощникъ мастера,—вотъ за три года назадъ у насъ бастовали мастеровые, то правленія имъ такъ и сказала: если кому не нравится, то уходите прочь.

— Напримѣръ, приходитъ ко мнѣ столяръ Мовшовичъ,— снова началъ Соймоновъ, — плачетъ, жалуется: собственные дѣти, Ицка, Шмуль, Рувимъ, говорятъ: „Жалованье, плати, не то не станемъ работать". Самъ стружитъ, самъ на часы смотритъ. Какъ шесть часовъ, такъ положилъ рубанокъ и шасть на биржу. Развѣ это хорошо?

Нравоученіе стараго колесника, очевидно, было адресовано по адресу его собственной молодежи, проявлявшей сочувствіе къ безсердечію еврейскихъ сапожниковъ и столяровъ.

— Видали мы ихъ, жидовскихъ демократовъ, — сказалъ другой кондукторъ, маленькій, злой, съ гнилыми зубами и дурнымъ запахомъ изо рта.—Ходятъ шайками изъ улицы въ улицу. Знайте насихъ!..

— Это у нихъ биржа,—объяснилъ машинистъ,—они на работу наймаются, на Троицкой улицѣ...

Правый тротуаръ Троицкой улицы у выхода на Ровъ, дѣйствительно, является своеобразной биржей труда, гдѣ подъ вечеръ, несмотря ни на какую погоду, собираются группы молодыхъ ремесленниковъ поболтать и узнать о возможномъ спросѣ на трудъ.

Но маленькій кондукторъ не хочетъ успокоиться.—Пархатая биржа,—шипитъ онъ сквозь свои черные зубы.

— Какое вы имѣете право такъ говорить,—вспыхиваетъ молодой сынъ Соймонова. Возражать собственному отцу, да еще при людяхъ, онъ не рѣшился, но посторонній кондукторъ представлялъ болѣе доступную мишень.—Есть и русскіе между демократами и даже желѣзнодорожные мастеровые.

— Вѣшать бы ихъ канальевъ!—шипитъ кондукторъ.

Глаза младшаго Соймонова загораются сердитымъ огнемъ.—Развѣ вы палачъ?—возражаетъ онъ язвительно,— вотъ я не зналъ.

— А что же съ ними дѣлать?—возражаетъ кондукторъ убѣжденнымъ голосомъ, какъ будто всѣ другія средства уже исчерпаны.

— Какъ вы хотите ихъ вѣшать, — негодуетъ молодой Соймоновъ,—они тоже люди. Разберите лучше ихъ мнѣнія, чего они хотятъ, вникните, можетъ, они хотятъ хорошаго. Они, навѣрное, такіе же люди, какъ вы, только, пожалуй, умомъ будутъ повыше.

— Ну, замололъ,—ворчливо прерываетъ старый колесникъ.—Отъ этихъ вашихъ смутъ на все какъ цѣны поднялись! Раньше заказываешь портному костюмъ, плата за шитье была пять рублей, или же шесть, глядя по важности работы, а теперь хозяинъ говоритъ: семь рублей,—пять рублей за работу, да два на демократовъ.

— Ну, и вы бы также,—съ насмѣшкой возражаетъ помощникъ мастера.—Вы чего зѣваете?

Онъ весь такой широкій и квадратный, какъ будто скованный изъ листового желѣза. Можно подумать, что его собирали и сколачивали въ той же вагонной мастерской.

— У насъ, небось, колесная мастерская,—возражаетъ со вздохомъ Соймоновъ,—промыселъ не городской, мужицкій. И развелось колесниковъ по всѣмъ селамъ, чортъ ихъ знаетъ откедова. У насъ никто покупать не хочетъ, не то что цѣну набивать.

— Начальство, небось, не запрещаетъ, — прибавляетъ онъ съ горечью. На доброе что-нибудь не хватаетъ ихней строгости.

— А я такъ замѣчаю, русскіе глупѣе, — замѣчаетъ зять Соймонова уже безъ околичностей.—Примѣрно взять русскаго мастера. Беретъ онъ ученика на три года безплатно, выжимаетъ изъ него соки, работаетъ отъ пяти до восьми. Русскіе боятся и сказать поперекъ,—а то выгонитъ, вотъ и ученье пропало. А евреи не боятся, ищутъ своего. То и демократы.

— То и мерзавцы,—вмѣшивается въ свою очередь одинъ изъ слесарей, косматый, съ растрепанной бородой и видимо на-веселѣ.—Далеко еврейская раса отъ демократовъ, склоняется совсѣмъ на другое. Чего ищутъ евреи—самоправія, своихъ правовъ. Говорятъ: намъ жить худо. Будто имъ однимъ жить худо!..—Онъ пускаетъ крѣпкое ругательство и переводитъ духъ. Русскій еврею никогда не будетъ другомъ.—„Гомель, говорятъ, наше исконное мѣсто, нельзя насъ бить въ Гомелѣ“—Но не владѣть евреямъ Гомелемъ, потому что мечъ докажетъ право...

— Чего ты развоевался?—съ удивленіемъ спросилъ зять Соймонова. Страстность слесаря, очевидно, поразила его, но

ключа къ этому озлобленію нельзя было получить изъ нестройныхъ обличеній новаго оратора.

— То, говорятъ, худо, другое неправильно—продолжалъ слесарь обличать еврейскихъ критиковъ,—а если не нравится, кто васъ держитъ. Ступайте къ чертовой матери.

— Не безъ того,—осторожно возразилъ другой слесарь.— Многое есть неправильное.

— Лучше вашего знаемъ,—сердито отстаивалъ первый слесарь свою точку зрѣнія.—Ученые! Не Шмулькамъ насъ учить! Если надо, мы сами управимся. Напримѣръ, новые расцѣнки, я тебѣ въ лучшемъ видѣ произведу. А у жидовъ только зависть дѣйствуетъ во всѣхъ ихнихъ дѣлахъ. Если я пахарь и ты пахарь, а у меня не родитъ, то я долженъ тебя сжечь. Взять, напримѣръ, Петроченку, онъ одинъ русскій купецъ, ядро городу, а слухи являлись отъ этихъ жидовскихъ мальчишковъ, что они всю семью Петроченкову вырѣзали.

Торговецъ Петроченко играетъ видную роль среди мѣстныхъ антисемитовъ и въ утро погрома на ряду съ другими возбуждающими извѣстіями, былъ распространенъ по городу слухъ, что семья Петроченко вырѣзана. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что въ одиннадцать часовъ утра къ нему присылали справляться изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ о его безопасности.

— Эка хватилъ,—неодобрительно замѣтилъ другой слесарь.—Петроченко, можетъ, десять разъ хуже еврея, потому каждый товаръ у еврея дешевле.

— Конечно,—настаивалъ на своемъ первый слесарь,— Петроченко не можетъ состоять съ евреями на одной доскѣ, потому у еврейскаго товару дѣйствуетъ только этикетъ, а добротности чертъ ма!

— Неправда,—возразилъ рѣшительно другой слесарь.— Если русскій не дуракъ, еврей не можетъ его накрыть, а если дуракъ, то еврей сдеретъ въ три раза, а русскій въ четыре. Я даже вамъ такъ скажу, — прибавилъ онъ убѣдительнымъ тономъ.—Что есть торговецъ, русскій или еврей, все одно сволочь. Примѣрно, я знаю въ Добрушинѣ случай, старообрядецъ торговецъ, большую евангелью передъ носомъ держитъ, а въ субботу, когда у еврея закрыто, сдеретъ свое. У него сосѣдъ торгуетъ еврей и продаетъ сахаръ копейкой дешевле. У этого сосѣда разъ вышелъ сахаръ, такъ онъ говоритъ: „я съ тебя возьму на двѣ копейки дороже, за то что ты дешевле продаешь". Только такая штука складается, что въ Гомелѣ евреевъ много торговцевъ, а не русскихъ, то на нихъ и прикладываютъ...

— А по вашему, за что мастеровые громили евреевъ?— спрашиваю я не безъ любопытства.

Среди этихъ противорѣчивыхъ и отрывочныхъ мнѣній, мнѣ интересно выяснить хоть какую-нибудь одну болѣе стройную точку зрѣнія.

— Мастеровые громили, говоришь,—вспыхиваетъ неукротимый первый слесарь.—Если бы наши мастеровые поучаствовали въ этомъ, пуху не осталось бы, а это сочинили мальчишки безусые да деревенскіе мужики.

— Я вамъ скажу,—объясняетъ второй мастеровой.—Вся эта штука сочинилась для взаимозащиты двухъ народовъ.

Онъ, повидимому, имѣетъ въ виду обоюдную драку. Многіе русскіе мѣщане изъ „благомыслящихъ" отстаиваютъ такой взглядъ и утверждаютъ, что Гомельское дѣло нужно было бы давно прекратить, а всѣхъ подсудимыхъ отпустить на свободу.

— Какая защита,—замѣтилъ товарищъ молодого Соймонова,—возьмемъ дѣло до Монастырька, тоже пошли бить жидовъ, а они тоже и русскихъ готовы въ ложкѣ воды утопить, крутые старообрядцы. Такъ своя дикость. Потому ходилъ слухъ, что за это ничего не будетъ, за еврейскій погромъ, особенно послѣ Кишинева...

Монастырекъ одно изъ предмѣстій Гомеля, жители котораго принимали дѣятельное участіе въ погромѣ.

— Ты что же это, старообрядцевъ оговариваешь,—сердито замѣтилъ старикъ Соймоновъ.—Будто у однихъ старообрядцевъ дикость.

— А я тоже скажу,—неожиданно возразилъ одинъ изъ гостей старовѣровъ, все время молчавшій и пившій чай стаканъ за стаканомъ.

— Нѣтъ, ты постой,—взволнованно говорилъ Соймоновъ—зачѣмъ онъ мораль пущаетъ? Монастырскіе тоже разные бываютъ. Напримѣръ, было у Любенскаго моста: Скачковъ кузнецъ говорилъ къ толпѣ:—„вотъ этого жида, говоритъ, надо разбить!"—Есть тутъ Кирилло Самсоновъ, а по уличному Лобачевъ, стоялъ съ лопатой въ рукахъ, какъ размахнулся, бацъ его по головѣ, такъ и лопата раскололась пополамъ. Тотъ говоритъ: „ой! за что ты меня?"—„А за то: не науськивай людей; ежели хочешь, самъ поди, тогда увидишь, что тебѣ за это будетъ!"—Съ этого стыда согнулся и пошелъ домой.

— А я скажу свое — настаивалъ старовѣръ. Старообрядцы на слободѣ говорятъ: „Евреи неблагонадежный народъ. А мы тоже и про себя не можемъ повѣрить, что мы благонадежны. Напримѣръ, намъ запрещаютъ строить молитвенный домъ. Надо сдѣлать жилой домъ, а потомъ повернуть на молитвенный. Насъ, напримѣръ, черезъ силу хотятъ повернуть на православіе, и мы согласны, что

православіе хорошо, но зачѣмъ насильно? Ваше хорошее пусть при васъ, а мое плохое, это моя совѣсть. Каждый человѣкъ имѣетъ свою гордость и самолюбіе, насильно не хочетъ. Примѣрно, священнику не позволяютъ итти за гробомъ, идетъ, какъ простой человѣкъ. И церкви не дозволяютъ строить. Говорятъ объ насъ, что мы русскіе люди, а мы тоже безъ правъ"...

— Какъ вы говорите?—съ неодобрительнымъ удивленіемъ замѣчаетъ Андросовъ.

— А такъ и говорю,—упрямо подтверждаетъ старовѣръ.— На войну небось берутъ и старообрядцевъ, и евреевъ. Смотри-ка у старика Тетякова одного сына взяли, а онъ ходитъ, плачетъ:—„Когда я воспитывалъ дѣтей, говоритъ, такъ даже бумажонку ни у кого не добьешься, а какъ только выросъ, дай его сюда. А потомъ привезутъ безъ рукъ, безъ ногъ. Какъ я видѣлъ, одного уже привезли. Изъ носу потечетъ, ему и утереть нечѣмъ, хоть-бы култа осталась, такъ и того нѣту. А что мнѣ съ нимъ дѣлать?—говоритъ,—отказаться отъ него, въ его жилахъ течетъ моя кровь, кровь не допуститъ. А повѣсютъ на него ордена, снять съ него ордена, да на себя одѣть, да во имя этихъ орденовъ милостыню просить.

— Что вы, что вы — возражаетъ Андросовъ—надо отечество защищать.

Но старовѣръ расходился и не хочетъ знать никакихъ резоновъ.—Какое мое отечество?—заявляетъ онъ.—Вотъ въ этихъ рукахъ, да мозоляхъ. Да еще хибарка какая есть, мое житье.

— У князя Паскевича вправду есть отечество, сколько земли осталось отъ отца и отъ дѣда. Такъ слѣдовало-бы обложить, чтобы отъ каждыхъ двадцати десятинъ по человѣку, а если назадъ пришелъ, то земля твоя.

— Про то мы не знаемъ,—заявляетъ Андросовъ безапелляціоннымъ тономъ.—Знаютъ тѣ, кто умнѣе насъ.

— Ты гладкій, такъ и не знаешь,—возражаетъ старовѣръ.—А ты скажи, отчего народъ замутился, плачутъ, не хотятъ итти? Вотъ Брили забунтовались, Ляховичей подъ конвоемъ привели, два села... Развѣ это мобилизація! А по городамъ громятъ. „Все равно на смерть идемъ. Узнайте, молъ, и вы лихо". А пообѣщай-ка имъ землю, каждый съ радостью пошелъ-бы. То есть и я даромъ старикъ, а также пошелъ-бы, потому, если я умру, земля дѣтямъ останется.

— Погодите!—прерываетъ мрачнымъ тономъ неукротимый слесарь.—Пусть этотъ дастъ мнѣ отвѣтъ.—Онъ указываетъ пальцемъ на товарища молодого Соймонова.—Ты, стало быть, за демократовъ заступаешься? Или, можетъ, ты самъ демократъ?—Неукротимый слесарь хочетъ вернуться къ прежней

темѣ разговора. Но рѣчи старовѣра повысили настроеніе бесѣды.

— А какъ демократъ, такъ что?—неустрашимо заявляетъ товарищъ Соймонова.—Плакать надо?.. Надо лучше понять, въ чемъ дѣло!..

— Демократы подлецы,—заявляетъ слесарь угрожающимъ голосомъ.

— А погромщики злодѣи,—такъ-же громко возражаетъ товарищъ Соймонова.

— Что?—голосъ слесаря повышается на полъ-октавы.— Что ты говоришь?

— Воры, разбойники, трусы,—подтверждаетъ товарищъ Соймонова—только на старухъ, да на ребятишекъ. Желѣзными палками старыхъ женщинъ колошматить по головѣ, развѣ это не разбой?

— А ты видѣлъ?—грозно вопрошаетъ слесарь и даже поднимается съ мѣста.

— Весь городъ видѣлъ, не я одинъ—возражаетъ товарищъ Соймонова,—а вы зачѣмъ кричите? Я и такъ слышу.

— Демократы не хотятъ худого,—съ своей стороны заявляетъ молодой Соймоновъ.

— Хотятъ скорѣе хорошаго. Малый кусокъ счастья для всякаго бѣднаго человѣка...

— А ты чего?—огрызается слесарь.—Драть васъ некому и этого бѣднаго человѣка вмѣстѣ съ вами.

— Руки короткія,—возражаетъ сынъ Соймонова. Къ моему удивленію старикъ Соймоновъ тоже обидѣлся на безцеремонный окрикъ слесаря.—Что ихъ ругать, они отецкія дѣти, не подкидыши какіе!..

— Вы-бы, ребята, пошли на другую половину!—предлагаетъ онъ молодежи.—Вамъ тутъ невмѣстно со стариками свариться.

Молодежь поднимается съ мѣста и уходитъ.

— Если угодно, — начинаетъ съ своей стороны второй слесарь,—я вамъ о погромѣ скажу.

Дѣйствительно, это стало сочиняться послѣ Кишинева. Въ людяхъ сталъ разговоръ, что, значитъ, теперь время хорошее, можно евреевъ бить. Начальство не запрещаетъ. А евреи стали говорить:—„Насъ много тутъ. Это вамъ не Кишиневъ, мы вамъ покажемъ“. Дальше и больше, стали евреи приготовляться за нѣсколько мѣсяцевъ. Позаводили револьверы, орудіе и все такое, думаемъ, къ чему они готовятся, къ защитѣ, или къ побѣдѣ, или къ чему? Потомъ пошли по городу разные слухи. Напримѣръ, будто въ Любенскомъ лѣсу шесть тысячъ демократовъ сидятъ съ пушками, и что непремѣнно они придутъ ночью и разобьютъ

Слободку, или про Петроченкину семью, будто ее вырѣзали.—„Надо обороняться,—говорятъ,—русскимъ тоже“. Напримѣръ, уже на другой день послѣ погрому, шли мы втроемъ, мастеровые, смотримъ, съ Горѣлаго Болота идетъ толпа крестьянъ, человѣкъ за 75. — Я говорю, ребята, пойдемъ прогонимъ ихъ, они тоже хотятъ чего-нибудь сдѣлать.— Подошли.—Вы куда идете, хлопцы?

— А мы слышали, что здѣсь евреевъ разбиваютъ.

— Ну такъ что съ того?

— А мы тоже такіе люди, у насъ ненависть есть.

— Маршъ назадъ!

— А ты что за баринъ?

— А не баринъ, а не хотимъ этого. Вы пришли неизвѣстно откель, разобьете тутъ, а будутъ позорить городскихъ жителей. Кто вамъ желѣзья далъ?

— Не сказываютъ и не уходятъ. А сами всѣ съ желѣзьями и мѣшками, для грабежа значитъ. Тутъ подъѣхалъ подполковникъ Абхазскаго полка на лошади. —„Вы чего тутъ?“—Я сказалъ. Говоритъ:„бросьте желѣзья“. Тутъ ихъ завернули, погнали до Церковной площади...

— Какая-же это защита?—замѣтилъ я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ,—это грабежъ.

— Я не къ тому,—возразилъ слесарь,—а вотъ къ чему. Шли мы назадъ. Смотримъ—въ окошкѣ офицеръ А. съ женой.—„Что тамъ такое?“ — Представьте, крестьяне пришли разбивать жидовъ.—„А представьте такое положеніе, развѣ не слѣдуетъ.“—А за что по вашему? „Какъ за что? Въ Брилѣ вырѣзали нѣсколько семействъ, въ Пшонкѣ монашекъ вырѣзали, и монастырь сожгли, а сегодня ночью, говорятъ, нападутъ на Слободку. Какъ-же не обороняться?“

— А кто распустилъ этотъ слухъ?—спросилъ я.

— А чортъ ихъ знаетъ, кто, — сказалъ слесарь. —Бабы больше, а кто говоритъ, будто слыхали отъ городовыхъ...

— А непремѣнно бабы! —подтвердилъ колесникъ съ короткимъ смѣхомъ.—Онѣ особенно любопытничали. Кто пробѣжитъ мимо:—„Что, что новаго?“—„Рѣжутъ евреи русскихъ, рѣжутъ, вотъ сюда идутъ“.—Ухватится за своего мужика, не пускаетъ на улицу...

Повидимому, онъ хочетъ придать разговору болѣе легкое направленіе, но неукротимый первый слесарь не поддается на компромиссъ.

— Не бабы, — возражаетъ онъ тѣмъ же мрачнымъ тономъ. — Намъ говорили не бабы, а умные люди, Танѣевъ контролеръ, Плахинъ и даже Его Высокородіе. Онъ называетъ имена нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ всему городу своимъ печальнымъ вліяніемъ въ дѣлѣ погрома.—А теперь

судъ затѣяли,—прибавляетъ онъ мрачно.—Ну, да все равно, я и газету не читаю. Хоть три года судитесь, нашимъ ничего не будетъ. Судъ на нашей сторонѣ...

— Мужики нешто не боялись, — замѣчаетъ старуха,— никому не охота, чтобы его какъ барана зарѣзали.

— А то!—признается старикъ. —Мы спрятали, можетъ, сорокъ евреевъ, а сами думаемъ, если евреи одолѣютъ, не погромили бы они насъ... Но только я самъ бы человѣкъ двадцать разогналъ — прибавляетъ онъ съ увѣренностью.— Взялъ бы отворотку, да какъ махнулъ бы...

— А деревенскіе мужики боялись пуще городскихъ,— вставляетъ зять Соймонова, который предпочелъ остаться вмѣстѣ со стариками, быть можетъ, привлекаемый бутылкой, стоящей на столѣ.

— Например̆ъ, во вторникъ пошла опять суматоха, мужики побѣгли, стали уходить, лошадей гонятъ, кричатъ: „На базарѣ бѣда!“ Тутъ городскіе жители стали имъ говорить:—Вы чего же утекаете? вы, коли то, отправьте бабъ, а сами выходите на битву.

— Конечно,—прибавляетъ старуха,—если бы настояще потрогали, всѣ бы встали, никто бы не усидѣлъ, тутъ бы и бабы ухваты побрали и пошли.

— А какъ вы думаете,—задалъ я новый вопросъ,—если бы не войско, какъ бы вышло съ погромомъ?

— Если бы войско не заступилось, — призналась чистосердечно старуха,—чего бы евреи русскихъ не побили. Потому нашъ вступается не всякій. Потому онъ говоритъ, что кто завздымался, пускай разбирается. А евреи не смотрятъ, кто бы не завздымался, всѣ бѣгутъ.

— Очень нужно вступаться за погромщиковъ,—возражаетъ другой старовѣръ, — имъ дай волю, они, пожалуй, и наши дома раззорятъ.

Онъ одѣтъ опрятнѣе своего угрюмаго товарища и, очевидно, владѣетъ настоящимъ домомъ, а не хибаркой.

— Зачѣмъ бы русскіе дома тронули! — угрюмо возражаетъ первый слесарь.—Напримѣръ, кто русскіе, встали противъ своихъ домовъ, иконы повынесли. А гдѣ видятъ, домъ забытъ, ставни закрыты, тутъ и давай разбивать, а городскіе ребятишки бѣгутъ, подбираютъ. Потомъ у нихъ спрашиваютъ, гдѣ еще есть лавки еврейскія?..—„Вотъ здѣсь!“— тутъ опять разбиваютъ.

— Ну да!—проворчалъ сердито сосѣдъ.—А если въ русскихъ домахъ евреи живутъ. По вашему какъ?... Поневолѣ приходилось заступаться за свое добро. Они вѣдь и ставни и стѣны, все разобьютъ, не постѣсняются.

— Вотъ у моего товарища Кузнецова,—началъ второй сле

сарь,—такъ и вышло. Это, когда погромъ начался, онъ прибѣжалъ ко мнѣ,—„Пойдемъ, говоритъ, пожалуйста, со мною, у меня, говоритъ, есть револьверъ, да что я сдѣлаю противъ многолюдства!

— Пойдемъ, станемъ передъ воротами, чтобы не допустить, а то домъ разобьютъ. — Ну, я согласился и пошелъ. Приходимъ, а они уже и домъ разбили, и стекла всѣ выбили, двери сорвали съ петель. А евреи, Богъ вѣсть куда, убѣжали. Ну, думаю, ничего не подѣлаешь. Дай хоть сосѣдній домъ загородимъ.

— А толпа уже подходитъ: цегельники (кирпичники), мѣщане изъ Монастырька, и у всѣхъ желѣзья на плечахъ, какъ будто ружья у войска. Я вскочилъ во дворъ и загородилъ четыре квартиры; все знакомые жили, оттого и загородилъ; первый столяръ, второй водовозъ, третій извозчикъ, четвертый чернорабочій на лѣсопильнѣ, Роднянскій, все бѣдные люди.

— Чего тебѣ надо?—говорятъ.

— Тутъ, говорю, мой интересъ страдаетъ, тутъ стоитъ моя машина и мой шкафъ, у столяра будто бы. — А еще, говорю, вы бы хоть Лурье разбивали, человѣкъ богатый, банкеръ, а то куда вы пришли, на нищету!—Такъ не слушаютъ. Стали вродѣ какъ звѣри изъ дикихъ лѣсовъ, такъ и прутъ. Два раза приходили во дворъ. Въ межуткахъ Роднянская бѣгала заявлять помощнику пристава Казанскому— „Насъ разбили". — „Какъ,—говоритъ, —да вѣдь ты цѣла!"— А на утро Казанскій пришелъ на квартиру къ Роднянской. Она говоритъ: „Ваше благородіе, мы вчера васъ звали, чтобы насъ защитить, а вы не пришли, а сегодня вотъ пришли".

— Да,—говоритъ,—когда васъ разбиваютъ, то вы приходите говорить, а почему, когда у васъ были собранія для обсужденія вопросовъ, вы не приходили и не говорили. Другой разъ заявите о собраніяхъ, тогда я приду. — А она говоритъ:—„Какая собранія, я никакой собраніи не знаю. Мы бѣдные люди".—Съ тѣмъ онъ и ушелъ.

— Тоже евреямъ пальца въ ротъ не клади,—сказалъ старый Соймоновъ.—Въ полдень я стою у воротъ, а мимо бѣжитъ шайка съ палками, а Берка Казаровъ, пузатый столяръ, у нихъ вродѣ полководца, съ качалкою въ рукахъ. Плотный такой мужчина, рыжій. Я ихъ успокаивалъ, говорилъ: „Бросьте палки!"—„Нѣтъ,—говоритъ,—они наши богомолья потоптали. Мы отомстимъ". Самъ запыхался весь. Даже смѣшно.

— Кому смѣхъ, а кому грѣхъ—возражаетъ второй слесарь.—Я на войнѣ никогда не былъ, то мнѣ и любопытно, потому походъ не походъ, а разбиваютъ лавки, и солдаты

стоятъ. Пошелъ смотрѣть. А какъ стали булки кидать, черезъ головы солдатамъ, они похватали булки на штыки. Даже я съ мальчишкой стоялъ на рукахъ, такъ ему прямо на руки копеечная булка упала.

— Ой буде и вамъ!—внезапно отзывается старый Соймоновъ,—наскучило слушать.—Нервы его, очевидно, утомлены этими безконечными описаніями.

— Съ чего стряслось,— начинаетъ онъ снова, несмотря на собственное запрещеніе.—Не дай Богъ. Думали, шутки, игрушки, для смѣха жидовъ потрепать, а вышло взаемное убойство.

— А можетъ быть, еще погромъ?—задалъ я послѣдній вопросъ. Принимая во вниманіе непосредственную близость предстоящей мобилизаціи, вопросъ этотъ имѣетъ опредѣленное значеніе.

— Ой, нѣтъ!—быстро возражаетъ Соймоновъ.—Въ каждомъ городѣ только по разу бываетъ. А у насъ больше не будетъ. Потому думали, шутки играютъ. Шутя дѣлаютъ, на шуткахъ и пройдетъ, маленько жидовъ потеребятъ. А послѣ того инымъ пришлось посидѣть по два мѣсяца, да теперь каждый день на судъ тягаютъ, да еще имуществомъ отвѣтятъ по гражданству, такъ поневолѣ одумаются, не будутъ больше.

— Есть у насъ газета Знамя, Крушеванъ,— начинаетъ опять неукротимый слесарь,—оберъ-кондукторъ получаетъ. Почитай-ка, чего онъ пишетъ: евреевъ, говоритъ, надо рѣзать и грабить, потому они роются, какъ подземные черви, подъ всѣ устойки подкапываются...

— Ну тебя со стойками и со знаменами!—говоритъ старикъ съ растущимъ неудовольствіемъ.—Что ты, прости Господи, компанію разстраиваешь!

Общество поднимается съ мѣста.

Несмотря на удаленіе молодежи, гомельскій погромъ не даетъ этой мѣщанской компаніи даже докончить двухъ бутылокъ пива. Общественная атмосфера Гомеля поляризовалась. Не хуже дѣла Дрейфуса, гомельскій процессъ проникаетъ подъ каждую кровлю и заставляетъ самаго скромнаго и нейтральнаго обывателя составлять себѣ опредѣленное мнѣніе и защищать его противъ всѣхъ другихъ.

VIII.

Рѣшительные люди.

То былъ тяжелый день для всѣхъ участниковъ суда, особенно для свидѣтелей и адвокатовъ. На дворѣ съ ранняго утра шелъ мелкій, раздражающій дождикъ. Въ думскомъ

залѣ, изображавшемъ временную судебную палату, было темно и сыро. Раздражительное настроеніе, видимо, передавалось снаружи внутрь, и дѣлало людей особенно придирчивыми другъ къ другу. Предсѣдатель особаго присутствія былъ не въ духѣ и давалъ это чувствовать каждой старухѣ, подходившей къ судебному столу.

— Вы не такъ стоите! Не глядите на адвокатовъ, обратитесь лицомъ къ суду.

— Вы не умѣете говорить съ судомъ...

— А?—съ удивленіемъ переспросила одна свидѣтельница.

— Не „а!“ — немедленно возразилъ предсѣдатель, — не „а!“... Скажите суду, какъ ваша фамилія...

Лицо его приняло измученный видъ. Голосъ, обыкновенно мягкій, даже елейный, усвоилъ какіе-то новые, острые оттѣнки, какъ будто елей былъ подмѣшанъ уксусомъ.

Еще болѣе доставалось адвокатамъ, въ особенности почтеннѣйшему Н. Д. С—ву. Предсѣдатель, по его собственнымъ словамъ, поставившій себѣ цѣлью „въ видахъ безпристрастія исключить изъ процесса всякій политическій и національный характеръ“, т. е., въ сущности говоря, исключить весь процессъ, разсматривалъ С—ва, почти какъ своего личнаго врага. Самый звукъ голоса С—ва, громкій, внезапный, въ высокой степени „боевой“, заставлялъ предсѣдателя нервно вздрагивать.

Остановки и запрещенія сыпались на С—ва градомъ, но онъ не унывалъ и даже не раздражался и все продолжалъ ставить свои заостренные вопросы.

— Скажите, свидѣтель, быть можетъ, вы думали, что по закону вы не вправѣ защищаться отъ погрома?

— Судъ считаетъ вопросъ о мысляхъ свидѣтеля не относящимся къ дѣлу,—цѣдилъ сквозь зубы предсѣдатель.

Но С—въ не унимался.—Скажите, свидѣтель,—начиналъ онъ черезъ минуту, какъ ни въ чемъ не бывало,—что дѣлала полиція, стоявшая противъ вашего дома, въ то время, какъ происходилъ погромъ...

— Я устраняю этотъ вопросъ,—объявлялъ предсѣдатель.

— А я ходатайствую занести въ протоколъ, что вы изволили устранить этотъ вопросъ,—громко и спокойно настаивалъ С—въ.

Наконецъ, по поводу одного изъ такихъ заявленій, предсѣдатель объявилъ перерывъ, и судъ удалился въ совѣщательную комнату.

Публика сразу зашевелилась. Подсудимые оставили свои мѣста. Судебный залъ весь загудѣлъ, какъ встревоженный улей.

— О, этотъ предсѣдатель!...—Приземистый человѣкъ въ

толстомъ байковомъ пиджакѣ выскочилъ на средину комнаты. У него была длинная русая борода, крѣпкія руки и большая голова, какъ у гнома. Меня поразило его лицо. Глаза его яростно сверкали, зубы крѣпко стискивались, и слова выходили сквозь нихъ, какъ свистъ или стонъ.

— Обрывать, оскорблять такого человѣка, какъ С—въ... О, если бы я не боялся отвѣта... —онъ сжалъ кулаки и судорожно мотнулъ головой.

С—въ и З—ный, два русскіе адвоката, пользовались особенной популярностью у подсудимыхъ и во всемъ городѣ. Когда З—ный отъ утомленія на судѣ заболѣлъ тифомъ, во всѣхъ синагогахъ Гомеля и всего западнаго края были совершены спеціальныя службы съ молитвой о его выздоровленіи. Каждое замѣчаніе С—ву задѣвало подсудимыхъ ближе, чѣмъ забота о собственной участи и о послѣдующемъ приговорѣ.

— Скажите мнѣ ваше имя, — спрашивалъ я черезъ минуту русобородаго гнома.

— Я Птакъ, столяръ, — объяснилъ онъ,—Черниговской губерніи изъ посада Клинцовъ. У насъ въ Клинцахъ самое разбойное мѣсто. Всегда другъ другу головы разбиваютъ. Такъ мы сызмала деремся, даже на кулачные бои ходимъ. Поэтому я привыкъ не бояться.

— Да, я дрался!—объяснилъ онъ на вопросъ.—Сердце у меня жесткое. Безъ палки никуда не хожу. Меня били, я билъ. Въ пятницу шелъ по базару, вижу—пустыя бочки залетали черезъ улицу, какъ птицы. А у меня палка была грушевая, съ сучками, тоже залетала. Всю палку переломалъ. Ну, а въ понедѣльникъ сидѣлъ дома во дворѣ съ семьей. У меня семеро дѣтей. Но если-бы громилы пришли, то и меня убили-бы, но и я не одного-бы положилъ. Такое сердце у меня. Насъ было три сосѣда во дворѣ, всѣ подъ одно сердце. Я велѣлъ женѣ кипятить большой самоваръ, погромщиковъ ошпаривать кипяткомъ, а Шмерка сапожникъ, два сына у него, набрали въ сѣни цѣлую кучу камней, и фортку вверху открыли, чтобъ камнями оттуда пулять. А Шендеръ переплетчикъ схватилъ круглый ножъ. Бѣгаетъ по двору, кричитъ: „Я не дамъ себя рѣзать, какъ въ Кишиневѣ“. А я ему говорю: „Смотри, еще самъ себѣ пальцы обрѣжешь, ручка въ рединѣ, а ножъ острый“.

Но только громилы къ намъ не пришли, благодаря Бога. Потомъ я послалъ мальчика старшаго къ сестрѣ, за базаромъ живетъ, узнать какъ у нихъ. Велѣлъ ему раздѣться босому, рубашку выпустить черезъ штаны, лицо вымазать, чтобъ не признали. Онъ былъ на Вѣтренной площади, все видѣлъ и драку, и залпъ...

— Я тоже дрался,—сообщаетъ молодой человѣкъ, присоединившійся къ нашей группѣ. Онъ крѣпкаго сложенія, и его русскій языкъ выгодно отличается отъ языка его товарищей.—Я Вятскій,— объясняетъ онъ на вопросъ—Яранскаго уѣзда.

— Какъ Вятскій?

— Отецъ въ ссылкѣ былъ, потомъ по окончаніи срока его выслали назадъ въ „черту", а я тамъ родился, тамъ и остался. Сюда пріѣхалъ воинскую повинность отбывать всего за два мѣсяца до погрома.

— Сперва дико мнѣ было,— разсказываетъ онъ,— на здѣшнихъ евреевъ и русскихъ, не могъ привыкнуть. Тутъ пришла пятница 29-го августа. Я сидѣлъ въ пивной съ ребятами, еще хотѣли играть на бильярдѣ. Вдругъ слышно крикъ на улицѣ, женщины плачутъ. Я, какъ былъ, схватилъ двѣ бутылки и выскочилъ. Вижу: цѣлая партія на двухъ женщинъ нападаетъ. Ну, я обѣ бутылки расколотилъ. А въ понедѣльникъ мнѣ не повезло,—разсказываетъ онъ. Напала на меня шайка съ желѣзными палками. У меня, конечно, кинжалъ, а настояще отбиться не могъ. Избили меня всего, руку перебили,—прибавляетъ онъ такъ спокойно, какъ будто дѣло идетъ о случайно переломленной тросточкѣ.—Потомъ два мѣсяца въ больницѣ лежалъ. Все зажило.

Другой молодой человѣкъ, бѣлокурый въ круглой шапкѣ, трогаетъ меня за рукавъ.

— Послушайте немножко,—я хочу говорить съ вами секретно.—Я Элькесъ, приказчикъ.

Мы отходимъ въ сторону.

— Я тоже дрался!— секретно и пониженнымъ тономъ сообщаетъ Элькесъ.

— Мы, молодые приказчики изъ „Работниковъ Сіона", тоже были организованы для самообороны, больше ста человѣкъ. Залманъ Каганскій былъ нашъ человѣкъ.— „Работники Сіона" это лѣвое крыло сіонизма, представляющее компромиссъ между сіонизмомъ чистой воды и демократами. Они набираются преимущественно изъ приказчиковъ, мелкихъ учителей и разныхъ полуинтеллигентныхъ слоевъ.

— Нигдѣ не было такъ скверно, какъ въ лавкахъ,— разсказываетъ Элькесъ.

— Послѣ Кишиневскаго погрома, чуть что, они намъ сейчасъ говорятъ: „мы сдѣлаемъ съ вами то же что въ Кишиневѣ". Поневолѣ мы стали думать, что дѣлать. Мы, „Работники Сіона", обѣщали защищаться до капли крови, всѣми способами. Вмѣсто оружія у насъ были палки. Нѣкоторые думали приготовить „кислородъ", но это слишкомъ страшно Говорятъ, выѣдаетъ лицо и глаза... Я себѣ имѣлъ свою

службу, получалъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ, жилъ скромный, собиралъ капиталъ. Уже имѣлъ свою невѣсту, хотѣлъ жениться. Теперь я потерялъ все и остался разоренный. Но въ понедѣльникъ, когда крикнули: погромъ, я былъ въ такомъ азартномъ видѣ, что не помнилъ самого себя. Послѣ погрома я болѣлъ, такъ я разгорячился. Евреи стояли плотными рядами и рвались впередъ, а солдаты держали на руку. Я стоялъ въ четвертомъ ряду, и тоже съ палкой. Но когда солдаты предупреждали и я видѣлъ, что уже не съ громилами, то я вспомнилъ свою невѣсту и родителей,— отца у меня нѣтъ, такъ мать,—и отошелъ въ сторону.

— Говорятъ намъ: евреевъ всегда били, со старыхъ вѣковъ,—продолжалъ Элькесъ.—Что было за нѣсколько сотъ лѣтъ, того мы не знаемъ, но, когда въ Кишиневѣ убивали, насиліе и тому подобное, мы не можемъ терпѣть. Что касается имущества, у насъ и такъ добровольно берутъ, полиція приходитъ, и даже съ улицы приходятъ и требуютъ, это можно терпѣть. Еще когда насъ терзаютъ, мучаютъ, жить не даютъ, и это терпимо. Но, когда доходитъ до жизни самого человѣка, вещь понятная, нельзя пускаться на это. Надо бороться со всѣхъ силъ, палками биться, кусаться, царапаться...

Это цѣлый рядъ рѣшительныхъ людей. Они держатся всѣ вмѣстѣ. Больше другихъ меня интересуетъ Хана Кацъ. Ей всего 17 лѣтъ, и ее называютъ Гомельская Жанна Д'Аркъ. Во время усмиренія самообороны ее ударили по головѣ прикладомъ и даже топоромъ. Теперь ее обвиняютъ въ вооруженномъ нападеніи на войска.

Хана Кацъ молчалива и держится сзади другихъ. Лицо ея мрачно и озлоблено, и нужно не мало настойчивости, чтобы получить отъ нея кое-какія объясненія.

— Я швея—разсказываетъ она,—зарабатывала въ мѣсяцъ рублей 10—12. Одинъ разъ мы устроили стачку, тогда работа уменьшилась на 1 часъ, стало отъ шести до шести. Потомъ я была въ кружкѣ, выучилась немного читать порусски, а по-еврейски не умѣю. Разъ была на массовкѣ въ Бѣлицѣ. Насъ всѣхъ забрали, но потомъ всѣхъ выпустили.

— Когда было послѣ Кишинева,—разсказываетъ Хана Кацъ,—каждый день ожидали, будетъ погромъ. Вдругъ приходятъ,—туда, гдѣ мы жили, очень далеко,—говорятъ: погромъ. Я подумала, все равно жизни больше не будетъ, пускай я тоже буду отбиваться. Пришла на Гуменную улицу и нашла тамъ толпу. Какъ я была очень разволнована, то, не помня себя, дѣйствительно хватала камни и кидала, или что подъ руку попало, палки, куски мебели. Топоръ попалъ, я топоръ кинула. Тѣмъ топоромъ, должно быть, потомъ меня

по головѣ угостили. Я кричала: „кровопійцы, хотите пить нашу кровь“, кричала: „евреи, нужно стоять до смерти, не надо убѣгать“. Тутъ солдаты подошли, наши побѣгли и я побѣгла вмѣстѣ. Попала въ квартиру, а солдаты вскочили къ намъ въ окна, разбили рамы и мебель. Былъ хозяинъ, его ударили прикладомъ. Другіе разбѣглись. Меня ударилъ солдатъ топоромъ по головѣ. Слѣдователь спрашиваетъ, какъ могъ попасть солдату топоръ? А я говорю: „Я васъ спрашиваю, какъ могъ попасть солдату топоръ“. Другой солдатъ ударилъ меня прикладомъ. То я больше не помню. Только помню, одинъ солдатъ съ черными усами сказалъ: „Довольно, ее уже угостили, она больше не будетъ жить“.— Тогда меня повезли въ больницу.

— Говорятъ, я въ каторгу пойду,—продолжаетъ Хана Кацъ,—пускай, не страшно! что наша жизнь, хуже каторги... А если выпустятъ, поѣду въ Америку, хоть на край свѣта. Въ этой землѣ не хочу оставаться.

Она мрачно взглядываетъ по направленію судейскаго стола. Эта молодая дѣвушка непримиримѣе мужчинъ. Она неспособна ни простить, ни забыть, и не даромъ она обращалась къ уличной толпѣ со своими призывами.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пѣсни мои—полевые цвѣты...
Имъ не мѣсто въ горячемъ бою...
Оттого я молчу, оттого не пою,
Затаивъ дорогія мечты.
Нуженъ голосъ иной—голосъ сильной души,
Зажигающій искрой сердца...
Не напѣвъ соловья въ предразсвѣтной тиши,
А призывъ вдохновенный борца!..
Намъ упрекомъ встаютъ павшихъ братьевъ кресты,
Мы о нихъ позабыть не должны.
Пѣсни гнѣва теперь, пѣсни мести нужны,
А не тихіе вздохи мечты...

Г. Галина.

Передъ грозой.

Романъ **Берты фонъ-Зуттнеръ.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Пименовой.*

(*Продолженіе*).

VI.

Людмила и фрау Даріонъ сидѣли въ салонѣ. Оставалось около часа времени до начала пріема посѣтителей, и Людмила хотѣла воспользоваться этимъ, чтобы написать нѣсколько писемъ. Но не успѣла она раскрыть бювара и вынуть почтовую бумагу, какъ открылась дверь и вошелъ докторъ Арольдъ въ сопровожденіи Карла Кремера и еще третьяго незнакомаго господина.

— Простите, что мы являемся такъ рано, но мы сдѣлали это нарочно. Вѣдь потомъ вашъ салонъ наполнится гостями, и ни мнѣ, ни моему другу нельзя будетъ поговорить съ вами безъ помѣхи. Однако, позвольте представить вамъ господина Александра фонъ-Дегемейстеръ, принимающаго очень живое участіе въ интересующемъ васъ движеніи. Онъ можетъ сообщить вамъ очень подробныя свѣдѣнія объ этомъ.

Людмила привѣтливо улыбнулась на эти слова Арольда и любезно пригласила гостей садиться. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Дегемейстеръ былъ русскій изъ остзейскихъ провинцій, горячо интересующійся соціальнымъ вопросомъ, для изученія котораго онъ ѣздилъ въ Швейцарію, Бельгію и Англію и теперь находился проѣздомъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ, впрочемъ, не имѣлъ намѣренія останавливаться, предполагая, что въ Вѣнѣ не найдетъ почвы для своихъ занятій. Но случайно узнавъ о рабочемъ собраніи, на которомъ долженъ былъ говорить Арольдъ, онъ рѣшилъ по-

сѣтить его и послушать. Дальше Арольдъ сообщилъ Людмилѣ, что Дегемейстеръ просилъ его представить ей, такъ какъ узналъ отъ него, что она тоже интересуется соціальнымъ вопросомъ.

Дегемейстеръ оказался молчаливымъ человѣкомъ. Онъ не былъ застѣнчивъ и то, что онъ говорилъ, всегда высказывалось имъ твердо и увѣренно, но вообще онъ былъ неразговорчивъ. Людмила почувствовала себя стѣсненной его присутствіемъ, но не могла все-таки не сознаться въ душѣ, что онъ очень интересенъ. Тѣмъ не менѣе она была недовольна на Арольда, что онъ такъ, не спрашивая ее, приводитъ къ ней въ домъ незнакомаго и проѣзжаго человѣка. При случаѣ, она рѣшила высказать это Арольду. Развѣ только потому, что пьеса Фульда возбудила ея интересъ и желаніе познакомиться ближе съ затронутымъ имъ вопросомъ, домъ ея долженъ быть центромъ соціалистической пропаганды, и каждый русскій нигилистъ, каждый Равашоль могутъ безпрепятственно являться къ ней въ домъ? Но произнося мысленно эту филиппику, Людмила все же съ удовольствіемъ поглядывала на гостя, который, конечно, и не подозрѣвалъ, какія чувства вызвало у нея его безцеремонное появленіе въ ея салонѣ. По наружности ему можно было дать лѣтъ тридцать, одежда, прическа, манеры—все это обличало въ немъ человѣка изъ хорошаго общества. Шелковистая, темнорусая испанская бородка, тонкія, бѣлыя руки и голубые глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ очень густыхъ, но въ то же время очень тонкихъ бровей,—словомъ это было красивое лицо, приковывавшее вниманіе. Когда онъ былъ серьезенъ, то лицо его принимало мрачное, даже суровое выраженіе, но зато когда онъ улыбался, то улыбались и его глаза, и что-то дѣтски-наивное и милое сквозило въ его улыбкѣ, придававшей кроткое и нѣжное выраженіе его суровому лицу. Голосъ у него тоже былъ нѣжный, мягкій, принимавшій по временамъ особенно задушевный оттѣнокъ, какой часто наблюдается у остзейцевъ, и, когда онъ говорилъ, напримѣръ: „я имѣю честь пожелать вамъ добраго утра“, то это звучало такъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: „хотя я и бѣднякъ, но я люблю васъ отъ всей души“.

Разговоръ вертѣлся съ четверть часа на ничего незначущихъ предметахъ, что обыкновенно бываетъ, когда въ первый разъ сойдутся мало знакомые люди. Вдругъ Карлъ Кремеръ, прерывая свѣтскую бесѣду, сказалъ Людмилѣ.

— Вы вѣдь сказали, что хотите познакомиться съ этическимъ движеніемъ, и я горячо желаю...

— Постой,—прервалъ его Арольдъ. — Фрейлейнъ Готъ

еще раньше выразила желаніе ознакомиться съ соціалистическимъ вопросомъ, и поэтому мнѣ принадлежитъ слово.

— Нѣтъ, г. докторъ, послѣдніе должны быть первыми,— возразила Людмила,—поэтому я хотѣла-бы услышать раньше, что хочетъ сказать г. Кремеръ. Впрочемъ, если дѣйствительно послѣдніе имѣютъ преимущество, то долженъ начать г. Дегемейстеръ...— (Дегемейстеръ сдѣлалъ отрицательное движеніе рукой).—Вы не хотите? Ну такъ, г. Кремеръ, начинайте поучать меня. Я вся—вниманіе.

Молодой книготорговецъ выпрямился и приготовился говорить.

— Одинъ изъ самыхъ древнихъ и величайшихъ этиковъ, Будда...—началъ онъ.

— Ну, если ты начинаешь такъ издалека, то когда же дойдетъ очередь до меня, съ моими вполнѣ современными единоплеменниками? воскликнулъ Арольдъ.—Соціализмъ не знаетъ никакихъ древнихъ пророковъ.

— Я долженъ опровергнуть васъ, вмѣшался Дегемейстеръ. — Соціалистическій идеалъ -- спросите нашего Толстого — былъ впервые выдвинутъ Христомъ.

— Это же утверждаетъ и Эгиди и его христіанское ученіе.

Людмила прервала Кремера вопросомъ: кто такой Эгиди?

— Прусскій подполковникъ, который положилъ начало религіозному реформаторскому движенію.

— Опять движенію, воскликнула Людмила, всплеснувъ руками.—У меня просто кружится голова. Со всѣхъ сторонъ только и слышишь: рабочее движеіе, женское движеніе, движеніе въ пользу мира... и такъ безъ конца. Куда же все это устремляется?

— Для всѣхъ существуетъ только одна цѣль, замѣтилъ Дегемейстеръ точно про себя.—Всѣ ищутъ освобожденія... Освобожденія и любви.

— Вы напоминаете мнѣ печальные стихи, которые мнѣ недавно прочелъ одинъ молодой вѣнскій поэтъ, Карлъ Марія Гейдтъ его имя.

„Karrenzieher sind sie alle,
Der aus Wahnwitz, der aus Not;
Götter in der Mäusefalle
Und Befreier ist der Tod.

(Всѣ тащатъ возъ, кто изъ безумія, кто изъ нужды. Это боги въ мышеловкѣ, а освободитель—смерть).

Дегемейстеръ повторилъ послѣднія слова Людмилы:

— „А освободитель—смерть... смерть!“

Въ тонѣ его голоса звучала такая скорбь, что Людмила

пораженная, невольно взглянула на него. Но на лицѣ его тотчасъ же появилась милая улыбка, и онъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, фрейлейнъ, освобожденная жизнь—вотъ какой долженъ быть лозунгъ.

— Такимъ образомъ мнѣ никакъ не удастся высказать фрейлейнъ то, что у меня лежитъ на сердцѣ, замѣтилъ Кремеръ.

— Хорошо, такъ говорите вы, теперь; а я попрошу господъ не прерывать оратора,—сказала Людмила.

— Постараюсь изложить покороче и поэтому не буду касаться ни Будды, ни всѣхъ другихъ основателей религій и реформаторовъ вѣры. Тутъ, впрочемъ, дѣло идетъ не о религіи, но о замѣнѣ ея для людей, которые либо порвали окончательно съ существующими системами вѣры, либо не удовлетворяются ими.

— Простите... Я запретила другимъ перебивать васъ, но мнѣ, какъ поучающейся и жаждущей знанія ученицѣ, должно быть дозволено дѣлать вопросы и высказывать свои замѣчанія. Я думаю, что вѣрующіе, даже полувѣрующіе, ничего не захотятъ слышать о такомъ нравственномъ ученіи, которое не опирается на религію. Ну, а свободомыслящіе не нуждаются, вѣроятно, въ какой-либо замѣнѣ религіи. Кто согласится снова наложить на себя цѣпи, отъ которыхъ освободился!

— Нѣтъ, но вѣдь если чувствуешь что то, что тебѣ дорого, стоитъ не на прочномъ основаніи, то конечно, будешь стараться замѣнить это основаніе другимъ. Нравственную заповѣдь: „Будь добръ и возвышай свою душу“ ни одинъ благородный человѣкъ не считаетъ цѣпью... Однако, ничто такъ не затрудняетъ при разъясненіи какого-нибудь вопроса, какъ примѣшиваніе образныхъ сравненій. Объясненіе значенія основы и сравненіе ея съ цѣпями заставило бы насъ далеко уклониться отъ сущности вопроса. Будемъ же держаться этой сущности и насколько возможно, придерживаться фактовъ.

Людмила чувствовала, не глядя на Дегемейстера, что онъ смотритъ на нее испытующимъ и восхищеннымъ взоромъ. Ей это не было непріятно; хотя она и намѣревалась сдѣлать выговоръ Арольду за то, что онъ привелъ къ ней этого страннаго и таинственнаго незнакомца, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души она была все-таки довольна, что этотъ человѣкъ сидѣлъ возлѣ нея и съ такимъ интересомъ смотрѣлъ на нее. Онъ и самъ былъ интересный, очень интересный человѣкъ... если бъ только она могла заглянуть въ его душу!

Бѣдняга Кремеръ! Его слушательница старалась не про-

ронить ни словечка изъ того, что онъ говорилъ и, казалось, съ величайшимъ вниманіемъ слушала его, но мысли ея были поглощены другимъ: „Освобожденная жизнь—вотъ лозунгъ...“

Кремеръ продолжалъ: „Не будемъ же удаляться отъ фактовъ. Это фактъ, что возникаетъ движеніе, которое, если будетъ имѣть успѣхъ, то значительно подвинетъ человѣчество впередъ по пути культуры. Кто вникнетъ въ первые параграфы проэктируемыхъ статутовъ новаго общества, тотъ долженъ понять, какимъ благодѣяніемъ послужитъ осуществленіе его цѣлей. Въ этихъ параграфахъ говорится: „Цѣль общества содѣйствовать развитію этической культуры, какъ въ кругу своихъ членовъ, такъ и внѣ этого круга“. Эта общая цѣль должна служить связующимъ звеномъ между ними. Вы понимаете—это связующая людей цѣль, тогда какъ вы видите, что подъ предлогомъ національныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ мотивовъ, людей стараются раздѣлить. Такое раздѣленіе ведетъ къ истребительной борьбѣ, которая и является конечнымъ исходомъ, тогда какъ то положеніе вещей, къ которому стремится наша этическая культура, можетъ быть опредѣлено слѣдующими словами: „Это такое состояніе общества, въ которомъ преобладаютъ справедливость, правдивость, гуманность и взаимное уваженіе“.— Но дѣло не въ проповѣдяхъ. Тутъ поставлена задача, которая должна быть выполнена. Но для этого нужны особенныя средства. Въ программу входятъ: мѣры для повышенія этическаго воспитанія молодежи; лекціи и собесѣдованія объ этическихъ проблемахъ и требованіяхъ, устраиваемыя въ кругу членовъ общества; забота о поддержаніи и распространеніи вліянія науки и искусства на широкіе круги народа; другими словами—необходимо устройство народныхъ театровъ и учрежденій въ родѣ берлинской Ураніи. Далѣе: старанія поднять благосостояніе бѣднѣйшихъ классовъ и оказаніе помощи и покровительства всѣмъ угнетеннымъ и защита ихъ отъ всякой несправедливости, отъ всякаго бѣдствія...

Однако, по мѣрѣ того, какъ Кремеръ говорилъ, Людмила становилась внимательнѣе. Когда онъ кончилъ, она вздохнула съ облегченіемъ, точно избавилась отъ тяжести, и сказала:

— Становится легче на душѣ, когда слышишь такія рѣчи. Онѣ указываютъ неосновательность жалобъ, раздающихся со всѣхъ сторонъ, на то, что всѣ чувства притупились, и въ мірѣ господствуетъ только погоня за наслажденіями и всеобщая борьба.

— Такія жалобы на всеобщую испорченность всегда бываютъ необоснованны, и чѣмъ онѣ многочисленнѣе, тѣмъ онѣ

менѣе основательны, сказалъ Кремеръ.—Вѣдь еслибъ дѣйствительно испорченность была всеобщей, то ее перестали бы сознавать и никто не сталъ бы на нее жаловаться. Развѣ среди людоѣдовъ можно найти людей, считающихъ безнравственнымъ ѣсть человѣческое мясо, и развѣ во времена Торквемады кому-нибудь приходило въ голову жаловаться на недостатокъ религіозной терпимости? Тогда понятія о терпимости еще не существовало, и терпимость, если только она обнаруживалась у кого-нибудь, разсматривалась всѣми, какъ преступное равнодушіе; каждый, кто выражаетъ сожалѣніе по поводу всеобщей испорченности, служитъ въ моихъ глазахъ доказательствомъ именно того, что благородныя чувства существуютъ, по крайней мѣрѣ, у того, кто высказываетъ такія сожалѣнія. Если такихъ людей много, то они могутъ соединиться вмѣстѣ, организоваться и создавать такимъ образомъ все новые пункты, откуда они могутъ распространять свои вгляды и содѣйствовать незамѣтно облагораживанію помысловъ и поступковъ своихъ современниковъ. Вотъ я и хотѣлъ бы, фрейлейнъ Готъ, чтобы вы помогли мнѣ въ этомъ, помогли бы устроить въ Вѣнѣ секцію этическаго общества. Это общество еще не организовалось окончательно въ Германіи, но какъ только это состоится, то, конечно, оно распространитъ вездѣ свои развѣтвленія, и столица Австріи будетъ первымъ городомъ, гдѣ...

— Вы преувеличиваете мои способности, г. Кремеръ, прервала его Людмила.—Что я могу сдѣлать? Я вѣдь не здѣшняя и у меня нѣтъ никакихъ связей въ здѣшнемъ обществѣ. Да я, вѣроятно, не долго здѣсь останусь. И если бъ вы знали, какъ пристаютъ съ разныхъ сторонъ... Притомъ же, я не вполнѣ хорошо поняла васъ.

— Въ томъ то и дѣло! Я слишкомъ поторопился. То, что наполняетъ мое сердце и поглощаетъ мои мысли уже многіе годы, то, что я тщательно взвѣсилъ и всесторонне обдумалъ, то не могло быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ и настолько ясно и сильно, чтобы это могло подѣйствовать на другого человѣка и побудить его къ дѣятельности... Пусть моя неудача послужитъ для тебя предостереженіемъ, Арольдъ. Откажись отъ своего намѣренія обратить фрейлейнъ Готъ въ свою вѣру, въ соціализмъ, и не надѣйся на ея содѣйствіе.

— Но я и не прошу у нея содѣйствія, милый другъ. Соціализмъ не стремится въ настоящее время къ устройству ферейновъ, не нуждается ни въ какихъ основателяхъ, организаторахъ и въ любезномъ согласіи начальства. Это потокъ, который самъ прокладываетъ себѣ путь, устраиваетъ свое ложе. Это стихійная сила и она все преодолѣетъ...

— Но и сама, все-таки, будетъ преодолѣна,—замѣтилъ спокойно Дегемейстеръ.

— Реакціей?—спросилъ презрительнымъ тономъ Арольдъ.

— Нѣтъ. Но тѣми, кто захочетъ свергнуть ея иго или же своевременно уклонится отъ него, словомъ, тѣми, которымъ уже теперь, раньше осуществленія соціалистическаго идеала, соціалистическое государство будущаго представляется обветшалою тиранiей.

— Вы имѣете въ виду анархистовъ?

Въ этотъ моментъ маркиза оборвала нитку въ своемъ вышиваніи, и вмѣстѣ съ ниткой лопнуло ея терпѣніе, такъ что она вмѣшалась въ разговоръ.

— Пожалуйста, не говорите такихъ ужасныхъ вещей, господа! воскликнула она возбужденнымъ голосомъ.—Это даже неприлично. Мы всѣ знаемъ, что въ народѣ возникаютъ теперь такія ужасныя идеи, но мнѣ кажется, чѣмъ меньше мы будемъ обращать на нихъ вниманія, тѣмъ это будетъ лучше... съ революціонерами справится полиція, а для анархистовъ существуетъ эшафотъ. Во всякомъ случаѣ, это вовсе не предметъ для салонной бесѣды, неправда-ли?.. Вотъ то, что говорилъ передъ этимъ г. Кремеръ, о нравственности, о культурѣ общества или объ этическомъ обществѣ... я не знаю, что еще!—но все это звучало хорошо и такъ похвально, хотя я все-таки думаю, что каждый человѣкъ имѣетъ достаточно возможности сдѣлаться нравственнымъ. Для проповѣдей у насъ существуетъ духовенство. Бывали ли вы когда-нибудь на проповѣдяхъ, во время великаго поста, въ соборѣ Парижской Богоматери? Большинство слушателей тамъ мужчины, и проповѣдники все обсуждаютъ съ научной точки зрѣнія и даже принимаютъ во вниманіе „духъ вѣка", мнѣ все это представляется черезъ чуръ ученымъ, но вы должны согласиться, что при такихъ условіяхъ, право же, лишне устраивать какія-то частныя общества нравственности. Вѣдь надъ арміей спасенія только смѣются... Но это еще не бѣда, а вотъ такіе ужасы, какъ анархія, со всѣми ея атрибутами, это только возбуждаетъ отвращеніе, и, чѣмъ скорѣе мы прекратимъ объ этомъ разговоръ, тѣмъ лучше!

Людмила смутилась. Въ ея салонѣ находились трое молодыхъ людей, серьезно и съ увлеченіемъ занимавшихся изученіемъ вопросовъ, волнующихъ современную эпоху. Они пришли къ ней, еще непосвященной въ эти вопросы, и не только готовы были разъяснить ей то, что ей было непонятно, но считали ее способной быть имъ полезной помощницей въ этомъ дѣлѣ, которое ихъ занимало. И вотъ въ ея собственномъ домѣ, отъ ея постоянной спутницы, они

слышать подобныя рѣчи, указывающія на полнѣйшее непониманіе! Безъ сомнѣнія, Дегемейстеръ выразитъ Арольду неудовольствіе за то, что онъ привелъ его къ ней! Людмила забыла въ эту минуту, что она сама хотѣла сдѣлать выговоръ Арольду за то, что онъ осмѣлился привести къ ней Дегемейстера, не спросивъ ея разрѣшенія.

Она искала подходящей фразы, вѣжливаго способа заставить замолчать маркизу и показать вмѣстѣ съ тѣмъ присутствующимъ, что она не раздѣляетъ ея взглядовъ. Но Дегемейстеръ вмѣшался:

— Милостивая государыня,—сказалъ онъ,—я очень вамъ благодаренъ. Изъ вашей краткой рѣчи я больше узналъ о современномъ положеніи и ближайшихъ шансахъ соціальнаго вопроса, чѣмъ изъ продолжительныхъ разговоровъ съ вожаками и многотомной, относящейся къ этому вопросу, литературы.

Маркиза, очень польщенная этими словами, скромно потупилась и воскликнула: „О!“ Онъ продолжалъ:

— Вѣдь дѣло не въ томъ только, чтобы хорошенько познакомиться съ работающими силами, а надо знать также, какъ велики препятствія, мѣшающія имъ и лежащія у нихъ на дорогѣ. Ваши аргументы и вашъ приговоръ, милостивая государыня, можетъ быть, сами по себѣ и не имѣютъ такого рѣшающаго значенія, но когда мы помножимъ ихъ на милліонъ и даже больше подобныхъ же сужденій—вѣдь безчисленное множество людей думаютъ такъ же, какъ вы, и повторяютъ это безконечное число разъ—то мы получимъ изображеніе силы существующаго сопротивленія.

Фрау Даріонъ не совсѣмъ поняла, что онъ хотѣлъ сказать этимъ, но, не желая показать этого, возразила уклончиво:

— Боже мой, вѣдь надо только немного здраваго смысла и здравыхъ принциповъ... само собою разумѣется, что всѣ порядочные люди должны такъ думать!

— Прошу васъ, г. фонъ Дегемейстеръ, не причислять меня къ этому милліону, замѣтила Людмила.

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Часы пробили четыре, и полковникъ Браль вошелъ въ комнату.

— Вотъ это называется аккуратность! воскликнула Людмила, идя навстрѣчу гостю и радостно протягивая ему руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она, увидѣвъ, что другіе встали и собираются уходить.—Вы должны остаться, и мы возобновимъ нашъ разговоръ, такъ какъ я придаю большое значеніе мнѣнію полковника... Позвольте познакомить васъ.

Она представила другъ другу своихъ гостей. Полковникъ окинулъ проницательнымъ взоромъ молодыхъ людей и съ изысканною вѣжливостью поклонился имъ.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ, когда всѣ снова усѣлись.—О чемъ шелъ разговоръ, который я такъ неумѣстно прервалъ своимъ приходомъ? Бьюсь объ закладъ, что это былъ какой-нибудь „вопросъ"...

— Ахъ, нѣтъ! съ живостью воскликнула фрау Даріонъ.— Мы только что всѣ согласились, что это тема очень непріятная, и, чѣмъ скорѣе будутъ прекращены разговоры о ней, тѣмъ будетъ лучше...

Людмила положила свою руку на плечо маркизы.

— Это ваше мнѣніе, дорогая фрау Марква, сказалъ она,— но не мое; если вамъ тема не нравится, то вы можете не слушать, вѣдь ваша работа и такъ поглощаетъ все ваше вниманіе, не правда-ли?

Фрау Даріонъ поняла намекъ. Она слишкомъ дорожила своимъ мѣстомъ у Людмилы, чтобъ не итти навстрѣчу ея желаніямъ, и Людмилѣ достаточно было только высказать вскользь замѣчаніе, чтобы фрау Даріонъ исполнила то, что хотѣлось ея хозяйкѣ, т. е. перестала-бы вмѣшиваться въ общій разговоръ.

— Вы угадали, обратилась Людмила къ полковнику.— Мы тутъ дѣйствительно трактовали о „вопросахъ", ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, можетъ-ли утвердиться господство высшей этической культуры и можетъ-ли соціалистическій идеалъ...

— Гм! проворчалъ полковникъ.—Надъ міромъ господствуетъ денежный мѣшокъ. Если-бы даже соціалъ-демократы и захотѣли ниспровергнуть его господство, то это бы имъ не удалось. Къ сожалѣнію, скорѣе готова разгорѣться война, только для укрѣпленія фундамента, на которомъ покоится золотой телецъ. Въ 1789 г. была разрушена Бастилія, а въ 1889 была уже выстроена новая Бастилія, Бастилія денежнаго мѣшка — Эйфелева башня. Впрочемъ, говорятъ, она шатается.

— Все шатается, г. полковникъ, замѣтилъ Арольдъ.

— Да... вотъ вамъ, значитъ, прекрасный избирательный лозунгъ: всеобщія условія, вызывающія шатаніе.

— Во всякомъ случаѣ, это преходящія условія. Шатаніе не можетъ считаться опредѣленнымъ состояніемъ, даже для башни, это только подготовительная стадія къ разрушенію. Ну, а что будетъ господствовать послѣ этого...

— Послѣ? Это никому неизвѣстно. Ну, а теперь всюду господствуетъ, сообразно съ требованіемъ времени, всеобщій обманъ. Каждый хочетъ чѣмъ-нибудь сдѣлаться замѣтнымъ,

обратить на себя вниманіе, создать себѣ рекламу при помощи шума. Но все это не что иное, какъ афера однихъ и слѣпое повиновеніе другихъ, стадо, идущее безсознательно за своимъ вожакомъ...

— Вы смотрите слишкомъ мрачно, г. полковникъ, замѣтилъ Дегемейстеръ.

— Ну, а вамъ все это представляется въ болѣе розовомъ свѣтѣ?

— Скорѣе даже въ кровавокрасномъ. Но я не раздѣляю вашего взгляда, что все кругомъ одинъ обманъ и реклама. Много есть серьезнаго желанія, даже очень серьезнаго, и не всѣ стремятся только къ обладанію и богатству.

— Да, но кто владѣетъ богатствомъ, тотъ и господствуетъ, и люди будутъ всегда сражаться изъ-за этого, пока имъ будутъ напускать туману въ головы, чтобы держать ихъ въ умственномъ и физическомъ порабощеніи.

— Вотъ, именно отъ этого-то и желаетъ избавить ихъ соціализмъ, возразилъ Арольдъ.

— Хотѣть и мочь—это не одно и то же. Холопство и византизмъ, облеченные въ мундиръ, рясу и широкополую шляпу, находятся надъ нами и бороться съ ними былъ бы напрасный трудъ... Ничто не поможетъ. Современное человѣчество нахлобучило на свой черепъ окропленную святою водой каску, украшенную бѣлою и желтою металлическою бляхой, далеко распространяющею свой блескъ, и чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ въ этомъ сіяніи, не безпокоясь о томъ, что голова его превратилась въ болванку...

— Простите,—прервалъ его Арольдъ,—человѣчество вовсе не чувствуетъ себя счастливымъ; поэтому и существуетъ такое желаніе создать иное положеніе вещей. Иные стремятся къ этому въ экономической области, другіе въ религіозно-нравственной, какъ мой другъ Кремеръ.

— И это также! Вѣдь еще Фридрихъ, названный великимъ, говорилъ: „Позаботьтесь насадить религію", или вотъ другое его выраженіе, которое также сюда подходитъ: „Вы что-жъ это, собаки, хотите вѣчно жить?"—Бѣднякъ получитъ утѣшеніе на томъ свѣтѣ, и поэтому на этомъ его можно было эксплуатировать...

— Теперь вы разсуждаете, какъ настоящій соціалъ-демократъ,—сказала Людмила, смѣясь.

— И поэтому-то вы на меня такъ смотрите своими милыми глазками? Ахъ, барышня, барышня! Я бы хотѣлъ, чтобъ такія гадкія слова не получали доступа въ вашу свѣтлую, молодую душу...

— Какія же это гадкія слова? Вѣдь соціалъ-демократы не...

— Такъ называется политическая партія. Въ политическомъ же мірѣ подлость господствуетъ эндемически; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ заглянуть въ газеты.

Двери открылись, чтобы впустить вновь прибывшихъ. Это были Удальрихъ фонъ-Эренбергъ и Леопольдъ Кронъ. Они не были знакомы другъ съ другомъ и только случайно вошли вмѣстѣ. Польди—ни за что бы онъ не позволилъ называть себя Леопольдомъ—былъ сыномъ богатаго домовладѣльца въ Форштадтѣ. Онъ былъ слишкомъ толстъ для своихъ двадцати пяти лѣтъ, причемъ у него было совершенно дѣтское лицо, на которомъ, какъ-будто была намалевана бородка при помощи закопченной пробки. Нѣкоторые изъ его пріятелей называли его „лицомъ для пощечинъ".

Дѣйствительно, его круглыя, жирныя, красныя и лоснящіяся щеки, словно приглашали къ этой процедурѣ, тѣмъ болѣе, что все лицо его было проникнуто самодовольствомъ и надменностью. Людмила познакомилась съ нимъ въ домѣ германскаго консула—Кронъ былъ двоюроднымъ братомъ его жены, и поэтому она не могла закрыть для него двери своего салона, что сдѣлала бы, однако, очень охотно. Между тѣмъ его общество было ей особенно непріятно. Влюбленные взгляды и мечтательный видъ, который онъ напускалъ на себя въ ея присутствіи, были ей противны. Къ счастью, его визиты были рѣдки. Его разнообразныя занятія, манежъ, фехтовальный залъ, балетныя кулисы, отнимали у него слишкомъ много времени, и „для церемонныхъ визитовъ къ молодымъ дамамъ" оставалось его слишкомъ мало. Однако, разъ въ двѣ недѣли онъ неизмѣнно являлся, убѣжденный, что Людмилѣ очень льститъ его ухаживаніе, и что это возвышаетъ ее въ глазахъ другихъ.

Какъ только онъ вошелъ, всѣ остальные гости встали и начали прощаться, и на этотъ разъ ихъ уже нельзя было удержать.

— Для меня это слишкомъ много!—шепнулъ Арольдъ Людмилѣ. Она улыбнулась и сказала:

— Итакъ, вы меня оставляете на съѣденіе!..

Арольдъ улыбнулся многозначительно и, пожавъ ей руку, направился къ двери.

— Я надѣюсь еще разъ увидѣть васъ, г. фонъ-Дегемейстеръ,—сказала ему Людмила на прощаніе.

— Это не входитъ въ мою программу, фрейлейнъ. Я долженъ завтра рано утромъ уѣхать изъ Вѣны.

— О!..—проговорила она, и въ этомъ словѣ прозвучало разочарованіе.—Ну, а вы, г. Арольдъ, вы должны еще дать мнѣ обѣщанныя разъясненія. Вѣдь, вы для этого пришли сюда.

— Это невозможно при данныхъ условіяхъ. Въ будущій разъ...

— Г. Кремеръ, я надѣюсь, что и вы, въ слѣдующій разъ, больше посвятите меня въ свои планы.

Браль, Эренбергъ и Кронъ, представленные другъ другу, вступили въ разговоръ. Фрау Даріонъ также обмѣнялась съ ними нѣсколькими словами, но затѣмъ углубилась въ свое вышиваніе и уже болѣе не вмѣшивалась въ ихъ бесѣду, которая приняла оживленный характеръ. Людмила, однако, была разсѣяна. Мысли ея были заняты чужестранцемъ, который только что вышелъ изъ салона и котораго ей не суждено было больше увидѣть, такъ какъ онъ завтра долженъ былъ уѣхать изъ Вѣны. Людмила смотрѣла на пустое кресло, на которомъ онъ только что сидѣлъ, и ей казалось, что она видитъ его фигуру, и сквозь разговоръ гостей ей слышался звукъ его голоса, его слова: „Освобожденная жизнь—вотъ лозунгъ!“

— Позвольте спросить, въ какомъ полку вы служили? Совершили-ли вы бельгійскій походъ?—освѣдомился Эренбергъ у Браля.

— Я служилъ въ кавалеріи,—отвѣчалъ Браль.—Я, вѣдь, не австріецъ. Мой послѣдній походъ былъ противъ французовъ въ 1870 году. Моя родина Вюртембергъ.

Я въ Вѣнѣ проѣздомъ. Обыкновено весною я отправляюсь путешествовать въ тирольскія горы или въ сѣверную Италію. Это освѣжаетъ послѣ девятимѣсячнаго плѣна въ филистерскомъ гнѣздѣ.

— Какъ вы назвали это мѣсто?

— Собственно оно называется Решлингенъ, но я сказалъ вамъ нарицательное имя всѣхъ маленькихъ нѣмецкихъ городковъ, гдѣ такой бѣдняга, какъ я, отставной полковникъ, можетъ мирно проживать на свою пенсію и проводить вечера въ ресторанѣ. Мнѣ поневолѣ приходится дѣлать это, такъ какъ мои глаза ослабѣли и не выносятъ больше никакой работы при ламповомъ свѣтѣ.

— Но кто же работаетъ по вечерамъ?—замѣтилъ Польди Кронъ.—Притомъ вѣдь въ ресторанѣ можно встрѣтить много людей.

— Конечно, разныхъ министерскихъ совѣтниковъ, совѣтниковъ комерціи, чиновниковъ, офицеровъ на дѣйствительной службѣ и въ отставкѣ встрѣчается достаточно, но „человѣкъ“ встрѣчается тамъ рѣдко.

— Оставайтесь-ка въ Вѣнѣ, г. полковникъ,—воскликнулъ Польди.—Тутъ жизнь удивительно пріятна. Притомъ и устроиться можно дешево, вѣдь живетъ же тутъ цѣлая масса пенсіонеровъ. Вы тутъ всегда найдете и партію въ

карты и людей, съ которыми можете поболтать о политикѣ. Ну, а если вамъ захочется повеселиться, то я вамъ укажу мѣсто, гдѣ можно позабавиться, тутъ ихъ много!

— Да, я слышалъ кое-что о развлеченіяхъ здѣшняго изысканнаго общества.

— А я могу только посовѣтовать вамъ удалиться въ сельское уединеніе, г. полковникъ,—сказалъ Эренбергъ.— Тамъ, по крайней мѣрѣ, раздражаешься меньше... Мнѣ кажется, что вы именно изъ такихъ людей, которыхъ должны раздражать теперешнія условія. Вы, повидимому, стараго закала.

— О, какое заблужденіе!—воскликнула Людмила.—Дядя Браль самый современный человѣкъ. Послушали бы вы его, что онъ говорилъ только что передъ этимъ. А мы вѣдь разговаривали о самыхъ современныхъ вещахъ. Кстати, г. фонъ-Эренбергъ, что думаете вы о соціалистическомъ движеніи?

— Дорогая фрейлейнъ, не можетъ же быть, чтобъ вы интересовались чѣмъ-нибудь подобнымъ? Надѣюсь, что васъ оно еще не коснулось такъ же, какъ и меня. Крестьяне въ моемъ округѣ, да и вообще крестьяне, не занимаются такими вещами. Если появится къ намъ какой-нибудь проповѣдникъ соціализма, то его тотчасъ же выбрасываютъ вонъ. У насъ вліяніе духовенства очень сильно и очень благодѣтельно. По сосѣдству со мною есть нѣсколько фабрикъ, но и тамъ рабочіе еще не заражены этимъ ученіемъ. Опасность существуетъ только въ городахъ, такъ какъ тамъ всякіе подстрекатели чувствуютъ себя дома, адвокаты, евреи... Я вовсе не агрессивный антисемитъ, но терпѣть не могу евреевъ. Притомъ же въ городахъ существуетъ дѣйствительная нужда. Тамъ легко сбить съ толку бѣдняковъ, говоря имъ: мы отнимемъ у богатыхъ деньги и раздѣлимъ между вами. Надо бы запретить крестьянамъ отправляться въ города; тамъ господствуютъ нищета и порокъ. Страшно становится, когда объ этомъ думаешь! Но отчего же всѣ стремятся туда? А оттого, что всѣ хотятъ сдѣлаться богатыми и, если возможно, не работать? Къ чему это всѣ крестьянскіе сыновья да ремесленники хотятъ непремѣнно учиться? Нѣтъ, необходимо строгое раздѣленіе классовъ. Какую пользу можетъ принести образованіе простонародью? Да развѣ намъ оно приноситъ пользу? Я теперь уже совсѣмъ отдѣлался отъ того восхищенія, которое во мнѣ вызывала нѣкогда ученость... Люди все равно ничего не знаютъ, а благодаря надменному самомнѣнію, развиваемому у нихъ ученостью, теряютъ всякое уваженіе къ тайнѣ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы дѣйствительно талантливый человѣкъ, если даже онъ будетъ происходить изъ простонародья, сдѣлалъ

карьеру. Это открыто для всѣхъ. Но теперь каждый хочетъ быть министромъ, и никто не хочетъ пришивать подметки къ сапогамъ или пахать. Чѣмъ больше размышляешь о такомъ положеніи вещей, тѣмъ больше начинаешь негодовать на современныя идеи и сожалѣть о добромъ старомъ спокойномъ времени, когда каждый оставался въ рамкахъ своего сословія и не пробовалъ переступать ихъ. Въ природѣ вѣдь также нѣтъ равенства. Развѣ, напримѣръ, кустъ акаціи можетъ сравняться съ дубомъ? Люди теперь какъ будто совсѣмъ обезумѣли, поэтому я и стараюсь какъ можно меньше обращать вниманія на всѣ ихъ фантазіи и распри, да!

— Все, что вы говорите, не объясняетъ мнѣ ничего,— замѣтила Людмила.

— Я только высказалъ вамъ свое мнѣніе. Объясненій я самъ бы не могъ привести никакихъ.

— Но не слѣдуетъ-ли въ такомъ случаѣ—простите мнѣ это замѣчаніе—воздерживаться отъ заключеній относительно такихъ вещей, которыхъ не знаешь и которыхъ не можешь объяснить?

— Я прощаю вамъ это замѣчаніе, но отвѣчаю на него отрицательно. Да, я не могу дать объясненія, но вѣдь мы многаго въ жизни объяснить не можемъ, и слѣдовательно не должны имѣть почти ни о чемъ своего мнѣнія. Однако нельзя же не реагировать на впечатлѣнія, которыя получаешь, и это реагированіе и есть мнѣніе. Когда, напримѣръ, я вижу и слышу, что пролетаріи всѣхъ странъ намѣрены свергнуть дворянство и завладѣть ихъ собственностью, что разумѣется, не можетъ иначе совершиться, какъ путемъ насилія и кровопролитія, то у меня невольно слагается убѣжденіе, что это было бы несчастьемъ и безуміемъ, и что, чѣмъ раньше и сильнѣе будетъ подавлено такое движеніе, тѣмъ будетъ лучше. Эти черезъ-чуръ либеральные правители и политики приносятъ только вредъ. И притомъ они всегда бываютъ притѣснителями. Они даютъ свободу въ одномъ мѣстѣ и попираютъ, такимъ образомъ, чьи-нибудь исконныя права. Развѣ закрытіе монастырей Іосифомъ II было либеральнымъ актомъ? Развѣ онъ не лишилъ такимъ образомъ монаховъ и духовныхъ свободы такъ жить, какъ имъ угодно и развѣ онъ не отнялъ у нихъ ихъ сокровищъ? Да! Императоръ Іосифъ во мнѣ возбуждаетъ отвращеніе. Ну, а въ 48-мъ году? Если-бъ тогда дѣйствовали съ большею строгостью, если-бъ такой Виндишгрецъ, который подавилъ возстаніе въ Прагѣ, сдѣлалъ то же самое и въ Вѣнѣ, то всѣ сѣмена демократическихъ и демагогическихъ идей были бы уничтожены. Между тѣмъ теперь изъ этихъ сѣмянъ выростаетъ соціалъ-демократическая жатва, да!

— Но, право же, дѣла вовсе не такъ уже плохи! вмѣшался въ разговоръ Польди Кронъ.— Въ Вѣнѣ, въ особенности, намъ бояться нечего. Люди здѣсь слишкомъ добродушны и не станутъ заниматься подобными вещами и вопросами. Конечно, нужда существуетъ среди низшихъ классовъ, но положеніе ихъ улучшится, когда прекратится, наконецъ, жидовская конкурренція, и когда будетъ введенъ лучшій ремесленный порядокъ. Но объ этомъ мы предоставляемъ позаботиться нашимъ общественнымъ совѣтамъ и депутатамъ сейма, и намъ самимъ нечего безпокоиться. Фрейлейнъ, позвольте вамъ посовѣтовать не портить себѣ жизни такими мыслями. Не принимайте у себя извѣстныхъ людей, которые, Богъ вѣсть что вамъ болтаютъ—людей съ горбатыми носами и кривыми взглядами... я ужъ знаю, про кого говорю.

— И я знаю, сказала Людмила,—и настоятельно прошу васъ не отзываться такъ о моихъ друзьяхъ въ моемъ присутствіи. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ не говорить о нихъ такъ, какъ вы это только что сдѣлали. Я этого не могу вынести.

— О, прошу прощенія. Но я только говорилъ откровенно, какъ какой-нибудь кондукторъ трамвая. Когда я къ кому-нибудь почувствую антипатію, то большею частью всегда на повѣрку выходитъ, что это подозрительный субъектъ. Но, конечно, я могу ошибиться. Не истолковывайте этого въ дурную сторону.

Людмилой овладѣло тоскливое чувство. Какой лабиринтъ представляютъ изъ себя всѣ эти только что высказанныя мнѣнія! И зачѣмъ только существуютъ такіе противные люди, какъ этотъ Кронъ, разсуждающіе съ такою надменностью обо всемъ и всѣхъ и преисполненные къ тому же такимъ превыспреннимъ мнѣніемъ о собственной особѣ, вѣроятно на томъ основаніи, что они носятъ платье самаго послѣдняго моднаго покроя, и что носъ у нихъ извѣстной формы?

— Но, право же, Крону нечего такъ гордиться своимъ широкимъ, курносымъ носомъ... думала Людмила. Но и двое другихъ также произвели на нее непріятное впечатлѣніе. Этотъ Удальрихъ со своимъ недовѣріемъ ко всѣмъ стремленіямъ современной эпохи, ко всѣмъ завоеваніямъ современнаго духа! А между тѣмъ у него такая симпатичная и благородная наружность! Развѣ это не печально, что люди, которые борются и ищутъ, и которые всѣ силы, всѣ свои лучшія надежды полагаютъ на то, чтобы добиться лучшаго будущаго, болѣе яснаго пониманія вещей, вызываютъ къ себѣ такое отрицательное отношеніе, такое осужденіе? И развѣ не грустно, что эти самые все осуждающіе люди видятъ передъ

собою только враждебныя силы въ той современной жизненной борьбѣ, отъ которой они упрямо и обидчиво стараются укрыться въ прошлое,—такое прошлое, которое уже не можетъ воскреснуть? Но и полковникъ Браль также произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе. Въ его словахъ лежало столько горечи, столько высокомѣрнаго сомнѣнія и столько презрѣнія ко всему міру. Но развѣ міръ въ самомъ дѣлѣ достоинъ такого презрѣнія, такъ что даже не стоитъ стараться облагородить его? Развѣ надо считать безуміемъ всякую борьбу съ пошлостью, глупостью, грубостью и жадностью? И если онъ заблуждается, этотъ многоопытный человѣкъ, то какъ печаленъ и мраченъ долженъ быть его жизненный опытъ, чтобы вызвать въ немъ такое озлобленіе!

Разговоръ на эту тему продолжался еще нѣсколько времени; потомъ пришли дамы, и онъ, мало-по-малу, превратился въ свѣтскую бесѣду. Говорили о корсо цвѣтовъ, происходившемъ вчера, о театральномъ представленіи, оперѣ Масканьи, о скачкахъ, объ актрисахъ и актерахъ.

Полковникъ фонъ-Браль ушелъ первый, и, какъ видно было, онъ находился въ очень дурномъ настроеніи. Людмила шепнула ему при прощаніи:

— Вы не должны такъ выходить изъ терпѣнія, дядя Браль. До скораго свиданія.

— Мнѣ кажется я лишній, Фрея.

— Зачѣмъ вы называете меня именемъ сѣверной богини?

— Потому что оно къ вамъ подходитъ. Ваши глаза съ жадностью устремляются къ рунамъ и хотятъ прочесть ихъ. Притомъ Фрея совсѣмъ вашъ портретъ: молода, красива, полна любви и ѣдетъ въ колесницѣ, запряженной кошками. Прощайте, только одно: лифляндецъ внушаетъ мнѣ подозрѣніе.

VII.

Ночью Людмилѣ приснился Александръ фонъ-Дегемейстеръ. Ей снилось, что она катается въ Пратерѣ. Въ воздухѣ носятся лепестки цвѣтовъ. Она думаетъ: неужели не проѣдетъ тотъ, кого она любитъ и не броситъ ей букетикъ цвѣтовъ! Кого она любитъ? Да вѣдь она никого не любитъ! Вдругъ показалась коляска, запряженная... четверкою черныхъ кошекъ, и на высокомъ сидѣніи она увидѣла человѣка, лицо котораго, озаренное нѣжною улыбкой, было ей такъ знакомо! Это былъ Дегемейстеръ, и онъ бросилъ ей горсть цвѣтовъ на колѣни. Ахъ, такъ это онъ, о которомъ она мечтала! И Людмилу охватило несказанно радостное и блаженное чувство.

Отъ этого сна у нея осталось только ощущеніе горечи и неудовлетворенности. Она думала: какъ это грустно, что она никого не любитъ, такъ какъ, само собою разумѣется, проснувшись, она уже не помышляла о Дегемейстерѣ. А какъ было пріятно это ощущеніе во снѣ! Если бы она въ самомъ дѣлѣ могла полюбить кого-нибудь такъ, какъ ей казалось во снѣ, что она любитъ человѣка, бросившаго ей на колѣни цвѣты, какъ была бы полна ея душа! Она бы избавилась тогда отъ всѣхъ этихъ сомнѣній, вопросовъ и размышленій, отъ которыхъ страдаетъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ міромъ. Но, разумѣется, не Дегемейстера она могла бы полюбить! Напротивъ, онъ внушалъ ей какую-то робость, и теперь, когда она проснулась, она не могла снова воскресить то ощущеніе, которое она испытала во снѣ, ощущеніе любви къ нему. Этотъ сонъ только показалъ ей на опытѣ такъ ясно, какъ только возможно, что она будетъ испытывать, если полюбитъ на самомъ дѣлѣ. Въ сущности хорошо, что этотъ человѣкъ уѣзжаетъ, онъ бы могъ, пожалуй, сдѣлаться опаснымъ для нея. Арольду она запретитъ разъ навсегда приводить къ ней посѣтителей, не спросивъ предварительно у нея разрѣшенія, и въ особенности такихъ людей, которые могутъ казаться подозрительными ея друзьямъ, быть можетъ, даже искателей приключеній!...

Послѣ обѣда Людмила отправилась къ Бистурнамъ. Ею овладѣло сильное желаніе видѣть баронессу и говорить съ нею.

Слуга, отворившій ей двери, сказалъ, что ни баронессы, ни ея дочери нѣтъ дома, но онѣ вернутся черезъ полчаса. Дома только фрейлейнъ Марія.

— Ну, такъ доложите обо мнѣ фрейлейнъ Маріи.

Людмилу интересовала эта скрытная, замкнутая въ себѣ молодая дѣвушка, и ей хотѣлось узнать ее поближе, поэтому она охотно воспользовалась представившимся ей случаемъ побыть съ нею наединѣ.

Марія вышла въ салонъ, навстрѣчу Людмилѣ.

— Моя тетя будетъ такъ сожалѣть, сказала она.

— Я знаю, что ея нѣтъ дома, возразила Людмила,—но вѣдь она скоро вернется... Могу я подождать ее? Вы мнѣ позволите, въ этотъ промежутокъ времени, сдѣлать вамъ мой визитъ, фрейлейнъ?

— О, пожалуйста!... Не хотите ли сѣсть?

— Здѣсь?... Не лучше ли будетъ, если мы пойдемъ въ вашу комнату?

— Какъ вамъ угодно... Тогда пожалуйте сюда.

Марія говорила, потупивъ взоры и тономъ, въ которомъ слышалась робость. Она направилась къ двери, которая вела

въ жилыя комнаты. Ея безшумная, слегка скользящая походка подходила къ ея опущеннымъ взорамъ и выраженію смиренія, которое она усвоила себѣ. „Будьте скромны, дѣти!“ постоянно говорятъ монахини-учительницы, не допускающія, чтобы ихъ ученицы смотрѣли прямо и смѣло въ глаза, и чтобы онѣ выступали впередъ. Людмила уже раньше обратила вниманіе на эти манеры молодой дѣвушки и указала на это баронессѣ, но та возразила, что почти всѣ, получившія воспитаніе въ монастырскихъ школахъ, держатъ себя подобнымъ образомъ, въ особенности же такія ученицы, которыя отличаются прилежаніемъ и благочестіемъ. Однако, это скоро исчезаетъ у нихъ, послѣ того, какъ онѣ побываютъ въ свѣтѣ и возьмутъ нѣсколько уроковъ танцевъ. Но Марія ни за что не хочетъ учиться танцовать.

Людмилѣ хотѣлось непремѣнно побывать въ комнатѣ молодой дѣвушки, и такъ какъ она намѣрена была изучать характеры людей, то ей казалось, что обстановка, въ которой живетъ объектъ ея изученія, должна ей дать ключъ къ пониманію его характера.

И она не ошиблась. Войдя въ комнату Маріи, она сразу поняла, что тутъ нѣтъ мѣста свѣтскому духу; это ясно говорили ей стѣны комнаты, ея меблировка и сотни другихъ мелочей.

Узенькая желѣзная кровать стояла за ширмами и около нея въ углу молитвенная скамья. Въ головахъ кровати висѣло изображеніе Мадонны. Но это не былъ художественный образъ, какой-нибудь снимокъ съ картины Рафаэля или Мурильо, а грубо сдѣланное и раскрашенное изображеніе Божіей Матери, съ пронзеннымъ сердцемъ, окруженнымъ терніями. Надъ диванчикомъ, на полочкѣ, стояла гипсовая раскрашенная фигура Лурдской Богоматери. У окна—пяльцы съ полуоконченнымъ вышиваніемъ церковнаго покрова. На маленькомъ письменномъ столѣ, вокругъ чернильницы, разставлены были портреты родныхъ Маріи въ рамкахъ, а вправо отъ нихъ, въ большой прекрасной рамѣ, портретъ папы. Маленькая этажерка была наполнена книгами въ прекрасныхъ переплетахъ, а столикъ заваленъ газетами и брошюрами. Умывальникъ, небольшой шкафъ для платья и комодъ дополняли меблировку комнаты. Комодъ уставленъ былъ всевозможными вещицами; тутъ были шкатулочки, статуэтки, образки, четки и т. п. предметы, которые всегда можно найти во всякой лавчонкѣ, въ мѣстахъ паломничества. На стѣнахъ развѣшаны были священныя картины, большею частью изображенія мученій святыхъ; Mater Dolorosa у подножія креста, Іисусъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, св. Лаврентій на раскаленной рѣшеткѣ, св. Себастіанъ, пронзенный стрѣлами

и т. д. Единственное, что смягчало нѣсколько общее впечатлѣніе, производимое комнатой, были цвѣтущія растенія, стоящія въ горшкахъ на столикѣ, и нѣсколько вазъ съ букетами, наполнявшими комнату своимъ ароматомъ.

— Такъ вотъ ваше гнѣздышко, сказала Людмила, входя въ комнату и оглядываясь.—Немного напоминаетъ монастырь.

— О, нѣтъ... тутъ недостаточно просто. Видите эту голубую бархатную мебель, она слишкомъ роскошна... Но тетя ни за что не согласилась вынести ее отсюда. И такъ мнѣ много стоило труда удалить отсюда нѣкоторыя другія вещи. Подумайте только, что здѣсь было! Голубой пологъ надъ кроватью, туалетный столъ, убранный кружевами съ голубыми бантами, и огромное зеркало для одѣванія, такое высокое, какъ шкафъ.

— Ужасно!

— Вы смѣетесь, фрейлейнъ... Можетъ быть, для другихъ это и не такъ опасно—быть окруженными такими предметами, которые развиваютъ свѣтское тщеславіе... Я вижу многихъ, которыя живутъ подобнымъ образомъ и не терпятъ отъ этого никакого вреда. Но себя я все же хочу избавить отъ такого соблазна и предпочитаю, чтобы моя комната выглядѣла просто и скромно, и я могла бы, когда угодно, принять въ ней мать-настоятельницу, не опасаясь навлечь ея неудовольствіе.

— Боюсь, что вы не будете чувствовать себя счастливой, имѣя такіе взгляды и живя въ свѣтѣ.

— Это правда, фрейлейнъ Людмила; я бы предпочла оставаться въ монастырѣ. Но и тамъ меня постоянно мучили сомнѣнія. Я недостаточно хороша для такого святого призванія. Притомъ же и дядя съ тетей ни за что не хотѣли позволить мнѣ оставаться тамъ. Я покоряюсь ихъ рѣшенію и стараюсь, живя въ свѣтѣ, все-таки исполнять свои обязанности. Мать - настоятельница проповѣдывала мнѣ, что не слѣдуетъ постригаться въ монахини, не чувствуя къ этому непреодолимаго призванія. Она говоритъ, что послушныя дочери церкви и въ мірѣ могутъ найти много случаевъ дѣлать добро и оказывать благодѣтельное вліяніе, поэтому я и стараюсь теперь преодолѣвать свою робость. Прежде я совсѣмъ не могла говорить, особенно со свѣтскими людьми. Мнѣ всегда казалось, что между мною и ими лежитъ какая-то пропасть, но съ тѣхъ поръ, какъ я примкнула къ ордену св. Анжелики, я должна принуждать себя... Видите ли, существуютъ разные союзы и общества...

— Союзы и общества? Пожалуйста, разскажите мнѣ о нихъ.

— О, съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ... Быть можетъ, и вы согласитесь вступить. Вотъ было бы хорошо! прибавила она, внезапно покраснѣвъ.—Вы вѣдь богаты, и у васъ много друзей... Какъ бы вы могли помочь намъ! О милая, милая фрейлейнъ, въ самомъ дѣлѣ, вы должны...

Она не могла говорить отъ волненія. Людмила, улыбаясь, покачала головой.

— Побольше спокойствія, мой маленькій апостолъ, сказала она.—Вѣдь я совсѣмъ не знаю, что вы отъ меня хотите. Позвольте-ка мнѣ пересмотрѣть вашу библіотеку и заглянуть въ эти тетрадки. Быть можетъ, это дастъ мнѣ руководящую нить.

Людмила подошла къ этажеркѣ и стала разсматривать названія книгъ на корешкахъ.

— Тутъ вы ничего не найдете, милая фрейлейнъ. Тутъ все больше книги, полученныя мною въ награду на экзаменахъ. Среди нихъ много дѣтскихъ книгъ. А вотъ тутъ новыя книги, которыя я пріобрѣла для себя дня два тому назадъ.

Людмила посмотрѣла заглавія: „Изъ тридцатилѣтней войны“, „Нравы стараго Рима“ (два толстыхъ тома), „Пѣснь Нибелунговъ“, „Біографіи императоровъ изъ Габсбургскаго дома“, „Дикій западъ, индѣйскіе военные разсказы“.

— Какъ вамъ пришло въ голову выбрать именно эти книги для чтенія?

— Я обратилась къ одной изъ моихъ наставницъ, къ матери Бернардинѣ, къ которой я чувствую большое довѣріе, и просила ее указать мнѣ книги для чтенія. Тетя и Нанетта приставали ко мнѣ, чтобы я читала другія книги, кромѣ монастырскихъ священныхъ исторій. Ну, вотъ я и обратилась къ матери Бернардинѣ съ просьбой указать мнѣ, какія книги, изъ свѣтскихъ книгъ, я бы могла прочесть безъ вреда для себя, и нѣтъ ли такихъ романовъ и повѣстей, которые годились бы для меня. Она отвѣчала: „романы и повѣсти?—Ни въ какомъ случаѣ! Но мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы наши ученицы познакомились съ настоящимъ міромъ изъ книгъ, но только не съ тѣмъ міромъ, который изображается нѣкоторыми писателями. Интересныхъ свѣтскихъ книгъ можно найти не мало“. И она дала мнѣ списокъ, по которому я и заказала для себя книги.

— Мнѣ кажется, что это какъ разъ такія книги, которыя могутъ отбить у васъ опасную охоту къ чтенію... во всякомъ случаѣ, онѣ скучны. Ну, а беллетристическія вещи воспитанницы монастырей не должны читать?

— Пока онѣ учатся, конечно, нѣтъ. Но и потомъ имъ совѣтуютъ воздерживаться отъ такого чтенія. Для тѣхъ же,

которыя во что бы то ни стало хотятъ познакомиться съ такою литературой, существуетъ дамская библіотека, гдѣ можно найти только такія произведенія, которыя не противорѣчатъ духу римско-католической церкви и нравственности.

— Ну, а классики? Позволяется ли вамъ, напримѣръ, читать Гете?

— Богъ мой, разумѣется, нѣтъ! Вотъ была однажды ужасная сцена... цѣлая исторія! Одна изъ нашихъ подругъ прочла дома, по приказанію родителей, Шиллера и Гете, и разсказала объ этомъ въ классѣ. Объ этомъ сообщили настоятельницѣ. Виновницу подвергли допросу, и она сказала, что это родители велѣли ей. Тогда настоятельница написала письмо ея отцу, и тотъ отвѣчалъ, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться и оставляетъ за собою право давать своей дочери тѣ книги, которыя находитъ полезными. Разумѣется, дѣвочку послѣ этого выключили. Вотъ было волненіе! Обыкновенно намъ ничего не сообщаютъ о томъ, что дѣлается, но въ этомъ случаѣ намъ разсказали все, чтобы предостеречь насъ.

— Значитъ, вы совсѣмъ не знакомы съ нѣмецкими писателями? Ну, а съ французскими писателями? Дозволяется-ли вамъ читать такихъ поэтовъ, какъ Ламартинъ?

— О, Ламартинъ отвергается, какъ черезъ-чуръ сантиментальный писатель.

— А Викторъ Гюго?

— Но, фрейлейнъ Людмила! Викторъ Гюго и Вольтеръ— они вѣдь ужасны! Ихъ имена произносятся не иначе, какъ съ отвращеніемъ...

— И притомъ вмѣстѣ! Это удивительно. Покажите-же мнѣ теперь ваши журналы. Я вижу ихъ тутъ много.

Людмила взяла со стола нѣсколько журналовъ и стала читать ихъ заглавія: „Новые будящіе голоса", „Цвѣты Маріи", иллюстрированный ежемѣсячникъ для поощренія поклоненія Св. Дѣвѣ Маріи (Органъ братства: „Сердце Маріи" и „Королевы Ангеловъ"), „Призваніе Церкви", слово утѣшенія и предостереженія католическаго епископа; „Доброе дитя", приложеніе къ Христіанской семьѣ; „Посланный св. Іосифа" (изданіе доктора Іосифа Декерта, священника въ Вейнгаузѣ и комитета молитвеннаго ферейна для поощренія постояннаго поклоненія св. Іосифу); „Католическія миссіи", „Настольная книга для членовъ III ордена", „Апостолатъ христіанской дочери" листокъ св. Анжелики.

— Это самое важное, по крайней мѣрѣ для меня, замѣтила Марія, указывая на листокъ,—такъ какъ я принадлежу къ ферейну св. Анжелики и мнѣ дали Апостолатъ для выполненія.

— Въ чемъ же онъ заключается?

— Я должна стараться, по мѣрѣ своихъ силъ, обратить на путь спасенія окружающихъ и тамъ, гдѣ не могу дѣйствовать словами, должна дѣйствовать молитвой и примѣромъ. Ахъ, вы можете повѣрить мнѣ, фрейлейнъ Людмила, это мнѣ не легко... въ особенности потому, что я очень робка. Я никакъ не могу заставить себя говорить съ чужими. Вы, вѣроятно, уже замѣтили, тамъ, за столомъ, и въ салонѣ, я совсѣмъ не открываю рта. То, что я съ вами, теперь, разговариваю такъ свободно, я и сама не знаю, какъ это случилось. Можетъ быть это потому, что вы здѣсь находитесь въ моей комнатѣ, среди моихъ вещей. Притомъ-же вы разспрашивали меня съ такою живостью о ферейнахъ, интересовались моимъ чтеніемъ. Это сломило ледъ. И я надѣюсь, что принесу пользу нашему движенію.

— Движенію? Что вы хотите сказать этимъ?

— Я говорю о католическомъ движеніи. Видите, вотъ тутъ журналъ, онъ такъ и называется.

— Но я не могу взять въ толкъ. Вѣдь существуетъ только одна католическая церковь, достаточно сильная и пользующаяся уваженіемъ. Вотъ Папа управляетъ цѣлымъ міромъ вѣрующихъ; всѣ общественныя учрежденія, поведеніе двора и правительства, все это подчинено католической церкви, по крайней мѣрѣ, по внѣшности. Къ чему же католическое движеніе?

— Къ чему?—Марія взяла въ руки одинъ изъ номеровъ журнала.—Я сейчасъ отвѣчу вамъ. Какъ разъ сегодня я прочла въ этомъ номерѣ одно мѣсто, которое можетъ служить отвѣтомъ на вашъ вопросъ. Гдѣ это было?.. Да, вотъ здѣсь, въ проектѣ руководства для членовъ III ордена. Авторъ, Патеръ Норбертъ Штокъ,—слушайте!—говоритъ: „Въ такое время, когда словомъ и писаніемъ дѣлается многое, чтобы отвратить христіанскій народъ отъ Бога и святой церкви и извратить добрые нравы, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо дать вѣрующимъ твердую и прочную опору для ихъ міровоззрѣнія и для ихъ поведенія и дѣятельности. Если ужъ дѣти тьмы употребляютъ всѣ мѣры, чтобы распространить въ мірѣ духъ невѣрія, распущенности и забвенія Бога, то въ высшей степени своевременно сплотить тѣхъ, кто не покидалъ истиннаго пути и указать на путь спасенія, который можетъ быть достигнутъ только черезъ святую церковь и ея учрежденія...

Марія положила назадъ журналъ.

— Удивительно! удивительно!

— Что тутъ удивительнаго? Почему вы такъ смотрите, фрейлейнъ Людмила? О чемъ вы думаете?

— О, пустяки!.. Людмила не хотѣла сказать Маріи, что собственно ее поразило. Это были тѣ самыя слова, которыя ей сказалъ Кремеръ: „Вы богаты и имѣете связи. Вы можете намъ помочь и посодѣйствовать движенію". Ихъ повторила теперь и эта благочестивая воспитанница монахинь, значитъ, вездѣ, со всѣхъ сторонъ, существуетъ такое-же разыскиваніе средствъ для пропаганды идей, которыя должны направить теченіе культуры по определенному пути. У всѣхъ одинаковые пріемы, а между тѣмъ какъ различны цѣли! Тамъ этическое движеніе, которое старается освободить нравственность изъ подъ ига колеблющихся догматовъ и сдѣлавъ ее независимой, перенести во всѣ области, а здѣсь, тоже при посредствѣ союзовъ и обществъ, стремятся укрѣпить догматы, подавить свободный духъ изслѣдованія... И все же, несмотря на все противорѣчіе этихъ стремленій, тутъ существуетъ единодушіе въ томъ, что каждый воодушевленъ горячимъ желаніемъ истины и стремится распространить эту истину, добродѣтель и благо (будетъ-ли оно заключаться въ небесномъ блаженствѣ или земномъ благосостояніи), какъ можно шире и сдѣлать ихъ достояніемъ многихъ, если не всѣхъ. Оттого и борьба, и угрозы, и страхъ, и обвиненія въ ереси—всѣ тѣ бѣдствія, которыя обрушиваются, если не на всѣхъ, то на очень многихъ!

Душу Людмилы пронизала дрожь, и ею овладѣло смутное и неудержимое желаніе, которое испытываетъ человѣкъ, когда ему угрожаютъ стихіи, укрыться куда-нибудь въ спокойный, укромный уголокъ и ничего не слышать, не знать объ этой стихійной борьбѣ.

— О, милая фрейлейнъ, я вижу по вашему лицу, вы потрясены. Быть можетъ, васъ осѣнила милость Божія... Подите, сядьте тутъ возлѣ меня, поговоримъ. Я была-бы такъ счастлива найти подругу, сотрудницу, которой бы я могла вполнѣ довѣриться.

— Дорогая моя, мнѣ кажется, вы ошибаетесь, но если вамъ это доставляетъ облегченіе, то вы можете вполнѣ довѣриться мнѣ. Повидимому, вы несчастливы...

— Оттого что я окружена столькими искушеніями, и оттого что я сама такое слабое, неустойчивое созданіе... и у меня нѣтъ никого, кому бы я могла все сказать!

— Между тѣмъ вы окружены такими прекрасными людьми. Вашъ дядя...

— Развѣ вы не знаете?.. О, да, онъ очень добрый, очень хорошій человѣкъ, но развѣ вы не знаете, что онъ... что онъ—она понизила голосъ,—что онъ либералъ!

Людмила невольно разсмѣялась.

— Развѣ вы знаете значеніе этого слова? сказала она.—

Развѣ вы посвящены также и въ политическіе вопросы? Я не думаю.

— Въ политикѣ я ничего не понимаю, но что касается либерализма...

— Это слово такъ комично звучитъ въ вашихъ устахъ.

— Это вовсе не комичное слово, замѣтила Марія.—Либерализмъ—это я читаю во всѣхъ этихъ журналахъ, и мой наставникъ часто повторяетъ мнѣ это, либерализмъ—страшное заблужденіе. Одна изъ моихъ главныхъ обязанностей—это добиваться, чтобы въ домъ не попадала отвратительная либеральная печать, но дядя и тетя выписываютъ именно только такія нечестивыя газеты. На „Vaterland", „Deutsches Volksblatt" они подписываться не хотятъ. Я не знаю этихъ газетъ, потому что политика вообще не подходящее занятіе для молодой дѣвушки, но по совѣту моего духовника я обратилась все-таки къ дядѣ съ просьбой, чтобы онъ читалъ благонамѣренныя газеты, а онъ меня высмѣялъ. Либерализмъ,—да, вы правы, это такое слово, которое выговаривается съ трудомъ, потому что оно отвратительно звучитъ. Это страшное зло, которое должно соприкасаться,—она еще больше понизила голосъ,—съ масонствомъ.

— А развѣ это уже такъ дурно? Я мало знакома съ этимъ союзомъ, но знаю все-таки многихъ, очень почтенныхъ, высокопоставленныхъ и прекрасныхъ людей, которые принадлежатъ къ нему.

— По всей вѣроятности, они были обмануты. Это сатанинскій союзъ. Самъ духъ тьмы...

— Вы это говорите серьезно?

— Вы мнѣ не вѣрите? Хотите доказательствъ? — Она встала и, подойдя къ столику, на которомъ лежали газеты, достала какой-то номеръ. — Это старый номеръ отъ 87-го года. Мой духовникъ далъ мнѣ его, потому что тамъ разъясняется, что такое масоны.

Она раскрыла тетрадь. Это былъ № 2-й „Новыхъ будящихъ голосовъ". Марія положила его передъ Людмилой на столикъ и, обнявъ ее лѣвою рукой за плечи, указательнымъ пальцемъ правой руки водила по страницамъ журнала, останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, на которыя она желала обратить ея особенное вниманіе. Статья называлась: „Кроты".

— Кроты, пояснила Марія, это — масоны. Они роются въ темнотѣ. Вотъ посмотрите.

И она прочла нѣсколько строкъ громко.

— Какая гадость!—проговорила Людмила.

— Неправда - ли? воскликнула Марія. — Но слушайте дальше: „Они боятся дневного свѣта, потому что скрываютъ

свои злыя дѣянія". Это какъ разъ относится къ масонамъ. Они дѣлаютъ это потому, что главнымъ гросмейстеромъ ихъ ордена состоитъ самъ сатана. Они смѣются и надъ его существованіемъ и надъ его могуществомъ, но въ сущности стремятся только къ тому, чтобы обладать этимъ могуществомъ. Чѣмъ меньше мы боимся сатаны, чѣмъ меньше обращаемъ на него вниманія, тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ онъ дѣйствовать. Церковь, которая непрерывно слѣдитъ за дѣйствіями и интригами ада, постоянно призываетъ: „Братья, молитесь и бодрствуйте, ибо дьяволъ подстерегаетъ васъ и бродитъ какъ рыкающій левъ, ища, кого бы онъ могъ поглотить"... Судя по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, союзъ масоновъ все расширяется. Тутъ перечислены всѣ ложи, но это намъ неинтересно. А вотъ тутъ говорится въ заключеніе: „Въ общемъ „работаютъ" или агитируютъ 505 ложъ. Въ Австріи къ масонству принадлежатъ 19 союзовъ или кружковъ. Въ одной только Вѣнѣ существуетъ восемь такихъ ложъ и кружковъ, во главѣ которыхъ стоятъ евреи и либеральные адвокаты. Либералы причисляются туда же, какъ вы видите!

— Вижу.

— Будемъ читать дальше: „Масонство вовсе не преслѣдуетъ ни благотворительныхъ, ни человѣколюбивыхъ цѣлей. Нельзя также сказать, чтобы оно служило только цѣлямъ развлеченія и заключалось бы лишь въ извѣстныхъ церемоніяхъ, которыми забавляются его члены. Въ сущности же это общество является тайнымъ союзомъ, скрывающимъ подъ этою комедіей свои цѣли, направленныя къ политическому и соціальному перевороту. Оно основывается на обманѣ и дѣйствуетъ обманомъ". Ну что скажете вы, фрейлейнъ Людмила.

— Я скажу, что обманъ и ложь конечно очень дурныя вещи.

— Неправда-ли? Итакъ, дальше: „Первою обязанностью вступающаго въ этотъ союзъ считается абсолютное молчаніе и послушаніе. Онъ долженъ дать отвратительную клятву, что будетъ соблюдать эти правила, и, связанный и запуганный такою присягой, онъ становится послушнымъ орудіемъ, но за то извлекаетъ матеріальныя выгоды въ практической жизни изъ своего положенія, такъ какъ каждый „изъ братьевъ" обязывается помогать и содѣйствовать всѣми способами члену своего братства, хотя бы онъ былъ ему совершенно чужой и даже на войнѣ, какъ непріятелю, онъ обязанъ оказывать ему помощь. Страхъ и матеріальныя выгоды—это двѣ могучія пружины человѣческой жизни". Ну что же вы скажете?

— Я скажу, что обязанность помогать каждому требуетъ столько же матеріальныхъ жертвъ съ одной стороны, сколько она приноситъ выгодъ другой сторонѣ. Но развѣ христіанская заповѣдь не учитъ насъ тому-же самому, любви и состраданію, даже къ врагамъ?

Марія смутилась.

— Да, это конечно... проговорила она.—Впрочемъ и я не совсѣмъ хорошо понимаю это мѣсто, но... если чего-нибудь не понимаешь вполнѣ ясно, то не слѣдуетъ все-таки останавливаться на этомъ и дозволять сомнѣніямъ закрадываться въ свою душу. Дальше вы увидите, какъ все ясно: „Просматривая правила пріема въ этотъ тайный союзъ, мы найдемъ тамъ множество церемоній, молитвъ и всякихъ хорошозвучащихъ рѣчей, которыя должны служить для назиданія членовъ низшихъ степеней, если только они еще сохранили вѣру. Но эти введенные въ заблужденіе люди не знаютъ истиннаго значенія тѣхъ словъ и понятій, которыя имъ внушаются и которыя открываются только тому, кто переходитъ уже въ высшую степень. Поэтому мы и считаемъ своимъ долгомъ раскрыть имъ глаза и сказать, что подъ именемъ „Создателя міра“, „Владыки міра“, „Свѣта“ и т. д., здѣсь подразумѣвается вовсе не творецъ міра, а Его противникъ. „Его противникъ!“ Вы понимаете, кто это?

Марія проговорила послѣднія слова шепотомъ и съ дрожью въ голосѣ.

— Нѣтъ, я не совсѣмъ понимаю это. Какъ могутъ масоны подразумѣвать то, во что они сами не вѣрятъ?.. Впрочемъ, вы, я вижу, тоже меня не понимаете. Вообще, я думаю, мы не понимаемъ другъ друга, фрейлейнъ Марія.

Она оттолкнула номеръ журнала рукой и встала.

— О, какъ это грустно! проговорила Марія со вздохомъ.—Мнѣ бы такъ хотѣлось многое довѣрить вамъ.

— Если это не касается религіи.

— Да, и то, что не касается религіи. Конечно, религіозные вопросы—самые важные вопросы въ жизни, но есть еще и другое, что тяготитъ мою душу. Я здѣсь нахожусь въ домѣ несчастья.

— Но, милое дитя, какъ вы можете говорить что-нибудь подобное! воскликнула Людмила, снова садясь на диванъ.— По моему, семья Бистурновъ—это идеалъ семейнаго счастья.

Марія покачала головой: „Предстоятъ тяжелыя испытанія“, пробормотала она.

— Что вы хотите сказать? Вы думаете, что Альбрехтъ доставитъ горе своимъ родителямъ? Почему вы такъ покраснѣли... и снова поблѣднѣли? Я угадала?

— О, нѣтъ! Своимъ родителямъ Альбрехтъ не причинитъ никакого горя.

— Значитъ онъ причинитъ его вамъ? Будьте со мною откровенны, моя маленькая Мари. Я, впрочемъ, это уже замѣтила раньше: вы не совсѣмъ равнодушны къ своему кузену. Вы не влюблены-ли въ него, Мари, мое дитя?..

Молодая дѣвушка, ничего не отвѣчая, спрятала свое раскраснѣвшееся личико на плечѣ Людмилы.

— Голубушка моя, разскажите мнѣ все, сказала ей ласково Людмила, поднимая ея голову за подбородокъ.—Тутъ мы поймемъ другъ друга гораздо лучше, нежели въ вопросѣ о Сатанѣ—гросмейстерѣ масонскаго ордена. Скажите, вы влюбились, Марія?..

— О Боже! О Боже, простонала молодая дѣвушка.—Но я преодолѣю это, Людмила... вы позволите называть васъ такъ?.. Благодарю. Я должна это преодолѣть, потому что это грѣхъ и потому что это чувство безнадежно. Онъ не думаетъ обо мнѣ, и притомъ онъ такъ же, какъ и его отецъ, одержимъ тѣмъ-же страшнымъ заблужденіемъ.

— Какимъ? Ахъ, да, я забыла, вы говорите о либерализмѣ!

— Да и къ тому же влюбляться не должно. Это слабость, грѣхъ...

— Что за пустяки!

— Самое слово любовь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно означаетъ милосердіе, не должно произноситься. Если случалось, что это слово попадалось въ какой-нибудь книгѣ, то во время чтенія мы должны были пропускать его. Если-же кто-нибудь забывалъ это исполнить, то всѣ мы и даже монахини смущались этимъ. Многія изъ ученицъ начинали судорожно смѣяться, чтобы скрыть свое замѣшательство. Да, я знаю, что это нехорошо, непростительно съ моей стороны, и я борюсь съ этимъ, насколько могу. Но мнѣ приходится встрѣчаться съ нимъ ежедневно и каждую ночь я вижу его во снѣ!

Людмила невольно вспомнила тутъ и о своемъ снѣ. Вѣдь и она тоже была влюблена во снѣ! Жаль, что это былъ только сонъ! Впрочемъ, нѣтъ, этотъ чужой человѣкъ казался такимъ страннымъ, такимъ подозрительнымъ, и полюбить его, не во снѣ, а на яву, къ счастью было совершенно невозможно.

— Бѣдняжка Мизи, сказала она нѣжно.—Только не надо падать духомъ... Можетъ быть, онъ будетъ отвѣчать на эту любовь, или-же это чувство пройдетъ. Это неправда, что любить можно только одинъ разъ. Каждая молодая дѣвушка бываетъ влюблена подобнымъ образомъ и думаетъ,

что сердце ея разорвется, а годика черезъ два изъ памяти изглаживается даже образъ того, безъ котораго жизнь казалась невозможной. Но вѣдь это не то, что вы хотѣли сказать, когда намекнули о несчастьи, которое должно обрушиться на домъ Бистурновъ?

— Нѣтъ, я не думала объ Альбрехтѣ, говоря это, а о Нанеттѣ.

— Ага, я понимаю. Нанетта тоже влюблена. Это я замѣтила тогда въ Пратерѣ. Но что-жъ за бѣда! Вѣдь это только въ строгихъ глазахъ любовь большое несчастье, Мизи, я же думаю, что все это кончится веселымъ обрученіемъ...

— Нѣтъ, Людмила, это не то. Бѣдная Нанетта и бѣдная тетя! Все это очень, очень печально.

И она разсказала Людмилѣ, что Нанетта страдаетъ легочною болѣзнью, которая неминуемо должна унести ее въ могилу въ скоромъ времени. Она кашляетъ уже давно, и поэтому мать повезла ее къ одному спеціалисту по груднымъ болѣзнямъ, который сказалъ, что необходимо беречься, но ничего не говорилъ объ опасности. Только одной своей знакомой дамѣ онъ сказалъ прямо, что фрейлейнъ Бистурнъ обречена. Случайно оказалось, что у Маріи и у этой дамы одинъ и тотъ же духовникъ, вотъ онъ и обратилъ вниманіе Маріи на опасность, которая угрожаетъ ея кузинѣ и поставилъ ей на видъ, что она должна все сдѣлать, чтобы спасти душу Нанетты и заставить ее достойнымъ образомъ готовиться къ смерти, а не проводить послѣднихъ дней своей жизни въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, которыя грозятъ погубить ея душу. Но у Маріи до сихъ поръ не хватало духу открыть страшную истину теткѣ или кузинѣ, и вотъ это обстоятельство доставляетъ ей неимовѣрныя терзанія совѣсти.

Людмила была глубоко потрясена. Она просила Марію ни въ какомъ случаѣ ничего не говорить. Вѣдь врачъ могъ ошибиться, и затѣмъ, развѣ это не было бы жестокостью преждевременно открывать глаза этой жизнерадостной дѣвушкѣ и ея несчастной матери на то, что ихъ ожидаетъ?.. Людмила заставила Марію дать обѣщаніе, что она будетъ молчать, а сама рѣшила пойти къ этому врачу и разспросить его; возможно вѣдь, что эта дама или патеръ все преувеличили.

Простившись съ Маріей, она отправилась прямо домой. Оставаться у Бистурновъ послѣ того, что она узнала и видѣть ничего не подозрѣвающую мать, она была не въ состояніи и поэтому поторопилась уйти.

Фрау Даріонъ встрѣтила ее съ восклицаніемъ:

— Что съ вами случилось, Людмила, вы страшно блѣдны?

Но Людмила не хотѣла пускаться въ объясненія и, сославшись на головную боль, удалилась въ свою комнату.

Заперевъ двери, она кинулась на кровать и горько заплакала.

VIII.

Фрау Даріонъ подошла къ двери и постучала.

— Полковникъ Браль пришелъ. Должна я ему сказать, что вы не можете выйти?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила поспѣшно Людмила.—Примите его. Я сейчасъ выйду.

Она быстро промыла глаза холодною водой и отправилась въ салонъ.

— Добро пожаловать, г. полковникъ. Вы и представить себѣ не можете, какъ мнѣ пріятенъ вашъ визитъ. Мнѣ хочется говорить именно съ вами и только съ вами! сказала Людмила.

— Не будь я такъ старъ, то какъ бы обрадовали меня ваши слова! Но теперь я ищу въ нихъ иной смыслъ. Вѣдь если вы хотите говорить со мною и только со мною, старымъ ворчуномъ, то, значитъ, съ вами случилось нѣчто непріятное. Ваши свѣтлые глазки даже какъ будто заплаканы? Что съ вами случилось?

— Со мною лично, ничего, дядя Браль. Вы угадали, я плакала, но я такъ грустно, грустно настроена. Скорбь міра...

— Противъ этого есть только одно средство: не заботьтесь о мірѣ. Онъ этого не стоитъ. Онъ будетъ продолжать, этотъ міръ, творить глупости и преступленія по прежнему, не взирая на огорченіе однихъ и на стремленіе другихъ исправить его. Этотъ міръ вовсе не желаетъ ни исправиться, ни поумнѣть. Такіе, какъ Джіордано Бруно, всегда будутъ, во всякія времена, предаваемы сожженію тѣмъ или инымъ способомъ.

— Такъ все ужасно, дорогой другъ! Люди борются другъ съ другомъ, клевещутъ, преслѣдуютъ другъ друга, и это не только во имя злобной ненависти, но и во имя святой любви и самой душеспасительной добродѣтели. И природа не менѣе жестока. Смерть подкрадывается къ счастливымъ людямъ и разрушаетъ ихъ счастье, это я сегодня узнала.

— Какъ? Вы получили извѣстіе о чьей-нибудь смерти? Можетъ быть, кто-нибудь, дорогой вамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я же вамъ сказала, что лично меня это не касается, у меня нѣтъ дорогихъ людей. Я одинока въ мірѣ.

— Вотъ это и дурно. Вы не должны быть одинокой. Выходите замужъ, любите... Одиночество хуже всего.

— Нѣтъ, по моему хуже жить съ нелюбимымъ человѣкомъ или потерять дорогого человѣка. Вѣдь вы тоже одиноки, не такъ ли?

— Я другое дѣло. У васъ же есть все: молодость, богатство, здоровье.

— А вы развѣ больны?

— Самая старость уже есть болѣзнь, за которою слѣдуютъ многія другія: утомленіе жизнью, отвращеніе ко всей этой условной и неусловной лжи, безсонница... Ну, а у меня это еще осложняется наклонностью къ поэтическому творчеству, отъ которой я не могу отдѣлаться, хотя она собственно должна быть присуща только юности. Я не могу перестать писать стихи. Но скоро, скоро оборвутся послѣднія струны... Палитру я и такъ уже давно долженъ былъ бросить; зрѣніе постепенно покидаетъ меня. Такъ все уходитъ, одно за другимъ: это и называется старостью. Къ тому же меня раздражаетъ рисованіе. Я написалъ пару картинъ, которыя, право же, были не дурны, но ихъ не приняли на выставку, потому что они не подходили подъ современныя требованія. Боже, сжалься надъ искусствомъ!.. Однако, позвольте мнѣ перейти къ цѣли своего визита. Я бы не позволилъ себѣ такъ скоро опять надоѣдать вамъ своимъ присутствіемъ, еслибы не долгъ совѣсти, который принуждаетъ меня. Вы мнѣ приказали высказать вамъ свое мнѣніе относительно разныхъ проблемъ и вопросовъ, въ которые васъ посвящаютъ ваши друзья. Ну вотъ, вчера мнѣ не пришлось слышать здѣсь никакихъ теорій, но зато я видѣлъ самихъ теоретиковъ и могу вамъ посовѣтовать только одно: держите вы эту шайку какъ можно дальше отъ себя.

— Г. полковникъ, вы слишкомъ рѣзко выражаетесь о моихъ друзьяхъ. Я не могу этого дозволить.

— Простите. Я говорю вѣдь въ вашихъ интересахъ. Я бы не желалъ сближаться съ этими людьми. Быть можетъ, они и вполнѣ порядочные люди, но это фанатики. Я подразумѣваю первыхъ трехъ. Двое, пришедшихъ потомъ, также представляютъ изъ себя довольно любопытные типы, но тутъ я не вижу повода предостерегать васъ. Однако, фанатики опасны. Русскій...

— Онъ сегодня уѣхалъ.

— Нѣтъ, онъ здѣсь. Я видѣлъ его часъ тому назадъ въ городскомъ паркѣ и разговаривалъ съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что измѣнилъ свои планы, и еще нѣкоторое время пробудетъ въ Вѣнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы говорите это такимъ радостнымъ тономъ.

— Я? Но почему? Г. фонъ-Дегемейстеръ врядъ-ли придетъ ко мнѣ во второй разъ.

— Вы бы должны отдать приказаніе не принимать его.

— Зачѣмъ? Г. фонъ-Браль, я должна напомнить вамъ, что я называла васъ „дядей", но отнюдь не опекуномъ!

— Я приму это къ свѣдѣнію.

— Ну что же вамъ еще сказалъ г. фонъ-Дегемейстеръ?

— Что онъ—нигилистъ. Онъ разъѣзжаетъ по всѣмъ европейскимъ городамъ, чтобы вступать въ союзъ съ революціонерами и составлять заговоры. Онъ говорилъ, что для осуществленія его цѣлей нужны деньги, ну, вотъ онъ и имѣетъ въ виду обратиться къ богатымъ дамамъ и... чтобы расположить ихъ въ свою пользу, постарается сначала влюбить ихъ въ себя...

— Г. полковникъ, вы...

— Я высказываю только свои предположенія, а вы уже заранѣе, не выслушавъ меня, хотите помѣшать мнѣ говорить. На самомъ дѣлѣ Дегемейстеръ, конечно, не говорилъ мнѣ ничего подобнаго и только сказалъ, что его привязываетъ къ Вѣнѣ нѣчто такое, чему онъ не можетъ сопротивляться. Очевидно тутъ вы причиной.

— Однако, вы дѣйствительно настоящій поэтъ. У васъ столько фантазіи!

— Нѣтъ, для поэта надо имѣть кровь. Фантазіи одной мало; ея даже не нужно. Нужно только, чтобы та дѣйствительность, которую наблюдаешь, вызывала волненіе крови, восторгъ, страданіе, и надо умѣть это передать такъ, чтобы и у читателя закипѣла кровь. Вотъ это и называется поэзіей.

— Но вѣдь чего только вы не выдумали про бѣднаго Дегемейстера!..

— Быть можетъ, но это заставило вскипѣть вашу кровь, по крайней мѣрѣ, отъ негодованія на меня.

— О, нѣтъ! Сознаюсь вамъ откровенно, что и на меня онъ произвелъ такое же впечатлѣніе сначала, и я даже хотѣла просить д-ра Арольда не приводить ко мнѣ Равашолей, но... если бъ вы видѣли, какъ улыбается этотъ чужестранецъ, то и ваши злыя подозрѣнія разсѣялись бы, какъ дымъ.

Полковникъ всталъ.

— Вы уже знаете, что я хотѣлъ вамъ сказать, а я знаю, какъ я долженъ впредь вести себя: скромно, ненавязчиво и не выступая со своимъ авторитетомъ. А теперь я пойду. До свиданія. Не портите же своихъ прекрасныхъ глазъ, оплакивая чужое горе. Обыкновенно и своего бываетъ достаточно.

— Вы проповѣдуете мнѣ эгоизмъ. Развѣ не слѣдуетъ быть сострадательной?

— Я именно сострадателенъ къ вамъ. Мнѣ больно видѣть, когда вы страдаете, а поэтому я и прошу васъ избавить меня отъ этого чувства. Прощайте.

— Когда же я васъ увижу снова?

— Какъ только вы меня позовете.

— Хорошо, такъ я теперь же зову васъ въ свой ближайшій пріемный день. Можетъ быть, вы найдете у меня новые „типы“. Но все-таки, вы не должны называть „шайкой“ мой кругъ знакомыхъ.

Не успѣлъ полковникъ Браль выйти за дверь, какъ пришла баронесса Бистурнъ.

— Я слышала, что ты была у меня, моя милая, и только напрасно долго прождала меня; поэтому я и пришла къ тебѣ,—сказала она.

— Какъ это мило съ твоей стороны.

Подруги обнялись и поцѣловались. У Людмилы снова навернулись на глазахъ слезы, но она сдержала себя.

— Что Марія, не пробовала она обратить тебя на путь истины, пока ты сидѣла съ нею наединѣ? Мнѣ такъ показалось. Она съ такимъ оживленіемъ говорила о твоемъ визитѣ. Должно быть, она залучила тебя въ члены союза св. Анжелики.

— О, такъ далеко дѣло еще не зашло. Но, что подѣлываетъ Нанетта? Здорова она?

— Вполнѣ. Она только немного кашляетъ. Но къ счастью, она здоровый ребенокъ. Меня гораздо больше пугаетъ Альбрехтъ. Онъ перенесъ всевозможныя болѣзни въ дѣтствѣ и теперь такъ чувствителенъ ко всякой перемѣнѣ.

Людмила почувствовала уколъ въ сердце. Неужели и Альбрехтъ также обреченъ?

— Ахъ, какіе пустяки! воскликнула она.—Твой сынъ — это сама жизнь. Такой великолѣпный юноша! Я постоянно слышу жалобы на нынѣшнюю молодежь, но твой сынъ служитъ для меня лучшимъ доказательствомъ, что жалобы эти неосновательны.

— Альбрехтъ составляетъ исключеніе. Надо сознаться, что нынѣшнее мужское общество дѣйствительно очень плохо. Теперь это въ модѣ, чтобы сыновья аристократовъ пускались во всевозможныя спекуляціи, играли бы на биржѣ, принимали бы участіе въ разныхъ сомнительныхъ предпріятіяхъ и т. п., пока не разорятся совсѣмъ, и имъ остается только— либо застрѣлиться, либо предоставить главѣ семьи устроить кое-какъ ихъ дѣла и женить ихъ на какой-нибудь графинѣ. Но обыкновенно они женятся на разведенныхъ актрисахъ.

Самые безвредные изъ нихъ охотятся на богатыхъ невѣстъ и отыскиваютъ для себя приличную партію. Ахъ, сколько ужъ мнѣ пришлось отвергнуть такихъ жениховъ для моей Нанетты! Я должна сказать, что частенько такіе искатели невѣстъ обращались ко мнѣ съ вопросомъ, не могу ли я похлопотать за нихъ у тебя. Но я всегда отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ и заявляла, что ты—настоящая мужененавистница. Впрочемъ, я думаю, что это и въ самомъ дѣлѣ вѣрно, иначе развѣ ты могла бы оставаться незамужней до двадцати восьми лѣтъ, съ твоимъ лицомъ и твоимъ богатствомъ?

— Нѣтъ, Кларисса, у меня нѣтъ такого рѣшенія: не выходить замужъ, и я вовсе не ненавижу мужчинъ. Я только не люблю никого. Мои требованія слишкомъ высоки. Я бы могла отдать свою свободу только дѣйствительно геніальному, необыкновенному, сильному и большому человѣку.

— И ты непремѣнно влюбишься въ самаго обыкновеннаго парня, но тогда ты найдешь непремѣнно, что онъ—необыкновенный и большой человѣкъ; словомъ, найдешь, что онъ вполнѣ отвѣчаетъ твоей программѣ. А что касается свободы? Скажи мнѣ, какая изъ дѣвушекъ, за исключеніемъ художницъ, можетъ назваться свободной въ нашемъ кругу? Если мы сбрасываемъ съ себя путы, то лишаемся какъ собственнаго, такъ и всеобщаго уваженія.

— Но я вовсе не чувствую желанія сбрасывать съ себя эти путы. Впрочемъ, можетъ быть, оно еще придетъ. Очевидно, такая потребность въ духѣ времени. Отовсюду раздается бряцаніе цѣпей. Народъ жаждетъ освобожденія, женщины также хотятъ освободиться, духъ стремится къ тому же, а тѣ, кто куетъ эти цѣпи, называютъ это всеобщее стремленіе дьявольскимъ навожденіемъ. Кстати: тутъ я невольно думаю о твоей племянницѣ. Скажи, развѣ ты не можешь повліять на нее?

— Это трудно... Можно проповѣдывать воздерживаться отъ преувеличеній въ данномъ случаѣ, но нельзя касаться самого предмета.

— Почему?

— Да потому, что благочестіе, вѣдь, достойно уваженія и повсюду вызываетъ его. Я совсѣмъ не ханжа, иначе я была бы очень несчастлива, имѣя такого мужа, который такъ часто высказываетъ антиклерикальные взгляды, но я все-таки выполняю всѣ церковные обряды и заставляю Нанетту продѣлывать то же самое. Ты и представить себѣ не можешь, какъ много здѣшнее лучшее общество, и именно высшій кругъ, придаетъ значенія внутренней и внѣшней религіозности и считаетъ монастырское воспитаніе самымъ лучшимъ

и наиболѣе подходящимъ для дочерей. Во всякомъ случаѣ, всѣ наши наиболѣе знатныя дамы организуются въ различные католическіе ферейны, миссіонерскіе ферейны, союзы читательницъ и т. д. Онѣ собираютъ лепты для св. Петра, на постройку церквей, вышиваютъ церковныя одежды и не пропускаютъ ни одной проповѣди во время великаго поста. Съѣсть на вечерѣ какой-нибудь сэндвичъ съ мясомъ въ четвергъ, послѣ 12 часовъ ночи, считается уже ими смертнымъ грѣхомъ. Онѣ предпринимаютъ паломничества въ разныя святыя мѣста, даютъ обѣты, въ случаѣ болѣзни когонибудь изъ членовъ семьи, вѣшаютъ на образъ серебряныя и золотыя дощечки, посвященныя Ангелу хранителю, если заболѣетъ кто-нибудь изъ ихъ дѣтей, выбираютъ себѣ патрона среди святыхъ и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы, въ случаѣ смертельной болѣзни кого-нибудь изъ мужскихъ членовъ своей семьи, отличающихся свободомысліемъ, былъ бы приглашенъ къ смертельному одру патеръ, который и даетъ in extremis отпущеніе грѣховъ. Таковъ господствующій тонъ среди нашей аристократіи. Я не осуждаю, я только разсказываю. Я сама выполняю многое изъ этого, такъ какъ если бъ я иначе поступала, то это показалось бы страннымъ, неприличнымъ и считалось бы недостаткомъ воспитанія, въ родѣ того, какъ если бы я ѣла руками, или курила бы трубку, или отправилась бы гулять безъ шляпы. Все это дѣлается вѣдь ради „хорошаго тона", а нѣкоторыя по добротѣ сердца. Впрочемъ, есть среди нихъ и въ самомъ дѣлѣ благочестивыя и добрыя, которыя занимаются благотворительностью, осуждаютъ себя на лишенія и искренно молятся; развѣ можно не уважать такихъ?

— Но ты сама не изъ вѣрующихъ?

— Видишь ли, мой мужъ и тѣ книги, которыя я читаю вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, заставили меня отрѣшиться отъ моихъ прежнихъ слѣпыхъ вѣрованій, но отъ моего дѣтства— я вѣдь тоже была воспитана въ монастырѣ — у меня осталось кое-что, фондъ благочестія, угрызенія совѣсти, заставляющія меня продумывать пробудившіяся во мнѣ сомнѣнія, такъ что вся моя философія можетъ быть выражена смутнымъ и неопредѣленнымъ восклицаніемъ: „Кто знаетъ! Можетъ быть, все-таки они правы!" И я завидую тѣмъ, кто обладаетъ твердой вѣрой и способенъ испытывать блаженный восторгъ души, священный экстазъ, который я испытала только въ дѣтствѣ, когда впервые готовилась къ причастію. Но... не хочешь ли завтра, послѣ обѣда, поѣхать съ нами въ церковь? Пріѣхалъ сюда знаменитый французскій проповѣдникъ. Онъ, дѣйствительно, говоритъ великолѣпно, и его „Conférences" посѣщаются сливками нашего общества съ

такимъ же рвеніемъ, какъ и представленія французскаго театра.

— Ну, я не могу чувствовать особеннаго расположенія къ этимъ „сливкамъ“ вашего общества. Меня они не желаютъ принимать въ свою среду.

— И меня тоже, несмотря на то, что мой мужъ имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника и занимаетъ высокое положеніе, но противъ такихъ стихійныхъ явленій бороться нельзя... Что мы будемъ дѣлать сегодня вечеромъ?

— Я останусь дома. Никуда я не приглашена, и притомъ настроеніе у меня совсѣмъ не веселое.

— Да, я это вижу. У тебя есть что-то на душѣ, что тяготитъ тебя. Ты не хочешь мнѣ сказать?

— Нѣтъ, Кларисса, только не сегодня.

— Какъ хочешь. Нельзя требовать довѣрія. Быть можетъ, наступитъ время, когда ты сама пожелаешь повѣрить мнѣ причину своей грусти, если только эта причина не исчезнетъ тогда. За то я могу сообщить тебѣ нѣчто, что, вѣроятно, тебя порадуетъ. Ты помнишь этого молодого офицера, котораго я тебѣ представила прошлый разъ въ Пратерѣ? Такъ онъ и моя Нанетта, — это еще не объявлено оффиціально—но я думаю, что они составятъ хорошую, счастливую парочку. Я не могу выразить тебѣ, какъ это меня радуетъ; я только и живу этимъ ребенкомъ, это мое второе, лучшее я... Но отчего ты плачешь?

— Ахъ, прости, мои нервы!

— Лучше оставить тебя одну. Моя болтовня, видно, только разстроила тебя. Ну что-жъ, пойдешь ты на французскую проповѣдь?

— Нѣтъ, я не пойду.

— Жаль. Такъ прощай. Береги себя и постарайся развлечься.

Въ этотъ вечеръ Людмила очень рано удалилась въ свою комнату. Разговоръ съ фрау Даріонъ былъ ей въ тягость, и она думала, что лучше разсѣетъ свои грустныя мысли, если займется чтеніемъ. Она только что начала просматривать книги, желая выбрать изъ нихъ что нибудь наиболѣе интересное, какъ вдругъ ей принесли письмо, пришедшее съ вечернею почтой. Это было городское письмо, но почеркъ ей былъ совсѣмъ незнакомъ. Она разорвала конвертъ; четыре страницы мелко исписаны, и никакой подписи!

Во всякомъ случаѣ теперь у нея было что читать:

„Вѣна, 4-го іюня 1892 г.“.

Фрейлейнъ Людмила Готъ!

Анонимное письмо бросаютъ обыкновенно въ огонь, но

все же сначала его прочитываютъ. Если въ немъ есть дурное извѣстіе, то ему просто на просто не вѣрятъ. Если же оно заключаетъ въ себѣ грубости, то пожимаютъ плечами, а если въ немъ находится, какъ въ этомъ письмѣ, объясненіе въ любви, то оно возбуждаетъ смѣхъ.

Но тутъ не до смѣха. Человѣкъ, который пишетъ вамъ эти строки, стонетъ подъ гнетомъ трагической судьбы.

Въ сущности нѣтъ никакого смысла посылать вамъ такое письмо, но я дѣлаю это въ надеждѣ найти успокоеніе.

Вашъ образъ преслѣдуетъ меня. Что вы красивы — это вы сами знаете, но я не думаю, чтобы это была только ваша красота, которая такъ очаровала меня. Вѣдь я видѣлъ столько красивыхъ лицъ, даже красивѣе васъ, но ни одно лицо не запечатлѣлось такъ въ моей памяти, какъ ваше, и, куда бы я ни обращалъ свои взоры, я вижу его передъ собой. Я думаю, что вы обладаете возвышенной душой, и что вы достойны были бы великой судьбы. Банальность повседневной спокойной бюргерской жизни удовлетворить васъ не можетъ. Вы должны испытать сильную страсть, должны испытать великое упоительное счастье, заставляющее забывать все или же перенести такое страданіе, которое возвысило бы васъ до мученичества.

Нѣтъ, я не чувствую желаннаго успокоенія, написавъ вамъ эти строки. Напротивъ: лихорадочное возбужденіе во мнѣ только усиливается, и я жажду стать передъ вами на колѣни и молить васъ—о чемъ? Я самъ не знаю! Я трепещу при мысли, что вы будете держать въ рукахъ этотъ листокъ бумаги, что, быть можетъ, ваши мысли направятся ко мнѣ, и вы угадаете, кто этотъ человѣкъ, котораго мучаетъ вашъ образъ. Нѣтъ, слово „мучаетъ“ недостаточно сильно. Мнѣ надо подумать о многомъ, объ очень важномъ, но я напрасно стараюсь думать о другомъ—одна и та же мысль преслѣдуетъ меня, не даетъ мнѣ покоя: Людмила Готъ! Людмила Готъ! Я начинаю понимать тѣхъ, кто шепчетъ молитву, перебирая четки. Вѣдь въ такомъ воззваніи къ божеству есть что то вмѣстѣ и разжигающее пламя обожанія, и потушающее его. Я ни на что не надѣюсь. Вы никогда не узнаете, кто писалъ вамъ эти строки и еще будетъ писать, и если мы встрѣтимся въ свѣтѣ (что мало вѣроятно), то я ничѣмъ не выдамъ себя, и вы не догадаетесь, что это именно я нашептывалъ вамъ такія безумныя и пламенныя слова въ своемъ письмѣ“.

Въ такомъ горячечномъ тонѣ было написано все письмо. Людмила прочла его нѣсколько разъ. Пламенныя рѣчи слегка опьяняли ее, но въ душу все-таки закрадывалось сомнѣніе, что это было такое? Шутка? Ловушка?

Вечеръ былъ очень жаркій. Людмила устроила сквозной вѣтеръ въ своей просторной спальнѣ, но тѣмъ не менѣе ей было душно, и она не находила себѣ мѣста. Можетъ быть, все, пережитое ею въ этотъ день, такъ тѣснило ея грудь? Комната была освѣщена мягкимъ свѣтомъ круглаго фонаря, спускавшагося съ потолка, и лампы, стоящей на столѣ, подъ абажуромъ. Людмила сняла свой выходной костюмъ и замѣнила его пеньюаромъ, отдѣланнымъ кружевами, надѣла турецкія туфельки и, распустивъ волосы, которые золотистыми волнами падали ей на плечи, полулегла на кушетку, держа въ рукахъ только что полученное письмо.

Въ комнату вошла горничная съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоялъ лимонадъ со льдомъ и тарелка съ печеніемъ. Она поставила все это на маленькій столикъ возлѣ Людмилы.

— Прикажете еще что-нибудь, барышня?—спросила она.

— Нѣтъ. Вы можете итти спать. Только дайте мнѣ пожалуйста, флакончикъ съ одеколономъ, который стоитъ на столикѣ, возлѣ кровати. Благодарю. Теперь мнѣ больше ничего не нужно. Спокойной ночи.

— Боже, какая жара! воскликнула Людмила громко, когда горничная вышла.

Она налила себѣ стаканъ холоднаго лимонада и выпила его залпомъ; затѣмъ намочила себѣ одеколономъ виски и лобъ и, заложивъ руки за голову, вытянулась на креслѣ. Письмо лежало у нея на колѣняхъ. Съ улицы доносился грохотъ экипажей, а изъ верхняго этажа раздавались веселые звуки опереточнаго мотива, который кто-то наигрывалъ на рояли.

Людмила, слегка полузакрывъ глаза, думала: Кто, кто могъ написать ей такое письмо? Дегемейстеръ? Онъ былъ первый, о комъ она подумала, но именно потому, что это было бы для нея всего пріятнѣе, она старалась увѣрить себя, что это не могъ быть онъ. Но кто же? Полковникъ? Правда, онъ былъ старикъ, но сердце у него было молодое, и притомъ, мало ли какая фантазія можетъ прійти въ голову поэту! „Чтобы писать стихи, надо обладать кровью", сказалъ онъ. Ну, тутъ въ письмѣ было много крови. Однако нѣтъ, этотъ „дядюшка", стремящійся опекать ее, не могъ быть такимъ безумнымъ! Молодой Бистурнъ? Но онъ никогда не имѣлъ видъ влюбленнаго, и это было не въ его духѣ. Онъ былъ всегда спокоенъ, веселъ, вполнѣ уравновѣшенъ и одержимъ только однимъ стремленіемъ—осуществить когда-нибудь политическій идеалъ своего отца. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ, конечно, онъ не станетъ писать такихъ лихорадочныхъ писемъ. Можетъ быть это феодальный рыцарь Эренбергъ

написалъ ей такое письмо? Немыслимо! Польди Кронъ? Еще менѣе возможно! Ну такъ новый знакомый, Карлъ Кремеръ? Возможно! Докторъ Арольдъ?О, конечно, нѣтъ! Она перебрала мысленно еще нѣсколькихъ молодыхъ людей и пожилыхъ мужчинъ изъ своего круга, но ни на комъ не остановилась. Никто, повидимому, не былъ расположенъ становиться передъ нею на колѣни и такъ пламенно взывать къ ней... Да, никто, кромѣ одного Дегемейстера и именно того Дегемейстера, котораго она видѣла во снѣ. Въ эту минуту ее снова охватило то самое ощущеніе, которое она испытала во снѣ; „человѣкъ, котораго она любила", это былъ именно тотъ, кого такъ преслѣдовалъ ея образъ. И ей показалось, что онъ дѣйствительно стоитъ тутъ передъ нею, на колѣняхъ и обращаетъ къ ней свои горящіе взоры. Ей хотѣлось отвѣтить ему, назвать его по имени. Да, она могла осчастливить его, она сознавала это. Вѣдь она обладала такимъ преданнымъ сердцемъ и развѣ она не была красива къ тому-же?..

Она вскочила на ноги и, точно желая отдѣлаться отъ ощущенія, которое овладѣло ею, заходила по комнатѣ. Какія глупости! Неужели она можетъ влюбиться въ незнакомаго человѣка,—который, быть можетъ, и не думаетъ о ней вовсе!—только потому, что кто-то написалъ ей такое безумное письмо.

Мечты о счастьи! Да можно ли мечтать о счастьи, когда столько печали кругомъ, въ этомъ мірѣ. Ея мысли снова вернулись къ дому Бистурновъ, надъ которымъ повисъ Дамокловъ мечъ, къ этой фанатизированной дѣвушкѣ и ея духовнику, который всю мыслящую половину человѣчества, всѣхъ, кто стремится къ свободѣ, считаетъ добычей сатаны. Она подумала и о старомъ, усталомъ борцѣ, объ этомъ полковникѣ, который, несмотря на возвышенные порывы своей души, души художника, выказываетъ такую горькую покорность и такое презрѣніе къ міру. А этотъ Арольдъ, пустившійся, очертя голову, въ самыя опасныя политическія интриги, только потому, что у него не хватало больше силъ смотрѣть на бѣдствія цѣлаго, громаднаго класса людей. Да, всѣ, всѣ тащутъ возъ, пока не освободитъ смерть... Но нѣтъ!.. Людмила выпрямилась и, взявъ письмо въ руки, еще разъ прочла его. Нѣтъ, она не могла быть осуждена на такое существованіе каторжника, прикованнаго къ своей повозкѣ! Нѣтъ, прежде, чѣмъ смерть освободитъ ее, она хотѣла изжить свою жизнь, хотѣла жить и любить!

(*Продолженіе будетъ*).

Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи.

Очеркъ четвертый.

Оппозиціонная поэзія.—Молодая Германія.—Соціальное міросозерцаніе.—Берне и Гейне.

Въ то время, когда въ Германіи широкая и тяжелая народная масса еще политически безмолвствовала, и лишь изрѣдка изъ ея глубинъ, точно грозныя знаменія приближающагося, но еще далекаго землетрясенія, доносились глухіе раскаты, въ то время, когда либеральное общество было еще всецѣло проникнуто упованіемъ и довѣріемъ и твердо вѣровало въ возможность вполнѣ мирнаго и полюбовнаго разрѣшенія конфликта между правительствомъ и обществомъ, робко ведя мирные переговоры, въ это самое время литературное поприще, въ лицѣ его лучшихъ представителей было уже охвачено боевымъ и яркимъ политическимъ настроеніемъ. Даже Пегасы литературнаго нѣмецкаго Парнаса спѣшно мобилизировались и, жестоко погоняемые „тенденціей", строились въ передовой отрядъ легкой конницы, начавъ военныя дѣйствія въ то время, когда общество еще не шло дальше упованій, петицій и заобѣденныхъ тостовъ.

Нѣмецкая литература и нѣмецкая поэзія первыя выступили въ походъ за болѣе просторныя и свѣтлыя формы политической жизни, и чѣмъ ярче разгоралась политическая борьба, чѣмъ рѣзче обострялись отношенія между правительствомъ и обществомъ, тѣмъ все болѣе усиливалось боевое настроеніе нѣмецкихъ поэтовъ, беллетристовъ и публицистовъ, и тѣмъ рѣшительнѣе въ ихъ произведеніяхъ звучали ноты политической тенденціи.

Отсутствіе сколько-нибудь просторныхъ формъ для выраженія волнующагося общественнаго мнѣнія, отсутствіе народнаго представительства въ свою очередь вело къ тому, что литература во всѣхъ ея видахъ стягивала къ себѣ всѣ наиболѣе яркія боевыя

силы страны. Нѣмецкіе поэты, какъ мы уже замѣтили, отнюдь не представляли исключенія, и въ ихъ средѣ все болѣе крѣпло и распространялось убѣжденіе, сформулированное русскимъ поэтомъ въ извѣстныхъ словахъ: „поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ", и поэзія служила для нихъ лишь однимъ изъ сильныхъ и наиболѣе имъ доступныхъ средствъ выраженія гражданскаго гнѣва.

Отъ того равнодушія къ жизни и сознательнаго устраненія отъ нея, которое нѣкогда характеризовало нѣмецкихъ поэтовъ и самымъ величавымъ представителемъ котораго является титанъ Гете, теперь и слѣда не осталось. Самъ Гете за свое холодное олимпійство сдѣлался предметомъ самыхъ горячихъ нападокъ со стороны нѣмецкихъ писателей тридцатыхъ годовъ. И трудно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ нѣчто болѣе рѣзко противоположное, чѣмъ спокойное олимпійское отношеніе Гете и волнующееся публицистическое отношеніе молодыхъ нѣмецкихъ писателей 30-хъ годовъ къ окружающей жизни. Разсказывая о своемъ участіи въ походѣ противъ Франціи во время революціи, Гете говоритъ, что все свое свободное время онъ посвящалъ изученію „разныхъ явленій ученія о цвѣтахъ и личнаго мужества". Послѣ битвы при Іенѣ, Кнебель писалъ о Гете и о себѣ: „Гете все время занимался оптикою. Мы изучаемъ здѣсь подъ его руководствомъ остеологію; время для этого самое подходящее, такъ какъ всѣ поля покрыты препаратами". Трупы его убитыхъ соотечественниковъ не вдохновляли его на оды; онъ разбиралъ ихъ скелеты и препарировалъ ихъ кости для научныхъ занятій [1]).

Въ томъ же своемъ дневникѣ Гете упоминаетъ, что въ 1790 г. онъ былъ въ нѣмецкомъ войскѣ въ Силезіи и... написалъ въ это время нѣсколько эпиграммъ.

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ Берне съ яростью обрушился на титана Гете за его холодное олимпійство. „Какъ, гнѣвно писалъ Берне, передъ нами Гете, богато одаренный человѣкъ, поэтъ въ лучшемъ расцвѣтѣ молодости, въ тѣхъ лѣтахъ, когда древо познанія, добра и зла усыпано въ одно и то же время пышнымъ цвѣтомъ и плодами; мы видимъ его въ центрѣ военныхъ дѣйствій, въ лагерѣ титановъ, тамъ, гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ началась несправедливая, но тѣмъ не менѣе величавая война нѣмецкихъ правительствъ съ ихъ народами—и это зрѣлище не воодушевляетъ его никакимъ чувствомъ, ни любовью, ни ненавистью, ни молитвою, ни проклятіемъ; ничего, ровно ничего не вызываетъ оно въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ эпиграммочекъ, до такой степени ничтожныхъ, по его собственному сознанію, что онъ даже не сохранилъ ихъ, чтобы потомъ сооб-

---

[1]) Ср. Г. Брандесъ. Главныя теченія въ литературѣ XIX в. Нѣмецкая литература. Часть I, стр. 28. Кіевъ, 1903.

щить читателю! А когда передъ нимъ проходятъ великолѣпнѣйшіе полки, прекраснѣйшіе офицеры—онъ, точно молодая, блѣдная жена старика, не находитъ для своей наблюдательности, для своего изслѣдованія иного предмета, какъ сравнительная анатомія!" „И этого человѣка, говоритъ далѣе Берне, прикажете мнѣ почитать? Его любить? Да я лучше повергнусь въ прахъ передъ Вицли-Пуцли, лучше соглашусь пить слюну Далай-Ламы. Если бы во всей Германіи, даже во всемъ мірѣ, было только два поэта, только два живительныхъ источника, безъ которыхъ сердцу приходилось бы умереть отъ жажды въ песчаной пустынѣ жизни, и если бы этими двумя поэтами были Коцебу и Гете, я въ тысячу разъ охотнѣе утолилъ бы жажду теплымъ супомъ изъ слезъ Коцебу, который, по крайней мѣрѣ, вызываетъ во мнѣ испарину, чѣмъ замороженнымъ виномъ Гете, которое только бьетъ въ голову и вытягиваетъ туда всю жизнь" [1]).

Трудно, конечно, итти дальше въ защитѣ тенденціозности въ литературѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Берне въ приведенныхъ словахъ. Бездарному Коцебу отдается предпочтеніе передъ геніальнымъ Гете, отдается только за то, что Гете былъ холоденъ и спокоенъ, какъ снѣжныя вершины альпійскихъ горъ, а Коцебу писалъ со слезою въ голосѣ!

Но не слѣдуетъ слишкомъ строго относиться къ этой поразительной по своей узкой ограниченности оцѣнкѣ Гете. Надо вспомнить, что въ то время, когда Берне писалъ свои страстныя запальчивыя строки по адресу Гете, передовымъ нѣмецкимъ писателямъ было не до эстетики, не до объективности. Борьба за человѣческія условія существованія цѣликомъ захватила Берне и, не чувствуя еще за собою тяжелой арміи народнаго движенія, видя вокругъ себя общественную дряблость и трусость, онъ отводилъ несоразмѣрно огромную роль въ освободительномъ движеніи вождямъ нѣмецкой литературы, считая, что весь свой талантъ, всѣ свои силы они должны отдать на служеніе этому движенію, сознавая ту удивительную и отвѣтственную освободительную роль, которую возложила на нихъ исторія. И отсюда понятенъ тотъ гнѣвъ и то отчаяніе, которые испытывалъ Берне, видя, что два титана нѣмецкой литературы—Гете и Шиллеръ отстранялись отъ участія въ общественной борьбѣ. „Какихъ консуловъ избралъ себѣ нѣмецкій народъ!—скорбно и гнѣвно писалъ Берне. Съ одной стороны Гете, который при малѣйшемъ шумѣ, трусливѣе всякой мыши прячется подъ землю и отрекается отъ воздуха, свѣта, свободы, даже того простора жизни, по которомъ томятся и мертвые камни—словомъ, отъ всего, всего, лишь бы только имѣть возможность спокойно сидѣть въ своей норѣ и

---

[1]) Ср. Л. Берне. Сочиненія въ переводѣ П. Вейнберга. Спб., 1896. Томъ II, стр. 80.

грызть кусокъ украденнаго сала! А съ другой стороны Шиллеръ, болѣе благородно, но также трусливо прячущійся отъ насилій въ туманныхъ облакахъ и напрасно молящій боговъ о помощи, и не видящій земли сквозь ослѣпляющіе его лучи солнца, и забывающій о людяхъ, которымъ онъ хотѣлъ принесть спасеніе, и такимъ-то образомъ несчастная страна и несчастный народъ, лишенные руководителей, защитниковъ, друзей, становятся добычею насилія и посмѣшищемъ народовъ!“ [1]).

Нѣмецкій писатель, по мнѣнію Берне, долженъ былъ участвовать въ общественной борьбѣ не только косвенно, своимъ перомъ, но и непосредственно въ качествѣ непосредственнаго дѣятеля. Отзываться на кипящую кругомъ борьбу лишь на бумагѣ, какая это жалкая и позорная роль, говоритъ Берне. „Сидѣть за двойными рамами окна, говоритъ онъ, въ халатѣ и съ перомъ въ рукѣ, высматривать оттуда на поле сраженія, считать раненыхъ и убитыхъ и тотчасъ же заносить это число на бумагу, удивляться вмѣсто того, чтобы проливать свою кровь, наконецъ, драть съ книгопродавцевъ-издателей полистную плату за страданія народа,—нѣтъ, это слишкомъ постыдно; слишкомъ позорно!“ [2]).

И чѣмъ сильнѣе разгоралась политическая борьба, чѣмъ рѣзче обострялись отношенія между правительствомъ и оппозиціей, тѣмъ ярче отражалась эта борьба въ нѣмецкой изящной словесности, и тѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе звучали политическіе мотивы въ произведеніяхъ нѣмецкой поэзіи и беллетристикѣ.

Выдвинулась цѣлая плеяда политическихъ тенденціозныхъ поэтовъ, смотрѣвшихъ на свое перо, какъ на оружіе борьбы за политическое освобожденіе родной страны. Очень много въ этой плеядѣ было бездарностей, писавшихъ неуклюжими стихами наивныя газетныя передовицы. И въ этомъ отношеніи Марксъ имѣлъ полное основаніе написать по адресу этихъ наивныхъ „тенденціозныхъ“ поэтовъ слѣдующія рѣзкія строки:

„И нѣмецкая литература, говоритъ К. Марксъ, не могла не подчиниться вліянію политическаго возбужденія, охватившаго Европу послѣ событія 1830 года. Ребяческій конституціонализмъ или еще болѣе ребяческое республиканство проповѣдывалось почти всѣми писателями той эпохи. Все болѣе и болѣе входило въ обычай, въ особенности среди второстепенныхъ писателей, замѣнять отсутствіе литературнаго таланта политическими бравадами, вѣрно расчитанными на общественное вниманіе. Стихотворенія, романы, рецензіи, драмы, словомъ—всѣ литературныя произведенія были насыщены „тенденціей“, какъ тогда говорили,

---

1) Ср. Ibid. стр. 79.
2) Ibid. стр. 8.

т. е. болѣе или менѣе робкимъ выраженіемъ противоправительственнаго духа" [1]).

И, присматриваясь къ политическому символу вѣры этой плеяды молодыхъ „тенденціозныхъ" литераторовъ, мы убѣждаемся, что К. Марксъ имѣлъ всѣ основанія по отношенію къ многимъ изъ нихъ говорить о „ребяческомъ республиканствѣ", о мѣшанинѣ идей политической оппозиціи со скверно переваренными идеями нѣмецкой университетской философіи и обрывками плохо понятыхъ идей французскаго соціализма.

Въ этомъ отношеніи нѣмецкая тенденціозная беллетристика отражала лишь ту смуту, ту неопредѣленность отношеній и идей, которая характеризовала тогдашнюю нѣмецкую жизнь и общественное мнѣніе. Въ соціально-экономическомъ отношеніи Германія находилась на перепутьи, ея соціальные классы, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшихъ очерковъ, еще недостаточно обособились и отграничились другъ отъ друга, а эта неопредѣленность классовыхъ отношеній, въ связи съ наличностью одного общаго политическаго врага, невольно влекла за собою неопредѣленность и, такъ сказать, неотграненность политическихъ группировокъ. Если мы еще вспомнимъ, что въ эту эпоху передовымъ отрядомъ оппозиціоннаго движенія выступала интеллигенція, а рабочее движеніе существовало лишь въ самомъ зачаточномъ видѣ, то мы поймемъ, что тотъ „ребяческій конституціонализмъ", та „мѣшанина идей", о которыхъ говоритъ Марксъ, были вполнѣ естественнымъ явленіемъ у рядовыхъ представителей нѣмецкой литературы.

Но было бы несправедливо распространить эту рѣзкую характеристику на всѣхъ представителей нѣмецкой литературы. Не говоря уже о такихъ ея великанахъ, какъ Гейне, эта оппозиціонная литература выдвинула не мало высоко-талантливыхъ поэтовъ въ лицѣ Гервега, Фрейлиграта, Прутца и др.

Гервегъ, съ которымъ мы уже познакомились въ предшествующихъ очеркахъ, былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ представителей тенденціозной поэзіи. Когда однажды его почитатели устроили ему банкетъ и одинъ изъ ораторовъ сталъ превозносить его талантъ, то Гервегъ остановилъ его и наставительно замѣтилъ: „рѣчь можетъ итти о направленіи, но не о талантѣ" [2]).

Гервегъ былъ горячимъ сторонникомъ тенденціозности въ поэзіи. Въ своемъ стихотвореніи „Партія" онъ требуетъ, чтобы каждый поэтъ примкнулъ къ опредѣленной политической партіи,

---

[1]) K. Marx. Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland. Stuttgart. 1896. Стр. 14—15.

[2]) Ср. Br. Bauer. Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deut., während der Jahre 1842—1846. Charlottenburg, 1847. Bd. I, 137 стр.

ссылаясь при этомъ на то, что даже олимпійскіе боги примыкали къ извѣстнымъ политическимъ партіямъ:

Partei! Partei! Wer sollte sie nicht nehmen,
Die noch die Matten aller Siege war!
Wie mag ein Dichter solch ein Wort verfehmen,
Ein Wort, das alles Herrliche gebar?
Nur offen wie ein Mann: Für oder wider?
Und die Parole: Sklave oder frei?
Selbst Götter steigen vom Olymp hernieder
Und kämpfen auf der Zinne der Partei!

И, обращаясь къ поэтамъ, Гервегъ говоритъ, что и они должны принять участіе въ политической борьбѣ и что ихъ стихи должны служить мечами:

Ihr müsst euch mit in diesem Kampfe schlagen,
Ein Schwert in eurer Hand ist das Gedicht,
O wählt ein Banner, und ich bin zufrieden
Ob's auch ein anderes, denn das meine nicht [1])

Во второмъ очеркѣ мы уже приводили стихотворенія Гервега, въ которыхъ поэтъ обращался къ королю съ страстною просьбою внять народнымъ желаніямъ и пойти имъ навстрѣчу. Онъ вѣрилъ въ эту возможность мирнаго полюбовнаго согласія между королемъ и оппозиціей, но эта вѣра скоро разсѣялась у него какъ дымъ. Въ извѣстномъ, пользовавшемся большою популярностью стихотвореніи „Пѣсня о ненависти“ поэтъ уже взываетъ не къ любви и миру, а къ ненависти и борьбѣ. Вы достаточно любили, говоритъ онъ обращаясь къ своимъ современникамъ, научитесь же, наконецъ, и ненавидѣть.

Bis unsre Hand in Asche stiebt,
Soll sie vom Schwert nicht lassen;
Wir haben lang genug geliebt,
Und wollen endlich hassen!
Die Liebe kann uns heilen nicht,
Die Lebe nicht erretten;
Halt'du, o Hass, dein jüngst Gericht,
Brich du, o Hass, die Ketten!
Und wo es noch Tyrannen gibt,
Die lasst uns kein erfassen
Wir haben lang genug geliebt,
Und wollen endlich hassen!

и т. д.

---

[1]) Ср. Gedichte eines Lebendigen. Siebente Aufl. Zürich und Winterhur 1843. 35 стр.

Въ другомъ, пользовавшемся не меньшею популярностью стихотвореніи, Гервегъ восклицаетъ: „Вырвите кресты изъ могилъ и превратите ихъ въ мечи. Богъ въ небесахъ проститъ васъ за это. Въ борьбѣ съ тиранами и филистерами и мечи должны имѣть своихъ священнослужителей—и мы станемъ ими“.

Нервная горячая пульсація жизни замѣтна и въ стихотвореніяхъ другого талантливаго представителя оппозиціонной поэзіи—Фрейлиграта. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ изображаетъ нѣмецкое общество въ видѣ парохода, на вышкѣ котораго, наслаждаясь красивымъ видомъ и чистымъ воздухомъ, сидятъ король и королева, а у машинъ и въ трюмахъ, въ тѣснотѣ и мракѣ работаетъ народъ, и стоитъ только машинисту или истопнику испортить машину, и пароходъ пойдетъ ко дну. Горячее дыханіе надвигавшихся событій все сильнѣе проникало въ стихотворенія Фрейлиграта. Въ стихотвореніи „Свободная пресса“ онъ уже рисуетъ вспыхнувшее возстаніе. Въ прекрасной символической картинѣ онъ рисуетъ здѣсь возставшихъ рабочихъ, которые ощущаютъ сильный недостатокъ въ пуляхъ и вотъ они разбираютъ типографіи и переливаютъ свинцовыя буквы въ пули. Мораль:—теперь книги должны обратиться въ пули [1]).

Другой нѣмецкій поэтъ той эпохи—Робертъ Прутцъ въ талантливомъ стихотвореніи „Политическіе роды“ мѣтко обрисовываетъ наростающую политическую оппозицію и зло смѣется надъ реакціей.

Достается здѣсь и умѣреннымъ либераламъ, въ уста которыхъ Прутцъ вкладываетъ слова: „Медленно, всегда медленно впередъ. Медленно впередъ! Нѣмецкій прогрессъ только выиграетъ отъ этого“.

Отчасти для избѣжанія цензурныхъ преслѣдованій, отчасти же ради поэтической метафоры, нѣмецкіе поэты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ перебрали, кажется, весь животный міръ, чтобы „картинно“ представить борьбу оппозиціи съ реакціей. То нѣмецкій народъ представлялся въ роли грозно поднимающагося льва, то нѣмецкое правительство изображалось въ видѣ медвѣдя, всѣмъ мѣшающаго и никому не нужнаго. Плѣненные орлы, трусливые зайцы, рычащіе львы, облѣзшіе и обезсилѣвшіе медвѣди принимали самое близкое участіе въ произведеніяхъ второстепенныхъ обличительныхъ поэтовъ, останавливаться на которыхъ не представляетъ никакого интереса.

Въ 1834 г. поэтъ Гарро Гаррингъ написалъ даже нѣмецкую марсельезу, пользовавшуюся очень большою популярностью. Авторъ призывалъ къ борьбѣ и мести:

---

[1]) Ср. И. Гервегъ обращается къ поэтамъ со словами: „Бросьте свои стихи и ямбы! Куйте желѣзо на наковальнѣ, оно спасетъ васъ.“

Auf Bürger, ins Gewehr! Der Freiheit Tag bricht an!
Mit Blut! Mit Blut! Mit Schurkenblut benetzt der Sühnung
Bahn.

Der Fürsten Göttlichkeit ist Lüge,
Im Bettler auch flammt Göttlichkeit.
Dass kein Fürst uns fortan mehr betrüge,
Stehn wir alle zum Kampfe bereit.

Подобныя стихотворенія пользовались въ тогдашней Германіи огромною популярностью; они разучивались наизусть и съ особенною яростью распѣвались студентами. Обличительные поэты росли какъ грибы, и ихъ лира издавала все болѣе непримиримые, зовущіе на бой звуки.

Неудивительно поэтому, что нѣмецкое правительство обрушивалось на нихъ жестокими карами. Политическихъ поэтовъ арестовывали, высылали, лишали мѣстъ, но это вело только къ ихъ еще большей популярности. Особенно сильный гнѣвъ правительства и симпатіи общества привлекла группа поэтовъ, беллетристовъ и публицистовъ, извѣстная подъ именемъ „Молодой Германіи".

Составъ литераторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Молодой Германіи" былъ чрезвычайно пестръ и разнообразенъ по размѣру таланта, по политическому направленію, по возрасту. „Молодая Германія" явилась до извѣстной степени административнымъ понятіемъ, образовавшимся благодаря полицейскому преслѣдованію обширной группы писателей, объединенныхъ лишь оппозиціоннымъ отношеніемъ къ правительству. Въ предшествовавшемъ очеркѣ мы уже видѣли, что Меттернихъ обратилъ тревожное вниманіе на произведенія молодыхъ нѣмецкихъ писателей и ударилъ въ охранительный набатъ, созвавъ спеціальную конференцію, постановившую принять истребительныя мѣры противъ „Молодой Германіи".

Къ сожалѣнію, не только одинъ Меттернихъ сердито взывалъ къ бдительности полицейскаго участка для обузданія „Молодой Германіи". Нашелся пользовавшійся довольно большою популярностью нѣмецкій писатель, еще недавно щеголявшій въ красномъ плащѣ радикализма, писатель, занявшійся систематическимъ доносомъ на дѣятелей „Молодой Германіи" и призывомъ къ полицейскимъ преслѣдованіямъ. Мы говоримъ о Менцелѣ.

Дѣятели „Молодой Германіи" въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ удѣлили религіознымъ вопросамъ и вопросу о радикальномъ переустройствѣ семейныхъ отношеній не меньшее, если не большее мѣсто, чѣмъ вопросамъ политическаго переустройства. Въ своихъ романахъ они рисовали брачную жизнь, основанную на совершенно новыхъ „раціональныхъ" основахъ. Въ этомъ отношеніи особенно большой шумъ надѣлалъ романъ

Карла Гутцкова „Валли", въ которомъ, въ довольно наивномъ и неуклюжемъ видѣ, изображается свободная любовь и „раціональныя" брачныя отношенія.

За это-то „разрушеніе семьи" Менцель и счелъ нужнымъ донести начальству на дѣятелей „Молодой Германіи". Доносъ Менцеля настолько характеренъ для тогдашнихъ нѣмецкихъ литературныхъ направленій и нравовъ, что мы должны будемъ привести изъ него длинную цитату.

„Только среди самой глубокой грязи безнравственности, писалъ Менцель, только въ публичныхъ домахъ зарождаются такія безбожныя воззрѣнія. Они были умѣстны у философскихъ забулдыгъ старо-французскаго двора. Только въ Палэ-Роялѣ они были впервые переведены съ придворнаго языка на якобинскій. Г. Гуцковъ взялъ на себя миссію пересадить позорные французскіе нравы, богохульство въ объятіяхъ развратницъ, вновь въ Германію въ такое столѣтіе, которое, благодаря Богу, болѣе зрѣло и болѣе мужественно, чѣмъ вѣкъ Вольтера. Уже въ тотъ вѣкъ порокъ потерпѣлъ крушеніе въ виду нравственнаго склада германскаго ума, тѣмъ меньше онъ будетъ въ силахъ овладѣть имъ теперь. Литература ополчится противъ него, общественное мнѣніе заклеймитъ его... Если подобная школа самой наглой безнравственности и самой рафинированной лжи привьется въ Германіи, если всѣ благородные представители націи не выскажутся противъ нея, если всѣ германскіе издатели не одумаются, а рѣшатся распространять подобный ядъ и хвалить свои товары, то мы скоро пожнемъ достойные плоды нашего образа дѣйствія".

Въ другомъ мѣстѣ Менцель пишетъ по адресу „Молодой Германіи":

„Я знаю, что ихъ война противъ христіанства, противъ морали, противъ брака означаетъ лишь войну молодыхъ совъ противъ стараго солнца. Но изъ искры можетъ вспыхнуть пожаръ... На новомъ литературномъ судилищѣ, которое они хотятъ основать въ Франкфуртѣ, восѣдаетъ вмѣсто справедливости шляющаяся по улицамъ Венера... Никогда эти люди, вѣрующіе только въ плоть, эти жрецы грязи, не простятъ писателю, отличающемуся большею чистотою, чѣмъ они... И можно ли въ наше время спокойно смотрѣть на то, что они проповѣдуютъ намъ французскіе нравы словами и дѣйствіями? Подъ маскою французскаго республиканскаго духа эта новая франкфуртская школа порока и богохульства проповѣдуетъ ужасающую безнравственность. Плоть, свободная чувственность, отмѣна брака—ихъ лозунгъ и они не только пишутъ сами безнравственныя книги, но и возстановляютъ старыя... Они отчасти примыкаютъ къ Сенъ-Симону и провозглашаютъ разнузданное республиканство безъ добродѣтели, республику гетеры въ грандіозномъ стилѣ... Эти ученія дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на животные инстинкты и

хищничество, которые еще дремлютъ, но которые легко пробудить въ большихъ столичныхъ и фабричныхъ городахъ, съ ихъ зачумленными логовищами грязи и пьянства"!

Но, видя, что ни представители „Молодой Германіи", ни ихъ читатели не обращаютъ вниманія на его взбѣшенныя выходки, узнавъ, что „Молодая Германія" рѣшила обзавестись собственнымъ органомъ, въ которомъ обѣщали принять участіе нѣмецкіе профессора, Менцель съ бѣшенствомъ схватился уже за формальный доносъ, какъ за ultima ratio. „Развѣ университеты не государственныя учрежденія? писалъ онъ въ этомъ доносѣ. Развѣ христіанство, мораль и бракъ не имѣютъ больше значенія въ прусскомъ государствѣ? Намъ приходилось постоянно слышать о царящемъ въ Пруссіи нравственно-религіозномъ и консервативномъ духѣ. Неужели въ наше время самые знаменитые профессоры Берлина, Кенигсберга и Галле рѣшатся бѣжать на поводѣ у грязнаго Марата, который совершенно также, какъ и старый, проповѣдуетъ таинство восхитительнаго мгновенія и республику санкюлотовъ и sans chemises и вмѣстѣ съ тѣмъ испускать страстныя филиппики противъ христіанства, нравственности, брака, семьи, чувства стыда, противъ Бога и безсмертія, противъ германской національности и существующаго строя?" И Менцель заканчиваетъ свой доносъ словами, что во всемъ виноваты евреи, заполонившіе нѣмецкую литературу. „Молодая Германія", говоритъ онъ, есть въ сущности ничто иное какъ „молодая Палестина" [1]).

Грязную перчатку, брошенную Менцелемъ въ лицо молодой Германіи подняль Берне и отвѣтилъ ему въ великолѣпной статьѣ „Менцель-французоѣдъ".

„Менцелю кажется, что я, въ такихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, уже никакъ не могу бредить о „добродѣтельной республикѣ". Представленіе республики господствомъ добродѣтели, съ цѣлью сдѣлать ее ненавистною людямъ—старая, давно извѣстная полицейская уловка. Но республика никогда не позволяла себѣ провозглашать обѣщаніе разрушить порокъ; она обѣщала только уничтожить его закономъ освященную организацію, отнять у него его наслѣдственную преемственность, его прирожденныя привилегіи и разъединить тѣ замкнутыя корпораціи, которыя даютъ пороку непобѣдимое господство надъ добродѣтелью. Никакое государственное устройство, какого бы рода оно ни было, не можетъ сдѣлать больше; „человѣкъ" старше возрастомъ, чѣмъ гражданинъ; сперва долженъ исправиться человѣкъ, а затѣмъ уже его примѣру послѣдуетъ гражданинъ. И представленіе любви къ республиканской свободѣ юношескимъ бредомъ тоже

---

[1]) Ср. Брандесъ, Главныя теченія въ литературѣ XIX в Кіевъ 1903, Отд. III-й. Стр. 24—25.

полицейская штука. Любовь къ свободѣ живетъ въ сердцѣ, а сердце не старѣетъ. Я зналъ осьмидесятилѣтнихъ республиканцевъ, и самъ до сорока пяти лѣтъ былъ приверженцемъ конституціонной монархіи"[1]).

Менцель упрекаетъ нѣмецкихъ эмигрантовъ за то, что, забравшись за границу, они изъ своего безопаснаго убѣжища, изъ-подъ угла нападаютъ на свое отечество, при этомъ обманно увѣряя о сочувствіи къ нимъ нѣмецкаго народа. „Пусть г. Менцель, говоритъ Берне, выпроситъ на нѣсколько дней свободу печати, и окажется, что скорѣе г. Менцель и его партизаны— исключительные враги нѣмецкаго народа. Онъ говоритъ о моемъ „безопасномъ убѣжищѣ въ Парижѣ" и даетъ себѣ излишній трудъ сдѣлать себя смѣшнымъ. Ужъ не писать ли мнѣ во Франкфуртѣ? Тамъ меня спрятали бы лучше, чѣмъ въ Парижѣ, и если г. Менцель желаетъ лично поговорить со мною, то съѣздить въ Парижъ ему обошлось бы дешевле, чѣмъ подкупить моего тюремщика. И эти люди говорятъ объ укрывательствѣ! Не я, а *вы* говорите изъ безопаснаго убѣжища. Вы никогда не посмѣли бы лаять на нѣмецкихъ бѣглецовъ, если бъ не знали, что цензурная цѣпь, къ которой вы привязаны, и полицейская рѣшетка, за которою вы сидите, защищаютъ васъ отъ заслуженнаго наказанія"[2]).

„Г. Менцель, пишетъ Берне въ другомъ мѣстѣ, получилъ пароль—каждаго нѣмецкаго писателя, выказывающаго привязанность къ Франціи, или не признающаго нѣмецкихъ правительствъ въ высшей степени милыми, объявлять *евреемъ*, и онъ зашелъ такъ далеко въ пылу своей патріотической службы на форпостахъ, что совершилъ обрѣзаніе надъ всею молодою Германіей, тогда какъ въ ней не было ни одного еврея, и предалъ вѣчному проклятію множество христіанскихъ душъ"[3]).

Зло и остроумно Берне раскрываетъ въ этой статьѣ все убожество и скудность аргументовъ, имѣющихся въ запасѣ у нѣмецкихъ охранительныхъ писателей, ярко показываетъ онъ, что они злобно и глупо шипятъ, что молодая Германія продалась заграницѣ, что она плодъ еврейскихъ интригъ, шипятъ только потому, что ихъ трусливыя и продажныя души свыклись и сжились съ атмосферой и обстановкой грубаго человѣконенавистничества и шкурныхъ интересовъ. Въ статьѣ о Менцелѣ Берне блестяще развернулъ всѣ положительныя стороны своего публицистическаго дарованія. Несмотря на гнусныя обвиненія Менцеля, несмотря на его гадкіе личные намеки, Берне въ своемъ отвѣтѣ ни разу не спустился съ принципіальной поле-

---

[1]) Ср. Берне. Сочиненія. Спб. 1896, стр. 53, т. I.
[2]) Ср. Ibid. 75 стр.
[3]) Ср. Ibid. 66 стр.

мики къ личной перебранкѣ, онъ даже постарался смягчить квалификацію индивидуальной писательской физіономіи Менцеля, но съ тѣмъ большею рѣзкостью заклеймилъ онъ Менцеля, какъ политическій типъ, сложившійся въ нездоровой атмосферѣ разлагающагося политическаго строя. И огромное достоинство Берне, какъ публициста, заключалось въ его способности отвлечься отъ личныхъ обидъ и антипатій и поднять полемику съ тѣмъ или инымъ писателемъ или политическимъ дѣятелемъ на высоту коренныхъ принципіальныхъ разногласій. Благодаря этому Берне всегда удавалось сосредоточить вниманіе своихъ читателей на идейной пустопорожности своихъ политическихъ противниковъ, оставляя совершенно въ сторонѣ ихъ личныя качества. И въ этомъ была сила Берне. Горячій и честный публицистъ, убѣжденный демократъ, онъ, не покладая пера, боролся съ устарѣвшимъ политическимъ режимомъ, его слугами и господами, и либеральныя заигрыванія нѣмецкаго правительства не только не заставляли его итти на уступки, смягчать свою обличительную публицистику, но, наоборотъ, бѣсили его своею половинчатостью и заставляли его рѣшительнѣе и яростнѣе наступать, а мягкотѣлые умѣренные либералы, съ умиленіемъ взиравшіе на правительство Фридриха III-го, вызывали у Берне настоящее развитіе чернильной желчи. И чѣмъ больше развертывался ходъ событій, чѣмъ яснѣе становились взаимоотношенія между правительствомъ и оппозиціей, тѣмъ Берне все болѣе убѣждался, что правительство Фридриха III-го ни на какія реальныя и коренныя политическія уступки не пойдетъ. И Берне все сильнѣе начиналъ склоняться къ республиканству, все скептичнѣе сталъ онъ относиться къ конституціонной монархіи.

„По словамъ Менцеля, пишетъ Берне въ статьѣ „Менцель-французоѣдъ", я всегда относился съ величайшимъ презрѣніемъ къ нѣмецкимъ приверженцамъ конституціонной формы правленія. Нѣтъ, не съ презрѣніемъ, потому что ими руководили въ этомъ случаѣ добрыя намѣренія. Но я всегда удивлялся имъ, я сожалѣлъ объ этихъ людяхъ, изучавшихъ исторію и ничему не выучившихся въ ней; этихъ людяхъ, прожившихъ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, не утративъ ни одной иллюзіи и не пріобрѣвъ ни одного разочарованія, не понимавшихъ, словно невинныя дѣти, фокусничества нѣмецкихъ правительствъ, глядѣвшихъ съ чисто-ребяческимъ изумленіемъ на то, какъ по слову „разъ-два-три"! исчезали въ рукахъ фокусниковъ, и свобода печати, и гласное судопроизводство и т. п. Эти немногіе, хотя безразсудные, но вѣрные приверженцы конституціонной монархіи, томятся теперь въ тюрьмѣ, или живутъ въ изгнаніи, или голодаютъ въ награду за свою любовь къ отечеству, или трепещутъ подъ мечомъ мщенія, на волоскѣ висящемъ надъ ихъ головою—

потому что въ настоящее время въ Германіи дышатъ свободно только ab instantia. Но что сталось съ остальными тысячами приверженцевъ нѣмецкой конституціонной монархіи? Куда заползли они? Въ то время, когда нѣмецкая конституціонная монархія была еще сильна и единодушна, когда избирательство въ народные представители казалось еще выгоднымъ, потому что давало возможность насильно вытягивать у правительства его благорасположеніе, когда конституціонная монархія давала еще банкеты—тогда много друзей сидѣли за ея столомъ и махали кубками точно мечами, и гремѣли, и молніеносно сверкали рѣчами, которыя, однако только освѣжали жаркій воздухъ, но никогда и никого не поражали.

„Но едва только наша конституціонная монархія утратила свое значеніе, приверженцы ея убрались во-свояси, и каждый разъ, какъ встрѣчали на улицѣ бѣдную, ободранную конституцію, отворачивались отъ нея, блѣднѣя и краснѣя. Г. Менцель возразитъ намъ, что добрымъ друзьямъ нашей конституціонной монархіи уже не позволено было говорить—но когда же и гдѣ свобода получала позволеніе быть свободной? Свободу берутъ, а не получаютъ—и тотъ, кто взялъ ее и потомъ возвратилъ безъ боя, былъ общественный воришка, а не завоеватель, и повѣсить его слѣдуетъ“ [1]).

Во многихъ статьяхъ Берне вновь и вновь возвращается къ этому вопросу и, обличая умѣренныхъ либераловъ, въ тысячный разъ доказываетъ имъ, что они своимъ клянчаніемъ ровно ничего не добьются. Торжественныя и напыщенныя рѣчи и писанія умѣренныхъ либераловъ, почтительно и обстоятельно доказывавшихъ правительству, что высшіе нравственные и политическіе принципы требуютъ, чтобъ оно уступило, ужасно бѣсили Берне. По поводу безконечныхъ разглагольствованій о необходимости свободы печати, Берне сердито писалъ: „Слово должно быть мечемъ; гонитесь за насиліемъ съ насмѣшкою, ненавистью, презрѣніемъ, а не ковыляйте за нимъ съ тяжеловѣсными логическими доводами. Но нѣмецкіе либеральные писатели не понимаютъ этого... Если бы я вздумалъ писать о свободѣ печати, то началъ бы такъ: „Давайте свободу печати, или чортъ побери васъ всѣхъ вообще и каждаго порознь“! Полагаю, что это произвело бы совсѣмъ иной эффектъ. Чѣмъ больше доводовъ, тѣмъ больше ногъ; чѣмъ больше ногъ, тѣмъ медленнѣе походка. Это мы видимъ на насѣкомыхъ“ [2]).

Но если Берне былъ убѣжденъ, что нѣмецкое правительство никогда не пойдетъ ни на какія серьезныя уступки, если онъ былъ очень низкаго мнѣнія о боевой готовности и силѣ либеральнаго движенія, то на кого же, на какую силу разсчитывалъ

[1]) Ср. Ibid. 57 стр.
[2]) Ibid. T. II, стр. 49.

Берне? Какой общественный слой долженъ былъ пойти на окончательный штурмъ стараго порядка? Тщетно мы станемъ искать у Берне отвѣта на эти кардинальные вопросы. Насколько ярокъ, рѣзокъ и опредѣленъ былъ Берне въ своихъ политическихъ антипатіяхъ, въ своемъ политическомъ гнѣвѣ, настолько же блѣденъ и расплывчатъ онъ былъ въ своихъ политическихъ симпатіяхъ, въ своей политической вѣрѣ. Онъ храбро и яростно нападалъ на своихъ враговъ, осыпалъ ихъ мелкою картечью насмѣшекъ и палилъ изъ тяжелыхъ орудій гнѣвнаго обличенія, но онъ очень мало заботился при этомъ о созданіи арміи. Онъ воздѣйствовалъ на общественное мнѣніе, старался политически организовать его, но мысль объ общественномъ движеніи, объ общественномъ слоѣ, которые должны были претворить въ плоть и кровь это политически созрѣвшее общественное мнѣніе, эта мысль не останавливала на себѣ вдумчиваго вниманія Берне.

Берне не даромъ былъ современникомъ іюльской революціи, посадившей на тронъ финансовую буржуазію, онъ не даромъ пережилъ во Франціи Ліонское восстаніе, для того, чтобы не убѣдиться, что одна политическая перемѣна не въ состояніи замирить общество, и что на историческую сцену выступилъ новый общественный слой съ опредѣленнымъ соціальнымъ амплуа.

Какъ умный и наблюдательный человѣкъ, Берне, конечно, замѣтилъ и отмѣтилъ выступленіе на аванъ-сцену политической жизни соціальной борьбы. Въ своемъ парижскомъ письмѣ отъ 1-го декабря 1831 г. Берне пишетъ: „Война бѣдныхъ противъ богатыхъ началась, и горе тѣмъ государственнымъ людямъ, которые слишкомъ неразумны или слишкомъ испорчены для того, чтобы не понимать, что слѣдуетъ вступить въ борьбу не съ бѣдными людьми, а съ бѣдностью... Свободными называли себя тѣ народы, у которыхъ всѣ богатые люди, пользуясь совершенно одинаковыми правами, издавали и исполняли законы; бѣдные никогда и нигдѣ не были свободны. Близоруки тѣ политики, которые думаютъ, что государства, гдѣ дворянство и духовенство потеряли привилегіи, обезпечили себѣ вѣчный міръ. Именно такія государства, какъ, напр., Франція, и Англія, должны ожидать страшнѣйшей революціи скорѣе, чѣмъ тѣ, гдѣ еще не введено свободное государственное устройство. Въ этихъ послѣднихъ государствахъ высшія привилегированныя сословія скрыты отъ низшаго класса его ближайшимъ сосѣдомъ—среднимъ сословіемъ. Поэтому онъ не имѣетъ понятія о равенствѣ. Но тамъ, гдѣ среднее сословіе пріобрѣло себѣ равенство, низшій классъ видитъ подлѣ себя неравенство, знакомится съ жалкимъ положеніемъ своимъ, и потому тутъ должна рано или поздно вспыхнуть война бѣдныхъ съ богатыми“ [1]).

[1]) Берне. Т. II. Стр. 102.

Если іюльская революція сначала привела Берне въ неописуемый восторгъ, какъ завоеваніе свободы для „народа", то черезъ полгора года онъ уже вполнѣ опредѣленно указываетъ на то, что эта революція доставила свободу не народу, а лишь финансовой буржуазіи. Въ своемъ парижскомъ письмѣ отъ 22—30 января 1832 г. онъ пишетъ:

„Черезъ годъ Людовикъ-Филиппъ будетъ короноваться, если до того времени онъ еще будетъ королемъ—но не въ церкви St. Remi въ Реймсѣ, а въ Notre-Dame de la bourse въ Парижѣ и священнодѣйствовать тутъ въ качествѣ архіепископа будетъ Ротшильдъ. Послѣ коронованія, по обыкновенію, пустятъ по воздуху голубей, и одинъ изъ нихъ, веселый шутникъ-голубь, полетитъ на островъ св. Елены, сядетъ на могилу Наполеона и со смѣхомъ разскажетъ его костямъ, что онъ присутствовалъ вчера при помазаніи его преемника, но не папою, а евреемъ (намекъ на близость Ротшильда къ Людовику-Филиппу. П. Б.), и что теперешній владыка Франціи принялъ титулъ: Empereur des cinq pour Cent, Roi des trois pour Cent, protecteur des banquiers et médiatiseur des agents de change" („Императоръ пяти процентовъ, король трехъ процентовъ, покровитель банкировъ и начальникъ биржевыхъ агентовъ" [1]).

Но понялъ ли Берне огромный политическій смыслъ вѣрно подмѣченнаго имъ явленія, сдѣлалъ ли онъ изъ него надлежащіе политическіе выводы? Внимательно вчитываясь въ произведенія Берне на оба эти вопроса приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Прежде всего, подмѣтивъ обнаружившуюся послѣ іюльской революціи „борьбу между бѣдными и богатыми" Берне не понялъ ея истиннаго характера. По мнѣнію Берне эта борьба вытекала не изъ данной общественной организаціи, а изъ непониманія или своекорыстія командующихъ классовъ, не занимающихся борьбою съ бѣдностью. И „борьба между бѣдными и богатыми" ведется, по мнѣнію Берне, не изъ-за коренного общественнаго переустройства, а изъ-за улучшенія положенія бѣдныхъ при неприкосновенности современнаго строя. Для Берне весь вопросъ заключался лишь въ политическомъ уравненіи бѣдныхъ съ богатыми и въ улучшеніи положенія первыхъ. Классовая противоположность и непримиримость интересовъ тѣхъ и другихъ была для него совершенно не только не ясна, но и не видна, онъ еще и не подозрѣвалъ о ея существованіи.

„Не противъ собственности, а только противъ привилегій богатаго класса возстаетъ народъ" [2]), говоритъ Берне. И онъ убѣжденъ, что съ устраненіемъ политическихъ привилегій по-

---

[1]) Ibid. стр. 124.

[2]) Ibid стр. 102.

слѣднихъ гражданская война стихнетъ. „Страшной войны, говоритъ онъ, бѣдныхъ съ богатыми, которую я предвижу такъ ясно, какъ будто она уже совершается на нашихъ глазахъ, можно было бы избѣжать, и спокойствіе міра было бы упрочено“ [1]).

Въ силу всего этого политическое положеніе Берне было въ сущности трагическое. Онъ былъ убѣжденъ, что надо идти на штурмъ стараго порядка, но съ кѣмъ идти? Не идти же самъ-другъ съ перомъ въ рукахъ! Такой штурмъ злилъ нѣмецкое правительство, но былъ для него мало опасенъ. Оставалась надежда на „общество“ и „народъ“. Но въ нѣмецкое либеральное общество Берне мало вѣрилъ, не внушалъ ему довѣрія и „народъ“. Когда въ тридцатыхъ годахъ начались въ Германіи народныя волненія, Берне писалъ изъ Парижа: „Откровенно сказать, волненія въ Германіи не радуютъ меня. Не выиграемъ мы отъ этого ровно ничего. Не выиграемъ ни силою, потому что она еще не на сторонѣ народа, ни поученіями, обращаемыми къ нашимъ государственнымъ людямъ, потому что ихъ ничѣмъ не исправишь“.

Оставалось уповать на время...

Насколько ярокъ былъ Берне, какъ политическій памфлетистъ, настолько же сѣро и расплывчато было его общее міросозерцаніе, всецѣло проникнутое грубымъ и узкимъ политическимъ позитивизмомъ. Весь, цѣликомъ захваченный повседневной политической борьбою, онъ не сумѣлъ понять, ни тѣхъ великихъ зрѣющихъ силъ, которыя лежатъ въ основѣ этой борьбы, ни тѣхъ великихъ неумирающихъ цѣнностей, которыя носятся надъ нею. Ненависть и презрѣніе къ Гете, полное непониманіе непреходимаго величія его произведеній служитъ достаточно яркимъ символомъ той ограниченности текущимъ моментомъ, которая составляетъ ахиллесову пяту Берне. Глубоко и искренно ненавидя тогдашнее нѣмецкое правительство, Берне въ сущности самъ былъ его плѣнникомъ. Во всѣхъ своихъ обличительныхъ статьяхъ онъ всегда исходилъ отъ правительства, былъ точно загипнотизированъ имъ, весь окружающій міръ съ его неисчерпаемымъ богатствомъ красокъ и звуковъ для него какъ будто бы не существовалъ. Возникавшія и развивавшіяся движенія въ народныхъ глубинахъ, широкія волнующія перспективы въ сторону будущаго—все это не останавливало на себѣ вниманія Берне, всецѣло поглощеннаго текущею злобою сегодняшняго политическаго дня и не сумѣвшаго связать эту злобу, ни съ яркимъ соціальнымъ идеаломъ, ни съ глубокимъ историческимъ обобщеніемъ.

Совершенно иную публицистическую и политическую физіономію представляетъ соратникъ и впослѣдствіи недругъ Берне—Гейне. Насколько Берне всегда на первомъ планѣ ставилъ инте-

[1]) Ibid. стр. 104.

ресы дѣла политическаго освобожденія родной страны, дѣла которому онъ служилъ вѣрою и правдою, „кровью сердца своего и сокомъ нервовъ своихъ“, насколько онъ всегда устранялъ личные мотивы, настолько же у Гейне эти мотивы всегда выступали на аванъ-сцену и придавали субъективную окраску всему тому, что выходило изъ подъ его пера.

Берне имѣлъ полное основаніе сказать о себѣ: „Я никогда не писалъ для славы; писать меня заставляло убѣжденіе. Нравлюсь я или не нравлюсь читателямъ—какое мнѣ до этого дѣло? Развѣ я желаю нравиться? Я не кондитеръ, а аптекарь“. Въ творчествѣ же Гейне слава и одобреніе читателей играли огромную роль, что же касается убѣжденій, то онъ очень легко и часто смѣнялъ ихъ, низвергалъ старые и воздвигалъ новые идеалы и ко всѣмъ имъ въ душѣ относился съ скептицизмомъ и насмѣшкою. Типичный политическій неврастеникъ и диллетантъ, Гейне подъ вліяніемъ капризной смѣны настроеній смѣнялъ свои политическія убѣжденія и зло издѣвался надъ тѣмъ, чему онъ еще вчера поклонялся. Ни во что глубоко и искренно не вѣря, онъ способенъ былъ въ минуты публицистическаго подъема и увлеченія написать геніальныя строки, которыя жгли сердца людей и звали ихъ на борьбу, но эти минуты никогда не были у него длительны и на смѣну имъ шли минуты скептицизма и безвѣрія или еще хуже—минуты малодушія и пустоты, когда ради краснаго словца или земной выгоды онъ насмѣхался надъ своими вчерашними убѣжденіями.

Никто не заклеймилъ эти отрицательныя стороны Гейне съ большею рѣзкостью и запальчивостью какъ Берне.

„Не могу, писалъ онъ, не обратить вниманія на ту милую и легкую манеру, съ которою Гейне говоритъ о предметахъ первой важности. Этотъ милый писатель толкуетъ о любви по поводу Канта, о женскихъ рубашкахъ по поводу христіанства и о себѣ самомъ по поводу всего на свѣтѣ“.

„Какъ въ политикѣ Гейне безпрестанно дезертируетъ изъ одного мнѣнія въ другое, бѣгая по полю сраженія, приближаясь то къ одному лагерю, то къ другому,—точно также въ религіи онъ постоянный перебѣжчикъ отъ деизма къ атеизму и обратно. Дѣло въ томъ, что Гейне ничто иное, какъ торговецъ фразами, предлагающій ихъ встрѣчному и поперечному съ самымъ меркантильнымъ безпристрастіемъ. Онъ никогда не заботится о справедливости, правотѣ дѣла; для него самое главное—его торговля словами, и не успѣетъ надежда на барышъ привлечь его къ одной партіи, какъ страхъ понести убытки уже гонитъ его къ другой. То онъ бранитъ, то восторженно хвалитъ христіанство, смотря по тому, хвала или порицаніе доставляютъ ему удобный случай выгодно сбыть свои вышитыя фразы. Дѣйствительно, небо и земля служатъ ему только канвою для вышиванія хорошенькихъ узо-

ровъ, которые очень нравятся, когда смотришь на нихъ съ лицевой стороны, но теряютъ красоту и цѣнность, чуть только повернешь ихъ на другую сторону".

Понять эту односторонне-рѣзкую характеристику Гейне не трудно—она легко объясняется тѣми обстоятельствами времени и мѣста, когда и гдѣ она писалась. Съ преувеличенною рѣзкостью Берне писалъ объ этихъ обстоятельствахъ времени и мѣста: „Я могу снисходительно смотрѣть на дѣтскія игры, на страсти юноши. Но когда въ минуту самой кровавой битвы мальчишка, гоняющійся на полѣ сраженія за бабочками, попадетъ мнѣ подъ ноги, когда въ минуту большого бѣдствія, между тѣмъ какъ мы горячо молимся Богу, молодой фатъ становится подлѣ насъ въ церкви и только глазѣетъ на молодыхъ дѣвушекъ и перемигивается, и перешептывается съ ними,—тогда, не будь сказано въ обиду нашей философіи и гуманности, мы не можемъ не сердиться".

Но если обстоятельства времени и мѣста, возложившія на нѣмецкую литературу роль передовой и главной арміи въ освободительной борьбѣ, объясняютъ намъ тотъ гнѣвъ, то возмущеніе, которое вызывали у Берне легкомысленные выходки Гейне, то было бы большою ограниченностью и теперь еще смотрѣть на Гейне злыми и ослѣпленными глазами Берне, для котораго его великій современникъ былъ „торговцемъ фразъ", фатомъ, ухаживающимъ за барышнями въ церкви, гдѣ молятся глубоко вѣрующіе люди [1]).

Противъ такого глубоко односторонняго отношенія къ Гейне протестуетъ прежде всего тотъ фактъ, что нѣмецкіе реакціонеры и мѣщане всѣхъ временъ, до нашихъ дней включительно, съ ненавистью относились къ Гейне, вполнѣ основательно видя въ немъ своего непримиримаго врага, а съ другой же стороны такіе люди, какъ Карлъ Марксъ всегда высоко цѣнили революціонное значеніе произведеній Гейне. Печальныя, отрицательныя стороны гейневскаго характера, не должны заслонять передъ нами положительныхъ элементовъ его міросозерцанія. Въ минуты маловѣрія или малодушія Гейне измѣнялъ этимъ положительнымъ элементамъ, смѣялся надъ ними и становился на сторону насильниковъ и хозяевъ исторической сцены, но для всякаго безпри-

---

[1]) Этою большою ограниченностью въ оцѣнкѣ Гейне страдаетъ Куно Франке въ своей „Исторіи нѣмецкой литературы". Для него Гейне лишь „наиболѣе печальный примѣръ интеллектуальной дегенераціи". Никакихъ положительныхъ достоинствъ ни въ Гейне-мыслителѣ, ни даже въ Гейне-поэтѣ Франке не видитъ (Ср. К. Франке Исторія нѣмецкой литературы. Спб. 1904 г. Стр. 536—537). Гораздо глубже понялъ и оцѣнилъ Гейне авторъ прекраснаго новѣйшаго труда о Гейне—„Henri Heine—Penseur par H. Lichtenberger. Paris. 1905. Сочиненіе Лихтенберже, на нашъ взглядъ, является лучшимъ сочиненіемъ о міросозерцаніи Гейне.

страстнаго и внимательнаго читателя было ясно, что эти временныя позорныя измѣны не могутъ измѣнить Гейне, по своей натурѣ ненавидѣвшаго насиліе, мѣщанство, самодовольство. И сами насильники это отлично понимали, болѣе чѣмъ недовѣрчиво относясь къ измѣнамъ Гейне.

Своими насмѣшливыми и проницательными глазами Гейне слишкомъ ясно видѣлъ, что все мрачное и неуклюжее зданіе стараго порядка „несмотря на всю свою внѣшнюю импозантность, было источено червями“ и что его историческіе дни были сочтены, для того, чтобы онъ могъ искренно его защищать.

Въ произведеніяхъ Гейне въ изобиліи разсыпаны удивительныя по своей красотѣ и силѣ слова, показывающія, какъ въ минуты подъема Гейне могъ горѣть яркимъ революціоннымъ настроеніемъ. Прочтите такіе, напр., удивительныя строки:

„Будетъ прекрасный день—тихо повторило мое молящееся сердце и задрожало отъ тоски и радости. О да, будетъ прекрасный день; одно солнце свободы согрѣетъ землю блаженнѣе, чѣмъ аристократія всѣхъ звѣздъ вмѣстѣ; расцвѣтетъ новое поколѣніе, которое зачнется въ свободномъ, добровольномъ объятіи, а не на ложѣ принужденія и не подъ контролемъ умственныхъ надсмотрщиковъ. Вмѣстѣ съ свободнымъ рожденіемъ, въ людяхъ явятся на свѣтъ свободныя мысли и чувства, о которыхъ мы, рожденные рабами, не имѣемъ и понятія... О! у нихъ тоже не будетъ и понятія о томъ, какъ страшна была ночь, въ темнотѣ которой намъ приходилось жить, и какъ ужасно намъ было бороться съ отвратительными призраками, тупыми совами и лицемѣрными грѣшниками! Намъ, бѣднымъ бойцамъ, приходилось тратить всю жизнь на подобную борьбу и теперь, когда разгорается день побѣды, мы такіе блѣдные! Пламя солнечнаго восхода уже не зарумянитъ нашихъ щекъ и не будетъ въ состояніи согрѣть наши сердца. Мы умремъ какъ уходящій мѣсяцъ“.

Двѣ черты въ творчествѣ Гейне объясняютъ намъ почему, несмотря на всѣ его насмѣшки надъ нѣмецкими революціонерами, на всѣ его измѣны своему міросозерцанію, почему, несмотря на все это, нѣмецкіе революціонеры и сейчасъ считаютъ Гейне „своимъ“, тогда какъ къ Берне они относятся лишь съ холоднымъ уваженіемъ. Это двѣ черты: стремленіе къ широкой, богатой великолѣпными красками жизни и связанная съ этимъ борьба съ мѣщанствомъ во всѣхъ видахъ и пониманіе, что демократизмъ, опирающійся на политическое равенство, есть лишь удобная точка опоры, выгодное условіе ожесточенной борьбы общественныхъ силъ, но не ея разрѣшеніе.

Великій насмѣшникъ Гейне часто зло и остроумно смѣялся надъ нѣмецкими революціонерами тридцатыхъ годовъ, подчеркивая, что онъ ни мало не сочувствуетъ ихъ конечному идеалу. Какъ ни грубы и несправедливы были порою по формѣ эти на-

смѣшки, однако мы должны будемъ простить Гейне, если мы вспомнимъ, что тогдашній нѣмецкій демократизмъ былъ въ очень сильной степени пропитанъ мѣщанскимъ позитивизмомъ и былъ лишенъ глубокаго идейнаго позитивизма. Достаточно сказать, что такой крупный представитель нѣмецкаго демократизма тридцатыхъ годовъ какъ Берне, серьезно и сердясь говорилъ, что сотню маленькихъ народныхъ библіотекъ онъ предпочитаетъ одной знаменитой геттингенской библіотекѣ, что Гете имѣетъ только отрицательное значеніе и что поэзія Гете лишена идей вѣчности и внѣпространственности, что борьба бѣдныхъ и богатыхъ могла бы быть устранена, еслибы нѣмецкое правительство оказалось умнѣе и давъ народу политическое равенство, вмѣстѣ съ этимъ улучшило бы экономическое положеніе бѣдныхъ.

Гейне былъ слишкомъ глубокій и страстный эстетъ для того, чтобы согласиться, чтобы знаменитая геттингенская библіотека была размѣнена на сотни народныхъ библіотечекъ, чтобы великій Гете былъ преданъ анаѳемѣ за то, что онъ не перелагалъ въ стихи газетныхъ передовицъ. Видя передъ собою подобные образцы грубаго „демократизма“, Гейне невольно съ тоскою и недовѣріемъ говорилъ о надвигающемся демократическомъ потокѣ, который своими сѣрыми волнами зальетъ всю страну и затопитъ все выдающееся и прекрасное, разостлавъ повсюду свою сѣрую мѣщанскую поверхность.

То лѣченіе, которое прописываютъ крайніе демократы, говоритъ Берне, не вылѣчитъ страждущее человѣчество, „а если имъ и удастся на короткое время избавить страждущее человѣчество отъ страшнѣйшихъ мукъ, то это сдѣлается только въ ущербъ послѣднимъ слѣдамъ красоты, до тѣхъ поръ остававшимся у больного; гадкій, какъ вылѣчившійся филистеръ, встанетъ онъ съ постели и въ отвратительномъ госпитальномъ платьѣ, пепельно-сѣромъ костюмѣ равенства станетъ прозябать со дня на день. Вся переходившая изъ поколѣнія въ поколѣніе безмятежность, вся сладость, все благоуханіе цвѣтовъ, вся поэзія будутъ вычеркнуты изъ жизни и отъ всего этого останется только Раумфордовъ супъ полезности. Красота и геній не найдутъ себѣ никакого мѣста въ общественной жизни нашихъ пуританъ, и начнутъ подвергаться оскорбленіямъ и угнетеніямъ, еще гораздо плачевнѣе тѣхъ, которыя они испытывали при существованіи стараго порядка“ [1]).

По поводу этихъ словъ Гейне можетъ быть сдѣланъ только одинъ упрекъ за то, что *онъ* не сумѣлъ связать идеалы богатой, роскошной жизни, въ которой бы распустились роскошнымъ цвѣтомъ всѣ индивидуальные таланты и способности всѣхъ людей, съ идеалами крайней демократіи, что *онъ* не усмотрѣлъ отсут-

---

1) Гейне, т. I, стр. 634.

ствіе противорѣчія между этими двумя идеалами; но въ отвѣтъ на этотъ упрекъ приходится сослаться лишь на хронологію: въ 1840 г., когда была написана цитируемая статья Гейне, между довольно мѣщанскими идеалами тогдашняго демократизма и идеалами роскошной и богатой индивидуальной жизни существовала непроходимая пропасть и Гейне надо поставить въ заслугу, что онъ мужественно выступилъ въ защиту „красоты и генія" отъ посягательствъ „Раумфордова супа полезности".

И когда въ лицѣ Сенъ-Симона Гейне познакомился съ болѣе возвышеннымъ идеаломъ демократизма, примиряющимъ равенство съ богатствомъ жизненныхъ формъ, то онъ писалъ уже совсѣмъ въ иномъ тонѣ.

„Мы не хотимъ, писалъ онъ, ни санкюлотовъ, ни умѣренной буржуазіи, мы оснуемъ демократію земныхъ боговъ, равныхъ въ своемъ блаженствѣ и божественности. Вы требуете скромнаго одѣянія, суровыхъ нравовъ и дешевыхъ развлеченій, а мы наоборотъ, мы хотимъ нектаръ и амброзію, пурпуровые плащи, всю роскошь благоуханій, танцы нимфъ, музыку, театръ... Не гнѣвайтесь добродѣтельные республиканцы. На порицанія вашей цензуры мы отвѣтимъ словами Шекспировскаго сумасшедшаго: „Ты думаешь, что если ты добродѣтеленъ, то на землѣ не должны существовать ни золотистые пироги, ни канарскія вина?"

Эта фраза отлично показываетъ, что если Гейне возставалъ противъ ученія крайнихъ демократовъ, то не потому, что не сочувствовалъ идеѣ равенства, а потому, что боялся за судьбу „красоты и генія", и когда изъ произведеній Сенъ-Симона и его учениковъ онъ познакомился съ крайнимъ демократизмомъ, соединеннымъ не съ „больничными сѣрыми халатами равенства" и не съ „Раумфордовымъ супомъ полезности", а со свѣтлыми и веселыми идеалами „земныхъ боговъ", то Гейне восторженно увлекся этимъ ученіемъ. Правда, это увлеченіе продолжалось не долго и ростущее народное движеніе очень скоро расшевелило въ его сердцѣ новыя тревожныя опасенія, что демократія замѣнитъ Венеру Милосскую грядками картофеля.

Мы выше отмѣтили, что въ активъ Гейне слѣдуетъ поставить его замѣчательное реалистическое чутье, давшее ему возможность, въ противоположность Берне, понять, что центръ тяжести общественной борьбы съ чисто политической почвы переносится на соціальную, что соціальные интересы составляютъ пружину политической борьбы и что въ ближайшемъ будущемъ на историческую сцену рѣшительно и самостоятельно выступитъ новый общественный классъ и завоюетъ ее.

Реалистическое воззрѣніе Гейне начало развиваться главнымъ образомъ послѣ іюльской революціи. Въ первомъ очеркѣ мы уже видѣли, съ какимъ восторгомъ Гейне встрѣтилъ эту революцію,

но очень скоро онъ понялъ, что эта революція была не „народной“, а чисто буржуазной.

„Уже въ первые дни моего пребыванія въ Парижѣ, писалъ Гейне, я замѣтилъ, что на самомъ дѣлѣ вещи явились совсѣмъ не съ тѣмъ цвѣтомъ, который придавали ему издали свѣтовые эффекты моего энтузіазма...

Бѣдный народъ!

Эта уже старая исторія. Не для себя—съ незапамятныхъ временъ—истекалъ кровью и страдалъ этотъ народъ, а для другихъ. Въ іюлѣ 1830 г. онъ одержалъ побѣду для той буржуазіи, которая также негодна, какъ аристократы, чье мѣсто она заняла, и въ которой точно такой же эгоизмъ... Народъ отъ своей побѣды не пріобрѣлъ себѣ ничего, кромѣ раскаянія и усиленія бѣдственнаго положенія. Но будьте увѣрены, когда снова ударятъ въ набатъ, и народъ схватится за ружье, онъ на этотъ разъ будетъ биться уже для самого себя и потребуетъ заслуженную награду“ [1]).

Въ знаменитомъ сочиненіи „Германія“, Гейне геніально подмѣтилъ, что борьба за свободу изъ рукъ интеллигенціи все болѣе переходитъ въ руки буржуазіи и пролетаріата. Въ былое время, говоритъ онъ, „чувство свободы процвѣтало больше въ сердцахъ ученыхъ, поэтовъ и вообще литераторовъ, а теперь оно высказывается тутъ гораздо меньше, но съ гораздо большею силою въ средѣ дѣйствующей массы, между ремесленниками и промышленниками“.

Луи-Филиппъ, говоритъ онъ, положилъ начало „новому королевству, королевству буржуазіи, которая измѣнитъ ликъ земли“. Въ 1833 г. въ письмѣ къ Лаубе Гейне пишетъ по поводу іюльской революціи: „Вы стоите выше всѣхъ другихъ, обращающихъ вниманіе лишь на внѣшнюю сторону революціи, а не на ея болѣе глубокія проблемы. Эти проблемы не касаются ни вопроса о формахъ, личностяхъ, ни вопросовъ о республиканскомъ строѣ, или ограниченія монархической власти. Прежняя спиритуалистическая религія могла существовать только до сихъ поръ, пока большинство народа было осуждено на рабство и для своего утѣшенія имѣло лишь небесную религію. Но съ тѣхъ поръ, какъ благодаря прогрессу индустріи и экономической науки явилась возможность освободить народъ отъ нищеты и сдѣлать его счастливымъ на землѣ, съ этого момента... словомъ вы меня понимаете. И всѣ люди васъ поймутъ, когда вы имъ скажете, что они могутъ ежедневно ѣсть бифштексъ вмѣсто картофеля, меньше работать и сколько угодно танцовать. Будьте спокойны, люди не ослы“[2]).

---

[1]) Г. Гейне. Собр. сочин. Изд. Маркса. Спб. 1904 г., т. I, стр. 562.
[2]) Ibid, стр. 616.

Отмѣтивъ нарожденіе эры буржуазнаго господства, Гейне вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ и появленіе новаго общественнаго класса, который неминуемо свергнетъ буржуазію. Въ своихъ парижскихъ корреспонденціяхъ (1840—1843 г.г.) Гейне мѣтко описываетъ процессъ появленія этого новаго класса. Гейне предсказываетъ здѣсь наступленіе смертельной борьбы „между неимущими и имущими классами", побѣда въ которой будетъ на сторонѣ первыхъ.

Мы находимъ у Гейне поразительную для того времени по своей проницательности характеристику двухъ типовъ движенія— англійскаго и нѣмецкаго. Несмотря на то, что въ ту эпоху, когда Гейне писалъ нижеприводимыя строки, англійское рабочее движеніе не только существовало, но и имѣло за собою славное историческое прошлое, тогда какъ нѣмецкое движеніе едва только зарождалось, несмотря на это, Гейне съ геніальною прозорливостью предсказалъ нѣмецкому движенію болѣе смѣлую и ярко выраженную политическую будущность, чѣмъ англійскому. Дайте англійскимъ рабочимъ, говоритъ онъ, ростбифъ и плюмъ-пуддингъ и они успокоятся. Въ Германіи же „тайные вожди коммунистовъ великіе діалектики, изъ которыхъ наиболѣе выдающіеся вышли изъ школы Гегеля, представляя собою наиболѣе способныхъ и рѣшительныхъ людей современной Германіи. Это доктора революціи". И Гейне доказываетъ, что будущее Германіи принадлежитъ этимъ „докторамъ революціи".

Наконецъ, въ произведеніяхъ Гейне надо отмѣтить, на что страннымъ образомъ до сихъ поръ совершенно не обращалось вниманія, геніальные проблески историческаго реализма, окрещеннаго впослѣдствіи въ матеріалистическое пониманіе исторіи [1]).

Въ произведеніяхъ Гейне геніальные проблески матеріалистическаго пониманія исторіи вспыхиваютъ очень часто и очень ярко, конечно оставаясь проблесками и не окрашивая собою всего міросозерцанія. Надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ на насъ за

---

[1]) Ниже намъ не разъ придется отмѣчать у тѣхъ или иныхъ нѣмецкихъ писателей до мартовской и до Марксовской эпохи *проблески* историческаго матеріализма, точно также, какъ въ первыхъ произведеніяхъ Маркса намъ придется отмѣтить пережитки субъективистической соціологіи. Отмѣчая проблески, робкіе ростки историческаго матеріализма у Гейне и у другихъ писателей тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ, мы при этомъ не могли утверждать, что эти писатели цѣликомъ стояли на точкѣ зрѣнія матер. пониманія исторіи, проблески пониманія еще не составляютъ міросозерцанія. Точно также, какъ и у Маркса пережитки стараго міросозерцанія въ его первыхъ статьяхъ не мѣшаютъ тому, что уже въ этихъ статьяхъ мы находимъ элементы новаго міросозерцанія. Дѣлаемъ это примѣчаніе для людей, которые, подобно, напр. А. Г. (см. февр. № „Образов."), безъ спеціальнаго разъясненія не понимаютъ этой элементарной вещи.

нѣсколько обильныя цитаты—вѣдь перечитывать Гейне всегда большое удовольствіе, а здѣсь къ тому же мы познакомимся съ тою стороною творчества Гейне, которую до сихъ поръ совершенно не замѣчали.

Въ статьѣ „Романтическая школа", написанной въ *1833 г.*, Гейне пишетъ:

„Искусства суть только зеркало жизни, и, когда католицизмъ ослабѣлъ въ жизни, онъ заглохъ и померкъ въ искусствѣ... Могучія мраморныя фигуры Микель-Анджело, веселыя нимфы Джуліо Романо и радостное упоеніе жизнью въ стихахъ маэстро Людовико Аріосто—развѣ это не протестующая оппозиція старому, мрачному, угрюмому католицизму? Полемика итальянскихъ живописцевъ съ римскимъ духовенствомъ была, быть можетъ, повліятельнѣе полемики саксонскихъ богослововъ. Цвѣтущее здоровьемъ тѣло на картинахъ Тиціана—все это протестантизмъ. Бедра его Венеръ—тезисы, гораздо ослѣпительнѣе тѣхъ, которые прибилъ нѣмецкій монахъ къ дверямъ виттенбергской церкви".

„Романтическая школа, говоритъ въ той же статьѣ Гейне, шла рука объ руку съ желаніями правительствъ и тайныхъ обществъ, и А. В. Шлегель съ такими же цѣлями составлялъ заговоръ противъ Расина, съ какими и министръ Штейнъ противъ Наполеона".

Еще болѣе поразительны слѣдующія слова Гейне:

„Между тѣмъ, какъ наши прежніе философы, бѣдные и отрекшіеся отъ свѣта, сидѣли на корточкахъ въ своихъ жалкихъ мансардахъ, и тамъ разрабатывали свои системы, теперешніе философы наши щеголяютъ въ блестящей ливреѣ власти, они сдѣлались статсъ-философами, въ томъ именно отношеніи, что *придумали философскія оправданія всѣхъ интересовъ государства, на службѣ котораго состояли.* Напр., Гегель, проф. въ протестантскомъ Берлинѣ, ввелъ въ свою систему и всю евангелически-протестантскую догматику, а Шеллингъ, профессоръ въ католическомъ Мюнхенѣ, оправдываетъ теперь въ своихъ лекціяхъ даже самыя крайнія ученія римско-католической церкви.

Да, какъ нѣкогда философы Александрійской школы употребляли все свое остроуміе, чтобы сохранить своими аллегорическими толкованіями отъ совершеннаго паденія колеблющійся культъ Юпитера, такъ точно и наши нѣмецкіе философы стараются дѣлать нѣчто подобное для своихъ религій. *Намъ нѣтъ надобности добиваться, дѣйствуютъ ли эти философы безкорыстно, но когда мы видимъ ихъ въ связи съ партіей духовенства, матеріальные интересы котораго связаны съ поддержа-*

---

¹) Ср. Гейне, т. III, стр. 272, 273.

²) Ib. 281 стр.

ніемъ католицизма, то называемъ ихъ іезуитами" [1]) (курсивъ нашъ).

Или, посмотрите, напримѣръ, какъ геніально объясняетъ Гейне смѣну музыкальныхъ симпатій общества. Даже на музыкальныхъ произведеніяхъ Гейне геніально подмѣтилъ вліяніе соціальныхъ условій. Онъ пишетъ, напр.:

„Музыка Мейербера больше соціальна, чѣмъ индивидуальна; благодарные современники, находящіе въ ней свои внутреннія и внѣшнія битвы, свой душевный разладъ, свою борьбу воли, свои страданія и надежды, апплодируя великому маэстро, этимъ самымъ чувствуютъ свои собственныя страсти и энтузіазмъ. Музыка Россини болѣе приличествовала времени реставраціи, когда, послѣ великихъ битвъ и разочарованій, люди поневолѣ утратили сочувствіе къ своимъ общимъ великимъ интересамъ, и чувства своего *я* снова вступили въ свои законныя права. Во время революціи и имперіи Россини никогда не достигъ бы своей громадной популярности. Робеспьеръ можетъ быть обвинилъ бы его въ антипатріотическихъ, умѣренныхъ мелодіяхъ, а Наполеонъ, конечно, не сдѣлалъ бы его капельмейстеромъ при великой арміи, гдѣ ему нужно было одушевленіе цѣлой массы... Реставрація была временемъ торжества Россини, и даже небесныя звѣзды, для которыхъ въ то время наступила пора праздничнаго отдыха, и которыя перестали заботиться о судьбѣ народовъ, слушали его съ восторгомъ. Между тѣмъ, іюльская революція произвела большое волненіе какъ на землѣ, такъ и на небѣ: звѣзды, люди, ангелы и короли лишились спокойствія, пришлось снова работать, устраивать новый порядокъ вещей; ни у кого не хватало свободнаго времени и душевнаго спокойствія для того, чтобы услаждаться мелодіями личнаго чувства и только тогда, когда большіе хоры „Роберта Дьявола", а еще больше „Гугенотовъ" гармонически негодуютъ, гармонически ликуютъ, гармонически рыдаютъ—сердца чутко слушаютъ и восторженно вторятъ своими рыданіями, ликованіями и негодованіемъ.

Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, можетъ быть, послѣдняя причина того неслыханнаго, колоссальнаго успѣха, которымъ пользуются въ цѣломъ мірѣ двѣ большія оперы Мейербера. Онъ человѣкъ своего времени, и время, всегда умѣющее выбирать своихъ людей, подняло его на щитъ" [2]).

Берне и Гейне служатъ двумя различными типами нѣмецкой литературы періода политической бури и натиска. Оба они стоятъ на грани переходной эпохи, когда Германія переживала мучительный процессъ прорѣзыванія новыхъ политическихъ формъ. Берне весь безъ остатка ушелъ въ чисто-политическую

---

[1]) Ср. Гейне, т. III, 335 стр.

[2]) Ср. Гейне, т. III, 447, 448 стр.

злобу дня, оставаясь глухонѣмымъ ко всему лежащему внѣ ея. Сложныя и тревожныя соціальныя проблемы, уже тогда замѣченныя наиболѣе зоркими людьми подъ оболочкой политическаго единенія „всего общества", вопросы о красотѣ и цѣнности человѣческой жизни мало останавливали на себѣ вниманіе Берне. Онъ былъ представителемъ той переходной эпохи, когда въ горячей атмосферѣ освободительной борьбы и подъ высокимъ давленіемъ реакціоннаго давленія соединялись въ одинъ политическій сплавъ самые разнородные соціальные элементы, что рождало иллюзію цѣльнаго и единаго общества и заслоняло соціальные вопросы.

Гейне же за политическимъ шумомъ сегодняшняго историческаго дня никогда не забывалъ о необходимости охранять богатую и разнообразную человѣческую личность, охранять гордыя вершины человѣческой мысли и культуры отъ всякихъ мѣщанскихъ посягательствъ, съ чьей бы стороны они не исходили. Гейне далѣе видѣлъ, что оболочка общей политической борьбы противъ одного и того же врага скрываетъ внутри себя назрѣвающую борьбу соціальныхъ интересовъ. И вотъ почему, несмотря на всѣ привлекательныя личныя свойства Берне, непоколебимость и глубокую серьезность его убѣжденій и несмотря на многія, очень непривлекательныя личныя свойства Гейне, легкомысленно измѣнявшаго своимъ убѣжденіямъ, имя Гейне до сихъ поръ ненавистно всѣмъ мракобѣсамъ и глубоко чтимо передовыми теченіями, тогда какъ къ Берне теперь первые относятся лишь со сдержаннымъ недружелюбіемъ, а вторые—лишь со сдержаннымъ уваженіемъ.

Придерживаясь классификаціи самого Гейне, дѣлившаго всѣхъ людей на „назаретянъ, людей съ аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими тенденціями" и „эллиновъ, людей съ реалистической природой, стремящихся къ радостямъ бытія и возвышеннымъ наслажденіямъ", придерживаясь этой классификаціи мы должны причислить Берне къ назаретянамъ, а Гейне—къ эллинамъ.

На болѣе второстепенныхъ представителяхъ молодой Германіи мы не станемъ останавливаться, они представляютъ не индивидуальный, а, такъ сказать, хоровой интересъ. Ихъ поэты были лишь музыкантами, идущими впереди освободительной арміи, и ихъ поэтическія произведенія интересны главнымъ образомъ, сначала какъ зоря, а впослѣдствіи какъ походный маршъ, шевелившій малоподвижную армію нѣмецкаго освободительнаго движенія и ускорявшій ея тяжелый и медленный шагъ.

Второстепенные поэты молодой Германіи интересны лишь въ качествѣ политическихъ буревѣстниковъ, пѣсни которыхъ становились тѣмъ громче, радостнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ ближе придвигались событія къ 1848 году. Черезъ всѣ эти глубокія и

наивныя, талантливыя и бездарныя произведенія проходила глубокая оптимистическая увѣренность, что

Trotz alledem und alledem,
Trotz Dummheit, List und alledem,
Wir wissen doch:—die Menschlichkeit
Behält den Sieg trotz alledem.

Ибо, какъ говорилъ нѣмецкій поэтъ Шамиссо:

Das Wort wird That,
Das Kind wird Mann,
Der Wind wird Sturm,
Wer zweifelt dran?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Берлинъ.

Майское эхо.

Изъ Маріи Конопницкой.

Спите, розы, безмятежно,
Доброй ночи вамъ!
Разливаетъ мѣсяцъ нѣжно
Свѣтъ по облакамъ,
Отблескъ въ озерѣ сливая
Съ темною волной,
Стебли лилій обвивая
Бѣлой пеленой.
Брезжитъ блѣдное сіянье
Тамъ, гдѣ умеръ день...
Каждой травки очертанье
Уловила тѣнь...
Вздохамъ вѣтра сумракъ внемлетъ
Въ чуткой тишинѣ,
И челнокъ недвижно дремлетъ
На нѣмой волнѣ...
Проклинаетъ рабью долю
Духъ мой въ эту ночь,
Изъ груди стремясь на волю,
Какъ изъ клѣтки—прочь...
Мысль взлетитъ и бьется снова...
Есть же счастье, есть!
И душа моя готова
Пышно вся расцвѣсть...
Счастья! счастья на мгновенье!
Пусть оно средь бурь
Лишь безумное стремленье
Мотылька въ лазурь.
Столько счастья, сколько влаги
Въ чашечкѣ цвѣтка...
Небо, горы и овраги!—
Жжетъ меня тоска...
Стономъ будятъ эхо муки,
Листья шелестятъ...
Тише, скорбной пѣсни звуки:
Люди мирно спятъ...
Мгла клубится... Ударяю
Тихо по струнамъ...
Спите, розы! Я желаю
Доброй ночи вамъ.

Е. Чернобаевъ.

ПОДЪ БРЕМЕНЕМЪ ВЛАСТИ.

Романъ Маріи Корелли.

Переводъ съ англійскаго *З. Журавской.*

(*Продолженіе*).

ГЛАВА VIII.

Двойникъ короля.

Когда Леруа поднялся съ мѣста, чтобы начать говорить, произошелъ маленькій инцидентъ. Максъ Граубъ опрокинулъ свой стаканъ и поднялъ какую-то возню подъ столомъ съ своимъ сосѣдомъ, Акселемъ Регоромъ.

— Что съ вами?—съ изумленіемъ спросилъ Леруа,—вы поссорились?

— Поссорились!—повторилъ Максъ Граубъ.—Нѣтъ, но развѣ можно не сердиться, когда ваше пиво разольютъ по столу? Онъ опрокинулъ мой стаканъ.

— И не думалъ!—сердито возразилъ Регоръ.—Вы сами его опрокинули.

— Нѣтъ вы! И, когда я толкнулъ васъ за это, вы показали мнѣ револьверъ въ карманѣ! Терпѣть не могу, чтобы мнѣ грозили револьверомъ. Ну, я и отнялъ его. Вотъ онъ.— И онъ положилъ на столъ оружіе.

Леруа нахмурился. — Я не зналъ, что при васъ есть оружіе.

Серджіусъ Тордъ замѣтилъ его неудовольствіе и вмѣшался.

— Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, другъ мой. Всѣ мы носимъ съ собой оружіе; у каждаго изъ насъ, сидящихъ за столомъ, есть при себѣ заряженный пистолетъ—даже Лотисъ не составляетъ исключенія.

— Даю вамъ слово,—воскликнулъ Максъ Граубъ,—что

у меня нѣтъ при себѣ заряженнаго пистолета, и я готовъ присягнуть, что Леруа также безоруженъ!

— Совершенно вѣрно,—спокойно сказалъ Леруа.—Я не имѣю привычки подозрѣвать кого-либо въ дурныхъ намѣреніяхъ относительно меня.

При этихъ словахъ Лотисъ порывисто потянулась впередъ и подала ему руку—красивую, изящной формы и бѣлую, какъ лепестки бѣлой розы.

— Мнѣ это нравится! Это такъ естественно въ храбромъ!

Съ легкой краской въ лицѣ Леруа взялъ эту руку, тихонько пожалъ ее и отпустилъ. Аксель Регоръ обвелъ всѣхъ вызывающимъ взглядомъ.

— Ну, а я каждаго подозрѣваю въ дурныхъ намѣреніяхъ—по крайней мѣрѣ вы сразу узнаете меня съ худшей стороны. Мой жизненный опытъ былъ, можетъ быть, исключительно непріятенъ, но онъ научилъ меня одному: никогда нельзя быть увѣреннымъ, что человѣкъ вашъ другъ, пока вы не сдѣлали эту дружбу выгодной для него.

— Въ прошломъ или въ будущемъ?—усмѣхнулся Тордъ.— Ну, что жъ Аксель Регоръ, я склоненъ думать, что вы правы.

— Значитъ оружіе здѣсь позволительно? — спросилъ Граубъ.

— Не только позволительно, но необходимо. Всѣмъ членамъ нашего братства ежеминутно можетъ грозить измѣна и всякія бѣды,—каждый изъ насъ долженъ быть насторожѣ. Товарищи!—Онъ возвысилъ голосъ.—Оружіе на столъ!

Моментально, словно по командѣ, на столѣ появились пистолеты и кинжалы, по большей части маленькіе, корсиканскіе, въ кожаныхъ футлярахъ. Пакэнъ Леруа улыбнулся, видя, что и передъ Лотисъ очутилось такое же маленькое, но смертоносное оружіе вмѣстѣ съ небольшимъ револьверомъ въ серебряной оправѣ.

— Береженнаго и Богъ бережетъ,—сказалъ онъ весело.— Сударыня, если я когда-нибудь провинюсь, я увѣренъ, что смерть отъ вашей руки будетъ легкой.—Господа, я все-таки хочу сказать свою рѣчь и, если вы позволите, скажу безоружный, передъ всей этой металлической аудиторіей, которой ничего не стоитъ прикончить меня, если я скажу что-нибудь, что вамъ не понравится.

— Ей Богу, онъ храбрый!—воскликнулъ Поль Зушъ.— Послушай-ка, Тордъ, ты подцѣпилъ настоящаго козыря. Говорите, Пакэнъ Леруа! Мы простимъ вамъ, если вы даже будете хвалить короля.

Съ минуту Леруа стоялъ будто въ раздумьи. Оба его товарища время отъ времени взглядывали на него съ изумленіемъ и тревогой, но онъ, казалось, не замѣчалъ этого,

подъ наплывомъ чувства, глубоко захватившаго его душу, и, быть можетъ, именно это сдержанное волненіе придало такую богатую звучность его голосу, когда наконецъ заговорилъ.

— Друзья и братья! Трудно человѣку, который до сегодняшняго вечера никогда не постигалъ на опытѣ значенія словъ: свобода, равенство и братство, найти слова, чтобы выразить то чувство благодарности, которое испытываю я, совершенно чужой вамъ человѣкъ, съ такой готовностью и сердечностью принятый вами въ вашу среду, принятый безъ колебаній въ члены вашего комитета, и въ товарищи по служенію дѣлу, которому вы посвятили свою жизнь. Конечно, не мнѣ вамъ говорить, что это—служеніе идеалу. Защищать бѣдныхъ отъ тираніи богатыхъ и сильныхъ—такова была миссія Христа, когда онъ сошелъ на землю. И, быть можетъ, неблагоразумно съ моей стороны обезкураживать васъ напоминаніемъ, что даже Онъ не имѣлъ успѣха. Сильные, эгоисты, жестокіе и до сихъ поръ тѣснятъ своихъ безпомощныхъ братьевъ, и это вполнѣ естественно, такъ какъ сама христіанская церковь теперь стремится только къ наживѣ и возвышенію.

Взрывъ рукоплесканій прервалъ его рѣчь. Всѣ взоры были устремлены на него. Онъ продолжалъ:

— Когда подумаешь, что сдѣлали мнимые послѣдователи Христа съ Его ученіемъ, душа болитъ отъ горя и стыда! Когда вспомнишь, что Христосъ сошелъ на землю проповѣдывать людямъ евангеліе любви, а они и черезъ восемнадцать вѣковъ послѣ его смерти все еще предпочитаютъ евангеліе ненависти, начинаешь сомнѣваться въ религіи вообще. Ученіе божественнаго соціалиста было слишкомъ чисто и прекрасно для нашего міра; и когда мы пытаемся слѣдовать ему, противъ насъ со всѣхъ сторонъ выдвигаютъ ложныя доктрины и условности, ибо современная церковь ищетъ награды, а не жертвъ. Если бы Христосъ снова сошелъ на землю, Онъ первымъ дѣломъ разрушилъ бы всѣ церкви, говоря: „Я не знаю васъ, отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе!“ Но пока онъ не пришелъ, дѣло людей протестовать противъ неправды и насилія, даже если они и не могутъ искоренить ихъ—обличать ложь и обманъ, даже если они не въ состояніи совершенно парализовать ихъ вредное дѣйствіе. Но тогда какъ большинство людей ищутъ богатства и матеріальныхъ выгодъ, къ несчастью, лишь немногіе заботятся о бѣднякахъ и добиваются справедливости для всѣхъ—какъ мы. Люди, стоящіе внѣ нашего братства, съ удивленіемъ спрашиваютъ: „Что имъ нужно? Чего они добиваются?“ Я отвѣчу имъ: „Мы хотимъ поло-

жить конецъ политическому режиму, основанному на подкупѣ и растлѣніи. Мы хотимъ обличить передъ всѣми тѣхъ, кто, подъ предлогомъ служенія странѣ, только набиваетъ свои сундуки, угнетая народъ налогами. И если мы видимъ короля, поощряющаго господство политической партіи, руководствующейся исключительно финансовыми соображеніями, не считаясь съ нуждами націи, мы всей душой желаемъ гибели этому королю!

Глухой ропотъ пошелъ по залѣ, словно волчій вой, сдержанный, злой и гнѣвный. Внимательный наблюдатель, можетъ быть, замѣтилъ бы, какъ Леруа внезапно поблѣднѣлъ, а рука Акселя Регора невольно сжалась въ кулакъ. Максъ Граубъ обвелъ взглядомъ собраніе.

— Вы такъ ненавидите короля?

Никто не отвѣтилъ ему. Очевидно, перерывъ былъ нежелательнымъ; все вниманіе было сосредоточено на Леруа. Тотъ спокойно продолжалъ:

„Я особенно подчеркиваю это потому, что, помимо всего прочаго, у меня есть свои личныя причины ненавидѣть короля. Я страшно похожъ на него—насъ можно принять за двухъ братьевъ близнецовъ, такъ мы похожи. Прошу васъ, друзья мои, вглядитесь хорошенько мнѣ въ лицо, запомните мои черты, чтобъ какъ нибудь не ошибиться, ибо теперь я вашъ товарищъ и вовсе не хочу, чтобы вы когда-нибудь приняли меня за своего врага!

Онъ выпрямился и гордо поднялъ голову. Невольно всѣ вскрикнули отъ удивленія. Серджіусъ Тордъ даже наклонился впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть его лицо. Но всѣхъ внимательнѣе смотрѣла на него Лотисъ. Ея дивные глаза, горѣвшіе какимъ-то страннымъ внутреннимъ огнемъ, не отрывались отъ его лица.

— Да, вы удивительно похожи на короля, сказала она.— По крайней мѣрѣ, насколько я могу судить по его портретамъ и изображеніямъ на монетахъ. Я никогда не видала его.

— Ну, я то видѣлъ,—сказалъ Серджіусъ Тордъ, хоть и не вблизи. Удивляюсь, какъ это я раньше не замѣтилъ этого страннаго сходства. Да вы въ родствѣ съ нимъ, что ли?

— Въ родствѣ!—Леруа расхохотался.—Нѣтъ! Если у покойнаго короля и были незаконныя дѣти, я не изъ ихъ числа. Какъ мнѣ ненавистно это сходство, заставляющее меня быть живымъ двойникомъ человѣка, котораго я больше всѣхъ презираю!

Наступила пауза. Леруа спокойно стоялъ подъ огнемъ перекрестныхъ, испытующихъ взглядовъ.

— Ну что, насмотрѣлись? достаточно? Серджіусъ Тордъ, мой вождь и командиръ, теперь вы изучили мое лицо?

— Изучилъ! Но все же мнѣ жаль видѣть въ васъ такое сходство съ глупцомъ и мошенникомъ.

Странная гримаса искривила лицо Макса Грауба, но онъ поспѣшилъ скрыть ее въ пѣнящейся кружкѣ пива.

— Вы не можете жалѣть объ этомъ больше меня,— сказалъ Леруа.—Ну-съ, а теперь позвольте мнѣ кончить. Благодарю васъ отъ души за радушный пріемъ и довѣріе. Я горжусь принадлежать къ вашему обществу. Я обѣщаю вамъ всѣмъ, что вы не раскаетесь, взявъ меня къ себѣ въ товарищи. Чтобъ доказать свою искренность, я завтра же примусь за работу. Даю вамъ слово, что къ будущей нашей встрѣчѣ кое-что уже будетъ сдѣлано для того, чтобы подорвать политическую власть Карла Перусса.

Серджіусъ Тордъ, взволнованный, вскочилъ съ мѣста.

— Сдѣлайте это. И будь вы еще въ тысячу разъ больше похожи на короля, мы всѣ станемъ служить вамъ!

Раздались возгласы одобренія; всѣ обступили Леруа. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ и полушутя, полусерьезно прибавилъ:

— Только вы должны сказать мнѣ, что дѣлать. Объясните мнѣ, почему вы считаете Перусса измѣнникомъ и какъ по вашему легче всего уличить его въ измѣнѣ. Помните, что я здѣсь чужой человѣкъ, пріѣзжій, и мое случайное сходство съ королемъ не дѣлаетъ меня его подданнымъ.

— Вѣрно!—воскликнулъ Поль Зушъ, и глаза его лихорадочно заблестѣли, а щеки вспыхнули румянцемъ.—Сходство съ лжецомъ не обязываетъ лгать самому. Называться поэтомъ еще не значитъ умѣть писать стихи, какъ строить церкви не значитъ быть святымъ. Чтобы изучить всѣ ходы и выходы политики Перусса, вамъ нужно сначала добиться доступа къ первому министру, а затѣмъ проникнуть въ самую глубь помойной ямы большой газеты, которую субсидируетъ его партія. Все это трудно, могу васъ увѣрить,— очень трудно, мой храбрый Пакэнъ. Если вамъ удастся продѣлать этакую, „паскинаду", мы васъ, пожалуй, выберемъ главой нашего комитета вмѣсто Серджіуса. Серджіусъ говоритъ о, какъ онъ говоритъ!—онъ можетъ заговорить васъ на смерть,—но онъ ничего не дѣлаетъ.

— Я дѣлаю, что могу. Правда, я не имѣю доступа къ вершинамъ дипломатіи и журналистики. Но зато народъ у меня въ рукахъ!

Тордъ говорилъ съ глубокимъ сдержаннымъ чувствомъ; вся сила его души свѣтилась въ его загорѣвшихся, темныхъ глазахъ. Леруа вглядывался въ его лицо съ нескрываемымъ интересомъ.

— Если народъ у васъ въ рукахъ,—сказалъ онъ,—почему же вы не ведете его на бой со зломъ и тиранніей?

Тордъ покачалъ головой.—Поднять народъ хуже, чѣмъ выманить стаю голодныхъ львовъ изъ берлогъ и натравить ихъ на народъ. Нѣтъ! Время еще не поспѣло! Сначала надо испробовать мирныя средства; если не удастся, тогда!..

Онъ не докончилъ, но его сжатый кулакъ и выразительный взглядъ говорили краснорѣчивѣе словъ.

— Почему вы не возьметесь за самое страшное оружіе—за перо?—спросилъ Максъ Граубъ,—издавали бы газету и пригвоздили бы въ ней къ позорному столбу вашего любимца!

— Ба! Онъ привлекъ бы насъ къ суду, и это только послужило бы ему рекламой,—презрительно сказалъ Цегота.— И потомъ на газету нужны деньги, а у насъ нѣтъ богатыхъ друзей.

— Богатыхъ друзей!—воскликнула Лотисъ.—Зачѣмъ они? Къ чему? За богатыми друзьями нужно ухаживать, кланяться имъ, унижаться, лгать, пятки имъ лизать—все это не для честныхъ людей. Вотъ ужъ истинно кого слѣдовало бы звать *чернью*, такъ это богачей. Нужно не имѣть ни души, ни сердца, ни разума, чтобы унизиться до заискиванія передъ ними. Искать дружбы человѣка, который кичится только тѣмъ, что у него немножко больше желтаго металла, чѣмъ у его сосѣда.

—Однако этотъ желтый металлъ очень бы пригодился для того, чтобы сгладить жизненный путь генію, — сказалъ Цегота.—Ахъ Лотисъ, Лотисъ, какая вы идеалистка!

—Идеалистка! А себя вы называете реалистомъ, бѣдный ребенокъ!—засмѣялась Лотисъ. Не знаю идеалистка я или нѣтъ, но знаю, что я скорѣй померла бы съ голоду, чѣмъ приняла бы помощь или милость отъ богача только потому, что онъ богатъ!

—Ну, вы то конечно!—сказалъ Зушъ.—Потому мы васъ и поставили своей командиршей. Мы, мужчины, не очень въ себѣ увѣрены, но, Богъ вѣсть почему увѣрены въ васъ. Это должно быть потому, что вы сами въ себѣ увѣрены. Мы, мужчины, какія то жалкія существа: напримѣръ, мы не можемъ долго оставаться безъ пищи, а женщина можетъ голодать цѣлый день и не позволить себѣ даже вспомнить, что она не ѣла. Мы плохо переносимъ боль, а женщина страдаетъ, не жалуясь, и еще перевязываетъ наши царапины. И вотъ именно потому, что вы, женщины, во многихъ отношеніяхъ выше насъ, мы поставили васъ надъ собой, какъ живой примѣръ, который крикнетъ намъ: стыдно! если мы ослабѣемъ духомъ. Вы способны все снести

ради любви, а мы, по совѣсти говоря, ничего. Мы настойчивы только когда добиваемся того, что лично намъ можетъ доставить удовольствіе, да и то только, пока добиваемся, а затѣмъ бросаемъ и жаждемъ перемѣны. Не правда-ли, Серджіусъ?

—Я радъ, что ты такъ хорошо себя знаешь,—угрюмо возразилъ Серджіусъ.—Лично я не раздѣляю этой теоріи.

—Мужчины—дѣти, улыбнулась Лотисъ, — и женщины всегда будутъ обращаться съ ними, какъ съ дѣтьми. Полно спорить, ребятки! Пора вамъ бай-бай. Уже поздно, и дождь пересталъ.

Она подошла къ окну, раскрыла ставни и отворила его. Мостовая блестѣла отъ дождя, но небо прояснилось; блѣдный мѣсяцъ порой выглядывалъ изъ-за тумана.

—Прощайтесь и уходите,—продолжала она,—ужъ пора. Черезъ мѣсяцъ въ этотъ самый день мы встрѣтимся снова, и тогда наши новые товарищи разскажутъ намъ, чего они добились относительно Карла Перусса.

Леруа подошелъ къ ней.—Скажите мнѣ, какъ бы вы нашли доступъ къ нему, еслибы вы поставили себѣ задачей изобличить его лицемѣріе?

Я постаралась бы добыть печать перваго министра—только мнѣ ея не добыть, да и вамъ тоже. А затѣмъ показала бы ему эту печать въ знакъ того, что онъ можетъ говорить не стѣсняясь. Ну онъ и выдалъ бы себя. Вѣдь они съ премьеромъ вертятъ королемъ какъ пѣшкой.

— Будто?—началъ было Леруа, но десять голосовъ сразу перебили его:—Ну, разумѣется, король пѣшка!—Онъ глупъ! Онъ невольникъ! Онъ вѣритъ всему, что они говорятъ, и не справляется, по закону ли они поступаютъ!

—Король увѣряетъ, что онъ другъ народа, а попросите его что нибудь сдѣлать для народа, отъ секретаря всегда одинъ отвѣтъ: Его Величество сожалѣетъ, но ничего не можетъ сдѣлать.

—Погодите, погодите,—сказалъ Леруа,—вопросъ въ томъ: *можетъ ли* король сдѣлать что нибудь, еслибъ онъ и хотѣлъ.

—На это я вамъ отвѣчу!—вскричала Лотисъ. Глаза ея сверкали, грудь высоко вздымалась, всѣ черты дышали гордостью и страстью.—Король все можетъ! Король можетъ, если захочетъ, быть человѣкомъ, вмѣсто пѣшки! Это ничего, что онъ конституціонный монархъ. Всетаки онъ можетъ употреблять свое вліяніе въ пользу, а не во вредъ народу. Королю ничто не можетъ помѣшать исполнять свой королевскій долгъ. Пусть только не тратитъ времени на шутовъ и легкомысленныхъ бабенокъ.

Леруа съ минуту молча смотрѣлъ на нее.

—Сударыня, еслибы король слышалъ васъ, то онъ, можетъ быть, пожалѣлъ бы о многихъ своихъ безумствахъ. Но не думаете ли вы, что теперь уже поздно поправлять зло? А что вы скажете о королевѣ.

—Что-жъ, она королева поневолѣ, а не по собственному выбору,—сказала Лотисъ.—Она никогда не любила мужа. Еслибъ она любила его, быть можетъ, она сумѣла бы заставить его полюбить и свой народъ.—Въ ея голосѣ зазвенѣла нотка жалости, удивительно трогательная, но тотчасъ же, словно разсердившись на себя, она повернулась къ Торду п рѣзко сказала.

—Пора расходиться, скоро начнетъ свѣтать, а мы сегодня за весь вечеръ ничего не сдѣлали. Для того, чтобы принять трехъ новыхъ членовъ, довольно четверти часа, а остальное время пропало даромъ.

—Не говорите такъ,— прервалъ ее Максъ Граубъ.— Вы пріобрѣли трехъ новыхъ друзей, трехъ новыхъ „сыновъ вашей крови", какъ вы изволили насъ назвать, хотя, по правдѣ, я скорѣе гожусь вамъ въ дѣдушки. Неужели же вы думаете, что время, потраченное вами на обученіе вашихъ новорожденныхъ младенцевъ, пропало даромъ.

Лотисъ надменно посмотрѣла на него.

—Я вижу, вы шутникъ. Старики вообще любятъ шутить, но шутка хороша, когда она во время и у мѣста. Шутить съ огнемъ или съ острыми орудіями, въ родѣ меня—не рекомендуется. Впрочемъ вы, какъ нѣмецъ, вѣроятно не высокаго мнѣнія о женщинахъ?

—Сударыня,—возразилъ Граубъ,—я такого высокаго мнѣнія о женщинахъ, что даже остался холостякомъ,—только для того, чтобы избавить прекрасный полъ отъ мученія выносить всю жизнь мое общество.

Она засмѣялась красивымъ музыкальнымъ смѣхомъ и снисходительно, какъ королева, протянула руку.

—Вы забавны, я не хочу ссориться съ вами. Спокойной ночи!

—Auf Wiedersehen!—И Граубъ поцѣловалъ бѣлую ручку.— Жду отъ васъ въ скоромъ времени приказаній.

—Врядъ ли. Я не знаю, что вы умѣете дѣлать: писать, говорить, устраивать митинги?

—Изъ всѣхъ моихъ разнообразныхъ талантовъ, которыхъ много,—какъ вы когда-нибудь убѣдитесь, я лучше всего умѣю—отравлять.

— Отравлять!?

Всѣ невольно повторили это слово. Граубъ торжествующе оглядѣлся вокругъ.

— Ach so! Я зналъ, что пригожусь. Отравлять я умѣю

великолѣпно. Одна капля,—одинъ маленькій микробъ,—и всѣ ваши враги перемрутъ отъ холеры, тифа, бубонной чумы или чего вамъ угодно. Я, что называется, ученый отравитель. Иными словами—докторъ. Вы найдете вполнѣ неоцѣнимаго товарища.

Онъ лукаво кивнулъ головой и усмѣхнулся. Серджіусъ Тордъ тяжело положилъ ему руку на плечо.

— Вы несомнѣнно можете быть намъ полезны. Но запомните, другъ мой: наша миссія—не убивать, а спасать—не отравлять, а лѣчить. Если мы найдемъ, что смертью одного измѣнника можно спасти жизнь тысячамъ людей,—да, этотъ измѣнникъ умретъ. Но никогда мы не дѣлаемъ этого безъ предупрежденія, безъ убѣдительной просьбы, чтобы тотъ, кого осудилъ законъ правды, понялъ свое заблужденіе и раскаялся, пока еще не поздно. Мы не убійцы, мы—только слуги справедливости.

— Совершенно вѣрно!—вставилъ Поль Зушъ.—Вы понимаете? Мы пытаемся достигнуть того, что не дается и самому Богу—быть справедливыми.

— Не богохульствуй Зушъ!—сказалъ Тордъ.—Справедливость—центръ и основа вселенной.

Зушъ захохоталъ.

— Милый Серджіусъ! Чудесный мой Серджіусъ! Съ большимъ сердцемъ, съ большой головой и полнымъ отсутствіемъ логики!—Да гдѣ-же эта вѣчная справедливость? Въ чемъ ты ее видишь?—Въ созданіи безконечнаго множества міровъ, обреченныхъ на гибель? Въ созданіи человѣка, который проводитъ свой краткій день въ трудахъ, горестяхъ и борьбѣ, а затѣмъ умираетъ и исчезаетъ безслѣдно. Зачѣмъ это все? Къ чему? Нѣтъ, на этотъ вопросъ мнѣ никто не отвѣтитъ. Еслибъ я могъ увидѣть Творца, я-бы Ему самому поставилъ этотъ вопросъ, но онъ прячется за огромнымъ маятникомъ, который онъ раскачалъ и пустилъ. Тикъ-такъ! Тикъ-такъ! Жизнь—смерть! Жизнь—смерть! А зачѣмъ?—неизвѣстно. И никогда мы не добьемся справедливости—просто потому, что ея нѣтъ на свѣтѣ.... Батюшки, какъ укоризненно смотритъ на меня Лотисъ!—Словно ангелъ на дьявола, въ сладкой надеждѣ извлечь его изъ ада.

— Въ данномъ случаѣ подобная надежда была-бы напрасной, Зушъ. Вы сами создали себѣ адъ—ну, такъ и живите въ немъ! И все же въ вашихъ безумныхъ рѣчахъ есть доля правды. Столько боли, слезъ, страданій, заблужденій,—такая нескончаемая мука! Я не понимаю, зачѣмъ это нужно. Должно быть, въ мірѣ слишкомъ мало любви. Еслибъ мы больше любили другъ друга, можетъ быть и Богъ больше любилъ-бы насъ...

Глаза ея были влажны; она съ трудомъ дышала и черезъ силу улыбалась. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія лицо ея точно преобразилось и стало удивительно привлекательнымъ. Мужчины всѣ смотрѣли на нее въ почтительномъ безмолвіи.

Вдругъ она протянула обѣ руки.

— Спокойной ночи дѣтки!

Одинъ за другимъ „свирѣпые" революціонеры склонялись къ этимъ нѣжнымъ рукамъ, потомъ прощались съ Тордомъ и, присмирѣвшіе, выходили изъ комнаты, словно школьники, плохо отвѣтившіе свои уроки. Поль Зушъ нетвердо держался на ногахъ и шелъ, спотыкаясь, что-то декламируя про себя, а двое товарищей вели его подъ руки. Пакэнъ Леруа и его спутники простились послѣдними. Лотисъ въ раздумьи смотрѣла на нихъ.

— Вы будете намъ вѣрны?

— До самой смерти!—отвѣтилъ за всѣхъ Леруа.

Лотисъ подошла къ нему совсѣмъ близко, положила руку ему на плечо и выразительно указала глазами на Торда, стоявшаго на площадкѣ лѣстницы.

— Онъ хорошій! Это непризнанный геній—дикъ, какъ левъ и наивенъ, какъ дитя. Кто-бы вы ни были, будьте вѣрны ему.

Леруа порывисто сжалъ ея руку.

— Онъ вамъ дорогъ? Дороже всѣхъ?

Она вырвала руку и въ глазахъ ея сверкнулъ сначала гнѣвъ, потомъ юморъ.

— Дорогъ мнѣ?—*мнѣ*! Для меня всѣ мужчины на свѣтѣ одинаково дороги. Всѣ для меня одинаковы—жестокія и глупыя дѣти, которыхъ надо одинаково жалѣть и любить. Но Серджіусъ Тордъ подобралъ меня на улицѣ, какъ голодную брошенную собаку, и я ему вѣрна,—какъ собака.—Теперь идите!

Она повелительно указала на дверь; оставалось только повиноваться; за дверью ждалъ горбунъ. Онъ молча повелъ ихъ внизъ по лѣстницѣ, тщательно заперъ за ними дверь и задвинулъ тяжелый засовъ. На улицѣ Леруа тотчасъ-же отпустилъ своихъ товарищей.

— Вы вернетесь одни?—спросилъ Максъ Граубъ.

— Одинъ.

— Нельзя-ли мнѣ слѣдовать за вами издали?—спросилъ Аксель Регоръ.

Леруа усмѣхнулся.—Вы забыли, что сказано въ уставѣ: не слѣдить за товарищами. Ступайте своей дорогой. Завтра я поблагодарю васъ за услуги.

Онъ завернулъ за уголъ и скрылся. Два друга безутѣшно смотрѣли ему вслѣдъ.

— Что-жъ—идемъ?—сказалъ Максъ Граубъ.

— Какъ хотите,—раздраженно откликнулся Аксель Регоръ.—По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Здѣсь за нами навѣрное слѣдятъ. Лучше спустимся къ набережной и оттуда...

Онъ не договорилъ. Граубъ очевидно, угадалъ его мысль, и оба быстро зашагали въ сторону противоположную той, куда пошелъ Леруа.

Между тѣмъ въ наглухо запертомъ и неосвѣщенномъ домѣ, который они оставили за собой, Лотисъ, стоя передъ Серджіусомъ Тордомъ, который сидѣлъ въ креслѣ, положивъ руки на столъ и голову на руки, лосково говорила:

— Вы совсѣмъ не подвигаетесь впередъ, мой бѣдный Серджіусъ. Вы работаете; вы пишете, вы говорите рѣчи передъ толпой, но вы ни на шагъ не подвинулись впередъ.

Онъ гнѣвно вскинулся.

— Какъ это такъ: не подвинулся? Одно мое слово,—и милліонная масса встанетъ, какъ одинъ человѣкъ.

— Что жъ изъ этого? Солдаты будутъ стрѣлять въ народъ; начнутся стычки и кровопролитіе, а зло останется зломъ. Вашъ трудъ напрасенъ, Серджіусъ.

— И потомъ кто знаетъ, можетъ быть, король и самъ несчастливъ, гораздо несчастнѣе насъ съ вами... Нѣтъ, Серджіусъ, повторяю, вашъ трудъ напрасенъ! Вы сдѣлали меня душой идеала, котораго вамъ никогда не осуществить. Скажите, мнѣ—ну, чего вы можете добиться, вы сами для себя?

Онъ посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми горящими глазами.

— Власти! Власти измѣнить форму правленія; власти свергнуть иго патеровъ; власти ободрить угнетенныхъ и наградить тѣхъ, кто стоитъ награды,—власти сдѣлать Васъ, Лотисъ, королевой всѣхъ женщинъ.

Она усмѣхнулась.

— Я королева мужчинъ, — этого съ меня довольно. Сколько разъ я вамъ говорила, Серджіусъ, чтобы вы ничего для меня не дѣлали, если это только для меня. Я самая обыкновенная женщина уже не первой молодости и не красавица—я ничего не заслуживаю и ничего не прошу.

Онъ всталъ и съ мольбой протянулъ къ ней руки.

— Вы заслуживаете всего, что только во власти человѣка дать вамъ! Я люблю васъ, Лотисъ—я всегда васъ любилъ, съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ васъ заброшеннымъ ребенкомъ, плачущимъ, дрожа отъ холода, на мраморныхъ

ступеняхъ Темешварскаго дворца. Я люблю васъ! Вы знаете, что я васъ всегда любилъ. Я люблю васъ, какъ немногіе мужчины умѣютъ любить женщину.

Она смотрѣла на него съ грустью и состраданіемъ. Черный плащъ ея ложился длинными прямыми складками по бокамъ, отрывая стройную фигуру въ бѣломъ и высокую грудь, словно жемчужины въ темной оправѣ.

— Спокойной ночи, Серджіусъ,—сказала она просто и повернулась, чтобы уйти.

Онъ даже вскрикнулъ отъ досады и боли.

— И это все? Больше вамъ нечего мнѣ сказать? Человѣкъ отдаетъ вамъ всю свою душу, а вы ему холодно говорите: „спокойной ночи"! А между тѣмъ—между тѣмъ, вся моя жизнь въ вашихъ рукахъ.

— Мнѣ больно, Серджіусъ, мнѣ очень больно, что это такъ. Все это вы уже не разъ мнѣ говорили, и я всегда отвѣчала вамъ одно и то же. Я не могу дать вамъ любви, такой, какъ вы хотите, хотя и очень привязана къ вамъ. Я не забыла! Я знаю, что вы спасли меня отъ голода и смерти, хотя я иногда спрашиваю себя, не лучше ли было дать мнѣ умереть. Жизнь, даже въ самыхъ лучшихъ условіяхъ немногаго стоитъ... Тѣмъ не менѣе я сознаюсь, что до извѣстной степени и я испытываю свойственную человѣку радость жизни, и этой радостью я обязана вамъ. Я пыталась отплатить вамъ за это...

— Не говорите такъ! Я ничего для васъ не сдѣлалъ. Вы геніальны и все равно пробились бы и безъ меня,— можетъ быть, лучше, чѣмъ со мной.

Она улыбнулась съ видомъ сомнѣнія.

— Я не увѣрена въ этомъ. Съ однимъ ораторскимъ дарованіемъ женщинѣ далеко не уйти. Ну, Серджіусъ, еще разъ спокойной ночи! Постарайтесь заснуть—у васъ усталый видъ. И не стремитесь къ власти—для меня: той власти, какая мнѣ нужна, я добьюсь сама.

Онъ не отвѣтилъ и не сводилъ съ нея ревнивыхъ глазъ, пока она не дошла до двери. На порогѣ она обернулась.

— Какъ вы думаете, эти новые товарищи надежны?

Онъ равнодушно махнулъ рукой.

— Не знаю. Да и можемъ ли мы на кого нибудь положиться, кромѣ самихъ себя? Этотъ Леруа честный человѣкъ, ему я вѣрю. А онъ ручается за тѣхъ двоихъ.

— А!—Она помедлила съ минуту, потомъ еще разъ шепнула: „спокойной ночи"—и ушла.

Онъ смотрѣлъ на дверь, за которой она скрылась, на пустое кресло, гдѣ она сидѣла, потомъ со вздохомъ поднялся и началъ гасить лампы.

— Власть!—Власть!—бормоталъ онъ про себя. Она не могла бы устоять противъ власти. Золотомъ ее не купишь— но властью! Какъ развились бы ея дарованія, какъ расцвѣла бы ея красота! *„Не первой молодости и не красавица“*. Боже мой, да вѣдь при ней всякая красавица покажется картинкой со спичечной коробки! Такія женщины, какъ Лотисъ, рождаются разъ въ столѣтіе, чтобъ увлекать мужчинъ стремленіемъ къ недостижимому, зажигать въ нихъ честолюбіе, способное завоевать весь міръ, и въ то же время наполнять ихъ такимъ мучительнымъ сознаніемъ собственнаго несовершенства, что они, какъ дѣти, плачутъ о любви. Пусть гибнутъ міры, короли, династіи—любовь, только любовь—и затѣмъ, смерть! Сила въ стремленіи къ недостижимой вершинѣ, но кто коснется ея, тотчасъ летитъ внизъ и умираетъ разбитый, зато—онъ жилъ!

Комната погрузилась во мракъ, только блѣдный мѣсяцъ свѣтилъ сквозь стекла. Тердъ открылъ окно и выглянулъ. Вѣтерокъ доносилъ слабый запахъ моря, соленый и освѣжающій.

— Все для Лотисъ,—шепталъ онъ.—Трудъ, заговоры, планы, мечты—все для Лотисъ! Правительство въ тревогѣ, тронъ въ опасности, народъ вооруженъ, страна въ огнѣ революціи и анархіи—все для Лотисъ! Всюду женщина... Политическая-ли смута, война-ли,—всюду, если только порыться хорошенько, въ основѣ всего найдешь любовь или ненависть къ женщинѣ. Такія тайны не рѣдкость на страницахъ исторіи; многія уже разоблачены, иныя никогда не станутъ извѣстны, но до сихъ поръ нѣтъ даже религіи, гдѣбы происхожденіе божества не было связано съ женщиной!

Онъ угрюмо улыбнулся своимъ собственнымъ мыслямъ и затворилъ окно. Домъ окончательно погрузился во мракъ; на городской башнѣ пробило половину перваго.

Вдали отъ квартала бѣдняковъ, выше всѣхъ домовъ роскошной столицы гордо высился при лунѣ королевскій дворецъ съ зубцами и башнями, а вдоль стѣнъ между зубцами мѣрнымъ шагомъ расхаживали часовые, регулярно смѣняя другъ друга во всю долгую лѣтнюю ночь. Полчаса перваго— три четверти перваго—часъ! Бѣгущія по небу облака разсѣялись, открывъ миріады блестящихъ звѣздъ на западѣ; часовой, ходившій взадъ и впередъ вдоль крѣпостного вала, противъ оконъ королевы, остановился и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на прояснившійся горизонтъ. Въ это время изъ калитки въ стѣнѣ неожиданно вынырнула темная фигура въ непромокаемомъ плащѣ съ капюшономъ и быстро направилась къ башнѣ, откуда потайной ходъ велъ въ будуаръ королевы; этимъ ходомъ никто не пользовался, кромѣ членовъ

королевской семьи. Часовой пронзительно свистнулъ, предостерегая другихъ.

— Стой! Кто идетъ?

Закутанная фигура остановилась и обернулась. Капюшонъ упалъ съ головы, блѣдный лучъ мѣсяца озарилъ знакомыя черты.

— Это я! Король!

Пораженный часовой въ изумленіи отступилъ и поспѣшилъ отдать честь. Когда онъ опомнился отъ изумленія, кругомъ уже никого не было; только щелкнула дверь башни, ключъ отъ которой всегда находился у короля.

ГЛАВА IX.

Печать перваго министра.

На слѣдующее утро солнце встало яркое, радостное, на небѣ, чистомъ, какъ хрусталь. Гроза съ дождемъ и вѣтромъ пронеслась безъ слѣда, какъ летучіе призраки дурного сна, и красавецъ городъ, опоясанный бирюзовымъ моремъ, весь сверкалъ свѣтомъ и жизнью. Сады при королевскомъ дворцѣ, омытые вчерашнимъ дождемъ, стали еще краше; розы, съ еще мокрыми листьями, роняли на траву душистые лепестки; большія лиліи съ бѣлоснѣжными вѣнчиками, отяжелѣвшими отъ попавшихъ въ нихъ капель дождя, тяжело поникли на тонкихъ зеленыхъ стебляхъ; воздухъ весь напоенъ былъ прелестнымъ ароматомъ шиповника и мимозъ. По аллеѣ, обсаженной густыми кустами какихъ-то бѣлыхъ цвѣтовъ, похожихъ на апельсинные въ перемежку съ папоротниками и канадскими соснами, которыхъ молоденькія зеленыя верхушки струили бодрящій, острый запахъ, вливавшійся въ кровь, какъ молодое вино, шагалъ изъ конца въ конецъ сэръ Роджэръ-де-Лонэй, и въ походкѣ его, хотя свободной и по солдатски размѣренной, чувствовалась тревога. А на садовой скамьѣ, подъ навѣсомъ тяжелыхъ бѣлыхъ кистей цвѣтовъ филадельфуса, сидѣлъ профессоръ фонъ-Глаубенъ съ очками на носу, сортируя письма, вынутыя имъ изъ кармана, для того, чтобы внимательно перечесть ихъ еще разъ. Въ перепискѣ онъ былъ очень аккуратенъ и на всѣ письма, требовавшія отвѣта, отвѣчалъ тотчасъ же. А на другія, какъ онъ выражался, лучшій отвѣтъ—молчаніе.

— На свѣтѣ много глупыхъ людей,—говаривалъ онъ,—и я ихъ люблю—съ ними какъ-то забавнѣй живется.—Но вотъ чего не люблю, такъ это глупыхъ людей, пишущихъ письма. Прочитаетъ этакій типъ книгу—ну, положимъ, мою

книгу—о возможности вѣчной жизни на этой землѣ, и сейчасъ за перо, и сейчасъ давай мнѣ доказывать, что именно онъ достоинъ такого блага, и что ему страшно хочется жить вѣчно, и не научу ли я его, какъ это сдѣлать. А я именно такого-то и не сталъ бы учить потому, что отъ его вѣчнаго существованія, кромѣ вреда, никому никакой пользы не будетъ. Дѣйствительно стоящіе люди никогда объ этомъ не просятъ.

На этотъ разъ почта не принесла ничего особенно важнаго. Профессоръ бѣгло пробѣжалъ письма, время отъ времени поглядывая на шагавшаго взадъ и впередъ де-Лонэя, потомъ снялъ очки и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Правой-лѣвой—правой-лѣвой!.. Роджеръ, вы напоминаете мнѣ, какъ когда-то я маршировалъ по пыльному плацу въ Кобленцѣ. Ахъ, Рейнъ, Рейнъ, дивный Рейнъ!—такой грязный, такой скучный—со своими игрушечными замками, съ огромными безобразными фабричными трубами, съ своимъ отвратительнѣйшимъ виномъ!.. Роджеръ, пожалѣйте меня, перестаньте ходить, мнѣ это дѣйствуетъ на нервы.

— Я думалъ, что на ваши нервы ничто не дѣйствуетъ,—сказалъ Роджеръ, круто повернувъ и остановившись.—Вы и серьезныя вещи принимаете такъ спокойно?

— Въ серьезныхъ вещахъ необходимо спокойствіе. Кипятиться можно только изъ-за пустяковъ. Вы видѣли сегодня утромъ его величество?

— Да, и опять увижу его въ полдень.

— Я тоже видѣлъ и нашелъ его здоровымъ и въ отличномъ расположеніи духа.

— Зачѣмъ онъ васъ звалъ?

— Чтобъ я пощупалъ ему пульсъ и посмотрѣлъ языкъ—просто вздумалось пошутить со мною передъ тѣмъ, какъ одѣться. И я, конечно, былъ очень доволенъ—когда цари изволятъ шутить, вѣдь обязательно смѣяться. Мнѣ кажется, Роджеръ, его величество желаетъ, чтобы мы смотрѣли на все это, какъ на шутку, какъ бы серьезно ни относился онъ самъ къ своей затѣѣ.

Де-Лонэй помолчалъ съ минуту, потомъ лаконически сообщилъ:

— Въ полдень назначена секретная аудіенція премьеру.

— А!—Фонъ-Глаубенъ потянулъ къ себѣ кисть бѣлыхъ цвѣтовъ и одобрительно понюхалъ ихъ.

— А подъ вечеръ ихъ величества вмѣстѣ ѣдутъ на острова.

Фонъ-Глаубенъ вскочилъ на ноги.—Не можетъ быть!

Сэръ Роджеръ посмотрѣлъ на него, и въ уголкахъ его голубыхъ глазъ заискрился смѣхъ.

— Какъ не можетъ быть? Очень даже можетъ быть: къ тремъ часамъ велѣно подать королевскую яхту. И обѣдать будутъ на яхтѣ, чтобы возвращаться при лунномъ свѣтѣ.

Интересно было выраженіе лица профессора въ этотъ моментъ. Обычное выраженіе добродушнаго юмора боролось на немъ съ досадой и раздраженіемъ; у него даже вырвалось глухое восклицаніе, что-то въ родѣ крѣпкаго словца, какими въ трудныя минуты отводитъ себѣ душу нѣмецкій солдатъ.

— Что съ вами?—спросилъ де-Лонэй.—Для человѣка съ крѣпкими нервами вы страшно взволнованы.

— Взволнованъ?—Вздоръ! Съ какой стати! Роджеръ, еслибъ я не уважалъ васъ такъ глубоко, я бы васъ назвалъ осломъ.

— Пожалуй, назовите, если это васъ облегчитъ,—смѣясь, сказалъ Роджеръ.—Только скажите: за что. Я вамъ сообщаю самую обыкновенную вещь, что сегодня намѣревается дѣлать дворъ—а вы вскакиваете съ мѣста, словно я васъ укусилъ. Какъ же тутъ не удивиться?

— Ничего не вскакиваю, просто у меня подагра.

— Однако,—засмѣялся сэръ Роджеръ,—должно быть, это былъ острый приступъ.

— Само собой, острый! Очень острый, милѣйшій мой Роджеръ.—Профессоръ улыбнулся, и лицо его смягчилось.— Видите ли, дорогой другъ, конечно, я уже не мальчикъ...

— Я думаю! Хотя, право, въ эту минуту васъ можно принять за восемнадцатилѣтняго юношу.—Послушайте, фонъ-Глаубенъ, да вы покраснѣли—ей-Богу!

Профессоръ вынулъ носовой платокъ и вытеръ имъ лобъ.

— Сегодня жарко, Роджеръ,—кротко возразилъ онъ.— Надѣюсь, мнѣ разрѣшается страдать отъ жары.—Онъ помолчалъ, потомъ съ прорвавшимся вдругъ нетерпѣніемъ воскликнулъ: — Клянусь головой императора, безполезно скрывать это. Я дѣйствительно очень взволнованъ, Роджеръ! Я долженъ достать лодку и сейчасъ же ѣхать на острова.

Де-Лонэй съ изумленіемъ уставился на него.—Вы? Вамъ нужно на острова? Послушайте, фонъ-Глаубенъ, это...

— Да, да, я знаю! Вы не можете себѣ представить, что мнѣ тамъ нужно? Вы, конечно, не предполагаете, чтобы у такого стараго человѣка, какъ я, могли быть свои тайны— ну, любовныя тайны?—Онъ старался принять сентиментальный тонъ, что было очень забавно.—А между тѣмъ, Роджеръ—я впутался въ одну исторію на островахъ—онъ еще больше покраснѣлъ и вспотѣлъ, и, вы понимаете, мнѣ нужно принять предосторожности — чтобы король какъ

нибудь не узналъ, *Gott im Himmel*! Да что же вы на меня уставились съ раскрытымъ ртомъ! Развѣ вы сами никогда не были влюблены?

— Значитъ вы влюблены? Ради Бога, извините, профессоръ, но... Такъ-ли я понялъ? Значитъ, здѣсь замѣшана женщина?

— Ну да! Вотъ именно! Здѣсь замѣшана женщина. И я долженъ сейчасъ же, хоть на душегубкѣ, ѣхать на эти проклятые острова.

— А если король пошлетъ за вами во время вашего отсутствія?

— Не пошлетъ. А пошлетъ—ну, такъ что же? Меня, вѣдь, все равно считаютъ чудакомъ за мою любовь къ свѣжему воздуху и ходьбѣ—его не удивитъ мое отсутствіе. Говорю вамъ, Роджеръ, я *долженъ* ѣхать! Кто бы могъ подумать, что король такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, вздумаетъ отправиться на острова. Что за капризъ!

— А вотъ и объясненіе каприза,—понизивъ голосъ,—сказалъ де-Лонэй, завидя въ концѣ аллеи высокую тонкую фигуру наслѣднаго принца.

Оба поспѣшно отстранились, чтобы дать ему дорогу. Принцъ Гемфри шелъ медленно, читая на ходу. Поравнявшись съ ними, онъ поднялъ голову и, въ отвѣтъ на ихъ низкіе поклоны, пожелалъ имъ добраго утра.

— Вы рано встаете, профессоръ. Если не ошибаюсь, наука именно велитъ вставать рано, чтобы дышать утреннимъ воздухомъ.

— Онъ несомнѣнно полезнѣе вечерняго,—какъ-то уныло отвѣтилъ фонъ-Глаубенъ.—Напримѣръ, морская прогулка при утреннемъ вѣтеркѣ полезнѣе такой же прогулки при лунномъ свѣтѣ.

Принцъ Гемфри пристально взглянулъ ему въ лицо и, очевидно, прочелъ въ немъ намекъ или предостереженіе, потому что онъ слегка покраснѣлъ и закусилъ губы.

— И вы, сэръ Роджеръ, согласны съ этой теоріей?

— Не знаю, ваше высочество, не пробовалъ. Но если профессоръ фонъ-Глаубенъ такъ говоритъ, должно быть, это правда.

Молодой человѣкъ быстро перевелъ взглядъ съ одного на другого, потомъ небрежно перевернулъ страницу книги, которую держалъ въ рукахъ.

— Въ былыя времена,—сказалъ онъ,—люди были счастливѣе, чѣмъ теперь, если вѣрить этой книгѣ... Кстати я хотѣлъ бы поговорить съ вами о ней—не пройдетесь-ли вы со мною, профессоръ?

Фонъ-Глаубенъ почтительно поклонился и принцъ, ласково

кивнувъ головой де-Лонэю, прошелъ дальше въ сопровожденіи профессора.

Сэръ Роджеръ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, и, когда они отошли уже настолько далеко, что онъ не могъ ихъ слышать, между ними завязался, повидимому, очень оживленный конфиденціальный разговоръ.

— Что бы это значило?—думалъ Роджеръ. Фонъ-Глаубенъ, очевидно, замѣшанъ въ какую-то исторію, которую онъ хочетъ скрыть отъ короля? Можетъ быть, это касается принца Гемфри? Но при чемъ тутъ острова? Зачѣмъ туда понадобилось ѣхать фонъ-Глаубену?

Краткое раздумье его было прервано нѣжнымъ голосомъ, окликнувшимъ его:—Роджеръ!

Онъ вздрогнулъ и пошелъ на встрѣчу своей сестрѣ, Терезѣ де-Лонэй, хорошенькой брюнеткѣ съ темными искрящимися глазами, одной изъ любимыхъ фрейлинъ королевы.

— О чемъ ты такъ замечтался? Что тамъ дѣлаетъ принцъ съ старымъ фонъ-Глаубеномъ?

— Цѣлыхъ два вопроса сразу, Тереза,—засмѣялся онъ, наклоняясь, чтобы поцѣловать сестру. Лучше ты отвѣть мнѣ на одинъ—зачѣмъ ты пришла?

— За тобой!—Королева хочетъ видѣть тебя сейчасъ же.

Она замѣтила, какъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, и невольно вздохнула.

— Гдѣ ея величество?—спросилъ онъ.

— Здѣсь недалеко, въ бесѣдкѣ. Она увидала тебя издали между деревьями и послала меня за тобой!

— Такъ иди къ ней и скажи, что я сейчасъ приду.

Сестра посмотрѣла на него, помедлила и замѣтивъ вырвавшійся у него жестъ нетерпѣнія, убѣжала, легкая, какъ сильфида. Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и въ глазахъ его мелькнуло страдальческое выраженіе преданной собаки, незаслуженно ударенной недобрымъ господиномъ.

— Она посылаетъ за мной. Зачѣмъ? Чтобъ позабавиться, читая всѣ мои мысли своими холодными глазами? Почему она не можетъ оставить меня въ покоѣ?

Въ концѣ аллеи, въ оригинальной бесѣдкѣ у пруда, обросшей жасминомъ, сидѣла королева, одна, безъ фрейлинъ, кромѣ Терезы де-Лонэй, которая отошла подальше, когда въ дверяхъ бесѣдки появился ея братъ. Съ минуту онъ стоялъ молча, почтительно наклонивъ голову, не поднимая глазъ. Королева смотрѣла на него съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ не то сомнѣнія, не то страданія. Неожиданно, словно по внезапному побужденію, она встала,— высокая, статная, въ простомъ утреннемъ платьѣ изъ бѣлаго кашемира и кружевъ, еще болѣе прекрасная, чѣмъ въ ро-

скошныхъ придворныхъ уборахъ—и протянула руку. Онъ благоговѣйно склонился надъ этой рукой и поцѣловалъ большой камень, сверкавшій, какъ звѣзда, на среднемъ пальцѣ, потомъ поднялъ на нее глаза. Она улыбнулась своей особенной улыбкой, такой очаровательно милой и въ то же время такой холодной.

— Я рѣдко васъ вижу, сэръ Роджеръ,—хотя вы и близки къ моему супругу, королю. Но я знаю, что вы готовы служить мнѣ.

— Ваше величество, моя жизнь...

— О нѣтъ, не жизнь. Ваша жизнь, какъ и моя, принадлежитъ королю и странѣ. Нужно отдавать все или ничего.

— Ваше величество, я все отдаю. Никто не можетъ дать большаго.

Во взорѣ его была страсть и страданіе. Королева смотрѣла на него задумчиво, почти недоумѣвая.

— Вы умѣете сильно чувствовать, сэръ Роджеръ. Хотѣла бы я знать, что это значитъ *чувствовать*!

— Если ваше величество разрѣшите, я осмѣлюсь пожелать вамъ попытать это,—отвѣтилъ онъ не безъ горечи.— Иногда чувства просыпаются въ нашей душѣ слишкомъ поздно, иногда совсѣмъ не просыпаются. Но я думаю благоразумнѣе извѣдать бурю, чтобъ научиться цѣнить покой.

— Вы думаете?—Она снисходительно улыбнулась.—Мнѣ все равно—покой или буря. Ни то, ни другое не вліяетъ на меня. Жизнь такъ тривіальна и такъ скоро проходитъ, что я никогда не могла понять, какъ могутъ люди волноваться изъ-за чего бы то ни было.

Слегка улыбаясь, она сорвала вѣточку жасмина и воткнула ее между складками кружевъ на груди. Сэръ Роджеръ слѣдилъ за нею гнѣвными глазами. Ему безумно хотѣлось схватить эту вѣточку съ ея груди и поцѣловать ее, бросивъ королевѣ дерзкій вызовъ. Но къ чему? Она только сдвинула бы презрительно тонкія брови, слегка нахмурилась бы и спокойно сдѣлала бы ему знакъ удалиться—не больше, ибо гнѣвъ имѣлъ такъ же мало власти надъ нею, какъ и любовь. Въ ушахъ его звучали слова старой пѣсни:—

„She laughs al the thought of love—
Pain she scorns, and sorrow she sets aside—
My heart she values less than her broidered glove,
The would smile if i died!“ *)

---

*) Ее смѣшитъ мысль о любви; она презираетъ страданіе и не внемлетъ скорби. Мое сердце она цѣнитъ меньше, чѣмъ свою вышитую перчатку. Она способна была-бы улыбаться, еслибъ я умеръ.

— Сэръ Роджеръ, я хочу говорить съ вами о королѣ.— Королева оглянулась. Тереза де-Лонэй скромно отошла на другой конецъ пруда и разсматривала водяныя лиліи; она, конечно, не могла ихъ слышать. Королева продолжала:— Вы пользуетесь его довѣріемъ—я тоже. Вы, конечно, не выдадите его—я тоже. Но вы близки къ нему, вы его другъ—я всего только его жена. Я возлагаю на васъ отвѣтственность за его безопасность.

— Простите, ваше величество! Король поступаетъ, какъ хочетъ, и его священная жизнь не въ моихъ рукахъ. Я готовъ защищать его до послѣдней капли крови, но если онъ добровольно идетъ на опасность, не слушая предостереженій, я, его бѣдный слуга, не могу отвѣчать за это.

Королева пристально смотрѣла на него своими блестящими глазами, полными властнаго магнетизма.

— Я повторяю свой приказъ,—выразительно продолжала она.—Я возлагаю на васъ отвѣтственность. Вы человѣкъ сильный и храбрый. Если король неостороженъ, долгъ его слугъ оберечь его отъ послѣдствій неосторожности, въ особенности, если онъ идетъ на опасность изъ благородныхъ побужденій. Если съ нимъ случится бѣда, не смѣйте и показываться мнѣ на глаза. Лучше умрите сами, чѣмъ не уберечь отъ смерти вашего короля!

При этихъ словахъ она величественнымъ жестомъ дала ему понять, что бесѣда кончена, и онъ удалился, въ полномъ недоумѣніи. Никогда еще королева не удостоивала его такой интимной бесѣды; никогда раньше, ни въ бытность свою наслѣдной принцессой, ни теперь—королевой, она не обнаруживала ни малѣйшаго интереса къ дѣйствіямъ своего августѣйшаго супруга. Де-Лонэй былъ пораженъ безмѣрно. Онъ едва осмѣлился посмотрѣть ей вслѣдъ, когда она со своей безшумной, царственной граціей пошла по дорожкѣ къ пруду и потомъ дальше, вмѣстѣ съ Терезой, поспѣшившей ей на встрѣчу. Скоро обѣ скрылись изъ виду. Какая-то маленькая птичка весело чирикала на сосѣдней вѣткѣ; помимо этого ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины.

— Честное слово, Роджеръ де-Лонэй,—съ горечью говорилъ онъ себѣ,—ты настоящій оселъ и притомъ основательно нагруженный. Любовь къ королевѣ и отвѣтственность за жизнь короля—этого слишкомъ достаточно для одного человѣка. Если бъ не король, я, кажется, уѣхалъ бы отсюда искать себѣ другой службы!..

Во дворцѣ, куда онъ вернулся, атмосфера была какая-то тревожная. Въ залахъ и корридорахъ пажи и лакеи или какъ-то ужъ очень суетились, или бродили слишкомъ ужъ вяло, будто безъ цѣли. Въ одной изъ пріемныхъ Роджеръ

неожиданно столкнулся съ господиномъ въ штатскомъ платьѣ, но съ военной выправкой, въ которомъ онъ тотчасъ-же узналъ начальника полиціи.

— А, Бернгофъ! Что-нибудь случилось?

— Пока, кажется, ничего особеннаго, сэръ Роджеръ. За мной прислалъ король; я жду, когда ему угодно будетъ принять меня.

Сэръ Роджеръ не выказалъ никакого удивленія и дружески кивнувъ ему головой, прошелъ мимо; онъ начиналъ находить положеніе интереснымъ.

Ровно въ полдень къ дворцу подъѣхала карета со спущенными занавѣсками. Изъ нея вышелъ ни кто иной, какъ самъ первый министръ, маркизъ де-Лютера, плотный и коренастый брюнетъ съ маленькими бѣгающими глазками, съ тяжелой массивной нижней челюстью и съ какимъ-то странно раздражительнымъ выраженіемъ лица, словно онъ ежеминутно боялся, какъ бы его не обидѣли. Лицо у него было умное, но суровое, а его ледяной тонъ обезкураживалъ всякаго, кто пытался завоевать его симпатіи. Онъ вошелъ во дворецъ развязно, почти самоувѣренно, и, поднимаясь по широкой лѣстницѣ, ведущей въ аппартаменты короля, столкнулся съ начальникомъ полиціи, спускавшимся внизъ. Тотъ поклонился ему, но министръ едва отвѣтилъ на поклонъ, такъ онъ былъ пораженъ при видѣ высшаго чина полиціи во дворцѣ въ такой ранній часъ. Но на лѣстницѣ, гдѣ ихъ могли слышать лакеи, неудобно было разспрашивать. Онъ продолжалъ подниматься выше, величаво, насколько позволяла это его тяжеловѣсная фигура, пока не добрался до верхней площадки, извѣстной подъ именемъ „королевскаго корридора", гдѣ его поджидалъ сэръ Роджеръ де-Лонэй. Къ нему-то и обратился съ вопросомъ маркизъ:

— Бернгофъ былъ у короля?

— Да, больше часу.

— Какая-нибудь пропажа во дворцѣ?

Де-Лонэй улыбнулся.—Не думаю. Сколько мнѣ извѣстно, кажется, ничего не случилось.

Маркизъ былъ слегка озадаченъ.

— Король здоровъ?

— Превосходно себя чувствуетъ—и въ отличномъ расположеніи духа. Онъ ждетъ васъ, маркизъ.—Позвольте мнѣ проводить васъ къ нему.

Рѣзныя, золоченыя двери королевскаго кабинета распахнулись, потомъ затворились за ними. Нѣкоторое время въ королевскомъ корридорѣ царила глубокая тишина, такъ

какъ туда никто не осмѣливался входить, кромѣ двухъ часовыхъ, медленно шагавшихъ взадъ и впередъ по обоимъ концамъ корридора. Часъ спустя оттуда вышелъ сэръ Роджеръ, одинъ, небрежно оглядѣлся вокругъ, прошелъ на площадку и терпѣливо ждалъ тамъ еще около получаса. Наконецъ двери широко распахнулись, и вышелъ самъ король,—въ костюмѣ для прогулки на яхтѣ, одной рукой придерживая за плечо маркиза де-Лютера, какъ-то странно взволнованнаго.

— Такъ вы не ѣдете съ нами, маркизъ?—весело спрашивалъ король.—Вы слишкомъ поглощены дѣлами государства, чтобы оторваться на цѣлый вечеръ отъ политики ради развлеченія. Ну, конечно! Вы такой труженикъ! Всѣ знаютъ, что вы тщательно слѣдите за всѣмъ, что можетъ служить интересамъ націи, жертвуете всѣми своими личными выгодами для блага страны—я тоже это знаю и не хочу (хотя и могъ-бы, какъ вашъ повелитель) приказывать вамъ сопровождать насъ. Я знаю, что дѣла, которыя удерживаютъ васъ, серьезны и неотложны.

— Даже болѣе обыкновеннаго, государь,—понизивъ голосъ, отвѣтилъ маркизъ. Ибо, если вы остаетесь при своей теперешней позиціи, споръ съ иностранной державой, который мы теперь ведемъ, едва-ли можетъ продолжаться. Но о вашихъ дѣйствіяхъ будетъ запросъ въ парламентѣ.

Король засмѣялся.

— Отлично! Пожалуйста, милѣйшій маркизъ. Докажите, если хотите, что я не конституціонный монархъ и посадите на престолъ Гемфри—но только раньше спросите народъ. Если онъ меня осудитъ, я готовъ подчиниться его приговору. Но теперешній политическій споръ между нами и сосѣдней дружественной державой можетъ быть улаженъ безъ обиды для обѣихъ сторонъ. Въ данный моментъ нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній начинать изъ-за этого спора войну.— Такъ вы не ѣдете съ нами?

— Государь, если вы разрѣшите мнѣ отказаться отъ этой части...

— Разрѣшаю. Прощайте, маркизъ! Мы не имѣемъ привычки отлучаться изъ нашей страны, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши царственные сосѣди—именъ ихъ не называю.— И мы почитаемъ за долгъ ознакомиться съ бытомъ и обычаями нашихъ подданныхъ во всѣхъ частяхъ нашего королевства. Поэтому мы и рѣшились посѣтить острова, которыми, къ стыду нашему, мы до сихъ поръ пренебрегали, разсчитывая извлечь изъ этого краткаго путешествія и пользу, и поученіе.

— Населеніе острововъ предупреждено о вашемъ прибытіи?—освѣдомился маркизъ.

— Нѣтъ! Если бы оно было предупреждено, это отравило-бы намъ все удовольствіе. Мы хотимъ захватить врасплохъ островитянъ. Говорятъ, есть страны, гдѣ цѣлые города и деревни никогда не видали въ глаза своихъ государей, но, хотя мы царствуемъ всего три года, мы рѣшили, что ни одинъ уголокъ нашего королевства не долженъ быть лишенъ счастья лицезрѣть насъ!—Король весело покосился въ сторону де-Лонэя, потомъ протянувъ руку министру, прибавилъ:—Желаю вамъ всяческаго успѣха, маркизъ, въ вашихъ попыткахъ миролюбиво уладить споръ между нами и дружественной сосѣдней державой. Я безусловно не желаю, чтобъ онъ зашелъ дальше. Мы съ вами увидимся на этой недѣлѣ, маркизъ, въ Совѣтѣ.

Пожимая руку маркизу, король вдругъ воскликнулъ:—Ага, я чувствовалъ, что мнѣ чего-то не хватаетъ: я забылъ надѣть свое кольцо съ печатью. Не одолжите-ли вы мнѣ сегодня ваше, маркизъ?

— Ваше величество! Если вы только удостоите взять его!—И маркизъ поспѣшилъ снять съ пальца кольцо и подать его королю. Тотъ, улыбаясь взялъ его и надѣлъ себѣ на палецъ.

— Чудесный сапфиръ! Пожалуй лучше моего рубина!

— Государь, ваша похвала увеличиваетъ его цѣнность,— низко кланяясь, отвѣтилъ де-Лютера. — Отнынѣ въ моихъ глазахъ онъ не имѣетъ цѣны.

— Хорошо сказано! —И вѣрно притомъ! Дипломатія умно дѣлаетъ, льстя королямъ до конца, даже когда замышляетъ низвергнуть ихъ. Adieu, маркизъ! Когда мы встрѣтимся снова, надѣюсь услышать отъ васъ добрыя вѣсти.

Онъ спустился съ лѣстницы въ сопровожденіи де-Лонэя и прошелъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ ждали представители иностранныхъ державъ. Но по дорогѣ онъ обернулся и показалъ Роджеру руку, на которой сверкалъ синимъ огонькомъ сапфиръ маркиза.

— Вотъ она — печать перваго министра! — усмѣхнулся онъ.—Иной разъ она можетъ пригодиться и королю.

ГЛАВА X.

Острова.

Затерявшіеся среди безграничной шири синяго моря, коралловые острова съ ихъ живописными скалами, поросшими лѣсомъ и цвѣтущими лугами были слишкомъ малы, чтобъ привлекать туристовъ, тѣмъ болѣе, что до нихъ было доб-

рыхъ два часа пути по не всегда спокойному морю. И потому, уже около ста лѣтъ они были предоставлены въ исключительное пользованіе ловцовъ кoралловъ, жившихъ въ маленькихъ домикахъ причудливой архитектуры съ садами и виноградниками, разбросанныхъ въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ и уже нѣсколько поколѣній переходившихъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Въ общемъ островитяне были очень мирный народъ. Цѣлые дни они проводили за ловлей кoралловъ, чисткой ихъ и приготовленіемъ для продажи. Говорили, что они не любятъ пускать къ себѣ чужихъ и живутъ по своимъ собственнымъ традиціямъ и обычаямъ, но правительство въ это не вмѣшивалось, такъ какъ жили они тихо, соблюдали законъ и никакихъ безпорядковъ на островахъ не водилось. Столичные жители мало ими интересовались; развѣ иной разъ заглянетъ какой нибудь бродяга ученый, ботаникъ или студентъ—любитель приключеній, и потомъ разсказываетъ чудеса о красотѣ мѣстности; но тамъ, гдѣ вся мѣстность красива, этому не придаютъ большого значенія.

Ходили смутные слухи, что на островахъ есть какой-то странный домъ, выстроенный изъ бревенъ и обломковъ разбитыхъ судовъ; что въ этомъ домѣ живетъ пожилой человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, уже много лѣтъ тому назадъ выброшенный на берегъ послѣ кораблекрушенія и спасенный ловцами кoралловъ, что онъ живетъ одной съ ними жизнью и вмѣстѣ съ ними работаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился на островѣ, и земля тамъ лучше обрабатывается, и рыбаки живутъ зажиточнѣе, и что они прозвали его „философомъ жизни“. Иной разъ какой-нибудь досужій репортеръ, за отсутствіемъ извѣстій объ убійствахъ и самоубійствахъ, пускалъ объ этомъ коротенькую замѣтку въ газетахъ, и тѣ, кому она попадалась на глаза, посмѣиваясь, спрашивали другъ друга: „что это значитъ — „философъ жизни“?...

День былъ удивительно свѣжій и яркій. На набережной собралась довольно большая толпа поглазѣть на королевскую яхту, а главное, на королеву, которая рѣдко сопровождала мужа и всегда привлекала народъ своей исключительной красотой. Ровно въ три часа ихъ величества взошли на бортъ, и яхта отчалила, при восторженныхъ кликахъ народа. Все кругомъ было такъ красиво и весело: яркое небо, легкая зыбь на морѣ, развѣвающіеся флаги, нѣжная музыка небольшого струннаго оркестра, всегда сопровождавшаго короля и королеву въ увеселительныхъ прогулкахъ. Королева стояла на палубѣ, прислонясь къ мачтѣ и глядя на берегъ, но эта толпа людей, толкавшихъ другъ друга и влѣзавшихъ

другъ другу на плечи, чтобы полюбоваться ея красотой, что-то кричавшихъ, размахивая платками и шляпами, была для нея такъ же безразлична, какъ муравейникъ въ саду. Она пріучила себя думать о томъ, что внѣ жизни и сама жизнь не представляла для нея интереса. Натура глубокая и вдумчивая, она, вначалѣ инстинктивно, теперь уже сознательно презирала пустоту и лицемѣріе окружающей ее среды. При врожденной холодности темперамента, ея врожденное отвращеніе къ мужчинамъ отъ знакомства съ ними еше возросло. Замужъ она шла по долгу, не по любви, ради пользы государства, и легкомысленное поведеніе мужа, пока онъ былъ наслѣднымъ принцемъ, не внушило ей уваженія къ его характеру. Далекая и чужая ему, она шла своимъ, особымъ путемъ. Годы проходили своей чередой, и теперь, какъ она слегка презрительно говорила себѣ, она была „уже стара—для женщины“, между тѣмъ какъ король былъ „еще молодъ—для мужчины“. Это было немножко обидно. Правда, теперь она стала еще краше, чѣмъ въ юности, и въ ея красотѣ не замѣчалось никакихъ признаковъ увяданія. Она отлично знала власть этой красоты, знала, что можетъ, когда захочетъ, вызвать страсть и поклоненіе, и не дорожила этимъ. Или—лучше сказать—*прежде* не дорожила. Неужели когда-нибудь это будетъ имѣть для нея цѣну.

Какое то глухое раздраженіе, совершенно ей несвойственное, волновало ей кровь, лишало обычнаго спокойствія. И все это только изъ-за того, что за послѣдніе три дня она принуждена была сознаться себѣ, что ея мужъ настолько же выше ея душой и сердцемъ, насколько выше властью. До сихъ поръ она не считала его способнымъ на мужественный и смѣлый поступокъ, на благородный и независимый образъ дѣйствій. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, вся жизнь его шла по заведенному порядку, смѣняя дѣла развлеченіями: зиму онъ проводилъ на югѣ, весну въ столицѣ, лѣто на водахъ или морскихъ купаньяхъ, осенью охотился и все время флиртовалъ съ хорошенькими женщинами. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на тронъ, она замѣтила въ немъ нѣкоторую перемѣну, но объясняла ее тѣмъ, что ему слишкомъ докучали дѣлами. И вотъ, передъ нею былъ совершенно другой человѣкъ, проявлявшій качества, которыми она не могла не восхищаться.

Она оторвалась, наконецъ, отъ созерцанія берега, прошла подъ шелковый навѣсъ, приготовленный для царственной четы, и съ обычной своей небрежной граціей опустилась на подушки. Невдалекѣ стоялъ заѣзжій гость, англичанинъ, серъ Уольтеръ Лангтонъ, извѣстный путешественникъ и смѣлый изслѣдователь дальнихъ странъ. То былъ красивый мужчина

лѣтъ сорока, съ опаленною солнцемъ кожей и смѣлымъ взглядомъ, съ серьезнымъ интеллигентнымъ лицомъ въ стилѣ портретовъ Ванъ-Дейка, и доброй улыбкой. Онъ былъ уже представленъ королевѣ, но тогда она почти не обратила на него вниманія, а теперь ей вдругъ пришло желаніе побесѣдовать съ нимъ, и она послала за нимъ одну изъ своихъ дамъ. Собесѣдникъ оказался интересный, не выказывавшій преувеличеннаго почтенія и раболѣпства, и скоро между ними завязался разговоръ.

Тѣмъ временемъ король, отведя въ сторону де-Лонэя, спрашивалъ его: — Вы сегодня видѣли Гемфри? Я съ утра посылалъ къ нему предложить ему принять участіе въ нашей прогулкѣ, но мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ кататься верхомъ. Правда это?

— Утромъ я не видалъ его королевскаго высочества,— отвѣчалъ конюшій,—а потомъ встрѣтилъ его въ саду. Со мной былъ профессоръ фонъ Глаубенъ. Я не могъ замѣтить, зналъ-ли принцъ о вашемъ намѣреніи ѣхать нынче на острова; онъ читалъ книгу, потомъ они немножко поспорили съ профессоромъ по поводу этой книги и вмѣстѣ ушли.

— Но гдѣ же фонъ Глаубенъ? Я посылалъ и за нимъ; его тоже не было.

— Насколько я понялъ, ваше величество сказали ему, что вы сегодня больше не нуждаетесь въ его услугахъ. Онъ мнѣ говорилъ, что уже былъ у васъ сегодня утромъ.

— Я позвалъ его просто для того, чтобы разогнать его вчерашнія сомнѣнія относительно моего здоровья и безопасности,—усмѣхнулся король, и глаза его засвѣтились лукавствомъ.—А потомъ я опять посылалъ просить его ѣхать съ нами, но лакей сказалъ, что онъ вышелъ, и неизвѣстно, когда вернется. Чудакъ!

Сэръ Роджеръ молчалъ. Король пристально посмотрѣлъ на него, замѣтилъ, что у него на душѣ есть что-то такое, чѣмъ онъ сейчасъ не склоненъ дѣлиться, и съ обычнымъ своимъ тактомъ и деликатностью не настаивалъ больше. Да здѣсь и неудобно было разспрашивать — слишкомъ много было по близости охотниковъ слушать и выводить заключенія. Притомъ же яхта шла такъ быстро, что вблизи уже видна была гавань. Человѣкъ, стоявшій на пристани у столба, раскрылъ ротъ отъ изумленія, когда матросы съ крикомъ бросили на берегъ канатъ. Онъ, очевидно, такъ растерялся отъ неожиданности, что даже не бросился схватить веревку, и яхта ударилась объ столбъ, а веревка упала обратно въ воду. Тогда одинъ изъ матросовъ, сердито выругавшись, прыгнулъ на берегъ, поймалъ веревку и укрѣ-

вилъ ее на кабестанѣ. Черезъ минуту были уже положены сходни, а островитянинъ все еще стоялъ неподвижно, уставившись на нежданныхъ гостей. Первымъ на берегъ сошелъ капитанъ королевской яхты.

— Есть здѣсь еще кто-нибудь?

Островитянинъ отрицательно покачалъ головой.

— Такъ ты одинъ сторожишь пристань?

Послѣдовалъ утвердительный кивокъ, и густой басъ, выходившій изъ густой бороды, пробормоталъ что-то насчетъ того, что „чужимъ людямъ не дозволяется стоять здѣсь, у пристани“. Капитанъ подошелъ ближе къ этой странной фигурѣ и коротко объявилъ:

— Мы здѣсь по приказанію короля. Это судно — королевская яхта; ихъ величества находятся на ея борту.

Островитянинъ еще шире раскрылъ глаза, потомъ вдругъ съ крикомъ бросился бѣжать, что было мочи, и скоро скрылся изъ виду. Капитанъ вернулся на яхту и разсказалъ о случившемся Роджеру. Королю это показалось забавнымъ.

— Насъ не ждали,—обратился онъ къ королевѣ,—и, повидимому, мы на этомъ островѣ будемъ предоставлены самимъ себѣ. Но такъ какъ мы пробудемъ здѣсь недолго, то, пожалуй, сумѣемъ обойтись и безъ хозяевъ. Угодно вамъ сойти на берегъ?

Онъ любезно помогъ ей взойти на сходни, и черезъ минуту всѣ королевскіе спутники были уже на берегу, а на яхтѣ остались только матросы да повара, торопливо готовившіе обѣдъ, который предстояло подать на обратномъ пути.

ГЛАВА XI.

„Gloriain excelsis!“

Король и королева со свитой и гостями, не торопясь, шли отъ пристани по хорошо укатанной дорогѣ, усѣянной раздавленными ракушками и растоптанными въ порошокъ кораллами, къ группѣ высокихъ деревьевъ на зеленой полянѣ, виднѣвшейся невдалекѣ. Вездѣ царила какая-то успокоительная тишина; слышно было только пѣніе птицъ да ласковое плесканье волнъ о песчаный берегъ. Королева раза два остановилась и оглянулась; она была почти растрогана тихой красотой ландшафта.

— Какъ здѣсь хорошо,—сказала она, обращаясь больше къ себѣ, чѣмъ къ своимъ спутникамъ. Должно быть міръ былъ въ этомъ родѣ въ первые дни творенія—такой чистый, простой и ничѣмъ не отравленный.

Графиня Амабиль, шедшая съ Лангтономъ, кокетливо посмотрѣла на своего кавалера и улыбнулась.

— Это идиллія, — нѣчто вродѣ Аркадіи безъ Коридона и Филлиды. Куда же дѣвались островитяне? Они спятъ или прячутся днемъ?

— Должно быть, не всѣ,—возразилъ Лангтонъ. — Вонъ идетъ одинъ и, судя по медлительности его походки, повидимому, не торопится встрѣтить своего короля.

Дѣйствительно, къ нимъ подходилъ островитянинъ, высокій и прямой станомъ, но, повидимому, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ лицомъ, на которомъ положили неизгладимую печать скорбь и страданіе. Слезы провели глубокія борозды на этомъ лицѣ; высокій, умный лобъ весь былъ изрѣзанъ морщинами. Онъ былъ одѣтъ, какъ простой рыбакъ, въ домотканную синюю крашенину. Очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля, онъ снялъ шапку съ кудрявой сѣдой головы и почтительно поклонился съ старомодной любезностью. Сэръ Роджеръ де-Лоней подошелъ къ нему первый и объяснилъ: Его королевскому величеству угодно было обрадовать неожиданностью населеніе острововъ, посѣтивъ ихъ лично, вмѣстѣ съ королевою. Не будете ли вы такъ любезны показать его величеству наиболѣе интересныя мѣста.

Старикъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Здѣсь нѣтъ ничего интереснаго для короля. Я могу показать ему только жилище бѣдняка. Я не подданный его величества, но я живу подъ защитой его законовъ и готовъ предложить ему гостепріимство, если больше некому это сдѣлать.

Онъ говорилъ, какъ образованный человѣкъ, и держался, какъ джентльменъ.

— Ваше имя?—любезно освѣдомился сэръ Роджеръ.

— Мое имя — Ренэ Ронсаръ. Я былъ выброшенъ на здѣшній берегъ кораблекрушеніемъ много лѣтъ тому назадъ и полагая, что на то была воля Божія, остался здѣсь.

Сэръ Роджеръ вспомнилъ разсказы о „философѣ жизни“, выстроившемъ себѣ домъ на островѣ изъ бревенъ и обломковъ разбитыхъ судовъ. Это навѣрное онъ! Обрадовавшись, что онъ напалъ какъ разъ на самаго интереснаго человѣка, Роджеръ поспѣшилъ вернуться къ королю и объяснить ему положеніе. Король подошелъ къ старику и сердечно протянулъ руку. Ренэ Ронсаръ принялъ ее съ учтивымъ, но не раболѣпнымъ поклономъ.

— Мы вамъ очень признательны за готовность оказать намъ гостепріимство. Мы совсѣмъ не знаемъ здѣшнихъ мѣстъ и, конечно, по своей собственной винѣ; оттого мы и

рѣшили ознакомиться съ ними частнымъ образомъ, прежде чѣмъ посѣтить ихъ оффиціально, со всѣмъ подобающимъ церемоніаломъ. Очень вамъ будемъ обязаны, если вы окажете намъ содѣйствіе.

— Радъ служить вашему величеству, чѣмъ только могу. Но, какъ видите, я старъ и бѣденъ, живу здѣсь уже лѣтъ двадцать и стараюсь брать какъ можно меньше и отъ природы, и отъ цивилизаціи. Что можетъ быть интереснаго для короля въ такомъ простомъ жилищѣ, какъ мое?

— Простота должна нравиться королямъ больше, чѣмъ кому бы то ни было,—возразилъ монархъ, зорко приглядываясь къ гордой осанкѣ старика, красивому, изможденному лицу и яснымъ, хоть и глубоко впалымъ, глазамъ;— блескъ и роскошь надоѣдаютъ тѣмъ, кто принужденъ видѣть ихъ вокругъ себя ежедневно. Позвольте мнѣ представить васъ королевѣ, чтобы она также могла поблагодарить васъ за милую готовность быть сегодня нашимъ хозяиномъ.

Когда королева, какъ всегда холодная и величавая, въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ, подняла на него глаза, старикъ невольно взрогнулъ и воскликнулъ:—Клянусь небомъ, я не думалъ, чтобы какая-либо женщина могла сравниться красотой съ моей Глоріей!

Онъ говорилъ какъ будто про себя, но король слышалъ эти слова и принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Когда вся компанія двинулась дальше, онъ пошелъ рядомъ со старикомъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора на общія темы, неожиданно спросилъ:

— Кстати, вы сказали: Глорія. Можно узнать, кто это носитъ такое странное имя? 1)

Ронсаръ какъ-то недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.— Оно кажется страннымъ вашему величеству? Если бъ вы видѣли ее, вы бы нашли, что это для нея самое подходящее имя.

— Это ваша жена?—или дочь?

Старикъ горько усмѣхнулся. — Государь, у меня никогда не было ни дочери, ни жены. Гдѣ родилась Глорія, я не знаю; можетъ быть она вышла, какъ Афродита, изъ морской пѣны и солнечныхъ лучей. Больше на нее никто не предъявлялъ притязаній.

Онъ запнулся и какъ будто хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но король сказалъ:—разскажите мнѣ еще что-нибудь о ней.

Ронсаръ отвѣтилъ не сразу и довольно рѣзко.

Нѣтъ! Я жалѣю, что заговорилъ о ней. Разсказывать

1) Gloria—слава.

нечего. Я уже сказалъ, что она прекрасна, а красота всегда интересуетъ—даже королей. Но ваше величество врядъ ли увидите ее, такъ какъ ея сегодня нѣтъ дома.

Король улыбнулся. — Неужели слухи о его любовныхъ похожденіяхъ дошли и до острововъ, и этотъ „философъ жизни“ боится, какъ бы Глорія не поддалась его царственному обаянію.—Это было довольно лестно. Но король ничѣмъ не выдалъ своего удовольствія и только ласково сказалъ:

— Тѣмъ болѣе основаній разсказать мнѣ о ней, если я ея не увижу. Я умѣю хранить чужія тайны.

Легкая краска выступила на увядшихъ щекахъ Ронсара.

Здѣсь вопросъ не въ довѣріи, государь, и тайны здѣсь нѣтъ никакой. Глорія, какъ и я, выброшена на берегъ моремъ. Я нашелъ ее полубезчувственной, привязанной къ доскѣ, плававшей на волнахъ — вонъ тамъ, по ту сторону острова, гдѣ нѣтъ пристани. Тамъ есть на горѣ маленькая церковь, и каждый вечеръ въ ней мужчины и мальчики обучаются церковному пѣнію. Солнце садилось, я шелъ одинъ по берегу; а въ церкви надъ моей головой пѣли: „*Gloria! Gloria! Gloria—in excelsis Deo*! [1]) И вдругъ я увидѣлъ, какъ будто какой-то странный цвѣтокъ, крѣпко привязанный веревкой къ обломку мачты, между двухъ скалъ, словно протягивавшихъ руки, чтобы схватить его. Это была дѣвочка. Я развязалъ ее, отогрѣлъ, и все время, пока я приводилъ ее въ чувство, вверху надо мной пѣли: „*Gloria, Gloria*!“ Такъ я и назвалъ ее. Это было девятнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь она замужемъ.

— Замужемъ?—воскликнулъ король и съ облегченіемъ, и съ разочарованіемъ.—Такъ что она ушла отъ васъ?

— О нѣтъ, она не ушла отъ меня! Она будетъ жить со мною, пока мужъ не возьметъ ее къ себѣ. Теперь онъ еще не можетъ этого сдѣлать. Онъ очень бѣденъ и живетъ надеждой на лучшіе дни. Но бѣдность пока не тяготитъ ихъ; они счастливы. Счастье, молодость и красота рѣдко уживаются вмѣстѣ, но они всѣ сошлись въ радостной жизни моей Глоріи.

— Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на нее,—задумчиво сказалъ король.—Вашъ разсказъ очень заинтересовалъ меня.

Старикъ, не отвѣчая, ускорилъ шагъ, чтобы отворить ворота королю и его свитѣ. За воротами виднѣлся длинный и низкій домъ съ рѣзнымъ фронтономъ и рѣшетчатыми ставнями, сплошь обитый жасминомъ и розами въ цвѣту. Дворъ заросъ шелковистой травой; сзади домъ осѣняли вы-

[1]) Слава въ вышнихъ Богу.

сокія сосны; столбы широкой веранды, тянувшейся во всю длину лицевого фасада, густо обвивали клематитъ и душистая жимолость, наполнявшія воздухъ благоуханіемъ. Гости восхищались живописностью дома, между тѣмъ какъ Ронсаръ съ подвижностью, удивительной въ такомъ старикѣ, разставлялъ на верандѣ и на травѣ стулья для почетныхъ гостей.

Знаменитый путешественникъ и молодой красавецъ придворный, маркизъ Монтала, гуляли по саду съ дамами, восхищаясь расположеніемъ деревьевъ и куртинъ, обнаруживавшимъ простой, но изящный вкусъ. Король съ королевой съ интересомъ слушали своего хозяина, знакомившаго ихъ съ бытомъ, преданіями и обычаями ловцовъ коралловъ.

— Что же они сегодня—всѣ уѣхали?—спрашивалъ король.

— Да, на этой сторонѣ нѣтъ никого изъ мужчинъ. А у женщинъ и дома много работы. По вечерамъ и при лунномъ свѣтѣ они гуляютъ, танцуютъ, поютъ; это веселый народъ; они живутъ гораздо счастливѣе своихъ сосѣдей на материкѣ.

— А вы развѣ знакомы съ жизнью тѣхъ и другихъ?

— Достаточно, чтобы знать, что они недовольны, и что за веселымъ цвѣтущимъ паркомъ, гдѣ наслаждается жизнью общество, таится голодный гнѣвный левъ, именуемый народомъ, подстерегающій добычу.

Онъ произнесъ послѣднія слова почти шепотомъ, но такъ выразительно, что его слушатели были и удивлены, и смущены.

— Здѣсь на островахъ, когда я впервые пріѣхалъ сюда, царило такое же недовольство. Всѣ взрослые были въ душѣ соціалистами, всѣ дѣти—анархистами въ зародышѣ. Они мечтали о равенствѣ, говорили, что ни одинъ человѣкъ не долженъ быть богаче другого. У нихъ было свое собственное тайное общество, поддерживавшее постоянныя сношенія съ другимъ такимъ же за моремъ. Члены здѣшняго общества были все удальцы на подборъ, храбрые, ловкіе, не дорожившіе жизнью, мучимые чувствомъ жгучей обиды за несправедливость, они не сумѣли бы объяснить, какую именно, но чувствовали ее очень ярко. Успокоить ихъ или разубѣдить было трудно; это были настоящія дѣти природы, запальчивыя, упрямыя... Но ко мнѣ они были добры, и я въ свою очередь старался быть добрымъ къ нимъ, старался сдѣлать ихъ счастливыми. Вѣдь, въ сущности всѣ мы живемъ и трудимся только для счастья отъ начала до конца жизни, и часто ищемъ его далеко, когда оно стучится къ намъ въ дверь. Ну вотъ!—Теперь они совсѣмъ мирные, ни къ кому не питаютъ вражды, не завидуютъ богатымъ, скорѣе даже

жалѣютъ ихъ, по крайней мѣрѣ такъ я училъ ихъ. А прежде они были по меньшей мѣрѣ опасны.

Король слушалъ молча и только слегка повелъ бровью при этихъ словахъ, какъ бы находя, что „опасный“ слишкомъ сильное выраженіе для кучки жалкихъ рыбаковъ, хотя бы и соціалистовъ.

— Удивительное дѣло,—продолжалъ Ронсаръ, какъ быстро чувство обиды и несправедливости овладѣваетъ всей общиной. Одинъ недовольный сѣетъ недовольство вокругъ себя. Правительства часто упускаютъ это изъ виду. Если бъ я правилъ страной...

Онъ вдругъ запнулся и грубовато прибавилъ:

— Извините, я не знаю, какъ полагается разговаривать съ королями, и теперь уже слишкомъ старъ, чтобы учиться. Безъ сомнѣнія, я говорю слишкомъ смѣло. Но для меня вы такой же человѣкъ, какъ и всѣ. По этикету оно, можетъ, и больше, но по человѣчеству—нѣтъ.

Король улыбнулся, очень довольный. Этотъ старикъ въ простомъ рыбачьемъ платьѣ и съ грубой простой рѣчью былъ такимъ отраднымъ контрастомъ съ униженно заискивающими придворными; ему страшно хотѣлось узнать побольше объ этомъ человѣкѣ, очевидно пользовавшемся вліяніемъ и авторитетомъ среди островитянъ.

— Продолжайте, другъ мой,—сказалъ онъ.—Честное выраженіе мысли можетъ оскорблять только рабовъ и глупцовъ, а я льщу себя надеждой, что не принадлежу ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, хотя тѣхъ и другихъ вокругъ меня слишкомъ достаточно. Такъ, если бы вы правили страной, что бы вы сдѣлали?

Ренэ Ронсаръ задумчиво сдвинулъ свои густыя брови.— Я думаю, что я выбиралъ бы себѣ друзей и повѣренныхъ среди вождей народа.

— Такъ, вѣдь, мы же это и дѣлаемъ. Каждый монархъ выбираетъ себѣ друзей въ средѣ правительства.

— Но правительство не есть представитель настоящаго народа.

— Какъ такъ?—Вѣдь, всѣ члены правительства выбираются народнымъ голосованіемъ. А вы чего же бы хотѣли?

— Кабинетныхъ министровъ не выбираетъ народъ,—ихъ выбираетъ министръ-президентъ. А если министръ-президентъ окажется корыстнымъ и непорядочнымъ человѣкомъ, онъ подберетъ себѣ и соотвѣтствующій составъ министерства. Да и о другихъ невѣрно будетъ сказать, что ихъ выбираетъ народъ. А предвыборная агитація—вѣдь каждый кандидатъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы навербовать себѣ по-

больше сторонниковъ. Бѣдный народъ, бѣдные трудящіеся милліоны—они слишкомъ поглощены работой изъ-за куска хлѣба, чтобы имѣть время думать, и легко становятся добычей агента партіи, если только ихъ во время не остановитъ голосъ истиннаго вождя, того, кто на самомъ дѣлѣ правитъ страной, хотя и не принадлежитъ къ составу правительства.

— А развѣ есть такой?

— И не одинъ, а много. Женщины, мужчины, писатели, ораторы. Монархи не знаютъ о нихъ или пренебрегаютъ ихъ властью, но они-то и подрываютъ основы трона. Когда дворъ и свѣтъ веселились и наслаждались жизнью во Франціи, чье-то перо писало *Общественный Договоръ*—то было перо Руссо. Думалъ-ли кто изъ этихъ аристократовъ, что какая то книга пошлетъ его на эшафотъ! Рука Ронсара невольно сжалась въ кулакъ, но онъ тотчасъ овладѣлъ собою и продолжалъ:—Вотъ я и хотѣлъ сказать, что если бы я правилъ страной, я бы старался сближаться съ избранными мыслителями, имѣющими вліяніе на народъ. Руководители прогрессивной мысли — вотъ истинные представители народа. Кому-нибудь, власть имѣющему, слѣдовало бы во время преподнести Руссо помѣстье и титулъ маркиза.

— Вы философъ, Ренэ Ронсаръ,—сказалъ король, поднявшись съ кресла и ласково кладя руку ему на плечо.—Я тоже философъ по своему. Если я правильно васъ понялъ, вы утверждаете, что недовольство и смута во многихъ случаяхъ зарождается въ умѣ одного человѣка изъ какихъ-нибудь тайныхъ личныхъ побужденій, и этимъ недовольствомъ онъ заражаетъ окружающихъ; и вы думаете, что если бы человѣку этому во время дать, что ему нужно, смутѣ настало бы конецъ, по крайней мѣрѣ, пока не явился бы другой недовольный. Не такъ-ли?

— Такъ, государь, и я думаю, что это всегда было такъ. Во всѣ эры борьбы и революціи мы находимъ въ центрѣ всего какую-нибудь неудовлетворенную душу.

— Очень можетъ быть, что вы и правы, но, очевидно, неудовлетворенная душа сидитъ не *въ вашемъ* тѣлѣ. Вы не Донъ-Кихотъ, сражающійся съ вѣтряными мельницами воображаемыхъ несправедливостей.

Густая краска залила все лицо старика и тотчасъ отхлынула.—Я, государь, въ своей жизни не мало боролся съ несправедливостью только не воображаемой, а настоящей—можетъ быть, и теперь бы боролся, если бы не Глорія... Она была божьимъ даромъ разбитому сердцу. Море выбросило ее въ мою жизнь, какъ жемчужину на берегъ, и для нея я остался жить, для нея построилъ этотъ домъ, для нея ста-

рался пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе на островитянъ, успокоить ихъ недовольство, воспитать въ нихъ болѣе мирное настроеніе, любовь къ природѣ и красотѣ. Но въ этомъ нѣтъ моей заслуги. Мои побужденія были эгоистическія. Я трудился для ребенка, котораго хотѣлъ сдѣлать счастливымъ.

— И вы не жалѣете, что она вышла замужъ и уже не можетъ посвящать себя исключительно вамъ?

— Я ни о чемъ не жалѣю. Я уже старъ и скоро умру; я оставляю ее въ хорошихъ, надежныхъ рукахъ.

Король задумчиво посмотрѣлъ на него, какъ-будто хотѣлъ еще что-то спросить, потомъ передумалъ, повернулся къ женѣ и что-то тихо сказалъ ей, послѣ чего она, словно повинуясь приказанію, встала и съ неотразимой ласковостью, которую она умѣла иногда придавать своему голосу, попросила Ронсара показать ей внутренность дома.

— Государыня,—смущенно возразилъ тотъ,—все, что я имѣю, къ вашимъ услугамъ, но мы живемъ такъ бѣдно...

— Не бѣденъ домъ, гдѣ обитаетъ миръ,—улыбнулась королева одной изъ тѣхъ рѣдкихъ улыбокъ, которыми она сразу покоряла мужскія сердца.

Ронсару оставалось только повиноваться. Королева сдѣлала знакъ возвратившейся свитѣ слѣдовать за нею.

— Король подождетъ здѣсь нашего возвращенія,—сказала она. Съ нимъ остается сэръ Роджеръ. — И она пошла впередъ по направленію къ дому, мимоходомъ бросивъ Роджеру выразительный взглядъ, а за нею всѣ остальные. Когда всѣ вошли въ домъ, король съ смѣющимся лицомъ повернулся къ своему конюшему.

— Ну-съ, де-Лонэй, а теперь идемъ искать фонъ-Глаубена.

Сэръ Роджеръ вздрогнулъ отъ удивленія и какого-то непріятнаго предчувствія.

— Фонъ-Глаубена, ваше величество?

— Да, фонъ-Глаубена—онъ здѣсь! Я минуту назадъ видѣлъ, какъ онъ выглядывалъ вонъ изъ-за тѣхъ деревьевъ.— Онъ указалъ на тѣнистую тропинку подъ соснами, совсѣмъ темную отъ нависшихъ надъ нею вѣтвей.—Я не сплю и не страдаю галлюцинаціями. Я напалъ на слѣдъ тайны, Роджеръ. Здѣсь есть красавица дѣвушка, по имени Глорія; эта красавица дѣвушка замужемъ—по всей вѣроятности за ревнивцемъ, потому что онъ ее прячетъ отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ меня. Предположимъ, что этотъ супругъ фонъ-Глаубенъ!

Онъ расхохотался, и Роджеръ невольно вторилъ ему, до того забавна была эта мысль. Но король не хотѣлъ терять ни минуты.

— Идемте! Если эти сосны скрываютъ тайну, мы ее сейчасъ обнаружимъ. Я увѣренъ, что я видѣлъ фонъ-Глаубена, но что онъ здѣсь можетъ дѣлать—это выше моего пониманія. Идите за мною, Роджеръ! Если у профессора есть жена, и жена эта красавица, мы простимъ ему, что онъ такъ долго пряталъ ее отъ насъ.

Онъ опять засмѣялся, а Роджеръ, идя за нимъ, вспоминалъ свой утренній разговоръ съ фонъ-Глаубеномъ и думалъ: — Удивительное дѣло! Стоило королю отступить отъ обычной рутины, какъ все точно съ петель сорвалось. Недѣлю тому назадъ каждый изъ насъ былъ прочно прикрѣпленъ къ своему дѣлу и къ своей орбитѣ, и король, казалось, прочнѣе всѣхъ, а теперь — кто знаетъ, что еще будетъ.

Въ эту минуту король обернулся. — Этой тропинкѣ, кажется, не будетъ конца, Роджеръ. Она становится все гуще и темнѣе—какъ тайна, которую мы беремся раскрыть.

Сэръ Роджеръ осмотрѣлся вокругъ. Они шли между двумя стѣнами деревьевъ, сквозь густыя вершины которыхъ слабо проникалъ дневной свѣтъ. Тропинкѣ, дѣйствительно, казалось, не будетъ конца. Они шли все быстрѣе и молча, какъ вдругъ неожиданный звукъ нарушилъ тишину, могучій и мѣрный, словно вздохи милліоновъ человѣческихъ грудей. Король остановился.

— Эта дорога ведетъ на берегъ. И тамъ, должно быть, есть скалы и пещеры. Прислушайтесь къ плеску волнъ.

Сэръ Роджеръ прислушался. Дѣйствительно, вода какъ будто вливалась и выливалась съ размѣреннымъ шумомъ раздувающихся органныхъ мѣховъ, но въ шумѣ волнъ онъ уловилъ еще другой звукъ, до крайности обострившій его любопытство—прозвенѣвшій и тотчасъ сдержанный женскій смѣхъ. Онъ взглянулъ на короля. Тотъ, очевидно, тоже слышалъ, и глаза его свѣтились улыбкой.

— Идемте дальше, Роджеръ. Сейчасъ будетъ разгадка.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ, они снова остановились, заслышавъ знакомый, грубовато-ласковый голосъ совсѣмъ взлизи. Король бросилъ предостерегающій взглядъ де-Лонэю, сдѣлалъ ему знакъ отойти и самъ спрятался въ тѣни деревьевъ.

— *Ach!* Не пойте, моя принцесса. Если вы откроете вашъ музыкальный розовый ротикъ, всѣ рыбки въ морѣ и всѣ птички въ воздухѣ сбѣгутся слушать васъ — и, можетъ быть, еще кто-нибудь, болѣе опасный, чѣмъ рыбы и птицы.

Король схватилъ за руку де-Лонэя. — Ну что, не правъ я былъ?—вѣдь это голосъ фонъ-Глаубена!

Сэръ Роджеръ былъ въ полномъ недоумѣніи. Ему очень трудно было себѣ представить фонъ-Глаубена замѣшаннымъ въ любовную интригу. А тутъ, очевидно, что-то въ этомъ родѣ. Король снова подтолкнулъ его: слышите?

Другой голосъ, красивый, звучный, съ богатыми интонаціями и съ дрожащей въ немъ ноткой смѣха, возразилъ: — Почему мнѣ нельзя пѣть? Вы сегодня всего боитесь? Почему? Почему я должна цѣлый день сидѣть здѣсь безъ дѣла? Вы говорите, что король пріѣхалъ на острова—ну такъ что же? Какое мнѣ дѣло до короля? Для меня онъ ничто!

— Но, можетъ, быть вы были бы для него *чѣмъ-нибудь*, если бъ онъ васъ увидѣлъ,—возразилъ голосъ фонъ-Глаубена.—Безопаснѣе вамъ не попадаться ему на глаза. Вы сегодня очень упрямы, принцесса. Не забывайте, что супругъ вашъ ревнивъ.

Король вздрогнулъ.—Чортъ возьми! Значитъ Глаубенъ знаетъ ея супруга.

Де-Лонэй молчалъ. Предчувствіе чего-то непріятнаго въ немъ росло, смѣшиваясь съ смутнымъ страхомъ.

— Мой супругъ! — И снова прозвучалъ музыкальный смѣхъ. — Странно было бы для бѣднаго моряка ревновать къ королю!

— Если у бѣднаго моряка красавица жена, которую онъ боготворитъ, и если король начнетъ восхищаться его женой, онъ можетъ имѣть основаніе ревновать. Есть много женщинъ, которыя не задумались бы промѣнять бѣднаго моряка на короля. Почему вы сегодня такъ непокорны, принцесса? Развѣ я не принесъ вамъ письма отъ вашего милаго, который прямо проситъ васъ не показываться на глаза королю? Развѣ я не сижу съ вами тутъ уже цѣлый часъ, читая вамъ лучшія стихотворенія Гейне?

— Оттого мнѣ и хочется пѣть. — Въ нѣжномъ голосѣ звенѣла упрямая нотка. — Слушайте, я вамъ спою вашего Гейне!—Голосъ вдругъ разсыпался серебристой каденцой, потомъ полилась мелодія:

Oh, hast du denn vergessen, dass ich dein Herz besass?

Король осторожно вышелъ изъ своего убѣжища, ведя за собой де-Лонэя. Они подошли еще ближе.

— *Ach, mein Gott!*—воскликнулъ голосъ фонъ-Глаубена.— Вѣдь этотъ призывъ долетитъ, какъ на крыльяхъ, до ушей короля.

Опять зазвенѣлъ мелодическій смѣхъ, и ласковый женскій голосъ спросилъ:

— Дорогой другъ и учитель, чего вы такъ боитесь? Вѣдь вашему королю не найти насъ, хоть вы и видѣли его въ нашемъ саду. Вѣдь это нашъ потайной рабочій кабинетъ,

наша маленькая классная, гдѣ вы уже такъ многому научили меня. И каждый разъ, какъ вы пріѣзжаете, вы учите меня чему-нибудь новому и хорошему, и я ни зачто на свѣтѣ не хотѣла бы разсердить васъ! Но что же за радость понимать и чувствовать красоту, если нельзя этого выразить?

— Вы это выражаете безъ словъ, — возразилъ профессоръ,—но это, конечно, физіологическая случайность, которой вамъ не понять.

Наступило молчаніе. Потомъ посыпались мелкіе камешки подъ легкими шагами быстрыхъ ножекъ, очевидно карабкавшихся на верхъ, и нѣжный голосъ весело сказалъ:

— Ну вотъ! Теперь я сижу на моемъ тронѣ! Вы помните — ахъ, нѣтъ! — Вы вѣдь этого не знаете — ну, я вамъ разскажу. Вѣдь это здѣсь мой мужъ увидѣлъ меня впервые.

— *Ach, so!* Чудное мѣсто для первой встрѣчи. Сама Ева не могла бы придумать болѣе живописной декораціи для того, чтобы одержать побѣду надъ Адамомъ.

Но этотъ легкій сарказмъ не былъ оцѣненъ.

— Онъ медленно шелъ одинъ по берегу, — продолжалъ женскій голосъ, нѣжнѣе и мягче. — Солнце сѣло; только одна маленькая звѣздочка сверкала на небѣ. Онъ посмотрѣлъ на звѣздочку и..

— И увидѣлъ женщину,—что для мужчины всегда привлекательнѣе недоступной планеты. *Ja, ja, es ist so!*

— Онъ не успѣлъ договорить, какъ откуда-то сверху полилась дивная пѣсня, въ которой слова и музыка совершенно сливались вмѣстѣ.

„Здѣсь, у моря, меня нашелъ мой любимый. Чайки качались въ волнахъ; сирены пѣли въ своихъ пещерахъ; одна лишь звѣздочка, какъ ангельскій глазокъ, сверкала высоко на розовомъ небѣ. Мой любимый нашелъ меня, и онъ и я обручились навсегда. О дивный день, когда мы отдались другъ другу навѣки, когда мой любимый нашелъ меня!

Здѣсь, у моря, мой король вѣнчалъ меня. Бурный океанъ пѣлъ въ честь моей коронаціи ликующимъ голосомъ могучей націи! Среди высокихъ утесовъ онъ воздвигъ мнѣ тронъ и считалъ меня навѣки вѣковъ своей! Мой король короновалъ меня, и онъ и я теперь — одно, пока міръ не перестанетъ существовать. О дивная сказка любви! О дивная ночь, когда король мой вѣнчалъ меня!

Никакими словами не описать дивнаго богатства голоса, который пѣлъ эту пѣсню, онъ былъ такъ полонъ торжества, восторга, нѣжности и страсти, что казался почти сверхчеловѣческимъ. Когда пѣсня смолкла, большая волна, хлынувшая на берегъ, съ шумомъ разбилась о камень, какъ заключи-

тельный аккордъ органа, и послышался голосъ фонъ-Глаубена.

— Ну вотъ! Вы хотѣли настоять на своемъ, принцесса, и настояли. Вы пѣли, какъ серафимъ—не удивительно, что смертные явились слушать васъ... Т-съ! Что это?

— Это хрустнула вѣтка, за которую ухватился король, потянувшись впередъ, чтобъ увидать говорившихъ. Наступила минутная пауза. Король хотѣлъ было отойти, но вдругъ быстро двинулся впередъ, увлекая за собой де-Лонэя, и черезъ минуту очутился на небольшой песчаной площадкѣ, отъ которой крутая тропинка вела вверхъ къ утесу, окруженному большими шагами и словно зубчатыми башенками, а на утесѣ вся въ яркихъ солнечныхъ лучахъ, какъ на тронѣ, возсѣдала богиня этихъ мѣстъ—дѣвушка, вѣрнѣе женщина дивной красоты, какую даже трудно себѣ вообразить. Король при видѣ ея окаменѣлъ на мѣстѣ, ослѣпленный солнечными лучами и ея необычайной красотой.

— Глорія!—воскликнулъ онъ невольно.—Вы Глорія?

Прекрасное видѣніе поднялось и выступило впередъ съ удивленіемъ въ яркихъ глубокихъ глазахъ.

— Да! Я Глорія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чеховъ и его творчество.

(*Окончаніе*).

VIII.

Простота, правдивость и вдумчивость.

Мы познакомились съ содержаніемъ чеховскаго творчества, хотя далеко не исчерпали всего богатства его.

Теперь мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ о языкѣ художника, о той формѣ, въ которую выливались его произведенія, и о тѣхъ пріемахъ, которыми онъ пользовался во время своей работы.

Рѣзко проявленная индивидуальность А. П. Чехова, какъ человѣка, несомнѣнно наложила яркую печать на его стиль.

Передъ нами цѣлый рядъ „Воспоминаній", посвященныхъ „памяти А. П. Чехова". Въ „Нижегородскомъ Сборникѣ"—мы находимъ „Отрывки изъ воспоминаній" о Чеховѣ, написанные М. Горькимъ. Въ III Сборникѣ „Знанія" помѣщены воспоминанія г. Куприна и г. Бунина.

Правду сказать, всѣ эти воспоминанія даютъ очень мало, но всѣ они подчеркиваютъ однѣ и тѣ же основныя черты индивидуальности А. П. Чехова: простоту, правдивость и вдумчивость. „Жажда наивысшей простоты", „истинно чеховская боязнь всего надутаго, приподнятаго, неискренняго и пошлаго", „желаніе быть проще, правдивѣе, быть самимъ собой", „говорить своимъ языкомъ", „горячее желаніе видѣть людей простыми, красивыми, гармоничными", „отсутствіе всякое фразы и аффектировки"—вотъ та особенность А. П. Чехова, которая бросалась въ глаза каждому и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ отмѣчена М. Горькимъ, Купринымъ и Бунинымъ...

Тѣ же авторы говорятъ о способности А. П. Чехова „вду-

мываться въ человѣка", „разомъ понять его суть", „видѣть и слышать въ человѣкѣ, въ его лицѣ, голосѣ и походкѣ—то, что было скрыто отъ другихъ, что не поддавалось, ускользало отъ глазъ средняго наблюдателя..." М. Горькій приводитъ интересный разговоръ забитаго сельскаго учителя съ А. Чеховымъ. Этотъ разговоръ закончился такими словами учителя: „ухожу вотъ, какъ отъ хорошаго, близкаго человѣка, который *все понимаетъ*. Великое это дѣло—все понимать".—Такова другая особенность этого удивительно чуткаго и воспріимчиваго человѣка.

Три сестры только что упомянутыя: простота, правдивость и вдумчивость приводили прежде всего къ тому, что А. П. Чеховъ былъ чуждъ всякой тенденціозности, подчеркиванья и угожденій моменту. „Онъ былъ *внутренно свободенъ* и никогда не считался съ тѣмъ, чего одни отъ него ожидали, другіе, болѣе грубые, требовали..." (Горькій о Чеховѣ). Мы знаемъ, что съ момента выступленія на литературное поприще до послѣднихъ дней А. П. Чеховъ, этотъ мягкій и нѣжный человѣкъ, сурово и твердо отстаивалъ права человѣка и права художника на свободу, во имя искренности и простоты... Присмотритесь къ его героямъ актерамъ, художникамъ, всѣ они выражаютъ излюбленную мысль самого А. П. Чехова о томъ, что творчество должно быть свободно. „Роль была подлая, шутовская"—жалуется актеръ Свѣтловидовъ, игравшій всегда на сценѣ не то, къ чему испытывалъ непреодолимое влеченіе.—„Я игралъ и чувствовалъ, какъ открываются мои глаза. Понялъ я тогда, что никакого искусства нѣтъ, что все бредъ, обманъ. Что я *рабъ, игрушка чужой праздности*, шутъ, фигляръ" („Лебединая пѣсня").

Старый профессоръ („Скучная исторія") изъ разговоровъ съ старыми актерами, благороднѣйшими людьми, понялъ, что „дѣятельностью ихъ руководитъ не столько ихъ собственный разумъ и свобода, сколько люди и настроеніе общества..."

Нина Зарѣчная идетъ въ актрисы изъ любви къ „славѣ и блеску". Свою творческую дѣятельность она подчиняетъ соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ искусствомъ. Она не нашла еще пріюта въ искусствѣ и что же получается?—Она играетъ безсмысленно... Она не знаетъ, что дѣлать съ руками, не умѣетъ стоять на сценѣ, не владѣетъ голосомъ... Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ мучительной, одинокой и безпріютной жизни. Нина Зарѣчная все больше сознаетъ, что „главное не слава и не блескъ". Она рветъ эти путы. Она вся уходитъ въ свой внутренній міръ. „Все хожу и думаю, думаю и чувствую, какъ съ каждымъ днемъ растутъ мои душевныя силы",—говоритъ она. И вотъ, когда Нина Зарѣчная освободилась отъ мелочнаго честолюбія, когда она ушла въ искусство, „какъ въ монастырь", она почувствовала себя *настоящей* актрисой. Она играетъ, совершенно забывая зрителей. Она играетъ съ насла-

жденіемъ, восторгомъ, опьяненіемъ. Она зажигаетъ тѣ самыя сердца, которыя были холодны, когда Нина Зарѣчная собиралась ихъ покорить.

О писателяхъ, которые прислушиваются къ тому, что скажетъ свѣтъ и что прикажетъ, Чеховъ говорилъ: „вы думаете, что они писатели! Они извозчики!..“

Тригоринъ и Треплевъ—художники двухъ лагерей. Одинъ пишетъ „по старинкѣ“. Онъ представитель старой формы искусства; Треплевъ постоянно повторяетъ, что „нужны новыя формы“, но оба они сходны въ одномъ: они—несвободные художники.

Признанія и того и другого въ высшей степени характерны. Тригоринъ говоритъ Нинѣ:

„Я никогда не нравился себѣ. Я не люблю себя, какъ писателя. Хуже всего, что я въ какомъ-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я *обязанъ говорить о народѣ*, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч., и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ, и, въ концѣ-концовъ, чувствую, что *я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и* фальшивъ до мозга костей“.

Итакъ, Тригоринъ говоритъ о народѣ только потому, что онъ *обязанъ* говорить о народѣ, говоритъ обо всемъ только потому, что его подгоняютъ со всѣхъ сторонъ, и сознается, что *фальшивъ* во всемъ, кромѣ пейзажа. Этотъ человѣкъ безъ своей воли вмѣсто того, чтобы прислушаться къ внутреннему голосу, гоняется за популярностью и не выполняетъ и сотой доли того, что могъ бы выполнить. Мало того, онъ чувствуетъ, что народился какой-то новый читатель, къ которому онъ не умѣетъ подойти, и которому онъ чуждъ.

Треплевъ—совершенно другая натура. Онъ не признаетъ толпы. Онъ живетъ „въ мечтахъ“, онъ жаждетъ создать во что бы то ни стало „новыя формы“. Какія это новыя формы, онъ не знаетъ, но все болѣе убѣждается, что производить впечатлѣніе изысканными выраженіями—слишкомъ недостаточно для этой цѣли.

И Тригоринъ и Треплевъ—тенденціозные писатели. Одинъ—рабъ гражданскихъ мотивовъ, другой—рабъ современныхъ мотивовъ. „А въ сущности—сознается передъ самоубійствомъ Треплевъ, не найдя *своего призванія*—дѣло не въ старыхъ и не въ

новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ потому, что это *свободно льется* изъ его души...“

Бездарный и легкомысленный адвокатъ Костя, который умѣетъ говорить только то, что уже всѣмъ давно извѣстно, пишетъ романы, которыхъ нигдѣ не печатаютъ... Въ своихъ романахъ онъ говоритъ о серьезныхъ общественныхъ задачахъ, „о свободѣ преподаванія и о дезинфекціи тюремъ“, обо всемъ томъ, что легко можно почерпнуть въ спеціальныхъ руководствахъ. Костя только тогда признаетъ произведеніе значительнымъ и полезнымъ, когда „въ произведеніи—протестъ противъ крѣпостного права, или авторъ вооружается противъ высшаго свѣта съ его пошлостями...“

У всѣхъ, только что приведенныхъ героевъ А. П. Чехова—представителей искусства, „отсутствуетъ *главный элементъ творчества: чувство личной свободы*“, говоря словами „Стараго профессора“.

Это чувство личной свободы бросается въ глаза въ каждомъ произведеніи А. П. Чехова. Онъ не ищетъ новыхъ формъ во что бы то ни стало, онъ не обсахариваетъ мужика, онъ не повинуется повелѣніямъ критики, которая, какъ Лида изъ „Дома съ мезониномъ“, ругаетъ его „пейзажистомъ“ и на разные лады язвитъ его замѣчаніями вродѣ: „впрочемъ, это вамъ вѣдь все не интересно...“

Суровый въ своей художественной неподкупности, А. П. Чеховъ изображаетъ эту дѣйствительность такою, какою она представляется ему, а не сотнямъ совѣтниковъ. Его „мужики“ не похожи на мужиковъ Златовратскаго, этого народника-романтика, его мужики не таковы, какими представляло ихъ влюбленное народничество или жалѣющее барство,—художникъ нарисовалъ ихъ безъ всякихъ тенденцій, безъ всякихъ подчеркиваній и справокъ съ календаремъ, нарисовалъ свободно—и получилась картина, невиданная по яркости. Не народникъ и не баринъ, а прежде всего художникъ показалъ всему міру мужика дѣйствительнаго: не Антона Горемыку, не Акима, не Платона Каратаева, а просто деревенскаго мужика, какихъ милліоны, показалъ мужика, во всей его нищетѣ и забитости, но въ то-же время во всей простотѣ и правдѣ его. Въ изображеніи мужика А. П. Чеховъ оказался демократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, истинные демократы привѣтствовали его „Мужиковъ“, какъ произведеніе громадной общественной важности и въ то-же время, какъ произведеніе величайшей художественной цѣнности. Вокругъ этого произведенія загорѣлся бой между отцами и дѣтьми, бой не на животъ, а на смерть. А свободный художникъ съ изумленіемъ глядѣлъ на эту сумятицу и продолжалъ итти „дорогою свободною туда, куда влечетъ свободный умъ“.

Но этотъ свободный художникъ ничего общаго не имѣлъ съ

тѣми, такъ называемыми художниками, которые, ратуя за „чистое искусство", только прикрываютъ виноградным листкомъ свои нечистыя цѣли. Онъ не бѣжалъ отъ жизни въ область „звуковъ сладкихъ и молитвъ", въ міръ леденящаго ужаса, сверкающей драгоцѣнностями жестокости, кошмарнаго сладострастія, въ міръ голубой тишины, соннодышащихъ антиковъ и абсолютныхъ истинъ... Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ пророковъ, вникающихъ въ тайны предѣльнаго искусства, пророковъ златозвонныхъ полдней и синихъ полночей... Онъ не пѣлъ о страсти, перешедшей за предѣлъ, и не занимался алхиміей слова... Онъ всегда оставался самимъ собой и былъ художникомъ-реалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, глубоко пустившимъ корни въ почву дѣйствительности, а дѣйствительность была исполнена ужаса и трагической пошлости. Она не говорила, а кричала о томъ, что такъ жить нельзя. Свободный художникъ А. П. Чеховъ обнаружилъ-бы величайшую неискренность и грубую тенденціозность, если-бы прошелъ мимо этихъ нелѣпыхъ противорѣчій жизни.

Мы сказали, что А. П. Чеховъ былъ художникомъ-реалистомъ, и напрасно Андреи Бѣлые пытаются залучить его въ свой лагерь. Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ постоянно возвращается къ мысли о вѣрности дѣйствительности. Онъ удивляется, почему, „когда мы хотимъ разсказывать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то черпаемъ матеріалъ не изъ жизни, а непремѣнно изъ міра привидѣній и загробныхъ тѣней". (Страхъ). Онъ выводитъ въ „Степи" разсказчика Пантелея, изъѣздившаго всю Россію, видѣвшаго и знавшаго многое, потерявшаго во время пожара жену и дѣтей, поразсказчика, который почему-то *обезцѣнивалъ свою жизнь* и говорилъ о томъ, *чего не было...*" Во всѣхъ его разсказахъ—говоритъ художникъ,—одинаково играли роль *длинные ножики, и одинаково чувствовался вымыселъ...*"

Въ разсказѣ „Іонычъ" А. П. Чеховъ выводитъ комическую фигуру: Мать семейства, интеллигентная особа, пишетъ романы, а потомъ читаетъ ихъ своимъ гостямъ. И всегда она пишетъ „о томъ, чего не было". Эта краткая и мѣткая фраза „пишетъ о томъ, чего не было" является какъ-бы формулой у художника и очень часто попадается въ его произведеніяхъ.

Въ своихъ бесѣдахъ А. П. Чеховъ, повидимому, не разъ возвращался къ темѣ о „художественномъ вымыслѣ". По словамъ Куприна, А. Чеховъ недоумѣвалъ: „зачѣмъ это писать, что кто-то сѣлъ на подводную лодку и поѣхалъ искать какого-то примиренія съ людьми, а въ это время его возлюбленная съ драматическими воплями бросается съ колокольни. Надо *писать просто* о томъ, какъ Петръ Семеновичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ" (А. Купринъ, III Сборникъ „Знанія", 38 стр.).

Простота и правдивость произведеній А. П. Чехова нисколько не мѣшаютъ ихъ захватывающему интересу. Вѣдь разсказы А. Че-

хова творчески вопроизводятъ жизнь, художникъ эту жизнь изучаетъ до тонкости и предлагаетъ читателю крѣпкій экстрактъ.

Стремленіе къ реализму вовсе не вытекало изъ теоріи искусства, которой придерживался А. П. Чеховъ. Оно опять-таки являлось совершенно естественнымъ и было въ натурѣ А. Чехова. И самъ А. П. Чеховъ великолѣпно объяснилъ происхожденіе своего реализма въ небольшой автобіографической замѣткѣ. Приводимъ ее почти полностью.

„Мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы. Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня на сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, *соображаться съ научными данными*, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т.-е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это—только условность, и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и *къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ-бы принадлежать*. („Міръ Божій". На родинѣ. 42. Автобіографія А. П. Чехова. 1904 г.).

Вѣчное стремленіе вдуматься въ явленіе, опредѣлить его, понять и обобщить, дѣлало изъ А. П. Чехова естествовѣда-художника. Тѣ выводы, къ которымъ онъ приходилъ, такъ-же важны какъ и законы, открытые ученымъ. Важны потому, что въ основѣ ихъ лежитъ матеріалъ, взятый изъ жизни, матеріалъ, ничего общаго не имѣющій съ „чарованьями красныхъ вымысловъ".

Потрясающій трагизмъ обыденности, гнетъ безсилія и мелочей, холодный ужасъ нестрашнаго, слѣпую силу пошлости Антонъ Павловичъ Чеховъ рисовалъ, какъ никто изъ нашихъ художниковъ. Всѣ тѣ мелочи жизни, все то ничтожное и нелѣпое, мимо чего мы проходимъ, не замѣчая, все то, что ложится на внутренній міръ нашъ милліономъ мельчайшихъ, неуловимыхъ для простого невооруженнаго глаза черточекъ, все это въ произведеніяхъ А. П. Чехова воспроизводилось ярко, мощно, съ поразительною выпуклостью.

Какими пріемами художникъ достигъ этого?—Прежде всего, какъ и всѣ художники, А. П. Чеховъ не просто смотрѣлъ на проносившуюся мимо него жизнь, а всматривался въ нее, вдумывался, стремясь понять каждое явленіе жизни, уловить его существенный характеръ, обобщить и запечатлѣть въ художественномъ образѣ.

Въ этомъ собираніи матеріала и въ этой художественной способности смотрѣть и видѣть, слушать и слышать, вдумываться и обобщать. А. Чеховъ отличался отъ другихъ художниковъ, быть можетъ, только большей впечатлительностью и настойчивостью, большимъ умѣніемъ схватывать самую суть предмета, большею способностью угадывать то, что остается скрытымъ отъ глазъ обыкновенныхъ наблюдателей.

Но не столько сила воспріимчивости и чуткости характерна для Чехова, сколько точка приложенія этой силы. „Красиво простой" и „до аскетизма правдивый" А. П. Чеховъ ненавидѣлъ все пошлое и былъ въ особенности чутокъ и воспріимчивъ ко всему надутому и фальшивому, мелкому и пошлому.

Онъ какъ-бы спеціализировался на изображеніи мелочей жизни, до тонкости изучилъ самую атмосферу ничтожества и пошлости и заклеймилъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Изъ множества самыхъ пестрыхъ чертъ дѣйствительности этотъ *детальный художникъ* сосредоточивается на одной изъ деталей жизни и подбираетъ всегда *однородныя* черты. По признанію почтеннаго профессора Овсянико-Куликовскаго, онъ „создаетъ свои яркіе и сильные образы путемъ въ высокой степени односторонняго подбора чертъ [1])".

Итакъ, одинъ изъ художественныхъ пріемовъ А. П. Чехова заключался въ томъ, что онъ абстрагировался отъ однѣхъ чертъ и подчеркивалъ другія, обобщая не дѣйствительность во *всемъ ея цѣломъ*, какъ это дѣлаютъ А. Пушкинъ или Л. Толстой, *а выбирая для обобщеній только нѣкоторыя черты ея*, подобно Н. Гоголю. Въ этомъ случаѣ художникъ, какъ и ученый, производящій опытъ, создаетъ искусственную среду.

Благодаря такому одностороннему подбору чертъ, художнику удается выдвинуть и оттѣнить все то, что проносится незамѣтнымъ для насъ въ шумномъ потокѣ самыхъ разнообразныхъ явленій, все то, что естественно исчезаетъ изъ поля зрѣнія, заслоненное и стиснутое цѣлою массою фактовъ. Мало того, благодаря такому одностороннему подбору чертъ, художнику удается выставить на всенародныя очи все то обыденное, чего мы не замѣчаемъ, потому что слишкомъ привыкли, присмотрѣлись къ нему, удается возвести окружающую пошлость въ перлъ

[1]) Вопросы психологіи творчества А. П. Чехова Овсянико-Куликовскаго.

созданія и показать во всемъ его безобразіи и ужасѣ. Солнце существуетъ только для видящаго его глаза, для глазъ А. П. Чехова солнце не существуетъ, за то художникъ, какъ никто, видитъ темныя стороны жизни, видитъ паутину, опутавшую стѣны нашихъ домовъ, видитъ плѣсень, разъѣдающую эти стѣны, гніющія безъ солнца въ тѣни... и превращаетъ милліонъ мелочей въ милліонъ терзаній.

А все-таки солнце свѣтитъ, и читатель его не видитъ у А. П. Чехова!..

Возьмите любое произведеніе А. П. Чехова, и указанный пріемъ сразу вамъ бросится въ глаза. Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на драмѣ „Иванова“.

Въ этой драмѣ выведенъ цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ: тутъ и надорвавшій свои силы Ивановъ, которому „до порога лѣнь дойти“, тутъ и жена его Анна Петровна, которая предлагаетъ отъ скуки „кувыркаться“, тутъ и докторъ Львовъ— ходячая честность, у котораго на лбу написано „я честный человѣкъ“, тутъ и Саша, которая безполезную трату силъ считаетъ за подвигъ, тутъ и Шабельскій, который отъ скуки „загрызъ, заѣлъ безнадежно больную Анну Петровну“, тутъ и Зинаида Савишна Лебедева, которая отдаетъ деньги на проценты, угощаетъ своихъ гостей только крыжовникомъ, потому что варитъ 20 пудовъ; тутъ и ея мужъ Лебедевъ, который является рабомъ своей ничтожной жены и „каждую минуту околѣванья ждетъ“.

Кто здѣсь главное дѣйствующее лицо? Не Ивановъ и не Саша, а *Скука*, давящая, безнадежная, гнетущая, ненавистная скука русской жизни. Она выражается въ невозможности пробиться на вольный путь и въ безсмысленной тратѣ лучшихъ силъ. Она выражается въ тоскливомъ уныніи и холодномъ отчаяніи, доводящемъ до самоубійства, чахотки или сумасшествія. Она выражается въ трагической рѣшимости ни на что не рѣшаться. Она выражается въ неурядицѣ жизни, конца которой не предвидится. И когда говорятъ дѣйствующія лица этой драмы, которыя проходятъ передъ нами, какъ приговоренные къ смерти, намъ кажется, что передъ нами сама скука встаетъ въ своемъ потрясающемъ трагизмѣ. Вотъ она надѣваетъ маску Иванова и говоритъ: „Какъ только прячется солнце, душу мою начинаетъ давить тоска. Какая тоска!.. Здѣсь тоска, а пойдешь къ Лебедевымъ, тамъ еще хуже; вернешься оттуда, а здѣсь опять тоска, и такъ всю ночь... Просто отчаяніе“... „Я погибъ безвозвратно“...

Вотъ—новая маска: „Какая скука!.. Вонъ кучера и кухарки задаютъ себѣ балъ, а я... я—какъ брошенная“... Такъ говоритъ скука устами Анны Петровны, два года тому назадъ бросившей свою еврейскую семью и все, ради Иванова, котораго Анна Петровна считала необыкновеннымъ человѣкомъ...

Шабельскій отъ скуки „готовъ хоть къ чорту въ пекло, хоть къ крокодилу въ зубы"...

Пошлѣйшая изъ пошлыхъ Баскина находитъ, что „отъ скуки померетъ можно"... Саша задыхается въ атмосферѣ, „гдѣ мухи мрутъ и лампы гаснутъ отъ тоски", и отъ нечего дѣлать собирается спасать Иванова и, не любя этого скучнаго человѣка, вѣнчаться съ нимъ...

Гости зѣваютъ... Черезъ глазныя отверстія всѣхъ этихъ масокъ глядятъ одни и тѣ же глаза, все той же скуки. Зритель, которому въ душу глядятъ эти глаза, впадаетъ въ какой-то гипнозъ, онъ чувствуетъ, что передъ нимъ не драма, а какое-то навожденіе.

Къ этому приводитъ односторонній подборъ чертъ.

Къ той-же цѣли приводитъ и другой пріемъ художника: онъ создаетъ свои образы для освѣщенія общаго фона. У него отдѣльныя фигуры только штрихи. Иногда сразу не отличишь одну фигуру отъ другой, и, напримѣръ, „Три сестры" Чехова какъ-бы сливаются въ одинъ образъ, и этотъ образъ отмѣченъ одной главной чертой: безсильнымъ и безнадежнымъ порываніемъ „въ Москву"...

Всѣ эти словечки „Въ Москву уѣдемъ" или „Тарарабумбія, сижу на тумбѣ я" или „У лукоморья дубъ зеленый—златая цѣпь на дубѣ томъ" и т. д. неожиданны, нелѣпы. Они какъ-то безсмысленно, точно въ бреду *повторяются* тысячу разъ призрачными едва намѣченными фигурами... Но отъ всѣхъ этихъ фигуръ—съ однообразными чертами, и отъ всѣхъ этихъ монотонно-однообразныхъ словъ выростаетъ какой-то страшный кошмаръ, который душитъ васъ. Вы забудете, какъ звали каждую изъ этихъ трехъ сестеръ, вы смѣшаете одну фигуру съ другой, но того *настроенія*, которое вы вынесете изъ театра, впечатлѣнія кошмарности вы никогда не забудете: передъ вами долго будетъ стоять, какъ живое лицо—самая атмосфера одного изъ душныхъ провинціальныхъ уголковъ.

„Чехова какъ художника,—говорилъ Л. Н. Толстой въ бесѣдѣ съ кѣмъ-то въ присутствіи Сергѣенко *)—нельзя даже и сравнивать съ прежними русскими писателями—съ Тургеневымъ, Достоевскимъ или даже со мной... *У Чехова своя особенная форма, какъ у импрессіонистовъ.* Смотришь — человѣкъ будто безъ всякаго разбора мажетъ красками, какія попадаются ему подъ руку, и никакого какъ будто отношенія эти мазки между собой не имѣютъ. Но отойдешь, посмотришь — и въ общемъ получается удивительное впечатлѣніе: передъ вами яркая, неотразимая картина"...

Въ этомъ отношеніи А. П. Чеховъ близко подходилъ къ

---

*) См. Приложеніе къ Нивѣ № 10 стр. 252.

художнику Левитану, картины котораго висѣли въ его дачномъ домѣ въ Ялтѣ.

Подойдите ближе и присмотритесь къ картинамъ этого художника. Вмѣсто отдѣльныхъ деревьевъ какія-то пятна. Но вотъ вы отошли нѣсколько въ сторону, и передъ вами, точно по знаку какого-то волшебника, зашумѣлъ лѣсъ, и кажется вамъ, что на ваше лицо упала тѣнь отъ его зеленаго шлема. Если зачастую мы за деревьями не видимъ лѣса, то здѣсь, наоборотъ, мы не видимъ за лѣсомъ деревьевъ, но за то мы видимъ, мы чувствуемъ самый лѣсъ.

Этотъ лѣсъ не совсѣмъ обыкновенный лѣсъ. Отъ него на васъ вѣетъ настроеніемъ художника, вы всѣмъ своимъ существомъ чувствуете, что въ этомъ лѣсу заблудилась и бьется въ безнадежной тоскѣ чья-то близкая и родная вамъ душа.

Всегда-ли А. П. Чеховъ стоялъ на реальной почвѣ?.. Всегдали художникъ соображался съ научными данными?

— Нѣтъ не всегда.

Бывали моменты въ творчествѣ А. П. Чехова, когда изъ реальнаго міра онъ уносился въ туманную область символовъ, въ область намековъ и догадокъ.

Эти моменты бывали по большей части тогда, когда художникъ отъ нелѣпой жестокости жизни переходилъ къ мечтѣ о жизни черезъ сто, черезъ тысячу лѣтъ.

Мы уже указывали въ предыдущемъ очеркѣ, что А. П. Чеховъ былъ художникомъ отрицательныхъ сторонъ жизни, что восьмидесятые годы заслонили отъ его глазъ, даже отъ *его* глазъ послѣдующую полосу общественности; онъ не видѣлъ силъ развитія, онъ только видѣлъ и чувствовалъ, и въ себѣ самомъ, и въ общественномъ организмѣ силы разрушенія. Но онъ хотѣлъ жить. И, повинуясь инстинкту самосохраненія, начиналъ мечтать о жизни изящной, разумной и гармоничной, мечтать, что все измѣнилось къ лучшему. Если-бы онъ оставался на строго реальной почвѣ, онъ бы на фактахъ дѣйствительности провѣрилъ свое допущеніе. Онъ бы въ самой дѣйствительности нашелъ залогъ этой лучшей жизни и сказалъ-бы своими образами: жизни разумной и прекрасной, свободной и благословенной хочетъ сама дѣйствительность. *Вотъ* тѣ противорѣчія, которыя говорятъ о томъ, что данная форма общественная отжила свой вѣкъ, *вотъ* та сила, которая является могильщикомъ этой отжившей формы, вотъ тѣ идеалы, которые необходимо осуществятся. И приходъ новаго царства можно возвѣстить на основаніи законовъ общественнаго развитія, какъ появленіе кометы можно предсказать съ научной достовѣрностью, опираясь на точные выводы астрономіи. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ научныхъ посылокъ, тамъ нѣтъ реальной почвы, тамъ „золотыя грезы счастья“, тамъ „сонъ золотой“, тамъ областъ догадокъ и символовъ.

И въ эту область не разъ заходилъ А. П. Чеховъ. Его яркіе, блестящіе образы начинали тускнѣть и превращались въ призраки, только *намекавшіе* на что-то.

Укажемъ на нѣсколько примѣровъ. Вы помните небольшой разсказъ художника: „Случай изъ практики“, на этотъ разсказъ мы уже ссылались. Тоскующая дѣвушка—наслѣдница милліоннаго дѣла—больна. Она много читаетъ, мало говоритъ и мало слышитъ, жизнь для нея *таинственна, она—мистикъ и видитъ дьявола тамъ, гдѣ его нѣтъ.*

А за окномъ ея роскошныхъ палатъ работаютъ пять корпусовъ, и окна ихъ ночью горятъ точно огненные багровые глаза этого дьявола.

Интересно, что къ этой-же мысли о дьяволѣ приходитъ и знаменитый профессоръ, приглашенный на практику къ больной милліонершѣ, ранѣе чѣмъ она высказала эту мысль. Осмотрѣлъ профессоръ больную, вышелъ на фабричный дворъ. Сѣлъ на доскахъ, задумался „о логической несообразности, когда и сильный и слабый одинаково падаютъ жертвами своихъ взаимныхъ отношеній“. Задумался, говоря книжнымъ языкомъ о противорѣчіяхъ общественныхъ отношеній, о противорѣчіяхъ капитала и труда. Задумался, но не направилъ своей мысли въ сторону научнаго анализа, а отдался во власть мистически туманнаго и ничего необъясняющаго символа.

„Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка, и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь подставное лицо. *Главный-же, для кого здѣсь все дѣлается,—это дьяволъ.*

И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ *дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку,* которую теперь ничѣмъ не исправишь“.

Дѣйствительно-ли невѣдомая, таинственная и мистическая сила создала нелѣпыя противорѣчія современнаго капиталистическаго общества? Неужели имя ей дьяволъ? Наука давно уже сорвала мистическіе таинственные покровы съ невѣдомаго закона, управляющаго буржуазнымъ строемъ. Все дѣлается не для дьявола, а въ интересахъ господствующихъ классовъ, все полно противорѣчій потому, что форма производства стала общественной, а средства и орудія производства остаются въ частныхъ рукахъ, продуктъ труда присваивается тѣмъ, кто не работаетъ и тоскуетъ отъ пресыщенія, а, тотъ кто работаетъ въ потѣ лица, не имѣетъ зачастую хлѣба и умираетъ съ голоду. И въ этомъ виноватъ не дьяволъ, а капитализмъ, который хуже всякаго дьявола. Этотъ „дьяволъ“ не боится ни креста, ни молитвы и боится только

одного: развитія силъ производства и „возстанія рабовъ", борьбы того класса, который является угнетеннымъ въ старомъ обществѣ и явится могильщикомъ его. Выходитъ, что „ошибку" есть чѣмъ поправить, и уже не такъ-то „страшенъ чертъ, какъ его малюютъ"... тамъ, гдѣ изъ фабричныхъ трубъ поднимаются „искорки", гдѣ горятъ сердца и пылаютъ новыя, радостныя мысли о великомъ счастьи.

И знаменитому профессору кажется, что онъ видитъ „багровые глаза дьвола".

Эти багровые глаза дьявола рисовались и художнику среди холода и мрака окружающей жизни; что это такъ, можно видѣть изъ того, что къ тому-же символу онъ возвращается вновь въ своей драмѣ „Чайка". Только въ томъ монологѣ, который читаетъ Нина Зарѣчная, художникъ не только говоритъ о дьяволѣ, но и о „міровой душѣ", которая должна его въ концѣ концовъ побѣдить. Устами Нины Зарѣчной эта міровая душа говоритъ:

„Въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый Сиріусъ и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... (пауза, показываются двѣ красныхъ точки). Вотъ приближается мой могучій противникъ дьяволъ. Я вижу его страшные багровые глаза"...

Эта потребность измученной души художника бѣжать отъ „страшныхъ багровыхъ глазъ дьявола" въ міръ свѣтлой мечты-утѣшительницы заставляетъ его вывести „Въ оврагѣ", наряду съ яркими фигурами купца Цыбукина, его невѣсты Аниси—неуловимые, какъ облака образы старика и молодого парня, которыхъ встрѣчаетъ ночью въ полѣ испуганная жизнію и потрясенная горемъ Липа, когда съ трупикомъ ребенка бѣжитъ изъ ненавистнаго *оврага въ родное село.*

Старикъ не указываетъ ей, какъ выйти изъ этого оврага на вольный просторъ. Онъ только совѣтуетъ ей претерпѣть до конца, да повѣствуетъ о своей скитальческой жизни... Тихая, какая-то нездѣшняя музыка его рѣчей баюкаетъ нѣжной материнскою лаской бѣдное сердце. Старикъ вѣритъ, что хорошаго въ жизни больше, чѣмъ дурного, и что „велика матушка Россія"...

Откуда взялся этотъ старикъ, куда онъ скрылся—извѣстно одному художнику. Старикъ точно свѣтлый мѣсяцъ прорвалъ черныя тучи, взглянулъ на тоскующую землю и опять скрылся...

Липа повѣрила ему и успокоилась...

Быть можетъ, на минуту повѣрилъ ему и художникъ, но только—на минуту. Онъ слишкомъ былъ вѣренъ дѣйствительности, а въ дѣйствительности—онъ не видѣлъ просвѣта.

Мы говорили, что А. П. Чеховъ подъ вліяніемъ пробужденія жизни долженъ былъ и помимо символическаго старика и помимо дьявола найти выходъ изъ оврага. Къ несчастью онъ не дожилъ до того „настоящаго дня", когда даже и слѣпые прозрѣли, когда то, что казалось дѣйствительностью—незыблемыми основами—стало символомъ, а что казалось символомъ, чѣмъ то далекимъ и неисполнимымъ становится дѣйствительностью могучей и призывающей не къ вѣрѣ въ чудо, а къ увѣренности въ побѣдѣ.

Нужно подчеркнуть однако, что Чеховъ никогда не игралъ въ прятки съ символами, что символы занимали въ его творчествѣ второстепенное мѣсто и вовсе не знаменовали будущаго перехода А. П. Чехова отъ реализма къ символизму. Врагъ „выдумки", собиравшій матеріалы въ записную книжку, всегда вѣрный природѣ, А. П. Чеховъ не могъ измѣнить своей творческой натурѣ, а если-бы измѣнилъ, то только въ сторону возродившейся жизни, которая зоветъ къ опредѣленнымъ и законченнымъ формамъ, вполнѣ реальнымъ, а не къ туманнымъ мистическимъ символамъ, которые должны разсѣяться, какъ призраки, при пѣніи птицъ, возвѣщающихъ утро.

Символизмъ понятенъ и вполнѣ естественъ у „избранныхъ натуръ", признающихъ торжество своего я и презирающихъ демократію и ея идеалы. Для нихъ символъ, выражающій метафизическую сущность, является лучшимъ прибѣжищемъ отъ противорѣчій жизни. Они идутъ въ темный лѣсъ символовъ, чтобы скрыть свое лицо отъ проклятыхъ вопросовъ жизни, отъ торжества градущей впередъ демократіи.

Чеховъ былъ демократомъ, онъ мечталъ о торжествѣ демократическихъ идеаловъ, и его символы являются предчувствіемъ этого торжества. И если для представителей отживающей формы значеніе символа должно все возрастать, то для поборника будущихъ общественныхъ формъ съ выясненіемъ этихъ формъ на мрачномъ фонѣ жизни реальная правда должна замѣнить туманный символъ, подобно тому, какъ въ наукѣ утопію смѣнили положенія, твердо установленныя и вѣрныя законамъ общественнаго развитія.

„Символизмъ въ искусствѣ—вещь опасная,—говоритъ почтенный профессоръ Овсянико-Куликовскій.—

„Это пріемъ архаическій, и прогрессъ въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ образномъ характеризуется преимущественно освобожденіемъ отъ символизма. Превращеніе образовъ изъ символическихъ въ типическіе—вотъ процессъ, который явственно наблюдается въ исторіи художественнаго творчества" [1]).

[1]) Вопросы психологіи творчества. Проф. Овсянико-Куликовскій. Стр. 253.

Намъ думается, что прогрессъ въ творчествѣ А. П. Чехова долженъ былъ привести его къ освобожденію отъ символизма.

Часто приходится слышать, что типы А. П. Чехова стали символами и стали такими же нарицательными именами, какъ Хлестаковы и Плюшкины, но, разумѣется, этимъ вовсе не доказывается, что А. П. Чеховъ—символистъ, а не реалистъ. Кто-же тысячу разъ не слыхалъ выраженіе „это—человѣкъ въ футлярѣ". Такъ говорящій—вовсе и не думаетъ о конкретномъ содержаніи чеховскаго образа и безсознательно переноситъ центръ тяжести съ нарисованной художникомъ фигуры педагога на отвлеченное содержаніе, скрытое въ этомъ образѣ. Это превращеніе типовъ художника въ ходячіе, понятные всѣмъ и каждому символы говоритъ только о громадной обобщающей силѣ художественныхъ образовъ, да о поражающей вдумчивости художника. Бываютъ образы, которые углубляются, благодаря нашей мысли, бываютъ образы, благодаря которымъ углубляется наша мысль. Послѣдніе помогаютъ намъ обобщить и понять тысячи едва замѣтныхъ фактовъ, наша мысль сливается съ ними настолько, что они живутъ и обращаются въ нашей рѣчи, какъ отвлеченныя понятія. Вмѣсто того, чтобы говорить о пошлой обывательской трусости, мы говоримъ о „человѣкѣ въ футлярѣ". Какъ слова со значеньемъ постепенно становятся простыми словами и мы по-немногу забываемъ объ ихъ происхожденіи изъ вполнѣ конкретныхъ фактовъ, такъ образы становятся символами и, наконецъ, просто отвлеченными понятіями.

Таковы пріемы художника, только *намѣченные* нами. Къ сожалѣнію, самъ художникъ—этотъ удивительный мастеръ формы „никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей", и авторы воспоминаній принуждены съ грустью заявить, что они ничего не знаютъ „не только о тайнахъ творчества А. П. Чехова, но даже и о внѣшнихъ пріемахъ его работы. А. П. былъ до страстности скрытенъ и молчаливъ." [1])

IX.

А. П. Чеховъ и Новое искусство.

Каково было отношеніе А. П. Чехова къ „Новому искусству?" Сказалъ-ли этотъ „несравненный художникъ" свое новое слово? Далъ-ли новыя формы? Не являются ли только что отмѣченныя черты импрессіонизма и символизма доказательствомъ того, что А. П. Чеховъ былъ на дорогѣ въ царство скорпіоновъ и грифовъ? на дорогѣ отъ обыденщины къ модернизму?

---

[1]) Куприн. III Сборникъ Знанія, 26 стр. „Памяти Чеховъ".

Вотъ, вопросы, на которые мы попробуемъ дать посильный отвѣтъ, заранѣе извиняясь передъ читателями за неполноту этого отвѣта.

Указанныя нами раньше черты индивидуальности А. П. Чехова мы непремѣнно должны имѣть въ виду при разрѣшеніи этого вопроса; не забывайте-же этихъ характерныхъ чертъ: съ одной стороны „простота и правдивость, съ другой стороны душевная чуткость и воспріимчивость, удивительная способность все понимать и схватывать сразу всю суть.

А теперь обратимся къ скорпіонамъ и грифамъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣсовъ", Андрей Бѣлый, авторъ многочисленныхъ декадентскихъ стиховъ, готовъ причислить А. П. Чехова къ сонму небожителей и привѣтствуетъ въ лицѣ А. П. Чехова художника-символиста, возвѣщающаго своими символами вѣчный покой и покой вѣчности.

Интересно однако, что для того, чтобы отвести А. П. Чехову самое почетное мѣсто на пиршевствѣ боговъ, Андрей Бѣлый приглашаетъ потѣсниться даже самого Метерлинка, а многихъ званныхъ просто прогоняетъ съ Олимпа. Не думаемъ, чтобы великолѣпные „поэты заката" остались довольны такимъ гостепріимствомъ.

Андрей Бѣлый разсыпается въ похвалахъ передъ „поэтомъ обыденнаго". „Чеховъ не покидаетъ обыденнаго—пишетъ Андрей Бѣлый.—Пристальный взоръ его ни на минуту не отрывался отъ мелочей. Онъ любилъ эти мелочи и сумѣлъ подсмотрѣть здѣсь больше, нежели Метерлинкъ. Это ракета, вставшая надъ жизнію и опять упавшая на нее!... Какъ *успѣлъ намъ прискучить досадный манекенный модернизмъ*, въ которомъ такъ близко и ловко свили себѣ гнѣздо и *пошлая поза* и наивно страстное открываніе Америки тамъ, гдѣ уже нѣтъ никакой Америки. Дѣйствительный паѳосъ передъ разверзшейся бездной вѣчности успѣлъ породить цѣлыя фаланги ходульныхъ дѣлъ мастеровъ. Съ какой жадностью обращаешься порой къ *освѣжающему источнику обыденности*".

Если ужъ одинъ изъ немногихъ избранниковъ не выдержалъ и запросилъ пощады, то отношеніе А. П. Чехова къ поэзіи замирающихъ звуковъ и блекнущихъ цвѣтовъ, къ поэзіи приподнятаго чувства и красивой позы, неискреннихъ вскрикиваній— вполнѣ понятно.

Бунинъ разсказываетъ, что А. П. Чеховъ, давшій въ 1900 г. для альманаха, изданнаго „Скорпіономъ", одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ „Въ морѣ", не разъ потомъ раскаивался въ этомъ и даже далъ клятву себѣ „больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами". „Все это новое московское искусство вздоръ—говорилъ онъ.—Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: „заведеніе искуственныхъ фрух-

товыхъ водъ". Вотъ и это тоже—*заведенье искусственныхъ фруктовыхъ водъ*". [1])

Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ А. П. Чеховъ намѣтилъ нѣсколько цѣнителей и представителей этого „заведенія". Укажемъ на адвоката изъ „Бабьяго царства", на художника Рябовскаго изъ разсказа „Попрыгунья".

Особенно характерна фигура Рябовскаго, этого настоящаго великаго человѣка, генія.

Докторъ Дымовъ, мужъ „попрыгуньи", будущая знаменитость, и вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенная простота, искренность и стыдливость. Сколько вліянія въ каждомъ его застѣнчивомъ словѣ и каждомъ поступкѣ, наконецъ въ самой смерти. Онъ безъ всякихъ фразъ глубоко привязанъ къ своей женѣ и самоотверженно преданъ наукѣ. Попрыгунья его не умѣетъ оцѣнить, она бѣгаетъ за необыкновенными людьми и не замѣчаетъ, что ея собственный мужъ необыкновенный человѣкъ.

Отъ нечего дѣлать, въ погонѣ за „чѣмъ-то высшимъ, вѣчнымъ, блаженнымъ" она вся отдается „московскому искуству", олицетвореніемъ котораго является человѣкъ четвертаго измѣренія.

Геніальный художникъ Рябовскій—этотъ саврасъ безъ узды, совершенно затмилъ скромнаго и самоотверженнаго работника мысли.

„Почти каждый день къ ней приходилъ Рябовскій, чтобы посмотрѣть, какіе она сдѣлала успѣхи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, онъ засовывалъ руки глубоко въ карманы, крѣпко сжималъ губы, сопѣлъ и говорилъ:

— „Такъ-съ... это облако у васъ кричитъ: оно освѣщено не по-вечернему. Передній планъ какъ-то сжеванъ и что-то, понимаете-ли, не то... А избушка у васъ подавилась чѣмъ-то и жалобно пищитъ... Надо бы уголъ этотъ потемнѣе взять. А въ общемъ недурственно. Хвалю."

И чѣмъ онъ непонятнѣе говорилъ, тѣмъ легче Ольга Ивановна его понимала". („Попрыгунья" IX. А. П. Чехова).

Такія же словечки сыплетъ направо и налѣво въ разсказѣ „Іонычъ" почтенный отецъ семейства, мужъ писательницы. „Недурственно", „Покорчило васъ благодарю" только и слышатъ гости изъ устъ этого своеобразнаго оригинала.

Разумѣется, новымъ *московскимъ* искусствомъ—заведеніемъ искусственныхъ фруктовыхъ водъ—далеко не исчерпывается новое искусство. И несомнѣнно, въ выработкѣ новыхъ, болѣе совершенныхъ, формъ и въ выработкѣ стиля А. П. Чеховъ сказалъ свое слово и слово *новое*.

Прежде всего А. П. Чеховъ создалъ *свой* театръ. Не даромъ

---

[1]) Бунинъ „Памяти Чехова" III сборникъ Знанія 265 стр.

онъ не разъ говорилъ: „драма должна или выродиться совсѣмъ, или принять совсѣмъ новыя формы“ [1]).

Простота, правдивость и чуткость художника протестовали противъ пошлостей мѣщанской драмы, въ которой все кончается къ общему благополучію, порокъ наказуется и добродѣтель торжествуютъ. Какъ Генриха Гейне, такъ и А. П. Чехова возмущали „добродѣтели, ихъ сытыя, пустая, дряблая мораль“, возмущала искусственность обстановки, неестественная театральность и приподнятый тонъ, возмущало назначеніе театра служить развлеченіемъ, и онъ вмѣстѣ со „старымъ профессоромъ“ („Скучная исторія“) съ чисто толстовской манерой выражаться обрушивался на это слишкомъ „дорогое развлеченіе“, которое „отнимаетъ у государства тысячи молодыхъ, здоровыхъ и талантливыхъ мужчинъ и женщинъ, которые, если бы не посвящали себя театру, могли бы быть хорошими врачами, хлѣбопашцами, учительницами, офицерами; оно отнимаетъ у публики вечерніе часы— лучшее время для умственнаго труда и товарищескихъ бесѣдъ. Не говоря ужъ о денежныхъ затратахъ и о тѣхъ нравственныхъ потеряхъ, какія несетъ зритель, когда видитъ на сценѣ неправильно трактуемыя убійство, прелюбодѣяніе, или клевету“ (Полное собраніе сочиненій Ант. П. Чехова т. VII. „Скучная исторія“. 78).

Графъ Л. Н. Толстой, горячій поклонникъ таланта А. П. Чехова, этого „несравненнаго“, по отзыву Л. Толстого, „художника“ не выносилъ Чеховской драмы и совершенно отрицалъ заслуги А. П. Чехова, какъ драматурга, а между тѣмъ уже борьба А. П. Чехова противъ „театральности“ во имя простоты, противъ „сытаго довольства“ во имя правды и порывовъ отъ тьмы къ свѣту уже это одно должно было высоко поставить художника въ глазахъ всѣхъ цѣнителей искусства.

Но этого мало. Герой „Чайки“ Треплевъ только говорилъ, что „нужны новыя формы“, но не сумѣлъ ихъ создать, А. П. Чеховъ указалъ къ нимъ путь и, разумѣется, какъ піонеръ въ этомъ дѣлѣ—у насъ въ Россіи, не могъ сразу создать совершенныхъ, вполнѣ законченныхъ произведеній.

Его „Ивановъ“, „Чайка“, „Дядя Ваня“, „Три сестры“, „Вишневый садъ“—только рядъ художественныхъ опытовъ при выработкѣ новой драмы. Заслуга А. П. Чехова въ томъ, что онъ указалъ новый путь, заслуга тѣхъ, кто изберетъ этотъ путь, будетъ заключаться въ томъ, чтобы отъ опытовъ перейти къ совершеннымъ и законченнымъ произведеніямъ.

Для того, чтобы представить себѣ, что старое разрушила новая Чеховская драма и что новое внесло, вспомните на минуту разсужденія Треплева о театрѣ, по словамъ котораго современ-

---

[1]) III Сборникъ знанія, Купринъ, 35 стр.

ный театръ—это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль,—мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ варіацій подносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же,—то онъ, Треплевъ, бѣжитъ и бѣжитъ, какъ Мопассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью.

Не комнату съ тремя стѣнами, гдѣ ѣдятъ, пьютъ и говорятъ пошлости показалъ намъ А. П. Чеховъ, а внутренній міръ человѣка, смѣну его настроеній, предчувствій и завѣтныхъ думъ.

Внѣшнія судьбы, преслѣдовавшія героя, тысячи запутанныхъ приключеній, полныхъ неожиданностей, тьма ужасовъ и масса прелестей, цѣлый рядъ внѣшнихъ конфликтовъ, кровавая месть и всѣ семь смертныхъ грѣховъ—все это отошло на задній планъ. То, что прежде происходило за сценой, теперь происходитъ на сценѣ и наоборотъ. Не внѣшній конфликтъ, а внутренній конфликтъ занимаетъ художника, не борьба съ „тысячью чертей и одной вѣдьмой", а борьба съ самимъ собой совершается на глазахъ зрителя, и захваченный новой драмой зритель не знаетъ смотритъ-ли онъ на сцену, или глядитъ въ собственную душу.

Драма чувствъ и предчувствій, драма тоски и безволія, драма страха и ожиданій, словомъ, все, что „волнуетъ и мучитъ" душу современнаго человѣка—все это стало вытѣснять шекспировскіе ужасы и чисто внѣшнее богатство фабулы. Зритель современный—это Фаустъ, драма новая—это Мефистофель, это рефлексія вѣчно стремящагося къ небу и вѣчно падающаго въ грязь человѣка, героя нашихъ дней.

И какъ героиня тургеневской повѣсти, „Фаустъ", чуждая рефлексіи изъ всей знаменитой трагедіи Гёте могла понять только пошлѣйшую исторію страсти Фауста къ глупенькой мѣщаночкѣ и не замѣтила Мефистофеля, такъ для многихъ изъ зрителей, не умѣющихъ отдаваться самоанализу, чеховская драма чужда и непонятна.

Она требуетъ интеллигентнаго зрителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она требуетъ и интеллигентнаго артиста.

Для чеховской драмы нуженъ не простой театръ съ его счастливцевыми и несчастливцевыми, одаренными широкимъ горломъ и здоровыми легкими, а нуженъ театръ художественный съ артистами-интеллигентами, одаренными душевною чуткостью и воспріимчивостью. Громъ и литавры, закатываніе глазъ, хрипѣніе, рычаніе и ревъ уступили мѣсто простотѣ, искренности и вдумчивости. Зритель прежній—два дѣйствія скучалъ въ ожида-

ніи катастрофы... По мѣрѣ того, какъ дѣйствіе наростало, онъ отъ дремоты переходилъ къ возбужденію, когда наступала „послѣдняя ставка“ онъ впадалъ въ азартъ и готовъ былъ самъ кричать и хрипѣть.

Послѣ катастрофы, послѣ бури и натиска, наступала хорошая тихая погода, и зритель буржуа блаженствовалъ.

Сначала скончались—потомъ повѣнчались—чего же лучше! Можно спокойно спать и не тревожиться сомнѣніями понапрасну, вѣдь въ концѣ концовъ „все къ лучшему устроено въ семъ лучшемъ изъ міровъ“...

Теперешній зритель съ первыхъ-же словъ артистовъ, изображающихъ внутренній міръ ночлежки, захваченный глубокимъ интересомъ, жадно ловитъ каждое слово людей, живущихъ тамъ „на днѣ“.

Сколько этихъ людей! Зачѣмъ нуженъ татаринъ или Бубновъ? Кто они? Прежніе резонеры, вродѣ Правдина или Стародума?

— Они частицы ночлежки, ихъ чувства и думы — волны той атмосферы, которая окружаетъ васъ и давитъ какъ кошмаръ. Ваша *тревога* въ ожиданіи катастрофы замѣнилась другими:— *настроеніемъ*, которое вызывается созерцаніемъ внутренняго міра ночлежки. *Тревогу* замѣнило *настроеніе*, внѣшнее *дѣйствіе* замѣнила *атмосфера*, при чемъ воображеніе зрителя само должно восполнять недостатокъ дѣйствія, уноситься въ прошлое персонажей драмы и въ будущее. Прологъ и эпилогъ прежде откровенные, а затѣмъ стыдливо прятавшіеся подъ маски цѣлаго ряда дѣйствующихъ лицъ, терзающихъ зрителя своимъ резонерствомъ и пересказами о томъ, что было съ героемъ драмы 20 лѣтъ тому назадъ и съ обязательными сообщеніями въ концѣ драмы, что „слава Богу все обстоитъ благополучно“...

А. П. Чеховъ въ своихъ драмахъ и начинаетъ съ того, что *все обстоитъ не благополучно*, и кончаетъ также трагически.

Его драмы—это трагедіи, и потрясенный зритель, покидая новый театръ, долго не можетъ успокоиться. Не спится ему!.. Не идутъ изъ головы „Дядя Ваня“ или „Три сестры“.

„Такъ жить нельзя“, „какъ все пошло и нелѣпо въ этомъ худшемъ изъ міровъ“—твердитъ зритель, до глубины души взволнованный трагедіей обыденности, полный думъ о прошломъ и будущемъ „Дяди Вани“.

Въ область новеллы А. П. Чеховъ тоже сумѣлъ внести *новую* струю.

Онъ самъ признавалъ за собою эту заслугу.

„Въ одномъ отношеніи вы всѣ должны быть мнѣ благодарны— говорилъ онъ молодымъ писателямъ.—Это я открылъ путь для авторовъ маленькихъ разсказовъ. Прежде бывало принесешь въ

редакцію рукопись, такъ ее даже читать не хотятъ, только посмотрятъ съ пренебреженіемъ.

„Что? *это* называется—произведеніемъ? Да вѣдь *это* короче воробьинаго носа. Нѣтъ, намъ такихъ *штучекъ* не надо". А я вотъ добился и другимъ указалъ дорогу" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ разсказы А. П. Чехова—короче воробьинаго носа, но какое богатство содержанія сумѣлъ вложить художникъ въ свои „штучки". Яркость красокъ и тончайшихъ оттѣнковъ, мастерство тонкаго письма—поражаютъ читателей.

Для тысячи мелочей жизни А. П. Чеховъ создалъ форму разсказа-миніатюры.

Вниманіе читателя сосредоточивается на одномъ моментѣ. Въ темный уголъ на минуту врывается полоса ослѣпительно яркаго свѣта, и всѣ прорѣхи, всѣ изъяны, весь міръ этого угла встаютъ передъ изумленными глазами читателя, который вдругъ открываетъ Америку и видитъ потрясающую трагедію тамъ, гдѣ только что въ потемкахъ видѣлъ пустое мѣсто.

Послѣ А. П. Чехова писать „по старинкѣ"—уже невозможно. Его „штучки" вытѣснили толстый романъ съ заманчивымъ заглавіемъ, съ богатѣйшей фабулой и отсутствіемъ глубокой, захватывающей идеи.

Писать разсказы-миніатюры и умѣть сконцентрировать въ нихъ такое богатство содержанія могъ только великій мастеръ слова, могъ только художникъ, который удивительно умѣлъ сочетать содержаніе съ формой и всегда преслѣдовалъ строго точность и опредѣленность выраженій.

Никто такъ не презиралъ крикливыя словечки, вродѣ „недурственно" или вродѣ „небо кричитъ", и никто не создалъ такъ много удивительно мѣткихъ и яркихъ словечекъ, какъ А. П. Чеховъ, для котораго слово служило средствомъ и никогда не было цѣлью.

Какъ должны краснѣть отъ стыда всѣ эти „одержимые словомъ", когда передъ ними встаетъ во всей своей красѣ и мощи безсмертное слово художника слова!

Стиль А. П. Чехова считается образцовымъ—и вполнѣ по заслугамъ!

Какова задача хорошаго стиля? Сберечь вниманіе читателя. Сила всякой формы рѣчи увеличивается въ обратномъ отношеніи ко времени и умственнымъ усиліямъ, которыхъ она требуетъ отъ слушателя. Каждый писатель или ораторъ безсознательно стремится сберечь вниманіе тѣхъ, къ кому онъ обращается.

Слушатель или читатель въ данный моментъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи только извѣстную сумму умственныхъ способностей. Части этихъ способностей онъ долженъ употребить

---

[1]) Купринъ. Памяти Чехова. III сборникъ Знанія, 27 стр.

на то, чтобы *познать и объяснить* представленные ему образы, другую часть на то, чтобы *распредѣлить и соединить* внушенные ему образы, и только остатокъ на то, чтобы *усвоить* себѣ передаваемую мысль. Слѣдовательно, чѣмъ больше вниманія требуется на то, чтобы воспринять и понять каждое предложеніе, тѣмъ меньше времени и вниманія остается для идеи, заключающейся въ предложеніи, и съ тѣмъ меньшей живостью идея эта будетъ понята. Языкъ—это помѣха мысли, хотя и является ея проводникомъ.

Вся задача автора это по возможности уменьшить треніе этого проводника. Выборъ и сочетаніе словъ, распредѣленіе членовъ фразы, порядокъ, размѣщеніе главныхъ и второстепенныхъ предложеній, фигуры рѣчи, ритмъ—все это ведетъ къ одной цѣли—къ сбереженію вниманія читателя. „Нужно выбирать слова, въ которыхъ прочнѣе связь съ идеею, такъ какъ они ведутъ къ большей легкости и быстротѣ дѣйствія внушенія“ [1]).

Стиль А. П. Чехова блестяще выполняетъ намѣченную задачу.

Самъ А. П. Чеховъ какъ бы сознавалъ это и теорію хорошаго стиля, можетъ быть помимо своей воли, развилъ въ своемъ небольшомъ, удивительно изящномъ разсказѣ „Святою ночью“.

Отецъ Іеронимъ перевозитъ на паромѣ богомольцевъ на тотъ берегъ, гдѣ стоитъ монастырь и гдѣ готовятся монахи встрѣчать свѣтлый праздникъ, и вотъ этотъ Іеронимъ разсказываетъ путнику о недавно умершемъ своемъ другѣ, іеродіаконѣ Николаѣ, у котораго былъ „даръ акаѳисты писать“.

Оказывается, писать акаѳисты—„большая трудность“. „Нужно, чтобъ все было *стройно, кратко и обстоятельно.* Надо, чтобы въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобы ни одного слова не было грубаго, жесткаго или *несоотвѣтствующаго*...—„Древо свѣтлоплодовитое... — пробормоталъ онъ.—*Найдетъ-же такія слова.* Дастъ-же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно... И всякое восклицаніе нужно такъ составить, чтобы оно было *гладенько* и для уха *вольготнѣе*“. (V ст. 35—36 А. Чеховъ).

А. Чеховъ акаѳистовъ не писалъ, онъ писалъ разсказы и драмы, но развѣ не отличаются всѣ его образы, „каждая строчечка“ его произведеній только что отмѣченными чертами. „Мы отдохнемъ“, говоритъ Соня бѣдному, уставшему жить дядѣ Ванѣ... „Въ Москву уѣдемъ“, повторяютъ три сестры многіе годы не сходя съ мѣста... „Тарарабумбія“ напѣваетъ ополоумѣвшій отъ однообразія нелѣпой жизни Чебутыкинъ... „Какъ-бы чего не вышло“, бормочетъ человѣкъ въ футлярѣ... „Я человѣкъ—кото-

[1]) см. Соч. Спенсера изд. Рубакина, т. II, стр. 125—144. О стилѣ.

рый хотѣлъ", говоритъ о себѣ Соринъ... „Я чайка"—постоянно пишетъ въ своихъ письмахъ безпріютная, носящаяся въ хаосѣ жизни Нина Зарѣчная... Художникъ говоритъ одно, два, нѣсколько словъ, удивительно трогающихъ за душу, и передъ вами встаетъ цѣлый міръ измученныхъ лишнихъ людей и мучителей—человѣчковъ въ футлярѣ.

Каждое слово включаетъ въ себѣ громадное содержаніе, и оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ явленіямъ, которыя отмѣчаетъ.

А. П. Чеховъ не разъ повторялъ: „художникъ слова Мопассанъ поставилъ такія огромныя требованія, что *писать по старинкѣ* сдѣлалось ужъ больше невозможнымъ. Попробуйте-ка вы теперь перечитать нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ, ну хоть Писемскаго или Островскаго, нѣтъ, вы попробуйте только и увидите, какое это все старье и общія мѣста"...

А. П. Чеховъ писалъ не по старинкѣ. У него нѣтъ общихъ мѣстъ. Каждое слово его живетъ и блещетъ красками и поражаетъ своей новизной, точно оно только что родилось и глядитъ на васъ своими острыми пронизывающими глазами.

„Про что ни говори, все любопытно,—говорилъ поэтъ и баловень всѣхъ деревенскихъ бабъ, охотникъ Савка.—Птица таперя, человѣкъ-ли, камешекъ-ли этотъ взять—во всемъ своя умственность" (Агафья IV с. 217).

А. П. Чеховъ ко всему окружающему относился съ глубокимъ интересомъ. Онъ не просто видѣлъ камешекъ, а понималъ его „умственность" и находилъ то слово, которое какъ разъ выражало эту умственность. Тысячи людей видѣли вѣроятно вѣчно закутанную фигуру учителя въ галошахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ и т. д., облекавшаго свою рѣчь всегда въ какія-то туманныя формы, любившаго ссылаться на древности и вѣчно ссылавшагося на циркуляры... Художникъ взглянулъ на эту фигуру, услышалъ робкій лепетъ: „какъ бы чего не вышло", увидѣлъ тупой и вѣчно выслѣживающій крамолу взглядъ и разомъ постигъ всю суть, всю „умственность" этого педагога. Эту суть художникъ выразилъ всего въ трехъ словахъ „человѣкъ въ футлярѣ", но въ этихъ трехъ словахъ отмѣчена навсегда ненавистная темная сила. Художникъ „влѣпилъ, какъ пашпортъ на вѣчную носку" крылатое трепещущее жизнью слово цѣлому теченію русской жизни. Тотъ педагогъ или судья или администраторъ, который полагалъ, что творитъ большое и полезное дѣло, оказался человѣкомъ съ печатью Каина на челѣ. И эту каинову печать отмѣтилъ художникъ.

Чеховъ умѣлъ находить слова, какъ молнія освѣщающія въ одинъ моментъ и небо, и землю, и человѣка. Не даромъ послѣднія свои произведенія онъ по нѣскольку лѣтъ держалъ въ портфелѣ и по нѣскольку разъ ихъ передѣлывалъ раньше, чѣмъ отдавалъ въ печать.

„Не ндравится мнѣ“ любилъ говорить отецъ Сысой. *„Мы съ Ваничкой“* разсказывала Душечка. „Простите Бога ради, *я думалъ что у васъ идеи*—говоритъ банщикъ, слуга порядка. Развѣ можно забыть эти слова? Вѣдь въ каждомъ изъ нихъ больше содержанія, чѣмъ въ цѣлыхъ томахъ нашихъ романистовъ, фабрикующихъ разомъ нѣсколько романовъ.

Въ этихъ словахъ нѣтъ манерности и крику, нѣтъ позы и заигрыванья съ читателемъ. Они не выдуманы, а выхвачены прямо изъ жизни. Они поражаютъ насъ безъ всякой претензіи со стороны автора кого-либо поразить.

На каждое изъ этихъ словъ индивидуальность художника положила свою печать, и каждое изъ нихъ завѣщаетъ намъ всѣмъ: простоту, правдивость и вдумчивость.

А что такое простота, правдивость и вдумчивость?—Это реализмъ! Это—искусство въ лучшемъ смыслѣ этого слова! Это—жизнь со всѣмъ богатствомъ ея содержанія.

До аскетизма правдивый, красиво простой, необыкновенно чуткій художникъ реалистъ, великій мастеръ слова—А. П. Чеховъ послужилъ жизни и потому никогда не умретъ и будетъ жить вѣчно, а не 6—7 лѣтъ, какъ думалъ онъ самъ.

В. Львовъ.

Мой Богъ.

Нѣтъ—этотъ Богъ, не мой! Въ сіяющей порфирѣ,
Въ коронѣ царственной на вьющихся кудряхъ,
Съ блестящимъ скипетромъ, съ державою въ рукахъ—
Богъ-Царь, Владыка-Богъ въ надзвѣздномъ свѣтломъ мірѣ.

* * *

Мой Богъ иной... Темны его одежды,
Обвиты терніемъ кровавымъ волоса,
И полны скорбные глаза
Любви, прощенья и надежды.

* * *

Не сторожитъ его сонмъ ангеловъ прекрасныхъ.
Мнѣ видится однихъ отверженцевъ толпа...
И между ними Онъ у крестнаго столба—
Богъ всѣхъ скорбящихъ и несчастныхъ...

Г. Галина.

Затерянные края.

Очерки **О. Миртова**.

(Посвящается матери моей).

Пароходъ стоитъ. Къ простору, далеко впередъ, лѣниво течетъ Кама. Солнце упало багровымъ пятномъ на бѣлую церковь, прильнувшую къ обрыву, на мелкія, низкія, затопленныя избы, разбросанныя въ котловинѣ, а въ тучахъ развернулся причудливый ландшафтъ изъ голубоватыхъ снѣжныхъ горъ, волшебныхъ замковъ... Сквозь тихія глубины прорвался вдругъ послѣдній лучъ, золотомъ пронзилъ перламутровую воду, и съ ясныхъ лонъ небесныхъ водъ спустилась нить на землю, на самое дно Камы, и Кама вспыхнула и заалѣлась.

Но такъ-же мгновенно потухли всѣ краски земли и неба.

И тамъ, гдѣ раньше было солнце,—тянулась грустная, робкая пѣсня и таяла медленно въ сумракѣ вечера.

Одинъ изъ вьючныхъ—худой, нелѣпо длинный, сгибается вдвое—три человѣка нагружаютъ его спину. Нѣсколько мгновеній шатаясь на тонкихъ ногахъ, выгнутыхъ давленіемъ сверху, онъ „трогаетъ", потомъ сразу, быстрѣе другихъ, сбѣгаетъ по трапу, и весь гнетъ чудовищнаго груза смотритъ изъ безсмысленныхъ, безцвѣтныхъ глазъ, круглыхъ отъ усилія.

Уже милліоны пудовъ эта двуногая лошадь стащила въ чужой складъ.

Подъ навѣсомъ парохода онъ долженъ повернуть спиной, чтобы мѣшокъ не зацѣпился. Это замедляетъ нагрузку... И виноватая улыбка преломляется въ напряженную гримасу, ручьи пота остаются въ бороздахъ ея, и не видно издали—смѣется онъ или плачетъ.

Ночью, когда кажется, что пароходъ идетъ ускореннымъ ходомъ, за темными окнами мелькаютъ зигзаги волны—фантастическіе и неопредѣленные, неуловимые контуры простертыхъ рукъ, безцвѣтныхъ глазъ, улыбки... Волны на мгновенье прибиваютъ къ самому стеклу чье-нибудь лицо... Со дна рѣки встаетъ до звѣздъ—глухой и смутный гулъ. И раньше, чѣмъ сознаніе отдѣлитъ свистъ вѣтра въ расщелинѣ прибрежныхъ скалъ—фантазія—эта наша мучительная радость—ловитъ чей-то крикъ, и слышны въ хаосѣ стенанія борьбы, стремленіе атомовъ слиться воедино, чтобы, пройдя милліоны лѣтъ, въ другихъ невѣдомыхъ мірахъ торжествовать жизнь...

На облучкѣ подскакиваетъ татарченокъ. Толстая, огромная ватная шапка дѣлаетъ силуэтъ его похожимъ на головастика. Коротенькая спина татарченка выражаетъ довольство исполняемаго долга. Онъ хлещетъ пристяжную, затягиваетъ непонятную пѣсню и обдаетъ лицо Вѣры Николаевны запахомъ махорки.

Вокругъ, изъ края въ край, лежатъ безмолвныя степи. Встрѣчаются деревни, но люди замерли въ нихъ, какъ замираетъ рыба, и на фонѣ степей людскія жилища кажутся черными гнѣздами, изъ которыхъ буря развѣяла перья.

Все мертво, безгласно вокругъ, и лишь колокольчикъ бросаетъ по пути высокіе, тающіе звуки.

Тамъ, гдѣ-то, въ другомъ мірѣ, невидимый сіяетъ Петербургъ...

Отецъ въ неизмѣнномъ докторскомъ халатѣ, съ вѣчнымъ зеркаломъ-рефлекторомъ на лбу... Онъ способенъ бросить клинику, если она уѣдетъ... Какъ-то безпомощно, по дѣтски, торчатъ его сѣдые волосы.

Обѣ сестренки оглядываютъ ее, какъ чужую, будто она не вернется...

Сергѣй Алексѣевичъ... элегантный, пропитанный нѣжными, теплыми духами...

„Вы не имѣете права отдаваться порывамъ! у васъ есть обязанности“...

— „Обязанности“... Послушай, мальчикъ! далеко еще?

— Далеко... Теперь въ лѣсъ въѣзжалъ.

Надъ глубокой тѣнью сосенъ, какъ надъ глубиной колодца, посвѣтлѣло небо. Между черныхъ стволовъ что-то мелькнуло... Это давно упавшая сосна—рѣзкое направленіе линій даетъ иллюзію движенія.

Каждая серьезная болѣзнь оставляетъ слѣды въ организмѣ. Если человѣкъ освободился отъ религіозныхъ мукъ

и рѣшилъ вопросъ о Богѣ, въ далекихъ, затерянныхъ краяхъ, которые неодолимо манятъ въ глубь свою—въ царствѣ вѣкового безмолвія, старыя религіозныя муки принимаютъ неожиданную форму. Все позабытое въ прошломъ выползаетъ изъ тайниковъ мозга, и лѣсъ наполняется вѣщими птицами, героями сказокъ, мертвыми лицами раззоренныхъ гнѣздъ—всѣмъ, что когда-то ударяло нервы, что живетъ надъ жизнью и, вмѣстѣ съ иронической улыбкой, вызываетъ дрожь. Здѣсь эпохи романтизма и символизма сплетаютъ нити надъ реальнымъ міромъ; въ мистическомъ трепетѣ вспыхиваетъ вообраҗеніе и въ беклиновской звонкой тишинѣ машутъ крыльями бѣлые призраки, прячется кто-то и, погруженный въ чудесные сны, лѣсъ сдержанно дышетъ...

— Послушай, мальчикъ, разбойниковъ здѣсь не бываетъ?

— Попъ ѣзжалъ. Бульно скупой былъ. Нашъ взялъ двадцать... пять рубли.

— Какъ!... Убили?!

— Убилъ... стало быть... нашъ не хотѣлъ! Самъ давалъ. Нашъ лисица—хитрый! пять рубли взялъ! Зачѣмъ—убилъ...

— Значитъ, за двадцать верстъ получили пять рублей?

Ихъ громкій смѣхъ прогналъ далеко въ лощины всѣ тѣни, и здѣсь, у края дороги, остались рости только сосны и тихо къ нимъ жались березы.

Вдали блеснулъ огонекъ. Степь и небо составляли одну черную, отвѣсную стѣну. Разорвались тучи.

— Мальчикъ, что это—звѣзда?

Онъ равнодушно отвѣтилъ:

— Больница.

Огонекъ запрыгалъ и растянулся въ зубцы нѣсколькихъ звѣздъ... Она торопилась вытереть слезы.

Смѣетъ-ли человѣкъ отдаваться порывамъ?...

Весь міръ отодвинулся. Искусство, любовь къ отцу, къ жениху—все она приноситъ въ жертву. Только здѣсь, въ громадной, настоящей работѣ найдетъ она смыслъ жизни.

Кибитка въѣхала во дворъ, окруженный рѣшеткой. Между кустами бѣлѣли фигуры изъ гипса.

На крыльцо вышла женщина. Свѣтъ приподнятой свѣчи упалъ на ея волосы. Она что-то сказала ласковымъ, старческимъ голосомъ, но Вѣра не разслышала или не поняла. Она подумала, что на волосахъ старушки будто лежитъ снѣгъ.

Съ жалкой, благодарной улыбкой, какая бываетъ у пріѣзжихъ, которыхъ очень ждали, ѐдва передвигая ноги, она вошла черезъ переднюю въ кухню.

Здѣсь весело горѣла жестяная лампочка и пахло жаренымъ картофелемъ.

Молодая женщина въ красной нижней юбкѣ, нагнувшись къ столу, ѣла картофель.

Вѣра молча стала развязывать платокъ. Она забыла поздороваться и смотрѣла на эту женщину будто издали, какъ на красивую картину, которая счастливымъ сочетаніемъ красокъ—тепла и свѣта, сразу—черезъ всѣ органы чувствъ—успокаивала нервы.

— Но... вы, собственно, къ кому же?—протянула, наконецъ, акушерка и приподняла тоненькія брови.

Сама она была пышная, красивая, бѣлая.

„Почему я не понравилась ей?" И обернувшись къ старухѣ, Вѣра отвѣтила все съ тою же улыбкой, которая свидѣтельствуетъ о готовности принести себя въ жертву и о сознаніи красоты этой жертвы.

— Я пріѣхала ухаживать за больными на голодѣ... У меня письмо отъ предсѣдателя къ доктору.

— Докторъ еще не вернулся. Придется вамъ обождать,—протянула акушерка.

И видя, что та продолжала раздѣваться, она воскликнула насмѣшливо:

— Но при больницѣ нѣтъ постоялаго двора! На взъѣзжей всѣ останавливаются!

Вѣра боялась расплакаться. Кой-какъ завязавъ свой платокъ, она поспѣшила выйти.

— Еще одна „фея",—вслухъ подумала Елена Ивановна и, вытеревъ полотенцемъ красныя губы, сочныя, какъ раздавленная вишня, смѣясь крикнула въ другую комнату:

— Слышите! Предсѣдатель видитъ спасеніе края уже не только въ лимонахъ. Видѣли, какую онъ еще прислалъ?! Вы, ей Богу, способны устроить постоялый дворъ въ больницѣ!

Закрывъ заслонкой печь, она стала мыть свои бѣлыя руки подъ высокимъ мѣднымъ умывальникомъ, который брызгами и грохотомъ сразу наполнилъ всю кухню. Придержавъ кранъ и откинувъ голову, она крикнула, громко смѣясь:

— Растерянная какая-то! Поморщится Яковъ Андреевичъ!

Недалеко отъ главной больницы, переполненной цынготными и тифозными, въ большой избѣ былъ устроенъ баракъ. На соломенныхъ мѣшкахъ, безъ простынь и подушекъ, лежало нѣсколько цынготныхъ женщинъ и, съ помощью квасцовъ, кашки и массажа, производимаго нанятой Марьей,—очень успѣшно отстаивали свое право жить.

Въ настежь открытыя двери то и дѣло вносили женскія тѣла съ едва тикающимъ сердцемъ, съ дѣтьми, обмершими у сухой груди, увядшими, какъ листья сломанныхъ вѣтокъ.

Спустя короткое время, упругія татарки и чувашки разбѣгались по далекимъ деревнямъ, и свѣжая струя робкаго обновленія врывалась за ними въ смрадныя избы.

Но голодъ ждалъ ихъ тамъ. Исподволь, все шире онъ раздвигалъ себѣ мѣсто, неизгладимая тѣнь безстрастія ложилась на тупыя лица, и радостное чувство „начала жизни" никогда больше не возвращалось къ нимъ.

Кульженко, устроившій баракъ спеціально для женщинъ и дѣтей, принималъ больныхъ не раньше девяти часовъ утра. Но уже чуть свѣтъ по топкимъ, чернѣющимъ тропинкамъ, медленно, со всѣхъ концовъ шли сюда люди. Въ трепетѣ полутоновъ зари они походили на сгущенныя тѣни, исчезавшія безслѣдно вмѣстѣ съ ночью. У дверей они ложились на землю. Ихъ набиралась громадная толпа—безгласная и неподвижная, скованная однимъ проклятымъ желаніемъ, слитая въ одну безкровную маску, и когда они раскрывали рты, изъ нутра каждаго выползалъ безсильный, однообразный звукъ, кричавшій о голодѣ.

Когда земля начинала „парить", ребятишки въ изодранныхъ рубахахъ плотно облѣпляли нагрѣтую стѣну избы, и теплая ванна апрѣльскихъ лучей разливала животную улыбку на ихъ губы.

Слѣпому чувашину, Андрею, удалось занять самое теплое мѣсто у стѣны—тамъ вовсе не было вѣтра—и такое очевидное пристрастіе судьбы къ чувашину приводило въ ярость старуху—татарку.

Она истлѣвала отъ цынготныхъ ранъ. На половину мертвая и оттого еще болѣе жадная, всю страсть своего безпокойнаго сердца она направила къ достиженію завѣтнѣйшей мечты—попасть въ больницу.

Но ее не принимали—она бы только отняла соломенный мѣшокъ у болѣе здоровыхъ.

И все-таки, каждое утро старуха настойчиво плелась къ бараку, ворча и падая, останавливаясь для проклятій и чтобъ вытереть безсильныя, водянистыя, старческія слезы, которыя застилали путь.

Она готова была задушить счастливаго чувашина. Но Андрей не понималъ грознаго ропота.

Прижавъ горячій високъ къ мерзлой землѣ, онъ спокойно отдавалъ солнцу все свое тщедушное тѣло, раскинутыя руки, и затылокъ, покрытый льняными волосами, мягкими, какъ волосы ребенка.

Иногда ему смутно казалось, будто внутри его что-то

застываетъ. Словно тоска или голодъ сдавливали сердце... Но солнце властно погружало мозгъ въ безбрежную дремоту... и послѣ ужаса, измѣнявшаго черты, на губахъ чувашина блуждала странная улыбка—полуживотная, полудуховная, точно такая, какъ бываетъ на лицахъ спеленатыхъ дѣтей—надъ рубежемъ молчанія и жизни.

Этотъ жуткій, сладостный трансъ прерывался рѣзкимъ голосомъ изъ сѣней барака:

— Человѣкъ ты или оселъ?!—злобно допрашивалъ голосъ.

Тогда Андрей поднималъ кроткое, юное лицо съ красными вѣками и спрашивалъ по-чувашски свою черноглазую дочку:

— Долго еще?

— Знамо, все идутъ да идутъ,—по русски отвѣчала Дзенька и съ видомъ взрослой женщины проводила тоненькой ручкой по волосамъ отца.

Слѣпой опускалъ голову; лобъ его касался корявой ножки Дзеньки, а изъ груди вылеталъ невнятный вздохъ—не то голода, не то наслажденія.

— Человѣкъ ты? я тебя спрашиваю!—выкрикивалъ Кульженко.

За спинами толпившихся голодныхъ видно было его красное, гнѣвное лицо, прилипшіе волосы ко лбу, потертая студенческая фуражка, сдвинутая далеко на затылокъ.

— Федоръ Александровъ, понимаешь ты, дурацкая твоя башка,—я не царь! Айда, чего лѣзете! я задыхаюсь! Ярлыкъ даютъ только больнымъ. Два мѣсяца вбиваю!

— И то грудь разломило... совсѣмъ обтралъ... пиши... сдѣлай милость!

— Записывать въ столовую приказано только цын-готныхъ!—яростно тянулъ Кульженко, отчаянно жестикулируя, и какъ бы желая уничтожить Федора неожиданной паузой, застылъ на мгновеніе.

— Бери лекарство и убирайся,—добавилъ онъ спокойно.

— Хлѣбушка бы совсѣмъ кончалъ.

Съ вытянутой шеей, съ видомъ захлестанной лошади, Федоръ медленно опускалъ бѣлыя рѣсницы. Кости его, туго натянутыя кожей, едва сохраняли равновѣсіе; выгорѣвшіе клочья волосъ падали къ мутнымъ глазамъ, и совершенно сухое, какъ пенекъ, землистое лицо не выражало ни просьбы, ни желанія.

— Ашать... совсѣмъ обтралъ.

Было душно отъ іодоформа, изъязвленныхъ тѣлъ, гнилыхъ ртовъ.

Голодные напирали, жались у стѣнъ.

Запахъ ранъ, гулъ шипящихъ и гортанныхъ звуковъ, внезапный стонъ нетерпѣливаго ребенка, злобный окрикъ барина—этотъ воздухъ, и стонъ, и ожиданіе—все было тяжко.

— Я задыхаюсь!

Кульженко опустился на стулъ, сжавъ голову руками. Послѣднее время на него находили минуты внезапнаго оцѣпенѣнія.

Федоръ Александровъ началъ кашлять, сначала тихонько, потомъ громче, наконецъ отчаянно, съ придыханіемъ.

Кульженко ничуть не сомнѣвался, что Федоръ Александровъ кашляетъ нарочно.

— Зачѣмъ имъ жить?!.—Въ сотый разъ задалъ онъ себѣ вопросъ, глядя черезъ дворъ на дремавшаго въ нѣгѣ Андрея съ такимъ точно выраженіемъ, какъ на него самого смотрѣлъ голодный Федоръ.

— Вотъ передамъ васъ кому-нибудь,—наконецъ воскликнулъ онъ, какъ будто все время думалъ именно объ этомъ и вдругъ окончательно рѣшилъ. Быстрымъ движеніемъ онъ сдвинулъ фуражку на лобъ, почти спрятавъ подъ нею глаза.

— ...раздѣлаюсь я съ вами! Ну! кто тамъ еще? Иди ты сюда, дѣвочка. Что у тебя? а?

Онъ охватилъ ея плечи и приподнялъ одутловатое лицо за подбородокъ. Голодные сдвинулись тѣснѣй. Федоръ Александровъ пересталъ кашлять. Толпа заропотала:

— Совсѣмъ обтралъ... сдѣлай милость...

— ...перестанете вы меня изводить, довольно!.. А, вотъ и сестра!

Вѣра Николаевна вошла въ сопровожденіи монахини, которую сразу и не видно было за громаднымъ кумачевымъ крестомъ, нашитымъ на груди. Съ нею Вѣра встрѣтилась ночью на взъѣзжей.

— Даже двѣ сестры?

Торжественность вошедшей барышни вызвала чуть замѣтную усмѣшку на губахъ Кульженко.

— Сегодня ночью? я ничего не зналъ! „Такъ-съ!" мысленно вставилъ онъ, отмѣчая подъ тонкимъ бѣлымъ шарфомъ привычную кокетливость прически свѣтлыхъ волосъ, заплетенныхъ въ косу и положенныхъ надъ невысокимъ лбомъ.

— Изъ Петербурга? Стало быть подъемъ нервовъ! И не устали? Садитесь, сестра Митрофанія.

Ловкимъ движеніемъ подвинувъ монахинѣ стулъ, онъ продолжалъ забрасывать Вѣру вопросами. Онъ точно давно уже не дышалъ свѣжимъ воздухомъ.

Она не успѣвала отвѣчать.

Было что-то непріятное въ его манерѣ, быть можетъ, въ наклонѣ головы, каждый разъ, когда онъ выслушивалъ ея отвѣты, и почти даже что-то обидное въ насмѣшливомъ сощуриваніи глазъ и, особенно, въ привычкѣ глядѣть мимо и только вдругъ, внезапно, заглядывать въ самую глубину зрачковъ.

— Устали, но хотите скорѣй и какъ можно скорѣй и какъ можно больше дѣла! Такъ-съ! Очень, очень радъ!.. Иванъ Степановичъ, говорите, еще не вернулся? тѣмъ лучше! Слѣдовательно, пока, вы подъ моимъ началомъ... По сему позвольте представиться—студентъ Кіевскаго университета, неокончившій по вполнѣ зависящимъ отъ ректора обстоятельствамъ, Яковъ Андреевичъ Кульженко,—какъ видите, съ родины „Вечеровъ на хуторѣ..." Насчетъ поэзіи вы, вѣроятно,... впрочемъ, теперь пристойнѣе—какъ вы насчетъ медицины?

— Я?.. я ничего не знаю!..

Она вскинула рѣсницами съ такимъ страхомъ, точно, по крайней мѣрѣ, ей грозили одиночнымъ заключеніемъ.

— Мнѣ сказалъ предсѣдатель... что этого... и не нужно... что главное...

— Сердечное отношеніе! Люди и лимоны, люди и лимоны!—подхватилъ выкрикивая Кульженко. Ха, ха! На это онъ возлагаетъ большія надежды, нашъ Иванъ Яковлевичъ! Удивительно изящный человѣкъ! Не нашли вы этого? На людей—съ „добрыми сердцами"! Не пугайтесь! этого совершенно достаточно для работы на пользу народа..." Лимоны и люди. Даже не деньги! О!! потому что за деньги ни-ког-да не купить сердечнаго отношенія къ несчастнымъ!"

Именно этимъ тономъ и даже съ такимъ лицомъ и даже такъ поднявъ глаза къ потолку говорилъ съ ней предсѣдатель управы. Онъ очевидно шутитъ—этотъ студентъ!

Она улыбнулась въ угоду ему и окинула взглядомъ его ботфорты, сильно загрязненныя, мокрыя, потертую тужурку; столъ, заваленный лекарствами, бинтами, счетными записками, кусками ваты; толпу, внимательно наблюдавшую ихъ, и вспомнила, что какъ будто глаза этого непріятнаго человѣка за все время ни разу не смѣялись.

Онъ говорилъ уже съ монахиней.

Сестра Митрофанія, все время сидѣвшая на стулѣ въ одной позѣ и въ одномъ и томъ же настроеніи, приподнялась, и сердце ея дрогнуло.

— Господинъ докторъ!..

— Знаю, знаю! Вамъ бы только не къ язычникамъ. Я уже имѣлъ счастье работать съ вашими сестрами. Прямо

изъ монастыря?.. Съ этимъ ничего не подѣлаешь!—въ моемъ вѣденіи только татарскія и чувашскія деревни.

— Господинъ докторъ!

Сестра Митрофанія растерянно подняла къ нему желтое лицо, напоминавшее обвязанную дыню—со вдавленными пуговочками отъ ботинокъ.

Онъ рѣшительно развелъ руками.

Сестра Митрофанія сѣла и съ мужествомъ отчаянія повернула голову къ язычникамъ.

По собственному неоднократному признанію, женщина она была слабая—эта сестра Митрофанія, и ни за что не поѣхала бы на голодъ—даже за восемь рублей, которые выдавались ей отъ Краснаго Креста. Но на то была воля игуменьи.

— За грѣхи мои! Царица Небесная!—шептала она Вѣрѣ на взъѣзжей.—Только бы не назначили къ нехристямъ—чувашамъ!.. и татары—то жь! Какъ Богъ дастъ—сколько этотъ голодъ продержится—можетъ мѣсяцъ, а можетъ и два! Что ежели все время да съ чувашами!?

Пуговки быстро мигали подъ испуганными бровками, и Кульженко смягчился.

— Увѣряю васъ, всѣ они крещеные, провались я на этомъ мѣстѣ! есть, правда, язычники, но совсѣмъ мало... А вамъ бы обратить ихъ! что? не понимаютъ православной рѣчи? ну вотъ! а вы знаками...

— Нельзя ли мнѣ поскорѣй начать что-нибудь дѣлать?—перебила Вѣра.

— Извольте, извольте!.. что бы вамъ такое!.. да! Не угодно-ли взглянуть—мою импровизированную больничку совершенно объѣли клопы... т. е. больныхъ. Я, наконецъ, твердо рѣшилъ избавить ихъ еще и отъ этого міроваго зла... Долго думалъ—не обойдется ли? Дѣтвора оретъ, а сердобольныя маменьки, хотя и усмиряютъ ихъ репрессивными мѣрами, тѣмъ не менѣе ревутъ и сами... Такъ вотъ-съ, начните съ клоповъ... Оно, быть можетъ, и не совсѣмъ отвѣчаетъ вашимъ представленіямъ о работѣ на голодѣ?..

Онъ галантно пропустилъ ее впередъ и понесъ за ней все нужное для дезинфекціи.

Но вернулся, чтобъ отослать сестру Митрофанію „хорошенько выспаться на взъѣзжей“.

— „А эта интеллигентка... Ничего, мы сократимся“.

Сосредоточенность, съ которой Вѣра Николаевна брызгала клоповъ, восхитила его. Онъ пересталъ ненавидѣть Федора Александрова. Онъ зналъ навѣрное, сразу, конечно, какъ „опытный“ врачъ, опредѣливъ *типъ* экзальтированной „истерички-народницы“. Тѣмъ не менѣе, послѣ двухъ мѣ-

сяцевъ душевнаго голода, онъ предвкушалъ наслажденіе излиться.

Впрочемъ, она была очень миловидна въ своей „торжественности жертвы".

На Еленѣ Ивановнѣ какъ-то совсѣмъ не интересно отразилось даже вчерашнее его заявленіе—„Любовь—ничто иное, какъ самовнушеніе. Женщина—это тѣло, а все остальное, что говорится о духѣ и обо всемъ такомъ прочемъ", онъ относитъ къ празднословію идеологовъ.

Онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ наговорилъ все это. Но когда красивая акушерка слишкомъ стала „реагировать"— чуть не до слезъ, онъ вдругъ поднялся и ушелъ.

А эта маленькая „особа изъ общества", что именно ее сюда пригнало?

На первомъ соломенномъ мѣшкѣ, къ которому подошла Вѣра, сидѣла молодая татарка съ прекраснымъ лицомъ, потерявшимъ уже свой трудовой загаръ. Ея громадные, черные глаза глядѣли съ выраженіемъ побѣдной жизнерадостности, затушеванной кроткой и нѣжной улыбкой. На колѣняхъ ея прыгала дѣвочка, вылитая копія матери, точь въ точь съ такими же глазами, нисколько не болѣе глупыми, нисколько не менѣе жизнерадостными, только съ потѣшнымъ, неопредѣленнымъ носикомъ и совершенно свободной отъ горечи улыбкой.

Кульженко нашелъ эту милую пару верстъ за сорокъ отъ барака.

Это было недѣли двѣ назадъ. Его кибитку провожала толпа воющихъ нищихъ. Онъ злобно торопилъ Димитрія, какъ вдругъ, въ сторонѣ отъ дороги, замѣтилъ совсѣмъ новую избенку, величиною въ сажень, ничѣмъ не защищенную отъ зимнихъ вьюгъ. Она походила на дѣтскій, игрушечный, наскоро сложенный домикъ, забытый по дорогѣ.

— Стой!—крикнулъ Кульженко, разъ навсегда принявъ за правило въ незнакомой деревнѣ обходить всѣ избы.

Онъ толкнулъ дверь ногой. Оттуда пахнуло хорошо знакомымъ запахомъ—гнилого тѣла.

У полатей, припавъ лицомъ къ полу, лежала или, скорѣе, сидѣла, грудью надавивъ ребенка—женская фигура. Лицо ребенка, съ полуоткрытымъ ртомъ, виднѣлось изъ подъ ея плеча.

Однимъ движеніемъ онъ схватилъ женщину поперекъ тѣла.

Ея губы казались мертвыми, но изъ-подъ тяжело-приподнятыхъ вѣкъ страшный взглядъ голода и покорности пронзилъ ему душу.

Теперь эта самая татарка, Миджиганъ, смотрѣла на Вѣру

все съ тѣмъ же выраженіемъ ласковой покорности въ кроткихъ глазахъ.

Нѣсколько женщинъ сидѣло на полатяхъ, поджавъ подъ себя ноги, и съ любопытствомъ, впрочемъ не особенно острымъ, оглядывали барышню.

Миджиганъ сказала: „здраствуй".

Остальныя только кивали головой, и Миджиганъ самодовольно заявила:

— Не понимаетъ русскій.

Недавно привезенныя или безнадежныя слѣдили за Вѣрой съ такимъ страннымъ выраженіемъ глазъ, словно онѣ когда-то, давно, въ другой прежней жизни видѣли эту самую барышню съ широкимъ чернымъ поясомъ на узкой таліи, съ точно такими удивительно пышными волосами и за этимъ именно занятіемъ—выведеніемъ клоповъ.

— Онъ смѣется надо мной!—Въ ней поднималось безпокойство.—Нѣтъ, онъ просто только смѣется надо мной.

Она продолжала свое занятіе съ той неуловимой манерой, какая проскальзываетъ въ жестахъ человѣка, готоваго къ борьбѣ и лишь до поры до времени исполняющаго приказаніе.

— Ашать хотимъ... совсѣмъ кончалъ.!.

Теперь Кульженко гораздо рѣже нарушалъ спокойствіе Андрея. А все-таки ее поразили нѣсколько долетѣвшихъ грубыхъ словъ.

Когда онъ вошелъ для обычнаго смазыванія цынготныхъ десенъ, то уже не увидѣлъ на ея лицѣ откровенной готовности „принести себя въ жертву".

— Теперь что мнѣ дѣлать?—спросила она сухо, внимательно осматривая свой чуть-чуть обожженный карболкой палецъ.

— Ужъ по истинѣ, ежели захочетъ наказать Богъ, отниметъ прежде всего разумъ!

Онъ бросилъ эту стереотипную фразу небрежно, не глядя на Вѣру.

Онъ нашелъ ее у открытаго окна. Маленькая фигура, съ головой укутанной теплымъ платкомъ, терялась въ сумеркахъ, и Кульженко сразу порѣшилъ, что „особѣ изъ общества" не легко дались два дня самостоятельной работы на пользу человѣчества. Разговоръ начался съ первой же минуты, какъ онъ вошелъ, и съ первой же минуты Вѣра стала раздражаться.

— Другими словами, вы, слѣдовательно, говорите, что увлекающійся человѣкъ непогрѣшимъ, что истиной дышатъ его молніеносныя уста...

— Я вамъ только сказала, что чувству своему я безусловно вѣрю...

— А я повторяю, что за деревьями вы лѣса не видите. Искренность и все такое прочее очень ненадежное оружіе... „Непогрѣшимое“ вѣчно донкихотствуетъ и только... развращаетъ деревню.

— Развращаетъ?! Удивительный, все-таки, у васъ тонъ.

— Допустимъ, что вы прикатили не ради рекламы и даже не ради коллекціи эмоцій... Постойте! постойте, согласенъ, что вы совершенно особь статья, что вы именно и есть та „истинная фея“...

Она потеряла терпѣніе, но сказала сдержанно, презрительно.

— Какъ смѣете вы относиться къ тѣмъ, кто жертвуетъ... своими удобствами?.. А вы? почему вы здѣсь?

— Такъ-съ... Онъ демонстративно ждалъ этой фразы. Если вамъ угодно знать — извольте! Я — исключительно съ цѣлью набить себѣ руку по своей спеціальности.

— Откровенно!

— Откровенность—первое дѣло! Я спеціалистъ! Наука! не можете же вы отрицать, что наука должна двигаться впередъ сколько бы Ивановъ ни сгнило съ голоду? или вы иначе думаете? а?.. А вотъ господа, которые жертвуютъ „удобствами“, какъ вы изволили обмолвиться...

Она пожала плечами. Теперь онъ нашелъ къ чему придраться!

— Словомъ, гораздо интереснѣе говорить о тѣхъ, кто является на голодъ въ качествѣ филантропокъ. Конечно, только васъ и не доставало здѣсь для окончательнаго устраненія всѣхъ ужасовъ! Сознайтесь вы такъ чувствовали въ Петербургѣ?

Онъ положительно не давалъ ей опомниться. Совсѣмъ не было той спокойной безопасности, которая чувствуется съ первой же встрѣчи, когда люди способны понять другъ друга. Она была насторожѣ. Эти энергичныя рѣзкія движенія, холодные глаза, неожиданно пытливые, словно вдругъ недопускавшіе преграды между собой и другимъ человѣкомъ—все какъ-то досадно волновало ее.

— Не правда-ли, только васъ одной не доставало здѣсь?

— Не понимаю, къ чему все это!

А ужъ очень меня эти увлекающіеся люди!.. Гоголевскій городничій—вѣдь тоже увлекающійся человѣкъ! Впрочемъ, чортъ съ нимъ, съ городничимъ...

Онъ отошелъ къ окну и сталъ разглядывать желтую полосу зари, оттѣнявшую ободранныя крыши.

— А если бы вы только знали, Вѣра Николаевна, какой

неизгладимый вредъ приносятъ благодѣтельныя феи несчастной Россіи...

— И это всѣхъ вы такъ встрѣчаете? Плохая услуга больнымъ...

Онъ началъ ходить по комнатѣ и не сразу и нехотя отвѣтилъ:

— Задѣла меня ваша самовосхищенная экзальтація, Вѣра Николаевна. Очень ужъ обидно за тѣхъ, кто слезы станетъ ронять надъ вашими письмами съ голода! Пожалуй, и корреспонденціи станете писать... Длинныя—яркими красками.

— Но... вѣдь я сюда пріѣхала...

— Вотъ именно!

Она старалась быть спокойнѣе. Ея раздраженіе смѣнилось тревогой.

— Эти слезы возстановленнаго равновѣсія... оскорбительны, Вѣра Николаевна. Если обиденъ поверхностный субъективизмъ, то еще обиднѣе слезы „равновѣсія“. Поплакали и денегъ дали... и мы, стало быть, „пожертвовали удобствами“. Развѣ вы сейчасъ не самовосхищены собственнымъ страданіемъ?

— Оставьте меня въ покоѣ... Я хочу настоящихъ... настоящихъ словъ...

— Удовлетворена потребность подвига, въ большей или меньшей степени заложенная въ каждомъ человѣкѣ—и дѣлу конецъ! Какой-нибудь мягко сердечный пожирающій прольетъ слезу надъ вашей корреспонденціей, восхитится своей слезой и пришлетъ вамъ десять рублей. И вотъ, будетъ кормить добрая фея Андрея два, три мѣсяца десятирублевымъ ужиномъ, а черезъ годъ Андрей всетаки издохнетъ отъ цынги... Потому что, сами видите, озимые не взошли; Андрей—чувашинъ, а слѣдовательно, слѣпой; Андрей имѣетъ трехъ дѣтей и ко всѣмъ этимъ радостямъ—четвертинникъ, т. е. обладаетъ семью саженями земли. Ну-съ, а пожирающій—пріобрѣтетъ душевное равновѣсіе и долго, всю его мерзостную жизнь, воспоминаніе о жертвѣ душу маслить будетъ... Андрей же Тимофѣевъ все-таки отъ цынги помретъ... Потому что десятирублевая лепта и „жертва удобствами“, и „искреннія чувства“ явятся непроницаемой стѣной другому теченію. Накормить голоднаго, чтобы съ большимъ правомъ отдаться обжорству...

— Я не понимаю... пробормотала Вѣра и стиснула руки.

— Жаль!..

Бѣгая изъ угла въ уголъ и по временамъ останавливаясь передъ ней совсѣмъ близко, онъ говорилъ быстро, очень громко, выкрикивая:

— Вы обезцѣниваете голодъ — благодѣтельныя феи...

Цынга становится хронической, благодаря потребности такихъ особъ, какъ вы, найти удовлетвореніе... Когда не было уже травы, которую они ѣли—я самъ видѣлъ—...протухлой конины... подошвы... которую они грызли, да... я видѣлъ... они перетягивали себѣ брюхо и заваливались спать. Ни одинъ не повѣсился! вѣдь это знаменательно! Не правда-ли?! Почему они не вѣшаются? Почему?!

Онъ замолчалъ, точно ожидая отвѣта, и она чувствовала во всемъ тѣлѣ знакомую нервную дрожь.

— Имъ-бы только дышать! только дышать! только удовлетворить этой единственной потребности — гимнастикѣ легкихъ... Они спали, чтобы меньше хотѣть ѣсть. По 24 часа въ сутки! Такъ они дотянули до филантропокъ... Они спятъ на своихъ семи саженяхъ и пухнутъ съ голоду... Когда напухнутъ, этакъ, нѣсколько сотенъ, являются „увлекающіеся", подкормятъ, получатъ нравственное удовлетвореніе и затѣмъ— стѣна законопачивается... А когда этотъ самый Андрей черезъ годъ все-таки отъ цынги издохнетъ, Вѣра Николаевна даже и не узнаетъ, а только еще шире развернется ея жизнь подъ знаменіемъ содѣяннаго подвига... Два мѣсяца работала на пользу народа!

— Замолчите!—и тихо она повторила:—я не понимаю... что-же теперь?

Его лицо было злобное и непріятное. Каждое его слово ударяло ее, какъ хлыстомъ.

— Но вѣдь они голодны... Надо-же накормить голоднаго!

— Кормите.

Онъ сидѣлъ въ полоборота къ ней, склонивъ голову на руки. Ей хотѣлось плакать или сказать что-нибудь злое.

Онъ могъ-бы говорить съ ней иначе, какъ она привыкла, чтобы съ ней говорили. Помочь—хотя-бы въ видѣ вопроса. Гдѣ-же звѣзда, которая притянула ее черезъ далекіи степи? Жизнь развернулась, оглушила, и ожили степи, и движутся толпы голодныхъ, къ ней...

Какъ она прожила двадцать лѣтъ? И не кошмаръ-ли эта изба? Этотъ чужой человѣкъ?...

Ей казалось, что она уходитъ внутрь себя и физически съеживается до полнаго уничтоженія... Въ громадномъ мірѣ— она, такая маленькая, темная, ненужная, и свободно можетъ быть выброшена безъ ущерба для громаднаго мірового смысла... Легко раздавить человѣка...

Съ потемнѣвшимъ лицомъ она выкрикнула непріятно и рѣзко:

— Но они голодны! Понимаете? и умираютъ съ голоду. Что мнѣ до вашихъ разсужденій! Смѣете вы не накормить ихъ?

— Они умрутъ черезъ годъ...

Онъ сейчасъ уйдетъ... Она останется одна... Она не умѣетъ жить одна... Но нѣтъ, она не хочетъ никакого сближенія съ нимъ... Пріѣхать на голодъ, чтобъ набить себѣ руку!..

Прислонясь къ стѣнѣ, она глядѣла на него сверху внизъ, молча, съ жалкой, злобной улыбкой и почти ненавидѣла его.

Свѣтъ падалъ сзади на его широкія, приподнятыя плечи, опущенную голову и черные волосы, слегка захватывалъ худую щеку и рѣзкій контуръ носа.

Она съ усиліемъ отвела глаза. Онъ сейчасъ уйдетъ.

Когда онъ выходилъ, она сдѣлала движеніе къ нему, но онъ не замѣтилъ.

Черезъ минуту, голова его съ фуражкой, сдвинутой на затылокъ, высунулась изъ рамки окна, и насмѣшливый голосъ воскликнулъ:

— А вамъ, того... не очень-то комфортабельно спать на лавкѣ! Ну, пострадайте... Спите!

Въ уснувшей улицѣ замирали быстрые шаги. Стало тихо, и въ цѣломъ мірѣ была только она одна—маленькая, жалкая, ненужная.

Если бы человѣка со всѣмъ его балластомъ, въ видѣ міросозерцанія и вкусовъ, выбросить на Марсъ, блуждалъ-бы онъ по невѣдомой планетѣ съ широко-раскрытыми глазами и расшибалъ-бы голову свою о разные вопросы. Деревня Кроты была для Вѣры Николаевны по истинѣ новой планетой.

Десять дней—и все полетѣло прахомъ... Искреннія чувства, жажда подвига, красота жертвы, свѣтлыя пониманія и всяческіе смыслы—все лопнуло радужными пузырями надъ крышами Кротовъ... Отъ человѣка осталось только тѣло, которое по инерціи сохраняло для чего-то давешнюю форму.

Стонъ о хлѣбѣ, только о хлѣбѣ, оттѣснилъ робкую, слабую душу, и все сводилось къ автоматическому движенію, къ записи копеекъ, людей... Мысль, оглушенная, тщетно искала опоры, и въ самомъ высшемъ своемъ напряженіи странно притуплялась.

Животный инстинктъ подсказалъ, что личное спасеніе— въ этихъ фунтикахъ и полфунтикахъ, которые она раздаетъ голоднымъ.

Но лишь цынга даетъ право на жизнь... И тщетно другіе ползаютъ у ногъ, ловятъ руки, ложатся на пути ея...

Въ большой печи трещитъ хворостъ. Огонь рвется въ черное горло трубы и, отраженный окномъ, блеститъ въ

дождевой лужѣ. Сквозь мутную завѣсу все кажется печальнымъ: и молодая травка, сгнившая отъ влаги, и этотъ слѣпой съ поводыремъ, на чьи обнаженныя головы тупо глядятъ закрытыя окна—все мутно, тоскливо, покорно, все отживаетъ, на все упала тѣнь.

Нищіе просятъ у нищихъ и долго стоятъ подъ окномъ, не зная, быть можетъ, что именно въ этой избѣ хозяинъ умеръ съ голоду.

Вдова, не очень еще старая, обезумѣла отъ постепенной утраты вокругъ всего живого. Если бы у нея осталась лошадь, она все равно не смогла бы работать. Однако, чуть не съ самаго перваго дня, эта несчастная преслѣдуетъ ее просьбой о колесахъ.

— Безъ колесъ, сама знаешь, какъ жить то намъ— разводя руками, какъ длинными оглоблями, медленно говоритъ Авдотья и въ тихомъ изступленіи припадаетъ къ полу.

Вчера, когда вся деревня уже спала, и стропила оголенныхъ крышъ обозначились черными крестами, она торопилась домой послѣ обхода больныхъ. Вдругъ, чьи-то цѣпкія руки снизу твердымъ кольцомъ охватили ее. Неистовый крикъ одиноко пронесся далеко по уснувшей улицѣ. Чье-то тѣло извивалось у ногъ... она помнитъ свой мистическій ужасъ и что-то мягкое... лицо или шею—подъ своимъ каблукомъ...

Утромъ Авдотья ходила по избамъ, проклиная „старообрядку“. И сейчасъ, глядя изъ окна на мертвую картину, ей кажутся справедливыми эти проклятія...

Болѣе настойчивые посылаютъ къ ней дѣтей съ пучками желтыхъ лютиковъ, пахнувшихъ землей и талымъ снѣгомъ. Въ первый разъ, глубоко тронутая, она роздала дѣтямъ свой сахаръ. Такого сложнаго, тонкаго чувства „особа изъ общества“ еще не испытывала. Но дѣти стали приносить цвѣты каждый день и ждали награды...

Маленькій глухонѣмой Санька—пастухъ возвращался съ луга, когда заходило солнце.

Она кончала тогда свой вечерній пріемъ.

Прижавъ букетъ къ животу, онъ прятался за спинами больныхъ, и унылое, глупое лицо мальчика было такъ плачевно, что, казалось, его мучатъ колики. Онъ ждалъ знакомаго, нетерпѣливаго жеста, чтобы имѣть право убѣжать и швырнуть цвѣты на дорогѣ.

Вчера, взявъ подснѣжники изъ его рукъ, она демонстративно бросила ихъ на полъ... Затоптанныя синія головки лежатъ и теперь у порога...

Сегодня умеръ Федотка.

Во что-бы то ни стало ей хотѣлось спасти этого мальчика.

Ходила къ нему по нѣсколько разъ въ день на другой конецъ деревни.

Съ каждымъ днемъ Федоткѣ становилось все хуже. Экстренно послала за Кульженко, но „они“ не пожелали пріѣхать. Всю деревню онъ сдалъ всецѣло на ея руки! Утромъ ребенку сдѣлалось лучше, и на радостяхъ бабка накормила его кашицей изъ чернаго хлѣба.

Она, кажется, даже бранилась, въ концѣ концовъ заплакала.

Бабы смотрѣли угрюмо, какъ будто не вполнѣ довѣряя этимъ слезамъ, а когда она взяла тоненькую ручку Федотки и наклонилась, чтобы поцѣловать его открытые глаза, старой бабкѣ понадобилось тоже подойти къ Федоткѣ, и она ее отстранила.

Когда мужики пилили доски на гробикъ, Федотка еще не умеръ.

Онъ лежалъ таинственно тихенькій и до странности задумчиво-спокойно глядѣлъ передъ собой. Глаза его мерцали двумя свѣтлыми пятнами на обостренномъ темномъ личикѣ. Женщины притихли около громадной кровати, гдѣ затерялось маленькое, холодѣющее тѣльце.

Только одинъ скрипъ пилы со двора нарушалъ молчаніе. Казалось, Федотка считалъ долетавшіе звуки, ожидая послѣдняго.

Она пыталась прервать эту покорность передъ торжественнымъ шествіемъ смерти.

Она хотѣла еще разъ дать ему лекарство, но бабка, обожавшая Федотку, грубо оттолкнула ее.

— Намаялся онъ, сердешный. Богъ, знать, такъ хочетъ.

Она была лишней. Она мѣшала чему-то. Женщины, особенно бабка, острѣе чувствовали ея присутствіе, нежели умираніе ребенка. И когда, наконецъ, все стихло, и вдругъ, съ крестнымъ знаменіемъ, всѣ опустились на колѣни, она принуждена была выйти...

Въ эту минуту сказалась та пропасть, которую съ двухъ береговъ искусно они прикрывали дружескими улыбками...

Бабка проводила ее злобнымъ взглядомъ, и, пробѣгая мимо оконъ, она услышала свободное, громкое и жалобное причитанье.

Сегодня умерла и Марья.

Голодъ, отъ котораго умираютъ...

Развѣ мы можемъ это понять?

Она просила, она даже поссорилась изъ-за Марьи съ Кульженко. Она способна была ударить его...

„У васъ широкій размахъ, открывайте столовую на свои средства“.

Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что у нея нѣтъ своихъ средствъ!

„Тогда нужно давать всѣмъ, потому что всѣ они не лучше вашей Марьи“.

Почему „вашей“!.. И вѣдь умерла все-таки Марья!..

И въ концѣ концовъ она вѣдь не сказала „подлецъ“, а только „подло“. И произнесла это тихо. Никто, навѣрное, и не слышалъ.

Онъ низко склонилъ голову, такъ что его волосы коснулись бумаги.

Уходя, обратился къ больнымъ: „Ну-съ!.. Тѣ, которые получаютъ обѣдъ, записаны въ этой книжкѣ, сестра дастъ ярлыкъ“...

Ушелъ, не простившись. Она не подняла глазъ.

Правда, она ни въ чемъ не знаетъ удержу... Какъ бы ей хотѣлось научиться владѣть собой... Но вѣдь это, дѣйствительно, подлость!.. И, наконецъ, какъ онъ смѣетъ обращаться къ ней въ такомъ противномъ тонѣ, будто ничего не замѣчая, кромѣ ея глупости!..

Сама она, конечно, не могла кормить Марью, потому что... потому что тогда нужно было бы кормить всѣхъ, и, кромѣ того, Марья больше не пришла.

Да! „сердце отдать“ оказалось труднѣе, чѣмъ полагалъ предсѣдатель управы.

На-дняхъ наружное лекарство она дала внутрь. Но Кульженко цинично успокоилъ: оба средства индиферентны и даются для проформы.

Она чувствовала себя благодѣтельной „феей“, блуждающей ощупью, въ кромѣшной тьмѣ.

Вотъ староста Ѳедоръ ползаетъ на четвереренькахъ, собирая крупинки кирпичнаго чаю, который разлетается отъ ударовъ топора...

Сгребаетъ крошки въ кучку и бережно, стоя на колѣняхъ, пересыпаетъ съ ладони на ладонь, продувая пыль. Нищета Ѳедора совсѣмъ обнаженная и служитъ неисчерпаемой темой для разговоровъ нищихъ. Кромѣ бѣдности, онъ боленъ къ тому же чахоткой, какъ и всѣ члены его многочисленной семьи, заразившіеся отъ старшаго сына, Якова. Яковъ все-таки больнѣе всѣхъ, и всѣ ждутъ его смерти— этой первой смерти, долженствующей принести семьѣ лишній глотокъ воздуха... И особенно ждетъ восьмидесятилѣтняя бабка, которая рѣшила завладѣть чашкой Якова—единственной цѣлой посудой въ избѣ. Яковъ уже никуда не выходитъ, только въ очень жаркій день сидитъ за воротами въ тулупѣ, съ землистымъ лицомъ и тупымъ выраженіемъ стеклянныхъ глазъ, говорящихъ о странномъ пребываніи его

надъ жизнью, и о томъ, что желанію бабки суждено исполниться скоро, почти наканунѣ ея собственной смерти.

Спина Ѳедора, прикрытая полушубкомъ, съ обостренными лопатками, лѣзетъ подъ лавку; жиденькая бороденка цѣпляется о некрашенный полъ, и когда онъ поднимаетъ къ ней свое изжитое лицо, свои черные, углубленные, громадные глаза, и когда онъ смущенно-ласково улыбается, какъ ни въ чемъ не бывало она тоже улыбается...

И въ тѣ минуты она уже чувствовала позоръ своей улыбки.

Ни единой свѣтлой точки! Даже этотъ нелѣпый писарь Тимофей вызываетъ въ ней только досаду.

Онъ счелъ своимъ долгомъ представиться. Поддерживая умный разговоръ, почтительно, но съ достоинствомъ стоя у дверей, онъ говорилъ странныя слова: „Факто-практическое реномэ“, „возликованіе сердечное“—и съ иронической улыбкой мигалъ въ сторону ползающаго Федора. Увидя склянки съ лекарствомъ, онъ вдругъ оживился.

— Acidum boricum?

— Да, борная кислота.

Отвѣтила сухо, потому что не любитъ писарей вообще. Эта латинская фраза показалась ей высшимъ нахальствомъ.

— И tinctura jodi! и convolaria!

На простомъ, обрюзгломъ лицѣ его разлилась улыбка. О своей болѣзни сердца онъ хорошо знаетъ и, кажется, доволенъ ею. Она какъ будто служитъ ему источникомъ воспоминаній. Почему онъ такъ любитъ латинскія названія?!

— По-латыни, стало быть, не читаете? Стало быть, вы не фельдшерица? По своей волѣ пріѣхали?

Здѣсь было явное разочарованіе.

— Что жь, ежели староста, то и я... и съ трудомъ согнувъ свои ноги—колоды, круглый годъ обутыя въ валенки, Тимофей, краснѣя, лѣзетъ подъ лавку, торопясь схватить крупный осколокъ, котораго Ѳедоръ не замѣтилъ.

Всѣ слова Тимофей почему-то пишетъ съ прописной буквы съ очень твердымъ нажимомъ, и докладныя бумаги его производятъ впечатлѣніе лѣса, благодаря заковыркамъ и фантастическимъ вѣткамъ, исходящимъ отъ буквъ.

Или этотъ застѣнчивый, блѣдный Максимъ, который смотритъ на міръ грустными глазами... Онъ кашляетъ кровью, надорвавъ себѣ грудь игрой на трубѣ. Городъ оставилъ въ мозгу умирающаго неизгладимый слѣдъ ароматныхъ красокъ. Сегодня, въ разговорѣ съ ней, онъ два раза сказалъ: „пачуля“. Два года онъ игралъ попурри изъ модныхъ шансонетокъ... Еще и теперь, онъ будто слышитъ чужой

смѣхъ и музыку. Въ душную, лѣтнюю ночь — влюбленныя парочки садились у самыхъ ногъ, въ тѣни эстрады, не обращая вниманія на солдата—музыканта—она влекла къ себѣ—эта жизнь, не позволивъ ни разу подойти слишкомъ близко, она растворяла въ себѣ, ничего не давая взамѣнъ. И въ ту минуту, когда кровь вдругъ потекла изъ горла Максима въ трубу, когда ему пришлось встать и уйти изъ оркестра, ему было тяжко.

Онъ любитъ вспоминать объ этой минутѣ. Онъ принесъ въ родную деревню странные сны. Онъ словно пребываетъ межъ двухъ воспоминаній—въ прошломъ что-то увлекательное и только поманившее, и настоящее—до того стертое блескомъ и движеніемъ прошлаго, что уже кажется ему почти неожиданностью—въ дымкѣ раздвоенія. Впрочемъ, онъ не умѣетъ много говорить, онъ только вдругъ задумывается.

Настасья пришла вчера съ жалобой на „тоску въ сердцѣ".

Она крикнула злобно:

— Нѣтъ у меня лекарства!

И когда та попятилась къ дверямъ, она повторила тихо:

— Нѣтъ у меня лекарства отъ тоски...

А эти конуры, немногимъ больше собачьихъ, только грязнѣй, прокопченныя дымомъ... Эти голыя, даже безъ соломы, какъ у собакъ, конуры, въ которыхъ гніютъ люди... Стѣны настолько тонки, что зимой можно жить только благодаря сугробамъ.

Это вчера она проходила мимо одного изъ такихъ логовищъ.

Она услышала стонъ.

Только что смеркалось. Вокругъ уже все спало.

Изъ темноты, въ открытую дверь пахнуло гнилью. На вопросъ никто не отвѣтилъ, но стонъ повторился...

Вспомнивъ о свѣчѣ, которую всегда носитъ при вечернемъ обходѣ, она зажгла, и такъ, со свѣчей, рѣшилась войти.

Пришлось нагнуть голову, несмотря на свой ростъ.

Сколько страданій можетъ вмѣститься на пространствѣ сажени! Голодъ, болѣзнь, одиночество...

На лавкѣ лежало разбухшее тѣло. Безобразное лицо вынырнуло изъ тряпья и безсмысленный взглядъ уставился на свѣтъ. Близко поставленные глаза и маленькая голова, сравнительно съ громаднымъ тѣломъ, производили впечатлѣніе идіота. Длинныя, истощенныя груди свидѣтельствовали о тяжкомъ материнствѣ. Но гдѣ они—вскормленныя дѣти?

Словно въ гипнозѣ, молча смотрѣла больная на свѣтъ. И вдругъ громкая, прыгающая рѣчь вырвалась изъ ея горла. Жалоба это была или гнѣвъ? — трудно рѣшить по одной

интонаціи. Звуки внезапно падали и поднимались съ придыханіемъ и свистомъ... Одинъ возгласъ проходилъ основнымъ тономъ; казалось, чувашка молила о чемъ-то, смотрѣла въ глаза настойчиво, почти яростно и безнадежно. Свѣтъ блеснулъ въ мокрыхъ впадинахъ глазъ...

И у нея самой стали прыгать слова, и она повторяла безсмысленно: Боже мой... Боже мой!

И когда положила руку ей на грудь, та обнаружила все тѣло—безъ тѣни стыда, сразу, указывая на всѣ члены, быстро ощупывая раздутыя ноги...

— Урайиродатъ... Алаиродатъ...

Онѣ не понимали другъ друга.

Ночь наступала. Изъ окна были видны контуры чужихъ и темныхъ избъ. Никому не было дѣла до этой умирающей, потому что и все вокругъ умирало...

Знала-ли она, что на этой самой землѣ, гдѣ она прожила мертвую жизнь, есть сказочный городъ, оглушенный кликами жизни, ослѣпленный искусственными солнцами?..

Донесутся-ли туда эти вопли забытыхъ?

Стекла снаружи задернулись мутью. Одиночество, оскорбленіе духа и смерть сжали свой кругъ. Они выступали подобно невидимымъ, чудовищнымъ щупальцамъ спрута изъ темныхъ угловъ логовища.

— Я оставлю свѣчу... оставлю! Приду, когда солнце...

Это была счастливая мысль, она разорвала тяжкій кошмаръ. Торопясь приклеить огарокъ свѣчи къ выступу печки, она повторяла сквозь слёзы:

— Вотъ... приду утромъ... когда солнце...

Она подняла руку, говоря о солнцѣ, и чувашка, можетъ быть, думала, что она говоритъ о Богѣ.

Больная притихла, опершись на локоть. Въ маленькихъ глазкахъ животнаго колебался свѣтъ. Такимъ далекимъ, неопредѣленнымъ взглядомъ созерцаетъ предчувствіе.

Когда она отошла къ порогу, указавъ еще разъ на свѣчу, женщина поняла. Что-то близкое къ радости мелькнуло на ея лицѣ. Утромъ она умерла.

Дождь... Разоренныя крыши... Нищій проситъ у нищаго...

Медленно вынувъ изъ кармана письмо, она подняла его въ уровень глазъ, точно съ цѣлью заслониться отъ мертвой картины.

„Малѣйшее облачко и вы теряете энергію...“ „Не годится, чтобъ несчастье вашихъ паціентовъ отзывалось такъ тяжело на человѣкѣ, которому нужно беречь себя...“

— „Облачко! Беречь себя“... О! этотъ ненавистный тонъ увѣренности!..

„Наоборотъ, холодъ и равнодушіе и добрая воля. Рабо-

тать надо, не покладая рукъ, а предаваться мрачнымъ философствованіямъ—фи! Мы такъ гордимся вами! Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче"....

Она скомкала письмо, но потомъ расправила и съ нехорошей усмѣшкой прочла послѣднія строки: „Вы дѣлаете великій подвигъ самопожертвованія... Всѣ удивляются вамъ. Но... кончай скорѣй эту миссію! Жду не дождусь, когда ты вернешься къ своимъ естественнымъ обязанностямъ. Цѣлую твои маленькія ручки".

Медленно, она стала рвать письмо на мелкіе клочки. Въ эту минуту улицу переходила женщина.

Шлепая по лужѣ босыми ногами и длинной палкой нашаривая сухое мѣсто, но кругомъ попадая въ воду, и отъ того еще больше волнуясь, она шла прямо къ окну, съ ребенкомъ на рукахъ.

Длинная полотняная рубаха, раскрытая на груди, спускалась съ плеча, оголяя прекрасное, пропорціонально сложенное тѣло, худощавую, на все еще округлую грудь, вполнѣ сохранившую красоту линій. Изъ подъ рубахи виднѣлись словно точеныя, икры, и неувѣренно изъ свѣтлой, отстоявшейся лужи, торопливо и слишкомъ высоко поднималась маленькая ножка, безпомощно нырявшая въ воду. На икрахъ и рукахъ сочились раны отъ ушибовъ и старой болѣзни. Изъ-подъ чернаго платка, повязаннаго сзади, закрывавшаго безглазыя впадины, лѣзли къ лицу космы грязныхъ волосъ. Носъ потерялъ свою форму, но прекрасный овалъ лица, красивая посадка головы на тонкой, длинной шеѣ говорили о былой и даже необыкновенной красотѣ.

На рукахъ ея, прильнувъ къ груди, сидѣла дѣвочка лѣтъ четырехъ, зараженная отъ матери, съ ножками, висящими какъ плети. Поразительно красивые, черные, злобные глаза ребенка приходились въ уровень съ отвратительнымъ лицомъ матери. Нѣмая, безглазая мать жила головкой дочери. Казалось, тутъ произошла какая-то ошибка. Являлось желаніе оторвать, отбросить безобразное, чтобъ слить двѣ прекрасныя части въ одно.

Гортаннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ дѣвочка предупреждала мать объ опасности.

Какъ онѣ сговорились?

Ребенокъ не зналъ ни одного слова ни на одномъ языкѣ, и тѣмъ не менѣе Татьяна, шея которой была обвита худенькой ручкой, благополучно обходила встрѣчную телѣгу.

И эта самая женщина, всегда съ ребенкомъ на рукахъ, не въ состояніи прожить безъ него ни минуты, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ родила другого, мертваго...

И каждый разъ, глядя на нихъ, вздрагивая отъ ужаса,

она думала объ этомъ несчастнѣйшемъ изъ несчастныхъ, объ „ихъ“ обольстителѣ.

Кто онъ—этотъ средній между пресмыкающимся и хищнымъ?

Она боялась встрѣчи съ нимъ.

Она боялась двуединой пары—матери съ дочерью.

Это былъ животный, паническій страхъ передъ страданіемъ. Страхъ передъ безсмысленнымъ хаосомъ, ходячимъ ярлыкомъ жизни—издѣвательствомъ ея надъ собственнымъ шедевромъ.

Эта двуединая пара была какъ бы живымъ прообразомъ мрака великорусскихъ затерянныхъ краевъ.

Она боялась ихъ, и несмотря на громко-протестующую совѣсть, на всѣ попытки воли, не могла подойти, чтобъ перевязать ихъ раны.

Татьяна стучала палкой по крыльцу. Подъ дверью раздалось гортанное вскрикиванье. Дѣвочка царапалась, какъ кошка, помогая матери.

Не успѣвъ набросить крючка, она стала тянуть къ себѣ дверь. Ея собственный, безумный страхъ надѣлилъ „тѣхъ“, стоящихъ за дверью, тайной возрастающей силой; страданія „ихъ“ росли съ каждой минутой—соотвѣтственно ея безумію...

И двери, казалось, должны были рухнуть подъ ихъ напоромъ, и ея трясущіяся руки были безсильны...

(*Продолженіе будетъ*).

Молодость.

Тамъ, гдѣ старость отступаетъ,
Блещетъ Молодости знамя,
И на немъ огнемъ сіяетъ
Золотого солнца пламя.
И горитъ оно высоко
Надъ тоскою молодою,
И лучи его далеко
Спорятъ съ сумрачною мглою.
И дорогою тернистой,
Въ храмъ къ невѣдомому Богу
Съ этимъ солнцемъ вѣры чистой
Ищетъ молодость дорогу...

Г. Галина.

Союзъ учителей средней школы.

Учителя и учительницы средней школы въ Петербургѣ организовали союзъ. Въ его составъ уже вошло свыше 200 человѣкъ, которыми на первомъ собраніи союза постановлено: 1) присоединиться къ извѣстному заявленію московскихъ педагоговъ (см. „Право“, № 6) и 2) принять ниже приводимую записку о нуждахъ средней школы, намѣчающую основную программу дѣйствій союза:

„Въ русской жизни совершается серьезный кризисъ. Взволнованная до самаго дна, она выноситъ на поверхность всѣ скрытые свои недуги. Вслѣдъ за потрясающими событіями войны на Дальнемъ Востокѣ, рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, волненіями студенческой молодежи—послѣднія недѣли выдвинули передъ сознаніемъ бурныя проявленія опасной болѣзни, которою болѣетъ средняя школа. Передъ полнымъ разстройствомъ, передъ рѣшительнымъ крахомъ средней школы мы, ея работники и руководители, стоимъ, какъ передъ совершившимся уже фактомъ. Были ли мы властны его предотвратить? Что можемъ мы сдѣлать теперь, чтобы изъ кризиса вывести ее на путь обновленія? Вотъ вопросы, на которые настойчиво требуетъ отъ насъ отвѣта пробудившаяся жизнь, голосъ общества и наша собственная совѣсть.

Каковъ бы ни былъ нашъ отвѣтъ, очевидно одно, что онъ долженъ быть коллективнымъ, коллективной работой должна быть та работа, которую, какъ выводъ изъ него, мы должны будемъ взять на себя. Время одинокихъ усилій миновало: опытъ показалъ ихъ безплодность. Вокругъ насъ изъ глубины разстроенной жизни начинаютъ подыматься организованныя общественныя группы для борьбы за новыя формы и для созидательной работы этихъ новыхъ формъ. Къ такой-же борьбѣ, къ такой-же работѣ на нашихъ мѣстахъ мы зовемъ тѣхъ, кому дорога средняя школа,

для кого ея интересъ является насущимъ дѣломъ жизни; мы зовемъ нашихъ товарищей—педагоговъ, ближе всего отвѣтственныхъ за ея судьбу.

Громадность этой отвѣтственности опредѣляется той важною ролью, которую призвана играть школа въ поступательномъ движеніи общества. Трудность ея въ нашемъ случаѣ связана съ особенностями того возраста, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ средней школѣ. Передъ нами стоитъ объектъ сложный, измѣнчивый, требующій къ себѣ чуткаго, бережнаго отношенія,—постояннаго умственнаго и моральнаго творчества. Средняя школа беретъ въ руки ученика, едва только вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ, и разстается съ нимъ на порогѣ юности. Она имѣетъ съ нимъ дѣло въ наиболѣе острый періодъ его жизни, когда совершается процессъ формированія его души, въ немъ идетъ борьба стихійныхъ порывовъ съ высшими запросами духа, пробуждающаяся мысль ищетъ серьезной пищи, довѣрчивость уживается съ крайнимъ скептицизмомъ, потребность общенія съ рѣзкимъ индивидуализмомъ, сознаніе слабости съ энергичнымъ утвержденіемъ личнаго достоинства. Этому сложному существу школа должна помочь выйти на жизненную борьбу и на самостоятельную умственную работу—въ полномъ обладаніи своими силами. Если онъ выходитъ изъ нея искалѣченнымъ, растерявъ свои духовныя богатства—на нее падаетъ тяжелая отвѣтственность. Претендуя замѣнить своимъ научно организованнымъ опытомъ медленный и разрозненный опытъ жизни, она беретъ на себя огромный долгъ передъ будущимъ страны. При какихъ условіяхъ она можетъ его выполнить?

Нормальный ростъ молодыхъ поколѣній можетъ совершаться только при полномъ свѣтѣ и просторѣ; въ атмосферѣ *умственной, нравственной и общественной правды*, взаимнаго *довѣрія* учителей, учениковъ и семьи. Строй школы долженъ быть такимъ, чтобы въ немъ сохранялось *уваженіе къ личности* ученика, дѣтское стадо чувствовало бы себя *дѣтскимъ обществомъ*, авторитетъ наставника признавался-бы *свободно* и охотно, и была-бы *морально и общественно вліятельной* не только личность педагога, но и *педагогическая корпорація*. Этотъ авторитетъ можетъ дать учителю серьезная научность его преподаванія, всегдашняя правдивость въ освѣщеніи поднимаемыхъ вопросовъ. Безъ увѣренности, что каждое слово учителя есть плодъ его внутренняго убѣжденія, создавшагося подъ вліяніемъ опыта и мысли, а не является внушеннымъ извнѣ—безъ этой увѣренности невозможно довѣріе со стороны ученика. Непремѣнное условіе здоровой школьной атмосферы, оно является особенно настоятельнымъ, когда дѣло касается наиболѣе задушевныхъ вопросовъ, каковы: религіозный, моральный, философскій и общественный. Но внутренняя убѣжденность и независимость мысли можетъ разви-

ваться только въ такой общественной средѣ, гдѣ признаны и обезпечены свобода мнѣнія и слова.

Авторитетность педагогической корпораціи передъ обществомъ возможна лишь при ея *автономности*. Будучи орудіемъ въ чужихъ рукахъ, она совершенно безсильна импонировать общественному мнѣнію и, въ концѣ концовъ, сознанію учениковъ. Однако, несомнѣнно и то, что довѣріе къ своей работѣ она вызываетъ только тогда, если пользуется всѣми средствами провѣрки ея правильности: если работы *подъ постояннымъ контролемъ общественныхъ силъ*, въ атмосферѣ *широкой гласности*.

Наконецъ, передъ школой стоитъ великая задача разломать всѣ искусственныя ограды, поставленныя вокругъ нея, разбить условія, производящія отборъ дѣтской массы на порогѣ школы, дѣлающія образованіе достояніемъ незначительнаго привилегированнаго меньшинства. Школа должна снять съ себя печать сословной или классовой привилегированности. Она должна быть непосредственнымъ продолженіемъ школы народной, организованной на началахъ всеобщаго безплатнаго обученія, внѣ какихъ-бы то ни было національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій. *Общедоступность школы*, широкій ея *демократизмъ*, призоветъ къ просвѣщенію незатронутые имъ глубокіе народные слои, будетъ содѣйствовать сближенію всѣхъ дѣтей народа и превратитъ ее въ истинно-народную школу. Только такая школа выполнитъ высокую національную задачу возрожденія и обновленія страны. Какъ организація серьезныхъ умственныхъ силъ, окруженная общественнымъ довѣріемъ, она могла-бы явиться культурнымъ центромъ, распространяющимъ свое воздѣйствіе далеко за предѣлы школьныхъ стѣнъ, иниціаторомъ и руководителемъ просвѣтительныхъ предпріятій своего района (публичныхъ лекцій, музеевъ, библіотекъ, экскурсій, книжныхъ изданій). Поддерживаемая обществомъ, руководясь его указаніями, отдавая на службу его потребностямъ свои профессіональныя знанія и навыки, педагогическая корпорація средней школы могла-бы широко и плодотворно войти со своей работой въ жизнь страны, сдѣлать себя въ ней цѣнной и нужной. Эти широкія перспективы, открывающіяся педагогу, содѣйствовали-бы приливу къ замирающимъ очагамъ просвѣщенія энергичныхъ творческихъ силъ. Насколько дѣйствительность соотвѣтствуетъ этому идеалу? Современная общеобразовательная средняя школа и по принципамъ, и по строю представляетъ продуктъ распаденія школы, введенной властью Толстого подъ давленіемъ опредѣленно реакціонныхъ теченій въ правительственной политикѣ. Въ основу этой системы положена была тенденція, вытекавшая изъ идеала полицейскаго государства и формулированная слѣдующимъ образомъ: „Школа должна противодѣйствовать развитію матеріалистическаго міровоззрѣнія, воспитывать юношество въ духѣ охрани-

тельныхъ началъ, утверждать въ молодомъ поколѣніи покорность закону и уваженіе къ установленнымъ властямъ". Проведенная послѣдовательнѣе всего въ любимомъ дѣтищѣ реакціонной эпохи—классической гимназіи, охранительная система подчинила себѣ всю область школьнаго дѣла: реальное и коммерческое училище и духовная семинарія, женская гимназія и епархіальное училище, при всей разницѣ своихъ программъ, въ основныхъ чертахъ своего строя явились порожденіемъ одного духа. Послѣ освободительной эпохи, когда русское общество, призванное къ работѣ *на мѣстахъ*, все яснѣе начинало сознавать свою задачу и готовилось къ новой политической миссіи—*къ участію въ руководствѣ жизнью всей страны*—правительство почувствовало опасность для своего существованія въ прежнихъ формахъ и организовалось для отпора. Въ этотъ боевой моментъ и строилась та средняя школа, которую мы получили въ наслѣдство, какъ средство охраненія молодыхъ поколѣній отъ охватившихъ общество чаяній, а затѣмъ—какъ орудіе прямой борьбы съ ними. Эта боевая цѣль неизбѣжно должна была искалѣчить школу, исказивъ ея благородную задачу. Со школы было сорвано знамя общечеловѣческихъ завѣтовъ, которое пытались водрузить на ней идеалисты 60-хъ годовъ, звавшіе къ созданію гармоническаго свободнаго человѣка, способнаго пойти навстрѣчу всякой новой правдѣ, способнаго занять мѣсто въ невѣдомомъ будущемъ и явиться въ немъ движущей силой. Вмѣсто этихъ широкихъ идеаловъ, правительственная политика поставила обществу и школѣ лозунгъ охраненія „началъ самодержавія, православія и народности" и, преграждая открывавшійся путь свободнаго развитія, звала молодыя поколѣнія назадъ. Выполненіе этой задачи, приспособленіе школы къ искусственно поставленной цѣли не могло быть довѣрено обществу. Оно не мирилось съ породившимъ ее политическимъ идеаломъ и встрѣтило ее глухимъ или явнымъ протестомъ. Отсюда выводомъ явилось провозглашеніе рѣшительнаго недовѣрія къ обществу въ школьномъ вопросѣ. Правительство должно было монополизировать школу, стѣсняя общественную и частную инипіативу, налагая ферулу „казенной программы" на частныя учебныя заведенія, отдающія свою свободу преподаванія за „права казенныхъ учебныхъ заведеній". Школа систематически изолируется отъ жизни. Отъ нея устраняется вліяніе семьи, воздѣйствіе общественныхъ органовъ, какъ земскія и городскія учрежденія. Она должна отразить въ своей внутренней жизни духъ абсолютно-бюрократическаго строя, порожденіемъ котораго она была, стать однимъ изъ его звеньевъ.

Этимъ опредѣляются всѣ существенныя особенности организаціи школьнаго дѣла: низведеніе къ нулю дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ, безусловная власть директора надъ совѣтомъ, попечителя надъ округомъ, министра надъ всѣмъ ходомъ школь-

ной жизни, механическое передвиганіе персонала помимо воли заинтересованныхъ лицъ и педагогическихъ корпорацій, изъ которыхъ извлекались или которымъ навязывались, безъ ихъ вѣдома, товарищи ихъ сложнаго и отвѣтственнаго дѣла. Этимъ въ живое дѣло школы внесенъ тотъ мертвящій механизмъ чиновничьей іерархіи, въ которомъ лица являются лишь пассивными частями, отдѣльными колесами и лишены возможности быть творцами своего дѣла. Въ обстановкѣ, гдѣ естественныя отношенія людей замѣнены искусственными, горизонтъ личности ограниченъ тѣснымъ кругомъ. Уже это обстоятельство печально понижало уровень педагогической среды.

Но создавшаяся вокругъ школы общественно-политическая атмосфера ведетъ педагога къ еще болѣе труднымъ положеніямъ. Оба живые элементы школы—ученикъ и учитель находятся подъ непрестаннымъ давленіемъ той атмосферы угнетенія личности, мертвенности общественной среды, той цензуры устнаго и письменнаго слова, той общей безправности и принудительной разъединенности, которыя являются неизбѣжными спутниками нашего политическаго строя. Если бюрократическій духъ школы никоимъ образомъ не можетъ содѣйствовать авторитетности педагога и не даетъ ему возможности раскрыть свои силы, то политическій строй, ее породившій, связанъ съ цѣлымъ рядомъ слѣдствій, посягающихъ на цѣльность и чистоту его моральной личности. Быть можетъ, ни одинъ кругъ интеллигентныхъ работниковъ не страдаетъ въ такой степени отъ отсутствія *свободы исповѣданія*, какъ учитель средней школы. Для него, кому его призваніе, казалось-бы, должно запрещать малѣйшее лицемѣріе, остается обязательнымъ публичное исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ опредѣленные дни, въ опредѣленной церкви. Особенно тяжелымъ и безнравственнымъ становится выполненіе этого обязательства на окраинахъ, гдѣ вопросъ религіозный является боевымъ; зачастую, насилуя свои религіозныя убѣжденія, педагогъ долженъ показывать примѣръ православія и призывать къ тому-же своихъ учениковъ. Религіозный вопросъ въ школѣ есть только одно изъ проявленій той глубокой коллизіи между потребностью свободной самоуважающей личности къ откровенному исповѣданію своихъ убѣжденій и тѣмъ запретомъ, какой налагаетъ на нее общеполитическая и школьная система. Общій духъ цензуры устнаго и письменнаго слова, вынужденное молчаніе по всѣмъ наиболѣе волнующимъ вопросамъ, узость политическаго идеала, требующаго для своей защиты покрова тайны для всего съ нимъ несогласнаго—все это болѣзненно отзывается въ школѣ. Въ полномъ недовѣріи къ педагогическому такту учителя система налагаетъ свое veto на всякое откровенное общеніе его съ ученикомъ и уничтожаетъ возможность всесторонняго и правдиваго освѣщенія жизни и науки. Это обстоятельство особенно пагубно отразилось на пре-

подаваніи исторіи и литературы, изъ которыхъ политическая тенденція выбрасываетъ наиболѣе живыя и серьезныя явленія, представляя остальное въ ложномъ, одностороннемъ, не внушающемъ довѣрія освѣщеніи. Цензура слова учителя, тѣсно связанная съ цензурой учебника, лишила преподавателя права выбора читаемаго и изучаемаго матеріала и наводнила школы плохими, бездарными и тенденціозными книгами. Связанный въ своей преподавательской дѣятельности, учитель подчиненъ строгому надзору и въ своемъ внѣшкольномъ поведеніи. Всякое участіе его въ печати въ какомъ-либо, даже разрѣшенномъ, обществѣ или союзѣ подлежитъ подозрительному вниманію его педагогическаго начальства. Его свобода въ этомъ отношеніи ограничена еще болѣе тѣснымъ кругомъ, чѣмъ свобода небогатаго ею обыкновеннаго русскаго гражданина. Не на нашихъ-ли дняхъ формулировано было мнѣніе министерства, что педагогъ въ общественныхъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ право на меньшее, нежели земецъ, адвокатъ, инженеръ или врачъ; не на нашихъ-ли дняхъ за участіе въ съѣздѣ учителей естествознанія подверглись удаленію нѣкоторые учителя средней школы? Возможность устраненія отъ любимой дѣятельности постоянно дамокловымъ мечемъ виситъ надъ головою независимаго педагога. Этотъ дамокловъ мечъ, незримый, облеченный въ форму секретнаго циркуляра, разсылаемаго по учебнымъ заведеніямъ — могучее орудіе въ рукахъ директора, въ рукахъ всякаго, кому не претитъ доносъ. Удаленіе совершается безъ суда и слѣдствія, и проходятъ годы, прежде чѣмъ запретъ снимается и педагогъ можетъ вернуться къ своему дѣлу — уже отвыкнувъ отъ него, выбитый изъ колеи, утративъ связи съ семьей товарищей. Удивительно-ли, что при такихъ условіяхъ все независимое и сильное чуждается педагогической дѣятельности, и школа остается безъ идейныхъ работниковъ; условія ея жизни содѣйствуютъ особенно печальному подбору лицъ. Удивительно-ли, что казенная школа разрушается, что общество относится къ ней съ упорной враждой?

Но подъ сѣнью школы совершается духовный ростъ молодыхъ поколѣній. Не признавъ личныя и общественныя права учителя, политическая система тѣмъ болѣе, конечно, отказывала въ этомъ признаніи ученику. Глухой, все растущій протестъ изнутри и освободительное движеніе извнѣ наложили на школу новую функцію—*борьбу* со смутой, которую она должна прослѣдить и уничтожить въ корнѣ. Не довольствуясь изъятіемъ „явно вредныхъ“ единицъ и цѣлыхъ слоевъ населенія—она стремится освободиться отъ потенціальныхъ „элементовъ броженія“. Жизнь учениковъ опутывается строгими мелочными правилами и требованіями, и въ этой атмосферѣ исключительно карательнаго воздѣйствія все живое и протестующее неизбѣжно наталкивается на „исторію“. Она преувеличивается, трактуется, какъ политическое дѣло, и разростается въ крупные безпорядки, которые были столь хрони-

ческими въ Западномъ краѣ, а теперь облетѣли всю Россію и кончаются массовыми исключеніями, а иногда и самоубійствомъ юношей и дѣвушекъ. Не довольствуясь строгой регламентаціей жизни ученика въ школѣ, система простерла свой надзоръ за ея стѣны, вышла за нимъ на улицу, вторгнулась въ семью, наложивъ отталкивающія полицейскія обязанности на педагога. Когда юноша, не удовлетворяясь скудной или неудобоваримой духовной пищей, отмѣряемой ему въ школѣ, сталъ искать способовъ внѣшкольнаго просвѣщенія—система наложила на нихъ свою тяжелую руку. Она сурово преслѣдовала кружки самообразованія, стѣснила пользованіе общественными библіотеками, установила надзоръ надъ частною жизнью учениковъ, ихъ развлеченіями, ихъ родными и знакомыми. Она карала дѣтей за неблагонадежность родителей или привлекала родителей къ сыску надъ дѣтьми, нерѣдко поселяя тяжелый разладъ въ семьѣ. Разставшійся со школой юноша не находилъ ни одного добраго слова, которымъ-бы могъ помянуть ее, и, за рѣдкими свѣтлыми исключеніями, уносилъ къ ней глухое отвращеніе. Если половину спасало вліяніе литературы или семьи, или опредѣленное благородство собственной натуры, то другая половина выходила изъ школы невѣжественной, невоспитанной, съ смутной мыслью, съ глубоко и печально запутанными нравственными и политическими понятіями. За послѣдніе годы все острѣе, все очевиднѣе становятся симптомы того, что школа больна глубокимъ внутреннимъ недугомъ. Мы присутствуемъ при знаменательномъ моментѣ полнаго краха казенной средней школы и крушенія поставленныхъ ей задачъ. Ее всячески ограждали отъ жизни, но жизнь ворвалась въ школу и вывела юношей, почти мальчиковъ, на улицу подъ удары казацкихъ нагаекъ. Въ ней насаждали православіе, но выдвинувъ его въ тяжелыхъ формахъ казеннаго формализма, воспитали религіозной индиферентизмъ. Школа претендовала стать орудіемъ руссификаціи и вызвала на окраинахъ глубокую ненависть къ русскому языку и русской культурѣ; она должна была явиться ареной пропаганды самодержавія—и воспитала протестующихъ мальчиковъ. Банкротство средней школы сознано было самимъ правительствомъ. Министерствомъ Боголѣпова и Ванновскаго организованы были комиссіи, ставившія задачей реформу. Въ матеріалахъ комиссій содержится много цѣнныхъ замѣчаній по вопросамъ о строѣ и программѣ школы; къ ихъ работамъ привлечено было много серьезныхъ и живыхъ педагогическихъ силъ. Общество и педагогическій міръ отнеслись съ довѣріемъ и надеждой къ попыткѣ реформы. Многотомные труды комиссій являются памятникомъ большой умственной работы и, вмѣстѣ, краснорѣчивымъ свидѣтелемъ безплодности общественнаго порыва, заключеннаго въ

бюрократическія рамки. Школа не могла перестроиться въ неподвижной политической и общественной атмосферѣ. Министерская коммиссія не могла излечить ея недуга. Она только лишній разъ обманула надежды общества, принося ему новое, повидимому послѣднее, разочарованіе. Становилась все болѣе очевиднымъ, что отъ отживающаго строя трудно было ждать обновленія школьнаго дѣла.

Ростъ общественнаго сознанія за послѣдніе годы совершался съ большею интенсивностью; въ минувшіе мѣсяцы большая часть основныхъ вопросовъ государственной жизни была поставлена съ небывалой твердостью и опредѣленностью. Самая исторія нашего просвѣщенія за послѣднее время съ очевидностью показала, что оно не можетъ развиваться безъ свободы личной совѣсти, мысли и слова, внѣ условій широкой общественной самодѣятельности, внѣ планомѣрнаго воздѣйствія на школу общественныхъ силъ. Условія-же эти можетъ осуществить и прочно обезпечить только народное представительное правленіе, организованное на самыхъ широкихъ демократическихъ основахъ. Если кризисъ школы активно создавался правительственной политикой, приносившей въ жертву реакціоннымъ цѣлямъ культурныя нужды страны, то въ неменьшей степени за нее отвѣтственна пассивность общества, которое, оставаясь разрозненнымъ, долго не возвышало рѣшительнаго голоса въ защиту дорогихъ ему началъ. Эта разрозненность, это молчаніе—форма нашего соучастія въ преступленіяхъ бюрократіи противъ школы. Теперь этотъ періодъ пережитъ. Чувство солидарности охватило различные слои русскаго общества. Эту солидарность, общность интересовъ живо чувствуемъ и мы, которымъ приходилось до сихъ поръ въ одиночествѣ нести тяжелый трудъ въ душной обстановкѣ средней школы. Призывъ къ объединенію, къ союзу, уже сплотившій въ разныхъ мѣстахъ сильныя группы, долженъ прозвучать въ нашей педагогической средѣ. Союзъ педагоговъ является важнымъ и неотложнымъ дѣломъ. Ему предстоитъ дѣятельная работа въ созданіи той общественно-педагогической школы, безъ которой невозможно культурное возрожденіе Россіи, школы, которая должна дать странѣ свободно мыслящихъ, привыкшихъ къ умственному труду энергичныхъ дѣятелей. Пусть нашъ союзъ явится союзомъ борьбы за народное просвѣщеніе. Пусть мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу преподаванія, унижающимъ личности учителя и ученика, превращающимъ школу въ орудіе реакціи—онъ противопоставитъ сильный коллективный протестъ. Пусть явится онъ залогомъ широкой гласности въ вопросахъ школьной жизни, организуетъ общественное мнѣніе, которое, на ряду съ организованной дѣятельностью педагоговъ, защититъ учениковъ отъ произвола и насилія. Союзъ наставниковъ обязанъ взять изъ ихъ слабыхъ и неопытныхъ рукъ *борьбу за интересы школьнаго*

дѣла. Но онъ имѣетъ непосредственное, ближайшее значеніе для насъ, учителей. Педагогъ настолько затерянъ, настолько одинокъ среди современной школьной системы, что на каждомъ шагу чувствуетъ безцѣльность своихъ индивидуальныхъ усилій, какъ въ отстаиваніи своихъ педагогическихъ идеаловъ, такъ и въ борьбѣ съ требованіями политической системы. Это одиночество союзъ долженъ замѣнить сознаніемъ общности интересовъ, коллективнымъ трудомъ на благо школы. Онъ дастъ возможность каждому апеллировать къ большому кругу единомышленниковъ и искать у нихъ нравственной и матеріальной помощи въ трудныхъ положеніяхъ, часто создающихся для педагога, который не поступается своими убѣжденіями. Таковы задачи союза дѣятелей средней школы. Неотложная необходимость созданія его вызывается нашими насущными интересами, какъ профессіональныхъ работниковъ и какъ гражданъ; она вызывается интересами школы и остротою того кризиса, въ какой вовлекла ее правительственная система. Мы не можемъ и не должны оставаться пассивными наблюдателями болѣзненнаго процесса, въ которомъ разлагаются старыя формы и жизнь пробиваетъ себѣ новые пути. Возврата къ отжившему нѣтъ. Мы открыто выходимъ на новую дорогу. Мы сознаемъ, при какихъ условіяхъ можетъ создаться *новая* школа. На борьбу со старымъ, къ творчеству новыхъ формъ мы должны принести наши объединенныя силы. Къ этому мы и зовемъ нашихъ товарищей—педагоговъ.

Я шелъ отъ тебя на разсвѣтѣ...
Былъ чутокъ прозрачный разсвѣтъ
И міръ, какъ счастливыя дѣти,
Былъ радостной тайной одѣтъ.
И падали звѣздочки снѣга—
Минувшей зимы мотыльки,
И сладкая, жгучая нѣга
Росла изъ минувшей тоски,
Тускнѣли пугливыя тѣни,
Предчувствіе солнца тая,
Горѣли восторгомъ видѣній
И воздухъ, и небо, и я!
И въ воздухѣ было желанье,
И въ небѣ—живыя мечты,
Въ тревожной зарѣ—ожиданье
И въ сердце—любимая, ты!

Л. М. Василевскій.

О деклараціи правъ человѣка и гражданина.

(По поводу изданія проф. Блюма съ предисловіемъ Компэрэ).

I.

Недавно вышла вторымъ изданіемъ французская книга профессора Blum'а съ предисловіемъ извѣстнаго и у насъ ученаго Компэрэ, предлагающая интересный комментарій къ знаменитой „Деклараціи правъ человѣка и гражданина“ и систематическое толкованіе отдѣльныхъ пунктовъ этого трактата. Теперь еще появилась въ прекрасномъ русскомъ переводѣ и общедоступномъ популярномъ изданіи книжка гейдельбергскаго профессора Еллинека („Декларація правъ человѣка и гражданина“, М. 1905 г.). Книги Блюма и Еллинека прекрасно другъ друга дополняютъ, ибо Еллинекъ обстоятельно останавливается на выясненіи, такъ сказать, историко-литературнаго происхожденія каждой статьи деклараціи 1789 года,—а Блюмъ переноситъ центръ своего вниманія на политико-философское истолкованіе этого акта. Нужно замѣтить, что Блюмъ, подобно едва ли не всѣмъ французскимъ изслѣдователямъ, не обнаруживаетъ склонности отказаться отъ традиціоннаго взгляда на декларацію, какъ на духовное дѣтище, главнымъ образомъ, просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Взглядъ Еллинека, какъ извѣстно, рѣзко расходится съ традиціей: нѣмецкій изслѣдователь видитъ источникъ деклараціи въ пунктахъ аналогичныхъ „Декларацій правъ“, принятыхъ отдѣльными штатами Сѣверной Америки въ эпоху борьбы за независимость. Безспорно, мнѣніе Еллинека обосновано имъ весьма серьезно и доказательно. Онъ сличаетъ пункты французской деклараціи съ пунктами биллей Виргиніи, Массачузетса, Мерилэнда, Нью-Гампшира, Пенсильваніи—и сходство обнаруживается

не только въ содержаніи, но отчасти и въ формѣ выраженія. Еллинекъ дѣлаетъ, впрочемъ, необходимую оговорку: „само собою разумѣется, что французская декларація не подражала рабски американскимъ, хотя бы потому, что политическія условія Франціи въ 1789 году были совершенно иныя, чѣмъ въ Америкѣ въ 1776 году. Воспринимая чужія учрежденія и законы, каждый народъ претворяетъ чужую мысль, примѣняя ее къ своимъ національнымъ особенностямъ“. Еллинекъ, быть можетъ, заслуживаетъ упрека лишь въ томъ, что у него совершенно остается въ тѣни существенно-важный вопросъ о непосредственномъ вліяніи французской дѣйствительности на декларацію 1789 года. Декларація 1789 года *всегда* окажется освѣщенною односторонне, если соблюсти методъ Еллинека такъ исключительно, такъ безоглядочно, какъ онъ его соблюдаетъ. Этотъ упрекъ не имѣлъ бы мѣста, если бы Еллинекъ въ своей книжкѣ подробнѣе развилъ мысль, высказанную въ вышеприведенной цитатѣ, а не ограничился бы брошенною вскользь фразою о „совершенно иныхъ“ политическихъ условіяхъ Франціи въ 1789 году сравнительно съ Америкою. Книга Блюма восполняетъ отчасти этотъ пробѣлъ въ изслѣдованіи нѣмецкаго профессора. Обратимся къ Блюму. Въ настоящей замѣткѣ мы предполагаемъ отмѣтить наиболѣе существенное, что есть въ предисловіи и комментаріяхъ Blum'a по поводу памятника, соединяющаго въ себѣ широту, увлекательную поэзію безбоязненной, далеко смотрящей впередъ политико-философской концепціи съ точностью и законченностью, простотой и ясностью законодательнаго акта. Выработанная индивидуалистическою эпохою, „Декларація“ въ существенныхъ чертахъ поддерживалась и поддерживается какъ индивидуалистами, такъ и людьми, которые являются прямыми противниками индивидуализма: это есть минимумъ общечеловѣческихъ принциповъ, которые объединяютъ разныя партіи. И дѣйствительно, мы знаемъ, что большинство тезисовъ „Деклараціи правъ“, хотя и не полностью, съ видоизмѣненіями, легли въ основаніе положительныхъ законодательствъ западной Европы.

Какъ извѣстно, впервые „объявленіе правъ человѣка и гражданина“ было торжественно провозглашено національнымъ собраніемъ во Франціи 26-го августа 1789 года и затѣмъ оно вошло, въ видѣ начальныхъ пунктовъ, въ конституцію, утвержденную Людовикомъ XVI 14-го сентября 1791 года. Компэрэ совершенно правильно замѣчаетъ, что этотъ памятникъ по всему тому, что въ немъ отрицается и осуждается, есть какъ бы страница исторіи прошлаго. „Въ каждой изъ его фразъ слышатся отзвуки несправедливостей и бѣдствій стараго режима. Когда „Декларація“ утверждаетъ право свободы совѣсти, она вызываетъ въ воображеніи скорбныя воспоминанія объ инквизиціи, о Вареоломеевской ночи, о всей нетерпимости, отъ которой страдали люди.

Когда она провозглашаетъ свободу мысли, какъ не вспомнить о преслѣдуемомъ, изгнанномъ Руссо, объ „Эмилѣ, сожженномъ рукою палача?“ „Декларація“ есть какъ бы отрицаніе всѣхъ заблужденій, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ посягательствъ, которыя слишкомъ долго были возможны благодаря незнанію, забвенію или презрѣнію человѣческихъ правъ,—она есть отповѣдь вѣчной справедливости—вѣковымъ злоупотребленіямъ. Нѣтъ ни одной изъ ея статей, которую хорошо освѣдомленный историкъ не могъ бы, такъ сказать, иллюстрировать, напомнивъ цѣлыя вереницы насилій надъ правомъ, вымогательствъ, мученій, всевозможныхъ угнетеній“.

Во введеніи къ „Декларацiи“ члены національнаго собранія заявляютъ о своемъ рѣшеніи изложить въ этомъ документѣ „естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка“, чтобы „Декларація“ постоянно напоминала имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; чтобы причина ихъ рѣшенія была вполнѣ ясна, представители французскаго народа заявляютъ, что „незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ несчастій и порчи правительствъ“. Какъ вполнѣ правильно заявляетъ комментаторъ, такое провозглашеніе въ торжественной формѣ общихъ руководящихъ принциповъ, являлось въ это время далеко не лишнимъ: король и его окружавшіе не имѣли въ сущности почти ничего общаго съ политическимъ идеаломъ всего мыслящаго общества, съ жгучими стремленіями нищаго и голоднаго народа. Представители націи еще до взятія Бастиліи возымѣли намѣреніе ясно подчеркнуть, что въ своихъ дѣйствіяхъ они будутъ исходить совсѣмъ изъ другихъ принциповъ, нежели король, даже въ самыя благожелательныя свои минуты, или его совѣтники, даже наиболѣе либерально настроенные. Уже 11-го іюля 1789 года Лафайетъ внесъ проектъ „Декларацiи естественныхъ правъ человѣка“. Идея была живо поддержана,—при этомъ указывалось на то, что и не задолго до 1789 года возникшая американская республика включила въ свою конституцію подобное же провозглашеніе общихъ началъ. Но на что могли опереться французскіе законодатели? Конечно, не на историческія права французскаго народа, ибо ихъ не было, и рѣшительно всякое злоупотребленіе могло держаться либо на основаніи своей древности, либо потому, что королю было такъ угодно. Естественное право, какъ его понималъ и толковалъ Руссо, прирожденное, вытекающее изъ природы человѣка право на свободу,—таковъ былъ главный принципъ, послужившій фундаментомъ для „Декларацiи“. Придворная партія не хотѣла принять эти новые убійственные для нея принципы, и Людовикъ XVI, признавая, что „Декларація“ содержитъ весьма хорошія правила, тѣмъ не менѣе укло-

[1]) Изд. Alcan („La declaration des droits de l'homme & du citoyen“).

нился отъ ея принятія на томъ основаніи, что въ ней есть принципы, подверженные „различнымъ истолкованіямъ“. На это устами Баррера собраніе отвѣтило слѣдующее: „Нужно отличать „Декларацію правъ“ отъ статей конституціи, „Декларація“ не нуждается со стороны короля въ принятіи; права людей предшествуютъ правамъ правящихъ... „Декларація правъ“ должна быть только опубликована королемъ“. Было рѣшено отправить къ королю депутацію. Какъ разъ въ это время произошелъ походъ парижской толпы въ Версаль, и депутаціи ея миссія удалась вполнѣ: король принялъ выработанные конституціонные пункты и приказалъ обнародовать независимо отъ этого „Декларацію правъ“.

„Декларація“ по мысли и желанію законодателей должна была сдѣлаться „національнымъ катехизисомъ“, и дѣйствительно, несмотря на всѣ превратности, пережитыя Франціей, Декларація оставалась и остается краеугольнымъ камнемъ всякаго политическаго воспитанія въ этой странѣ. Даже режимы и партіи, ничего общаго съ ея принципами не имѣющіе, старались всегда какъ-нибудь приспособиться къ наиболѣе популярнымъ ея тезисамъ. Внѣ Франціи „Декларація правъ“ совершала и совершаетъ свое побѣдное шествіе, и въ самыхъ отсталыхъ странахъ ея принципамъ противопоставляеся уже не та или иная система противоположныхъ взглядовъ, а чаще всего противодѣйствіе силою, безъ аргументаціи.

II.

„Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ имѣть основаніемъ только лишь общую пользу“, такъ гласитъ первая статья „Деклараціи“. Слово „остаются“ имѣетъ здѣсь особое значеніе. Законодатели признаніемъ, что люди не только рождены, но и всю жизнь должны оставаться свободными, вносили весьма серьезное ограниченіе въ теорію общественнаго договора: свобода въ ихъ глазахъ являлась (какъ и равенство) благомъ неотчуждаемымъ въ пользу государства ни при какихъ обстоятельствахъ.

Если правильно то общее положеніе, что „Декларація“ есть властное и рѣзкое отрицаніе стараго порядка во Франціи, то, конечно, наиболѣе типичною ея статьею является вторая: „Цѣлью всякой политической ассоціаціи является охраненіе естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“. Старый порядокъ былъ именно и построенъ весь на совершеннѣйшемъ непризнаніи за населеніемъ какихъ бы то ни было правъ. Напротивъ, объ обязанностяхъ вѣрноподданныхъ касательно правительства проповѣдывалось въ церквахъ и монастыряхъ, о томъ же

предметѣ толковали съ раздраженіемъ интенданты и ихъ подручные въ отвѣтъ на жалобы обремененныхъ плательщиковъ податей, на обязанностяхъ населенія была построена вся идеологія французскаго дореволюціоннаго строя. Въ Версали и Парижѣ—крошечная кучка хищниковъ, ихъ слугъ, любовницъ, и любовниковъ этихъ любовницъ, а вокругъ—двадцать милліоновъ людей, все существованіе которыхъ громогласно и торжественно признается одною сплошною и многообразною обязанностью по отношенію къ этой кучкѣ: таково было построеніе Боссюэ и его подражателей и послѣдователей. Подобный взглядъ страшно возмущалъ публицистовъ просвѣтительной эпохи,—именно потому, что во Франціи безмятежная ясность этого принципа даже рѣдко и затемнялась фразами о монархѣ „первомъ слугѣ государства". Объявляя *цѣлью* всякаго общества охрану человѣческихъ *правъ*, „Декларація" пересчитываетъ эти права. Первое—свобода, о которой не могло быть и рѣчи при старомъ режимѣ. Второе—собственность,—и это утвержденіе направлено непосредственно *не* въ сторону неимущихъ, *не* противъ низшихъ слоевъ народа,—а противъ тѣхъ ловкихъ теоретиковъ, которые еще при Людовикѣ XIV и съ полнаго его одобренія заявляли, что король—верховный *собственникъ* всего имущества подданныхъ, и что подданные располагаютъ своимъ имуществомъ только по соизволенію и милости монарха: произвольныя подати, вѣчно изобрѣтаемые новые налоги, грабежи и вымогательства фиска и его крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, сажаніе въ Бастилію назойливыхъ кредиторовъ, неосторожно требовавшихъ уплаты по векселю съ лицъ, которыя могли достать lettre de cachet,—все это и въ XVIII вѣкѣ продолжало служить живою иллюстраціей къ воззрѣнію на частную собственность, какъ на временную королевскую милость. О собственности казенной—и говорить не приходится; ее не обворовывалъ обыкновенно только тотъ изъ близко къ ней стоявшихъ, кому лѣнь было протянуть руку. Третье изъ пересчитанныхъ правъ, являющихся цѣлью всякой государственной организаціи, есть право гражданина на безопасность. Обезпеченность личности совершенно не существовала во Франціи до 1789 года, и главнымъ врагомъ ея были не частные люди, преступно лишающіе своихъ ближнихъ свободы, но само правительство и его клевреты. Иногда лицамъ, безъ допроса, безъ объясненія посаженнымъ въ тюрьму, приходилось послѣ долгаго заключенія выходить оттуда, совершенно недоумѣвая о причинахъ ареста; впрочемъ, когда о причинахъ и можно было знать или догадываться,—все равно никакихъ законныхъ средствъ борьбы и самозащиты не существовало. По воззрѣніямъ Гоббеса—и достиженіе безопасности мыслимо для людей только, если они откажутся отъ весьма существенныхъ благъ въ пользу Левіаѳана—государства; по мысли законодателей національнаго собранія безопасность гражданъ во-

все не требуетъ съ ихъ стороны отказа отъ другого великаго блага—свободы,—причемъ и самое-то государство призвано въ равной мѣрѣ защищать и безопасность, и свободу составляющихъ его членовъ. Четвертое, гарантируемое „Деклараціей" право, есть право сопротивляться угнетенію.

. . . .

III.

Третья статья „Деклараціи" гласитъ: „Принципъ всякаго суверенитета пребываетъ, по существу, въ націи; никакое собраніе, никакое лицо не можетъ пользоваться властью, которая не исходила бы именно отъ націи".

И здѣсь тоже мы видимъ рѣшительный разрывъ съ прошлымъ, съ главнымъ камнемъ того „исконнаго" фундамента, который Франція съ такой рѣшимостью разрушила и разметала. Людовикъ XIV, конечно, нисколько не сомнѣвался, что управляетъ страной по непосредственному полномочію неба; но уже во время споровъ по поводу его завѣщанія регентъ, герцогъ Орлеанскій, такъ же, какъ и его противники, „усыновленные" принцы, исходили въ своей аргументаціи не изъ теоріи божественнаго происхожденія королевской власти, а изъ мнимыхъ цѣлей, какими руководился французскій народъ, „вступая въ договоръ" съ династіей. Конечно, это ничуть не помѣшало, какъ только воцарилась тишина и спокойствіе, снова вернуться къ старымъ доктринамъ и снова провозглашать ересью всякую попытку ихъ критики. Національное собраніе, объявляя коллективную волю націи единственной и суверенной властью, дѣлаетъ народный суверенитетъ неотчуждаемымъ ни въ чью пользу благомъ, а всякія попытки, направленныя къ передачѣ этого суверенитета въ однѣ руки, по самому смыслу разбираемаго акта являются преступными узурпаціями и посягательствами. Комментаторъ видитъ одно изъ многочисленныхъ преимуществъ новой доктрины предъ взглядами Людовика XIV въ томъ обстоятельствѣ, что суверенная воля націи непремѣнно должна опираться (и не можетъ не опираться) на общепонятные резоны и общепринятыя побужденія и основанія, почему и ея дѣйствія всегда являются такъ или иначе мотивированными, а при старомъ режимѣ никакихъ мотивировокъ не требовалось...

Слѣдующіе пункты „Деклараціи" развиваютъ общія положенія первыхъ трехъ. Въ пунктѣ 4-мъ читаемъ: „Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другому; итакъ, пользованіе естественными правами каждаго человѣка встрѣчаетъ только тѣ границы, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами; эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ". Дальше у законода-

телей собранія звучитъ нота, которая сразу напоминаетъ, что они *еще не привыкли*, еще *не могутъ* считать всегда законъ выраженіемъ суверенной воли націи; что они считаютъ небезполезнымъ, при существовавшихъ еще тогда порядкахъ, подчеркнуть, какъ можно яснѣе свое требованіе ко всѣмъ гражданамъ: ревниво оберегать свои „естественныя права" отъ какихъ бы то ни было покушеній произвола, прикрывающихся законными формами. Вотъ что говоритъ пунктъ 5-ый: „Законъ имѣетъ право воспрещать только дѣйствія, вредныя для общества. Всему тому, что не воспрещено закономъ, не можетъ быть поставлено препятствій, и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не приказываетъ". Чѣмъ же долженъ быть законъ? На это отвѣчаетъ пунктъ 6-ой: „Законъ есть выраженіе общей воли; всѣ граждане имѣютъ право содѣйствовать его составленію лично или черезъ своихъ представителей; законъ долженъ быть однимъ и тѣмъ же для всѣхъ, защищаетъ ли онъ или наказываетъ. Всѣ граждане, будучи въ его глазахъ равными, равно допустимы ко всѣмъ государственнымъ санамъ, мѣстамъ и должностямъ, сообразно съ ихъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ обусловливаемыхъ ихъ добродѣтелями и талантами".

Коренная мысль Жанъ-Жака Руссо находитъ себѣ здѣсь отчетливое выраженіе, хотя напр., Еллинекъ совершенно правъ, когда онъ указываетъ на логическую несовмѣстимость требуемаго Жанъ-Жакомъ Руссо безграничнаго авторитета народной воли съ признаніемъ неотчуждаемости правъ личности. Но исторія переживавшагося тогда Франціей момента *внушила* такую редакцію этихъ статей, что всѣ непослѣдовательности были скрашены и сглажены. Законъ, продуктъ народной воли, по духу и смыслу деклараціи оказался необходимымъ палладіумомъ вольностей человѣка и гражданина; а о томъ, что онъ можетъ стать во враждебное отношеніе къ „неотъемлемымъ" правамъ, — въ 1789 году думалось мало. Законодатели собранія признавали совершенно немыслимымъ всенародное вотированіе всѣми милліонами населенія Франціи всѣхъ законовъ,—и однако они сочли своимъ долгомъ ввести эту фразу... „всѣ граждане имѣютъ право содѣйствовать составленію закона лично или черезъ своихъ представителей",—чтобы яснѣе иллюстрировать принципъ народнаго суверенитета: техническая неосуществимость *личнаго* участія въ законодательствѣ всѣхъ гражданъ заставитъ прибѣгнуть къ представительству, но пусть они не забываютъ, что, все равно, каждый изъ нихъ имѣетъ право такъ или иначе принять участіе, хотя бы и косвенное, посредствомъ выборовъ въ составленіи новыхъ законовъ и отмѣнѣ или измѣненіи старыхъ.

Доктрина Жанъ-Жака Руссо требовала, чтобы избранники народа были только его „коммиссарами", и ничего не рѣшали бы окончательно. „Всякій законъ, не ратификованный народомъ

лично,—недѣйствителенъ: это не законъ". Требованіе всенародной ратификаціи до весьма серьезной степени осуществлено теперь въ Швейцаріи въ видѣ референдума, но во Франціи попытки осуществленія его были безуспѣшны, и, напр., желаніе конвента больше приблизиться къ мысли Руссо, нежели это сдѣлало національное собраніе, осталось, въ сущности, нереализованнымъ въ жизни. „Плебисциты" временъ обѣихъ имперій,—конечно есть лишь пародія на референдумъ. Будущее покажетъ, дѣйствительно ли введеніе референдума въ большой державѣ трудно осуществимо, но и въ день, когда это осуществится, никто не вправѣ будетъ сказать, что „Декларація" оставлена позади: текстъ вышеприведеннаго пункта это доказываетъ.

Законъ, какъ выраженіе воли націи, какъ палладіумъ всѣхъ правъ человѣка и гражданина, святъ, и его нарушеніе должно нелицепріятно караться. Но за его нарушенія караетъ государство, пуская въ ходъ самыя грозныя свои средства. Какъ же обезпечить личность гражданина отъ возможныхъ злоупотребленій и насилій со стороны представителей власти? Какъ совмѣстить охраненіе закона съ обезпеченностью интересовъ заподозрѣннаго въ его нарушеніи? Статьи 7, 8 и 9-я желаютъ намѣтить общіе принципы, какими надлежитъ въ этомъ смыслѣ руководствоваться. Седьмая статья гласитъ: „Никакой человѣкъ не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или задержанъ иначе какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и сообразно формамъ, которыя закономъ предписаны. Тѣ, которые ходатайствуютъ о произвольныхъ приказахъ, тѣ которые отдаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять (произвольные приказы) должны быть наказаны: но каждый гражданинъ, призванный или арестованный въ силу закона, долженъ тотчасъ повиноваться; оказывая сопротивленіе, онъ совершаетъ вину". Руководящій принципъ для уголовнаго законодательства данъ въ 8-й статьѣ: „Законъ долженъ установлять лишь наказанія, строго и явно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго до преступленія, и законнымъ образомъ примѣненнаго". Но между арестомъ и наказаніемъ проходитъ промежутокъ времени, когда подсудимый скрытъ отъ друзей, родныхъ, отъ глазъ общества, и находится въ рукахъ властей. Декларація въ 9-й статьѣ указываетъ на смыслъ предварительнаго заключенія, а въ 1789 году это вовсе не звучало такимъ трюизмомъ, какъ теперь; хотя и теперь это можетъ кое-гдѣ, по крайней мѣрѣ, назваться трюизмомъ больше на криминалистическихъ конгрессахъ, нежели въ тюремной практикѣ: „Такъ какъ всякій человѣкъ предполагается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не объявленъ виновнымъ, то если признано необходимымъ его арестовать, всякая суровость, которая не была бы необхо-

дима для обезпеченія (присутствія) его личности, должна быть строго воспрещена закономъ".

Вліяніе англійской и сѣверо-американскихъ конституцій явственно сказалось въ духѣ и смыслѣ этихъ трехъ статей. Въ Англіи, гдѣ съ давнихъ поръ власть привыкла считаться съ привычками населенія къ законности, борцы за свободу всегда боролись противъ малѣйшей возможности произвола въ дѣлѣ арестовъ и старались обставить эти функціи государственной власти самыми точными и опредѣленными формами, ибо законныя формы въ Англіи даже въ худшія времена Карла I много значили. Во Франціи—онѣ ровно ничего никогда не значили, особенно же въ дѣлѣ арестовъ, и декларація впервые рѣшила положить этому конецъ.

Свободы совѣсти не было при старомъ режимѣ, при которомъ совершенно естественными событіями являлись и Варѳоломеевская ночь, и мученія гугенотовъ при Людовикѣ XIV, и казнь Каласа, и тысячи аналогичныхъ, хоть и менѣе извѣстныхъ фактовъ. Статья X, въ моментъ, когда вырабатывалась декларація, могла показаться очень важной и нужной не только прежде преслѣдуемымъ религіямъ, но и послѣдователямъ господствующей церкви, ибо революціонныя страсти явно направлялись уже противъ католицизма и его служителей: „Никто не долженъ быть безпокоимъ за своя мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ". Любопытно, что эта статья вызвала при ея обсужденіи и редактированіи цѣлую бурю въ собраніи: идея свободы совѣсти туго проникала во многіе умы. Слово „даже", введенное во время дебатовъ въ текстъ статьи, вызвало оживленную критику и показалось нѣкоторымъ вполнѣ неумѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе дѣло было сдѣлано: свобода совѣсти, которой долго и напрасно требовали философы просвѣтительной эпохи, была (впервые въ такой полной мѣрѣ) провозглашена въ торжественномъ законодательномъ актѣ. Драгоцѣннѣйшія гарантіи принципу свободы какъ религіозныхъ, такъ и всякихъ иныхъ убѣжденій даются слѣдующей (11-й) статьей:

„Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ цѣнныхъ правъ человѣка. Итакъ, всякій гражданинъ можетъ говорить, писать, печатать свободно, но отвѣчая за злоупотребленіе этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ".

Свобода печати разсматривалась старымъ режимомъ (и, конечно, вполнѣ съ его точки зрѣнія логично и правильно), какъ нѣчто совершенно несовмѣстимое съ царившими порядками и общественными отношеніями. Комментаторъ очень кстати напоминаетъ безсмертную фразу Фигаро: „Лишь бы только я не говорилъ въ своихъ писаніяхъ ни о власти, ни о культѣ, ни о политикѣ, ни о морали, ни о людяхъ, занимающихъ мѣста, ни о

корпораціяхъ, пользующихся довѣріемъ, ни объ оперѣ, ни о другихъ спектакляхъ, ни о какомъ-либо лицѣ, имѣющемъ къ чему-либо отношеніе, я могу все свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ". Съ этимъ положеніемъ вещей и пожелала покончить приведенная статья „Декларацін". Никакая цензура, ни предупредительная, ни карательная немыслимы при осуществленіи принциповъ „Декларацін". Что касается до злоупотребленій печатнымъ словомъ, то борьба противъ клеветы и диффамаціи по мысли послѣднихъ словъ статьи, должна быть обставлена строго законными формами, и, какъ вполнѣ явствуетъ изъ текста другихъ статей „Декларацін", эта борьба не можетъ вестись иначе, какъ судебнымъ порядкомъ.

Образованный людьми для охраны ихъ правъ государственный союзъ не можетъ обойтись безъ силы, при помощи которой онъ только и можетъ осуществлять свои функціи. Авторы „декларацін" живо чувствовали всю сложность и деликатность этого вопроса,—вопроса о вооруженной силѣ государства. Вотъ что говорятъ они въ 12-й статьѣ:

„Гарантія правъ человѣка и гражданина обусловливаетъ необходимость государственной силы: итакъ, сила эта установлена для общей выгоды, а не для пользы тѣхъ, кому она ввѣрена". Комментаріи Блюма опустимъ, не взирая на весь ихъ интересъ; впрочемъ, каждую букву этой статьи исторія комментировала вполнѣ достаточно. Вопросъ о силѣ, естественно, приводитъ къ вопросу о матеріальныхъ средствахъ государства, на которыя эта сила содержится. Статья 13-я говоритъ: „Для содержанія государственной силы и для издержекъ на администрацію необходимо всеобщее обложеніе; оно должно быть равно распредѣлено между всѣми гражданами, сообразно съ ихъ средствами". Эти слова не только осуждаютъ вопіющую неравномѣрность обложенія, но они прямо требуютъ установленія подоходнаго налога. Правда, классовые интересы буржуазіи до сихъ поръ не позволили этой статьѣ цѣликомъ войти въ жизнь, но принципъ, провозглашенный „Декларацієй", недоступенъ съ истинно-демократической точки зрѣнія никакимъ нападеніямъ. Бюджетныя права націи, столь прямо вытекающія изъ принципа народнаго суверенитета, опредѣляются 14-й статьей: „Граждане имѣютъ право констатировать лично или посредствомъ своихъ представителей необходимость государственнаго обложенія, свободно на него соглашаться, слѣдить за его употребленіемъ, опредѣлять его раскладку, облагаемыя имъ цѣнности, правила его сбора и срокъ (на который онъ установленъ)". Не даромъ „Декларація", въ общемъ, очень скупая на слова, пустилась въ этой статьѣ въ подробности: страшная неравномѣрность податей и произволъ въ ихъ назначеніи сопрягались при старомъ режимѣ съ самыми ужасающими вымогательствами и злоупотребленіями со стороны

высшихъ, среднихъ и низшихъ агентовъ фиска. Законодатели собранія слишкомъ хорошо знали, что роль фиска въ жизни націи огромна, и чѣмъ тѣснѣе будетъ контроль надъ нимъ общества, тѣмъ больше гарантій противъ возможности грабежа и произвола. Относительно агентовъ фиска, такимъ образомъ, признается необходимымъ ближайшій надзоръ, даже предупреждающаго, такъ сказать, характера; что же касается до отвѣтственности чиновниковъ вообще, то это рѣшается текстомъ 15-й статьи: „Общество имѣетъ право требовать отчета у всякаго должностного лица своего управленія“. Эта статья, какъ и всѣ остальныя, логически вытекаетъ изъ общихъ принциповъ, провозглашенныхъ „Декларацією“: правительство—слуга націи, а не наоборотъ, слуга же безотвѣтственный предъ господиномъ есть вполнѣ очевидная безсмыслица.

Шестнадцатая статья показываетъ, что законодатели напередъ уже считались съ возможностью нежелательной игры словъ и желали предупредить ее: „Всякое общество, въ которомъ гарантія правъ не обезпечена и раздѣленіе властей не опредѣлено, не имѣетъ конституціи“. Наконецъ, 17-я и послѣдняя статья, снова затрагивая вопросъ о правѣ собственности, ограничиваетъ, насколько возможно, право государства конфисковать, или, иначе, отчудить частное имущество: „Такъ какъ собственность есть право ненарушимое и священное, то никто не можетъ его быть лишенъ, если только общественная необходимость, законнымъ образомъ установленная, явственно этого не требуетъ,—и притомъ подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія“. Послѣдняя оговорка и здѣсь, какъ вездѣ, старается установить границу, на которой принципъ общей соціальной пользы можетъ вступить въ свои права...

IV.

Таковы эти семнадцать пунктовъ, красующіеся теперь на стѣнахъ народныхъ училищъ во Франціи.

. . . .

Е. Тарле.

По текущимъ вопросамъ.

I.

Вѣроятно, послѣдовавшее на этихъ дняхъ закрытіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности будетъ встрѣчено русскимъ обществомъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Въ жизни этого Совѣщанія былъ одинъ моментъ, когда оно пользовалось вниманіемъ и симпатіями всѣхъ живыхъ силъ страны. Мы имѣемъ въ виду періодъ работъ мѣстныхъ комитетовъ, созванныхъ имъ въ 1902 г. Общественные дѣятели нашли въ нихъ арену для выраженія своего мнѣнія по насущнѣйшимъ вопросамъ русской жизни. По окончаніи работъ мѣстныхъ комитетовъ Особое Совѣщаніе пошло своимъ путемъ, а русское общество — своимъ. Временное обращеніе къ живымъ силамъ общества смѣнилось бюрократически-канцелярской канителью: кто-то гдѣ-то засѣдалъ, что-то дѣлалъ, что-то проектировалъ, что-то осуществлялъ,—но гдѣ же прокъ отъ всѣхъ этихъ потугъ? Измѣнился-ли хоть на одну іоту ходъ развитія народной жизни вслѣдствіе работъ этого Совѣщанія? Достаточно прямо поставить этотъ вопросъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ положительный на него отвѣтъ.

Безплодность работъ Особаго Совѣщанія была, такъ сказать, предрѣшена заранѣе. Составленное изъ представителей высшей бюрократіи, оно было такъ же чуждо интересамъ русской жизни и русскаго народа, какъ и сама бюрократія. Въ качествѣ корректива, были образованы мѣстные комитеты. Труды этихъ комитетовъ должны были послужить матеріаломъ для усмотрѣній Особаго Совѣщанія. Такимъ образомъ, мѣстнымъ людямъ была дана возможность высказаться, но не было дано никакихъ гарантій, что ихъ слова превратятся въ дѣло. Особое Совѣщаніе обошлось съ ними не какъ съ полноправными гражданами, а какъ съ безправными обывателями. Изъ опасенія, какъ бы чего не вышло даже при этихъ условіяхъ, въ мѣстные комитеты были приглашены какъ представители мѣстнаго населенія, такъ и представители мѣстной администраціи. Представители

мѣстнаго населенія не выбирались самимъ населеніемъ, а подбирались губернаторами и предводителями дворянства. Далѣе, по почину министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, губернаторы создали на мѣстахъ цѣлую систему давленія на ходъ работъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ,—начиная съ запрещенія поднимать, обсуждать и баллотировать тѣ или другіе вопросы общегосударственнаго характера, и кончая преслѣдованіемъ, въ административномъ порядкѣ, тѣхъ членовъ комитетовъ, которые рѣшились произнести свободное и искреннее слово. Неугодныя уѣзднымъ предводителямъ дворянства и губернаторамъ постановленія комитетовъ и представленныя въ нихъ записки и мнѣнія—въ Особое Совѣщаніе переданы не были. Такимъ образомъ, было сдѣлано все, чтобы даже безправное мнѣніе мѣстныхъ людей не дошло до Особаго Совѣщанія въ своемъ подлинномъ, нефальсифицированномъ видѣ. При подобныхъ условіяхъ, работа мѣстныхъ комитетовъ была не въ состояніи оплодотворить занятія Особаго Совѣщанія. Другой причиной ихъ безплодія была намѣченная въ первомъ засѣданіи программа работъ. Предсѣдатель Совѣщанія С. Ю. Витте началъ съ указанія „на то, что съ сельскимъ хозяйствомъ прямо или косвенно связаны всѣ почти стороны государственной жизни, но что Совѣщанію едва-ли возможно брать на себя выполненіе задачи въ столь обширномъ объемѣ. Слишкомъ широкая постановка дѣла можетъ свести его съ практическаго пути, затянуть работу на многіе годы и, затронувъ коренные вопросы нашей государственной жизни, отсрочить надолго удовлетвореніе ближайшихъ неотложныхъ нуждъ нашей сельскохозяйственной промышленности“. Теперь, когда Особое Совѣщаніе перестало существовать, едва-ли возможны какія-либо сомнѣнія относительно практичности избраннаго имъ „практичнаго“ пути. Путь этотъ оказался чистѣйшей бюрократической утопіей. Вмѣсто оздоровленія всего народнаго организма, Особое Совѣщаніе рѣшило заняться палліативами, — „леченіемъ отдѣльныхъ болячекъ, происходящихъ отъ худосочія всего организма“. По общимъ вопросамъ, выдвинутымъ мѣстными комитетами,—народному образованію, гражданскому полноправію крестьянъ, мѣстному самоуправленію, финансовой политикѣ, борьбѣ съ крестьянскимъ малоземельемъ, рабочему вопросу, утвержденію правъ человѣка и гражданина, созыву народныхъ представителей,—Особое Совѣщаніе не сдѣлало ничего или почти ничего.

Несмотря на это отсутствіе непосредственныхъ результатовъ занятій Особаго Совѣщанія, его не минетъ историкъ переживаемой нами критической эпохи. Созванные Совѣщаніемъ мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, несмотря на всѣ недостатки ихъ организаціи, сыграли колоссальную роль въ развитіи общественной мысли и общественнаго движенія. Живыя силы русскаго общества, принявшія въ нихъ участіе, преодолѣвъ поставленныя имъ преграды и препоны, выразили въ трудахъ и постановленіяхъ мѣстныхъ комитетовъ назрѣвшія нужды

страны. Недоговоренное въ комитетахъ было договорено на земскомъ съѣздѣ 6—9 ноября и на банкетахъ 20 ноября.

Но—le roi est mort, vive le roi! Въ день смерти Особаго Совѣщанія С. Ю. Витте народилось Особое Совѣщаніе И. Л. Горемыкина—„по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія". Опять, значитъ, начнется безплодная бюрократическая канитель... Между тѣмъ, аграрный вопросъ требуетъ принятія немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. По даннымъ Коммисіи объ оскудѣнія центра, на одну душу мужскаго пола, считая только сельское населеніе, приходилось въ 50 губ. Европейской Россіи десятинъ:

	Надѣльн. земля.	Купчая земля.	Всего.
въ 1860 г.	4,83	—	4,83
1880 г.	3,55	0,27	3,82
1900 г.	2,59	0,46	3,05

Такимъ образомъ, за 40 лѣтъ размѣръ крестьянскаго землевладѣнія на 1 душу понизился на 37%. Эта убыль земли не была возмѣщена улучшеніемъ техники крестьянскаго хозяйства,—сельскохозяйственныя усовершенствованія и мелюраціи стоятъ денегъ, а при современной финансовой и и экономической политикѣ ихъ нѣтъ у средняго крестьянина. Поэтому, экономическое положеніе русской деревни съ 1861 г. не только не улучшилось, но даже ухудшилось; вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась воспріимчивость къ матеріальнымъ лишеніямъ, такъ какъ параллельно съ обнищаніемъ народа шелъ ростъ личности крестьянина, ростъ его запросовъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. Требованіе новаго надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землею стало государственною необходимостью, непремѣннымъ условіемъ сохраненія гражданскаго мира въ странѣ.

Какія же мѣры намѣрено предпринять Совѣщаніе И. Л. Горемыкина? Для борьбы съ малоземельемъ предположено облегченіе переселенія на новыя земли и расширеніе дѣятельности Крестьянскаго Банка. Въ лучшемъ случаѣ, эти мѣры могутъ удовлетворить землею ежегодный приростъ населенія. Слѣдовательно, онѣ не только не увеличатъ земельное владѣніе крестьянъ, но даже, вѣроятно, будутъ не въ силахъ удержать его на высотѣ нынѣшней нормы. Далѣе, проектируется межевая реформа, для укрѣпленія идеи неприкосновенности частной собственности. Мы сомнѣваемся, чтобы и эта мѣра,—сама по себѣ весьма почтенная,—могла улучшить существующія отношенія въ деревнѣ. Безполезно принимать мѣры для утвержденія права собственности въ эпохи экономическихъ кризисовъ. Поэтому, нужна прежде всего прочная и рѣшительная борьба съ крестьянскимъ малоземельемъ, всѣ же прочія мѣры могутъ только дополнить эти главныя мѣропріятія, но не замѣнить ихъ. Наконецъ, проектируется измѣ-

ненiе способовъ пользованія надѣльными землями, т. е. поставленъ на очередь вопросъ о насильственномъ уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

Въ извѣстныхъ сферахъ, отрицательно относящихся къ серьезнымъ экономическимъ и политическимъ реформамъ, весьма распространена тенденція сдѣлать общину отвѣтственною за всѣ бѣды русскаго народа. По мнѣнію этихъ сферъ, достаточно уничтожить общину, чтобы крестьянское хозяйство само-собою и притомъ немедленно начало процвѣтать, чтобы мужикъ перестаъ голодать и разбогатѣлъ и т. д., и т. д. Несообразность подобнаго взгляда на общину настолько самоочевидна, что мы не будемъ тратить силъ на его опроверженіе. Сельскохозяйственная техника стоитъ у насъ на одинаково низкомъ уровнѣ какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи; гдѣ прочія условія,—прежде всего экономическія,—позволяютъ ввести нѣкоторыя улучшенія въ сельское хозяйство, тамъ община быстро приспособляется къ новымъ экономическимъ отношеніямъ и признаетъ за каждымъ общинникомъ право на произведенныя имъ индивидуальныя улучшенія. Поэтому, нельзя говорить, что община является непреодолимой помѣхой всякимъ улучшеніямъ крестьянскаго хозяйства; причина крестьянскаго разоренія лежитъ не въ общинѣ, а въ общемъ направленіи правительственной политики, главнымъ образомъ, финансовой и земельной политики. Уничтоженіе общины, поэтому, въ экономическомъ отношеніи было бы мѣрою совершенно безполезною; введеніе подворнаго владѣнія не можетъ создать крестьянскаго благосостоянія. Но, съ другой стороны, подобная насильственная ломка была бы мѣрою прямо таки пагубною въ правовомъ отношеніи. Теперь на очереди стоитъ вопросъ о гражданскомъ полноправіи крестьянъ; насильственная же ломка общины опять возвращаетъ ихъ въ состояніе пассивныхъ объектовъ бюрократическихъ мѣропріятій. Предоставленіе крестьянамъ полноты гражданскихъ правъ заключаетъ въ себѣ предоставленіе имъ права свободнаго перехода отъ одной формы землепользованія къ другой. Вмѣшательство законодателя въ эту интимную сторону жизни крестьянъ можетъ выразиться лишь въ охранѣ интересовъ отдѣльныхъ членовъ общества,—бѣднѣйшихъ членовъ,—часто нарушаемыхъ при перемѣнѣ формы пользованія землею.

Уже этотъ краткій обзоръ задачъ, поставленныхъ совѣщанію Горемыкина, показываетъ намъ, насколько далека эта коммисія отъ разрѣшенія разразившагося надъ страною остраго аграрнаго кризиса.

II.

Эта неспособность бюрократическаго режима къ творческой работѣ обнаруживается также и на судьбахъ рабочаго вопроса, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ вопросѣ аграрномъ. Причина этого различія лежитъ въ томъ, что рабочій вопросъ менѣе сложенъ и болѣе назрѣлъ. Рабочіе уже формулировали свои требованія, тогда какъ крестьяне только еще формулируютъ свои; рабочіе представляютъ крупную организованную

силу, оказывающую значительное давленіе на законодателя, тогда какъ крестьяне дезорганизованы и не объединены. Поэтому, въ рабочемъ вопросѣ легче намѣтить частичныя реформы и легче ихъ осуществить.

Еще не такъ давно насъ увѣряли, что въ Россіи нѣтъ рабочаго вопроса и никогда не будетъ; что вредный червь пролетаріата, это чудовище, въ борьбѣ съ которымъ истощаются всѣ силы западной цивилизаціи, никогда не заведется на святой Руси. Предполагалось, что надѣленіе крестьянъ землею въ 1861 г. сдѣлаетъ невозможнымъ развитіе неимущаго пролетаріата. Мы знаемъ, что эти надежды не оправдались. 40-лѣтнее пренебреженіе интересами народа привело къ раззоренью русской деревни, къ развитію въ ней такой нищеты, при которой заработки фабричнаго рабочаго, получающаго въ среднемъ 202 р. 40 к. въ годъ, рисуется чуть ли не недостижимымъ счастьемъ. Политическій строй Россіи также давалъ поводъ къ нѣкоторымъ безпочвеннымъ мечтаніямъ. Предполагалось, что правительство, при самодержавно-бюрократическомъ строѣ стоящее надъ народомъ, можетъ играть роль безпристрастнаго судьи въ столкновеніяхъ между различными классами населенія; тогда какъ въ конституціонныхъ странахъ запада правительство, выходя изъ народа, связано съ интересами правящихъ классовъ и, защищая эти интересы, принуждено дѣйствовать въ ущербъ интересамъ пролетаріата. Предполагалось, что эта политическая особенность позволитъ русскому правительству, не въ примѣръ конституціоннымъ правительствамъ „гнилого“ запада, защищать „справедливые“ интересы рабочихъ и предупредить, такимъ образомъ, обостреніе рабочаго вопроса. Исторія разбила и эту иллюзію.

Что же предполагаетъ дать рабочимъ комиссія В. Н. Коковцева? Проэктируемыя ею мѣры распадаются на двѣ группы. Матеріальныя нужды рабочихъ должны удовлетворить организація врачебной помощи, государственное страхованіе и сокращеніе рабочаго дня. Для удовлетворенія правовыхъ запросовъ рабочихъ проэктируется отмѣна запрещенія стачекъ.

Проэктируемая организація врачебной помощи исходитъ изъ положенія, что „если потеря трудоспособности или вредъ здоровью произошли во время занятія, изъ котораго предприниматель извлекаетъ доходъ, то онъ же долженъ нести и всѣ послѣдствія своего промысла. Всѣ расходы, вызываемые промысломъ, а въ томъ числѣ и расходы по обезпеченію жизни и здоровья занятыхъ въ немъ рабочихъ, должны лежать на предпріятіи и, разлагаясь на цѣну товаровъ, могутъ, и въ извѣстной мѣрѣ даже должны, перелагаться на потребителей. Освобожденіе же предпринимателей отъ такихъ расходовъ производства было бы равносильно переложенію ихъ на государственный и общественный счетъ, что не могло бы быть оправдано“. До сихъ поръ этого рода расходы ложились на рабочаго, сельское общество, къ которому онъ принадлежитъ, и государство. По ст. 105 уст. пром. договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдующимъ фабрикой

или заводомъ вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни или его неявки на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительной причинѣ, въ томъ числѣ и по болѣзни. Пользуясь этой статьею, заразныхъ больныхъ фабриканты и заводчики не лечили вовсе, другихъ больныхъ лечили обыкновенно въ теченіи 2-хъ недѣль. Новый законопроэктъ возлагаетъ подачу врачебной помощи на владѣльцевъ предпріятій втеченіи 3-хъ мѣс. болѣзни; при больничномъ леченіи больные поступаютъ на полное содержаніе предпринимателей. „Въ исключительныхъ особоуважительныхъ случаяхъ" срокъ леченія, по рѣшенію пользующаго врача, можетъ быть продолженъ до 6 мѣс. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ Невской фабр. больницѣ на Шлиссельбургскомъ трактѣ въ Петербургѣ, болѣе 3 мѣс. лежитъ въ больницѣ нѣсколько менѣе 1% всѣхъ больныхъ. Очевидно, всѣ эти больные, лечащіеся болѣе 3-хъ мѣс., не могутъ подойти подъ формулу „исключительныхъ особо уважительныхъ случаевъ". Въ этомъ—единственный недостатокъ законопроэкта.

Изъ провозглашеннаго въ этомъ законопроэктѣ принципа возложенія профессіональнаго риска полностью на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій слѣдуетъ, что выдача денежныхъ пособій заболѣвшимъ рабочимъ также входитъ въ обязанности предпринимателя-капиталиста. Между тѣмъ, въ проэктѣ государственнаго страхованія рабочихъ обязанность эта возлагается на вспомогательныя кассы, участіе въ которыхъ обязательно для рабочихъ. Средства этихъ кассъ составляются изъ взносовъ рабочихъ—въ размѣрѣ 1—3% ихъ заработка, и взносовъ предпринимателей, которые не могутъ быть менѣе суммы взносовъ рабочихъ. Взносы рабочихъ удерживаются предпринимателемъ при выдачѣ заработной платы и вносятся имъ непосредственно въ кассу. Кассы выдаютъ пособія: 1) во время болѣзни—въ размѣрѣ $^1/_2$—$^2/_3$ заработка; 2) работницамъ по случаю родовъ—въ размѣрѣ 4—6 недѣльнаго заработка; работницы-роженицы не принимаются на работы до истеченія 6 недѣль со дня родовъ и имѣютъ право не приходить на работу втеченіи 7 дней до родовъ; 3) на погребеніе умершихъ участниковъ—въ размѣрѣ 20—50 кратнаго дневного заработка. Размѣры пособій и продолжительность ихъ выдачи устанавливаются общимъ собраніемъ кассы. Правленіе ея состоитъ изъ четнаго числа членовъ; не болѣе половины ихъ назначаются владѣльцемъ, остальные избираются общимъ собраніемъ кассы. Въ этомъ собраніи предсѣдательствуетъ завѣдывающій предпріятіемъ, онъ же вырабатываетъ уставъ кассы „при участіи" нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ.—Коренной недостатокъ этого законопроекта состоитъ въ томъ, что онъ возлагаетъ на предпринимателей только часть профессіональнаго риска, притомъ меньшую, большую же часть его оставляетъ на плечахъ рабочихъ. Напр., больные будутъ получать оплату утраченной трудоспособности не полностью, а въ размѣрѣ лишь $^1/_2$—$^2/_3$ ея, и только половина этого пособія будетъ идти изъ кар-

мана предпринимателя; такимъ образомъ, рабочій будетъ нести отъ $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ расходовъ по этой формѣ потери трудоспособности. Другимъ недостаткомъ законопроекта является обязательность участія въ этихъ кассахъ, которыя, благодаря участію предпринимателя или завѣдующаго, никоимъ образомъ не могутъ явиться зародышами профессіональной организаціи рабочихъ. Во всѣхъ странахъ взаимопомощь на случай болѣзни была колыбелью профессіональныхъ союзовъ; разбираемый нами проектъ лишаетъ русское профессіональное движеніе этой колыбели. Недостатокъ этотъ былъ бы въ значительной мѣрѣ устраненъ, если бы участіе въ обществѣ взаимной помощи освобождало рабочихъ отъ обязанности участвовать въ фабричной вспомогательной кассѣ.

Слѣдующимъ недостаткомъ законопроэкта является ст. 20, отмѣняющая часть обязательствъ, возложенныхъ на предпринимателей закономъ 2 іюня 1903 г., и переносящая ихъ на вспомогательныя кассы. Статья эта возлагаетъ, прежде всего, на кассы уплату пособія пострадавшимъ отъ несчастнаго случая рабочимъ втеченіе первыхъ 6 недѣль. Для насъ совершенно непонятно, почему рабочіе должны оплачивать часть обязательствъ предпринимателей. Далѣе, на кассы возлагается возмѣщеніе рабочимъ расходовъ по леченію втеченіе тѣхъ же первыхъ 6 недѣль. Этотъ пунктъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ законопроэкту объ организаціи врачебной помощи рабочимъ, который всю тяжесть этой помощи возлагаетъ на предпринимателей. Наконецъ, та же статья возлагаетъ на кассы уплату пособія на погребеніе умершихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ. Трудно понять, зачѣмъ понадобился этотъ подарокъ гг. предпринимателямъ за счетъ рабочихъ и это уничтоженіе уже пріобрѣтеннаго рабочими права.

Подъ именемъ государственнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ въ проектѣ фигурируетъ образованіе страховыхъ товариществъ изъ владѣльцевъ предпріятій, на которыя возлагается осуществленіе отвѣтственности предпринимателей по закону 2 іюня 1903 г. На эти товарищества возлагается распредѣленіе отдѣльныхъ производствъ и предпріятій на разряды по степени представляемой ими опасности возникновенія въ нихъ несчастныхъ случаевъ, причемъ должна быть принята во вниманіе степень совершенства веденія производства въ разныхъ предпріятіяхъ. Товарищества имѣютъ право издавать обязательныя постановленія о мѣрахъ предосторожности при производствѣ работъ. Мы видимъ отсюда, что проектъ этотъ, не расширяя правъ рабочихъ, предоставленныхъ имъ закономъ 2 іюня 1903 г., создаетъ лишь предпринимательскую организацію для проведенія въ жизнь закона 1903 г. Для рабочихъ вопросъ объ организаціи предпринимателей по меньшей мѣрѣ безразличенъ, тѣмъ болѣе, что аккуратное поступленіе пособій и пенсій могло бы быть обезпечено посредническою дѣятельностью сберегательныхъ кассъ, открытыхъ при почтовыхъ

отдѣленіяхъ, которыя могли бы выдавать рабочимъ пособія не дожидаясь поступленія взносовъ отъ предпринимателей *). Шагомъ впередъ является образованіе особыхъ по страховымъ дѣламъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ члена окружного суда, изъ представителей предпринимателей и рабочихъ въ равномъ числѣ. Эти страховые суды опредѣляютъ нормы вознагражденія потерпѣвшихъ, каковая обязанность закономъ 1904 г. возлагалась на фабричныхъ инспекторовъ. Такъ какъ штатъ фабричной инспекціи не былъ соотвѣтственно увеличенъ, то исполненіе этой обязанности оказалось для фабричной инспекціи физически невозможнымъ.

Далѣе, проэктъ обѣщаетъ установленіе отвѣтственности предпринимателей за профессіональныя заболѣванія рабочихъ. Изданіе списковъ профессіональныхъ болѣзней и производствъ, ихъ порождающихъ, съ указаніемъ причинъ и условій, при которыхъ заболѣванія рабочихъ этими болѣзнями могутъ быть признаны профессіональными, поручается Главному управленію по страхованію рабочихъ. При полной утратѣ трудоспособности пенсія равняется $^2/_3$ заработка, при частичной—составляетъ соотвѣтствующую часть полной пенсіи. Совершенно произвольно лишаются пенсіи лица, утратившія вслѣдствіе профессіональной болѣзни менѣе половины своей трудоспособности. Наконецъ, изъ числа причинъ, освобождающихъ предпринимателя отъ отвѣтственности за несчастный случай, устраняется „грубая неосторожность“ рабочаго, вызвавшая столько справедливыхъ нареканій на законъ 2 іюня 1903 г.

Для рабочихъ, подлежащихъ дѣйствію закона 2 іюня 1903 г. проектъ дѣлаетъ обязательнымъ участіе въ государственной кассѣ обезпеченія рабочихъ на случай старости и нетрудоспособности и на случай смерти. Средства кассы составляются изъ взносовъ рабочихъ въ размѣрѣ 3% заработка, равновеликихъ взносовъ предпринимателей и вступныхъ взносовъ (50 к. рабочій и столько же предприниматель). Государство не оказываетъ денежнаго пособія кассѣ обезпеченія. Каждый участникъ имѣетъ въ кассѣ личный счетъ, на который записываются всѣ взносы и проценты на нихъ. Пособія или пенсіи получаютъ достигшіе 50 лѣтъ или потерявшіе $^2/_3$ трудоспособности. Минимальная пенсія назначается въ 2 р. въ мѣсяцъ; если на личномъ счету рабочаго нѣтъ достаточныхъ суммъ для подобной пенсіи, то въ извѣстныхъ случаяхъ она пополняется изъ запасного фонда; въ другихъ—выдается на руки, вмѣсто пенсіи, весь капиталъ личнаго счета. Въ случаѣ смерти рабочаго, еще не воспользовавшагося выдачами изъ кассы, право на полученіе пенсіи переходитъ къ его родственникамъ, жившимъ на его иждивеніи.

Слѣдующій законопроектъ комиссіи В. Н. Коковцева касается продолжительности рабочаго времени. Для рабочихъ, занятыхъ въ дневное время, устанавливается максимальный рабочій день въ 10 часовъ; занятыхъ хотя

*) См. „Образованіе“ 1904 г. кн. III. стр. 31.

отчасти въ ночное время—8 часовъ. Для вспомогательныхъ работъ устанавливается 12 часовой рабочій день и 4 дня отдыха въ мѣсяцъ. Производство сверхурочныхъ работъ малолѣтними воспрещается; обязательными признаются только технически-необходимыя сверхъурочныя работы. Необязательныя допускаются: 1) въ случаяхъ государственной и общественной необходимости,—при срочномъ изготовленіи предметовъ вооруженія, поддержаніи правильнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ и т. д., и 2) въ случаяхъ сезонныхъ работъ. Этотъ послѣдній пунктъ является наиболѣе слабою частью разсматриваемаго проекта. Всѣ сверхурочныя работы, кромѣ технически и общественно-необходимыхъ, должны быть безусловно отмѣнены.

III.

Недавно въ газетахъ напечатанъ былъ проектъ организаціи народнаго представительства, яко-бы выработанный комиссіей Булыгина. Мы не знаемъ, подлинный это проектъ или апокрифъ. Въ немъ не нашлось мѣста для избирательныхъ правъ рабочихъ...

Комиссія Коковцева проектируетъ отмѣну уголовнаго наказанія за досрочное нарушеніе договора найма и стачки. Законодатель запретилъ въ Россіи стачки еще въ 1845 г., когда о стачкахъ не было и помину. Первый разъ законъ этотъ былъ примѣненъ ровно черезъ четверть столѣтія, въ 1870 г., когда произошла первая крупная стачка на Невской бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ. 6 іюня 1870 г. особымъ циркуляромъ повелѣно было предоставить губернаторамъ право „при первомъ извѣстіи о стачкѣ рабочихъ, на какомъ-либо заводѣ или фабрикѣ, не допуская дѣло до судебнаго разбирательства, немедленно по обнаруженіи главныхъ зачинщиковъ между фабричными, высылать таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній". Послѣ стачки извозчиковъ въ Одессѣ въ 1871 г. это право (?) губернаторовъ было распространено также на стачки ремесленныхъ рабочихъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ стачечнаго движенія отношеніе законодателя къ нимъ нѣсколько измѣнилось: какъ въ 1886 г., такъ и въ 1897 г., съ одной стороны, были удовлетворены нѣкоторыя требованія рабочихъ, съ другой—усилены наказанія за забастовки. Циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 12 авг. 1897 г. предлагаетъ мѣстнымъ властямъ „безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ. Въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки, назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить разсчетъ и, по истеченіи этого срока, всѣхъ не ставшихъ на работу иногороднихъ рабочихъ, прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки. Во всѣхъ случаяхъ стачекъ или забастовокъ реко-

мендуется преимущественное направленіе дѣлъ въ порядкѣ положенія объ охранѣ". Съ тѣхъ поръ, какъ изданъ этотъ циркуляръ, много воды утекло. И вотъ, мы наблюдаемъ нынѣ новую фазу въ исторіи отношеній законодателя къ коллективной самодѣятельности рабочихъ: не только удовлетворяются матеріальныя требованія рабочихъ, но и дается имъ право организовывать мирныя забастовки.

Любопытны мотивы, которыми обосновывается отмѣна карательныхъ мѣръ противъ стачекъ. Мѣры эти мотивировались тѣмъ, что стачки угрожаютъ общественному порядку и спокойствію. Теперь авторы проэкта признаютъ, что „пріостановка промышленныхъ работъ даже всѣмъ составомъ рабочихъ заведенія (а тѣмъ менѣе однимъ изъ нихъ), нанося несомнѣнный имущественный ущербъ предпринимателямъ и рабочимъ, не составляетъ однако еще нарушенія порядка общественнаго, доколѣ рабочіе шумомъ, угрозами, безчинствами или насиліями не произвели дѣйствительнаго безпорядка. Исключеніемъ, впрочемъ, къ коему не могутъ имѣть примѣненіе вышеизложенныя соображенія, являются нѣкоторые спеціальные виды производствъ, такъ называемые общественно-необходимыя, которые носятъ характеръ общественныхъ службъ, гдѣ самовольный уходъ или прекращеніе работъ всѣмъ составомъ и даже отдѣльными рабочими, въ случаѣ пріостановки дѣйствія заведенія, можетъ причинить вредъ и лишенія третьимъ лицамъ, не участвующимъ въ сдѣлкѣ найма, а именно—мѣстному населенію. Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, съ фактомъ нарушенія рабочаго договора могутъ соединяться условія, при которыхъ можетъ быть нарушенъ общественный порядокъ и спокойствіе, когда представляется возможнымъ усмотрѣть не только частно правовое, но и публично правовое нарушеніе общихъ интересовъ и гдѣ уголовная репрессія можетъ быть поэтому признана умѣстной. Таковы будутъ въ сферѣ компетенціи промышленнаго устава и учрежденій министерства финансовъ, только заведенія по водоснабженію, канализаціи и освѣщенію жилищъ и населенныхъ мѣстъ, т. е. общественные водопроводы и канализаціонныя устройства, а также газовые заводы и электроосвѣтительныя станціи. Внѣ этихъ производствъ спеціальнаго характера, точка зрѣнія непосредственной связи пріостановки дѣйствій заведенія съ нарушеніемъ общественнаго порядка едва ли можетъ быть установлена". Поэтому „въ сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліями надъ имуществомъ или личностью) есть явленіе чисто экономическое, вполнѣ естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію. Охрана послѣдняго въ этихъ случаяхъ должна бы выражаться въ формахъ, подобныхъ практикуемымъ во время народныхъ гуляній, торжествъ, зрѣлищъ и т. под. случаевъ, обусловливающихъ скопленіе въ одномъ мѣстѣ необычно большого количества людей, т. е. въ усиленіи личнаго состава и бдительности блюстителей порядка на случай проявленія какихъ либо насилій и дѣйствительнаго (а не возмож-

наго только) нарушенія общественнаго порядка". Во всей этой аргументаціи наиболѣе любопытно то обстоятельство, что въ ней нѣтъ ни одного соображенія, ни одной мысли, примѣнимой къ 1905 году и которыя были бы невѣрны для 1870, 1886 или 1897 года. Болѣе историческій характеръ носитъ другое соображеніе объяснительной записки,—то, что стачки въ Россіи „по абсолютному количеству забастовщиковъ и въ отношеніи ихъ къ общему числу рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, не уступаютъ тѣмъ европейскимъ странамъ, гдѣ никакихъ наказаній за стачки не существуетъ. Это доказываетъ, что строгость наказаній не оказываетъ вліянія на число и размѣры стачекъ, и наличность таковыхъ каръ, весьма хорошо извѣстныхъ всѣмъ рабочимъ, не удерживаетъ ихъ однако отъ забастовокъ, которыя совершаются или не совершаются въ зависимости отъ совокупности иныхъ причинъ, ничего общаго съ боязнью возмездія не имѣющихъ. Это обстоятельство весьма характерно и служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что забастовка есть совершенно естественное явленіе, органически связанное съ современными экономическими условіями промышленной жизни, возможное вездѣ, гдѣ имѣетъ примѣненіе наемный трудъ, и не могущее быть устраненнымъ посредствомъ подавленія и пресѣченія отдѣльныхъ случаевъ его проявленія".

По всѣмъ этимъ соображеніямъ проэктируется отмѣна уголовныхъ наказаній за отказъ отъ работы до истеченія срока найма и стачки. Статья 1358[2]—о поврежденіи или уничтоженіи имущества стачечниками сохраняется, въ ст. 1358[3]—объ угрозахъ и насиліяхъ, примѣненныхъ стачечниками къ рабочимъ, хотѣвшимъ продолжать работу,—вводится понятіе опороченія, какъ подлежащаго наказанію дѣйствія; за угрозы и опороченіе виновные подлежатъ аресту не свыше 1 мѣс., за насиліе—аресту не свыше 2 мѣс. За совершеніе насилій, угрозъ или опороченья соединенными силами многихъ лицъ, цѣлымъ скопищемъ, виновные подлежатъ тюремному заключенію до 6 мѣс. За самовольный отказъ отъ работы до срока найма въ заведеніяхъ общественно-необходимыхъ (водопроводы, электроосвѣтительныя станціи и проч.) виновные подвергаются аресту до 3 мѣс. Главнымъ недостаткомъ разсматриваемаго законопроэкта является установленіе наказанія за опороченіе, т. е. за оглашеніе хотя-бы и вполнѣ справедливыхъ, но порочащихъ враждебную сторону свѣдѣній. Этотъ пунктъ проэкта носитъ рѣзко-классовой характеръ. И предприниматели, и рабочіе одинаково заинтересованы въ установленіи во время стачки солидарности, первые—между предпринимателями, вторые—между рабочими. Но установленіе солидарности невозможно безъ оглашенія причинъ стачки, безъ оглашенія обстоятельствъ, приведшихъ къ конфликту между предпринимателями и рабочими. При сравнительной немногочисленности капиталистовъ-предпринимателей въ ихъ средѣ это оглашеніе можетъ носить частный характеръ циркулярнаго письма. Въ рабочей массѣ, наоборотъ, подобное

оглашеніе неизбѣжно носитъ публичный характеръ,—и подпадаетъ, слѣдовательно, дѣйствію карающаго закона. Законодатель, если ему дороги интересы справедливости, не можетъ не считаться съ этою разницею въ положеніи рабочихъ и капиталистовъ. Такъ какъ частныя опороченія, практикуемыя г.г. предпринимателями въ тиши конторъ, не подлежатъ преслѣдованію, то не должны быть наказуемы и публичныя опороченія, практикуемыя рабочими въ интересахъ классовой солидарности.

Итакъ, за рабочими предполагается признать право стачекъ. Какъ извѣстно, забастовки въ Россіи въ общемъ очень непродолжительны. За $2^1/_2$ года (2 полов. 1900—1902 г.), за которые мы имѣемъ свѣдѣнія, произошла 321 забастовка, изъ нихъ тянулись:

	Ч. забастовокъ.	Ч. участниковъ.	Въ среднемъ на 1 забастовку.
1 день	100	18.323	183
2—4 дня	129	46.790	363
5—7 дней	37	10.991	297
болѣе 7 дн.	55	6.225	113

Явленіе это обусловливается многими причинами. Прежде всего, благодаря отсутствію у рабочихъ права собраній, имъ приходится прекращать работу для того, чтобы получить фактическую возможность всѣмъ собраться и выяснить свои коллективныя требованія и нужды. Предприниматели часто съ перваго слова соглашаются исполнить требованія рабочихъ,—и забастовка прекращается въ тотъ же день, въ который началась. Далѣе, отсутствіе предварительнаго сговора и организаціи приводитъ къ отсутствію единства и постоянства въ требованіяхъ рабочихъ,—одна группа заявляетъ одни требованія, другая—другія, каждый день возникаютъ новыя требованія, отъ заявленныхъ прежде рабочіе отказываются,—словомъ, требованія рабочихъ носятъ неопредѣленный и неустойчивый характеръ. Обстоятельство это, мѣшая въ извѣстныхъ случаяхъ предпринимателю пойти навстрѣчу рабочимъ и своими уступками прекратить забастовку, въ другихъ случаяхъ мѣшаетъ рабочимъ стойко отстаивать свои интересы и продолжать стачку. Затѣмъ немаловажное значеніе имѣетъ отсутствіе стачечныхъ кассъ въ рабочей средѣ. Для продолжительной стачки нужны деньги. Когда рабочіе обладаютъ профессіональной организаціей и стачечнымъ фондомъ, они дорожатъ имъ, не тратятъ на пустяки, не затѣваютъ стачекъ по маловажнымъ поводамъ, а когда серьезныя причины дѣлаютъ неизбѣжною борьбу съ предпринимателемъ, ведутъ эту борьбу настойчиво и упорно. Наконецъ, не послѣднюю роль играетъ посредническая дѣятельность фабричной инспекціи, въ задачи которой входитъ улаживаніе недоразумѣній между рабочими и фабрикантами, и вмѣшательство

полиціи, которая прибѣгаетъ ко всевозможнымъ мѣрамъ для „возстановленія нарушеннаго порядка".

Поэтому, право стачекъ безъ права союзовъ — только полправа. Во всѣхъ конституціонныхъ странахъ право стачекъ слѣдовало за правомъ союзовъ. Лишенная внутренней организаціи толпа рабочихъ, объединенная только тѣмъ, что она работаетъ на одной фабрикѣ, не можетъ правильно пользоваться правомъ стачекъ. Говорятъ, комиссіи В. Н. Коковцева не чуждо сознаніе этого соотношенія обоихъ правъ, и въ ней изготовляется проектъ о правѣ союзовъ для рабочихъ. Но невозможно дать одно изъ основныхъ правъ человѣка и гражданина, не давая другихъ правъ и такъ же невозможно дать его одному изъ наиболѣе безправныхъ классовъ общества, не предоставляя его всему народу. Право союзовъ не можетъ правильно функціонировать безъ утвержденія равенства всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенности личности и жилища, свободы слова и печати. Не можетъ рабочій классъ пользоваться правомъ собраній и союзовъ, если его лишены привиллегированные классы общества; съ другой стороны, предоставленіе этого права рабочимъ безъ распространенія его на крестьянъ было бы вопіющей несправедливостью.

Такимъ образомъ, мы опять подошли къ Ахиллесовой пятѣ реформаторской работы бюрократіи. Безъ обновленія самыхъ устоевъ политической жизни русскаго народа всѣ проектируемыя реформы,—сами по себѣ весьма почтенныя,—останутся канцелярскимъ измышленіемъ, не имѣющимъ практическаго значенія для народной жизни. Каждая реформа, чтобы войти въ жизнь народа, сростись съ нею, нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ, извѣстной культурной, экономической и правовой обстановкѣ. Гдѣ нѣтъ этихъ предпосылокъ, тамъ реформа остается мертвой буквой. Игнорированіе ихъ характерно для бюрократіи. И Особыя Совѣщанія, и разныя комиссіи одинаково иллюстрируютъ общую неспособность бюрократическаго режима къ разрѣшенію назрѣвшихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ времени.

С. Прокоповичъ.

Стачки рабочихъ и ихъ значеніе [1]).

На фонѣ русской общественной жизни въ послѣднее время грозно выдвинулось рабочее движеніе. Конечно, оно существовало у насъ и раньше, но теперь, въ событіяхъ послѣднихъ дней, въ массовыхъ забастовкахъ и демонстраціяхъ, оно нашло себѣ особенно яркое выраженіе. Самый безпристрастный и безпартійный наблюдатель вынужденъ констатировать существованіе въ Россіи рабочаго вопроса. Мы не говоримъ только о нашей охранительной печати, занимающей вполнѣ опредѣленную и недвусмысленную позицію. Съ этой точки зрѣнія, стачки, какъ вообще все рабочее движеніе, глубоко противорѣчатъ „основнымъ устоямъ русской жизни". Этотъ новый элементъ, занесенный съ „гнилого Запада", прививается у насъ кучкой злонамѣренныхъ лицъ, не понимающихъ самобытной русской культуры, отрицающихъ исконную патріархальность нашего строя. Глубоко невѣжественные въ наукѣ, наши охранители употребляютъ при этомъ всѣ усилія, чтобы доказать полную безполезность и вредъ для рабочаго класса стачечной борьбы. Однако, распинаясь за русскую самобытность, они — тѣмъ не менѣе — весьма склонны пользоваться многими плодами западной культуры: желѣзными дорогами, фабриками и заводами, мощными кредитными учрежденіями. Они не способны понять даже того, что типографскій станокъ, возвѣщающій русскому обществу ихъ проникновенныя идеи, тоже противорѣчитъ нашей „исконности". Матеріальная сторона западной культуры упорно у насъ насаждалась и дала прочные ростки. Въ половинѣ прошлаго столѣтія производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ не превышала 160 м. р. въ годъ, въ концѣ его — достигала $2^3/_4$ милліарда р.; и если нѣкоторыя отрасли обработывающей промышленности создавались искусственно таможеннымъ покровительствомъ и правительственными заказами, то значительная часть индустріи твердо срослась

---

[1]) Докладъ прочитанный въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ.

съ хозяйственнымъ тѣломъ Россіи. Непрерывно шло и возрастаніе рабочаго класса: въ пятидесятыхъ годахъ 19-го столѣтія онъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ всего 500.000, теперь — болѣе $2^1/_2$ милл. людей. Вопреки всѣмъ пророчествамъ народниковъ, капитализмъ въ Россіи обнаружилъ жизнеспособность — и органическое переустройство хозяйственной жизни неуклонно подвигалось впередъ. Но у капитализма, какъ извѣстной ступени экономики, кромѣ матеріальной стороны, есть еще и соціальная: онъ вызываетъ новую группировку общественныхъ силъ, требуетъ прочныхъ правовыхъ устоевъ, выдвигаетъ рабочее движеніе. Русскіе „патріоты", отнюдь не брезгая „тлѣнными" дарами капитализма, упорно отрицаютъ его общественный смыслъ; для нихъ остается совершенно закрытой та истина, что перерожденіе экономики неминуемо, раньше или позже, вызоветъ полное измѣненіе общественно-политическаго уклада.

Перестраивая свое хозяйство по западно-европейскому образцу, мы должны считаться и со всѣми сторонами, свойственными послѣднему: поэтому русское рабочее движеніе столь-же естественно, какъ и работа паровой машины, какъ и наша громадная желѣзнодорожная сѣть. Стачки и забастовки представляютъ собою одинъ изъ самыхъ необходимыхъ элементовъ этого движенія: всюду и всегда, гдѣ только капитализмъ пускалъ прочные корни, фабрично-заводскій пролетаріатъ, четвертый общественный классъ, приступалъ къ выполненію своихъ экономическихъ и политическихъ задачъ путемъ этого, отрицаемаго у насъ и правительствомъ, и консервативными партіями — средства. Выясненію вопроса, почему возникаютъ стачки и какова ихъ роль, будетъ посвящено дальнѣйшее изложеніе.

I.

Адамъ Смитъ, издавшій свою знаменитую книгу „О богатствѣ народовъ" въ 1776 г., т. е. въ то время, когда англійская промышленность переживала еще мануфактурный періодъ, подмѣтилъ характерное стремленіе рабочихъ посредствомъ стачекъ добиться улучшенія своей жизни. „Величина заработной платы опредѣляется обыкновенно взаимными условіями работника и хозяина, выгоды которыхъ совершенно противоположны другъ другу. Работники стараются выговорить, какъ можно больше, хозяева — дать, какъ можно меньше; первые расположены къ стачкѣ для повышенія заработной платы, вторые — къ стачкѣ для пониженія ея", говоритъ Ад. Смитъ. Приводимыя далѣе его слова прекрасно обрисовываютъ картину стачекъ, свойственную раннимъ эпохамъ капиталистическаго развитія. Отмѣчая, что „хозяева всюду и всегда находятся, хотя и въ небольшой, но тѣмъ не менѣе постоянной и неизмѣнной стачкѣ, имѣющей цѣлью не подымать заработной платы выше существующей цѣны на нее", онъ говоритъ, что такого рода „хозяйскимъ заговорамъ" работники противопоста-

вляютъ собственныя стачки; „будетъ-ли стачка ихъ имѣть характеръ наступательный или оборонительный, она всегда сопровождается шумомъ. Стараясь окончить дѣло, какъ можно поспѣшнѣе, работники постоянно прибѣгаютъ къ громкому ропоту, а иногда рѣшаются даже на насиліе и буйство. Въ отчаяніи они дѣйствуютъ съ безуміемъ и жестокостью несчастныхъ людей,„ доведенныхъ до безвыходнаго положенія, вслѣдствіе котораго они должны избрать или голодную смерть, или путемъ насилія вырвать у своихъ хозяевъ какъ можно скорѣе согласіе на свои требованія" [1]).

Эти строки являются въ высшей степени цѣнными въ устахъ человѣка, положившаго основаніе классической школѣ экономической науки; лозунгомъ-же послѣдней, какъ извѣстно, была полная свобода промышленной жизни, общеполезность начала свободной конкурренціи. Классики предполагали, что трудъ, освобожденный отъ правовыхъ ограниченій, сумѣетъ устроиться надлежащимъ образомъ. Дѣйствительность быстро разрушила эти иллюзіи — и отъ проницательнаго взора „отца экономической науки" не укрылось естественное стремленіе рабочихъ къ сплоченію, совмѣстному дѣйствію. Современный рабочій глубоко отличается отъ средневѣковаго ремесленника тѣмъ, что противопоставленъ въ экономической борьбѣ совершенно одинокимъ: нѣтъ цеха, этой принудительной организаціи, защищавшей интересы ремесленниковъ, нѣтъ прежней самостоятельности послѣдняго. Обладая, въ качествѣ единственнаго богатства, трудомъ своихъ рукъ, отдѣленный отъ класса предпринимателей глубокою пропастью, рабочій единолично не можетъ заключать съ хозяиномъ дѣйствительно свободный договоръ. За его спиной стоитъ много людей, ищущихъ настойчиво занятій и готовыхъ продать свой трудъ за самую ничтожную цѣну, лишь-бы не умереть съ голоду. Только согласіе съ товарищами можетъ ослабить давленіе промышленника на рабочаго; только замѣна единоличнаго договора коллективнымъ даетъ извѣстную устойчивость рабочему классу. „Коллективность" эта наиболѣе полное выраженіе находитъ въ рабочихъ союзахъ—этихъ постоянныхъ формахъ товарищеской солидарности. Стачка есть по существу — временное„ соглашеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ попытка осуществить на дѣлѣ коллективный договоръ. Забастовка представляетъ собою, такимъ образомъ, естественное и законное орудіе въ рукахъ пролетаріата для улучшенія его участи.

Чтобы понять эту естественность — скажемъ прямо — историческую необходимость стачки, мы можемъ взять для разсмотрѣнія хозяйство какой угодно страны. Лучше всего сдѣлать небольшую экскурсію въ область исторіи англійскихъ стачекъ. У насъ господствуетъ (въ нѣкоторыхъ отно-

[1]) Ад. Смитъ. „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ", Спб. 1866, т. I, стр. 192—3.

шеніяхъ правильное) представленіе о разсудительности и спокойствіи англичанъ. Пусть во Франціи рабочія массы проникнуты легкомысленнымъ революціонизмомъ, пусть въ Германіи свила себѣ уютное гнѣздо соціалъ-демократія, англійскій рабочій всегда ведетъ себя солидно и сдержанно. Тамъ классовая борьба ведется совершенно мирно и не нуждается въ такихъ крайнихъ средствахъ, какъ стачка. Стоитъ, однако, поближе вглядѣться въ экономическую жизнь Англіи прошлаго и настоящаго—и передъ нами предстанетъ картина совершенно иного характера. Мы увидимъ въ этой солидной странѣ всякаго рода стачки рабочихъ — и частичныя, и всеобщія, устраиваемыя въ цѣляхъ экономическихъ и въ цѣляхъ политическихъ. Даже стихійность рабочаго движенія, довольно рѣдко наблюдаемая нынѣ въ культурныхъ странахъ, являлась господствующей формой въ концѣ 18-го и началѣ прошлаго вѣка въ Англіи. Съ появленіемъ техническихъ усовершенствованій положеніе рабочаго люда въ этой странѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Машина мощно вытѣсняла ручной трудъ; взрослыхъ мужчинъ съ успѣхомъ замѣняли женщины и дѣти. Безработица, разрушеніе семьи, постоянное пониженіе заработной платы—все это влекло рабочихъ на путь протеста. Согласно своему низкому культурному уровню, они не понимали, противъ чего имъ надо направить свои силы, и изливали злобу на машинахъ, этихъ ближайшихъ, какъ имъ казалось, виновникахъ ихъ несчастія. И напрасны были постановленія парламента (въ 20-хъ годахъ), угрожавшія смертною казнью разрушителю машины — случаи подобнаго рода неоднократно повторялись. Обостренію борьбы рабочихъ съ предпринимателями мѣшали и законы, воспрещавшіе стачки и рабочіе союзы. Само собою разумѣется, что ни того, ни другого предупредить они не могли. Съ 1802 по 1844 г. было въ Англіи въ различныхъ отрасляхъ промышленности болѣе 50 большихъ стачекъ. Большая ихъ часть носила оборонительный характеръ — противъ пониженія заработной платы; въ виду угнетеннаго состоянія рынка и слабости рабочаго класса эти забастовки по большей части кончались полнымъ пораженіемъ рабочихъ.

На этой почвѣ и возникло господствующее у англійскихъ экономистовъ первой половины прошлаго вѣка убѣжденіе, что стачка—безусловно вредна и съ точки зрѣнія рабочихъ интересовъ. Мрачная дѣйствительность нашла отраженіе въ достаточно пессимистической теоріи заработнаго фонда, о которой мы скажемъ ниже.

Въ 1824 г. падаетъ въ Англіи запрещеніе рабочихъ коалицій. Мы уже знаемъ, какъ тяжело было положеніе рабочихъ, въ этотъ періодъ времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ разрѣшенія рабочихъ союзовъ они стали возрастать съ необыкновенною быстротою. Въ январѣ 1834 г. выступаетъ на сцену „Великій Національный Консолидированный Союзъ“, руководимый Робертомъ Оуэномъ, и имѣвшій цѣлью устроить всеобщую забастовку, дабы добиться кореннаго улучшенія рабочаго быта,

лозунгомъ движенія былъ 8-ми часовой рабочій день. Весьма характерно отношеніе власти и „имущихъ классовъ“ къ разгорающейся борьбѣ четвертаго класса за свою самостоятельность. Рядомъ судебныхъ процессовъ и суровыхъ каръ за участіе въ союзахъ (придирались къ различнымъ формальностямъ, такъ какъ самое существованіе союзовъ гарантировалось закономъ 1824 г.) хотѣли подавить рабочее движеніе. Оцѣнку послѣдняго возложили на экономиста Нассау Сеньора, профессора въ Оксфордѣ— и онъ, совмѣстно съ другимъ коммиссаромъ, пришелъ къ заключенію о необходимости примѣненія репрессивныхъ мѣръ къ рабочимъ, а—главное защиты „свобододѣйствующихъ“. „Мы вынесли убѣжденіе, что если невинные и трудолюбивые рабочіе съ ихъ семьями будутъ оставлены безъ защиты отъ трусливой жестокости, съ которой теперь на нихъ нападаютъ; если фабрикантъ въ состояніи будетъ употреблять свой капиталъ, а механикъ или химикъ—свой талантъ только по предписаніямъ близорукихъ и жадныхъ рабочихъ... если кучкѣ агитаторовъ разрѣшено будетъ устраивать стачки, которыя прежде всего направляются противъ тиранизируемыхъ ею рабочихъ...; если все это остается безнаказаннымъ и даже санкціонируется отмѣной законовъ, въ прежнее время назначавшихъ за это кару,—то нѣтъ никакихъ основаній надѣяться, что мы долгое еще время сохранимъ свою промышленность, искусство и капиталъ, на которые опирается наше промышленное превосходство, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и наша сила и—можно сказать даже—наше національное существованіе“. [1]) Не кажутся ли эти строки читателю чѣмъ-то весьма знакомымъ? Вѣдь это все—любимые аргументы нашихъ отечественныхъ радѣтелей „національнаго существованія“.

21 Апрѣля 1834 г. состоялась всеобщая забастовка, и на улицахъ Лондона была произведена внушительная демонстрація рабочихъ. Петиція ихъ была подписана не менѣе $^1/_4$ милліона лицъ. Парламентъ остался непоколебимымъ. Вслѣдствіе этого пораженія, причиной котораго была крѣпость буржуазіи и слабость рабочаго сословія, „Національный Союзъ“ распадается. Однако наиболѣе дѣятельные его члены, отчаявшись добиться улучшенія для рабочихъ путемъ петиціи и косвеннаго вліянія на законодательство, примыкаютъ къ чартистскому движенію, ставящему цѣлью добиться всеобщаго избирательнаго права и такимъ образомъ допустить къ законодательной работѣ массу народу. Рабочее движеніе, по крайней мѣрѣ часть его, пріобрѣло политическій характеръ—и многія забастовки, связанныя съ участіемъ въ демонстраціяхъ, происходили на этой почвѣ.

Только тогда, какъ въ открытой и широкой борьбѣ англійскихъ рабочихъ съ правящими классами сказалась ихъ сравнительная слабость, стачки начинаютъ принимать другой характеръ: мелкой междоусобной

---

[1]) *С.* и *Б. Уэббъ*. „Исторія раб. движенія въ Англіи“. Спб, 1899, с. 95.

борьбы, преслѣдующей чисто экономическія цѣли. Съ помощью крѣпкихъ союзовъ, обладающихъ значительными средствами, рабочіе пытаются наносить удары отдѣльнымъ предпринимателямъ. Со стороны хозяевъ вырабатывается пріемъ отвѣта на такія стачки—локаутами, т. е. массовымъ разсчетомъ занятыхъ въ предпріятіи рабочихъ. Борьба велась съ крайнимъ ожесточеніемъ: бывали стачки, продолжавшіяся по $^1/_4$ и даже болѣе года. Ущербъ обѣимъ сторонамъ наносился довольно существенный; и вотъ—въ 60-хъ год., когда англійская промышленность переживала время подъема и ея міровое руководительство никѣмъ не могло быть оспариваемо, начинаютъ развиваться разнаго рода примирительныя учрежденія—камеры Мунделлы и третейскіе суды Рэттле. Дѣятельность ихъ оказалась очень удачной особенно въ Сѣвер. Англіи; въ машино-строительномъ производствѣ съ 1852 по 1897 г. не было ни одной стачки. Это отнюдь не обозначаетъ, что рабочіе совершенно не нуждались въ существованіи боевого средства сдѣлать договоръ для себя выгоднымъ: примирительныя камеры функціонировали на почвѣ рабочихъ союзовъ, въ рукахъ которыхъ всегда была *угроза* стачкой. Во всякомъ случаѣ, кажущееся замиреніе антагонистическихъ интересовъ рабочихъ и предпринимателей въ Англіи продолжалось (съ нѣкоторыми перерывами) довольно долго—лѣтъ тридцать. На этой почвѣ и возникло преувеличенное представленіе о разсудительности и спокойствіи англійскихъ рабочихъ. Мирно настроенные ученые готовы были видѣть на примѣрѣ Англіи возможность уничтоженія классовыхъ противорѣчій уже теперь, при современныхъ условіяхъ экономики.

Надежды ихъ однако не оправдались; съ конца 80-хъ годовъ вновь вспыхиваетъ соціальная борьба, и притомъ въ очень рѣзкой формѣ. Въ 1890 г. около 180.000 доковыхъ рабочихъ въ Лондонѣ бастовало; въ томъ-же году происходила стачка 100.000 рабочихъ каменно-уг. копей. Характерно, что въ движеніи стали принимать участіе и „осторожные" старые тредъ-юніоны. Чѣмъ дальше, тѣмъ стачки становятся чаще—и въ 1893 г. въ каменно-угол. индустріи разыгрывается колоссальная забастовка, продолжавшаяся $4^1/_2$ мѣсяца и охватившая 400.000 рабочихъ. „Соціальный миръ" провозглашенный Шульце-Геверницемъ, рушился.

II.

Примѣръ Англіи, какъ и всякой любой страны, выступившей на путь капиталистическаго развитія, съ очевидностью доказываетъ, что стачка является совершенно естественнымъ орудіемъ въ рукахъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ. Было-бы утомительно для читателя подтверждать эту истину ссылками на исторію рабочихъ забастовокъ въ другихъ государствахъ. Попытаемся лучше сдѣлать нѣкоторые выводы изъ наблюденія, привести такъ сказ. философію исторіи стачекъ.

Первое положеніе, которое можно выставить, заключается въ слѣдующемъ:

Стачки протекаютъ болѣе спокойно, теряютъ стихійный характеръ и имѣютъ болѣе шансовъ на успѣхъ, если руководительство ими принадлежитъ рабочимъ союзамъ. Это и понятно: рабочіе союзы поддерживаютъ стачечниковъ своимъ фондомъ; легкомысленная забастовка можетъ разстроить ихъ финансовые ресурсы. Поэтому организованные рабочіе не особенно склонны непродуманнымъ шагомъ безполезно себя истощать. Въ Англіи, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, для осуществленія забастовки въ какомъ-либо мѣстѣ требуется не только согласіе центральнаго союза, но и тайное голосованіе рабочихъ. Врядъ-ли стоитъ упоминать, что забастовки съ небольшимъ количествомъ участниковъ по успѣшности исхода для рабочихъ стоятъ гораздо ниже стачекъ большого размѣра.

Современная экономика, какъ извѣстно, періодически потрясается кризисами болѣе или менѣе остраго характера: за эпохой подъема слѣдуетъ періодъ пониженія, угнетеннаго состоянія рынка. Если стачки преслѣдуютъ только экономическія цѣли, то, конечно, больше шансовъ на успѣхъ въ то время, когда пульсъ промышленной жизни бьется быстро. Впрочемъ, рабочіе обыкновенно сами и не начинаютъ стачекъ въ періоды угнетенія: ихъ вызываютъ промышленники, понижая расцѣнку труда и измѣняя вообще прежнія условія. Въ такіе періоды у рабочихъ преобладаютъ стачки оборонит. характера, которыя въ общемъ менѣе успѣшны, чѣмъ забастовки наступательныя. Такъ, напр., согласно статистическимъ даннымъ Соед. Штатовъ за время съ 1881—86 г. за повышеніе зараб. платы не удалась только четвертая часть стачекъ, а *противъ* пониженія—цѣлая половина. Если соціальный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ въ рамкахъ современной экономики, то, конечно, нечего и думать о томъ, чтобы рабочіе отказались въ соціальной борьбѣ отъ дорогого, но весьма внушительнаго средства, представляемаго забастовкой. Внѣ всякаго сомнѣнія, по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства рабочимъ удается кое-что отвоевать въ свою пользу, но именно—*отвоевать*, а не получать въ свое распоряженіе блага путемъ естественныхъ законовъ хозяйства, какъ предполагала школа „гармоніи интересовъ". Нынѣ въ западныхъ культурныхъ странахъ положеніе даже массы рабочихъ значительно улучшилось сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, хотя для большинства все-же не достигло нормы, опредѣляемой требованіями гигіены; но—тѣмъ не менѣе, говорить о примиреніи классовыхъ антагонизмовъ могутъ лишь близорукіе люди. По мѣрѣ роста общаго богатства возрастаютъ и потребности массы; удовлетвореніе каждой новой потребности приходится брать съ бою. Общая-же черта жизни пролетаріата—соціальная необезпеченность—сохраняетъ полную силу и при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ его жизни. И предъ рабочими становится великая проблема; получить въ свои руки управленіе фабриками, гдѣ они заняты, или, по крайней мѣрѣ, добиться участія въ этомъ управленіи. Уже теперь, кромѣ обычныхъ мотивовъ забастовокъ—

увеличенія зар. платы, уменьшенія рабочаго времени, правильности разсчета—выступають на сцену и другіе; установленіе на фабрикѣ, по выраженію пр. Зомбарта, конституціи. Этимъ и объясняется тотъ мощный протестъ, который оказываютъ рабочимъ въ послѣднее время предприниматели. Въ Гамбургской стачкѣ доковыхъ рабочихъ (1896—7 г.) предприниматели, несмотря на давленіе общественнаго мнѣнія, ни за что не хотѣли мириться, ибо „дѣло шло о томъ, кто будетъ господиномъ въ производствѣ". Въ Англіи во время стачки машиностроителей (въ 1897 г.)—хозяева предпріятій не хотѣли уступать, заявляя, что въ такомъ случаѣ „тиранія рабочихъ превзойдетъ мѣру".

Такимъ образомъ, несмотря на абсолютное улучшеніе быта рабочихъ по мѣрѣ промышленнаго развитія страны—стачки будутъ появляться такъ-же естественно, какъ и прежде. По слѣдующей таблицѣ можно прослѣдить связь стачечнаго движенія съ ростомъ капитализма:

	Англія.		Франція.		Германія.		Италія (съ с.-х. стачк.)	
	Число стачекъ.	Число участниковъ.	Число стачекъ.	Число участниковъ.	Число стачекъ.	Число участниковъ.	Число стачекъ.	Число участниковъ.
1893	782	636.386	634	170.123	118	9.556	121	31.628
1894	1061	324.245	391	54.576	131	7.328	104	27.595
1895	876	263.758	405	45.801	204	14.032	126	19.307
1896	1021	198.687	476	49.851	483	128.808	210	96.051
1897	864	230.267	356	68.875	578	63.119	229	100.705
1898	711	253.907	368	82.065	631	48.335	292	44.200
1899	721	178.440	739	176.772	—	—	—	—

Отъ экономическихъ стачекъ надо отличать политическія, которыя, какъ мы увидимъ ниже, не всегда ведутъ къ пораженію.

III.

До сихъ поръ мы, путемъ разсужденія и изученія исторіи, доказывали естественность рабочихъ забастовокъ; надо еще произвести ихъ оцѣнку, преимущественно—конечно—съ точки зрѣнія интересовъ самихъ рабочихъ. Въ экономической наукѣ довольно долгое время господствовало убѣжденіе, что стачки—безусловно вредное явленіе; подобные голоса раздаются еще и въ настоящее время.

Научной предпосылкой такого заключенія служила т. н. „теорія зараб. фонда" (Мальтусъ, Д. Ст. Милль до отказа отъ нея, Фоусетъ, Кэрнсъ). Предполагалось, что рабочіе получаютъ свое вознагражденіе изъ капитала, находящагося въ распоряженіи предпринимателя. Зар. плата для каждаго промышленнаго періода представляетъ собою частное отъ дѣленія этого капитала—фонда для зар. платы—на число рабочихъ. Если не происходитъ

увеличенія числителя или уменьшенія знаменателя дроби, то нечего и помышлять о прочномъ увеличеніи заработка. Что будетъ достигнуто въ смыслѣ этого повышенія въ одной отрасли индустріи, должно въ другихъ отразиться уменьшеніемъ. Выходъ одинъ—мальтузіанское воздержаніе рабочихъ отъ дѣторожденія. Вся эта теорія построена на ложныхъ основаніяхъ. Не говоря уже о ея полномъ противорѣчіи дѣйствительности, показавшей благотворное вліяніе рабочихъ союзовъ въ смыслѣ улучшенія условій труда (отмѣчено еще Торнтономъ), неправильно представленіе, будто-бы рабочій получаетъ вознагражденіе изъ капитала. Зараб. плата есть видъ дохода, и—какъ таковой—черпается изъ общаго резервуара, наполняемаго народнымъ трудомъ каждый годъ, каждый мѣсяцъ. Нѣтъ непроходимой стѣны между различными видами доходовъ: въ борьбѣ соціальной всегда одна часть можетъ быть увеличена на счетъ другой.

Если англичане, имѣя передъ собой печальные опыты стачекъ первой половины 19 ст., могли съ нѣкоторою увѣренностью настаивать на невѣрной теоріи, то мы уже не въ состояніи это дѣлать. Статистика ясно показываетъ, что около половины забастовокъ во всѣхъ странахъ кончается или полной, или частичной побѣдой для рабочихъ. Такъ, напр., въ Соед. Штатахъ Сѣв. Ам. изъ стачекъ, бывшихъ съ 1881 по 1886 г. 46,52% были совершенно удачны, 13,47%—частично удались и 39,95%—кончились пораженіемъ. Съ 1887 по настоящее время, несмотря на существованіе грозныхъ синдикатовъ,—43,52% стачекъ удались вполнѣ, 10,19%—отчасти и 46,29%—проиграно. Нельзя вынести безусловно обвинительнаго вердикта стачкамъ и на основаніи германской статистики (матеріалы министерства торговли); мы возьмемъ только самыя многолюдныя стачки изъ періода времени съ 1889 по 1897 г. [1]).

	Число стачекъ.	Число участн.	% стачекъ. Вполнѣ удавш.	Частично.	Не удавшихся.
1889 по конецъ апр. 1890 г.	715	289.283	16,8%	43,1%	36,4%
Лѣто 1890 г.	216	28.643	11,0	23,0	57,0
Зима 1892—3 г.	116	55.882	10,3	18,1	44,0
Зима 1895—96 г.	606	17.349	64,5	13,0	20,1
Лѣто 1896 г.	340	51.309	51,2	19,8	20,7
Зима 1896—97 гг.	158	10.181	36.1	15,0	32,3
Лѣто 1897 г.	285	25.398	31,3	32,4	33,7

Если взять даже скудные русскіе источники относительно стачекъ, то окажется, что изъ 120 забастовокъ 1901-го года, въ которыхъ принимало участіе 24.668 раб., выиграно послѣдними—38, 38—проиграно, и обоюдныя уступки сдѣланы въ 28 случаяхъ.

---

[1]) Въ третьей рубрикѣ нами не указано %-ное отношеніе стачекъ, исходъ которыхъ остался неизвѣстнымъ.

Такимъ образомъ, безъ всякаго сомнѣнія, часть стачекъ оказывается непосредственно выгодными для рабочихъ. Правда, досужіе статистики занимаются вычисленіями, сколько рабочихъ дней пропало, сколько заработной платы не было выплачено и пр. По этому поводу отлично замѣтилъ проф. Шмоллеръ на первомъ собраніи „Verein'a für Socialpolitik" въ Эйзенахѣ (въ 1872 г.): „Говорятъ, что во время стачекъ рабочій классъ всегда теряетъ, вычисляютъ тысячи талеровъ, которыхъ онъ не зарабатывалъ, которые поглощаются изъ сбереженій и пособій. Но забываютъ сдѣлать и обратный подсчетъ: если 10.000 рабочихъ побѣждаетъ и ежедневно получаетъ на 5 грошей больше, то это въ годъ дастъ уже сумму въ 500.000 талеровъ"... [1]).

Но—кромѣ прямого—стачки имѣютъ еще и косвенное значеніе. Общество и правительство видитъ въ нихъ угрожающій симптомъ и побуждается къ выполненію нѣкоторыхъ требованій рабочихъ. Если мы посмотримъ на ходъ развитія фабричнаго законодательства любой страны, то замѣтимъ это могущественное вліяніе толчковъ снизу. Даже неудачная стачка привлекаетъ вниманіе и заставляетъ призадумываться „сильныхъ міра сего". Въ безпорядочной, стихійной борьбѣ англійскихъ рабочихъ за лучшую судьбу родились первые фабр. законы въ этой странѣ. 40-е годы, такъ прекрасно изображенные Энгельсомъ въ знаменитой книгѣ— „Положеніе раб. класса въ Англіи"—вызвали правительственное обслѣдованіе рабочаго быта и дали движеніе законодательной охранѣ труда.

Знаменитая забастовка горныхъ рабочихъ 1889 г. въ Германіи вызвала вмѣшательство императора Вильгельма, который счелъ нужнымъ принять депутатовъ отъ рабочихъ и оказать давленіе на промышленниковъ. Рурская забастовка этого года, хотя и не встрѣтила уступокъ со стороны магнатовъ капитала, имѣла своимъ послѣдствіемъ внесеніе въ законодательное собраніе проэкта о максимальномъ рабочемъ днѣ, объ измѣненіи внутреннихъ распорядковъ производства и пр.

Косвенное вліяніе стачекъ на измѣненіе къ лучшему условій жизни рабочихъ явственнѣе всего видно на исторіи русскаго фабричнаго законодательства. Первый нашъ законъ 1845 г. о работѣ малолѣтнихъ (если не считать нѣкоторыхъ болѣе раннихъ, не имѣющихъ никакого значенія постановленій), появился въ жизни вслѣдствіе грозныхъ безпорядковъ въ Московскомъ районѣ. Широкія волненія 84—85 г. въ Московской и Владимірской губ. вызываютъ законы 1886 г. Нормировка рабочаго времени въ 1897 г. имѣла подпочву въ многочисленныхъ стачкахъ, которыя у насъ, кстати сказать, съ 1896 г. (бумагопряд. и нигочныя фабр. въ Петербургѣ) принимаютъ болѣе спокойный и организованный характеръ.

[1]) Verhandlungen der Eisen. Versammlung am 6 und 7 Okt. 1872 r. Leipzig, 1873. S. 81.

Репрессіи, конечно, примѣнялись обильно, но приходилось творить и нѣчто положительное.

Рабочее движеніе есть не только экономическое. Конечно, вопросы желудка—„Magenfragen"—играютъ первостепенную роль, но рабочая проблема вовсе не можетъ быть втиснута исключительно въ эти узкія „матеріалистическія" рамки. Рѣчь идетъ о завоеваніи рабочимъ классомъ существованія, достойнаго человѣка вообще, о полученіи заслуженной имъ въ общежитіи роли. Экономика и политика уже потому тѣсно переплетены въ рабочемъ движеніи, что рабочій классъ вліять на свою „экономику" можетъ только съ помощью политики. Честь или, лучше сказать, безчестье отрицанія политической роли рабочаго класса принадлежало въ исторіи или близорукимъ, односторонне глядящимъ на жизнь людямъ, или развратителямъ рабочихъ, въ родѣ Луи Наполеона, Дизраэли, Бисмарка. Гдѣ-же, какъ не въ стачкахъ, крѣпнетъ общественная солидарность рабочаго класса, гдѣ-же, какъ не въ забастовкахъ, можетъ найти искусъ классовое самосознаніе? Поэтому-то мы нерѣдко встрѣчаемся въ исторіи съ рабочими забастовками, носящими политическій характеръ—борьбы за измѣненіе политическихъ устоевъ страны. Для примѣра успѣшнаго исхода даже такихъ стачекъ, упомянемъ о бельгійскомъ рабочемъ движеніи въ періодъ времени съ 1886 по 92 г.: извѣстно, что въ результатѣ тяжелыхъ столкновеній, многочисленныхъ демонстрацій и забастовокъ, рабочимъ этого клерикальнаго государства удалось въ 1893 г. добиться всеобщаго (хотя и не равнаго) избирательнаго права. Само собою разумѣется, что стачки политическаго характера бываютъ по преимуществу всеобщими.

Чтобы довершить оцѣнку стачекъ, намъ необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ—насколько онѣ опасны для всего общества, взятаго цѣликомъ. О стачкахъ на обыкновенныхъ фабрикахъ и заводахъ говорить много не приходится: врядъ-ли кто станетъ серьезно утверждать, что онѣ, самымъ фактомъ спора съ предпринимателемъ, задѣваютъ общественные интересы.

Это—борьба за улучшеніе условій труда, носящая характеръ гражданскаго спора. Пр. Геркнеръ, одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Брентано, замѣчаетъ: „Если мы представимъ себѣ стачку рабочихъ или бойкотъ въ сигарной промышленности, въ текстильномъ производствѣ или въ производствѣ по обработкѣ дерева и т. д., то, конечно, никто, кромѣ затронутыхъ стачкою работодателей или рабочихъ, не станетъ говорить серьезно о томъ, чтобы были затронуты общественные интересы, даже если конфликтъ распространился на широкую область. Иначе приходится судить о дѣлѣ, если благодаря стачкѣ въ угольныхъ копяхъ, происходитъ задержка въ снабженіи необходимымъ углемъ промышленности, желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, или если рабочіе газовыхъ заводовъ, прекративъ работу, оставляютъ городъ безъ освѣщенія. Также критически могутъ сло-

житься обстоятельства вслѣдствіе забастовки въ транспортномъ производствѣ"[1]). Однако, невольно напрашивается мысль: развѣ рабочіе, имѣющіе несчастье быть занятыми въ этихъ „общественно-полезныхъ" производствахъ—виноваты въ этомъ, развѣ они—рабы общества? Почему прочимъ рабочимъ предоставляется возможность стремиться къ коллективному договору, а имъ—нѣтъ? Очевидно, по основнымъ законамъ справедливости, рабочихъ газовыхъ, водопроводныхъ, пекарей и пр. не приходится выдвигать въ особую группу. Что-же касается возникающихъ въ этой области стачекъ, преслѣдующихъ исключительно экономическія цѣли, то—по этому поводу—надо замѣтить слѣдующее. Такъ какъ вода, хлѣбъ и т. п. не менѣе нужны бѣднѣйшей массѣ населенія, чѣмъ богатой, то нельзя предполагать большую продолжительность подобныхъ забастовокъ; временное-же лишеніе, распространяющееся одинаково на неимущихъ и имущихъ, полезно для послѣднихъ съ точки зрѣнія соціальной педагогики, показывая имъ воочію, что значитъ въ обществѣ физическій трудъ. Наконецъ, если имъ желательно совершенно себя обезопасить отъ непріятныхъ потрясеній, то есть выходъ: изъять такія предпріятія изъ частныхъ рукъ въ пользу города или государства и *неусыпной* заботливостью о рабочихъ нуждахъ предупредить возможность экономической забастовки. А, между тѣмъ, стоитъ вспомнить объ условіяхъ жизни нашихъ кондукторовъ на трамваяхъ, пекарей и т. п., чтобы понять всю недопустимость эгоистическаго отрицанія за ними права на стачки.

Въ моменты-же политической борьбы вопросъ объ общественной безопасности отступаетъ на задній планъ.

IV.

Если стачки возникаютъ совершенно естественно, если въ экономической области онѣ являются законнымъ средствомъ гражданской борьбы за свободу рабочаго договора, то нелѣпа всякая уголовная ихъ кара. Культурныя западно-евр. государства и стали на этотъ путь разрѣшенія рабочихъ забастовокъ. Въ Англіи такое разрѣшеніе было дано въ 1824 г. (1875 г.—дополненіе), Франціи—1864, Германіи—1869 г. По общему правилу, караются только угрозы и насилія, практикуемыя по отношенію къ нежелающимъ принимать участіе въ стачкѣ или нарушающимъ ее—„свобододѣйствующимъ". При этомъ Франція, Бельгія, Италія удовлетворяются общими уголовными положеніями относительно угрозъ и насилій, какъ совершенно достаточными и достигающими своей цѣли. Въ Англіи—по Conspiracy and Protection of Property Act—1875 г. есть спе-

[1]) *Геркнеръ*. „Рабочій трудъ въ З. Евр.", Спб. 1899, стр. 92.

ціальныя постановленія на этотъ счетъ, гдѣ подробно перечисляются различные виды принужденія со стороны забастовщиковъ, караемые въ уголовномъ порядкѣ (денежный штрафъ до 20 ф. или тюремное заключеніе до 3-хъ мѣс.); однако, англичане нашли нужнымъ прибавить слѣдующее положеніе: „Пребываніе въ домѣ или мѣстѣ, гдѣ лицо живетъ, работаетъ или случайно находится, равно какъ и нахожденіе около или приближеніе къ нимъ, единственно съ цѣлью полученія или передачи извѣстій, не должно почитаться надзоромъ (watching) или осадой (besetbing) въ смыслѣ настоящей статьи“.

Конечно, если-бы и перечисленныя дѣйствія толковались въ смыслѣ насилія, то стачку было-бы очень трудно устроить. Въ Германіи въ 1899 г. былъ въ рейхстагъ внесенъ проэктъ, т. н. каторжный (Zuchthausvorlage), по которому даже названіе въ публичномъ сборищѣ безчестнымъ поведеніе плохого товарища сурово каралось. Къ чести рейхстага надо сказать, что проэктъ провалился даже безъ обсужденія въ комиссіи.

Каково-же отношеніе къ рабочимъ забастовкамъ русскаго закона и администраціи? A priori можно было-бы знать, что совершенно отрицательное. Вся исторія русскаго рабочаго движенія представляетъ собою сплошной мартирологъ, полныя высокаго драматизма картины, изображеніе которыхъ ждетъ еще своего художника и историка. Можно сказать только, что съ 1896 г. наши забастовки становятся болѣе осмысленными (петербургскіе бумагопряд. и ниточные раб. требовали $10^1/_2$ ч. рабочаго дня); но—вслѣдствіе противодѣйствія со стороны полиціи и войскъ—обыкновенно кончались тяжелыми разрушительными сценами. И правительство предполагало остановить появленіе стачекъ установленіемъ усиленнаго полицейскаго надзора за фабриками: 1 февр. 1899 г.—160 новыхъ должностей полиц. надзирателей, получающихъ квартирныя деньги отъ фабриканта. Ясно, чью сторону долженъ былъ держать этотъ надзоръ.

Если взять дѣйствующіе нынѣ законы относительно рабочаго договора и стачекъ, то насъ поразитъ эта откровенная защита только промышленныхъ интересовъ. Ст. 51⁴ Устава о наказаніяхъ гласитъ: „За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма, или-же, при наймѣ на срокъ неопредѣленный, безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли, виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не свыше одного мѣсяца“. Такимъ образомъ, рабочій карается въ уголовномъ порядкѣ; а промышленникъ, за незаконный разсчетъ, только въ гражданскомъ: по 2-му прим. къ ст. 105 Устава промышл. рабочему предоставляется въ теченіе мѣсяца обжаловать расторженіе договора и взыскивать понесенные убытки (т. е. за 2 недѣли или иной опредѣленный срокъ).

Ст. 1358 Уложенія о наказаніяхъ караетъ рабочихъ „за стачку...

прекратить работы прежде истеченія условнаго времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы", арестомъ—зачинщиковъ отъ 3 нед. до 3 мѣс., а прочихъ отъ 7 д. до 3 недѣль. Не говоря уже о казуистичности нормы (какъ будто экономическія забастовки устраиваются только съ цѣлью повышенія зараб. платы), непонятно, карается ли уговоръ устроить забастовку, или сама забастовка. Ст. 1358[1] (по прод. 1895 г.) караетъ и забастовку, причемъ козлища опять отдѣляются отъ овецъ (зачинщики — 4 - 8 мѣс. тюр. заключенія, прочіе— 2—4 мѣс.; впрочемъ „участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ, по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются"). Правда—дальнѣйшія статьи караютъ и промышленниковъ, буде таковые понижаютъ раньше истеченія срока найма зар. плату или принуждаютъ принимать уплату товарами, вмѣсто денегъ, но это, съ одной стороны, не соотвѣтствуетъ 105 ст. Уст. Промышл., цитированной выше, а во 2-хъ—фактически не можетъ быть использовано рабочими. Дѣло въ томъ, что хотя рабочимъ какъ будто и разрѣшается устраивать забастовку послѣ истеченія срока найма, но, при современныхъ условіяхъ русской жизни — всякое сборище преслѣдуется съ полицейской точки зрѣнія. Если „первой обязанностью гражданина является молчаніе", то какъ можно допустить открытое заявленіе своихъ нуждъ со стороны рабочихъ? Собственно говоря, перечисленныя нами узаконенія вовсе не имѣютъ примѣненія въ жизни, ибо вмѣсто нихъ дѣйствуютъ соотвѣтствующіе циркуляры. Циркуляръ 12 Авг. 1897 г. за № 7587 предлагаетъ мѣстнымъ властямъ: „безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ" (п. 4). „Въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки... назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить разсчетъ, и—по истеченіи этого срока, всѣхъ не ставшихъ на работу иногородныхъ рабочихъ, прекратившихъ работу *съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ*, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки (п. 5). Дѣла о стачкахъ вообще направлять „въ порядкѣ положенія объ охранѣ"...

Этотъ циркуляръ, какъ мы видимъ, упраздняетъ всякое различіе забастовокъ — съ законными и незаконными сроками. Проэктъ новаго уголовнаго уложенія сохраняетъ всѣ несовершенства первыхъ законовъ, но разбирать ихъ подробно нѣтъ основанія, ибо всякому извѣстно, что у насъ циркулярное распоряженіе выше закона.

Вслѣдствіе этого, мы не можемъ придавать значенія и той комиссіи при Мин. Фин., которая занята нынѣ вопросомъ объ урегулированіи рабочаго быта. Хотя она относительно стачекъ стала на вѣрный путь, предполагая устранить уголовную за нихъ отвѣтственность (фактически и не

примѣняемую, ибо до суда рѣдко доходитъ дѣло), но не въ силахъ комиссіи устранить тлетворное вліяніе таинственныхъ циркуляровъ, насквозь проникнутыхъ полицейскимъ духомъ и отрицающихъ всякую самоопредѣляемость русскаго обывателя. Рабочій вопросъ, а въ томъ числѣ и вопросъ о забастовкахъ, столь важныхъ въ жизни пролетаріата, можетъ получить въ Россіи нормальную постановку лишь тогда, когда царство циркуляровъ умретъ навѣки. А для этого нужна та коренная реформа, необходимость которой заявлена въ рескриптѣ 18 февр.

Доц. **М. Бернацкій.**

Изъ земской и городской жизни.

Городское самоуправленіе и общественная безопасность.

Возмутительныя избіенія учащихся дѣтей, полосою прошедшія по многимъ городамъ, безсмысленныя и наглыя нападенія на представителей интеллигенціи, дикіе погромы, отвратительная литература безграмотныхъ прокламацій неизвѣстнаго происхожденія, разжигающихъ самые низменные инстинкты, — всѣ эти факты послѣднихъ мѣсяцевъ русской жизни не могли не всколыхнуть до основанія даже такія относительно мертвыя общественныя учрежденія, какъ городскія думы. Равнодушный и обезпеченный обыватель, мирно владѣвшій и правившій русскими городами на пользу немногочисленной кучки торговцевъ и промышленниковъ, неожиданнымъ и сильнымъ ударомъ разбуженъ отъ обычной спячки и вынужденъ принять рѣшительныя и энергичныя мѣры для защиты самаго элементарнаго условія общежитія: личной неприкосновенности. Существующая полиція безопасности оказалась безсильной выполнить эту, повидимому, простую и прямую ея обязанность.

Такимъ образомъ, городское самоуправленіе невольно было поставлено въ необходимость такъ или иначе разрѣшить вопросъ объ охранѣ личной и имущественной безопасности гражданъ. Этотъ вопросъ неизбѣжно повлекъ за собою разсмотрѣніе уже стараго и больного вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ городского самоуправленія и полиціи. Многія городскія думы снова постановили ходатайствовать объ освобожденіи городовъ отъ расходовъ на содержаніе полиціи. Такая постановка вопроса отнюдь не можетъ способствовать его скорѣйшему разрѣшенію. Организація полиціи и ея отношенія къ мѣстному самоуправленію должны быть построены на строго принципіальныхъ основаніяхъ, усвоеніе которыхъ является неизбѣжною необходимостью для муниципальныхъ дѣятелей. Неоднократныя ходатайства нашихъ городскихъ думъ объ освобожденіи ихъ отъ расходовъ на содержаніе полиціи даютъ достаточный матеріалъ для руководящихъ обобщеній.

I.

Ненормальность отношеній между полиціей и городскимъ самоуправленіемъ уже давно давала себя чувствовать въ повседневной практикѣ муниципальной жизни. Чуждыя всякихъ политическихъ идей, городскія думы постоянно вовлекались въ конфликты самой организаціей городского общественнаго управленія.

На основаніи 138 ст. Городового Положенія 1892 года, на городское самоуправленіе возложены, въ качествѣ обязательныхъ расходовъ, участіе въ содержаніи правительственныхъ учрежденій, квартирное довольствіе воинскихъ чиновъ, устройство арестантскихъ помѣщеній при полиціи, содержаніе полиціи и, наконецъ, содержаніе пожарныхъ командъ. Если присоединить сюда заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ города, то перечисленнымъ, въ сущности, исчерпываются всѣ установленныя закономъ функціи городского самоуправленія. Культурныя потребности городского населенія законъ относитъ къ числу необязательныхъ предметовъ вѣдѣнія городскихъ учрежденій и допускаетъ ихъ удовлетвореніе только послѣ покрытія обязательныхъ расходовъ.

Это раздѣленіе, не представляющее, на первый взглядъ, ничего опаснаго, на практикѣ привело къ весьма серьезнымъ затрудненіямъ, тѣмъ болѣе, что Положеніе 1892 года, нѣкоторыя послѣдующія узаконенія и введеніе казенной винной монополіи значительно сократили источники городскихъ доходовъ [1]). Вслѣдствіе общихъ условій русской жизни, обязательные расходы обнаружили тенденцію къ быстрому и непрерывному росту, который неизбѣжно долженъ былъ совершаться насчетъ средствъ, имѣвшихъ назначеніемъ удовлетвореніе культурныхъ потребностей. По даннымъ, публикуемымъ хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, городскіе расходы (за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго) распадаются на такія группы [2]).

	Всего расходовъ.	Въ томъ числѣ обязательныхъ.	%%
Въ 1896 году . .	74.541.206 руб.	14.255.785 руб.	19,1
„ 1897 „ . .	78.823.714 „	17.652.624 „	22,4
„ 1898 „ . .	83.931.067 „	19.908.175 „	23,7
„ 1899 „ . .	102.474.037 „	21.304.389 „	20,7

Въ приведенныхъ цифрахъ въ рубрику обязательныхъ расходовъ не

---

[1]) Объ этомъ см. Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общественное управленіе. Стр. 180.

[2]) Заимствуемъ изъ обстоятельной статьи Б. Никитина: „Расходы городовъ на содержаніе полиціи“, Извѣстія Московской Городской Думы 1903, №№ 11—13.

включены расходы городовъ по внѣшнему благоустройству. Такимъ образомъ, только пособія казнѣ, воинская квартирная повинность, отопленіе и освѣщеніе тюремъ, содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ поглощаютъ болѣе 20 проц. всѣхъ городскихъ средствъ и ложатся тяжелымъ бременемъ на городское самоуправленіе. Внутреннее распредѣленіе обязательныхъ расходовъ еще болѣе способствуетъ ихъ обременительности для городского населенія. Первое мѣсто среди нихъ, по даннымъ хозяйственнаго департамента, занимаютъ расходы по квартирному довольствію войскъ и по содержанію полиціи безопасности.

Расходы.	Въ 1895 г.	Въ 1899 г.
На содержаніе полиціи и пожарн. команды	7.762.002 р.	9.931.365 р.
„ квартирное довольствіе войскъ	5.142.807 „	6.699.225 „
„ участіе въ содержаніи правительственныхъ учрежденій	1.216.218 „	3.913.753 „

Вслѣдъ за этими, относительно громадными, суммами идутъ расходы на квартирныя деньги судебнымъ слѣдователямъ, содержаніе сиротскихъ судовъ, арестныхъ домовъ, уплату налоговъ, погашеніе различнаго рода обязательствъ и т. п.; и только затѣмъ остающіяся свободныя суммы поступаютъ на мѣстныя пользы и нужды. Естественно, что культурныя потребности населенія не находятъ достаточнаго удовлетворенія. По вычисленіямъ г. Б. Никитина [1]), города Россіи расходовали:

	Обязательные расходы.	Народное образованіе.	Медиц., ветерин. и санит. часть.
Въ 1898 г.	19.908.175 р.	8.606.083 р.	10.127.974 р.
„ 1899 „	21.304.389 „	9.347.650 „	11.340.427 „

т. е. расходы городовъ на народное образованіе, медицинскую и ветеринарную помощь населенію, даже взятые вмѣстѣ, все же уступаютъ обязательнымъ расходамъ на общегосударственныя нужды. Для характеристики той ненормальности, которая создается такимъ строеніемъ городскихъ бюджетовъ, мы приведемъ нѣсколько цифръ изъ составленной г. Никитинымъ таблицы сравнительныхъ расходовъ городовъ на полицію и начальное обученіе.

Расходы городовъ въ 1897 г. на 1 жителя въ коп.

	на учебн. завед.	на полицію
Москва	$73,_0$	$116,_0$
Иркутскъ	$95,_0$	$115,_0$
Кіевъ	$53,_1$	$92,_0$

[1]) Изв. Моск. Гор. Думы, 1903, №№ 11—13.

Петербургъ.	80,3	90,5
Одесса	85,3	83,1
Кронштадтъ	18,6	71,0
Вильно	6,9	52,9
Харьковъ	36,3	50,8
Слонимъ	1,7	35,3
Ковель	1,2	25,2
Лугансвъ	4,3	31,8
Орелъ	8,6	44,7

И т. д... Изъ 20-ти городовъ, названныхъ г-номъ Никитинымъ, только одна Одесса затратила на народное образованіе нѣсколько болѣе, чѣмъ на полицію; всѣ же остальные города расходовали на полицію во много разъ больше, чѣмъ на просвѣщеніе народной массы. Это было въ 1897 году. Теперь, послѣ усиленія состава городскихъ полицій въ 1901 и 1902 гг., Одесса едва-ли составляетъ счастливое исключеніе. Приведенныя цифры не допускаютъ двоякаго толкованія: при современномъ характерѣ расходованія городскихъ средствъ самыя основныя и неотложныя нужды плательщиковъ городскихъ налоговъ остаются безъ удовлетворенія. Муниципальная мысль должна была искать выхода изъ этого положенія въ пересмотрѣ бюджета. Естественно, что главнѣйшая статья бюджета—содержаніе полиціи, привлекла, прежде всего, вниманіе муниципальныхъ дѣятелей уже потому, что результаты этой затраты были у всѣхъ на глазахъ и наиболѣе легко поддавались оцѣнкѣ. Надо также замѣтить, что указанныя выше суммы не даютъ понятія о дѣйствительныхъ расходахъ городскихъ обывателей на полицію безопасности. Не говоря о расходахъ городовъ Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы на содержаніе жандармскихъ дивизіоновъ, мы должны упомянуть о различныхъ натуральныхъ повинностяхъ, лежащихъ на городскихъ жителяхъ, и объ институтѣ дворниковъ, ночныхъ сторожей и т. п. низшихъ полицейскихъ служителей, которые въ настоящее время, вслѣдствіе обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ губернаторами на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, вводятся почти повсемѣстно и на которыхъ возлагаются „обязанности по надзору за внѣшнимъ порядкомъ и общественною безопасностью". За отсутствіемъ цифрового матеріала, учетъ подобныхъ расходовъ является невозможнымъ, но ихъ размѣры опредѣляются достаточно ясно и нѣкоторыми отрывочными свѣдѣніями. Такъ, финансовая комиссія г. Москвы въ своемъ докладѣ отъ 9-го сент. 1899 г., вычисляя дѣйствительные расходы на содержаніе городской полиціи, пришла къ заключенію, что „расходъ по этому предмету, исчисленный въ смѣтѣ въ 1.147.782 р., въ дѣйствительности опредѣляется по самому минимальному расчету въ 3.317.625 р., т. е. въ три раза болѣе смѣтной и отчетной цифры и равняется почти 1/3 всего городского бюджета".

Финансовая комиссія г. Николаева, разсматривая проектъ смѣты на 1903 г., также нашла, что расходъ на содержаніе полиціи, опредѣленный по смѣтѣ въ 48 тысячъ р., въ дѣйствительности превышаетъ 90 тысячъ. И, несмотря на высоту этихъ цифръ, онѣ продолжаютъ непрерывно расти, такъ какъ полицейская дѣятельность государства развивается съ неослабною быстротою и неуклонностью. Въ Петербургѣ, на пространствѣ менѣе полувѣка, столичная полиція была реформирована въ сторону усиленія ея личнаго состава и увеличенія столичнаго ея содержанія одиннадцать разъ; въ Москвѣ, въ теченіе всего лишь 21 года, съ 1881 по 1902, штатъ полиціи былъ увеличенъ десятью отдѣльными дополнительными узаконеніями и однимъ приговоромъ думы. Въ послѣдніе годы, когда, по опредѣленію Манифеста 26-го февраля, волнуетъ умы „смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни", охранительныя задачи государства, естественно, вызвали новыя увеличенія городскихъ расходовъ на этотъ предметъ не только въ столицахъ, но и во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Однако, городскія общественныя управленія встрѣтили серьезныя затрудненія въ исполненіи новыхъ требованій государства тѣмъ болѣе, что увеличеніе полицейскаго состава вовсе не обезпечиваетъ городскимъ учрежденіямъ большей успѣшности ихъ дѣятельности. Наоборотъ, городскія дѣла явно отходятъ на второй планъ предъ общегосударственными задачами полиціи. Одинъ изъ недавнихъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ опредѣленно указываетъ, что, по мнѣнію министерства, земскія и городскія управы нерѣдко возлагаютъ на чиновъ мѣстной полиціи такія порученія, которыя являются слѣдствіемъ „слишкомъ широкаго пониманія того общаго правила, по которому полиція обязана оказывать содѣйствіе ихъ дѣятельности". Поэтому министерство предлагаетъ губернаторамъ обратить вниманіе органовъ земскаго и городского управленія на то, чтобы они избѣгали такихъ порученій, которыя безъ особаго затрудненія могутъ быть выполнены своими средствами. Это распоряженіе, вызывая необходимость создавать при городскихъ управахъ различные исполнительные органы, несомнѣнно влечетъ новые расходы и еще болѣе усиливаетъ и безъ того затруднительное положеніе городскихъ финансовъ. Такимъ образомъ, муниципальная мысль обратилась къ ходатайствамъ объ освобожденіи городовъ отъ обязательныхъ расходовъ и, преимущественно, отъ расходовъ на содержаніе полиціи.

II.

Мотивировка городскихъ ходатайствъ, обыкновенно, заключаетъ два момента: во-первыхъ, общую картину неудовлетворительнаго состоянія городскихъ финансовъ, во-вторыхъ, критическое разсмотрѣніе расходовъ на

полицію съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Нѣкоторыя городскія думы, кромѣ того, поставили вопросъ и о законности возложенія на города издержекъ, вызываемыхъ увеличеніемъ полиціи административными распоряженіями, которыя не находятъ опоры въ точныхъ указаніяхъ закона 23 іюня 1853 года, единственнаго законодательнаго акта, устанавливающаго опредѣленные полицейскіе штаты. Матеріалъ, заключающійся въ городскихъ ходатайствахъ, весьма поучителенъ. Напримѣръ, Вологодская дума указываетъ на то, что необходимость расходовать около 8 процент. очень незначительнаго городского бюджета заставляетъ отказаться отъ удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ населенія—въ образованіи, въ здоровой питьевой водѣ, въ благоустройствѣ и т. п.; однако, несмотря на всю „экономію", смѣта ежегодно заключается съ дефицитомъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство думы о принятіи содержанія полиціи на счетъ казны, на томъ основаніи, что городское управленіе имѣетъ ежегодно избытокъ расходовъ надъ доходами.

Изъ доклада управы по поводу этого вопроса оказалось, что министерство впало въ крупную ошибку: оно приняло спеціальныя средства (пожертвованныя съ благотворительною цѣлью капиталы и т. п.), въ суммѣ около 80 тыс. р., за городскіе доходы. Дума постановила снова возбудить ходатайство. [1]) Въ Николаевской думѣ предсѣдатель финансовой комиссіи заявилъ, что дальнѣйшіе расходы на полицію являются для города непосильными. За 22 года населеніе Николаева увеличилось менѣе, чѣмъ на половину, содержаніе же полиціи—въ 10 разъ. Проектируемые съ 1903 года новые штаты еще болѣе усилятъ тяжесть городскихъ расходовъ. Такъ, полиціймейстеръ долженъ будетъ получать 5000 р. въ годъ, т. е. почти столько же, сколько получаетъ, напримѣръ, предсѣдатель судебной палаты. Но, по словамъ предсѣдателя николаевской финансовой комиссіи, „для полученія послѣдней должности требуются высокій образовательный цензъ и другія качества, между тѣмъ для должности николаевскаго полиціймейстера, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, ничего подобнаго не требуется". [2]) Бугурусланская дума, обсуждая предложеніе исправника увеличить штатъ полицейской команды, выяснила, что наличное число городовыхъ было бы вполнѣ достаточно, если бы не нужно было ставить особыхъ постовъ при винныхъ лавкахъ и если бы городовые не откомандировывались въ распоряженіе судебныхъ слѣдователей, городского судьи и другихъ чиновниковъ. Между тѣмъ, городовые, находящіеся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, несутъ далеко не служебныя обязанности; они качаютъ дѣтей, ходятъ за покупками на базаръ и даже носятъ воду. [3]) Красноярская городская дума упол-

---

[1]) Изв. М. Г. Д. 1903. № 1.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

номочила городского голову принести прошеніе на Высочайшее имя объ освобожденіи города отъ расходовъ на содержаніе полиціи въ виду обременительности ихъ для городского бюджета и въ виду того, что полиція въ г. Красноярскѣ несетъ, главнымъ образомъ, общегосударственную службу, наблюдая за административно-ссыльнымъ элементомъ". [1]) Енисейскіе городовые, наоборотъ, ни за какими „элементами" не наблюдаютъ. По свидѣтельству енисейскихъ городскихъ гласныхъ, „изъ двадцати городовыхъ, которымъ городъ выдаетъ жалованье, только часть исполняетъ обязанности по охранѣ, остальные же служатъ кучерами и лакеями, что уже ничего общаго съ охраной не имѣетъ". [2]) Поэтому, дума постановила прекратить выдачу жалованья чинамъ полиціи. Постановленіе, конечно, было отмѣнено общимъ присутствіемъ губернскаго управленія, которое объявило, что городъ можетъ отказаться, въ крайнемъ случаѣ, отъ содержанія городскихъ школъ и учебныхъ заведеній. Петербургская городская дума, которая пережила цѣлый рядъ преобразованій столичной полиціи, можетъ дать матеріалъ для обширнаго изслѣдованія въ области взаимныхъ отношеній городского самоуправленія и администраціи. Здѣсь нашли наиболѣе полное и яркое выраженіе всѣ ненормальности полицейской организаціи, свойственныя современнымъ русскимъ городамъ.

Комиссія петербургской думы, разсматривавшая возбужденный градоначальникомъ вопросъ объ увеличеніи штата столичной полиціи, опубликовала чрезвычайно цѣнные факты и соображенія, характеризующіе дѣйствующій порядокъ. Она, прежде всего, выяснила, что всѣ штаты полиціи, утвержденные послѣ 1853 года, какъ оказывается изъ соотвѣтствующихъ мнѣній государственнаго совѣта, суть временные, вызванные не наростаніемъ количества народонаселенія столицы, а особыми причинами и смутными временами.

Поэтому, комиссія считала справедливымъ, чтобы правительство приняло на свой счетъ расходы, вызванные общегосударственными потребностями. Кромѣ того, комиссія указала, что при настоящемъ порядкѣ, когда городскія деньги получаетъ непосредственно и въ полное безотчетное распоряженіе административная власть, городъ лишенъ возможности провѣрки и регулированія расходовъ, занимающихъ такое видное мѣсто въ городскомъ бюджетѣ. Между тѣмъ, комиссіи извѣстенъ цѣлый рядъ неправильностей, которыя городское управленіе безсильно устранить. Такъ, отводя полицейскимъ чинамъ квартиры натурою, городъ обязанъ руководствоваться нормами, установленными для воинскихъ чиновъ 14 марта 1894 года. Но, передавая городскія зданія въ пользованіе полиціи, городъ не имѣетъ возможности наблюдать, въ какой мѣрѣ эти нормы соотвѣтствуютъ дѣй-

---

[1]) Изв. Моск. Гор. Д. 1903. № 5.

[2]) То же. 1903. № 5

ствительному распредѣленію квартиръ между полицейскими чинами. Между тѣмъ, даже отрывочныя данныя, бывшія въ распоряженіи комиссін, указываютъ на необходимость болѣе точнаго согласованія практики съ законами. Такъ, въ одномъ изъ городскихъ домовъ помѣщеніе было распредѣлено безъ какого-либо соотвѣтствія съ установленными нормами.

Полиціймейстеръ занималъ 11 комнатъ, начальникъ сыскного отдѣленія—12, завѣдующій столомъ приключеній при управленіи градоначальника—10, и т. д., хотя, по положенію 1894 года, даже чины IV класса имѣютъ право на квартиру въ 50 кв. саженъ, считая тутъ и внутренніе коридоры. Еще болѣе ненормальнымъ является тотъ фактъ, что во многихъ городскихъ домахъ расквартированы городовые, несмотря на то, что въ распоряженіе градоначальника отпускаются крупныя суммы на наемъ для этихъ самыхъ городовыхъ квартиръ въ частныхъ зданіяхъ [1]).

По заключенію комиссіи, внимательное изученіе вопроса съ полною ясностью показываетъ, что развитіе полицейской дѣятельности находится въ зависимости отъ общегосударственныхъ, а не мѣстныхъ причинъ, что городской бюджетъ изнемогаетъ подъ бременемъ непосильныхъ расходовъ и что, наконецъ, эти расходы могли бы быть уменьшены при достаточномъ контролѣ со стороны городского управленія [2]).

Обильный фактическими данными петербургскій докладъ, однако, не отличается ясною принципіальною постановкою вопроса.

Иное впечатлѣніе оставляетъ ходатайство иркутской городской думы. Въ докладѣ, посвященномъ вопросу объ увеличеніи полиціи, иркутская городская управа признаетъ, что даже самая элементарная безопасность обезпечена въ Иркутскѣ очень слабо, но объясняетъ это отчасти тѣмъ, что низшіе полицейскіе чины сплошь и рядомъ отрываются отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Еще въ 1884 году спеціальная комиссія констатировала фактъ, что изъ 69 городовыхъ 17 несутъ службу разсыльныхъ и сторожей, и такой порядокъ мало измѣнился и въ настоящее время. Въ журналѣ общаго присутствія иркутскаго губернскаго управленія за 2 ноября 1899 г. имѣется указаніе, что 7 городовыхъ заняты исключительно врученіемъ повѣстокъ разныхъ учрежденій, тогда какъ полицейское управленіе имѣетъ спеціальный кредитъ на наемъ разсыльныхъ.

Главной же причиною неудовлетворительности полиціи иркутская управа считаетъ слишкомъ широкій кругъ обязанностей. Указавъ нѣкоторыя функціи полицейской власти, управа говоритъ: „уже перечисленнаго достаточно, чтобы сказать о безпредѣльности полицейской компетенціи, а при такомъ положеніи вещей точное выполненіе своихъ обязанностей полиціею невозможно ни при какомъ увеличеніи штатовъ... Отсюда и дѣя-

---

1) Изв. Моск. Гор. Думы. 1902. № 21.
2) Изв. Моск. Гор. Д. 1902. № 21.

тельность полиціи и взглядъ ея на свои обязанности носитъ двоякую форму: взысканіе податей, недоимокъ, охраненіе государственнаго порядка стоитъ на первомъ планѣ, ибо аккуратное исполненіе этой части дѣлъ поощряется, а неисправное—наказуется, тогда какъ остальныя дѣла—охрана имущества, личности и проч. не отражаются на исправномъ исполнителѣ ни въ степень заслуги, ни ведутъ къ замѣчанію при неисполнительности. Словомъ, полицейскіе органы всю свою дѣятельность сосредоточиваютъ на исполненіи двухъ обязанностей: по полиціи благосостоянія—на взиманіи налоговъ и сборовъ и недоимокъ по нимъ и по полиціи безопасности—на охраненіи государственной безопасности. Охраненіе же личной безопасности и имущественной неприкосновенности, какъ и всѣ остальныя многочисленныя обязанности по полиціи благосостоянія, составляютъ для дѣятельности чиновъ полиціи не такое ужъ серьезное и отвѣтственное дѣло"...

Новыя ассигновки и увеличеніе штатовъ, по мнѣнію управы, мало могутъ помочь дѣлу, такъ какъ „необъятность полицейской компетенціи даетъ широкій и безконтрольный просторъ полиціи, которая, сознавая это, создаетъ себѣ все новыя и новыя обязанности". Поэтому, управа приходитъ къ выводу, что „улучшеніе полиціи зависитъ не отъ увеличенія ея штатовъ, а отъ точнаго опредѣленія ея обязанностей, такъ какъ городская полиція, въ ея существующемъ видѣ, все еще остается дореформеннымъ учрежденіемъ" [1]).

Иркутское ходатайство вводитъ насъ въ самую суть вопроса. Перенося центръ тяжести изъ городскихъ бюджетовъ на организацію современной полиціи, оно ясно показываетъ, что многочисленные конфликты городовъ и администраціи объясняются исключительно борьбою дореформеннаго и пореформеннаго началъ русской жизни и объясняются неразрывной связью мѣстнаго общественнаго управленія со всѣмъ государственнымъ строемъ. Городовое положеніе 1892 года, создавая органы „городского общественнаго управленія" (наше законодательство не знаетъ слова „самоуправленіе"), видѣло въ нихъ только особую организацію государственнаго управленія. Эта теоретически правильная точка зрѣнія получила на практикѣ, какъ извѣстно, своеобразное толкованіе. Составители Положенія заключили, что городскія дѣла, являясь дѣлами государственными, должны подлежать вѣдѣнію правительства при содѣйствіи лишь общественнаго представительства и, слѣдовательно, должны быть подчинены ближайшему надзору министра внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ. „Всѣ эти предположенія,—говоритъ проф. Коркуновъ,—конечно, въ корнѣ противорѣчили государственному пониманію мѣстнаго самоуправленія, какъ возложенія на мѣстныя общества самостоятельнаго осуществленія опредѣленныхъ задачъ

[1]) Изв. Моск. Гор. Д. 1902. №№ 11—13.

государственнаго управленія" [1]). Но, во всякомъ случаѣ, реформа 1892 года связала крѣпкими узами городскія общественныя учрежденія съ государственными и сдѣлала невозможнымъ для нихъ иной путь чѣмъ тотъ, по которому шло государство. Всякія уклоненія съ этого пути, дѣйствительныя или кажущіяся, немедленно исправляются простымъ распоряженіемъ административной власти. Это единство, достигнутое съ серьезными усиліями, не можетъ быть нарушено. Поэтому, стремленіе городовъ къ освобожденію ихъ отъ обязательныхъ расходовъ на общегосударственныя нужды, представляется мало осуществимымъ. По крайней мѣрѣ, несмотря на многочисленность ходатайствъ, до сихъ поръ освобождено отъ части обязательныхъ расходовъ только 46 городовъ и всего лишь на сумму менѣе 25 тысячъ р. Очевидно, города и въ будущемъ должны слѣдовать за ходомъ государственнаго корабля и нести всѣ повинности, связанныя съ этою обязанностью.

Слѣдовательно, задача общественныхъ учрежденій заключается вовсе не въ томъ, чтобы сбросить съ своихъ счетовъ расходы на общегосударственныя нужды. Съ точки зрѣнія огромнаго большинства городского населенія успѣхъ этого плана не представляетъ почти никакого значенія. Въ конечномъ итогѣ, и мѣстные и общіе налоги собираются, главнымъ образомъ, съ народныхъ массъ, такъ что переводъ нѣкоторыхъ расходовъ изъ мѣстныхъ смѣтъ въ государственную роспись не можетъ принести существеннаго облегченія плательщикамъ. Задача заключается въ устраненіи того непримиримаго противорѣчія между культурными потребностями населенія и политическими цѣлями полицейскаго государства, т. е. въ уничтоженіи современнаго полицейско-бюрократическаго порядка. Безъ этого условія, полиція—по какой бы, мѣстной или общегосударственной смѣтѣ, не оплачивалось ея содержаніе, будетъ постояннымъ источникомъ возрастающаго негодованія и увеличивающихся расходовъ. Не преобразованіе полиціи, не измѣненіе порядка уплаты ей все тѣхъ же народныхъ денегъ должно теперь занимать муниципальную мысль,—она должна энергично работать надъ вопросомъ о преобразованіи всего строя жизни, преобразованіи, въ которомъ полицейская реформа займетъ присущее ей скромное мѣсто и разрѣшится безъ всякаго затрудненія. Время малыхъ дѣлъ, время оппортунистическихъ колебаній прошло безвозвратно. Только принципіальное отношеніе къ окружающей дѣйствительности выведетъ городское самоуправленіе изъ того ничтожества, въ которомъ оно теперь находится и дастъ ему возможность отвѣтить, какъ на общіе запросы переживаемаго историческаго момента, такъ и на частныя требованія растущаго и развивающагося городского населенія. Немедленное упраздненіе всѣхъ существующихъ ограниченій свободы общественныхъ собраній, свободы печат-

[1]) Коркуновъ. Русское Государственное Право. Т. II, стр. 394.

наго и устнаго слова,—немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законоположеній и пресловутыхъ „временныхъ правилъ“,—вотъ тѣ руководящія начала, которыя должны освѣщать каждое дѣйствіе общественныхъ учрежденій и безъ которыхъ всѣ усилія гражданъ освободиться отъ тѣхъ или другихъ частныхъ неудобствъ существующаго строя всегда останутся только достойной слезъ и смѣха бѣличьей бѣготней.

III.

Узкій размахъ политической мысли городскихъ думъ, не всегда и не съ достаточною опредѣленностью подчеркнувшихъ въ ходатайствахъ объ освобожденіи городовъ отъ расходовъ по содержанію полиціи, связь этого вопроса съ общими политическими задачами момента, сказался „въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя были вынесены представителями городской буржуазіи по вопросу о городской милиціи. Организація самообороны, являющаяся цѣлью учрежденія городской милиціи, несомнѣнно, стоитъ на очереди. Въ той трагедіи, которая теперь разыгрывается въ Россіи — величайшей трагедіи изъ всѣхъ, когда-либо разыгрывавшихся на исторической сценѣ—гражданинъ можетъ разсчитывать только на свою личную и общественную самодѣятельность. Нѣтъ ничего болѣе безплоднаго, какъ тѣ призывы къ „городовому“, которые раздаются даже въ либеральной средѣ по поводу различныхъ проявленій современной смуты. Что можетъ сдѣлать „городовой“, когда онъ самъ увлеченъ въ процессъ бурной смѣны двухъ міровъ? Избіеніе младенцевъ, травля интеллигенціи, циничная игра на низменныхъ инстинктахъ черной сотни,—всѣ эти отвратительные факты послѣднихъ дней—естественные результаты мобилизаціи темныхъ силъ русской жизни. Въ настоящее время черная сотня дѣйствуетъ болѣе или менѣе самостоятельно и независимо отъ руководящаго центра. Ея нападенія — въ значительной степени партизанская борьба. И если она, въ конечномъ результатѣ, имѣетъ тенденцію сгруппироваться вокругъ того центра, который выступалъ, какъ иниціаторъ, въ гомельскомъ и кишиневскомъ погромахъ, то только потому, что этотъ центръ является естественнымъ центромъ, вокругъ котораго неизбѣжно должны сплотиться въ моментъ послѣдней схватки всѣ темныя силы русской жизни. Но самъ по себѣ этотъ центръ сейчасъ уже не играетъ творческой роли.

Слѣдовательно, всѣ, чья имущественная и личная безопасность подвергаются сейчасъ опасности, не могутъ возлагать надежды на измѣненіе настроенія въ центрѣ, который безсиленъ освободиться отъ давленія темныхъ силъ и лишенъ возможности сознать необходимость такого освобожденія. Завязалась борьба общественныхъ группъ, въ которой каждый гражданинъ волей-неволей принимаетъ участіе и вынуждается самочинно

и самолично защищать свои права и интересы. Обычные административные органы въ переживаемое время безусловно не могутъ замѣнить общественную самодѣятельность, ибо ихъ личный составъ, въ качествѣ гражданъ, становится на сторону той или другой общественной группы,—и излишне говорить, на сторону какой.

Повидимому, среди представителей городского самоуправленія уже созрѣваетъ сознаніе особенностей переживаемаго историческаго момента, вызывающихъ необходимость организаціи самозащиты. Постановленія объ организаціи городской милиціи приняты во многихъ думахъ; въ другихъ вопросъ этотъ долженъ обсуждаться. Можно предполагать, что идея организованной самообороны найдетъ почву почти во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ русскихъ городахъ, гдѣ сколько-нибудь развилась политическая жизнь. Уже теперь вопросъ объ организаціи городской милиціи возбужденъ различными общественными союзами и собраніями обывателей въ Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Калугѣ, Могилевѣ, Кишиневѣ, Пензѣ, Орлѣ, Ялтѣ, Казани, Курскѣ, Мелитополѣ, Симферополѣ, Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Во многихъ изъ нихъ городскія думы иостановили разработать этотъ вопросъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ; въ другихъ— намѣтили основныя черты организаціи. Не имѣя въ распоряженіи ни одного детально разработаннаго проекта городской милиціи, мы не можемъ пока входить въ разсмотрѣніе какого-нибудь опредѣленнаго плана организаціи.

Часть городскихъ думъ разрѣшила возбужденный гражданами вопросъ объ охранѣ безопасности въ томъ смыслѣ, что полиція должна быть подчинена городскому самоуправленію. Такое рѣшеніе, несомнѣнно, не отвѣчаетъ потребностямъ момента.

Слѣдовательно, подчиненіе городскому самоуправленію современной полиціи—даже если-бы оно могло осуществиться—нисколько не обезпечило бы общественную безопасность въ моментъ столкновенія враждующихъ силъ.

Столь-же мало обезпечиваетъ безопасность и намѣченное нѣкоторыми городами учрежденіе наемной городской полиціи, находящейся въ исключительномъ вѣдѣніи города.

На болѣе правильномъ пути стоятъ тѣ городскія думы, которыя намѣтили учрежденіе вольныхъ пожарныхъ обществъ и участковыхъ попечительствъ. Находясь всецѣло на почвѣ правъ, предоставляемыхъ думѣ городовымъ положеніемъ, это постановленіе имѣетъ всѣ преимущества цѣлесообразности. Въ попечительствахъ и вольныхъ дружинахъ сгруппируются не наемники, а граждане, которые будутъ защищать свое собственное дѣло, свои собственные интересы. Такимъ образомъ, созданіе спеціальныхъ общественныхъ организацій самообороны представляется наиболѣе правильнымъ выходомъ изъ современнаго труднаго положенія.

Ник. Іорданскій.

Хроника русской жизни.

(Аграрныя движенія въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Высочайшій указъ правительствующему сенату и Высочайшій рескриптъ на имя д. т. с. Горемыкина. Политическая платформа губернскихъ предводителей дворянства. Пироговскій съѣздъ въ Москвѣ. Съѣздъ адвокатовъ въ Петербургѣ. Открытое письмо А. Ф. Пантелѣева къ В. Г. Короленко. Политическіе процессы въ Витебскѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Новые образчики „патріотическихъ“ прокламацій).

То огромное движеніе, которое происходило въ Россіи до послѣдняго времени почти исключительно въ городахъ и крупныхъ центрахъ, проникло теперь и въ деревню, принявши тамъ, какъ это вполнѣ естественно, преимущественно аграрный характеръ. Свѣдѣнія объ этомъ движеніи, конечно, въ высшей степени неполныя и недостаточныя, тѣмъ не менѣе, уже проникли въ печать и занимаютъ собою общественное вниманіе. Мы говорили въ прошломъ нашемъ обозрѣніи о движеніи этого рода, имѣвшемъ мѣсто въ Курской губерніи; теперь появились извѣстія о крестьянскихъ движеніяхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ изъ Лифляндской губерніи „Московскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ: „Изъ всѣхъ уѣздовъ Лифляндской губерніи идутъ плохія вѣсти. Среди сельскаго населенія неспокойно. Въ имѣніяхъ производятся безчинства, жгутъ и разрушаютъ зданія, производятъ лѣсныя порубки. Есть и человѣческія жертвы. Потребовалась посылка запасныхъ командъ. Забастовки не прекращаются. Повсюду распространяются прокламаціи антиправительственнаго характера“. Въ Курляндской губерніи, по словамъ „Рижскаго Вѣстника“, во всѣхъ усадьбахъ Дандангенской и Аяценской волостей (близъ Виндавы) были разосланы революціонныя прокламаціи. Въ Дандангенѣ толпа въ 1000 человѣкъ, выбросивши красный флагъ, двинулась на имѣніе мѣстнаго землевладѣльца. Помощникъ уѣзднаго начальника съ двумя урядниками вышелъ навстрѣчу толпѣ, но толпа встрѣтила его выстрѣлами изъ револьверовъ и двинулась дальше. Владѣльца имѣнія не ока-

залось дома. Убѣдившись въ этомъ, толпа разошлась, произнося угрозы и обѣщая вернуться снова. Въ имѣніи Талама Верроскаго уѣзда отношенія между владѣльцемъ имѣнія и мызными рабочими приняли столь острый характеръ, что дѣло дошло до оружія. Владѣлецъ имѣнія г. Гаммеръ и его кассирша,—сообщаетъ „Рижскій Вѣстникъ",—пустили въ ходъ огнестрѣльное оружіе, а крестьяне—дубины, полѣнья и ножи. Въ результатѣ нѣсколько крестьянъ было ранено пулями, урядникъ—ножами и г. Гаммеръ—полѣномъ. Затѣмъ батраки подожгли принадлежавшую имѣнію Талама корчму „Левако", паровую мельницу, лѣсопильню и зерносушильню съ хлѣбомъ. Огня они тушить не позволили. Въ Люблинской губерніи, по свѣдѣніямъ „Права", аграрные безпорядки приняли довольно широкіе размѣры. Такъ, недавно толпа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Люблинскаго уѣзда, числомъ болѣе 500 человѣкъ, вооруженная револьверами, одностволками и палками, явилась въ имѣніе помѣщика Домбровскаго, обезоружила его, потребовала 75 руб. на прокормленіе и, забравъ съ собою всѣхъ рабочихъ, находившихся на службѣ въ этомъ имѣніи, направилась въ сосѣднюю экономію Рыбчевичи. Здѣсь были также потребованы деньги и взяты съ собой сельско-хозяйственные рабочіе. Отсюда толпа направилась въ имѣніе Файславье. То-же самое повторилось и здѣсь. Насилій надъ личностью помѣщиковъ толпа нигдѣ не производила. Получивъ отъ помѣщиковъ нѣкоторую, соотвѣтствующую числу забастовщиковъ, сумму „на харчъ", толпа въ большинствѣ случаевъ мирно удалялась. Значительно увеличившись въ своей численности послѣ присоединенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ трехъ названныхъ экономіяхъ, толпа затѣмъ раздѣлилась на двѣ части: одна направилась по направленію къ Травнику, а другая по шоссе къ Лепеннику. На пути толпа останавливалась въ фольваркахъ и прекращала производившіяся тамъ сельско-хозяйственныя работы. Переночевавъ въ русскомъ Лепенникѣ, толпа на другой день рано утромъ направилась въ Красноставъ, но дальнѣйшій путь былъ ей прегражденъ высланными изъ Люблина войсками. Отрядъ Тарутинскаго полка обезоружилъ толпу и затѣмъ разогналъ ее. Отобрана была также значительная часть денегъ, полученная крестьянами отъ владѣльцевъ экономій на расходы по продовольствію. Изъ г. Замостья Люблинской губерніи сообщаютъ той же газетѣ, что, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Замостскомъ уѣздѣ аграрное движеніе достигло въ послѣднее время особенной интенсивности. Предъявляются требованія главнымъ образомъ экономическаго характера.

На движеніе въ Калишской губерніи указываетъ слѣдующее объявленіе мѣстнаго губернатора, напечатанное въ „Калишскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ":

„На основаніи введеннаго въ краѣ положенія объ усиленной охранѣ, виновные въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы, въ захватѣ земель по-

мѣщиковъ, въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ, сопровождаемыхъ насиліемъ или угрозами, требованій, въ сопротивленіи толпой чинамъ администраціи, войскамъ или полиціи и пр., будутъ предаваемы военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени".

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано:

„8-го марта толпа забастовавшихъ рабочихъ направлялась изъ Гостынинскаго уѣзда въ Кутновскій и въ д. Ланентахъ встрѣтилась съ мѣстными сельскими рабочими, также забастовавшими. Образовавъ такимъ образомъ толпу въ 200 человѣкъ, они направились въ деревню Суходембе съ цѣлью склонить къ забастовкѣ остальныхъ рабочихъ въ имѣніяхъ названнаго уѣзда, но подоспѣвшій изъ г. Кутна съ ротою солдатъ начальникъ земской стражи капитанъ Грибъ встрѣтилъ ихъ здѣсь, сошелъ съ подводы и сталъ увѣщевать ихъ разойтись по домамъ. Крестьяне, вооруженные палками, не слушали уговоровъ капитана Гриба, просившаго ихъ, если не ради себя, то ради женъ и дѣтей, бывшихъ въ толпѣ, разойтись по домамъ. Исчерпавъ всѣ мѣры увѣщанія, капитанъ Грибъ просилъ ротнаго командира повліять на крестьянъ угрозою, что тотъ и исполнилъ, предупредивъ крестьянъ, что прикажетъ разсѣять ихъ залпами. Когда и эти угрозы не оказали ни малѣйшаго впечатлѣнія на толпу, ротный командиръ приказалъ сигналисту дать троекратный сигналъ о готовящемся залпѣ, а когда и этотъ сигналъ не привелъ ни къ какому результату, солдаты произвели первый залпъ; толпа все еще продолжала стоять, и только послѣ второго залпа крестьяне бросились бѣжать, оставивъ убитыми и умершими отъ ранъ 11 человѣкъ (въ числѣ ихъ 8 женщины) и 10 человѣкъ ранеными (изъ нихъ 5 человѣкъ изъ Гостынинскаго уѣзда)".

Относительно крестьянскаго движенія на Кавказѣ появились также нѣкоторыя оффиціальныя сообщенія. Такъ, по поводу движенія въ Горійскомъ уѣздѣ напечатаны слѣдующія данныя оффиціальнаго характера: „14 марта учиненъ разгромъ канцеляріи Дицкаго сельскаго управленія въ Цхиновальскомъ участкѣ. Уничтожены всѣ дѣла и бумаги. Въ Мхреъскомъ обществѣ насильно удалены сельскія должностныя лица, закрыты сельскія управленія, отъ помѣщиковъ насильственно отобраны какія-то подписки и уволена прислуга. Крестьяне Цунарскаго, Дицкаго, Вюлотскаго и Шиндисскаго обществъ Цхинвальскаго участка, собравшись въ селеніи Корниси, принудили священника дать имъ присягу на единство дѣйствій, что священникъ и исполнилъ, приневоленный угрозами убійства. Въ селеніи Дици крестьяне разгромили церковно-приходскую школу; въ селеніи Бюлотахъ разнесли канцелярію сельскаго общества, уничтожили всѣ дѣла и бумаги; въ селеніи Драниси крестьяне насильно заставили помѣщика Сулханова съ семьей выѣхать изъ имѣнія, подожгли нѣкоторыя его зданія и распустили прислугу. Пожаръ предупрежденъ. Въ се-

леніи Бируси, имѣніи монастыря Гроба Господня, сдѣлана крестьянами попытка поджечь амбары, своевременно замѣченная и предупрежденная. Въ селеніи Руиси крестьянами разрушено пять мельницъ разныхъ лицъ, домъ священника Инаева, разгромлены сельская школа и управленіе, а должностныя лица удалены. Въ селеніи Плавѣ 15 марта крестьянами совершена самовольная рубка лѣса князя Эристова, котораго заставили съ семействомъ уѣхать изъ имѣнія, а прислугу разогнали. Въ селеніи Ксуцси крестьяне удалили изъ имѣнія дворянина Утнелова съ семействомъ, предупредивъ, что, если онъ возвратится, то будетъ убитъ; затѣмъ они стали рубить лѣсъ. 16 марта въ селеніи Шиндиси толпа приблизительно въ шестьсотъ крестьянъ разныхъ селеній, окружила сельскую канцелярію, начала разбивать стекла и ломать двери, а прибывшаго пристава и стражниковъ крестьяне предупредили не подходить, иначе они будутъ убиты. 17 марта въ селеніи Ачабетахъ тысячная толпа разгромила сельскую канцелярію и сожгла всѣ дѣла и бумаги.

Предположено производить въ мятежныхъ селеніяхъ экзекуцію, взыскивать убытки за порубки и потравы. По офиціальнымъ донесеніямъ, 21 марта въ 9 часовъ утра на артельщика общества Нахшира, везшаго изъ Тквибули 7,000 руб., напало 8 человѣкъ, которые, разогнавъ четырехъ вооруженныхъ винтовками конвойныхъ рабочихъ, отняли всѣ деньги и скрылись. Въ Кутаисѣ въ тотъ же день въ 11 часовъ утра на надзирателя духовнаго училища напали на улицѣ 6 вооруженныхъ и отняли казенныя деньги въ размѣрѣ 1898 руб.; ихъ преслѣдовали казаки и стражники—двое убиты, двое тяжело ранены, двое задержаны".

Аграрное движеніе продолжаетъ развиваться также и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Кромѣ отмѣченныхъ нами въ прошломъ обозрѣніи районовъ, оно обнаружилось и въ губерніяхъ Тульской, Саратовской, Воронежской и другихъ. Въ частности относительно Воронежской губерніи въ „Русскомъ Словѣ“ появилось извѣстіе о разгромѣ имѣнія князя Юсупова, находящагося въ Бирюченскомъ уѣздѣ.

Въ Полтавской губерніи тоже неспокойно. Тамъ, по словамъ газетъ, мѣстный губернаторъ разослалъ земскимъ начальникамъ и мѣстной полиціи слѣдующій циркуляръ:

1) Усилить наблюденіе за настроеніемъ населенія и сдѣлать помощь земскихъ начальниковъ возможно доступнѣе.

2) Противодѣйствовать пропагандѣ путемъ объѣздовъ и бесѣдъ съ крестьянами.

3) Объѣхать тѣ экономіи, гдѣ замѣчаются острыя отношенія населенія съ администраціей имѣній и просить представителей администраціи имѣній о всякомъ замѣченномъ случаѣ доводить до свѣдѣнія земскихъ начальниковъ или чиновъ полиціи.

4) При полученіи такихъ заявленій немедленно выѣзжать на мѣсто

для разслѣдованія, и, если подтвердится заявленіе, немедленно увѣдомлять губернатора.

5) Полиція и земскіе начальники оказываютъ другъ другу полное содѣйствіе и немедленно сообщаютъ другъ другу свѣдѣнія.

6) Желательно общеніе съ духовенствомъ, которому даны указанія отъ архіерея.

7) При бесѣдахъ съ крестьянами вліять на чувство патріотизма и выяснить послѣдствія безпорядковъ.

8) Разъяснить смыслъ манифеста 18 февраля въ духѣ соблюденія порядка, подчиненія начальству и довѣрчиваго отношенія къ властямъ, поставленнымъ Царемъ для искорененія крамолы.

Изъ Харькова „Новому Времени" пишутъ: „Волненія, происходившія въ теченіе послѣдняго времени въ крестьянской средѣ, отразились и на населеніи Харьковскаго уѣзда. Вслѣдъ за расхищеніемъ сосновой рощи въ Основѣ жены полковника Квитки, стало замѣчаться тревожное настроеніе жителей слободы Мерефы: на послѣднемъ сходѣ, прошедшемъ очень бурно, были предъявлены нѣкоторыя требованія, между которыми особенно выдѣлялись: увольненіе писаря и старшины, перваго, какъ взяточника, второго же какъ человѣка, мало понимающаго и всецѣло находящагося въ рукахъ писаря; немедленное разслѣдованіе виновниковъ прошлогодней порубки общественнаго лѣса; уплата за помѣщеніе въ волости камеры земскаго начальника. Послѣ того, какъ часть этихъ требованій была удовлетворена, и сельскія власти были временно устранены (до производства дознанія), волненіе улеглось, и потекла обычная крестьянская жизнь. Однако, едва окончились эти неурядицы, какъ появились новыя броженія въ Бабаяхъ, одномъ изъ наибольшихъ селъ уѣзда. Броженіе окончилось опустошеніемъ лѣса, принадлежащаго экономіи П. П. Флота. Съ ранняго утра 29 марта толпы крестьянъ съ женщинами и даже дѣтьми, вооруженныхъ топорами, пилами, ножами, двинулись къ лѣсу, находящемуся по дорогѣ изъ села Бабаевъ въ село Хорошево и черезъ нѣсколько часовъ оставили только пни, срубивъ свыше 750 деревьевъ. Заинтересовавшись этимъ послѣднимъ опустошеніемъ, я бесѣдовалъ съ крестьянами и почерпнулъ слѣдующія свѣдѣнія. Земля, на которой находился расхищенный лѣсъ, издавна служила предметомъ спора между мѣстными жителями и экономіей; бабаевцы возбуждали за эту землю дѣло, дошедшее до Сената, которое, однако, окончилось не въ пользу крестьянъ. Послѣ ряда неудачъ, крестьяне обратились за совѣтомъ къ писарю (нынѣ смѣщенному за погромъ), а тотъ будто бы посовѣтовалъ немедленно вырубить лѣсъ и этимъ положить конецъ долгимъ спорамъ. Теперь все дѣло переходитъ въ судъ, и крестьянамъ придется отвѣтить за самовольную рубку. Срубленный лѣсъ оставленъ на мѣстѣ и охраняется крестьянами и экономіей, подъ общимъ наблюденіемъ полиціи".

„Русскимъ Вѣдомостямъ“ сообщаютъ изъ мѣстечка Дагды Двинскаго уѣзда, что, доведенные до нищеты и голода, мѣстные крестьяне разгромили и разграбили нѣсколько имѣній. „Все, что можно было взять, — пишетъ корреспондентъ названной газеты, — унесено, чего нельзя — уничтожено. Окна, двери, печи, мебель и вся домашняя утварь поломаны и разбиты. Изъ нѣкоторыхъ имѣній угнанъ скотъ. Уцѣлѣвшіе помѣщики бѣгутъ съ болѣе цѣннымъ имуществомъ въ мѣстечки, подъ охрану прибывшихъ изъ Двинска солдатъ. Вотъ нѣсколько названій разбитыхъ имѣній: Андрейно, Маріенполье, Осташево, Вацуны, Александрово, Магнусово и нѣсколько другихъ“.

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ сама жизнь повелительно диктуетъ необходимость принять мѣры къ немедленному разрѣшенію сложнаго и труднаго аграрнаго вопроса. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано слѣдующее „открытое письмо“ землевладѣльца Курской губерніи г. Левшина.

„Крестьянскія волненія разгораются... Вызываются войска... Многіе еще вѣрятъ въ силу штыковъ. Годъ, даже полгода тому назадъ они могли бы оказать воздѣйствіе, но теперь приведутъ только къ лишнему кровопролитію и къ еще большему обостренію положенія. Не надо забывать, что война съ ея колоссальными жертвами отразилась на крестьянскихъ массахъ, которыя теперь далеко не такъ безсознательно относятся къ текущимъ событіямъ. Въ общей сумятицѣ они, конечно, будутъ сводить старые счеты съ помѣщиками, кулаками и пр., но на этомъ не успокоятся. Въ настоящій моментъ для успокоенія нужно довѣріе крестьянскихъ массъ къ своимъ руководителямъ, т. е. то, чего какъ-разъ и нѣтъ. Оффиціальнымъ представителямъ власти крестьяне не вѣрятъ. Они ломаютъ предъ ними шапки, молчатъ или говорятъ ничего незначащія фразы, дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, и не вѣрятъ. Это знаетъ всякій, кто такъ или иначе соприкасается съ деревней. Священникамъ они также не вѣрятъ. Довѣріемъ ихъ пользуются лишь тѣ изъ земскихъ людей, которые на практикѣ доказали свою честность и безкорыстіе, да ихъ собственные выборные.

Съ другой стороны, надо указать, что большинство крестьянъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, не видя для себя нигдѣ просвѣта, идетъ по пути разоренія и уничтоженія чужого имущества. Дайте имъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, дайте имъ защитниковъ ихъ интересовъ въ видѣ свободно ими выбранныхъ представителей, призовите ихъ къ такимъ выборамъ, и партія порядка, къ которой принадлежитъ большинство крестьянъ, одержитъ верхъ. Чувство законности у нашихъ крестьянъ высоко развито, но беззастѣнчивое нарушеніе закона со стороны оффиціальныхъ представителей его, на которое житель деревни наталкивается на каждомъ шагу, переполнило чашу великаго крестьянскаго терпѣнія“.

Многіе и многіе вопросы стоятъ нынѣ на очереди, и вопросъ аграрный занимаетъ между ними весьма видное мѣсто. По этому поводу 30 марта

опубликованъ слѣдующій именной Высочайшій указъ правительствующему сенату:

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Учрежденное по повелѣнію Нашему отъ 22 января 1902 г. Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности упразднить, передавъ производившіяся въ немъ дѣла подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному Особому Совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, по принадлежности.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ сему надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Въ Царскомъ Селѣ.
30 марта 1905 г.

На ряду съ указомъ въ тотъ же день послѣдовалъ на имя члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Горемыкина слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Иванъ Логгиновичъ.

Именнымъ Указомъ, 12 декабря минувшаго года Правительствующему Сенату даннымъ, Мною было объявлено, что во главѣ заботъ Моихъ о благоденствіи Россійской Державы Я полагаю мысль о наилучшемъ устройствѣ многочисленнѣйшаго въ Россіи крестьянскаго сословія. Предпринятые еще ранѣе того, согласно повелѣнію Моему, подготовительные по этому предмету труды указали, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Имперіи хозяйственное положеніе сего сословія въ значительной степени поколеблено.

Признавая необходимымъ незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія, Я нахожу полезнымъ, чтобы, независимо отъ разрабатываемыхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобразованій въ области крестьянскаго управленія, особое вниманіе обращено было на непосредственное упроченіе земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія. Въ сихъ видахъ надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуществленію намѣченной задачи при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. При предстоящихъ по сему вопросу работахъ должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хо-

зяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи Крестьянскаго банка. Въ связи съ симъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности.

Находя, что успѣшное выполненіе предуказанной задачи возможно лишь при объединеніи всѣхъ относящихся къ этому предмету работъ, нынѣ разрозненныхъ между отдѣльными мѣстами и вѣдомствами, въ одномъ учрежденіи, Я призналъ за благо образовать, для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, Особое Совѣщаніе изъ лицъ по непосредственному избранію Моему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣня пріобрѣтенныя вами долговременною государственною службою обширныя познанія и опытность въ крестьянскомъ дѣлѣ, Я поручаю вамъ предсѣдательствованіе въ упомянутомъ Совѣщаніи, отъ испытаннаго усердія вашего ожидая, что возлагаемая на васъ важная задача будетъ выполнена согласно Моимъ предуказаніямъ и въ возможно непродолжительномъ времени.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*".

Царское Село.
30 марта 1905 года.

Такимъ образомъ на ряду съ вопросами о представительствѣ (комиссія г. Булыгина), рабочихъ (комиссія г. Коковцева), печати (комиссія г. Кобеко) поставленъ на разсмотрѣніе и вопросъ аграрный.

* * *

Въ московскихъ, а затѣмъ и всѣхъ остальныхъ газетахъ, опубликована весьма интересная записка губернскихъ предводителей дворянства слѣдующаго содержанія: „Губернскіе предводители дворянства, имѣвъ сужденіе по поводу обнародованнаго рескрипта Государя Императора министру внутреннихъ дѣлъ 18-го февраля, пришли къ слѣдующимъ соображеніямъ и выводамъ: За послѣднее десятилѣтіе общественная мысль все болѣе и болѣе вникала въ существо историческаго хода развитія нашего отечества. Въ средѣ мѣстныхъ учрежденій и общественныхъ собраній со дня на день созрѣвало сознаніе того, что государственная жизнь Россіи идетъ путемъ ненадлежащимъ. Сознаніе это привело къ явному осужденію всей совокупности полицейско-бюрократическаго строя. Переживаемыя нами событія показали, что общественное мнѣніе было право. Война обнару-

жила негодность нашего государственнаго хозяйства, а смута—наше внутреннее духовное и гражданское нестроеніе. За истекшій годъ общественное самосознаніе, проявившееся въ цѣломъ рядѣ постановленій, ходатайствъ и адресовъ, сослужило великую службу Россіи. Государь Императоръ внялъ голосу страны и Рескриптомъ 18-го февраля объявилъ Свою державную волю отнынѣ съ Божьей помощью привлекать достойныхъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній. Этимъ актомъ россійское государство вводится въ новую полосу исторической жизни. Время порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, ими порожденнаго, прошло. Теперь надлежитъ всѣмъ русскимъ людямъ объединиться на работѣ созидательной, и тѣмъ откликнуться на призывъ царя. Люди порядка и законности, независимо отъ различія ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы. Но этого мало: вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя, что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба. Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное. Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18-го февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ. Западно-европейскія теоріи конституціонализма для многихъ соблазнительны, какъ соблазнителенъ всякій готовый, будто бы хорошо испытанный рецептъ, съ помощью котораго врачеваніе и нашего государственнаго недуга кажется наиболѣе легкимъ. Мы же думаемъ, что западно-европейскія формы государственности отнюдь не исключаютъ возможности иныхъ, ибо врядъ ли основательно полагать, что политическое творчество народовъ сказало свое послѣднее слово въ области государственнаго строительства. Мы признаемъ, что величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія, органически связанную съ ея духовными, бытовыми, географическими и иными условіями. Мы утверждаемъ, что проченъ будетъ лишь тотъ строй, который соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію большинства населенія, тотъ строй, который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ, а не путемъ искусственнаго, быть можетъ, даже насильственнаго насажденія новыхъ. Помимо сего, мы настаиваемъ на томъ, что самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ

равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія Россійскаго государства и всѣхъ разнохарактерныхъ его классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности, для прекращенія смуты, для справедливаго удовлетворенія назрѣвшей общественной потребности и для обезпеченія лучшаго управленія Россіей. Указанное въ рескриптѣ 18 февраля народное представительство должно служить непосредственному приближенію къ Государю народной мысли и общественнаго мнѣнія. Оно не должно по примѣру конституціонныхъ учрежденій ограничивать Его самодержавной власти. Оно должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до Монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, составляемыхъ въ министерствахъ, оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ".

Документъ этотъ весьма важенъ, ибо онъ является платформою цѣлой новообразующейся партіи. Мы думаемъ, что партія эта совсѣмъ не жизненна и не имѣетъ никакаго серьезнаго будущаго. Ея платформа—конгломератъ изъ дѣйствительно реальныхъ, самою жизнью выдвинутыхъ, потребностей страны и нѣкоторыхъ славянофильскихъ иллюзій, которыми продолжаетъ еще питаться нѣкоторая, правда, микроскопическая часть русскаго общества. Какъ все промежуточное, половинчатое, намѣревающееся усѣсться между двумя стульями, партія эта, повторяемъ, обречена на самое призрачное существованіе. Борьбою встрѣтятъ эту партію всѣ сторонники западно-европейскаго политическаго режима, не удовлетворитъ она, разумѣется, и вожделѣніямъ реакціонеровъ. Послѣднее уже и обнаружилось въ самой сильной степени, ибо заявленіе предводителей дворянства встрѣчено прямо-таки съ пѣною у рта на страницахъ „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей". Они зачислили предводителей по департаменту крамолы, признали ихъ платформу болѣе опасною для судебъ отечества, чѣмъ даже резолюціи „банкетчиковъ", завопили громче прежняго свое обычное: caveant consules!... Между тѣмъ, программа предводителей показалась заманчивой и тѣмъ земцамъ, которые во время извѣстнаго петербургскаго съѣзда 6—8 ноября прошлаго года составляли меньшинство, и вотъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, съ предводителями вступили въ тѣсную связь Д. Н. Шиповъ и Н. А. Хомяковъ. Начались собранія, совѣщанія, привлеченіе новыхъ членовъ. Предположенъ спеціальный съѣздъ. Къ партіи примкнули извѣстный графъ Шереметевъ и не менѣе извѣстный С. Ф. Шараповъ, нынѣ редакторъ „Русскаго Дѣла". Москва оживилась.

Вступая въ новую жизнь, русскіе люди начинаютъ организовываться въ политическія партіи. Это такое явленіе, которое, по существу дѣла, нельзя не привѣтствовать, но необходимо добиваться, чтобы свобода группировокъ сдѣлалась достояніемъ *всѣхъ* жителей Россіи и подъ всѣми безъ исключенія знаменами. Тогда—и только тогда будетъ возможно познать истинное мнѣніе страны.

* * *

Съ 20 по 23 марта въ Москвѣ происходилъ Пироговскій съѣздъ врачей, созванный для обсужденія мѣръ борьбы съ надвигающейся холерой. По уставу общества, оно имѣетъ право устраивать съѣзды безъ предварительнаго разрѣшенія, явочнымъ порядкомъ. Такъ поступило общество и на этотъ разъ, но, когда въ Москву съѣхалось свыше 1000 врачей, было получено извѣстіе, что съѣздъ запрещенъ. Тогда врачи устроили товарищеское собраніе, на которомъ приняли слѣдующую, напечатанную въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ газетахъ резолюцію:

„Пироговскій съѣздъ врачей, собравшись со всей Россіи для выработки мѣръ борьбы съ холерой, констатируетъ, что культурная и мирная работа невозможна при существующемъ строѣ, что политика безграничнаго административнаго произвола, безконтрольнаго хозяйничанья въ области финансовъ и завоевательныхъ авантюръ ввергла нашу родину въ ужасающую по своимъ размѣрамъ нищету, залила поля далекой Манчжуріи потоками дорогой намъ крови. Но этого мало. На Россію надвигается страшный бичъ—холера, въ перспективѣ рисуются тысячи, десятки тысячъ жертвъ этого страшнаго бѣдствія. А что дѣлаетъ бюрократія? Она съ одной стороны, обращается къ намъ съ предложеніемъ разъяснить народу полезность временныхъ мѣропріятій, съ другой—возбуждаетъ этотъ народъ противъ насъ, распуская нелѣпые слухи. Дѣло борьбы съ холерой передается въ руки нашей администраціи, уже достаточно дискредитировавшей себя, запрещается нашъ съѣздъ, запрещается обсужденіе сообща наилучшихъ способовъ борьбы съ общенароднымъ бѣдствіемъ. Закрытіе съѣзда, какъ новое проявленіе произвола, является новымъ доказательствомъ того, что, пока есть этотъ произволъ, намъ нечего мечтать о нормальныхъ условіяхъ нашей врачебной работы, о нормальныхъ условіяхъ жизни вообще. Поэтому мы, врачи, заявляемъ о необходимости созыва народнаго собранія, на основаніи всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, при условіи немедленнаго прекращенія войны, при условіи предварительнаго уничтоженія положенія объ усиленной охранѣ, передачи полиціи въ руки органовъ самоуправленія и гарантіи свободы печати, слова, собраній, союзовъ и стачекъ и амнистіи всѣхъ сосланныхъ и заключенныхъ за разныя политическія и религіозныя преступленія. Мы должны бороться, чтобы въ пер-

вомъ же народномъ собраніи былъ произведенъ тотъ минимумъ политическихъ и экономическихъ реформъ, безъ которыхъ немыслимъ всесторонній прогрессъ нашей страны, и экономическій подъемъ трудящагося люда. Къ числу таковыхъ относятся, кромѣ утвержденія выше перечисленныхъ свободъ, гарантія равенства всѣхъ предъ закономъ, равноправіе національностей для языковъ, религій, и общее обязательное обученіе, отдѣленіе церкви отъ государства, свободное самоуправленіе также на началахъ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія, реформа налоговой системы, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, уничтоженіе выкупныхъ платежей, обезпеченіе землею трудящихся. Для наемныхъ рабочихъ всѣхъ отраслей труда устанавливаются восьмичасовой рабочій день, минимумъ заработной платы, государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзни, старости, инвалидности и безработицы и вообще широкое фабричное санитарное законодательство для охраны интересовъ рабочихъ. Вотъ при осуществленіи этихъ предварительныхъ условій можно организовать плодотворную и планомѣрную борьбу съ народными бѣдствіями и эпидеміями, тогда только не будутъ страшны для нашей страны ни чума, ни холера, ни какія-либо другія эпидеміи".

Въ тоже время правленіе пироговскаго общества послало въ Петербургъ телеграмму, въ которой настаивало на отмѣнѣ запрещенія съѣзда. Отвѣтъ получился утвердительный, но подъ условіемъ, чтобы съѣздъ занимался врачебными, а не политическими вопросами. Открывшійся такимъ образомъ съѣздъ засѣдалъ два дня и затѣмъ закрылся. О послѣднемъ засѣданіи въ „Новомъ Времени" напечатано такое сообщеніе:

„Состоявшееся вчера вечеромъ неожиданное закрытіе съѣзда врачей сопровождалось необычайными обстоятельствами. Съѣздъ подтвердилъ всѣ тѣ резолюціи объ измѣненіи государственнаго строя, которыя были приняты на предварительномъ товарищескомъ собраніи врачей, причемъ 3.000 присутствовавшихъ врачей и лицъ изъ публики обязались дать этимъ резолюціямъ самое широкое распространеніе. Съѣздъ призналъ, что врачи не должны принимать участіе въ исполнительныхъ комисіяхъ, организуемыхъ на основаніи правилъ 1903 г. съ перевѣсомъ вліянія и распоряженій административной власти, такъ какъ въ этихъ комисіяхъ общественному представительству не дается никакой активной роли, кромѣ уплаты денегъ. Съѣздъ даже призналъ, что для врачей предосудительно оставаться на службѣ въ тѣхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, которыя будутъ руководствоваться правилами 1903 г. Послѣ закрытія съѣздъ немедленно преобразовался въ союзъ врачей для борьбы съ бюрократическимъ режимомъ и для проведенія представительнаго начала. Засѣданіе союза было посвящено внутреннимъ вопросамъ и условіямъ дѣятельности врачей. Рѣшено повсюду организовать мѣстные союзы".

Отчетъ объ этомъ засѣданіи напечатанъ также въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: „Революціонныя требованія учредительнаго собранія и постановленіе о немедленномъ прекращеніи войны,—пишетъ газета,—поставлены во главу угла... Конечно, всѣ резолюціи принимались при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ. Отмѣтимъ резолюцію, въ силу которой собраніе постановило, чтобы врачи не участвовали въ санитарно-исполнительныхъ комисіяхъ, образуемымъ по правиламъ 1903 г., въ случаѣ появленія холеры и не исполняли ихъ распоряженій. Члены съѣзда и публика единогласно постановили принять всѣ мѣры къ самому широкому распространенію въ странѣ всѣхъ резолюцій съѣзда. Предсѣдательствующій вноситъ заявленіе группы врачей объ учрежденіи всероссійскаго съѣзда медицинскаго персонала для борьбы противъ существующаго государственнаго строя и для содѣйствія скорѣйшему введенію конституціоннаго образа правленія. Предложеніе встрѣтило единодушное сочувствіе врачей и публики, что было выражено поднятіемъ рукъ. При обратной провѣркѣ изъ 3.000 присутствующихъ никто руки не поднималъ. Затѣмъ была прочитана вице-президентомъ пресловутаго сельскохозяйственнаго общества А. В. Тесленко возмутительная резолюція отдѣла ветеринарныхъ врачей, повторявшая въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ уже принятыя постановленія. Врачъ Д. Я. Дорфъ читаетъ отъ имени какого то студенчества настоящую прокламацію, которая заканчивается словами: „Долой самодержавіе“! Это заключеніе подхватывается присутствующими студентами и многими лицами изъ публики и залъ консерваторіи оглашается кликами: „Долой самодержавіе!“ „да здравствуетъ республика!“. Когда неистовство „неучащейся“ молодежи утихло, предсѣдательствующій заявляетъ, что съѣздъ исполнилъ свою задачу и закрываетъ занятія. Снова раздаются рукоплесканія и возмутительные возгласы. Многимъ казалось непонятнымъ, почему съѣздъ закрывается. Д. Я. Дорфъ разъясняетъ: „Мы сами открыли съѣздъ—мы сами закрываемъ“. Такимъ образомъ оффиціально закончился Пироговскій съѣздъ. Оставаться болѣе въ революціонной атмосферѣ у насъ не хватило силъ“.

Этими словами и заканчивается отчетъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

* * *

Въ „Правѣ“ напечатано весьма интересное открытое письмо Л. Ф. Пантелѣева къ В. Г. Короленко слѣдующаго содержанія:

Глубокоуважаемый и дорогой Владиміръ Галактіоновичъ! Вы не только мастеръ пера, но и человѣкъ, всегда горячо отзывавшійся на общественное дѣло; вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ. Конечно, вы лучше меня освѣдомлены относительно общественнаго движенія, охватившаго всю русскую землю и нашедшаго себѣ правительственное признаніе въ рескриптѣ 18-го февраля. На какихъ бы началахъ ни организовалось первое русское

представительное собраніе, разъ что базой выборовъ выставляется принципъ широкаго участія народныхъ массъ, то естественно возникаетъ вопросъ: что до сихъ поръ сдѣлано для политическаго воспитанія народа? И надо откровенно сказать, что сдѣлано очень и очень немного, если не считать нѣкоторыхъ крупныхъ центровъ. Между тѣмъ, какимъ бы практическимъ и воспріимчивымъ умомъ ни отличались наши народныя массы, расчитывать, что за одинъ, много два, мѣсяца, такъ называемаго предвыборнаго періода, даже при наличности всѣхъ необходимыхъ условій для образовательнаго воздѣйствія на массы, можетъ быть достигнута достаточная политическая подготовка этихъ массъ,—мнѣ кажется, это опасная иллюзія.

Вотъ почему либеральная партія—подъ этими словами я разумѣю всѣхъ, кому дорого сознательное участіе народа въ разрѣшеніи труднаго дѣла пересозданія нашей жизни на новыхъ началахъ—должна безотлагательно выступить на дорогу прямой и открытой дѣятельности по распространенію въ народѣ правильныхъ общественныхъ знаній. Первое и возможное въ этомъ направленіи—изданіе брошюръ, написанныхъ общедоступнымъ языкомъ; въ нихъ должны трактоваться важнѣйшіе вопросы, предстоящіе народному представительству, и разъясняться будущимъ избирателямъ ихъ политическія права и обязанности. Эти брошюры придется въ значительномъ количествѣ просто даромъ раздавать; а для этого необходимы денежныя средства. Мое практическое заключеніе я формулирую такъ: отъ имени либеральной партіи слѣдуетъ теперь же сформировать гласный комитетъ, онъ начнетъ сборъ денегъ и приступитъ къ изданію политическихъ брошюръ для народа. Владиміръ Галактіоновичъ, васъ знаетъ и ко всякому вашему слову внимательно прислушивается вся Россія; примите на себя иниціативу въ организаціи этого дѣла и, безъ всякаго сомнѣнія, вы найдете живой и дѣятельный откликъ. Что касается лично меня, то заявляю, что на первый разъ готовъ внести въ комитетъ съ вашимъ участіемъ одну тысячу рублей.

* * *

Въ газетахъ стали чаще и чаще встрѣчаться извѣстія о происходящихъ въ разныхъ городахъ политическихъ процессахъ. Такъ, по сообщенію газетъ

28—30-го марта въ г. Витебскѣ выѣздной сессіей с.-петербургской судебной палаты, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя сенатора Максимовича, при участіи тов. прок. Камышанскаго слушались при закрытыхъ дверяхъ 8 политическихъ дѣлъ. Приговоры по всѣмъ дѣламъ были объявлены при открытыхъ дверяхъ.

28-го марта слушалось дѣло по обвиненію крест. Антона Строта по ст. 103 угол. улож. въ оскорбленіи Величества. Защищалъ по назначенію

отъ суда мѣстный прис. пов. Цитовичъ. Подсудимый приговоренъ къ 2 недѣлямъ ареста.

29-го марта слушалось 5 дѣлъ по обвиненію: 1) столяра Дона Вѣленькаго по 2 п. 129 ст. угол. улож. въ разбрасываніи въ г. Невелѣ въ театрѣ соціалъ-демократическихъ прокламацій и карточекъ; 2) мѣщанина Лейбы Безноса по 2 п. 129 и 2 п. 130 ст.—въ соціально-революціонной пропагандѣ среди крестьянъ и молодежи г. Витебска; 3) мѣщ. Грама по 2 п. 132 ст.—въ храненіи въ г. Полоцкѣ съ цѣлью распространенія соц.-дем. прокламацій; 4) латыша Форстмана по 2 п. 130 ст. въ распространеніи среди запасныхъ солдатъ г. Витебска соц.-дем. прокламацій; 5) мѣщанки Азерниковой по 2 п. 132 ст.—въ храненіи съ цѣлью распространенія корзинки съ соц.-дем. изданіями. Подсудимыхъ по соглашенію съ ними защищали: по первымъ тремъ дѣламъ—прис. пов. Глинка изъ Смоленска, по четвертому Глинка и мѣстный прис. пов. Кронбергъ и по пятому—прис. пов. Елисѣевъ изъ Петербурга. Палата приговорила: Вѣленькаго—къ 1 году крѣпости съ зачетомъ $3^1/_2$ мѣс. предв. заключенія, Безноса—къ 4 мѣс. крѣпости съ зачетомъ 12 мѣс. предв. закл., въ виду чего онъ былъ немедленно освобожденъ изъ-подъ стражи, и Азерникову—къ 3 мѣс. крѣпости. Подсудимые Грамъ и Форстманъ оправданы.

30-го марта слушалось два дѣла по обвиненію: 1) сына купца Израиля Вендрова по 2 п. 132 ст. въ храненіи въ г. Двинскѣ съ цѣлью распространенія саквояжа съ 400 экз. различныхъ изданій „Бунда"; 2) мѣщанъ Айзика Певзнера и Моисея Понизовскаго, щетинщика Вигдергауза, приказчика Гайцхоки, аптекарскаго ученика Папернова и парикмахера Шабашова по 2 п. 129 и 2 п. 130 ст.—въ соціалъ-демократической пропагандѣ среди рабочихъ г. Невеля. Первое дѣло, въ виду неявки подсудимаго, было отложено. По второму дѣлу всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Шабашова, защищали по соглашенію съ ними прис. пов. Елисѣевъ и Зелигеръ изъ Петербурга и Глинка изъ Смоленска, а Шабашова по назначенію отъ суда мѣстный прис. пов. Рожновскій. Приговоромъ палаты всѣ подсудимые оправданы. Изъ нихъ первые два пробыли до суда подъ стражей около 17 мѣсяцевъ.

Въ Варшавѣ 28 марта въ залѣ военнаго суда разсматривалось дѣло о крестьянахъ Антонѣ Пиляшекъ и Янѣ Закржалекъ, обвиняемыхъ—первый въ нападеніи на городового, съ цѣлью отнять у него револьверъ и шашку, второй—въ произведеніи выстрѣла въ околоточнаго надзирателя. Оба подсудимые приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ Закржалеку смертную казнь двѣнадцатилѣтними каторжными работами. О дальнѣйшей судьбѣ Пиляшека газеты не сообщаютъ.

Въ Москвѣ 30 марта разбиралось политическое дѣло крестьянина

Мирзанджанова. Его приговорили къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца.

Въ Москвѣ же разсмотрѣны дѣла Лещинскаго и Котельникова, которые оба приговорены къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ.

Тамъ же разсматривалось дѣло студента Кнупьянца, студента Крумбюгеля, дворянки Езерской и мѣщанина Ривкина, обвиняемыхъ въ составленіи, печатаніи и распространеніи прокламацій. Кнупьянцъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца, а Крумбюгель, Езерская и Ривкинъ на годъ и три мѣсяца.

На 5 апрѣля въ Москвѣ назначено къ слушанію дѣло о бывшемъ студентѣ Коляевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ великаго князя Сергѣя Александровича.

На 6 апрѣля назначено къ слушанію въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣло о политической демонстраціи, имѣвшей мѣсто на Невскомъ пр. 28-го минувшаго ноября. Суду преданы студенты: Баталинъ, Ярцевъ, Саруханов, Капустянскій, Бутовъ, Михайловъ и крестьянинъ Грибакинъ. Всѣ означенныя лица обвиняются по 1 и 2 час. ст. 121 угол. улож., т. е. въ участіи въ публичномъ скопищѣ, завѣдомо собравшемся съ цѣлью выразить неуваженіе верховной власти, или порицаніе установленнымъ основными законами образу правленія, или порядку наслѣдія Престола, или заявлять сочувствіе бунту, или измѣнѣ, или лицу, учинившему бунтовщическое или измѣнническое дѣяніе, или ученію, стремящемуся къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Наказаніе по 1 ч. 121 ст.—крѣпость не свыше трехъ лѣтъ; но такъ какъ обвиненіе предъявлено и по 2 ч. 121 ст., т. е. для разсѣянія скопища была призвана вооруженная сила, то наказаніе—ссылка на поселеніе.

Предсѣдательствовать по дѣлу будетъ старшій предсѣдатель палаты сенаторъ И. К. Максимовичъ. Обвиняетъ тов. прок. палаты Ф. С. Кукурановъ; защищаютъ присяж. повѣр. М. Л. Гольдштейнъ, Ф. И. Родичевъ, Н. Д. Соколовъ и О. О. Грузенбергъ.

На 26 апрѣля въ петербургской судебной палатѣ назначено къ слушанію дѣло Загорскаго, Вахтіарова, Байкова и Корнилова.

На 9 апрѣля въ уголовномъ департаментѣ иркутской судебной палаты назначено къ слушанію дѣло бывшихъ служащихъ управленія забайкальской ж. д.: агента службы движенія поч. гр. Д. П. Феденева, 24 л., жены его телеграфистки Т. М. Феденевой, 22 л., и дѣлопроизводителя управленія этой же дороги дворянина А. Л. Левентона, 28 л., по обвиненію всѣхъ трехъ въ составленіи тайнаго преступнаго сообщества, именовавшагося иркутскимъ соціалъ-демократическимъ комитетомъ, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 126 ст. уголовнаго уложенія. По дѣлу въ качествѣ свидѣтелей вызываются: два пристава, одинъ помощникъ при-

става и низшій полицейскій агентъ. Обвиняемые содержатся подъ стражей съ 14 февраля 1904 г.

Всѣ эти дѣла слушались и будутъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ, а во время разбирательства дѣла объ убійствѣ великаго князя въ залѣ засѣданія не будутъ допущены даже представители магистратуры.

Заговоривши о политическихъ дѣлахъ, внесемъ въ нашу хронику также слѣдующее сообщеніе Спб. агентства:

„На-дняхъ въ С.-Петербургѣ арестована группа боевой организаціи партіи революціонеровъ-анархистовъ, (?) въ количествѣ 12 человѣкъ. Означенная организація была открыта, благодаря наблюденію за двумя анархистами, переодѣтыми извозчиками и однимъ переодѣтымъ посыльнымъ, которые вы слѣживали выѣзды нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ. Эти переодѣтые анархисты обратили на себя вниманіе полиціи нѣкоторыми, особо конспиративными пріемами въ своихъ сношеніяхъ между собою и явно неподходящимъ къ ихъ положенію нервнымъ поведеніемъ. Дальнѣйшее наблюденіе въ теченіе нѣсколькихъ дней указало сношеніе ихъ съ остальными лицами, которыя были арестованы на улицѣ днемъ 17 марта, причемъ аресты оказались для нихъ настолько неожиданными, что лишь одному изъ нихъ, задержанному на Морской, переодѣтому посыльнымъ, удалось оказать вооруженное сопротивленіе; произведеннымъ имъ выстрѣломъ, однако, никто не былъ раненъ. Личности задержанныхъ, кромѣ Ивановской, Леонтьевой, Савинкова и Барикова, пока еще не выяснены. Обнаружена также, помимо склада взрывчатыхъ веществъ у Леонтьевой масса документовъ, раскрывающихъ всю картину подпольной дѣятельности кружка анархистовъ. Изъ обстоятельствъ дѣла выясняется, что дѣятельность анархистовъ въ предѣлахъ Имперіи находилась подъ руководствомъ ихъ единомышленниковъ, живущихъ преимущественно въ Швейцаріи".

* * *

Въ прошломъ обозрѣніи мы говорили о начавшейся во многихъ городахъ агитаціи, въ цѣляхъ избіенія прогрессивныхъ элементовъ Россіи. Нынѣ въ „Правѣ" напечатано два любопытныхъ образчика распространяемыхъ съ этою цѣлью въ прозѣ и стихахъ прокламацій. Одна изъ такихъ прокламацій, распространенная въ Одессѣ и направленная противъ евреевъ, армянъ, грузинъ и пр., гласитъ слѣдующее:

„Общество націоналистовъ городовъ: Кіева, Николаева, Одессы, Херсона, Кишинева, Бендеръ, Аккермана и др.

Смуты и неурядицы въ Россіи произошли и происходятъ отъ той халатности и сонной жизни, которую мы вели въ продолженіе многихъ 10—лѣтъ, не обращая вниманія на окружающихъ насъ инородцевъ.

„Крики: „долой самодержавіе", „долой правительство", „долой нашего Царя-Батюшку"—все это есть крики тѣхъ кровопійцевъ, которые назы-

ваются жидами, армянами, поляками, грузинами и проч., желающими взять все въ свои хищныя руки и править тѣми людьми, которые десятками проливали свою лишь русскую кровь за вѣру, за Царя-Батюшку. Наше общество, достигшее теперь до 297,365 членовъ, въ данную минуту слѣдитъ за жидами и др. націями, которыя, не жалѣя денегъ, стремятся подкупить рабочихъ и этимъ самымъ создать общую смуту и завоевать себѣ всѣ права и царствовать надъ нами. Благодаря жидамъ, Франція и Польша пали, и этого они хотятъ и всѣми силами желаютъ продѣлать съ Россіей.

Берегитесь, друзья, жидовъ...

Скоро, скоро настанетъ чудное время, друзья, когда жидовъ въ Россіи не будетъ.

Все зло, все горе нашей жизни—жиды.

Долой измѣнниковъ... долой конституціи...

Да здравствуетъ нашъ Царь-Батюшка...

27 января 1905 г.

Передавайте своимъ друзьямъ...

Въ городѣ Николаевѣ прокламація распространена въ стихотворной формѣ. Она гласитъ:

г. Рабочіе,

Нашъ судъ рѣшилъ
Профессоровъ, соцеалистовъ
Студентовъ и жидовъ
Сотрудниковъ газетъ
Приговорить.
Чтобъ бѣлый свѣтъ
Они не смущали болѣ
Избить ихъ всѣхъ
По нашей волѣ.

Просимъ.

Военныхъ не мѣшаться
За оружіе не браться
Они и вамъ вѣдь насолили
Такъ не защищайте этой гнили.

Просимъ переписать кто сколько может и передавать товарищамъ рабочимъ и знакомымъ".

3 отдѣлъ Кіевъ Харьковъ Одесса и Николаевъ.

Воспроизведеніемъ этихъ образчиковъ широко распространяемой въ народныхъ массахъ „патріотической" литературы мы и закончимъ на этотъ разъ наше обозрѣніе. Комментаріи къ такимъ фактамъ едва ли требуются...

В. Богучарскій.

Письма изъ провинціи.

Наша школа.

(Изъ Смоленска).

Въ прошломъ году одинъ изъ учениковъ Смоленской гимназіи былъ признанъ гимназическимъ начальствомъ неудобнымъ для нея. — Какъ и почему—точно неизвѣстно. Извѣстно только, что само начальство не сочло возможнымъ его исключать. Директоръ, пригласивъ отца, рекомендовалъ ему взять сына изъ гимназіи—съ четверкой за поведеніе—и помѣстить въ другое учебное заведеніе. Отецъ послушался, взялъ, — но помѣстить въ другое учебное заведеніе не могъ. 4 изъ поведенія—волчій паспортъ; съ нимъ никуда не принимаютъ.—Конечно, тутъ играетъ роль и кондуитъ—тайная аттестація ученика бывшимъ его начальствомъ. Мальчику 15—16 лѣтъ былъ такимъ образомъ прегражденъ путь къ дальнѣйшему образованію. И онъ до сихъ поръ внѣ стѣнъ школы.

Необычайнаго, исключительнаго въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего.—Нѣтъ ничего, что позволяло бы считать педагогическій персоналъ Смоленской гимназіи выходящимъ изъ ряду вонъ—въ отрицательную сторону. Постоянно, изъ года въ годъ, изо всѣхъ русскихъ школъ многіе мальчики выбрасываются кто за неуспѣхи, кто за поведеніе. Изгнанные и удаленные окольными путями,—какъ въ настоящемъ случаѣ—если причиной удаленія было дурное поведеніе,—обречены на внѣшкольное образованіе. Что же считается признакомъ дурного поведенія? *Точно* отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ, такъ какъ нигдѣ бюрократическая тайна не свила такого прочнаго гнѣзда, какъ въ нашей средней школѣ. Однако всѣмъ извѣстно, что наиболѣе преслѣдуется свободомысліе и непочтительность къ гимназическому начальству.—Юная склонность къ критикѣ, первые проблески просыпающейся мысли, первые неувѣренные шаги начинающей сознавать себя личности, если они отклоняются отъ того образца, который созданъ

въ нашей школѣ людьми въ футлярѣ—вызываютъ ожесточенное гоненіе.—Какъ произносится вердиктъ, искажающій и повреждающій всю жизнь ребенка? Въ тайнѣ, „за четырьмя стѣнами", людьми ни предъ кѣмъ не отвѣтственными...

Такой порядокъ отзывался тяжело на дѣтяхъ, не менѣе тяжело на родителяхъ. Быть можетъ ни одно изъ нашихъ учрежденій не создавало такого озлобленія, не причиняло столькимъ людямъ боли и горя, какъ наша средняя школа. Понятно, что теперь, когда чаша молчанія оказалась переполненной и люди заговорили,—они заговорили и о нравахъ и порядкахъ гимназій.

Вышеприведенный случай въ Смоленской гимназіи далъ поводъ гласному Краснинскаго уѣзднаго земскаго собранія, Александру Николаевичу Попову, коснуться вопросовъ школьной жизни. Земское собраніе горячо откликнулось и приняло рядъ постановленій о необходимости внести свѣтъ въ этотъ закоулокъ, ввести въ педагогическіе совѣты общественныхъ представителей etc.—Губернская Смоленская управа, основываясь на заявленіи гласнаго А. Н. Попова, внесла въ текущую сессію докладъ, въ которомъ выясняетъ, что „всякій вынужденный обучать своихъ дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія" не можетъ быть спокоенъ за судьбу ихъ. „Сухой формализмъ и бюрократическія начала вмѣсто участливаго и сердечнаго отношенія къ учащимся, глубокая замкнутость и полное отсутствіе гласности, ревнивое недовѣріе къ родителямъ... царствуютъ въ нашей школѣ."—Выходомъ изъ этого положенія, по мнѣнію управы, является участіе въ педагогическихъ совѣтахъ представителей отъ земствъ.—Защищая докладъ управы, предсѣдатель ея, В. Т. Садовскій, сказалъ: „управа указываетъ, что случай, о которомъ идетъ рѣчь, и даже болѣе возмутительные случаи, возможны и неизбѣжны въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, весь строй жизни которыхъ—обстановка въ высшей степени благопріятная для подобнаго рода фактовъ. Они извѣстны всякому, кому приходилось соприкасаться съ нашими средними учебными заведеніями. Я лично могу представить десятки такихъ фактовъ. Развѣ не возмутительно, напр., требованіе начальства гимназій удостовѣренія полиціей подписи родителей на отпускныхъ билетахъ учениковъ? Управа убѣждена, что нездоровая атмосфера, въ которой живутъ наши учебныя заведенія, можетъ быть оздоровлена лишь внесеніемъ свѣта, въ которомъ особенно нуждается наша (Смоленская) гимназія, весьма удобно защитившая себя четырьмя стѣнами отъ всякаго свѣта". [1]) (Избавившись отъ почетнаго попечителя).—Гласный Н. А. Хомяковъ, поддерживая предложеніе управы, сказалъ: „Знаю я, что въ гимназіи существуетъ педагогическій совѣтъ, знаю и то, что этотъ педагогическій совѣтъ какой-то странный,

[1]) № 322 Днѣпровскаго Вѣстника.

однобокій: совѣщается одна только сторона, а представителей другихъ, не менѣе, конечно, заинтересованныхъ сторонъ, нѣтъ: они не допущены. Можно-ли съ довѣріемъ относиться къ рѣшеніямъ такого совѣта?" [1])

Предложеніе управы о возбужденіи ходатайства, дабы было разрѣшено земскимъ собраніямъ избирать 2—3 представителей для участія въ совѣтахъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, — было принято земскимъ собраніемъ единогласно.

Не можетъ быть спора относительно того, что стремленіе земскаго собранія внести *свѣтъ* въ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ и почтенно, и правильно, не менѣе безспорны и добрыя желанія гг. земскихъ дѣятелей. Зато далеко не безспорны цѣлесообразность и достаточность рекомендуемаго ими средства. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ подлежитъ внимательному обсужденію.

Прежде всего надо указать на то, что ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла, его направленіе и цѣли—стоятъ внѣ компетенціи педагогическаго совѣта, и опредѣляются, во-первыхъ, министерскими циркулярами, во-вторыхъ, распоряженіями попечителя, въ-третьихъ, прочно сложившимися за послѣднія 35 лѣтъ нравами министерства народного просвѣщенія, въ четвертыхъ—воззрѣніями тщательно подбираемыхъ высшихъ чиновъ гимназическаго начальства.—Ближайшимъ образомъ ходъ дѣла въ гимназіи опредѣляется волей и воззрѣніями директора и инспектора, дѣйствующихъ на почвѣ идущихъ сверху инструкцій и предписаній. Педагогическій совѣтъ, насколько дѣло касается учениковъ, обсуждаетъ вопросъ объ исключеніи, переводѣ или оставленіи ученика въ классѣ, опредѣляетъ въ выдающихся случаяхъ мѣру наказанія, обсуждаетъ разнообразные инциденты, возникающіе въ гимназіи, и наконецъ, выслушиваетъ распоряженія высшаго начальства.—На общій же ходъ учебно-воспитательнаго дѣла педагогическій совѣтъ вліять почти не можетъ, за исключеніемъ того почти немыслимаго случая, когда весь онъ, съ директоромъ во главѣ, держится особыхъ педагогическихъ взглядовъ, которые и проводитъ, несмотря на идущія сверху предписанія.—Оставляя подобный случай въ сторонѣ, мы должны признать, что земскіе представители въ педагогическихъ совѣтахъ охранятъ, конечно, нѣкоторое число учащихся мальчиковъ отъ неосновательно-жестокихъ репрессій, смягчатъ коерситивную дѣятельность совѣтовъ, но общей постановки школьнаго дѣла не измѣнятъ. Не измѣнятъ потому, что, по-существу, они будутъ стоять внѣ школы; и не ихъ воззрѣніями будутъ обусловлены, во первыхъ, тѣ начала, которыя вырабатываются въ министерствѣ, а во-вторыхъ тѣ будничные, ежедневно примѣняемые пріемы обученія и воспитанія, которые практикуются всѣмъ учебнымъ персоналомъ гимназіи, въ его ежедневныхъ сношеніяхъ съ учениками.

---

[1]) ib.

Должно поэтому признать, что Смоленское земство ошибочно увидѣло основную причину гимназическихъ неустройствъ въ замкнутости и потаенности педагогическихъ совѣтовъ, а потому и ограничилось пожеланіемъ, чтобы его представителямъ дано было въ нихъ мѣсто и право голоса.

Причины лежатъ глубже.—Чтобы вскрыть ихъ, прислушаемся къ третьему голосу,—голосу обучаемыхъ и воспитуемыхъ. Какъ это ни странно, а ихъ голосъ какъ-то никогда не принимается во вниманіе;—между тѣмъ, если-бы оказалось, что объектъ педагогическихъ упражненій хронически и сознательно отвѣчаетъ на педагогическое воздѣйствіе протестомъ, хотя-бы пассивнымъ,—это свидѣтельствовало-бы о полной непригодности и нецѣлесообразности системы полнѣе и лучше, чѣмъ самая изощренная аргументація постороннихъ лицъ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо, полученное однимъ земскимъ дѣятелемъ, поднявшимъ въ одномъ изъ земскихъ собраній вопросъ о школьныхъ неустройствахъ.—Вотъ этотъ замѣчательный документъ:

„Милостивый Государь NN!

„Всѣхъ насъ, болѣе или менѣе сознательныхъ гимназистовъ, заставило задуматься заявленіе Ваше, сдѣланное N. земскому собранію и напечатанное въ номерѣ N. N. газеты.

„Русская интеллигенція уже давно обратила вниманіе на общую неудовлетворительность средней школы, на ея стѣснительный режимъ, на тотъ суррогатъ науки, который предлагаютъ намъ наши педагоги подъ видомъ истины по учебникамъ господъ Иловайскихъ и К°.

„Мы, гимназисты, служащіе объектомъ этой системы „сердечнаго попеченія“, особенно ясно чувствуемъ все тенденціозное стремленіе средней школы выработать изъ насъ будущихъ благонамѣренныхъ и покорныхъ чиновниковъ. Нашу пробуждающуюся мысль стараются направить на ложный путь; запрещаютъ дома читать книги, проливающія истинный свѣтъ на общественную русскую жизнь; не позволяютъ даже ходить въ библіотеки. Мы боремся противъ этой системы, стремящейся выработать изъ насъ опошлившихся обывателей; боремся за свое законное право быть свободной личностью, чтобы свободно развиваться. Оглядываясь вокругъ, мы замѣчаемъ то же недовольство настоящимъ режимомъ средней школы у нашихъ родныхъ, даже у нашихъ педагоговъ. Но первые, по обыкновенію, молчатъ, а нашихъ педагоговъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни, трепеща передъ шкурнымъ вопросомъ, безпрекословно повинуются указаніямъ администраціи заведенія; а другіе (ничтожное меньшинство) не обращаютъ на насъ вниманія, всецѣло погруженные въ науку.

„Таковъ, въ общихъ чертахъ, режимъ средне-учебныхъ заведеній; таково отношеніе общества къ этому режиму.

„Что же касается, въ частности, до нашей N. гимназіи, то съ осени

прошлаго года жизнь учащихся стала еще тяжелѣе съ назначеніемъ новаго директора N. Отношенія между учащими и учащимися, благодаря вмѣшательству администраціи гимназіи, еще болѣе обострились. Насъ раздѣляютъ на группы „смирныхъ юношей“, съ одной стороны, и на группы „зачинщиковъ-протестантовъ“ и „сочувствующихъ протестантамъ“, съ другой. Кто къ какой группѣ принадлежитъ, въ числѣ ли онъ козлищъ, или агнцевъ,—никто изъ насъ не знаетъ, и каждый можетъ опасаться, что надъ нимъ виситъ своего рода дамокловъ мечъ: исключеніе изъ гимназіи. За нами наблюдаютъ, подсматриваютъ, шпіонятъ; и такого рода функціи поручаются администраціей гимназіи соотвѣтствующимъ темнымъ личностямъ. Самъ директоръ позволяетъ себѣ хвалиться въ частномъ обществѣ мастерски поставленнымъ за учениками шпіонствомъ.

„Соотвѣтственно общему режиму, и чтеніе книгъ стало для насъ дѣломъ очень затруднительнымъ. Поощряется чтеніе Карамзина, тогда какъ чтеніе научно-популярныхъ книгъ по общественнымъ вопросамъ и чтеніе толстыхъ журналовъ преслѣдуется на томъ-де основаніи, что сотрудники подобныхъ журналовъ „босяки“ и „проходимцы“ (точныя слова одного изъ членовъ педагогическаго персонала).

„Всѣ эти „мелочи“ гимназической жизни не выходятъ за ея предѣлы. Вы же, многоуважаемый N. N., обратили на эту жизнь вниманіе; Ваша рѣчь въ N. земскомъ собраніи, приподнявъ краешекъ завѣсы, заставила заговорить объ этомъ мѣстную прессу.

„Позвольте же принести Вамъ искреннюю благодарность отъ насъ, учениковъ старшихъ классовъ N. гимназіи“.

Что говоритъ это замѣчательное письмо? Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что между учащими и гимназическимъ начальствомъ существуетъ глубокая рознь, почти вражда; что „дѣти“ прекрасно понимаютъ г.г. педагоговъ, правильно ихъ оцѣниваютъ и не уважаютъ. Въ письмѣ эти чувства нашли вполнѣ корректную форму выраженія. Но, кромѣ письма, существуетъ еще и повседневная жизнь. И въ ней господствующія чувства выражаются часто далеко не корректно.

Вотъ сценка: коррилоръ и классы направо и налѣво. Перемѣна и въ коррилорѣ кучки воспитуемыхъ. Между ними быстро движется фигура въ вицмундирѣ — это инспекторъ классовъ. Вдругъ изъ отдаленнаго конца коррилора раздается басистый крикъ: „Степка шпіонъ!“ Инспекторъ бросается туда; немедленно же изъ противуположнаго конца цѣлый хоръ болѣе юныхъ голосовъ подхватываетъ: „Шпі-о-онъ! Степка шпіонъ!“ И такъ оба конца перекликаются, а бѣдный „Степка“ носится съ цѣлью уловить дерзкаго и все напрасно. „По классамъ, всѣ по классамъ!“ вопитъ онъ. И ревущая, мяукающая и поносящая его толпа расходится по классамъ. Блѣдный, трясущійся отъ злости подлетаетъ „Степка“ къ дверямъ восьмого

класса и кричитъ улыбающимся юношамъ: „Сволочи, дрянь, мерзавцы, я вас. . . .“!

Вы, вѣрно, думаете, что это сценка изъ „Бурсы“? Зачѣмъ такъ далеко ходить? Это просто современная фотографія.

Мы можемъ считать этихъ крикуновъ испорченными и дрянными мальчишками. Можемъ искренно сочувствовать ревностному исполнителю начальническихъ предписаній. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни оцѣнивали поведеніе той и другой стороны, несомнѣнно одно: при такихъ отношеніяхъ педагоговъ къ ученикамъ и учениковъ къ педагогамъ немыслимо ни толковое ученіе, ни какое бы то ни было воспитательное вліяніе. Несомнѣнно одно—система, приведшая къ такимъ результатамъ—ни къ чему не годна, она невозможна и подлежитъ упраздненію.

И вотъ, это-то, эта господствующая почти во всѣхъ гимназіяхъ рознь между учениками и педагогами, эта вражда, сопровождаемая, съ одной стороны, недовѣріемъ, притѣсненіемъ, несправедливостью и черствостью, съ другой—обманомъ, издѣвательствомъ и глубокимъ неуваженіемъ—и есть основная язва нашей средней школы. И язва неизлечимая. Сколько бы мы ни старались насадить въ этой школѣ „сердечное попеченіе“,—наши труды пропадутъ даромъ. Сердечное попеченіе можетъ найти себѣ въ этой нравственной атмосферѣ только одно выраженіе: лицемѣріе. Лицемѣрно прикроютъ сладкимъ выраженіемъ лица и добрымъ словомъ сердце, переполненное черствой злостью и вкоренившимся неуваженіемъ къ „мальчишкамъ и только. „Мальчишки“ это мигомъ раскусятъ и воздадутъ сторицей.

У этой основной школьной язвы есть и своя основная причина. Она состоитъ въ томъ, что школѣ поставлены не только учебныя цѣли, но и цѣль воспитать людей, непремѣнно извѣстнаго, аппробованнаго гдѣ-то вверху, умственнаго, нравственнаго и *политическаго* склада. Вотъ это вторженіе политики въ школу, низведеніе школы до уровня средства политической борьбы и деморализовало ее, и нулифицировало ея учебное и воспитательное значеніе.

Всемірная исторія знаетъ много попытокъ эксплуатировать школу въ цѣляхъ пропаганды извѣстнаго рода идей. И всѣ онѣ кончались плохо для страны, если эта тенденція доминировала въ школѣ. Стоитъ посмотрѣть на Испанію съ ея клерикальной школой; стоитъ вспомнить іезуитскую школу и монастырскіе коллежи во Франціи. Но тамъ дѣло воспитанія было, какъ ни какъ, въ рукахъ артистовъ, вносившихъ въ дѣло много ума и увлеченія. А школа съ политической тенденціей, въ рукахъ у футлярныхъ бюрократовъ—что, кромѣ глубокаго разложенія, могло изъ этого выйти! Учебное заведеніе—это видно изъ самаго названія—должно научить, т. е. дать извѣстную сумму знанія, извѣстную умственную дисциплину и способность къ дальнѣйшей самостоятельной работѣ. Исполненіе этой основной задачи имѣетъ и воспитательное значеніе. Серьезный интеллектуальный

трудъ, интеллигентные вкусы, связанные съ нимъ, серьезное и честное отношеніе учительскаго персонала къ знанію, преподаванію и ученикамъ,— все это не можетъ не дѣйствовать воспитательно, т. е. не можетъ не облагородить учениковъ. Никакихъ иныхъ воспитательныхъ цѣлей школѣ, какъ цѣлому, ставить нельзя. Она должна развить духовныя силы ребенка, а не втиснуть ихъ развитіе въ опредѣленныя, и, притомъ, опредѣленныя произвольно, рамки и формы. Не цѣлью, а послѣдствіемъ общественной организаціи школъ является воспитаніе въ ученикѣ чувства общественности. Общественная школа не можетъ быть организована иначе, какъ на началахъ равенства и справедливости. Тѣмъ самымъ она не можетъ не воспитать въ ученикахъ привычекъ товарищества и солидарности. Но воспитывать, внушать преднамѣренно и требовать подъ угрозой наказанія извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, извѣстныхъ этическихъ и политическихъ воззрѣній и симпатій—это значитъ извращать задачи школы, возлагая на нее неисполнимое. Ребенка и юношу воспитываетъ жизнь: семья, ея интересы, занятія и нравы; общество, съ которымъ ребенокъ сталкивается; книги и газеты, которыхъ отъ него не спрячешь; уличныя впечатлѣнія, которыя не скроешь; въ цѣломъ—воспитываетъ общественная жизнь. Она научаетъ его любить то или другое, стремиться къ тому, или другому. Школа лишь одинъ изъ факторовъ развитія юноши. Давая ему знанія, она вводитъ его въ интересы, новые для него и благородные, и тѣмъ самымъ расширяетъ его духовный горизонтъ. И ея благородная атмосфера можетъ, дѣйствительно, парализовать множество дурныхъ вліяній, идущихъ изъ жизни. Но такое благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть школа лишь тогда, когда вся она служитъ своей основной задачѣ—сообщенію знаній и культурѣ интеллигентности. Если же она, владѣя мальчикомъ въ теченіе 5—6 часовъ въ сутки, стремится опутать всю его жизнь тенетами контроля, въ цѣляхъ переработки его по извѣстному шаблону, если она вступаетъ въ борьбу и насильственно стремится вытравить всё то, что нормально складывается въ юношествѣ подъ вліяніемъ всей жизни въ обществѣ,—она становится тѣмъ, чѣмъ стала наша школа: разсадникомъ невѣждъ, причиной горя родительскаго, предметомъ отвращенія учениковъ.

Отрицаніе пользы отъ постановки школѣ *самостоятельныхъ* воспитательныхъ задачъ идетъ, если не ошибаемся, въ разрѣзъ съ установившимися воззрѣніями даже въ обществѣ. Но они, намъ думается, основываются прежде всего на слишкомъ низкой оцѣнкѣ облагораживающаго вліянія серьезнаго интеллектуальнаго труда; а затѣмъ на предположеніи, что школа и люди, связанные съ ней, имѣютъ возможность вліять воспитательно на учениковъ помимо той работы, для которой они существуютъ въ школѣ. Это ошибка. Вліяетъ личность учителя; а личность проявляется только въ дѣятельности въ школѣ — въ дѣятельности преподавателя. Вліяетъ самодѣятельность учениковъ; эта самодѣятельность въ школѣ про-

сить преимущественно познавательный характеръ. Поставьте хорошо и серьезно это основное дѣло школы — преподаваніе съ одной стороны, познаваніе — съ другой, — и школа проявитъ все свое облагораживающее воспитательное вліяніе.

Для этого прежде всего надо освободить школу отъ всякихъ политическихъ задачъ, лишить ее возможности вступать въ систематическую борьбу съ семьей, съ обществомъ, съ временемъ. Освобожденная отъ этихъ, несвойственныхъ ей наростовъ,—школа получитъ возможность учить чему-либо, чего настоящая не дѣлаетъ, а слѣдовательно и культивировать благороднѣйшія стороны человѣческой природы.

Такая постановка дѣла всего достижимѣе при полномъ и дѣйствительномъ контролѣ общества надъ всѣмъ школьнымъ дѣломъ. Если въ школѣ воспитываются и обучаются *наши* дѣти, то всего естественнѣе, чтобы *мы* и рѣшали, какъ и чему ихъ должно учить.

Высочайшій Указъ 12 декабря, обѣщая организацію всесословнаго земства и расширеніе компетенціи послѣдняго,—самъ наталкиваетъ общественную мысль на передачу всего дѣла средняго образованія въ руки земства, какъ представителя всего населенія. Казалось-бы, что интересы правительства были бы вполнѣ удовлетворены предоставленіемъ ему опредѣленія того уровня знаній, обладаніе которымъ необходимо для поступленія въ высшія учебныя заведенія, а также правомъ контроля дѣятельности субсидируемыхъ имъ среднихъ школъ. Самое же веденіе школьнаго дѣла, выборъ преподавателей, администрація школъ — вполнѣ по силамъ тѣхъ, кто дѣйствительно нуждается въ школѣ и учитъ тамъ своихъ дѣтей,—т. е. общества въ лицѣ его представителей-земствъ.

Объ этомъ, а не объ участіи 2—3 представителей въ педагогическихъ совѣтахъ и должны, казалось бы, ходатайствовать земскія собранія.

А. Бѣлевскій.

Къ вопросу о положеніи пришлыхъ рабочихъ на Сѣверномъ Кавказѣ.

(Изъ Владикавказа).

Обычное движеніе пришлыхъ рабочихъ изъ центральныхъ и южныхъ губерній Россіи на лѣтнія (полевыя) работы почти повсемѣстно на Сѣверномъ Кавказѣ въ прошломъ году было очень значительнымъ. Къ сожалѣнію, сколько-нибудь точныхъ цифровыхъ данныхъ о числѣ рабочаго люда, ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы прибывающаго въ нашу окраину, не имѣется, такъ что о числѣ пришлаго люда мы можемъ говорить только приблизительно

Хотя за последнія 8—10 лѣтъ, вслѣдствіе начавшаго принимать довольно широкій характеръ употребленія усовершенствованныхъ орудій при сельско-хозяйственныхъ работахъ въ Ставропольской губерніи, Кубанской и отчасти Терской областяхъ, потребность въ наемныхъ рабочихъ рукахъ значительно сократилась противъ прежняго, тѣмъ не менѣе число пришлыхъ рабочихъ, прибывающихъ сюда ежегодно, все еще сравнительно велико—оно доходитъ до сотни, а иногда и болѣе тысячъ душъ.

Наблюдая лѣтнее передвиженіе пришлыхъ рабочихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, приходится, главнымъ образомъ, отмѣчать лишь его отрицательныя стороны, такъ какъ именно онѣ-то и бросаются въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи. Прежде всего это движеніе заявляетъ себя своею безпорядочностью, чтобы не сказать стихійностью, съ одной стороны, и съ другой — отсутствіемъ какихъ-либо заботъ о его урегулированіи и объ улучшеніи быта рабочихъ. Громадная армія рабочаго люда направляется въ поиски заработковъ на далекой окраинѣ безъ опредѣленнаго заранѣе плана, руководясь лишь надеждою на случай, что создаетъ для нея массу ненужныхъ лишеній, крайне тяжело отражающихся не только на его экономическомъ положеніи, но и на моральномъ состояніи. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, остановимся на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершается это передвиженіе.

Лѣтъ 20 тому назадъ рабочіе совершали свое путешествіе на Кавказъ пѣшкомъ, при чемъ отходъ ихъ съ родины начинался еще съ первыхъ чиселъ марта съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ половинѣ мая, когда на С. Кавказѣ начинается уборка травъ, быть на мѣстахъ заработка. Такимъ образомъ, рабочіе въ пути находились 2—2$^1/_2$ мѣсяца. Идти имъ приходилось въ весеннюю распутицу, когда проселочныя дороги превращаются въ трудно-проходимыя топи, и рабочіе, въ видахъ сохраненія обуви отъ порчи, шагали „босякомъ“ по холодной грязи и водѣ, простуживались, болѣли тифомъ, воспаленіемъ легкихъ, а многіе изъ нихъ и умирали въ пути. Къ началу полевыхъ работъ они приходили въ большинствѣ случаевъ сильно изнуренными, больными. „Гроши“, взятые изъ дому, проѣдались во время длиннаго и труднаго пути; рабочимъ, нуждавшимся въ дневномъ пропитаніи, часто приходилось браться за первую попавшуюся работу и за ту плату, которую имъ предлагали, а не за ту, которую они требовали. Въ настоящее время, хотя передвиженіе рабочихъ совершается главнымъ образомъ, по желѣзнымъ дорогамъ, положеніе ихъ мало или совсѣмъ не измѣнилось къ лучшему.

На желѣзныхъ дорогахъ для перевозки рабочаго люда существуетъ такъ называемый „дешевый тарифъ“, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Въ товарный вагонъ, вмѣстимостью, какъ гласитъ на немъ надпись, въ „8 лошадей или 40 человѣкъ“, буквально биткомъ набиваются рабочіе, иногда душъ до 70—80, такъ что имъ нельзя ни свободно

сѣсть, ни тѣмъ болѣе лечь и почти весь длинный путь приходится стоять на ногахъ. Вагонъ „на всякій случай“ иногда предусмотрительно запирается снаружи, и рабочіе принуждены въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и болѣе томиться въ немъ, задыхаясь отъ смрада испареній человѣческихъ тѣлъ, духоты и жажды; выйти изъ вагона, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ или запастись кипяткомъ, а то и просто сырой водой, на маленькихъ станціяхъ имъ не дозволяется, приходится ждать станцій съ болѣе или менѣе продолжительной остановкой поѣзда. Но и здѣсь имъ не всегда удается запастись кипяткомъ, потому что буфетчики III класса, испуганные массой рабочихъ, требующихъ кипятку, который, по существующимъ правиламъ на желѣзныхъ дорогахъ, они обязаны отпускать пассажирамъ безплатно, посылаютъ за нимъ ихъ на кухню, откуда, въ свою очередь, ихъ гонятъ повара. Между тѣмъ для рабочаго, при его ничтожныхъ достаткахъ, чай съ хлѣбомъ является единственно доступнымъ продовольствіемъ въ пути. Поэтому и неудивительно, если рабочіе считаютъ окончаніе своего путешествія „большимъ счастьемъ“, т. е. избавленіемъ отъ пытокъ физическихъ и нравственныхъ. Впрочемъ, подобное „путешествіе“ не всегда сравнительно благополучно оканчивается для нихъ; бываютъ случаи, когда они во время пути получаютъ увѣчья, если не лишающія ихъ способности къ труду, то во всякомъ случаѣ ограничивающія ихъ трудоспособность. И происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что на желѣзныхъ дорогахъ на пассажировъ-рабочихъ принято смотрѣть не какъ на живыхъ людей, а какъ на грузъ, въ родѣ камней или дровъ, особой осторожности въ обращеніи съ которымъ не требуется. Одна изъ ростовскихъ газетъ, напримѣръ, передаетъ слѣдующій характерный случай. Партія рабочихъ, желавшихъ доѣхать съ одной станціи до Ростова н/Д „по дешевому тарифу“, была посажена въ товарный вагонъ, въ которомъ уже стояло какое-то громадное чугунное колесо. Едва только поѣздъ тронулся со станціи въ путь, какъ *колесо упало на рабочихъ и семерымъ изъ нихъ причинило болѣе или менѣе тяжкіе ушибы*, такъ что пострадавшихъ пришлось отправить въ больницу. И это—не единственный случай изъ практики своеобразнаго отношенія желѣзныхъ дорогъ къ пассажирамъ „дешевки“, такихъ случаевъ масса; къ сожалѣнію, они рѣдко попадаютъ въ печать въ неизвращенномъ видѣ. Но всѣ эти неудобства для рабочихъ, можно сказать, пустяки (хотя, конечно, быть искалѣченнымъ „здорово живешь“—очень нехорошіе пустяки) въ сравненіи съ тѣми, которыя сопряжены съ ожиданіями поѣздовъ „дешевки“. По существующимъ на желѣзныхъ дорогахъ правиламъ эти поѣзда должны отправляться въ опредѣленные сроки; но „правила“ желѣзнодорожною администраціей совсѣмъ игнорируются, такъ какъ она находитъ нужнымъ „пускать“ дешевые поѣзда только тогда, когда груза-пассажировъ наберется „достаточное количество“, примѣрно, душъ по 80 на вагонъ. Впрочемъ, нерѣдки случаи,

когда и сотни человѣкъ подолгу ожидаютъ, какъ особой милости, „соблаговоленія“ желѣзнодорожнаго начальства „пустить дешевку“. Какими соображеніями руководствуется въ данномъ случаѣ „начальство“, мы не знаемъ, зато намъ хорошо знакомо положеніе несчастныхъ пассажировъ, въ теченіе трехъ-пяти сутокъ поджидающихъ „дешевку“. Это положеніе ужасно. Располагаться на ночлегъ въ желѣзнодорожныхъ помѣщеніяхъ (станціонный залъ III класса) имъ запрещается, и всякая попытка ихъ въ этомъ направленіи встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны станціоннаго начальства; навѣсовъ или какихъ-либо сараевъ, гдѣ рабочіе могли бы укрыться отъ палящаго солнца или дождя, близъ станціи не имѣется, а платить за пріютъ на постояломъ дворѣ часто нечѣмъ, и отлучаться со станціи нельзя, такъ какъ каждую минуту приходится ожидать прибытія новыхъ такихъ же, какъ и они, пассажировъ, а слѣдовательно—и распоряженія „пустить дешевку“. Такимъ образомъ, рабочимъ volens-nolens приходится располагатся подъ открытымъ небомъ, несмотря и на дурное состояніе погоды. Корреспондентъ „Бакинскихъ Извѣстій“ описываетъ такую „картинку съ натуры“, впрочемъ, весьма заурядную по станціямъ желѣзныхъ дорогъ: „На дворѣ станціи „Петровскъ“, Владикавказской желѣзной дороги, вотъ уже *вторыя сутки 220 человѣкъ выжидаютъ поѣзда*. Эти несчастные рабочіе (между ними женщины съ грудными дѣтьми) мерзнутъ и мокнутъ подъ открытымъ небомъ. Ночь съ 24 на 25 марта они провели на холодной асфальтовой платформѣ. Здѣсь же расположилось нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ Воронежской губерніи, подъ именемъ переселенцевъ, направляющихся куда-то на работу“ („Бакинск. Извѣстія“, № 113—1903 г.). Само собою, разумѣется, что рабочимъ въ ожиданіи поѣзда надо и кормиться, на что и тратятся ихъ скудныя денежныя средства, и бывали случаи, что когда, наконецъ, слѣдовало распоряженіе объ отправленіи дешевки, у рабочихъ уже не хватало денегъ на покупку билетовъ. Даромъ рабочихъ по желѣзной дорогѣ не отправятъ, конечно, и имъ приходится пускаться въ путь пѣшкомъ. Если же ко всему сказанному прибавить еще грубое, дерзкое, унижающее человѣческое достоинство обращеніе съ пассажирами-рабочими поѣздной прислуги и разнаго желѣзнодорожнаго „начальства“ до станціоннаго сторожа включительно, то можно будетъ имѣть представленіе о всѣхъ прелестяхъ ихъ передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ.

Но съ окончаніемъ „путешествія“ въ „дешевкѣ“ мытарства рабочаго люда еще не кончаются; собственно говоря, они только что начинаются. Направляясь на заработки, рабочіе не имѣютъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи урожая травъ или хлѣбовъ въ той или иной мѣстности, спросѣ на рабочія руки и цѣнахъ на нихъ; въ большинствѣ случаевъ они руководятся разными слухами, иногда не только мало вѣроятными, но совершенно ложными, нарочито, съ извѣстными цѣлями,

распространяемыми хозяевами-работодателями; вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ случается, что въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ скопляется такая масса рабочихъ, что предложеніе труда далеко превышаетъ спросъ на него, отчего и заработная плата сразу понижается чуть не до minimum'a, тогда какъ въ другихъ пунктахъ въ это-же самое время въ рабочихъ рукахъ ощущается сильный недостатокъ, и заработная плата растетъ съ каждымъ днемъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ самую горячую, рабочую пору, когда, какъ говорятъ, день годъ кормитъ, масса рабочихъ остается безъ заработка и сильно нуждается даже въ кускѣ хлѣба, а съ другой стороны, въ то же время хозяева, остающіеся безъ рабочихъ, „чуть волосы не рвутъ на себѣ", видя, какъ пропадаетъ ихъ не убранный хлѣбъ. Случается, что хозяинъ ѣздитъ по окрестнымъ станицамъ, отыскивая рабочихъ, а рабочіе ищутъ хозяина. Весьма понятно, что если-бы существовали въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочаго люда (какъ, напр., Ростовъ н./Д., станціи Влад. жел. дор.: Кавказская, Армавиръ, Невинномысская, Минеральныя Воды) справочныя конторы, которыя могли-бы сообщать свѣдѣнія о движеніи рабочихъ, положеніи труда, цѣнахъ на него, состояніи урожаевъ, то случаевъ, подобныхъ описанныхъ выше, либо совсѣмъ не было, либо они, по крайней мѣрѣ, заявляли-бы о себѣ не такъ часто, какъ въ настоящее время. Къ несчастію, на Сѣверномъ Кавказѣ такихъ конторъ нѣтъ, и будутъ-ли онѣ когда-либо—трудно сказать, такъ какъ всѣ немногочисленныя мѣропріятія въ области улучшенія положенія пришлыхъ рабочихъ на нашей окраинѣ пока дальше благихъ проектовъ не идутъ.

При такомъ положеніи вещей неудивительно, что масса рабочихъ до самой осени остается безъ сравнительно „хорошихъ" заработковъ, которые могли-бы дать ей возможность сдѣлать хоть незначительныя сбереженія „на черный день". Живетъ эта масса случайнымъ заработкомъ, который „на толчкахъ" (мѣста найма рабочихъ на базарныхъ площадяхъ) берется буквально съ боя, послѣ дракъ и потасовокъ между рабочими; слишкомъ часто наблюдается, что рабочимъ, остающимся безъ заработка въ продолженіе нѣсколькихъ дней, даже недѣль, волей-неволей приходится обращаться къ помощи частной благотворительности.

Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ, помимо отсутствія заботъ отъ урегулированіи передвиженія пришлаго рабочаго люда и улучшеніи его быта, немалую, если не главную, роль играютъ также и невѣжество рабочаго, его юридическая и правовая безпомощность, не позволяющія ему вполнѣ оріентироваться въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, что особенно замѣтно въ его дѣловыхъ сношеніяхъ съ хозяиномъ-работодателемъ.

Отношенія между сельскимъ хозяиномъ и рабочимъ страдаютъ отсутствіемъ какого-бы то ни было регулированіи и подвержены массѣ случайныхъ обстоятельствъ, влекущихъ за собою разныя печальныя недоразумѣнія.

Это сказывается уже при наймѣ рабочихъ. Обыкновенно хозяева и рабочіе въ очень рѣдкихъ случаяхъ закрѣпляютъ свои сдѣлки формальными письменными условіями, а ограничиваются условіями словесными, полагаясь на „совѣсть" каждаго. Впрочемъ, и самый характеръ найма таковъ, что хозяину и рабочему приходится ограничиваться словеснымъ договоромъ: обыкновенно наемъ происходитъ въ праздничные дни, гдѣ-нибудь на базарной станичной площади или на большой узловой станціи желѣзной дороги, при чемъ хозяинъ старается поскорѣе договориться съ рабочимъ и увезти его къ себѣ домой, такъ какъ малѣйшее промедленіе съ его стороны можетъ скверно отразиться и на успѣшности хода работъ; о заключеніи письменныхъ условій, на что требуется трата времени и денегъ, тутъ ужъ некогда думать; да и сами рабочіе, нанимающіеся поденно, избѣгаютъ этихъ условій. Хорошо, конечно, если та и другая сторона въ точности выполнятъ словесный договоръ, но сплошь и рядомъ случается, что хозяинъ, завезя рабочихъ въ степь, начинаетъ „прижимать" ихъ харчами, которыя и безъ того довольно скудны, и въ то же время, „стоя надъ душой", торопитъ рабочихъ работой, продолжающейся по 15—17 часовъ въ сутки. Тогда и рабочіе отказываются работать, требуя повышенія заработной платы и улучшенія харчей. Возникаетъ между хозяиномъ и рабочими недоразумѣніе, которое, къ сожалѣнію, не всегда благополучно разрѣшается. Добросовѣстный и расчетливый хозяинъ старается угодить рабочимъ харчами, зная, что за это рабочіе, со своей стороны, постараются усерднѣе работать, и расчета могутъ день другой обождать, пока хозяинъ добудетъ денегъ.

„Прижимистый" же хозяинъ поступаетъ наоборотъ: нанявъ рабочихъ по установившейся въ данной мѣстности цѣнѣ, онъ при окончательномъ расчетѣ не даетъ полностью условленной платы, если ко времени расчета заработная плата понизится, что часто и случается, вслѣдствіе неравномѣрнаго скопленія рабочихъ рукъ въ мѣстахъ найма. Требовать съ такого хозяина недополученныя деньги судомъ рабочимъ не приходится, такъ какъ, въ виду своей юридической безпомощности, они не всегда сумѣютъ доказать справедливость своихъ исковыхъ претензій (что, вообще, безъ надлежащихъ документальныхъ данныхъ—дѣло очень нелегкое), да и, кромѣ того, судебная тяжба сопряжена съ тратою времени, которымъ рабочимъ надо дорожить, чтобы не остаться безъ заработка. Но допустимъ даже, что рабочіе предъявятъ къ хозяину иски въ станичныхъ или сельскихъ судахъ, и изъ этого, какъ показалъ опытъ, ровнымъ счетомъ ничего положительнаго для рабочихъ не выйдетъ, потому что на сторонѣ отвѣтчика, какъ „своего человѣка", и судъ.

Но какъ-бы плохи ни были отношенія между мелкими хозяевами и рабочими, ихъ можно считать еще довольно сносными въ сравненіи съ

тѣми, которыя издавна установились между мѣстными „помѣщиками" и пришлымъ рабочимъ людомъ.

Такими помѣщиками на Сѣверномъ Кавказѣ являются „тавричане"— овцеводы, представляющіе довольно интересный типъ „окраиннаго" хозяина-хищника, поговорить о которомъ въ настоящемъ письмѣ болѣе подробно мы находимъ вполнѣ умѣстнымъ. „Тавричанами" принято называть выходцевъ изъ Таврической губерніи („Таврія"), занимающихся почти исключительно овцеводствомъ.

Вслѣдствіе сокращенія размѣровъ степного пространства, необходимаго для широкопоставленнаго овцеводства, таврическіе овцеводы въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали постепенно переселяться на жительство въ предѣлы Сѣвернаго Кавказа и къ концу 1897 года окончательно заполонили его собою. Въ то время, т.-е. въ концѣ 80 и началѣ 90 годовъ прошлаго столѣтія, цѣны на земли на Сѣверномъ Кавказѣ стояли очень низкія (десятина черноземной „цѣлины" продавалась отъ 20 до 25 руб., а арендная годовая плата за нее едва достигала одного рубля). Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались тавричане, на первыхъ-же порахъ своего появленія въ краѣ скупивъ почти за безцѣнокъ громадное количество земли у частныхъ владѣльцевъ, а также снявъ въ болѣе или менѣе продолжительную аренду возможно большее количество общественныхъ земель, главнымъ образомъ, казачьихъ, такъ называемыхъ „запасныхъ". Сдѣлавшись такимъ образомъ крупными помѣщиками, тавричане, конечно, не замедлили перегнать на новыя мѣста изъ своей „Тавріи", и отары овецъ и уже въ первое время успѣли заявить себя съ самой непривлекательной стороны, какъ по отношенію къ своимъ сосѣдямъ— сельскимъ станичнымъ и аульныхъ жителямъ, такъ и по отношенію къ пришлымъ рабочимъ.

Такъ, насколько бережно обращались съ своими собственными землями, настолько же старались хищнически эксплоатировать земли, находящіяся у нихъ въ арендѣ: брали отъ нихъ все, что только можно взять, и взамѣнъ ничего не давали. Многочисленныя отары овецъ, доходящія до нѣсколькихъ сотъ тысячъ головъ, такъ вытаптывали луговыя пространства, что потомъ на нихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ ничего, кромѣ густого бурьяна, не родится. Молодые лѣса, находившіеся на упомянутыхъ земляхъ, тавричане постарались свести на нѣтъ, хотя, по договору со станичными обществами, они не имѣли права дѣлать этого. Затѣмъ, не довольствуясь собственною землей, они начали въ большихъ размѣрахъ практиковать потравы общественныхъ (станичныхъ и аульныхъ, покосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ и въ то же время зорко, при посредствѣ „объѣздчиковъ", оберегали свои земли и немедленно убивали или „барантовали" случайно забредшій на нихъ скотъ сельскихъ жителей. Вслѣдствіе этого между по-

слѣдними и тавричанами возникали всевозможныя недоразумѣнія, доходившія часто, да и теперь доходящія до кровавыхъ побоищъ.

Въ виду описанныхъ причинъ въ настоящее время мѣстные жители стараются всѣми силами избѣгать входить съ тавричанами въ какія-либо дѣловыя отношенія и, между прочимъ, наниматься къ нимъ въ качествѣ временныхъ полевыхъ рабочихъ и срочныхъ („на срокъ" отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года) батраковъ. Слѣдовательно, послѣдними у тавричанъ являются исключительно пришлые рабочіе. Условія жизни батраковъ поистинѣ ужасны. При наймѣ ихъ, сопровождаемомъ неизбѣжнымъ „могарычемъ", тавричане по возможности избѣгаютъ совершенія письменныхъ условій найма, стараясь „уладиться по совѣсти, по-божьему", а если и заключаютъ письменныя условія, то безъ соблюденія какихъ бы то ни было законныхъ формальностей, такъ что значенія документовъ они не могутъ имѣть. Намъ, напримѣръ, приходилось не разъ встрѣчать подобныя условія, нацарапанныя на клочкѣ бумаги и такого содержанія: „Нанятъ на годъ такой-то (имя, отчество и фамилія нанявшагося) по цѣнѣ, какая будетъ стоять". И только! Можно судить, какую цѣну имѣетъ такое условіе.

Само собою разумѣется, что въ интересахъ хозяина установить наиболѣе выгодную плату для себя, но не для рабочаго, и если послѣднему слѣдуетъ заплатить 100—120 рублей въ годъ, то онъ, при случаѣ, сумѣетъ, конечно, по своему доказать, что по своей работоспособности батракъ болѣе 40—50 рублей въ годъ не заслуживаетъ. Нанявъ батрака, тавричанинъ спѣшитъ увезти его въ свою „экономію", а тамъ тотъ уже поступаетъ въ его полное распоряженіе, часто становясь почти въ положеніе крѣпостного. Батракъ, завезенный въ степную глушь, верстъ за 20—30 отъ экономіи, почти въ теченіе цѣлаго года видитъ только необозримую степь, овецъ, сторожевыхъ собакъ—овчарокъ, да еще такихъ же, какъ онъ самъ, несчастныхъ батраковъ. Свѣжимъ человѣкомъ для него въ этой глуши является хозяинъ или его подручный, два раза въ мѣсяцъ привозящіе ему изъ экономіи харчи. Но пріѣздъ хозяина только одно горе приноситъ батраку: найдутся неисправности, упущенія по работѣ, и на него посыпятся со стороны хозяина ругательства и побои. Батракъ принужденъ покорно сносить и отвратительную брань и побои, зная хорошо, что, вооруженный револьверомъ и кинжаломъ, хозяинъ уложитъ его на мѣстѣ, разъ онъ вздумаетъ проявить какое-либо сопротивленіе. „Грязный, оборванный, живя въ одиночествѣ, лѣтомъ жарясь подъ знойными лучами южнаго солнца, осенью мокнувъ подъ холоднымъ дождемъ и замерзая зимой на морозѣ, батракъ отвыкаетъ и мыслить по человѣчески". („Донская Рѣчь"—1902 г.). И живетъ онъ единственною мечтою поскорѣе окончить срокъ ненавистной службы, получить „расчетъ" и уйти подальше отъ этихъ опостылѣвшихъ ему овецъ, собакъ, отъ этой однообразной глухой степи. Оставить же службу до окончанія срока онъ

не можетъ, во-первыхъ, потому что хозяинъ всюду сумѣетъ найти его и жестоко расправиться съ нимъ за самовольный уходъ, а во-вторыхъ, тотъ-же хозяинъ, въ лучшемъ случаѣ, всегда сумѣетъ при помощи суда или даже станичной власти заставить его отжить срокъ службы. Но выживаетъ онъ „срокъ", а условленныхъ денегъ за свою работу все-таки не получаетъ: оказывается при разсчетѣ, что онъ успѣлъ „раньше забрать" большую часть заслуженнаго жалованія, а то и все,—или же получаетъ то, что ему даютъ, а не то, что слѣдуетъ. Попытки батрака обратиться въ данномъ случаѣ къ помощи суда пользы ему не приносятъ; такъ какъ при отсутствіи надлежащихъ документальныхъ данныхъ, о чемъ мы уже говорили выше, онъ не въ состояніи доказать справедливость своихъ исковыхъ претензій къ хозяину. Такимъ образомъ выходитъ въ большинствѣ случаевъ, что батракъ даже долженъ быть благодарнымъ хозяину, что тотъ отдаетъ ему хоть часть заслуженныхъ имъ денегъ, въ противномъ случаѣ, онъ ничего не получитъ. („Бакинскія Извѣстія", № 48—1903 г.). Необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи хозяевъ-тавричанъ къ заболѣвающимъ на работѣ батракамъ. Лѣчить заболѣвшихъ батраковъ у нихъ считается роскошью, потому что въ этомъ случаѣ предполагается не дѣйствительная болѣзнь, а лѣнь, притворство, желаніе увильнуть отъ работы, да при томъ возиться съ больнымъ очень хлопотно. Обыкновенно, больному батраку позволяется „отлеживаться" дня три—четыре, а если потомъ болѣзнь затягивается, его отвозятъ на выгонъ ближайшей станицы или села и тамъ тайкомъ оставляютъ, въ полной надеждѣ, что найдутся сердобольные люди—подберутъ его. Корреспондентъ владикавказской газеты описываетъ слѣдующій случай изъ жизни этихъ несчастныхъ батраковъ: „На улицѣ станицы Государственной (терской области) собралась группа мужчинъ и женщинъ, окружившихъ что-то лежавшее на землѣ. Когда я подошелъ къ толпѣ, то услышалъ ругательства по адресу тавричанъ, которые укорялись въ „безбожіи" и „безчеловѣчіи". Посрединѣ толпы на сырой землѣ, подъ грудою лохмотьевъ, лежалъ какой-то комъ, по временамъ вздрагивающій. Разворачиваю эти лохмотья и вижу, что комъ—живой человѣкъ. Блѣдное, испитое лицо, сухія, запекшіяся губы, сложившіяся въ плаксивую гримасу, глубоко ввалившіеся, почти безжизненные глаза... Ширококостная, когда-то могучая, не по лѣтамъ развитая фигура этого человѣка теперь представляла жалкій остовъ. Лежавшій на землѣ больной человѣкъ на разспросы окружавшей его толпы хриплымъ, замогильнымъ голосомъ разсказалъ, что онъ—крестьянинъ села Круглаго, Семенъ Ивановичъ Кузинъ, 16 лѣтъ, служилъ у одного тавричанина батракомъ въ экономіи; работать его заставляли много, кормили плохо, а обращались съ нимъ хуже чѣмъ съ собакой. Когда же Кузинъ заболѣлъ, хозяинъ приказалъ ему наскоро убираться изъ экономіи, а такъ какъ Кузинъ настолько ослабѣлъ, что не могъ даже

свободно передвинуться съ одного мѣста на другое, то, по приказанію таврачанина, его свалили въ телѣгу и повезли въ станицу, не доѣзжая до которой съ версту, его свалили съ телѣги на дорогу и оставили на произволъ судьбы. Чтобы не замерзнуть и не быть растерзаннымъ дикимъ „звѣремъ“, больной принужденъ былъ ползти на колѣняхъ и животѣ, и до костей продралъ свои колѣни, локти. Подъ конецъ разсказа съ больнымъ сдѣлался глубокій обморокъ.

И это не единственный случай жестокости таврачанъ, прибавляетъ корреспондентъ. Около той-же станицы былъ найденъ брошеннымъ въ степи чабанъ, служившій у таврачанина. У чабана при осмотрѣ оказалась рана въ полости живота. Эту рану прободалъ ему рогомъ хозяйскій бугай (быкъ). Хозяинъ, не желая тратиться на лѣченіе больного, приказалъ вывезти его въ степь и бросить близъ станицы. („Казбекъ“, 1902 г.) Если-же батракъ умираетъ на работѣ, то его тутъ-же, въ степи и закапываютъ въ безкрестную, безыменную могилу. („Бакин. Изв.“ № 48—1903 г.).

Еще тяжелѣе положеніе тѣхъ рабочихъ, которые, нанимаясь въ батраки къ таврачанамъ, не имѣютъ у себя паспортовъ: они, ежеминутно опасаясь быть „забранными“ станичнымъ начальствомъ, какъ бродяги и отправленными на родину этапнымъ порядкомъ, волей-неволей подчиняются всѣмъ деспотическимъ требованіямъ своихъ хозяевъ, сознавая, что пока они находятся у послѣднихъ на службѣ, вполнѣ гарантированы отъ путешествія по тюрьмамъ и этапамъ. Правда, обманутые, забитые и замореннные непосильнымъ трудомъ, батраки иногда жестоко расправляются со своими хозяевами, калѣча и убивая ихъ скотъ, поджигая хозяйскія усадьбы, но отъ этого ужасное положеніе батраковъ, конечно, нисколько не улучшается. Относительно размѣра заработковъ мы должны сказать, что онъ съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ, сравнительно большихъ заработкахъ, которые существовали на Сѣверномъ Кавказѣ лѣтъ 15 тому назадъ. Причинами этого обстоятельства надо считать значительное сокращеніе размѣровъ хлѣбопашества во многихъ мѣстахъ края, напр., въ ставропольской губерніи, славившейся раньше „житницей Кавказа“, что, въ свою очередь, вызвано частыми недородами, а мѣстами и полными неурожаями хлѣбовъ—съ одной стороны, а съ другой, какъ уже мы сказали, широкое распространеніе среди сельскаго населенія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, требующихъ при обработкѣ земли и уборкѣ хлѣба меньшей затраты со стороны хозяина времени и труда. Употребленіе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій въ сельско-хозяйственныхъ работахъ, помимо указанныхъ преимуществъ, для сельскихъ хозяевъ выгодно еще тѣмъ, что хозяинъ, если не имѣетъ собственныхъ орудій, за пользованіе ими расплачивается* не деньгами, которыя

у него не всегда случаются, а хлѣбомъ (въ зернѣ), обыкновенно отдавая владѣльцу орудія (машины) десятую копну сжатаго и десятую мѣру обмолоченнаго хлѣба. Такимъ образомъ, механическій трудъ замѣтно вытѣсняетъ трудъ пришлыхъ рабочихъ, а вмѣстѣ и заработная плата послѣднихъ съ каждымъ годомъ понижается: если еще 6—8 лѣтъ тому назадъ въ кубанской области и ставропольской губерніи рабочій въ лѣтній день зарабатывалъ отъ 1 р. 50 к. до 2. р. на хозяйскихъ харчахъ,—то лѣтомъ прошлаго года въ тѣхъ-же мѣстахъ заработная плата колебалась отъ 70 до 85 к. и въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходила до 1 р. въ день.

Но лѣтомъ, такъ или иначе, пришлому рабочему люду не приходится испытывать нужды въ той острой формѣ, какую онъ переживаетъ въ тяжелую пору зимней безработицы. Нужда эта, дѣйствительно, очень тяжела: рабочіе живутъ не только впроголодь, но по нѣскольку сутокъ буквально голодаютъ; они не имѣютъ теплаго и сухого пріюта на ночь, принуждены ночевать подъ открытымъ небомъ—подъ заборами и на базарныхъ площадяхъ, что, конечно, гибельно отзывается на ихъ здоровьи. Болѣе „счастливые" изъ нихъ, т.-е. располагающіе пятью копейками, платой за ночлегъ на постоялыхъ дворахъ, испытываютъ всѣ ужасы обстановки послѣднихъ. Обстановка эта сплошь и рядомъ такова. Напр., на постоялыхъ дворахъ во Владикавказѣ имѣются отдѣльныя комнаты, носящія названіе „общихъ", съ нарами и лавками вдоль стѣнъ. Обыкновенно помѣщеніе „общей" расчитано на 8—10 человѣкъ, но въ ней постоянно (осенью и зимой), особенно въ дождливую погоду, ночуютъ отъ 30 до 50 человѣкъ, которые спятъ вповалку—вмѣстѣ мужчины, женщины, дѣти, здоровые и больные. Воздухъ въ комнатѣ, пропитанный испареніями человѣческаго тѣла, такъ густъ, что лампа тухнетъ. „Общая" содержится крайне отвратительно: полы, нары въ ней никогда не моются, соръ выметается въ рѣдкихъ случаяхъ, въ щеляхъ грязныхъ, давно не бѣленныхъ стѣнъ ютятся милліоны клоповъ, которые являются агентами распространенія заразныхъ болѣзней (чахотки, сифилиса) среди ночлежниковъ. Сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда больные ночлежники умираютъ на постоялыхъ дворахъ, лишенные какой-бы то ни было врачебной помощи. Попасть-же имъ въ мѣстный военный госпиталь или въ городскую больницу не всегда удается, въ виду переполненія ихъ больными. Также нерѣдки случаи, когда содержатели постоялыхъ дворовъ выгоняютъ больныхъ ночлежниковъ на улицу, такъ какъ смерть ихъ въ общемъ для хозяина сопряжена съ массою „хлопотъ". („Русскія Вѣдомости", 1903 г., корр. изъ Владикавказа). Подобные, если не хуже, постоялые дворы имѣются въ каждомъ городѣ Сѣвернаго Кавказа.

Ночлежные городскіе „безплатные" дома могли бы давать пріютъ на ночь рабочимъ-скитальцамъ, если бы, во-первыхъ, помѣщенія ихъ были

не тѣсны и въ санитарномъ и въ гигіеническомъ отношеніяхъ сколько-нибудь отличались отъ помѣщеній „общей“ постоялыхъ дворовъ, а во-вторыхъ, отъ порядковъ, установившихся въ этихъ домахъ, вѣетъ чѣмъ-то острожнымъ, подневольнымъ [1]: здѣсь на ночлежника смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на самую послѣднюю тварь, надъ которой и позволяются всякія издѣвательства, до кулачныхъ расправъ включительно.

Въ Екатеринодарѣ зданіе ночлежнаго дома такъ ветхо, а помѣщеніе его въ санитарномъ отношеніи такъ мерзко, что, по мнѣнію тамошняго городского головы, этотъ домъ необходимо сжечь, какъ источникъ распространенія заразныхъ болѣзней среди населенія города („Кубанскія Областныя Вѣдомости“, 1903 г.).

Во Владикавказѣ сторожъ ночлежнаго дома смотритъ на ночлежниковъ, какъ на своихъ рабочихъ, которые обязаны за него рубить дрова, носить воду, мыть полы; тѣхъ же, которые ослушиваются его приказаній, онъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ выгоняетъ среди ночи на улицу.

Въ Пятигорскѣ же положеніе безпріютныхъ рабочихъ еще хуже: зимою они закапываются на ночь въ теплый навозъ на свалочномъ мѣстѣ, за городомъ.

Города Сѣвернаго Кавказа, можно сказать, ничего не дѣлаютъ для облегченія горькой участи пришлаго рабочаго люда, если не считать отдѣльныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, впрочемъ, не всегда оканчивающихся вполнѣ благополучно. Такъ, напримѣръ, въ Екатеринодарѣ, когда было предложено открыть при „домѣ трудолюбія“ чайную, бюро для пріисканія занятій рабочимъ и ночлежный безплатный пріютъ, то нѣкій Кирьяковъ горячо возсталъ противъ предложенія, заявивъ, что *открывать ночлежнаго пріюта совсѣмъ не слѣдуетъ, потому что „ночевать въ немъ будетъ всякій сбродъ — босяки и пьяницы“. Когда же этому „гражданину“ указали на то, что въ Екатеринодарѣ ежегодно въ безплатномъ ночлегѣ нуждаются болѣе 90,000 человѣкъ неимущаго люда, онъ заявилъ, что жертвуетъ лично*

---

[1]) „Что-то трудно вообразимое для людей“, незнакомыхъ съ положеніемъ городского пролетарія, представляетъ обстановка этихъ „пріютовъ“. Кажется, что люди какъ бы нарочно трудились, чтобы создать именно такую обстановку, въ которой ночлежникъ, и безъ того глубоко несчастный человѣкъ, сразу почувствовалъ бы весь ужасъ своего положенія, едва только онъ воспользуется „гостепріимствомъ“ пріюта. Картины изъ „Мертваго дома“ одна за другою проходятъ передъ постороннимъ посѣтителемъ этихъ вертеповъ нищеты и горя людского, и тоска отчаянія охватываетъ все его существо. Не увидитъ онъ здѣсь ни бритыхъ головъ каторжниковъ, не услышитъ бряцанья кандальныхъ цѣпей — это правда, но за то онъ воочію убѣдится — какъ невыносимо тяжело живется на свѣтѣ и „свободному“, повидимому, человѣку. („Донская Рѣчь“ № 189—1903 г.).

отъ себя 500 рублей на оборудованіе какой-либо мастерской въ домѣ трудолюбія, съ тѣмъ, чтобы не давать въ немъ пріюта разному сброду, въ особенности же босякамъ" („Куб. Обл. Вѣд." № 240—1902 г.).

Къ сожалѣнію, „гражданъ", въ родѣ упомянутаго Кирьякова, не мало найдется и въ остальныхъ городахъ Сѣвернаго Кавказа. Нашлись они и въ Пятигорскѣ, въ лицѣ мѣстнаго городского головы Архипова и гласнаго, врача Барта, которые сумѣли убѣдить думу въ томъ, что устройство ночлежнаго дома въ городѣ, затѣваемаго мѣстнымъ „обществомъ пособія бѣднымъ", кромѣ вреда, ничего городскому населенію принести не можетъ. Дума, вразумленная этими двумя „гражданами", постановила — отказать въ выдачѣ 1,000 рублей субсидіи названному „обществу" на устройство ночлежнаго дома. Но въ то же самое время дума единогласно нашла крайне необходимымъ отпустить изъ городскихъ средствъ 1,000 рублей на устройство общественнаго обѣда при освященіи кладбищенской церкви [1]). („Бакинскія Извѣстія", № 139—1903 г., корр. изъ Пятигорска).

Евг. Барановъ.

---

[1]) Это постановленіе думы затѣмъ было отмѣнено начальникомъ Терской области.

Родныя картины.

Партизаны воинствующаго консерватизма и ихъ „партія". — Какъ отражается современное освободительное движеніе въ уличной прессѣ.—Губернскія вѣдомости, какъ органы „боевой организаціи". — Мелочи.

А. С. Суворинъ все укоряетъ консервативную партію за ея бездѣйствіе. По его мнѣнію, радикалы шумятъ на всю Россію, радикалы устраиваютъ банкеты, произносятъ рѣчи, устраиваютъ съѣзды, создаютъ союзы, а консерваторы въ это время почти что въ носу ковыряютъ: ни настоящаго единенія, ни настоящей программы у нихъ нѣтъ, и только „межеумки" Русскаго Собранія обнаруживаютъ кое-какое „шевеленіе". Но надо думать, это „шевеленіе" не удовлетворяетъ даже неприхотливый вкусъ г. Суворина, такъ какъ въ Русскихъ Собраніяхъ только тѣмъ и занимаются, что, съ помощью квартальныхъ, собираютъ какія-то подписи подъ какими-то адресами, которые кому-то будутъ поданы. Не беремся, конечно, судить насколько справедлива аттестація г-на Суворина, данная членамъ Русскаго Собранія: г. Суворинъ самъ состоитъ членомъ этого собранія, и ему конечно, виднѣе, въ какой мѣрѣ его colleg'и заслужили наименованіе „межеумковъ". Но для насъ несомнѣнно одно, что г. Суворинъ очень ошибается въ своей оцѣнкѣ консервативнаго бездѣйствія, по крайней мѣрѣ, на лицо имѣются всѣ признаки, доказывающіе, что у консерваторовъ уже есть свои партизаны, свои фанатики, и даже свои кружки, объединяющіеся вокругъ московскихъ аристократовъ, съ цѣлью выколоть глаза русскому народу. Правда, эта мобилизація консервативныхъ силъ еще не дала значительныхъ результатовъ, но виновато тутъ не бездѣйствіе, а нѣкоторыя стороннія обстоятельства. Прежде всего, ни для кого вѣдь не секретъ, что русскій воинствующій консерваторъ „скорбенъ главою": онъ очень мало способенъ къ организаціи и до такой степени лишенъ политическаго смысла, что дальше казармы, кордегардіи и бурсы рѣшительно ничего не видитъ. Тоже приходится сказать и относительно его политиче-

скаго такта: такта у консерваторовъ такъ мало, что нерѣдко сравнительно крупные успѣхи ихъ партіи гибнутъ отъ простой несообразительности. Взять хотя-бы знаменитый курскій случай: съ помощью величайшихъ усилій мѣстные консерваторы объединили всѣхъ городскихъ прохвостовъ, организовали изъ нихъ батальонъ громилъ и въ битвѣ съ гимназистами одержали безспорную и рѣшительную побѣду. Но позволительно спросить, сумѣли ли они воспользоваться плодами этой побѣды? Увы, нѣтъ. Когда прохвосты потребовали уплаты причитающагося имъ гонорара, консерваторы, вмѣсто условленнаго рубля, уплатили лишь по полтиннику на рыло. Спрашивается, гдѣ же тутъ политическій тактъ и не естественно-ли, что зажиленный полтинникъ послужилъ началомъ дезорганизаціи и вызвалъ цѣлую бурю негодованія среди тѣхъ самыхъ прохвостовъ, которые еще вчера чувствовали себя членами партіи?

Но если подобная безтактность допускается цѣлой партіей, то легко себѣ представить, до чего доходятъ партизаны консервативнаго движенія, дѣйствующіе на мѣстахъ.

Вотъ, напримѣръ, партизанъ Иванюшенковъ, состоящій присяжнымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Новаго Времени“ и въ то же время занимающій постъ *елецкаго биржевого маклера*. Какъ корреспондентъ газетъ г. Иванюшенковъ занимается исключительно „патріотической брехней“, а какъ биржевой маклеръ, онъ составляетъ бюллетени елецкой биржи. Но такъ какъ „брехня“ въ немъ, очевидно, превалируетъ надъ биржей, то и въ самые бюллетени биржевыхъ цѣнъ онъ ухитряется вставлять нѣчто патріотическое. Впечатлѣніе отъ такихъ вставокъ, получается, конечно, до такой степени несуразное, что невольно думается: а вѣдь маклеръ то того, ополоумѣлъ, бѣдняга... Такъ въ бюллетенѣ за № 13, помѣщены, напримѣръ, слѣдующія данныя:

Пшеница	— р.	96 к.
Озимая.	— „	90 „
Горохъ.	1 „	10 „

Но тутъ же рядомъ съ пшеницей и горохомъ напечатана слѣдующая квартальная прокламація:

„При общемъ отрезвленіи, замѣчаемомъ среди всѣхъ сословій Россіи за послѣднее время, попытки сѣять смуту все-таки отмѣчаются и теперь во многихъ мѣстахъ, при чемъ крайне неразборчивыми въ средствахъ становятся интеллигентные и неинтеллигентные подстрекатели-хулиганы, старающіеся натравливать босую команду на имущества въ городахъ и уѣздахъ, при чемъ, платится эта несчастная масса, а прямые и косвенные подстрекатели остаются въ сторонѣ, хотя главные виновники именно эти подстрекатели, работающіе при помощи иностранныхъ денегъ, и какъ Іуда продающіе врагамъ свою родину-мать.

Теперь уже доказано, что и въ Англіи, и въ Америкѣ открыто идетъ крупная подписка на организацію забастовокъ въ Россіи, а въ связи съ забастовками покупается и измѣна родной странѣ. И печально и грустно становится за тѣхъ, кто сѣетъ смуту въ такое тяжелое время".

Несуразность впечатлѣнія усиливается еще оттого, что непосредственно вслѣдъ за интеллигенціей и англо-американскими подкупами опять идетъ „сало говяжье топленое" и прочіе дѣловыя свѣдѣнія: о вскрытіи рѣкъ, о навигаціи, о залежахъ грузовъ и пр. Какъ видите, насчетъ политическаго такта маклеръ Иванюшенковъ не далеко ушелъ отъ своихъ курскихъ colleg'ъ, зажилившихъ полтинникъ, ибо если ты членъ партіи и находишься въ здравомъ умѣ и твердой памяти, то надо же, по крайней мѣрѣ, различать сало говяжье топленое отъ катехизиса собственной партіи и не валить въ одну кучу и горохъ, и интеллигенцію, и конопляное масло, и политическую смуту.

Кромѣ „патріотической брехни", заполняющей биржевые бюллетени, елецкій маклеръ поставляетъ такую же „брехню" и въ „Московскія Вѣдомости". Вотъ, напримѣръ, поучительный разсказъ о томъ, какъ въ городѣ Ельцѣ купцы „адресъ" подписывали. Текстъ этого адреса былъ составленъ такъ называемыми „чисто-русскими" людьми въ Орлѣ, а затѣмъ былъ отправленъ чисто русскимъ же людямъ въ Елецъ съ просьбой однако „предъявлять къ подписи только въ городахъ, дабы не была пущена въ ходъ клевета, что крестьяне подписываютъ подъ вліяніемъ уѣздныхъ властей".

Текстъ адреса получилъ и г. Иванюшенковъ, хотя просьба о непримѣненіи насилія при собираніи подписей ему показалась странной:

„По соотношенію, говоритъ онъ, съ наглымъ и крикливымъ поведеніемъ противогосударственной интеллигентной кучки, подобная деликатность прямо кажется неумѣстною и странною.

Предложили подписать и мнѣ, но я взялъ нѣсколько листовъ къ себѣ въ контору. Всякій прочитавшій тотчасъ же брался за перо, и каждый заявлялъ, что давно бы пора подобный адресъ пустить для подписи во всей Россіи.

Выбравъ свободный часъ, я положилъ листъ въ карманъ, направился въ мясной рядъ. Зашелъ въ лавку къ почтенному старику С. Ф. Богрову, прочиталъ ему текстъ.

— Ну какъ, Андреичъ, повтори еще, я не зналъ.

Повторилъ. Богровъ вышелъ изъ лавки и крикнулъ сосѣдямъ: ребятушки, идите-ка сюда.

— Прочитай всѣмъ.

Прочиталъ. Поднялись шумныя одобренія. Послышались возгласы: давно бы пора. Бунтовщики тамъ шумятъ, а мы молчимъ, могутъ подумать, что и мы за-одно съ ними.

Листъ быстро покрылся подписями, не хватило мѣста, попросили прислать второй.

У меня подписалось до 500 человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Подписывались: дворяне (мало), купцы, мѣщане и, преимущественно, проживающіе въ городѣ крестьяне. Если-бы листы пустить въ уѣздъ, то десятки тысячъ подписей были бы собраны въ одну недѣлю".

Что касается цифръ, то признаться сказать въ этомъ отношеніи мы не особенно довѣряемъ г-ну Иванюшенкову: въ провинціи члены русскихъ собраній вонъ какъ хлопотали надъ адресами, а подписей набрали только сотни, да и то лишь потому, что мѣстные шпіоны согласились дать свои подписи безъ обычнаго вознагражденія. Притомъ же какъ человѣкъ торговый, г. Иванюшенковъ, видимо, привыкъ божиться и врать въ одно и то же время. По крайней мѣрѣ, такой выводъ напрашивается самъ собой при чтеніи его вранья о патріотизмѣ елецкаго купечества. Въ мясномъ ряду ему будто бы „пришлось слышать сѣтованія, почему въ виду военнаго времени, по примѣру Японіи, не увеличиваютъ налоговъ. Это заявляли сами плательщики налоговъ, предлагавшіе равномѣрныя ихъ временныя увеличенія на 20 на 25% по всѣмъ статьямъ. Предлагали привлечь къ обложенію и тѣ элементы, въ родѣ адвокатовъ и докторовъ, которые воспитаны на государственный счетъ, много зарабатываютъ, шумятъ, но въ пользу государства ничего не платятъ". Что елецкіе безсребренники изъ мясного ряда предлагали обложить данями докторовъ и адвокатовъ — это вѣроятно, но чтобы они самихъ себя данями обложили — это, конечно, нарочитый вздоръ, придуманный фантазіей биржевого поэта.

Однако, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать патріотическую дѣятельность елецкаго маклера, но нельзя, какъ мнѣ кажется, не признать одного — что г. Суворинъ совершенно напрасно обвиняетъ „консерваторовъ" въ бездѣйствіи и непониманіи своихъ шкурныхъ интересовъ. Правда, большого ума эти „дѣятели" не обнаруживаютъ, и работа ихъ поражаетъ своей топорностью и, по просту говоря, глупостью. Но глупость — это уже отъ Бога, и съ нею „партія" должна считаться, какъ съ явленіемъ предопредѣленнымъ.

Какъ на образчикъ этого „предопредѣленія", я могу указать еще на политическую агитацію нѣкоей г-жи Чижъ, которая, по размѣрамъ патріотизма, стоитъ рядомъ съ елецкимъ маклеромъ, а по оголтѣлости даже превосходитъ его. Г-жа Чижъ недавно прибыла въ Кисловодскъ и объявила, что она прочтетъ публичную лекцію на тему о врагахъ внѣшнихъ и врагахъ внутреннихъ, и что входъ на ея лекцію „для гг. военныхъ" будетъ стоить 50 к. а для „армянъ" и „студентовъ" — 1 р. Въ назначенный день г-жа Чижъ нарумянилась (такъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, мѣстный корреспондентъ) мѣщански расфрантилась и, взойдя на трибуну, стала „запузыривать". Она начала съ описанія войны въ духѣ

„Московскихъ Вѣдомостей“, и, разгромивъ безъ особаго труда японцевъ, „запузырила“ затѣмъ нижеслѣдующее:

„Братцы, не страшенъ намъ внѣшній врагъ, котораго русская баба 12 штукъ разомъ въ плѣнъ заберетъ (?!). А вотъ есть у насъ внутренній врагъ, который лживыми и льстивыми рѣчами завлекаетъ насъ, ребята, въ свои гнусныя сѣти и ведетъ души наши къ погибели! Этотъ врагъ хитеръ и опасенъ; бойтесь, братцы, его и ненавидьте всей душой! Не читайте газетъ „Русь“, „Разсвѣтъ“ и „Пятиг. Листокъ“, ибо онѣ подкуплены нашими врагами-японцами, и внутренніе враги, извращая всѣ факты, вводятъ васъ въ заблужденіе. Если увидите, братцы, здѣсь такого врага, берите его подъ-ручки и учтиво, безъ всякаго насилія, ведите его, голубчика, къ какому бы то ни было начальству, и тамъ съ нимъ расправятся!!“

Сотрудникъ „Пятигорскаго Листка“, со словъ котораго я воспроизвожу рѣчь г-жи Чижъ, прибавляетъ, что „эта нелѣпость и завѣдомая ложь вызвали въ публикѣ горячіе протесты и требованія прекратить подобную бесѣду, но лекторша, не обращая вниманія на поднявшійся шумъ, въ повышенномъ тонѣ стала продолжать: „Вотъ какъ, братцы, наши внутренніе враги дѣйствовали 9 января въ Петербургѣ: студенты и интеллигенты переодѣвались въ платье простыхъ рабочихъ, вели нашего брата подъ выстрѣлы, прячась за ихъ спинами, преслѣдуя свои личныя, преступныя цѣли!..“ Поднялись сразу шумъ и волненіе въ публикѣ, кричали: „Это—ложь, гнусность, подлость!!“ возмущенные тѣмъ, что народу, полагаясь на его невѣжество, нагло извращаютъ всѣ факты. Занавѣсъ опустился. Приставъ проситъ разойтись“.

Безъ всякаго сомнѣнія, рѣчь г-жи Чижъ могла бы привести въ отчаяніе всякаго сколько-нибудь разумнаго консерватора, ибо, какъ членъ „партіи“, дама эта должна быть признана крайне вредоносной. Но, сколько извѣстно, никто изъ гг. консерваторовъ поведеніемъ ея не возмутился, не взирая даже на то, что въ недалекомъ будущемъ г-жа Чижъ продолжитъ свой спектакль въ окружномъ судѣ, куда ее пригласилъ редакторъ „Пятигорскаго Листка“ для объясненій по поводу японскаго подкупа. Конечно, въ окружномъ судѣ спектакль уже будетъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: передъ лицомъ Ѳемиды „запузыривать“ нельзя и, такъ какъ г-жа Чижъ, разумѣется, не докажетъ, что Микадо помѣстилъ свое золото въ редакцію „Пятигорскаго Листка“, то дѣло неминуемо кончится тюрьмой—„чижа захлопнула злодѣйка-западня“. Впрочемъ, быть можетъ, судъ дастъ бѣдной, раскрашенной патріоткѣ нѣкоторое снисхожденіе, какъ дѣйствовавшей безъ полнаго разумѣнія. Но само собой понятно, что въ смыслѣ партійномъ это уже будетъ нѣкоторый компромиссъ, такъ какъ ссылаться на собственную глупость, какъ на обстоятельство непредвидѣнное, значитъ тоже, что самому себѣ выдать testimonium paupertatis.

Отъ биржевого маклера и кисловодской дамочки-патріотки, позвольте перейти къ другимъ партизанамъ того же воинствующаго консерватизма, но уже дѣйствующимъ не за свой страхъ, а такъ сказать, ex officio.

Такихъ оффиціальныхъ партизановъ въ наше революціонное время развелось столько, что ими хоть гати гатить можно! Въ участкахъ, въ консисторіяхъ, въ архіерейскихъ домахъ, въ канцеляріяхъ и даже на Сахалинѣ—всюду имѣются эти воители квартальнаго патріотизма и всюду слышенъ ихъ встревоженный голосъ, командующій: „направляй кишку! заливай проснувшееся сознанье!"

Вотъ неугодно-ли обратить вниманіе, какимъ образомъ „направляетъ кишку" генералъ Ставровскій, помпадурствующій въ городѣ Уральскѣ. Задавшись мыслью побороть врага внутренняго, г. Ставровскій приказалъ духовенству поддерживать въ народѣ надлежащій духъ и съ этой цѣлью открылъ отдѣленіе Михаило-Архангельскаго братства, гдѣ бы мѣстные іереи могли вести собесѣдованія съ народомъ. На открытіе генералъ пріѣхалъ лично и, „выкушавъ" два стакана чаю, произнесъ политическую рѣчь, которая, съ его согласія, и была затѣмъ опубликована въ газетѣ „Уралецъ". Къ сожалѣнію, однако, рѣчь генерала не заключаетъ въ себѣ того, что, на языкѣ ораторовъ, называется единствомъ мысли: онъ коснулся всего но зато коснулся по казацки. Вотъ, напримѣръ, мысли генерала о вредѣ литературы:

„Начали насъ просвѣщать. Въ тверскомъ земствѣ учителя вынесли образа и стали читать стихи разные и сочиненія Толстого. А вы знаете, кто такой—Толстой? На западѣ, въ Европѣ считаютъ его русскимъ апостоломъ. Мы думали, что апостоловъ всего 12, а нашелся, оказывается, еще одинъ. Такъ вотъ этотъ Толстой и говоритъ: „нѣтъ Іисуса Христа и Матери Божьей, все это—вздоръ!" И вы ему начали вѣрить. Явился еще одинъ молодецъ—Горькій (это—ненастоящая его фамилія). Этотъ сталъ писать такія мерзости, вынесъ и показалъ намъ такія гадости, что всякій мало-мальски благовоспитанный человѣкъ безусловно отвернется отъ его писаній и скажетъ: „фу, какое безобразіе!"

А вы ходите въ театръ, смотрите его вещи, апплодируете имъ и говорите „какъ хорошо"!!

Вотъ какое время мы переживаемъ".

Приблизительно такого же взгляда придерживается генералъ и на просвѣщеніе:

„Дошло у насъ до того, что наши возлюбленныя дѣти, молодые люди, поступаютъ въ учебныя заведенія, которыя называются высшими, и ничему тамъ не учатся.. Мы думаемъ, они работаютъ на пользу отечества и Царя, чтобъ потомъ вѣрой и правдой служить ему. Они тамъ ничѣмъ не занимаются и даже книжекъ не читаютъ, а по улицамъ ходятъ".

А вотъ мнѣніе генерала о любви къ отечеству.

„Русскій народъ — добрый, терпѣливый, податливый, милосердный, способный на всякое самопожертвованіе. Эти его качества—неудобны для многихъ...

А то подхватятъ газеты письмо одного какого-нибудь сквернаго солдата. Есть мерзавцевъ довольно среди нихъ; я самъ командовалъ полкомъ и знаю, что 10 дураковъ всегда найдется. Вотъ въ „Нов. Вр". Меньшиковъ одинъ... подхватилъ письмо солдата, который писалъ: „мы плохо одѣты, плохо обуты, мы голодаемъ, мы болѣемъ", и пошелъ расписывать. Ты идешь на охоту на два, на три дня. Что же, думаешь, съ такими же удобствами будешь жить и спать? А тамъ вѣдь, братцы, 500,000 человѣкъ. Надо кому нибудь и поголодать, и поболѣть. Даю слово, солдатъ нашъ какъ сыръ въ маслѣ катается. Ему и сытно, и тепло (именно тепло), и дѣла нѣтъ, а начальство обо всемъ для него позаботится. Вернется домой—скучать будетъ по войнѣ, скажетъ: „давай другую войну такую". А если убьютъ его или ранятъ, такъ онъ вернется домой героемъ и орденъ ему дадутъ".

Къ сожалѣнію, генералъ не разъяснилъ, какимъ образомъ солдатъ, котораго убьютъ, „вернется домой" да еще и орденъ получитъ. Такъ что все разсужденіе о любви къ отечеству пріобрѣтаетъ оттого нѣсколько туманную окраску. Но за то насчетъ „народной гордости" у генерала все обстоитъ благополучно:

„Прежде,—заявилъ онъ о студентахъ,—хорошее было средство: попороть. Но теперь, видите-ли, это—не въ модѣ, считается незаконнымъ, несвоевременнымъ. Вызываются войска. Потому что нарушается государственный порядокъ".

Чтобы понять, какимъ образомъ генералъ Ставровскій рѣшился вступить на тернистый путь политическаго оратора, необходимо помнить, что онъ изъ „станичниковъ", а станичники, какъ извѣстно, отличаются рѣдкой храбростью, но къ наукамъ и размышленію „не склонны". До такой степени несклонны, что это даже и представить себѣ трудно. Недавно, напримѣръ, въ газетахъ сообщалось, какъ станичники справляли юбилей одной полковой канцеляріи. Приспѣлъ этотъ юбилей какъ-то вдругъ, и сразу же выяснилось, что юбилейную записку составить—положительно некому: одному поручили—притворно заболѣлъ; другому отдали—на-отрѣзъ отказался; третьему велѣли—сказался неграмотнымъ. Думали-думали „станичники" и рѣшили отслужить молебенъ, чтобы Господь умудрилъ ихъ въ сочинительствѣ и подалъ силъ и дарованія составить злосчастную записку. Собрали войсковыхъ поповъ, стали молиться, но такъ какъ молебенъ забыли заказать „съ колѣнопреклоненіемъ", то записка вышла не лучше рѣчи генерала Ставровскаго *).

*) Указанный случай отнюдь не анекдотъ, а дѣйствительное происшествіе нашего времени.

Наконецъ, еще нѣсколько примѣровъ воинствующаго консерватизма, на этотъ разъ изъ духовной среды. „3-го апрѣля, разсказываетъ хроникеръ „Сына Отечества“, въ домовой церкви при 3-й петербургской гимназіи происходило торжественное богослуженіе. Большая часть молящихся состояла изъ простого люда, было также небольшое число гимназистовъ и студентовъ. По окончаніи богослуженія епископъ житомирскій и волынскій Антоній сказалъ слово. Ораторъ выразилъ удовольствіе, что въ средѣ молящихся онъ замѣчаетъ учащихся, особенно студентовъ, относительно которыхъ извѣстно, что они церкви не посѣщаютъ. Далѣе онъ предостерегалъ слушателей противъ интеллигенціи, особенно противъ врачей, адвокатовъ и студентовъ. Епископъ напомнилъ слова: „Кто хочетъ быть первымъ, да будетъ слугою всѣмъ“ и совѣтовалъ не увлекаться „правами“. Интеллигенція, по его мнѣнію, не лучше чиновниковъ. Въ доказательство вѣрности этой мысли онъ указалъ на то, что литераторы взялись за разработку переселенческаго вопроса, а между тѣмъ, изъ этого дѣла ничего не вышло, такъ какъ ихъ не награждали ни чинами, ни орденами. Насажденіе въ Россіи управленія подобно западно-европейскому—продолжалъ преосвященный, совершенно нежелательно, потому что на Западѣ всѣ проникнуты древне-германскимъ варварствомъ и римской гордыней“.

Если даже оставить совершенно въ сторонѣ „германское варварство“ и „римскую гордыню“, то все-таки въ рѣчи архіерея останется достаточно гордыни бюрократической. Судите сами, епископъ съ амвона привѣтствуетъ молящихся студентовъ и тутъ же призываетъ народъ „бояться“ студентовъ и недовѣрять имъ: гдѣ же тутъ христіанскій образъ мыслей, гдѣ „правило вѣры и образъ кротости“, каковымъ долженъ быть всякій архипастырь?

Значительно дальше епископа Антонія, пошелъ московскій преосвященный Никонъ. По свидѣтельству газеты „Слово“, онъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую брошюрку: „Голосъ изъ обители преподобнаго Сергія о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени на Руси“.

„Цѣна книжки, говоритъ „Слово“,—не проставлена, цензурой дозволено за подписью ректора вифанской духовной семинаріи протоіерея А. Бѣляева. Основная идея, съ нѣкоторой силой проведенная въ брошюрѣ, это—борьба вообще съ прогрессивной партіей, съ интеллигенціей, которая почему-то значится подъ именемъ *массоновъ*, которые „желаютъ свободы личности, народнаго представительства, гражданскаго равенства и контроля надъ администраціей“. Видите какіе коварные массоны! Но не одни только они, тутъ и просто революціонеры и рабочіе—все сбито и перемѣшано въ одну кучу. Въ этомъ „голосѣ“ звучитъ злоба и раздраженіе. Напримѣръ: „на улицахъ городовъ, на улицахъ столицъ, бушуютъ толпы рабочихъ, требуютъ невозможнаго—часто даже того, о чемъ и сами не имѣютъ понятія, не слушаютъ никакихъ увѣщаній и готовы обратиться въ дикихъ

звѣрей, коихъ выпустили изъ клѣтокъ... Противъ же звѣрей—одно средство—оружіе"...

Этотъ призывъ къ оружію, вылетѣвшій изъ устъ православнаго епископа, такъ самъ по себѣ краснорѣчивъ, что даже „Слово"—газета умѣреннаго чиновничества—не выдержало и возопило:

„Пастырь христіанской церкви, опомнитесь!... Вы развѣ забыли слова Спасителя, когда апостолъ Петръ вынулъ мечь для защиты Учителя!"

Таковы, читатель, методы и пріемы политической борьбы гг. партизановъ консервативной партіи: новаго они не внесли ничего, по прежнему они топчутся вокругъ японскихъ милліоновъ, по прежнему твердятъ о вредѣ студентовъ и предательствѣ интеллигенціи,—но чѣмъ больше топчутся, тѣмъ больше свирѣпѣютъ. Еще недавно они ограничивались тѣмъ, что простирали указующій перстъ въ сторону образованныхъ классовъ,—теперь же они ходятъ по мяснымъ рядамъ, агитируютъ въ храмѣ Божіемъ и съ высоты церковныхъ амвоновъ и публичныхъ каѳедръ громко кричатъ „братцы, тащите всѣхъ въ участокъ, всѣхъ тащите!"

Но если таковы партизаны, то не лучше и тѣ организованные „консерваторы", которые уже слились въ особые кружки, выбросили свое феодально-участковое знамя на радость Страстного бульвара и на потѣху всему крещеному міру.

Такихъ кружковъ, какъ говорятъ малороссы, имѣется уже „до чорта", но почти всѣ они родились въ предѣлахъ московскаго подполья. Имѣется, напримѣръ, вліятельный кружокъ графа Шереметева, задавшагося мыслью запрячь въ одну телѣгу „коня и трепетную лань", т. е. объединить дворянство и крестьянство на почвѣ чуть ли не классовыхъ интересовъ. Имѣется точно также кружокъ г. Шарапова, объединившаго подъ сѣнью славянофильства гг. Шмакова, Крушевана и всякую другую антисемитскую заваль. Впрочемъ, кружокъ г. Шарапова такъ невеликъ, что вся „партія" свободно помѣщается за одной трактирной стойкой. Существуетъ, наконецъ, кружокъ г. Грингмута, или, какъ его называютъ, „партія Чудова монастыря". Организовалъ эту партію тотъ самый епископъ Никонъ, о которомъ говорилось выше, и въ качествѣ сотрудниковъ и членовъ—учредителей пригласилъ г. Грингмута и директора московскаго лицея г. Георгіевскаго. „Партія Чудова монастыря" (называютъ ее также „никоніанцы") такъ много нашумѣла и начадила, что даже представители духовенства не утерпѣли и выразили ей свое порицаніе. Такъ, напримѣръ, епископъ балахнинскій Исидоръ (тотъ самый, который полемизировалъ съ г. Грингмутомъ и справедливо уподобилъ его неистовому Веліару, бѣсу блуда) напечаталъ въ „Русск. Вѣд." слѣдующее письмо въ редакцію: „почитаю долгомъ напомнить тѣмъ, для кого дорогъ свѣтъ Христовой истины, возвѣщаемой въ священномъ писаніи, слѣдующія слова св. апостола Павла: „Не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными, ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у

свѣта со тьмой? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ?" (2 Кор. 6, 14 и 15). Надѣюсь, что возлюбленный о Христѣ братъ мой, преосвященный Никонъ, не замедлитъ надлежащимъ объясненіемъ по поводу такого извѣстія (рѣчь идетъ о „партіи Чудова монастыря") и признаетъ, что св. Церковь Христова чрезъ своихъ пастырей въ настоящее время можетъ успѣшно бороться со всякимъ заблужденіемъ и безъ помощи г. Грингмута и его единомышленниковъ".

На письмо это епископъ Никонъ не отвѣтилъ ни слова, такъ что практическое значеніе его сводится лишь къ тому, что теперь сходство г. Грингмута съ Веліаромъ засвидѣтельствовано, такъ сказать, церковнымъ авторитетомъ. Правда, бѣсы, сидящіе во чревѣ г. Грингмута, по-прежнему остаются не изгнанными, но зато разсѣяны, по крайней мѣрѣ, всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ.

Впрочемъ, письмо епископа Исидора, какъ свидѣтельствуютъ теперь газеты, имѣло и еще одно практическое послѣдствіе: св. синодъ запретилъ архіереямъ писать письма въ редакціи...

Подводя итоги всему сказанному, можно, какъ мнѣ кажется, придти къ такому заключенію: ни партизаны воинствующаго консерватизма, ни ихъ организованные кружки ни для кого не страшны, *какъ партія*. Но какъ элементъ противообщественный по самой природѣ своей, они безусловно *опасны*, такъ какъ не брезгуютъ никакими средствами и все вниманіе свое обратили на низменные инстинкты невѣжественныхъ массъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что они подготовляютъ холерные бунты, подготовляютъ избіенія учащихся, уличныя драки и, можетъ быть, подготовятъ даже единичныя убійства. Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ политическая партія, они безпомощны и въ конечномъ итогѣ неминуемо обречены на гибель, такъ какъ слѣпые никогда не бываютъ поводатырями зрячихъ.

* * *

Нашъ интеллигентный читатель чрезвычайно рѣдко заглядываетъ въ такъ называемую мелкую прессу, а между тѣмъ современное освободительное движеніе, несомнѣнно, задѣло и ее и притомъ задѣло весьма благотворно. За исключеніемъ двухъ-трехъ московскихъ листковъ, изъ числа совершенно отпѣтыхъ, всѣ остальныя газеты уличнаго типа принимаютъ самое оживленное участіе въ той партизанской войнѣ съ отживающимъ строемъ, которая ведется по всему фронту нашей печати. Правда, отстаивая необходимость реформъ, уличные листки ухитряются въ то же время и армянина подразнить, и феминистку Варвару Авчинникову на крестѣ распять, и разсказать щедринскій анекдотъ о братьяхъ Стасовыхъ. Но все это, такъ сказать, не относится къ сути дѣла (при томъ же и самые серьезные люди, по всей вѣроятности, ничего бы не имѣли противъ того, чтобы г-жу Варвару Авчинникову распять на крестѣ). Главное же, что

обращаетъ на себя вниманіе въ современномъ настроеніи уличной прессы— это ея стремленіе идти въ ногу съ передовой печатью и такъ или иначе добиваться политической свободы и новыхъ формъ жизни. Конечно, я не хочу этимъ сказать, что издатели уличныхъ листковъ въ одинъ прекрасный день почувствовали себя гражданами и совершенно очистились отъ шантажа и кафе-шантанной проказы—ничего подобнаго! Но какъ люди коммерческіе по преимуществу, они поняли, что прежній товаръ ихъ уже никому не нуженъ, что настали иныя времена, когда и швейцаръ, и дворникъ, и мелкій лавочникъ интересуются народнымъ представительствомъ и, сидя за воротами, ведутъ оживленныя пренія о земскомъ соборѣ. Это „новое" въ настроеніи городскихъ массъ чуткій издатель уличной прессы уловилъ сразу и сразу же открылъ бѣглый огонь по бюрократіи и по всему старому загнившему строю. Правда, эта стрѣльба не отличается большой мѣткостью, но уже одно то, что пропаганда новыхъ идей пошла въ низы и что въ трактирахъ, на извозчичьихъ дворахъ и за прилавкомъ купца стали говорить о бюрократіи, какъ о своего рода египетской казни, заставляетъ признать работу уличной прессы безусловно продуктивной. Во всякомъ случаѣ, нынѣшняя работа ея не можетъ идти въ сравненіе съ прежней работой. Взять хотя бы вопросъ о религіозныхъ суевѣріяхъ. Въ былыя времена, уличные листки, можно сказать, торговали суевѣріемъ: поддѣлываясь подъ вкусы перинной линіи, они создавали святыхъ, открывали (почти ежедневно) чудотворные образа, чудотворныя лампады, чудотворныхъ странниковъ. Я помню, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣ петербургскія газеты совершенно помѣшались на „странникахъ": каждая изъ нихъ завела себѣ „собственнаго" юродиваго и на весь гостиный дворъ трубила о его святости. Розница оттого, конечно, возрастала до сумасшедшихъ размѣровъ: купцы положительно рвали листки изъ рукъ газетчиковъ и упивались „божественнымъ" чтеніемъ до полнаго одурѣнія. Но такъ какъ уже въ скоромъ времени выяснилось, что одинъ странникъ былъ гораздо „святѣе" своего конкуррента, то началась даже полемика.

— Нашъ странникъ и лѣто, и зиму босикомъ ходитъ,—хвасталась одна газета. А другая съ ехиднымъ видомъ замѣчала:

— Можетъ быть, и босикомъ, да только ходитъ-то онъ все больше въ кабакъ.

Разумѣется, это ехидное замѣчаніе вызывало цѣлую бурю протеста и полемика переходила въ стадію взаимныхъ разоблаченій:

— А вы бы посмотрѣли, куда вашъ-то странникъ ходитъ!.. Да кстати спросите-ка у него, отъ кого кронштадтскія вдовы дѣтей рожаютъ?

Конечно, и этотъ вопросъ вызывалъ громъ негодованія, хотя противникъ въ долгу не оставался.

— Намъ о такихъ гнусностяхъ спрашивать святого человѣка не за чѣмъ, а вотъ вамъ бы не помѣшало навести кое какія справочки и раз-

узнать, кто у купчихи Зайцевой на молебнѣ серебряныя ложки укралъ?..

Ожесточенная полемика газетъ нерѣдко кончалась тѣмъ, что начинали полемизировать и странники. А такъ какъ эти люди имѣютъ привычку ходить съ посохами, то неудивительно, что полемика ихъ сплошь и рядомъ приводила къ значительнымъ результатамъ и лишь въ лучшемъ случаѣ кончалась потерей съ обѣихъ сторонъ шевелюры.

Таковъ былъ тонъ уличной прессы еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но посмотрите, что пишутъ бульварныя газеты теперь! „Петербургскій Листокъ", напримѣръ, положительно сживаетъ со свѣту кронштадтскую „богородицу" Порфирію Киселеву! „Разоблаченія" сыплются, какъ изъ распоротаго мѣшка, и „богородица" каждый Божій день подвергается газетному колесованію: теперь уже, стараніями „Листка", вполнѣ выяснилось, что она не только не святая, но едва-ли не мошенница, а состоящій при ней въ качествѣ „Михаила Архангела" мѣщанинъ Михаилъ Петровъ даже по внѣшнему виду отнюдь не походитъ на „угодника", а скорѣе напоминаетъ обыкновеннаго дармоѣда изъ категоріи купеческихъ любовниковъ, которые всю жизнь проводятъ, сидя за воротами и раскуривая „корешки". Но и разъяснивъ всѣ эти „кронштадтскія тайны", „Петербургскій Листокъ" не удовольствовался простымъ разоблаченіемъ и подвергъ опросу одного православнаго миссіонера, который лично зналъ „богородицу" Порфирію и бывалъ у нея запросто.

„Живетъ Порфирія, разсказывалъ миссіонеръ, недурно, почти также, какъ наши старыя помѣщицы. Своихъ посѣтителей „богородица" старается весьма щедро угостить или одарить. Мнѣ, напримѣръ, она настойчиво предлагала взять на память шелковое кашнэ и двѣ груши. Когда я наотрѣзъ отказался принять этотъ подарокъ, она при мнѣ надѣла кашнэ на шею своего главнаго помощника Михаила Иванова Петрова (извѣстнаго по наименованію—„Михаила Архангела")—и онъ принялъ даръ съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ и трепетомъ.

— Неужели почитатели Киселевой дѣйствительно считаютъ ее „богородицей?"

— Да. Это несомнѣнно. Я самъ видѣлъ конверты съ надписью:

„Ея превосходительству, пречистой и преблагословенной матери нашей Порфиріи Ивановнѣ Киселевой".

Уже изъ этихъ строкъ вполнѣ видно, что „Петербургскій Листокъ" объявилъ настоящую войну „ея превосходительству кронштадтской „богородицѣ", и что онъ намѣренъ эту войну довести до побѣдоноснаго конца. Даже болѣе того: обуявшій эту газету духъ разоблаченій и гражданской доблести стоитъ такъ высоко, что наряду съ „пречистой и преблагословенной матерью нашей Порфиріей" колесованію подвергнуты и такъ называемые „іоанниты", т. е. тѣ кронштадтскіе лоботрясы, которые пользуются именемъ о. Іоанна для цѣлей шантажа, вымогательства и мелкихъ

кражъ. Вотъ что, между прочимъ, разсказалъ сотруднику „Петербургскаго Листка“ все тотъ же миссіонеръ:

„Насколько я лично убѣдился, іоанниты ходятъ по домамъ и квартирамъ простыхъ вѣрующихъ людей и выпрашиваютъ деньги и вещи якобы для нуждъ отца Іоанна. Не стѣсняются ни качествомъ, ни количествомъ выпрашиваемаго. Въ одномъ часовомъ магазинѣ мнѣ, между прочимъ, разсказывали, что они просили, будто-бы для досточтимаго пастыря, стѣнные часы, стоимостью около четырехъ рублей. Въ фруктовой лавкѣ выпрашиваютъ для него же яблоки и апельсины.

Мало того, іоанниты не стѣсняются и прямо воровать то, что плохо лежитъ. Недавно ко мнѣ являлся рабочій патроннаго завода Разумовъ съ жалобой, что его мать, подстрекаемая іоаннитами, въ его отсутствіе унесла всѣ его вещи, пріобрѣтенныя долгимъ и тяжелымъ трудомъ, и затѣмъ передала ихъ сектантамъ.

Воруя сами, іоанниты откровенно учатъ воровству и мошенничеству и другихъ.

Содержателя одной мастерской на Лиговкѣ они уговорили не платить долга въ 2.000 рублей своему кредитору, а лучше отдать эти деньги для передачи батюшкѣ отцу Іоанну. На подобное воровство и мошенническія продѣлки жаловались и въ Ораніенбаумѣ, и въ Кронштадтѣ.

Словомъ, принципъ воровства и обманыванія своего ближняго, будто-бы въ пользу отца Іоанна, возведенъ у іоаннитовъ въ степень своего рода догмата“.

Не знаю, какъ вы, читатель, а я положительно готовъ апплодировать гражданскому мужеству „Петербургскаго Листка“: вѣдь не забудьте, что всѣ эти „разоблаченія“ прочтутся въ кухнѣ, въ дворницкой, въ трактирахъ и въ пивныхъ и что по всей перинной линіи пронесется вопль негодованія. Не забудьте точно также, что въ былые годы „ея превосходительство пречистая и преблагословенная мать наша Порфирія“ была бы желанной гостьей въ редакціи „Листка“, съ нея снимали бы портреты, носились бы съ ней, какъ съ писаной торбой, и, можетъ быть на редакціонный счетъ накачивали бы водкой „Михаила Архангела“... А теперь какой, съ Божьей помощью, оборотъ: общественный подъемъ и современное освободительное движеніе заставило заговорить человѣческимъ языкомъ даже Валаамову ослицу! И не подумайте, что уличная пресса способна воевать только съ кронштадтскими вѣтряными мельницами—нѣтъ, простой коммерческій разсчетъ заставляетъ ее примкнуть къ тому всенародному шествію, которое движется по пути къ гражданской свободѣ. Вотъ, напримѣръ, маленькій отрывокъ изъ другой бульварной газеты, толкующей объ отмѣнѣ паспортной системы.

„Если вдуматься, какъ слѣдуетъ, въ отмѣну паспортовъ, то необходимо признать, что было бы большой близорукостью считать эту отмѣну какимъ-

то изолированнымъ, отдѣльно отъ всего прочаго стоящимъ актомъ. Это, именно, не только отмѣна паспортовъ, но и опредѣленное предуказаніе необходимости отмѣнить и все прочее. Все прочее — всѣ эти стѣсненія, имя коимъ легіонъ, все то, что имѣетъ за себя историческія основанія, но совершенно не мирится съ условіями современности, столь богатой весьма осложнившимися требованіями, взглядами, желаніями и стремленіями".

Такъ говоритъ бульварная газета, которая еще недавно, почти вчера, отдавала всѣ свои силы на службу опереткѣ. Очевидно, времена созрѣли, и вѣковой ледъ, сковавшій русскую жизнь на цѣлыя столѣтія, повсюду далъ трещины и сталъ ломаться. Да будутъ же благословенны и камни, и бревна, разбивающіе этотъ ледъ и очищающіе пути для градущей свободы!..

* * *

Съ Божьей помощью, губернскія вѣдомости почти повсемѣстно превратились въ органы черной сотни. Въ прошломъ мѣсяцѣ я уже приводилъ выдержки изъ полицейскихъ прокламацій, печатавшихся въ „Воронежскихъ Губ. Вѣд.", а теперь къ воронежскимъ приходится причислить курскія, пензенскія и уфимскія. Всѣ эти, съ позволенія сказать, изданія заняты самымъ моднымъ нынче дѣломъ—травлей интеллигенціи и неукротимымъ, истерическимъ лганьемъ на нее. Впрочемъ, слово „лганье" даже какъ-то неподходитъ къ тѣмъ небылицамъ, которыя плетутся въ редакціяхъ вѣдомостей — это не лганье, а, правильнѣе сказать, „брехня", вульгарная, злобная „брехня", отъ которой съ души воротитъ. Я, по крайней мѣрѣ, за чтеніемъ нынѣшнихъ губернскихъ вѣдомостей испытываю весьма странное чувство: кажется, какъ будто ты попалъ въ трактиръ и насильно посаженъ за столъ, гдѣ полдюжины пьяныхъ шпіоновъ пьютъ водку, закусываютъ и „промежду себя" ведутъ разговоры объ интеллигенціи. Вотъ, напримѣръ, какіе разговоры ведутся въ курскомъ трактирѣ:

„Эти измѣнники и враги отечества (интеллигенты), потерявшіе всякій стыдъ, честь и совѣсть, кричатъ на весь міръ, безславя и позоря своими дѣйствіями все русское общество. Кричатъ земцы, кричатъ адвокаты, студенты, курсистки, гимназисты и гимназистки, кричатъ рабочіе, босяки и хулиганы, кричитъ арестантъ, убившій Великаго Князя Сергія Александровича, требующій деликатнаго обращенія съ нимъ и не желавшій надѣвать арестантское платье, кричатъ жиды и другія подобныя имъ „моськи".

Всѣ эти дармоѣды, тунеядцы, грабители и убійцы, неспособные ни къ какому разумному труду, ничего не понимающіе въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ дѣлахъ образованія и воспитанія, вѣчно живущіе на чужой счетъ, не сдѣлавшіе никому въ жизни добра и пользы и не при-

знающіе ни того, ни другого, постоянно стремящіеся причинить всѣмъ и каждому одно зло, одно горе, произвести повсемѣстно смуту и безпорядокъ, — весь этотъ звѣринецъ, вся эта безнравственная, нечестивая и безумная орда, подъ управленіемъ *жидовъ* и печати, кричитъ, съ пѣной у рта, о своемъ недовольствѣ государственнымъ строемъ въ Россіи, требуетъ упраздненія правительственной власти, начальства и уничтоженія всѣхъ добрыхъ началъ, требуетъ конституціи и собора и, наконецъ, полной свободы во всѣхъ своихъ подлыхъ дѣйствіяхъ, какія бы имъ ни пришли въ головы".

Какъ видите, тонъ этого академическаго собесѣдованія гг. курскихъ „литераторовъ" производитъ именно такое впечатлѣніе, какъ я указалъ выше: шпіоны, нализавшіеся до положенія ризъ, не могли бы говорить объ интеллигенціи иначе. Впрочемъ, легко можетъ случиться, что курскій „литераторъ" и на самомъ дѣлѣ былъ въ состояніи невмѣняемости, когда сочинялъ свое „обличеніе".

По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводятъ его автобіографическія признанія, которыя приведены въ той же статьѣ, но нѣсколько ниже. Разоблачая соотечественниковъ и все курское общество, онъ говоритъ:

„Все свободное отъ служебныхъ или другихъ занятій время мы отдаемъ разнымъ удовольствіямъ: картежной игрѣ, посѣщеніямъ театровъ, клубовъ, баловъ, пьянству, кутежамъ, разврату, интригамъ и другимъ страстямъ человѣческой натуры".

Курскій „литераторъ" говоритъ неизмѣнно отъ перваго лица—„мы", а стало быть, и самого себя не выдѣляетъ изъ той компаніи, которая, по его же словамъ предается пьянству и непотребству. Но при такихъ условіяхъ нельзя, конечно, удивляться, что гг. курскіе литераторы дописались до чертиковъ: съ пьяныхъ глазъ чего не напишешь. Однако, разъ г. курскій обличитель уже сдѣлалъ это драгоцѣнное признаніе, то, съ своей стороны, мы не можемъ воздержаться отъ того, чтобы не преподать ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ: не то скверно, милостивый государь, что вы свободное отъ службы время отдаете непотребству — это ваше личное дѣло и за него вы отвѣтите передъ вашей совѣстью, буде таковая сохранилась,— а то дурно и непростительно гадко, что свое непотребство вы вносите въ общество путемъ печати и свои развратныя мысли вколачиваете въ темныя головы вашихъ соотечественниковъ. На языкѣ юристовъ такой образъ дѣйствій называется преступленіемъ, такъ какъ, пользуясь смутнымъ временемъ и всеобщимъ броженіемъ умовъ, вы возстановляете одну часть населенія противъ другой. Конечно, въ иное время и въ другой странѣ, васъ, милостивый государь, отдали бы подъ судъ и наказали бы особенно строго, такъ какъ ваши преступленія вы совершаете на казенный счетъ, пользуясь для сего средствами губернской типографіи. Замѣтьте точно также, что на судѣ вамъ не позволятъ ссылаться на невмѣняемость, и

ваши признанія о безпробудныхъ кутежахъ и непотребномъ образѣ жизни не будутъ приняты даже какъ смягчающія вину обстоятельства.

Совершенно въ томъ же родѣ пишутъ и пензенскіе квартальные литераторы. Въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ интеллигенція открыто предается анаѳемѣ, и между строкъ всѣ городскіе хулиганы поставляются въ извѣстность, что интеллигентные люди и евреи стоятъ внѣ закона. Наглость этой квартальной провокаціи дошла до того, что мѣстные жители, въ количествѣ 106 человѣкъ, должны были подать въ думу оффиціальное заявленіе, требуя у города защиты отъ возможнаго разбоя.

„Подъ впечатлѣніемъ курскихъ избіеній и забастовки учащихся въ г. Пензѣ, разсказываетъ корреспондентъ „Сына От.“, подписавшіе заявленіе указываютъ на систематически подобранныя статьи въ „Пенз. Губ. Вѣд.“ и перепечатки съ призывомъ бороться съ врагами—крамольниками, которые суть „или евреи, или безпочвенные... невѣжды, именующіе себя интеллигентами“ (№ 47 газеты), отмѣчаютъ усиленіе такъ называемаго хулиганства и предлагаютъ думѣ обсудить вопросъ о защитѣ гражданъ противъ безобразій и возможной травли черной сотни и въ частности возбудить вопросъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города.

По поводу этой петиціи возникли интересныя пренія.

Гл. Н. Р. Евграфовъ въ своей горячей рѣчи полнѣе отмѣтилъ истинный характеръ печатной „работы“ „Пенз. Губ. Вѣд.“. Онъ привелъ такіе перлы творчества ихъ, какъ выдержки изъ №№ 47, 53, 60... Тамъ врагами Россіи прямо называются... интеллигенты въ союзѣ съ внѣшнимъ врагомъ, а въ одномъ изъ номеровъ прямо заявляется, что интеллигенція и бюрократія (?!) желаютъ соединиться съ еврействомъ. Такимъ образомъ и бюрократія попала въ число враговъ Россіи и народа. „Пенз. Губ. Вѣд.“, оффиціальный органъ бюрократіи, сами себѣ дали аттестацію...“

Эта невольная „ошибка“ пензенскаго квартальнаго такъ сама по себѣ великолѣпна, что на ней стоитъ остановиться. Въ томъ и бѣда губернской бюрократіи, что у нея положительно „нѣтъ людей“: все порядочное, грамотное и цивилизованное зачислено въ станъ „внутреннихъ враговъ“, въ числѣ же „внутреннихъ друзей“ осталась лишь шпіонская заваль. Отсюда и эти трагикомическія недоразумѣнія: поручили квартальному написать диссертацію въ защиту бюрократіи, а онъ ничтоже сумняшеся, съ разбѣгу наваляль: интеллигенція и бюрократія суть враги отечества. Конечно, отъ человѣка, хотя бы и непьющаго, но не писавшаго на своемъ вѣку ничего, кромѣ протоколовъ, нельзя и требовать вполнѣ грамотной „диссертаціи“, тѣмъ болѣе, что образованіе гг. квартальныхъ никогда особенной широтой не отличалось.

Продолжаемъ, однако, отчетъ „Сына От.“ о думскомъ засѣданіи въ Пензѣ:

„Далѣе гласный перешелъ къ характеристикѣ отношеній полиціи къ

гражданамъ и кончилъ указаніемъ на мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ къ охранѣ интеллигенціи. Онъ подчеркнулъ, что въ настоящее время всей Россіи возвѣщено Высочайшимъ манифестомъ 12-го декабря торжество начала законности, а въ это время полиціймейстеръ г. Пензы невозможно и безнаказанно бьетъ городского служащаго г. Клещева... Здѣсь ораторъ былъ остановленъ предсѣдателемъ.

Далѣе гл. Евграфовъ доказываетъ, что на полицію уже давно возложена главная задача—охраненіе государственнаго порядка. Городу же нужна мѣстная полиція, собственная. Въ заключеніе гласный предлагаетъ думѣ постановить:

1) что „Пенз. Губ. Вѣд.", при отсутствіи другого независимаго органа печатнаго слова въ г. Пензѣ, порождаютъ враждебныя чувства къ интеллигенціи и учащейся молодежи, и предлагаетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы прекратилось печатаніе въ оффиціальномъ органѣ подобнаго рода статей;

2) что организація полиціи въ настоящее время не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ пользамъ, въ виду чего слѣдуетъ *мѣстную* полицію передать въ вѣдѣніе города съ исключеніемъ ея государственно-политическихъ функцій;

3) какъ временную мѣру—организовать участковыя попечительства съ цѣлью обезпеченія безопасности гражданъ и охраны ихъ отъ возможныхъ выходокъ хулигановъ, черной сотни и т. п.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній гласныхъ: Мещерякова, Любимова, Цвѣтова и др. дума постановила образовать коммиссію изъ 10 гласныхъ для разсмотрѣнія всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ, связанныхъ съ заявленіемъ 106 гражданъ.

Коммиссія была избрана въ томъ же засѣданіи.

Докладъ коммиссіи будетъ разсмотрѣнъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій думы".

Что касается „Уфимскихъ Губ. Вѣд.", то поведеніе этой газеты-хулиганессы довело жителей до такого отчаянія, что они по телеграфу принесли жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. Вотъ эта жалоба:

„Съ тѣхъ поръ, какъ „Уфимскими Губ. Вѣдомостями" сталъ руководить нынѣшній вице-губернаторъ Богдановичъ, онъ принялъ боевое направленіе противъ земскаго, городского самоуправленія, интеллигентной части общества и иновѣрцевъ. Между тѣмъ, на основаніи 541 ст. 2 т. разд. 2, „Губернскія Вѣдомости" должны помѣщать свѣдѣнія, касающіяся данной губерніи, а перепечатывать имѣютъ право только изъ оффиціальныхъ изданій.

Мы, нижеподписавшіеся, обращаемся къ вашему высокопревосходительству въ твердой увѣренности, что подобное направленіе „Губ. Вѣд.", клонящееся къ возбужденію одной части населенія противъ другой, опасное

въ особенности въ виду переживаемаго теперь тяжелаго времени и въ виду надвигающейся на нашу губернію холеры, встрѣтитъ съ вашей стороны заслуженное осужденіе, результатомъ чего будетъ прекращеніе этой опасной агитаціи.

Подобная агитація со стороны администраціи вообще очень предосудительна, въ особенности же въ данномъ случаѣ, потому что, съ одной стороны, она производится въ тѣхъ слояхъ, среди которыхъ газета эта имѣетъ обязательное распространеніе (волостн. прав. и т. п.), но, которые, съ другой стороны, не обладаютъ достаточной способностью критически относиться къ качеству подносимой умственной пищи.

Мы обращаемся къ в. в—ству потому, что не имѣемъ другихъ путей борьбы съ этимъ опаснымъ направленіемъ „Уф. Губ. Вѣд."...

Затѣмъ указывается рядъ статей, которыя характеризуютъ указанное направленіе. Подписалось до 70 человѣкъ. Въ числѣ подписей—подписи городского головы, предсѣдателя губернской управы, членовъ губернской управы, предводителя дворянства одного изъ уѣздовъ, врачей г. Уфы, видныхъ представителей уфимскаго купечества, инженеровъ с.-з. ж. д., присяжныхъ повѣренныхъ, нотаріусовъ и т. д.

Вопросъ о направленіи „Уф. Губ. Вѣд." долженъ былъ обсуждаться въ думѣ, но былъ снятъ по распоряженію губернатора съ угрозой, что отвѣтственность за дебатированіе этого вопроса падаетъ на городского голову. Мало того, одинъ изъ подписавшихъ жалобу, желѣзнодорожный врачъ Шефтель, арестованъ, а остальные призываются въ жандармское управленіе для допроса. Прокуратура не находитъ состава преступленія, и, какъ объясняетъ жандармскій полковникъ, онъ ведетъ дѣло по приказанію губернатора такъ же, какъ велъ по приказанію губернатора дѣло о недавней забастовкѣ уфимскихъ гимназистовъ. Объ освобожденіи г. Шефтеля хлопоталъ передъ губернаторомъ прокуроръ судебной палаты, пріѣхавшій на-дняхъ на сессію суда съ сословными представителями, но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. На просьбу супруги г. Шефтеля губернаторъ отвѣтилъ отказомъ и смягчилъ только тюремный режимъ, т. е. свиданіе допускается теперь не черезъ проволочныя рѣшетки и позволяютъ приносить домашнюю пищу. Г. Шефтель служитъ врачемъ на с.-з. ж. д. около 20 лѣтъ".

Примѣръ доктора Шефтеля не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что пропаганда губернскихъ вѣдомостей, разсчитанная на отбросы общества, прежде всего и больше всего дѣйствуетъ на губернскую же администрацію. И притомъ дѣйствуетъ настолько сильно, что даже стражъ закона въ лицѣ гг. прокуроровъ не можетъ остановить ни насилія, ни безцеремоннаго попранія Высочайшихъ указовъ о соблюденіи законьости. Вотъ еще одинъ примѣръ уже изъ курской жизни, характеризующій вліяніе мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей на полицію.

„Недавно разсказываетъ „Недѣля“, въ 11 час. вечера, четверо служащихъ Курской губернской управы: Толмачевъ, Сомовъ, Вейсъ и Шаховъ мирно возвращались изъ управы, послѣ вечернихъ занятій. Какъ только они свернули съ Красной площади на Херсонскую улицу, въ десяти шагахъ отъ нихъ раздался выстрѣлъ изъ револьвера по направленію къ нимъ, и пуля попала въ стѣну дома, едва не задѣвъ одного изъ этихъ лицъ. И тотчасъ же два помощника пристава исчезли въ подъѣздѣ тутъ же находящейся „Петербургской гостиницы“. На выстрѣлъ подъѣхали трое патрульныхъ драгунскаго новгородскаго полка и подошелъ ночной сторожъ. Земскіе служащіе заявили имъ, что въ нихъ кто-то стрѣлялъ и потребовали вызвать стрѣлявшаго изъ гостиницы, куда онъ скрылся, и отправиться съ нимъ въ участокъ для составленія протокола. Сторожъ сказалъ, что стрѣлялъ помощникъ пристава 2-го участка и съ нимъ былъ еще помощникъ.

— Какъ же я ихъ задержу, когда это полиція, смущенно говорилъ сторожъ.—А можетъ быть это переодѣтые жулики?—догадывался старшій патрульный и наотрѣзъ отказался итти въ гостиницу, говоря, что не на кого лошадь оставить. Пулю, летѣвшую въ этихъ мирныхъ обывателей, выковыряли изъ стѣны и стали разсматривать ее. Затѣмъ земскіе служащіе настояли, чтобы патрульные поѣхали за приставомъ и пригласили бы его въ „Петербургскую гостиницу“. Оба помощника оказались въ комнатѣ № 11 и на просьбы вызвать ихъ по дѣлу и хозяинъ, и лакеи отказывались, не смѣя ихъ безпокоить. Земскіе служащіе ждали минутъ 40, когда, наконецъ, эти лица показались изъ номера, чтобы перейти въ сосѣдній кабинетъ для кутежа. Между ними произошелъ такой разговоръ:—Кто-то изъ васъ стрѣлялъ въ насъ?—Я стрѣлялъ, заносчиво сказалъ одинъ изъ помощниковъ пристава.—Какое же вы имѣли право стрѣлять въ насъ? Идемте въ участокъ—на улицѣ ожидаетъ васъ патруль.—Это мое дѣло стрѣлять или не стрѣлять—я ужъ дѣло уладилъ. Спрошенные о фамиліи, оба помощника пристава категорически отказались назвать себя.

Вызванный патрулемъ изъ участка приставъ 2-й части Мельниковъ, узнавъ отъ ночного сторожа, что дѣло идетъ о выстрѣлѣ, произведенномъ двумя его помощниками, спокойно сказалъ патрульнымъ:

— Уѣзжайте, вы здѣсь больше не нужны. Это дѣло свое.

Подвергавшіеся опасности отъ выстрѣла подаютъ прокурору жалобу“.

Случай, разсказанный петербургской „Недѣлей“ такъ самъ по себѣ краснорѣчивъ, что невольно задаешься вопросомъ: можетъ ли деморализація губернскихъ властей идти еще дальше, или же она дошла уже до того предѣла, дальше котораго идти вообще невозможно? Вѣдь согласитесь, что даже въ приснопамятныя времена В. К. Плеве анархія не доходила до

такой чрезмѣрности, и полицейскіе чины не разстрѣливали на улицахъ первыхъ попавшихся интеллигентовъ.

Но такъ, или иначе, а для насъ несомнѣнно одно: что у современной бюрократіи нѣтъ и никогда не будетъ столь безпощаднаго врага, какъ ея же провинціальные агенты, ибо никто съ такой послѣдовательностью, съ такимъ ожесточеніемъ и съ такой непреклонностью не расшатываетъ тѣхъ самыхъ „основъ", во имя которыхъ бюрократія начала гражданскую войну. Вѣдь, нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить мысли, что всѣ эти прокламаціи губернскихъ газетъ, вся эта травля интеллигенціи и весь этотъ административный шабашъ пройдутъ безнаказанно и безслѣдно: какъ бы ни былъ забитъ русскій человѣкъ, но ума то, разсудка изъ него еще не вытрясли, и онъ еще способенъ соображать, съ которой стороны поднимается надъ нимъ палка.

* * *

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили о квантунскомъ „домостроительствѣ", при чемъ указывали, что вопросъ о введеніи раціональнаго лѣсного хозяйства на Квантунѣ въ принципѣ рѣшенъ окончательно. Теперь же къ этому сообщенію мы можемъ прибавить и еще нѣсколько фактовъ. Прежде всего да будетъ всѣмъ извѣстно, что въ Портъ-Артурѣ проектируется введеніе судебной палаты, въ дополненіе къ тѣмъ окружнымъ судамъ, которые, какъ оказывается, тамъ дѣйствуютъ и понынѣ. Какъ они дѣйствуютъ — Аллахъ вѣдаетъ, но „Журналъ Министерства Юстиціи" удостовѣряетъ, что они функціонируютъ, по крайней мѣрѣ, въ февральской книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи", на стр. 18, въ приказѣ по вѣдомству юстиціи за № 2, *отъ 7-го января 1905 года* читаемъ:

„Перемѣщаются... мировой судья 11-го участка Владивостокскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Богдановъ — мировымъ судьей *портъ-артурскаго окружнаго суда*".

Далѣе, на стр. 23 той же книги въ приказѣ № 6 *отъ 29-го января 1905 года* видимъ:

„Перемѣщаются.. мировой судья 19-го участка округа читинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ Вечоръ — мировымъ судьею округа *портъ-артурскаго окружнаго суда*". („Слово").

Такимъ образомъ, правосудіе въ Портъ-Артурѣ можно считать упроченнымъ навсегда. Но чиновники, какъ видно, этимъ не довольствуются и одновременно съ разведеніемъ лѣса и правосудія, стараются поддержать и медицинскую часть. Та же газета „Слово" сообщала, что коммиссія, засѣдающая по дѣламъ Квантунскаго управленія, уже приняла мѣры, чтобы облегчить труды портъ-артурскаго врачебнаго инспектора, *такъ какъ при нынѣшнемъ положеніи вещей, онъ легко можетъ дойти до переутомленія!*

* * *

„Бирж. Вѣд.“ сообщають, что существующія 4 канцеляріи Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ: гражданскую, военно-сухопутную, морскую и дипломатическую,—рѣшено оставить въ ихъ настоящемъ видѣ, впредь до возвращенія Квантунской области во власть Россіи. Сохранено также содержаніе Намѣстнику въ прежнемъ размѣрѣ—104 тысячи руб. въ годъ.

* * *

Дальне-восточный корреспондентъ „Разсвѣта“ г. Михайловъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ цифровыхъ данныхъ изъ исторіи нынѣшней войны:

1) „Несмотря на то, что Добровольный флотъ уже болѣе не существуетъ, однако же, его агентство не закрыто, и нѣкій мистеръ Робертсонъ, англичанинъ, по-прежнему считается агентомъ Д. Ф. въ Шанхаѣ, получаетъ чуть ли не 10.000 руб. въ годъ жалованья, и горя мало.

2) Утверждаютъ достовѣрно, что при сдачѣ Портъ-Артура открылась маленькая тайна: оказалось 150.000 тоннъ кардифа экономіи, который не значился ни по какимъ записямъ и книгамъ, на сумму нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

3) А вотъ такъ самое интересное: нашъ бывшій посланникъ въ Кореѣ, г. Павловъ, живетъ въ Шанхаѣ и руководитъ операціями русской казны. Не очень давно онъ, будучи самъ отставнымъ морякомъ, пріобрѣлъ около дюжины никуда негодныхъ пароходовъ, уплативши за нихъ громадныя цѣны; оказалось, что пароходы никуда не годны; г. Павловъ теперь въ отчаяніи: не знаетъ, какъ поступить съ пріобрѣтенными пароходами“.

Бѣдные господа прокуроры! Сколько предстоитъ имъ работы, если будущее народное представительство поручитъ имъ расхлебать всю эту интендантскую кашу!

* * *

„Бирж. Вѣд.“ узнали, что ходатайство ген.-ад. А. Н. Куропаткина о сохраненіи за нимъ содержанія въ томъ же размѣрѣ, какое онъ получалъ въ званіи главнокомандующаго, т. е. 144 тыс. рублей,—отклонено. По званію командующаго первой арміей онъ будетъ получать теперь 108 тыс. рублей.

* * *

По гвардейскому экипажу, какъ сообщаетъ „Котлинъ“, отданъ приказъ, призывающій нижнихъ чиновъ не брать въ руки „листковъ“, которые раздаются на улицахъ или въ квартирахъ, не слушаться „злоумышленниковъ“—соціалъ-демократовъ, этихъ „помощниковъ японцевъ“, сторониться ихъ во время прогулокъ, не читать ихъ воззваній, а если въ казармы заберутся, то „хватать“ и представлять по начальству.

* * *

Кн. Мещерскій какъ-то проговорился, что нигдѣ во всемъ свѣтѣ не берутъ столько взятокъ, какъ въ Петербургѣ, и что въ этомъ отношеніи Петербургъ можно назвать столицей міра. Правда, существуетъ еще Ильдизъ-Кіоскъ, репутація котораго тоже стоитъ довольно твердо, но во-первыхъ, кому же неизвѣстно, что турки народъ неповоротливый и косный, а во-вторыхъ, и самый масштабъ турецкой взятки рѣдко переходитъ за предѣлы вульгарнаго „бакшиша".

Взять хотя бы прославленныхъ „заптіевъ": спрашивается, много ли заптій выколотитъ, много ли онъ насосетъ, когда кругомъ все повысосано его же предками? Вѣдь нынче, какъ говорятъ, даже „паша" довольствуется пустяками и за одну драхму показываетъ пріѣзжимъ грекамъ тайны своего гарема.

Не то въ Петербургѣ: у насъ человѣкъ часто съ одной взятки состояніе составляетъ и какое состояніе!

Вотъ неугодно ли, напримѣръ, обратить вниманіе, что пишутъ „Русскимъ Вѣдомостямъ" изъ Берлина:

„Въ берлинскомъ „Vorwärts" напечатанъ текстъ письма предсѣдателя французскаго акціонернаго завода въ Батиньолѣ къ одному „вліятельному" чиновнику въ Петербургѣ. Редакція газеты заявляетъ, что у нея очутился оригиналъ письма, и что она считаетъ его историческимъ документомъ, подлежащимъ опубликованію. Рѣчь идетъ о поставкѣ 114 локомотивовъ, полученной заводомъ при содѣйствіи „вліятельнаго" чиновника, который зато выговорилъ себѣ два процента. Цѣна локомотива опредѣлена въ 27.700 франковъ, такъ что за 114 локомотивовъ заводъ имѣлъ получить слишкомъ три милліона.

Предсѣдатель совѣта извѣщаетъ петербургскаго чиновника, что изъ причитающихся послѣднему 63.156 франковъ часть будетъ уплачена при подписаніи контракта, а остальные по уплатѣ стоимости первыхъ 50 локомотивовъ. Пять тысячъ руб. этотъ чиновникъ получилъ авансомъ. Чтобы не оставлять сомнѣній, что услуга чиновника понадобилась не только для устраненія конкуррентовъ, но и для того, чтобы наше правительство платило за локомотивы сверхъ ихъ дѣйствительной стоимости, авторъ письма упоминаетъ, что за измѣненіе и приспособленіе поставленнаго товара онъ укажетъ настоящую цѣну. Все же, что чиновнику удастся получить сверхъ ея, составитъ его вознагражденіе".

63 тысячи франковъ за посредническую „услугу"—это такая цифра, о которой въ Ильдизъ-Кіоскѣ даже понятія не имѣютъ!

* * *

Какой-то аѳинскій купецъ пожертвовалъ въ пользу раненыхъ воиновъ 6,229 пудовъ коринки. Эта коринка прибыла къ Петербургъ, а спустя нѣкоторое время въ газетахъ поднялись вопли, что коринка, по мѣсту

назначенія не доставлена и что получили ее не воины, а гостинодворскіе купцы, которые и продають греческій даръ по 6 р. 50 к. за пудъ.

Газетное негодованіе было такъ велико, что Красный Крестъ поспѣшилъ со своими разъясненіями. Но къ сожалѣнію эти разъясненія успокоили далеко не всѣхъ, и нѣкто г. Кузьмичевъ помѣстилъ въ „Словѣ" слѣдующее заявленіе:

„Я прочелъ „опроверженіе Краснаго Креста", относительно исторіи съ коринкой, пожертвованной изъ Греціи и проданной Краснымъ Крестомъ на Апраксинъ рынокъ. Позволю обратить вниманіе на неправильность заявленія Краснаго Креста, что коринка продана по существующимъ цѣнамъ и что за нее выручена сумма „не меньшая стоимости коринки въ Греціи". По заявленію Краснаго Креста, коринка стоила въ Греціи 14.845 руб. за 6,229 пудовъ или по 2 руб. 7 коп. за пудъ, а продана была за 30.823 руб. 32 коп., т. е. по 4 р. 45 коп. за пудъ; дѣйствительно, выходитъ, какъ будто, и польза, но дѣло здѣсь въ томъ, что для надобностей дѣйствующей арміи (за границу) коринка была пропущена безъ пошлины, а разъ Красный Крестъ выпустилъ товаръ для внутренняго рынка, то онъ, несомнѣнно, обязанъ уплатить за товаръ таможенную пошлину, что составляетъ 4 руб. 5 коп. съ пуда, а съ провозомъ и расходами 4 руб. 55 коп. съ пуда. Отсюда слѣдуетъ, что Красный Крестъ продалъ коринку не только дешевле стоимости товара въ Греціи, а отдалъ коринку даромъ и даже не выручилъ стоимости пошлины и провоза".

„Если Красный Крестъ почему-либо пошлины за коринку, выпущенную на внутренній рынокъ, еще не заплатилъ, то конечно, департаментъ таможенныхъ сборовъ взыщетъ съ Краснаго Креста эту пошлину, равную 28.062 р. 45 к., и за подаренную коринку, вмѣсто пользы въ 30.823 р. 32 к. Красный Крестъ понесетъ значительный убытокъ. Не лишне добавить, что „коринка Краснаго Креста" сейчасъ продается на рынкѣ по 6 руб. 50 коп. за пудъ".

Не знаемъ, что дальше будетъ отвѣчать управленіе Краснаго Креста, но не можемъ не замѣтить, что Красный Крестъ, вообще говоря, слишкомъ много пишетъ опроверженій. До такой степени много, что ихъ уже и читать перестали...

* * *

Въ нынѣшнюю войну Красный Крестъ сдѣлался положительно притчей во языцѣхъ.

И дѣйствительно, процессовъ и разоблаченій по дѣламъ Краснаго Креста накопилось столько, что даже начальство обратило вниманіе и, по свидѣтельству газетъ, предпринимаетъ общую ревизію всѣхъ мѣстныхъ управленій Креста, работающихъ въ провинціи. Не беремся предсказывать,

каковы будутъ результаты этой ревизіи, но полагаемъ, что было бы вполнѣ своевременно увеличить, по крайней мѣрѣ, вдвое штатъ слѣдователей и прокуроровъ, такъ какъ работа имъ предстоитъ нешуточная, и разговоры о переутомленіи могутъ превратиться въ реальный фактъ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что наряду съ хищеніемъ крупнымъ, идетъ мелкое, копеечное плутовство, которое тоже вѣдь представляетъ интересъ для Ѳемиды. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о такомъ мелкомъ плутовствѣ вологодскій корреспондентъ „Сына Отечества".

„Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отчета мѣстнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста за 1903 годъ. Въ докладѣ членовъ ревизіонной коммиссіи по провѣркѣ отчетности читаемъ: „Въ книгѣ по хозяйству, между прочимъ, значатся слѣдующіе расходы: въ іюлѣ, 16-го числа: „извозчикъ для полиціи"—1 р. 50 коп., въ августѣ: „Устюгъ"—1 р., въ октябрѣ: „починка гитары для сестры" (?!)—3 руб. 50 коп."... „Расходы на извозчика для полиціи" и „Устюгъ" требуютъ, какъ справедливо замѣчаетъ коммиссія, выясненія основанія таковыхъ, а равно и расходъ 3 р. 50 к. на починку гитары: „гитара не составляетъ имущества общины, а потому ремонтъ таковой на счетъ суммъ Краснаго Креста едва ли правиленъ". Вниманіе ревизіонной коммиссіи остановилъ далѣе расходъ на молебенъ въ 5 рублей въ октябрѣ: однородные расходы въ другое время произведены въ размѣрѣ 1 рубля, но что самое главное—расходъ этотъ не вызывался необходимостью, ибо при общинѣ состоитъ штатный священникъ.

Изъ подлинныхъ книжекъ сестеръ коммиссія усмотрѣла, что двумя сестрами не сдано казначею 74 р. 50 к. При провѣркѣ инвентарныхъ книгъ оказалось, что отмѣтки объ исключеніи вещей „дѣлаются безъ наличности къ тому документальныхъ данныхъ".

Не оказалось счета съ распискою на 8 р., уплаченныхъ якобы губернской типографіи; не имѣется расписки въ полученіи 23 р. 13 к. за купленное общиной сѣно. Не имѣется расписокъ письмоводителя Кудрявцева въ полученіи жалованья, уплаченнаго ему за 7 мѣсяцевъ. Расходъ за два мѣсяца оказывается произведеннымъ безъ надлежащаго разрѣшенія. 30-го іюня была приложена, правда, какая-то апокрифическая расписка, но въ ней не обозначено суммы, полученной Кудрявцевымъ, а день выдачи расписки (число и мѣсяцъ) дважды исправленъ. „Расписки, сдѣланныя какъ бы самою прачкой Тихоновой (цитируемъ по отчету), подписаны за нее фиктивно".

Выписано въ расходъ 20 р. 50 к. „за пересадку цвѣтовъ и кадокъ", между тѣмъ никакихъ растеній въ описи имущества общины не значится. Очевидно, произошло смѣшеніе цвѣтовъ общины съ чьими-нибудь чужими.

Такъ обстоитъ дѣло съ расходами.

„Въ отношеніи прихода,—говоритъ ревизіонная комиссія,—за непред-

ставленіемъ приходныхъ документовъ, всѣ записи, за исключеніемъ получeній отъ казначея, остались безъ провѣрки".

Количество денегъ, оставшихся отъ расхода 1902 года, не провѣрено въ виду того, что самая книга, по словамъ дѣлопроизводителя г. Кочетова, утрачена".

Какъ видите, гитара, молебенъ, полицейскіе извозчики, цвѣточныя кадки и, наконецъ, пропавшая книга расходовъ—все это легко можетъ довести гг. прокуроровъ до переутомленія. Но къ этому надо вѣдь прибавить и темную область слуховъ о дѣятельности большихъ и малыхъ Кочетовыхъ,—слуховъ, которые ходятъ въ населеніи и которыми прокуратура пренебрегать не можетъ.

А слуховъ такихъ болѣе, чѣмъ достаточно.

* * *

Въ костромскомъ соборѣ бывшій ректоръ духовной семинаріи прот. Сырцовъ произнесъ 20-го марта проповѣдь, въ которой онъ говорилъ объ извѣстномъ священникѣ Г. Петровѣ, который 25-го марта прочтетъ въ Костромѣ лекцію „Назначеніе человѣка". Протоіерей Сырцовъ указалъ присутствовавшимъ въ соборѣ, что свящ. Петровъ пишетъ въ газетахъ фельетоны на разныя темы „въ современномъ духѣ". Характеризуя міровоззрѣніе свящ. Петрова, ораторъ заявилъ, что, по его мнѣнію, свящ. Петровъ раздѣляетъ взгляды извѣстнаго еретика, отлученнаго отъ православной церкви, графа Льва Толстого. Въ заключеніе проповѣдникъ выразилъ надежду, что на лекцію Петрова истинно-православные христіане не пойдутъ.

Къ 21-му марта,—заканчиваетъ это краткое сообщеніе корреспондентъ „Сѣв. Кр.",—всѣ билеты на лекцію свящ. Г. Петрова уже были распроданы. („Сынъ Отечества").

* * *

„Нов. Вр." пишетъ: „твердо рѣшилъ отстаивать своего „Бессарабца" г. Крушеванъ. Только что онъ успѣлъ выпустить 3-й нумеръ „Бессарабца", послѣ пріостановки и уже опять въ окна редакціи летятъ камни. Для свѣдѣнія истребителей стеколъ г. Крушеванъ пишетъ:

„Вчера, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, во время занятій въ редакціи „Бессарабца", неизвѣстныя лица бросили съ Полицейской площади камни въ окно редакціи, а затѣмъ, конечно, скрылись. Сообщаемъ объ этомъ фактѣ лишь для того, чтобы сказать слѣдующее. Всѣ подобные пріемы для сведенія „счетовъ" и глупы и безполезны. Глупы—потому, что лишь усиливаютъ общественныя симпатіи къ газетѣ и значитъ идутъ въ разрѣзъ съ цѣлью ихъ авторовъ. Безполезны—потому, что окна въ редакціи „Бессарабца" застрахованы отъ обывательскаго градобитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

пользуясь случаемъ, сообщаемъ для свѣдѣнія нашихъ „друзей“ и слѣдующій не безынтересный для нихъ фактъ. Жизнь редактора-издателя „Бессарабца“ застрахована въ 300.000 р., причемъ въ его духовномъ завѣщаніи опредѣлены условія, вполнѣ обезпечивающія изданіе „Бессарабца“ послѣ его смерти и гарантирующія неизмѣнность направленія газеты“.

Мы, признаться, никогда не придерживались особенно высокаго мнѣнія объ умѣ г-на Крушевана, но такихъ „признаній“ мы даже и отъ него не ожидали. Шутка сказать, въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ горькимъ опытомъ пришелъ къ заключенію, что ему надо застраховать окна отъ „обывательскаго градобитія“ и онъ же находитъ, что отъ „градобитія“ растутъ симпатіи общества къ газетѣ! Но спрашивается, что скажетъ г. Крушеванъ, если „симпатія“ перейдетъ въ энтузіазмъ?

* * *

Въ „Русскомъ Словѣ“ появилось любопытное письмо крестьянъ одного подмосковнаго села, ярко характеризующее причины, порождающія черныя сотни въ городахъ и смуту въ народѣ. Крестьяне пишутъ, что мѣстный урядникъ строго запрещаетъ имъ читать какія-либо газеты, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Дня“. Онъ ругается и говоритъ: „этимъ лѣтомъ пріѣдутъ господа на дачу; такъ вы вотъ, ребята, бейте учениковъ и студентовъ. Онъ говоритъ: „вотъ начальство приказываетъ читать „Моск. Вѣдомости“. Онѣ пишутъ, что студентовъ надо бить, а потомъ даже будемъ ихъ казнить, какъ было въ прежнее время“. Крестьяне въ концѣ письма просятъ не подписывать ихъ фамилій, ибо имъ достанется отъ начальства, которое можетъ ихъ даже „побить“ или „посадить въ темную“.

* * *

Изъ казанскихъ полицейскихъ нравовъ. На-дняхъ въ Казани, по словамъ „Сѣв. Кр.“, по подозрѣнію въ разбрасываніи прокламацій въ театрѣ были арестованы двѣ дамы: когда прокламаціи летѣли съ галлереи, нѣсколько штукъ упало на нихъ. Нѣкій безмундирный „патріотъ“ собственными глазами „видѣлъ“, какъ женщины бросали преступныя воззванія. Женщинъ арестовали и отправили въ первую часть, гдѣ начали обыскивать. Обыскивала женщина, а околоточный смотрѣлъ все время въ окошечко. Протесты со стороны женщинъ ни къ чему не привели. Въ два часа ночи къ одной изъ арестованныхъ вломился околоточный Розановъ въ одномъ бѣльѣ для производства дознанія. Поднялся крикъ, и рыцарь порядка ушелъ. На другой день ихъ выпустили. Дѣлу, говорятъ, данъ ходъ.

* * *

Въ Симбирскѣ, по словамъ „Новостей" „скомпрометировалъ" себя полиціймейстеръ Пифіевъ (одна фамилія чего стоитъ!). Онъ занимался вымогательствомъ уже давно, но жители, по обыкновенію, молчали. Когда же „любимый" городовой Пифіева Чумазовъ (тоже фамилія подходящая!) укралъ у какой-то бабы теленка, то всѣ полицейскіе нравы города Симбирска всплыли наружу, и притомъ всплыли совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что симбирцы терпѣли, когда у нихъ вымогали деньги, векселя, подарки, но теленка стерпѣть не могли и стали издѣваться надъ чинами полиціи: какъ только на улицѣ показывался городовой, или околодочный, всѣ тотчасъ же начинали издавать звуки, похожіе на мычаніе теленка. Полицейскіе сначала недоумѣвали, но потомъ поняли намекъ и стали злиться. А такъ какъ жители не унимались, то скоро чинамъ полиціи положительно житья не стало: куда-бы они ни пришли, гдѣ бы ни показались, во слѣдъ имъ непремѣнно неслось „бэ-е-е! бэ-е-е!" Кончилось тѣмъ, что городовые подали коллективную жалобу по начальству: не можемъ, молъ, служить, проходу не даютъ. Начальство вняло мольбамъ, стало производить разсмотрѣніе и вытащило на свѣтъ божій теленка, за теленкомъ Чумазова, а за Чумазовымъ Пифіева.

* * *

Когда въ Москвѣ забастовало 300 человѣкъ псаломщиковъ, многіе даже вѣрить не хотѣли въ самую возможность такого факта.—Помилуйте, говорили тогда охранительныя газеты, — что это еще за забастовка. Но вотъ теперь „забастовали" даже монахи Свято-Духова монастыря въ Минскѣ. Правда, политическая „платформа" гг. монаховъ отличалась свойственной иноческому сану скромностью: они не домогались учредительнаго собранія, а потребовали только по бутылкѣ пива на брата да и то лишь въ праздничные дни. Въ количествѣ 30 человѣкъ иноки „скопомъ" подошли къ кельѣ архимандрита и потребовали объясненія съ нимъ.

„Архимандритъ вышелъ, и ему были предъявлены требованія, касавшіяся пищевыхъ вопросовъ: порція хлѣба по утрамъ, вареный ужинъ по вечерамъ и бутылка пива съ двухкопеечной булкой по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Архимандритъ обѣщалъ обсудить ихъ требованія. Послушники разошлись, настаивая на своихъ требованіяхъ, и угрожая, въ случаѣ отказа, форменной забастовкой". („Нов. Вр.").

Хотя бутылка пива и вареный ужинъ относятся больше къ области чревоугодія, чѣмъ политики, но, признаюсь, самая форма, въ которую монахи облекли свое требованіе, приводитъ меня въ восхищеніе: вѣдь это *первая* забастовка за монастырской стѣной. Но согласитесь, что если къ забастовкѣ прибѣгаетъ даже монахъ, домогающійся пива, то, стало быть, этотъ способъ самозащиты уже вошелъ въ плоть и кровь русскаго человѣка!

* * *

Нѣсколько въ другомъ родѣ, но уже безъ всякой тѣни комизма, промелькнула бытовая сценка и въ городѣ Двинскѣ. По словамъ „Казанск. Телеграфа", 19 марта, по Дворянской улицѣ прошла процессія въ 200 человѣкъ дѣтей отъ 6 до 11 лѣтъ.

„Все это были дѣти рабочихъ. Взрослыхъ въ толпѣ совсѣмъ не было. Дѣти пѣли какой-то маршъ. Слышны были возгласы: „Не смѣйтесь надъ нами,—мы дѣти пролетаріевъ". Но откуда-то появился старикъ, бросился въ толпу ребятишекъ, схватилъ одного изъ нихъ за руку, — должно быть, внука, — и хотѣлъ увести изъ толпы. Но мальчуганъ вырвался, сердито посмотрѣлъ на старика и снова присоединился къ товарищамъ. Дѣти проходили и по другимъ улицамъ, продолжая пѣть. На Петербургской улицѣ дѣтей встрѣтила полиція и разогнала".

* * *

Какъ извѣстно, въ Одессѣ десятки лѣтъ безсмѣнно царствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ, и это обстоятельство до такой степени окрыляетъ мѣстныхъ г.г. градоначальниковъ, что они, какъ говорится, и земли подъ собой не чувствуютъ. Еще недавно, напримѣръ, всю печать обошли анекдоты изъ жизни одесскаго градоначальника контръ-адмирала З—наго, который превзошелъ всѣхъ щедринскихъ помпадуровъ своимъ необузданнымъ нравомъ и неподражаемой „словесностью" въ стилѣ пароходнаго боцмана. А теперь въ Одессѣ разсказываются уже новые анекдоты изъ практики нынѣшняго градоначальника г. Нейдгарта.

Подобно контръ-адмиралу З—ному, г. Нейдгартъ тоже вошелъ во вкусъ усиленной охраны, но административное вниманіе свое онъ сосредоточилъ исключительно на... извозчикахъ. Такъ, нѣсколько времени тому назадъ, онъ обязалъ всѣхъ извозчиковъ города носить крахмальные воротнички. Сдѣлано это было, во-первыхъ, въ интересахъ гигіены, а во-вторыхъ, съ цѣлью придать извозчику благообразный видъ. Но такъ какъ каждый извозчикъ покупалъ воротникъ „разъ навсегда" и носилъ его, какъ ошейникъ, не прикрѣпляя къ сорочкѣ, то ни гигіена, ни благообразіе въ Одессѣ не восторжествовали, а получилось только „утѣсненіе", вызывавшее, съ одной стороны, хохотъ публики, а съ другой — безконечныя жалобы извозчиковъ. Но тѣмъ не менѣе, ни хохотъ, ни жалобы не остановили административнаго творчества г. Нейдгарта, и, обжегшись на воротникахъ, онъ принялся за резиновыя шины. Въ Одессѣ извозчичьи пролетки приспособлены къ ужасной мостовой, и колеса тамъ обтягиваются обыкновенной желѣзной шиной,—но такъ какъ, примѣнительно къ усиленной охранѣ, шина резиновая лучше шины желѣзной, то г. Нейдгартъ, въ одинъ прекрасный день, взялъ и сочинилъ законъ: всѣмъ извозчикамъ къ 15-му марта обзавестись резиновыми шинами и кожанымъ фордэкомъ, а буде кто не обзаведется, то лишенъ будетъ права заниматься своимъ промысломъ.

„Нетрудно представить себѣ, — разсказываетъ корреспондентъ „Сына Отечества“,—впечатлѣніе, произведенное приказомъ на бѣдныхъ извозчиковъ. Они взвыли, взмолились. „Гдѣ же, — говорили они, — взять намъ денегъ на эти самыя шины — чтобъ имъ пусто было! Нищіе, вѣдь, мы, помилосердствуйте!“ Мольбы были напрасны. Грозный срокъ приближался. Нѣкоторые извозчики захотѣли было удовлетворить капризъ администраціи, да это ихъ разорило.

Но затѣмъ мѣстныя власти какъ будто задумались и порѣшили отсрочить исполненіе приказа до 10-го апрѣля. Но чтобы ужъ всѣ были снабжены требуемыми шинами и крышами!

Паника среди извозчиковъ поднялась необычайная. Они толпами ходили жаловаться въ судъ, въ управу, къ частнымъ лицамъ. Гласный Стражеско (мировой судья) сказалъ, что многіе извозчики въ его участкѣ обнищали. Они приходили къ нему съ заявленіями и просьбой указать, что имъ дѣлать. Г. Стражеско совѣтовалъ имъ жаловаться на незаконное распоряженіе администраціи. Онъ указалъ имъ повѣреннаго для этого дѣла.

Извозчики избрали депутатовъ, которые и направились къ нотаріусу Гофу, чтобы выдать повѣренному довѣренность на веденіе ихъ дѣла. Но полиція, узнавъ о „заговорѣ“, поспѣшила пресѣчь затѣю въ корнѣ. Она накрыла „избранныхъ отъ населенія“ депутатовъ, и вмѣсто кабинета нотаріуса послѣдніе очутились въ... участкѣ. Часть депутатовъ успѣла скрыться, но ее изловили. И она не миновала участковой чаши...

На запросъ одного изъ гласныхъ, что же предпринимаетъ въ этомъ случаѣ управа, какъ думаетъ она защитить интересы извозчиковъ, безсильныхъ въ борьбѣ съ администраціей, — членъ управы далъ слѣдующія объясненія. Въ прошломъ году одесскій градоначальникъ издалъ обязательныя постановленія относительно благонадежности,—т. е. неподсудности, возраста и т. д.—лицъ, занимающихся извознымъ промысломъ. По соглашенію администраціи съ управой, послѣдняя выдавала знаки на право промысла послѣ того, какъ извозчики доставляли штемпель полиціи о неимѣніи препятствій къ тому, чтобы они возсѣдали на козлахъ. Теперь полиція, пользуясь уступленнымъ ей правомъ первой инстанціи, перестала выдавать извозчикамъ разрѣшенія впредь до оборудованія ими выѣздовъ въ томъ видѣ, въ какомъ это нравится власть предержащимъ.

Въ управу поступили коллективныя жалобы извозчиковъ на дѣйствія администраціи. Тогда управа рѣшила вернуть уступленныя ею полномочія и выдавать извозчикамъ разрѣшенія безъ полицейскаго удостовѣренія о благонадежности.

Что же дѣлаетъ полиція?—Отнимаетъ управскіе значки...

Что распоряженіе администраціи незаконно, ясно безъ всякихъ доказательствъ. Какъ бы мы ни растягивали то резиновое кольцо, которое называется положеніемъ объ усиленной охранѣ, никоимъ образомъ нельзя

его надѣть на извозчиковъ и обратить его въ реальную резиновую шину, за которую нужно платить кровныя деньги. „Государственная безопасность“—вещь, конечно, важная и всякаго вниманія достойная. Но причемъ же здѣсь извозчики, которые хотятъ ѣсть, у которыхъ есть голодныя жена, дѣти, старуха-мать?..

Однако, выхода дума не нашла.

Сколько извѣстно изъ газетъ, резиновыя шины представляютъ собой четвертую реформу г. Нейдгарта. Первоначально онъ обратилъ вниманіе на городскую растительность и потребовалъ отъ домовладѣльцевъ, чтобы всѣ деревья, растущія на улицахъ, были ограждены у корня кирпичемъ. Это была первая реформа. Затѣмъ кирпичъ былъ упраздненъ, и, вмѣсто него, введены были щепочки, которыя, въ видѣ крохотнаго палисадничка, бѣлѣли у каждаго дерева. Это была вторая реформа. Но такъ какъ обѣ древесныя реформы вводились медленно (домовладѣльцы—народъ косный) а г. Нейдгарту хотѣлось самому полюбоваться плодами своего творчества, то въ скорости было приступлено къ третьей и четвертой реформѣ, касающейся извозчичьихъ воротничковъ и резиновыхъ шинъ.

Такимъ образомъ, весь путь одесскихъ реформъ уже опредѣлился въ полной мѣрѣ: отъ кирпичей черезъ щепочки и воротники къ резиновой шинѣ.

Будемъ надѣяться, что реформаторская дѣятельность г-на Нейдгарта этимъ и закончится, и что въ интересахъ обнищавшаго населенія онъ самъ воздержится отъ дальнѣйшихъ преобразованій.

Александръ Яблоновскій.

На Западѣ.

Эволюція взглядовъ на роль университетовъ.

(Изъ университетской жизни Австріи).

Письмо второе *).

Во Франціи высшія учебныя заведенія представляютъ собою исключительно профессіональныя школы, главною задачею которыхъ является подготовленіе слушателей къ извѣстной практической профессіи или профессіональной практикѣ [1]). Въ Англіи университеты наоборотъ являются въ извѣстной степени продолженіемъ гимназій и видятъ свою задачу въ расширеніи, систематизаціи и углубленіи общаго образованія, начала котораго преподаны гимназіею. Профессіональная выучка должна начинаться позже, внѣ стѣнъ университета.

Сочетаніемъ этихъ двухъ типовъ является нѣмецкая система, которая съ одной стороны возлагаетъ на университеты обязанность готовить къ извѣстной профессіональной дѣятельности, съ другой стороны видитъ обязанность университета въ культивированіи научнаго знанія.

Мы считаемъ не лишеннымъ интереса привести здѣсь тѣ pro и contra, которыя были выдвинуты при обсужденіи этихъ системъ учеными авторитетами, которымъ предстояло выработать планъ организаціи университетовъ въ Венгріи, пожелавшей въ качествѣ младшей сестры культурной Европы, воспользоваться въ этомъ вопросѣ опытомъ послѣдней.

Задачею университета не можетъ считаться подготовленіе непосредственныхъ практиковъ, говорится въ отзывахъ запрошенныхъ по этому

---

*) См. „Образованіе“ № 3.

[1]) Отрицательныя стороны, порождаемыя такою постановкою университетскаго дѣла, сильно ощущаются во Франціи; и подъ этимъ именно вліяніемъ тамъ возникла „Ecole libre des hautes etudes“ (свободная школа высшихъ наукъ), призванная заполнить этотъ пробѣлъ.

поводу компетентныхъ лицъ. И въ этомъ отношеніи нѣмецкая система стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія. Когда образованіе ставитъ себѣ болѣе высокую конечную цѣль, оно въ то-же время выполняетъ попутно и тѣ менѣе высокія задачи, которыхъ отъ него ждутъ. Когда-же цѣлью заранѣе устанавливается погоня за посредственностью, то eo ipso становится невозможнымъ культивированіе науки, которое собственно и является задачею университетовъ. Иначе говоря, если университетъ не въ состояніи давать научно образованныхъ людей, то онъ не въ состояніи готовить и хорошихъ чиновниковъ; обѣ-же цѣли достигаются въ томъ случаѣ, когда въ воспитанникѣ университета вырабатывается способность самостоятельно идти дальше на избранномъ имъ поприщѣ. У университета не можетъ быть отнята возможность служить наукѣ и вести къ ней своихъ питомцевъ... Задачею университетскаго образованія является прежде всего ознакомленіе слушателя съ основными законами науки, ея высшими идеями, доставленіе возможности проникнуться сущностью изучаемой науки и возвыситься до самостоятельнаго философскаго пониманія ея, пріучиться на все смотрѣть съ научной точки зрѣнія. Общее философское пониманіе должно быть главнымъ, а не углубленіе въ знаніе деталей, которыя могутъ сдѣлаться предметомъ практическихъ занятій въ университетскихъ семинаріяхъ, но не могутъ служить содержаніемъ читаемыхъ съ университетской каѳедры лекцій; но даже и въ семинаріяхъ изученіе деталей имѣетъ смыслъ лишь по стольку, по скольку этимъ демонстрируется на дѣлѣ и дается возможность освоиться съ научнымъ методомъ работы. Ибо и въ своихъ спеціальныхъ предметахъ университетскій слушатель долженъ умѣть разсматривать все съ болѣе высокой общей точки зрѣнія... Нѣмецкая университетская система устанавливала поэтому, какъ вполнѣ неизбѣжное логическое слѣдствіе изъ ея взгляда на задачи университетскаго образованія, полную свободу преподаванія и ученія.

Но если за нѣмецкою системою должно признать, что она даетъ болѣе глубокую теоретическую и философскую подкладку, то несомнѣнно въ то-же время, возражали противники, что французская система, по скольку дѣло касается практическихъ результатовъ, особенно по скольку оно касается примѣненія общихъ идей, имѣетъ свои преимущества. При томъ идеальномъ пониманіи главныхъ задачъ университетскаго образованія, которое прежде всего имѣетъ въ виду научное образованіе и развитіе способности къ научной дѣятельности, нѣтъ достаточныхъ гарантій въ томъ, что университетъ можетъ дать и способныхъ профессіоналистовъ...

Защитники нѣмецкой системы могли, однако, не безъ основанія, указывать на то, что кто усвоилъ себѣ правильное пониманіе задачъ науки и способовъ ихъ рѣшенія, тотъ и въ жизни, если ему и не предстоитъ посвятить себя ученой дѣятельности, сумѣетъ приступать ко всякой профессіональной дѣятельности съ болѣе высокой общенаучной точки зрѣнія,

вносить въ нее болѣе широкіе горизонты и проявлять въ избранной имъ области болѣе самостоятельную и широкую дѣятельность.

Что же касается возраженій, выставляемыхъ сторонниками французской системы, то они къ нѣмецкой университетской системѣ тѣмъ менѣе примѣнимы, что послѣдняя нисколько не пренебрегаетъ профессіональною подготовкою своихъ слушателей, а считаетъ лишь необходимымъ ставить и послѣднее на болѣе широкую базу общенаучнаго образованія.

Нужно было найти только способъ объединенія и примиренія этихъ двухъ стремленій.

И такое средство было найдено въ тѣсномъ единеніи и въ то же время строгомъ разграниченіи университетскаго образованія, направленнаго къ каждой изъ двухъ цѣлей: усвоенія научнаго знанія и подготовленія къ практической дѣятельности. Съ этою цѣлью ученыя степени и государственные дипломы поставлены въ полную независимость другъ отъ друга. Ученая степень доктора права, напр., или философіи, получаемая по выдержаніи извѣстнаго испытанія, обнаружившаго достаточность научной подготовки кандидата, остается исключительно ученою степенью. Никакихъ опредѣленныхъ правъ на занятіе той или другой государственной должности она еще не даетъ. Кому-же нужно послѣднее, тотъ долженъ подвергнуться спеціальному государственному испытанію, къ которому предъявляются и спеціальныя требованія, отвѣчающія практическимъ требованіямъ государственной службы. Doctor juris, блестяще сдавшій всѣ экзамены, не можетъ еще поступить на службу по судебному вѣдомству, если онъ не подвергся спеціальному Staatsprüfung. Точно также д-ръ философіи не можетъ, несмотря на то, что именно этотъ факультетъ поставляетъ государству педагоговъ, получить учительскаго мѣста, покуда онъ не сдастъ спеціальнаго учительскаго экзамена.

До извѣстнаго момента подготовленіе къ обоимъ этимъ экзаменамъ требуетъ одной и той-же базы обще-научнаго образованія, послѣ чего начинается спеціализація въ томъ или другомъ направленіи.

Въ настоящее время репутаціею полной цѣлесообразности пользуется поэтому именно эта нѣмецкая система, дѣйствующая и въ Австріи, и даже французскіе ученые высказались за эту систему, позволившую удачно разрѣшить вопросъ объ академической свободѣ, не пренебрегая тѣми требованіями, которыя государство имѣетъ право предъявлять университетамъ. Какъ общее положеніе и необходимое условіе университетской жизни, вытекающее изъ этого взгляда на роль университета, должно было признать самую широкую академическую свободу на почвѣ университетской автономіи; коррективомъ-же къ этому явилась та форма вмѣшательства государства въ жизнь университетовъ, которая касается только одной стороны этой жизни (требованія, предъявляемыя къ кандидатамъ на государствен-

ныя должности при подверганіи ихъ соотвѣтственному испытанію), а не всѣхъ проявленій ея.

„Реформа университетской жизни, приведенная послѣ 1848-го года, говоритъ не кто иной, какъ нынѣшній министръ народного просвѣщенія, фонъ-Гартель, обозначила конецъ періода духовнаго маразма, подъ вліяніемъ котораго жалко погибали естественныя силы богато-одаренныхъ народностей, и только единичныя избранныя натуры могли себѣ проложить дорогу, какъ-бы для того только, чтобы служить краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ скрытыхъ въ народѣ, но гибнущихъ за ненахожденіемъ естественнаго выхода силъ... Эти реформы благороднаго монарха, снявшаго оковы съ духовной жизни (статья, изъ которой заимствована эта цитата, написана по поводу 50-лѣтняго юбилея царствованія императора Францъ-Іосифа), могутъ лишь тогда быть поняты во всемъ своемъ значеніи и получить надлежащую оцѣнку, когда мы живо воскресимъ передъ собою мысленно тѣ ужасныя условія, невыносимую тяжесть которыхъ тщетно старались стряхнуть съ себя предшествовавшія намъ поколѣнія“.

И какія краснорѣчивыя слова въ осужденіе старой системы находитъ этотъ министръ! Съ какою злою ироніею умѣетъ онъ говорить о пагубномъ вліяніи „отеческихъ“ заботъ администраціи на жизнь университетовъ!

Доведенный до своего логическаго конца, принципъ административной опеки университетовъ, неизбѣжно, замѣчаетъ онъ, долженъ былъ обнаружить весь абсурдъ неестественнаго сочетанія свободы научнаго мышленія съ подчиненіемъ ея административному усмотрѣнію. И послѣдовательное безбоязненное примѣненіе этого принципа, дѣйствительно, превратило университеты въ простыя подготовительныя школы для различныхъ профессій, въ которыхъ должно было учить и учиться только тому, что можетъ имѣть практическое примѣненіе.

Съ отличающею эту эпоху патріархальною простотою и наивностью одинъ императорскій декретъ прямо объявляетъ, что „молодыхъ людей въ университетахъ не должно обучать ничему такому, въ чемъ нѣтъ надобности для успѣшнаго прохожденія государственной службы, ибо университетское преподаваніе должно служить цѣли подготовленія государственныхъ чиновниковъ, а не ученыхъ“... Въ соотвѣтствіи съ этимъ и отъ профессоровъ, которымъ предоставлялись каѳедры на основаніи конкурсныхъ испытаній, требовали не знанія, такъ какъ имъ все равно предстояло читать лекціи только по одобреннымъ предписаннымъ учебникамъ. Волѣе глубокое знаніе предмета и широкое пониманіе могли и опасность навлечь на такого профессора, иронизируетъ министръ Гартель, заканчивающій воспоминанія объ этомъ тяжеломъ и постыдномъ періодѣ университетской жизни въ Австріи глубокимъ вздохомъ: „унылую пустоту изображало все поле научной дѣятельности того времени... и въ результатѣ всѣхъ этихъ полицейскихъ воззрѣній на задачи университетовъ, вели

жалкое прозябаніе не только философскіе факультеты, которые вообще считались въ то время ни для чего ненужными, но и „полезныя“ науки, несмотря на оказываемое имъ поощреніе“.

И если университеты Австріи черезъ полстолѣтія послѣ торжества освободительнаго движенія 1848 г. могутъ претендовать на право стоять рядомъ съ германскими университетами, то они обязаны этимъ исключительно перевороту, происшедшему во взглядахъ государственной власти на университетъ, отмѣчаетъ съ удовольствіемъ самъ представитель этой государственной власти, Гартель, не забывавшій еще тогда, на посту министра народн. просвѣщенія о томъ, что недавно онъ самъ еще, въ качествѣ профессора, было членомъ дорожащей своею автономіею университетской коллегіи. „Послѣ долгихъ колебаній и государственная власть должна была, наконецъ, признать великое воспитывающее значеніе науки вообще, науки, какъ самоцѣли, расширяющей горизонты мысли, облагораживающей характеръ... и этимъ-же служащей высшимъ задачамъ человѣческаго развитія. Лишь послѣ этого государственная власть познала, что ея отношеніе къ университетской жизни должно регулироваться сознанною необходимостью и желательностью предоставленія университетамъ полной академической свободы съ сохраненіемъ за государствомъ контроля лишь въ той строго ограниченной области вопросовъ, которые касаются подготовленія лицъ для государственной службы... „Это убѣжденіе и легло въ основу дальнѣйшаго законодательства, имѣвшаго цѣлью регулировать университетскую жизнь и отношеніе къ ней государственной власти“...

Если на дѣлѣ все это обстояло, какъ мы увидимъ ниже, не совсѣмъ такъ, какъ можно было-бы заключить по этимъ словамъ (не нужно, впрочемъ, забывать, что эти слова предназначены были для спеціальнаго юбилейнаго сборника, славословившаго царствованіе императора Францъ-Іосифа) министра Гартеля, то остается все-таки вѣрнымъ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ они близки къ истинѣ, и что дѣйствительно былъ такой кратковременный, къ сожалѣнію, періодъ въ университетской жизни Австріи, когда великій принципъ: „наука и ея ученіе свободны“, пользовался полнымъ признаніемъ не только въ конституціонной хартіи, въ которую онъ вписанъ, но и въ жизни.

Этому кратковременному періоду университетская жизнь Австріи и обязана наиболѣе блестящею страницею своей исторіи.

Пробужденные послѣ долгаго летаргическаго сна, австрійскіе университеты какъ-бы стараются наверстать потерянное. Число учащихъ и учащихся начинаетъ быстро возрастать (въ 1848—49 гг. во всѣхъ австрійскихъ университетахъ насчитывалось 361 профессоръ и 8691 студентовъ; въ 1898—99 гг., число профессоровъ и доцентовъ было 1002, число студентовъ 16995; въ одномъ только вѣнскомъ университетѣ число доцирующихъ поднялось съ 83 до 344; а число студентовъ достигаетъ

нынѣ цифры $7^1/_2$ тысячъ). Въ числѣ вѣнскихъ профессоровъ фигурируютъ такія блестящія имена, какъ Гиртль, Бильротъ, Листъ, Еллинекъ, Глазеръ, Унгеръ, Рокитанскій, Скада, Луйо Брентано, Лоренцъ Штейнъ, Миклашичъ, Брюкке и много другихъ. На нѣкоторое время вѣнскій университетъ становится довольно сильнымъ притягательнымъ центромъ среди европейскихъ университетовъ. Слава вѣнской медицинской школы облетаетъ весь міръ, и она пріобрѣтаетъ огромный авторитетъ; для теоретиковъ и практиковъ Вѣна становится медицинскою меккою, куда спѣшатъ со всѣхъ концовъ міра, чтобы пріобщиться къ источнику знанія; здѣсь зарождаются смѣлыя гипотезы, создаются новыя направленія въ наукѣ... Быстрѣе пульсируетъ жизнь на юридическомъ и философскомъ факультетахъ, куда стекаются слушать такихъ выдающихся юристовъ, какъ Еллинекъ, экономистовъ, какъ Брентано, такихъ философовъ, какъ Циммерманъ и (второй періодъ) Махъ.

Но продолжались эти „именины сердца" не долго. Университетская реформа въ Австріи была плодомъ австрійской крупной и средней буржуазіи и въ интересахъ этого класса проведена, что сказалось и на дальнѣйшей ея судьбѣ.

Мы выше указали идеологическіе мотивы университетской реформы, достаточно оправдывавшіе и необходимость, и цѣлесообразность такой реформы изъ чисто идеальныхъ соображеній. Но міръ, и въ особенности, то „грубое ремесло", которое называется политикою, по выраженію одного публициста, управляется и руководствуется, какъ извѣстно, не идеальными соображеніями, а практическими; вѣрнѣе, ждетъ, пока тѣ или другія идеальныя соображенія не воплотятся въ форму практическихъ необходимостей. Только въ формѣ такой грубой, всѣми сознаваемой и осязаемой необходимости и можетъ восторжествовать та или другая идеологія, какъ-бы логически правильна она ни была сама по себѣ.

Въ видѣ такой практической необходимости, достаточно убѣдительной и для тѣхъ, кого трудно убѣдить идеалистическими соображеніями, и выступила для Австріи въ 1848 г. университетская реформа, на которой идеалисты раньше еще долго, но тщетно, настаивали во имя своихъ идеологій.

Мы уже слышали изъ устъ министра фонъ-Гартеля, что и „полезныя" науки, которыя государство считало себя обязаннымъ поощрять, вели жалкое прозябаніе, въ виду недостатковъ обще-университетскаго строя того времени.

Недостатки эти въ концѣ концовъ привели къ тому, что, по словамъ другого лица (д-ра Баха), передъ Австріею того времени возникла опасность, либо пассивно присутствовать при эмиграціи всей буржуазной интеллигенціи въ Германію, т. е., лишиться необходимаго для управленія государственною машиною матеріала, либо примириться съ тѣмъ фактомъ, что

возраставшее тогда въ своемъ значеніи среднее сословіе все больше и больше будетъ проникаться равнодушіемъ къ интересамъ государства. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ государство мириться à la longue не могло; жизнеспособные университеты сдѣлались необходимостью и для государства, и для общества. И такъ какъ такую жизнеспособность могли имъ вдохнуть только тѣ реформы, которыя выдвигались идеологіею того времени, то эта идеологія и восторжествовала. Средніе классы, позаимствовавшіе у идеологіи того времени тѣ пароли и лозунги, которые отвѣчали ихъ потребностямъ, не замѣчали, однако, или не хотѣли замѣчать, что эта идеологія была значительно шире тѣхъ немногихъ требованій, на которыхъ настаивало въ собственныхъ интересахъ бюргерство.

Какъ только послѣднее добилось удовлетворенія своихъ ближайшихъ требованій (а дальше этого оно не заглядывало), оно забыло про свой недавній союзъ съ идеологами, еще чего-то добивавшимися.

Какъ и многія другія реформы того времени, и эта реформа въ Австріи осталась незаконченною; незаконченною въ томъ смыслѣ, что подъ нее не позаботились подвести достаточно широкую базу, которая предохранила-бы ее отъ всякихъ непогодъ и возможныхъ случайностей.

Австрійскіе либералы тогда очень быстро успокоились на лаврахъ и въ самой грубой формѣ измѣнили и идеологамъ, за которыми они сами шли, и народу, который слѣдовалъ за ними. Вообразивъ, что „именины сердца“ будутъ продолжаться вѣчно, что правительство теперь охотно будетъ дѣлить съ ними власть всегда, и что имъ никакихъ союзниковъ въ дальнѣйшемъ не только не нужно, но и нежелательно имѣть, они о такихъ союзникахъ не позаботились. На тотъ случай, когда государственная власть почувствовала-бы желаніе вернуться къ старому и отказаться отъ непрошеннаго союза съ либералами, послѣдніе были предоставлены самимъ себѣ, иначе говоря, сами лишили себя возможности оказать достаточное противодѣйствіе такому рецидиву.

И эта случайность наступила довольно скоро. Послѣ короткаго періода либеральной „весны“, во время которой австрійское правительство, всегда послушное велѣніямъ папскаго Рима, рѣшилось даже уничтожить конкордатъ, предоставлявшій католической церкви контроль надъ всею духовною жизнью Австріи, и не остановилось даже передъ введеніемъ въ Австріи свѣтской интерконфессіональной школы, несмотря на провозглашенную папою анаѳему этой школѣ, вскорѣ наступила реакція. Ошеломленное сначала „новымъ курсомъ“ въ Австріи ультрамонтанство начало мало по малу приходить въ себя и приступило къ своей обычной подземной работѣ, къ придворнымъ закулиснымъ интригамъ, къ „уловленію душъ“ всевозможными дозволенными и недозволенными средствами, къ сѣянію раздоровъ и и т. д. и т. д. Само правительство, напуганное ростомъ демократическаго движенія, вспомнило, что лучшаго союзника, чѣмъ католи-

ческая церковь, ей не найти на томъ поприщѣ дѣятельности, которая преслѣдуетъ совершенно противоположныя просвѣтительнымъ задачамъ цѣли. Прежняя дружба между австрійскимъ правительствомъ и австрійскими ультрамонтанами, такъ умѣло закрывающими, по народному выраженію, своими черными сутанами солнечный свѣтъ, начала возстанавливаться „церкви и отечеству на пользу".

И опять по всей Австріи начало чувствоваться тлетворное дыханіе воинствующаго клерикализма, умѣвшаго такъ долго держать въ умственномъ мракѣ до-реформенную Австрію. Опять во всемъ начало проявляться ихъ пока еще скрытое воздѣйствіе и противодѣйствіе.

Не то, чтобы самые законы, хотя-бы, напр., въ области постановки университетскаго дѣла, подверглись измѣненію. На это еще не рѣшались. Но около каждаго параграфа закона начали выростать примѣчанія, дополненія и разъясненія, совокупность которыхъ совершенно уничтожала значеніе и смыслъ того параграфа, который эти примѣчанія явились дополнять и разъяснять.

Небольшой примѣръ. До 1898 г. въ Австріи былъ въ силѣ законъ о т. н. Collegien-gelder, по которому по-лекціонный гонораръ поступалъ въ пользу читавшаго данную лекцію профессора. При наличности этого закона, профессоръ въ матеріальномъ отношеніи не столько зависитъ отъ фиска, назначающаго ему окладъ, сколько отъ успѣха своего преподаванія. Вопросъ о полекціонной платѣ не разрѣшается, конечно, противопоставленіемъ только этихъ двухъ моментовъ, а выступаетъ въ болѣе сложномъ видѣ, если брать его въ цѣломъ.

Но къ тому времени, когда въ Австріи снова превозобладали клерикальныя вѣянія, власти весьма охотно ухватились за реформу, обѣщавшую уничтоженіе этой системы по-лекціоннаго вознагражденія. И сдѣлано это было главныхъ образомъ потому, что этимъ путемъ можно было нанести чувствительный ударъ профессорской самостоятельности. Прежде увѣренный въ притягательной силѣ своихъ лекцій профессоръ, пользующійся извѣстнымъ именемъ, могъ принимать приглашеніе занять каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ даже при всей недостаточности установленнаго постояннаго профессорскаго оклада, такъ какъ онъ могъ съ увѣренностью разсчитывать, что полекціонный гонораръ значительно увеличитъ цифру этого оклада. Теперь онъ можетъ принять такое приглашеніе лишь въ томъ случаѣ, если правительство соглашается гарантировать ему въ соотвѣтствіи съ его жизненными потребностями окладъ.

И одно только это легкое измѣненіе въ вопросѣ, казалось-бы совсѣмъ второстепенной важности, внесло чрезвычайно важное измѣненіе въ весь строй университетской жизни и прежде всего въ первостепенной важности вопросъ о правѣ профессорской коллегіи оказывать вліяніе на приглашеніе новыхъ университетскихъ силъ.

Побѣда въ этомъ пунктѣ была однимъ изъ крупнѣйшихъ завоеваній, достигнутыхъ университетскою реформою. Закономъ было признано, что въ австрійскіе университеты могутъ быть приглашаемы и иностранные профессора, что вѣроисповѣданіе приглашаемаго не можетъ служить препятствіемъ для утвержденія правительствомъ такого профессора и т. п.

Такимъ образомъ была возстановлена на-долго нарушенная борьбою между реформаціею и католицизмомъ связь между австрійскими и германскими университетами; снова начался между ними обмѣнъ ученыхъ силъ, возстановилась болѣе тѣсная связь между работою мысли въ тѣхъ и другихъ университетахъ,—словомъ, опять достигнуто было то, что такъ было желательно съ точки зрѣнія интересовъ науки и университетскаго преподаванія, и что такъ нежелательно съ точки зрѣнія воинствующаго клерикализма, для котораго протестанты до сихъ поръ—тѣ же нечестивые еретики, съ которыми не долженъ общаться правовѣрный католикъ.

И вотъ одно только примѣчаніе къ параграфу о профессорскихъ окладахъ оказалось способнымъ совершенно уничтожить все значеніе этой побѣды.

При прежнемъ порядкѣ вѣнская университетская коллегія, намѣтивъ себѣ желательнаго ей кандидата за-границею или въ провинціи, могла питать извѣстную увѣренность въ томъ, что ея выборъ приведетъ къ принятію такого приглашенія. Прямо отказать университетской коллегіи въ томъ, чтобы ея постановленію о приглашеніи такого-то профессора былъ данъ дальнѣйшій ходъ, министерству народн. просвѣщенія, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее движеніе такого вопроса, было все-таки нѣсколько неудобно. Что-же касается приглашаемаго, то и лестность приглашенія въ такой университетъ, какъ вѣнскій, и надежда на успѣхъ читаемаго имъ курса, каковой успѣхъ обозначалъ и матеріальную обезпеченность, подсказывали ему принятіе такого приглашенія, послѣ чего и министерству оставалось только утверждать его.

При новомъ порядкѣ вопросъ этотъ въ одно и то же время и сильно осложнился—для университетской коллегіи—и сильно упростился—для министерства народн. просвѣщенія. При приглашеніи какой-нибудь знаменитости само собою возникаетъ вопросъ о назначеніи сверхъ-ординарнаго оклада, такъ какъ ординарный профессорскій окладъ выражается въ слишкомъ скромной цифрѣ.

И теперь министерство получило возможность произносить рѣшающее слово въ вопросѣ о приглашеніи профессоровъ. Если предложенный профессорскою коллегіею кандидатъ угоденъ министерству, то вопросъ о гонорарѣ не превращается въ непреодолимый камень преткновенія; если же онъ не угоденъ, то министерство, не имѣя даже надобности вступать въ пререканія съ университетскою коллегіею или выразить обидное пренебреженіе ея вотуму, формально выполняетъ ея желаніе и обращается съ

приглашеніемъ къ намѣченному кандидату; но въ концѣ концовъ такое приглашеніе все-таки не состоится, такъ какъ министерство заявляетъ, что оно не находитъ возможнымъ удовлетворить матеріальныя требованія кандидата.

И одного этого измѣненія въ вопросѣ о гонорарѣ, одного этого болѣе близкаго вмѣшательства государственной власти въ университетскія дѣла было достаточно для того, чтобы значеніе вѣнскаго университета начало быстро и весьма замѣтно падать. Какъ только сошла съ арены университетской дѣятельности прежняя блестящая плеяда ученыхъ, создавшихъ его славу, подъ вліяніемъ начавшагося возрожденія университетской жизни въ Австріи, и возникъ вопросъ объ ихъ замѣщеніи, государственная власть, наложившая снова свою руку на жизнь университетовъ, сумѣла придать этому вопросу такое рѣшеніе, что австрійскіе университеты потеряли всю свою прежнюю притягательную силу.

Но въ распоряженіи государства оказались еще и иныя средства оказывать въ этомъ смыслѣ давленіе на университетъ.

Есть такое нѣмецкое выраженіе: „jemanden hinaus eckeln“, обозначающее: сдѣлать кому-нибудь жизнь, въ данной обстановкѣ, настолько противною, что онъ самъ уходитъ, не дожидаясь формальнаго приглашенія уйти.

И вотъ именно эта система начала особенно успѣшно практиковаться въ Австріи подъ вліяніемъ получившихъ снова рѣшающее значеніе клерикальныхъ вѣяній. Вокругъ университетскихъ и ученыхъ сферъ создалась въ Австріи такая атмосфера, что жить въ ней становилось крайне противно. Ученые круги начали чувствовать, что къ нимъ относятся съ какимъ-то до крайности обиднымъ пренебреженіемъ, что въ нихъ видятъ какую-то лишнюю, ненужную и непріятную обузу.

Какъ извѣстно, въ Вѣнѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлалась господиномъ положенія выращенная клерикалами же демагогическая христіанско-соціальная или антисемитская партія. Главною опорою этой партіи, искренно считающей возможнымъ или лицемѣрно выставившей своимъ девизомъ спасеніе мелкой промышленности и мелкаго мѣщанства, для котораго становится непосильною борьба съ крупнымъ производствомъ, является именно это мелкое мѣщанство въ лицѣ ремесленниковъ, лавочниковъ и т. п. элементовъ. Отношеніе же этихъ элементовъ ко всему прогрессивному дано уже самою этою ихъ программою. Своего опаснѣйшаго врага они естественно должны видѣть во всемъ томъ, что ведетъ впередъ и дѣлаетъ невозможнымъ возвращеніе къ яко-бы „доброму, старому времени“ съ его яко-бы патріархальными отношеніями, пригнетавшими до самой земли всякое подневольное существо. Они—враги новыхъ открытій, новыхъ изобрѣтеній, всякихъ усовершенствованій въ какой бы то ни было области; и, поскольку это отъ нихъ зависѣло бы, они

и теперь уничтожили бы машины, желѣзныя дороги и т. п., такъ какъ все это подрывается подъ ихъ существованіе, поскольку они не умѣютъ приспособляться къ новымъ условіямъ жизни (они, не обинуясь, требуютъ теперь возстановленія цехового строя, предлагаютъ законопроекты, направленные противъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и т. д.

Эту ненависть ко всему ведущему впередъ они перенесли и на науку, въ которой они инстинктивно чувствуютъ своего самаго опаснаго врага. Но если прежде они считали необходимымъ скрывать эту вражду подъ личиною почтительно-сдержаннаго отношенія къ ней, то теперь эти отношенія рѣзко измѣнились. Руководители этой демагогической партіи, наускиваемые къ тому же и „черною братіею“ изъ клерикальнаго лагеря, сочли необходимымъ уничтожить въ нихъ прежнее безсознательно-почтительное отношеніе къ представителямъ науки, изъ среды которой выходили авторитетные дѣятели прогрессивныхъ партій, указаніями и выводами науки главнымъ образомъ и пользовавшихся въ своей дѣятельности. При помощи демагогическихъ пріемовъ среди этой невѣжественной и полуобразованной массы воспитывали сознательно-грубое и презрительное отношеніе ко всему высокому, возвышенному, къ величайшимъ заповѣданнымъ человѣчеству идеаламъ.

„Ученая дребедень все это!“ поучали вожаки-демагоги. И на собраніяхъ, въ засѣданіяхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ эта партія чувствовала себя достаточно сильною, начали уже вскорѣ раздаваться крики:

„Ученость—вотъ чума! Долой этихъ ученыхъ индюковъ! Ату ихъ!“

И именно этимъ элементамъ правительственные органы начали проявлять свои особыя симпатіи. Ихъ требованія объ ограниченіи ассигновокъ на просвѣтительныя цѣли, о стѣсненіи дѣятельности ученыхъ обществъ и просвѣтительныхъ союзовъ, получали, гдѣ можно, удовлетвореніе и, во всякомъ случаѣ, принимались въ разсчетъ.

„Мы должны были убѣдиться въ концѣ концовъ, говорится въ меморандумѣ, представленномъ въ 1902 г. правительству философскимъ факультетомъ вѣнскаго университета, что наука и научная дѣятельность въ Австріи не встрѣчаются съ тѣмъ уваженіемъ къ ней и съ тою готовностью содѣйствовать ихъ успѣхамъ, безъ которой процвѣтаніе послѣдней невозможно...“

И въ доказательство этого памятная записка приводитъ очень много иллюстрирующихъ это печальное положеніе фактовъ. Правительство уже давно отказывается отъ ассигновокъ на необходимыя учебно-вспомогательныя учрежденія, безъ которыхъ немыслима нынѣ серьезная научная работа въ университетахъ. Физическій институтъ, физико-химическій институтъ, физическій кабинетъ и т. д., и т. д.,—все это, несмотря на всѣ успѣхи знанія въ этихъ областяхъ за послѣднія десятилѣтія, остаются почти въ своемъ первобытномъ видѣ, т. е., въ томъ видѣ, въ какомъ они были устроены подъ вліяніемъ университетской реформы, въ началѣ

пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; многимъ изъ нихъ до сихъ поръ отпускаются тѣ же самыя суммы, которыя отпускались имъ при ихъ учрежденіи; нѣкоторыя каѳедры совершенно лишены соотвѣтственныхъ лабораторій и институтовъ. Далѣе, Австрія совершенно отказывается въ послѣдніе годы отъ всѣхъ предпринимаемыхъ въ крупномъ масштабѣ научныхъ изслѣдованій, для успѣха которыхъ считаютъ необходимымъ соединить свои усилія ученыя учрежденія всѣхъ европейскихъ странъ. Такъ, она отказалась отъ участія въ одновременно предпринятыхъ всѣми европейскими странами изслѣдованіяхъ атмосфернаго электричества, отъ рѣшеннаго всѣми европейскими астрономическими обсерваторіями одновременнаго фотографированія звѣзднаго неба и т. д.

На все это правительство отказывается ассигновать средства, и австрійскіе ученые оказываются устраненными отъ участія въ обще-европейской разработкѣ научныхъ проблемъ.

Не говоримъ уже о томъ, что даже съ чисто фискальной точки зрѣнія такой взглядъ на ученую дѣятельность не можетъ быть признанъ правильнымъ. Меморандумъ въ доказательство этого напоминаетъ правительству, что одна только вѣнская фабрика газовыхъ горѣлокъ Ауэра, являющихся плодомъ чисто-научныхъ экспериментовъ, производившихся въ химической лабораторіи проф. Либена, уплачиваетъ фиску въ одинъ годъ такую сумму налоговъ, которая много превышаетъ всѣ ассигновки правительства на всѣ химическія лабораторіи Австріи со дня ихъ существованія. Германія даже въ этомъ отношеніи, напоминаетъ дальше меморандумъ, усвоила себѣ болѣе правильный взглядъ на вещи и не щадитъ средствъ на устройство роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ естественно-научныхъ, химическихъ, электротехническихъ и др. институтовъ. И достаточно вспомнить о тѣхъ милліардахъ, которые доставляетъ Германіи одна только ея химическая промышленность, чтобы оцѣнить правильность этого вывода.

Но меморандумъ философскаго факультета не считаетъ нужнымъ останавливаться дальше на этой аргументаціи, а указываетъ на то, что при этихъ неблагопріятныхъ для научныхъ изслѣдованій условіяхъ нельзя разсчитывать на возможность привлеченія въ вѣнскій университетъ серьезныхъ ученыхъ силъ. Именно потому, что такіе ученые проникнуты серьезнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, они считаютъ необходимымъ слѣдить за дальнѣйшею разработкою избраннаго ими отдѣла науки, участвовать лично въ такой разработкѣ; а для этого необходимы и учебно-вспомогательные институты, въ которыхъ правительство отказываетъ, руководствуясь своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ интересамъ науки (собственными же источниками средствъ нынѣшніе университеты, не въ примѣръ прежнимъ временамъ, не обезпечены), и извѣстная благопріятная и благожелательная такой дѣятельности атмосфера, чего ужъ совсѣмъ нѣтъ въ нынѣшней Австріи.

„Въ концѣ концовъ факультетъ долженъ былъ придти къ заключенію, указываетъ меморандумъ, что онъ при нынѣшнихъ условіяхъ не въ состояніи замѣстить вакантныя каѳедры соотвѣтствующими уровню вѣнскаго университета научными силами, такъ какъ ни изъ-за границы, ни изъ провинціальныхъ австрійскихъ университетовъ не откликаются на приглашеніе изъ Вѣны".

Но не только въ отклоненіи приглашеній проявляется паденіе престижа вѣнскаго университета. Онъ проявляется еще въ томъ, что, проникшись отвращеніемъ къ атмосферѣ, въ какой приходится работать на ученомъ поприщѣ въ Австріи, всякій, кто можетъ, старается при первомъ представившемся случаѣ разстаться съ австрійскими университетами.

Такъ, еще совсѣмъ недавно отказался работать дальше въ Вѣнѣ пользующійся репутаціею серьезнаго ученаго профессоръ по каѳедрѣ гигіены, Груберъ, которому правительство въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ отказывало въ устройствѣ соотвѣтственнаго гигіеническаго института, несмотря на то, что въ отведенномъ для этого помѣщеніи, являвшемся вопіющимъ отрицаніемъ всѣхъ требованій гигіены, не было никакой возможности работать.

Но Груберъ позволилъ себѣ выступать въ общественной жизни и какъ разъ въ такой роли, которая не внушала симпатіи власть имущимъ, а такихъ вещей не прощаютъ въ Австріи.

Здѣсь, вѣдь, въ свое время министръ Мадейскій могъ отказаться предоставить каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ философу Марти на томъ основаніи, что „Вѣна имѣетъ счастье быть резиденціею папскаго нунція", а Марти нѣкогда отрекся отъ духовнаго званія, въ которомъ онъ состоялъ. Точно также было отказано въ ординарной профессурѣ Францу Брентано, который тоже отказался отъ своего духовнаго сана.

Одно время лишился было вѣнскій университетъ и знаменитаго физика Больцмана, который принялъ приглашеніе въ Германію въ виду того, что правительство отказывало ему въ устройствѣ физической лабораторіи. И только вызванный этимъ ропотъ общественнаго мнѣнія заставилъ правительство приложить усилія къ тому, чтобы удержать его въ Вѣнѣ.

Что же касается вопроса о замѣщеніи такихъ каѳедръ, то онъ достаточно иллюстрируется слѣдующими фактами: когда министерству предложено было медицинскимъ факультетомъ пригласить на вакантную каѳедру по дерматологіи извѣстнаго Бреславскаго дерматолога, Нейссера, то изъ рядовъ христіанско-соціальной партіи раздались такіе оглушительные крики: „еврей! еврей!", что приглашеніе въ концѣ концовъ не состоялось.

Когда зашла рѣчь о приглашеніи Страссбургскаго профессора Ленеля на юридическій факультетъ, то одинъ изъ вожаковъ христіанско-соціальной партіи отправился къ министру народн. просвѣщенія (этотъ портфель находится въ рукахъ того же фонъ-Гартеля, который умѣлъ такъ красно-

рѣчиво распространяться на тему о пагубномъ вліяніи ограничивающихъ университетскую автономію мѣръ), и приглашеніе не состоялось.

По подобнаго же рода соображеніямъ не состоялось и приглашеніе профессора Риме изъ Галле на освободившуюся, въ виду болѣзни проф. Маха, каѳедру.

„Аномаліи, указанныя въ меморандумѣ философскаго факультета, оказываютъ свое вредное вліяніе не только на этотъ факультетъ", говорится въ меморандумѣ всего академическаго сената, рѣшившаго откликнуться на заявленіе своихъ коллегъ и поддержать это заявленіе. „Ихъ вредное воздѣйствіе отражается на жизни всего университета, для дальнѣйшей дѣятельности котораго на поприщѣ учено-учебной дѣятельности онѣ являются серьезною опасностью... Мы уже достигли „мертвой точки", и успѣшный исходъ приглашеній, обращаемыхъ къ ученымъ заграничныхъ или провинціальныхъ австрійскихъ университетовъ, превратился въ счастливую случайность, рѣдко выпадающую на долю. Приглашенія по свободному выбору университетской коллегіи—необходимое условіе жизненности крупныхъ университетовъ—перестали существовать, какъ общее правило... И мы не можемъ не видѣть въ этомъ грозной опасности для будущаго нашихъ университетовъ..."

„И если мы захотимъ уяснить себѣ причину несомнѣннаго уже теперь факта паденія прежняго значенія вѣнскаго университета, заявилъ въ своей вступительной рѣчи избранный на 1903/4 академическій годъ ректоромъ вѣнскаго университета профессоръ фонъ-Эшерихъ, то мы прежде всего должны будемъ остановиться, какъ на таковой, на проявляющейся тенденціи все больше ограничивать университетскую автономію; ибо такія попытки всегда вызывали среди университетскихъ дѣятелей уменьшеніе интереса къ этой дѣятельности и оказывали парализующее вліяніе на развитіе и процвѣтаніе университетской жизни..."

Какъ на наиболѣе пригодное для борьбы съ такими тенденціями средство, проф. Эшерихъ указалъ тогда на созданіе „Союза профессоровъ" всѣхъ австрійскихъ университетовъ, съ резолюціями и мнѣніями котораго правительство не сможетъ не считаться. Какъ на другое пригодное средство, указываютъ и на созданіе „свободныхъ университетовъ", ни въ какомъ отношеніи отъ правительства независимыхъ и потому имѣющихъ возможность проявить въ своей дѣятельности и жизни всѣ преимущества примѣненія принципа академической свободы на почвѣ университетской автономіи.

И весьма интересная попытка въ этомъ смыслѣ сдѣлана уже въ Австріи въ формѣ созданія—пока еще только для лѣтнихъ мѣсяцевъ—„свободнаго университета" въ Зальцбургѣ, съ зарожденіемъ и организаціею котораго мы, вѣроятно, будемъ имѣть случай познакомить интересующихся этимъ вопросомъ.

П. Звѣздичъ.

Критика и библіографія.

Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи проф. Ѳ. Зѣлинскаго Спб. 1905 г.

Изящно изданная довольно объемистая книга (358 с.) принадлежитъ перу автора, пользующагося почетной извѣстностью въ ученой классической литературѣ. Въ качествѣ популяризатора проф. Зѣлинскій сталъ работать сравнительно недавно, ограничившись, за немногими исключеньями, сферой любимой классической литературы, въ многосторонней и широкой постановкѣ.

Пр. Ѳ. Ф. Зѣлинскій занялъ въ русской литературѣ исключительное и завидное положеніе. Онъ взялся за защиту дѣла, казавшагося безотраднымъ: онъ поставилъ своей задачей реабилитацію загнаннаго классицизма, пользуясь историческими и филологическими методами, исходя изъ научно-обоснованныхъ положеній и цѣльной, строго продуманной философской системы. Усилія пр. З. увѣнчались значительнымъ успѣхомъ: онъ успѣлъ раскрыть органическую связь современности съ античностью, указать на общія и сходныя точки, на пути, по которымъ въ сознаніе новаго культурнаго человѣка проникали элементы античности, на живучесть идей классицизма и, наконецъ, на вполнѣ самостоятельное и опредѣленное значеніе древней культуры и цивилизаціи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что пр. З. расчитываетъ на образованнаго читателя, съ извѣстной подготовкой, сошедшаго съ правильнаго пути, благодаря ложной школѣ и моднымъ вліяніямъ. Образованнаго читателя пр. З. несомнѣнно склонитъ въ свою пользу; малокультурный читатель можетъ и не читать статей пр. З.

Сборникъ, нами разсматриваемый, состоитъ изъ 15 статей на различныя темы, объединенныхъ не содержаніемъ, а общимъ міровоззрѣніемъ автора, отличающимся цѣльностью и опредѣленностью. *Руководящей*

т. ск. главою, прекрасно формулирующей общіе взгляды автора, чрезвычайно характерные для опредѣленія методологическихъ процессовъ я считаю статью *„Идея нравственнаго оправданія, ея происхожденіе и развитіе“*. Генезисъ идеи нравственнаго оправданія блестяще выясненъ на примѣрѣ Ореста. Съ общими взглядами автора на значеніе античной культуры нельзя не согласиться.

Древняя культура обнимаетъ всю жизнь южнаго человѣчества, его дѣтство, юность, возмужалость и старость; именно въ этой завершенности заключается ея цѣнность для насъ—и еще въ томъ, что она не стоитъ отдѣльно отъ нашей культуры, а заключается въ ней, какъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ меньшій заключается въ большемъ“. Отвѣтъ Паллады *„Ты найдешь себѣ опору и оправданіе во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ тебѣ“* сохранилъ, какъ основательно подчеркиваетъ авторъ, свою силу и до настоящихъ дней.

Я не считаю возможнымъ въ бѣглой замѣткѣ излагать богатое содержаніе статей г. З. Ограничусь указаніемъ на его пріемы аргументаціи и изложенія.

Изящно изложенныя статьи г. З. лишены, слѣдуетъ признать, той шаблонности стиля, въ которую нерѣдко впадаютъ популяризаторы. Въ сущности пр. З. не задается задачами популяризатора: онъ ограничивается подборомъ общеизвѣстныхъ темъ. Но его пріемы остаются пріемами ученаго, представляя для зауряднаго читателя ту привлекательность, что онъ самъ становится участникомъ критической работы.

Въ основѣ изложенія г. З. лежитъ строгій и всесторонній анализъ. Всѣ положенія тщательно обслѣдуются а логическіе выводы строго обосновываются. Въ своихъ доказательствахъ г. З. пользуется весьма богатыми данными, изобличающими большую эрудицію и начитанность. Одаренный чувствомъ изящнаго и даже поэтическимъ чутьемъ критикъ мѣстами пишетъ ярко и поэтично. Мы думаемъ даже, что пріемы привычнаго ученаго изслѣдованія подавляетъ иногда, въ критикѣ поэтитескую образность и не позволяетъ ему возвыситься до того уровня стилистическихъ красотъ, до котораго онъ, на нашъ взглядъ, могъ бы достигнуть, исходя изъ своего тонкаго художественнаго чутья, безъ вреда для научнаго изслѣдованія.

Любители древней литературы будутъ благодарны г. З., за его ученое и доступное сочиненіе о цѣломъ рядѣ интереснѣйшихъ культурныхъ вопросовъ. Не менѣе должны быть признательны г. З. и историки литературы новыхъ народовъ за раскрытіе несомнѣнно тѣсной связи античнаго міра съ новымъ; положеніе это, конечно, не ново и сознавалось серьезными историками литературы; но обоснованіе его и проведеніе въ жизнь требовали большой эрудиціи и большого дарованія. То и другое нашлось у пр. Зѣлинскаго. Пожелаемъ, чтобы почтенный ученый примѣнилъ свои

тонкіе аналитическіе пріемы критики и свое художественное чутье къ уясненію зависимости нѣкоторыхъ корифеевъ литературы Возрожденія и новаго времени отъ античной культуры и литературы.

Л. Шепелевичъ.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Изданіе второе.

Второе изданіе труда г. Чешихина мало отличается отъ перваго. Авторъ использовалъ новыя работы, появившіяся со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія его книги, но архитектура и суть труда остается прежней, остаются и прежнія достоинства и прежніе недочеты. Книга г. Чешихина безспорно полезная и хорошая книга. Главными ея достоинствами надо признать теплое отношеніе къ человѣку, прекрасную личность котораго авторъ рисуетъ съ любовью, но безъ неумѣренной идеализаціи, довольно обычной въ нашей біографической литературѣ, не рѣдко переходящей изъ біографическаго въ чисто агіографическій тонъ. Наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить простоту изложенія и отсутствіе претензій, которыя выгодно отличаютъ книгу г. Чешихина отъ вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, полной сомнительной мудрости работы о томъ же Грановскомъ г. Левшина. Г. Чешихинъ пишетъ, не мудрствуя лукаво и потому ничего не затемняетъ, это достоинство книги и достоинство не малое, если вспомнить опять ту же книгу г. Левшина, дающую неподготовленному читателю весьма своеобразное представленіе о Грановскомъ, но это качество труда г. Чешихина оставляетъ чувство значительной неудовлетворенности. Прекрасно владѣя матерьяломъ, г. Чешихинъ, строго говоря ничего и не даетъ, кромѣ хорошо подобраннаго и легко изложеннаго матеріала, освѣщеннаго почти исключительно съ точки зрѣнія симпатіи автора къ Грановскому, какъ дѣятелю и человѣку. Грановскій и его сверстники проходятъ передъ авторомъ, какъ передъ любознательнымъ поклонникомъ наблюдателемъ, а не какъ передъ историкомъ, который долженъ стремиться раскрыть причины разсматриваемыхъ явленій, разыскать тѣ соціальные процессы выразителями которыхъ являются данныя лица. Благодаря такому чисто наблюдательскому пріему работы, г. Чешихинъ проходитъ мимо очень любопытныхъ явленій, на которыхъ долженъ бы остановиться историкъ. Онъ даже слегка касается этихъ явленій, но, какъ бы не оцѣнивая ихъ значенія, говоритъ о нихъ лишь вскользь.

Такъ г. Чешихинъ затрагиваетъ вопросъ о разногласіи Грановскаго съ Герценомъ и указываетъ въ чемъ была суть этихъ разногласій. Друзья наиболѣе серьезно расходились по вопросу объ отношеніи къ соціализму

и буржуазіи. Отмѣтивъ этотъ фактъ, г. Чешихинъ не придаетъ повидимому ему значенія и проходитъ мимо него.

Между тѣмъ въ этомъ единичномъ фактѣ отражается весьма важный процессъ, совершавшійся тогда въ нашей интеллигенціи и всей жизни. Чувствовалось начало переустройства этой жизни. Интеллигенція по своему происхожденію главнымъ образомъ дворянская явно чувствовала, какъ почва изъ подъ ногъ уходитъ.

Рабовладѣльческое дворянство, какъ классъ, потерпѣвъ политическое пораженіе 14 декабря, дойдя до соціальнаго самоотрицанія въ формѣ сознанія невозможности крѣпостного права, становилось лицомъ къ лицу съ вопросомъ о будущей своей роли, и вопросъ этотъ разрѣшался различно. Всѣ стояли лицомъ къ лицу съ наступающей на нихъ буржуазіей, къ которой всѣ такъ или иначе относились отрицательно, но одни, болѣе пассивные, какъ Тургеневъ, преклонялись передъ исторической необходимостью (отсюда его пессимизмъ) и сливались съ наиболѣе близкими элементами европейской буржуазіи, другіе, обладавшіе большей долей, хотя можетъ быть, безсознательнаго классоваго самосохраненія, искали спасенія въ реакціонномъ съ соціальной точки зрѣнія, хотя не лишенномъ гуманности и просвѣщенности славянофильствѣ, этой своеобразной попыткѣ примирить непримиримое, ставящей своихъ адептовъ въ союзъ съ самыми противоположными силами; наконецъ, третьи, какъ Герценъ, гордо, черезъ голову долженствующей торжествовать буржуазіи, перекидываютъ мостъ отъ своей классовой дворянской позиціи прямо къ новому соціальному строю. Весьма характерно въ этомъ отношеніе положеніе, занятое интеллигентами не дворянами: Боткинъ, самъ человѣкъ изъ буржуазной среды, явно склоняется на сторону буржуазіи, разночинецъ Бѣлинскій послѣ ряда колебаній, склоняется къ соціализму, но въ отношеніи къ буржуазіи занимаетъ иное положеніе, чѣмъ дворяне: онъ относится къ ней болѣе примирительно, видя въ ней меньшее зло сравнительно съ дворянствомъ. Это отношеніе сказывалось и среди разночинской интеллигенціи 60-хъ годовъ. Каково было въ этомъ вопросѣ положеніе Грановскаго?

Книга г. Чешихина не даетъ намъ на это положительнаго отвѣта, и тому, кто заинтересовался бы этимъ важнымъ вопросомъ, выясняющимъ тѣ корни, изъ которыхъ выросла вся личность Грановскаго, должно было бы произвести самостоятельное изслѣдованіе.

Такимъ образомъ, такъ сказать, соціальная физіономія Грановскаго остается не выясненной. Значительно лучше выяснена физіономія Грановскаго, какъ историка, но и здѣсь авторъ даетъ мало своего и, если справляется съ задачей, то благодаря тому, что имѣетъ прекрасныхъ предшественниковъ въ лицѣ гг. Карѣева и Виноградова.

Недостаточно разработанными остаются и нѣкоторые важные факты біографіи Грановскаго. Такъ, напримѣръ, г. Чешихинъ касается нѣсколько

реакціонныхъ мѣстъ въ запискѣ Грановскаго о преподаваніи исторіи, и спѣшитъ пройти мимо этихъ мѣстъ, не анализируя ихъ источника. Такъ и остается неяснымъ, что же это—оказала-ли реакція извѣстное вліяніе на воззрѣнія Грановскаго, или заставила его приспособляться?

Вообще книга г. Чешихина носитъ опредѣленно повѣствовательный характеръ, и, если хорошее простое повѣствованіе лучше плохого претенціознаго изслѣдованія, то все же оно уже не можетъ удовлетворять современнаго читателя.

Н. Коробка.

Пр. А. Н. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой какъ художникъ. Изданіе 2-ое исправленное и дополненное. Спб. 1905 г.

Второе изданіе книги г. Овсянико-Куликовскаго является значительно дополненнымъ. Кромѣ семи главъ перваго изданія, въ него вошли три главы, напечатанныя раньше въ журналѣ „Жизнь", и двѣ главы вновь написанныя. Первыя семь главъ представляютъ собой рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ группамъ героевъ Толстого: такъ вторая глава разсматриваетъ типы, составляющіе, такъ сказать, художественную автобіографію Толстого (Н. Иртеньевъ, Нехлюдовъ, Оленинъ и Левинъ). Глава третья останавливается на типахъ, которые г. Овсянико-Куликовскій по методу ихъ созданія называетъ художественными „открытіями" Толстого. Это народные типы въ „Казакахъ" (Марьянка, дядя Ерошка, Лукашка, Нагарка). Съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдователь останавливается на типѣ дяди Ерошки, котораго онъ характеризуетъ какъ человѣка, „внутренно свободнаго, непосредственнаго самобытнаго философа, рѣшившаго для себя всѣ вопросы, какіе только возникали въ его умѣ". Слѣдующія двѣ главы (IV и V) посвящены двумъ типамъ, которые представляются автору спеціально національными великорусскими типами, носителями національной великорусской психики въ двухъ ея классовыхъ оттѣнкахъ;—эти типы: Платонъ Каратаевъ и Кутузовъ. Каратаевъ въ характеристикѣ Овсянико-Куликовскаго „вѣрный и яркій выразитель русской національной психологіи", главнѣйшими чертами которой, по мнѣнію автора, является „умѣренный фатализмъ" (умѣренный сравнительно съ азіатскимъ) и „неумѣренный оптимизмъ". Какъ Каратаевъ представляетъ собой „идеализированную русскую національную психику, взятую въ ея крестьянской разновидности, такъ Кутузовъ представляетъ собой другую разновидность этой же національной психики. Мы не можемъ дать подробнаго анализа этого построенія автора, который потребовалъ бы цѣлаго критическаго изслѣдованія, но не можемъ не отмѣтить, что эта часть работы возбуждаетъ

наибольшія сомнѣнія. Значительно болѣе твердо обоснованными являются выводы VI и VII о свѣтскихъ типахъ Льва Толстого: князѣ Андреѣ Болконскомъ и Пьерѣ Безуховѣ. Здѣсь, не говоря о глубокомъ анализѣ этихъ двухъ образовъ, какъ разныхъ психологическихъ типовъ, нельзя не отмѣтить мелькомъ брошенное, но очень интересное замѣчаніе о положеніи Андрея и Пьера, какъ представителей двухъ группъ, изъ которыхъ состояло тогда высшее дворянство. Старинная аристократія смѣшивалась тогда въ одинъ классъ съ представителями новой чиновной аристократіи, людьми „случая", прыгавшими „въ князья" „изъ хохловъ". Смѣшавшіеся эти двѣ группы сохранили однако нѣкоторую разницу въ своей психикѣ. Эта разница довольно рельефно замѣтна въ Пьерѣ и Андреѣ Болконскомъ. Главы, напечатанныя въ журналѣ „Жизнь", даютъ картину развитія той же великосвѣтской психологіи въ позднѣйшемъ произведеніи Л. Н. Толстого—„Аннѣ Карениной". Здѣсь эта великосвѣтская психологія уже растворяется въ буржуазно-бюрократической. Такіе чистые представители аристократіи, какъ Андрей Болконскій, уже не существуютъ. Наиболѣе частымъ аристократомъ является Вронскій. Стива Яблонскій разсматривается, какъ представитель разложенія аристократическаго психологическаго типа, Каренинъ—какъ характерный представитель буржуазно-бюрократическаго типа.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ, написанныхъ вновь, г. Овсянико-Куликовскій останавливается на душевной драмѣ Левина, автобіографическій характеръ которой онъ отмѣчалъ выше. Эта драма отразила собой переломъ въ душевномъ укладѣ самого Л. Н. Толстого. Процессъ исканія завершился въ немъ развитіемъ религіознаго міросозерцанія, которое повело за собой превращеніе Л. Н. Толстого въ проповѣдника моралиста. Такое превращеніе отразилось и на художественномъ мірѣ Л. Н. Толстого, который изъ „наблюдательнаго" превратился въ „экспериментальный", или, говоря болѣе простымъ, быть можетъ, болѣе вульгарнымъ языкомъ, Л. Н. Толстой перешелъ отъ простого изученія и воспроизведенія жизни къ творчеству болѣе тенденціозному, ставящему себѣ задачи моральной проповѣди. Такими художественными экспериментами г. Овсянико-Куликовскій считаетъ всѣ позднѣйшія произведенія: „Власть тьмы", „Смерть Ивана Ильича", „Крейцерову сонату", „Хозяина и работника" и „Воскресеніе".

Таково содержаніе книги г. Овсянико-Куликовскаго. Книга эта безспорно является одной изъ лучшихъ работъ о Толстомъ въ нашей литературѣ. Ей присущи обычныя достоинства г. Овсянико-Куликовскаго: вдумчивость, тщательность работы, недоступная огромному большинству писателей-журналистовъ, классовая точка зрѣнія, довольно настойчиво проводимая, хотя всегда въ несовсѣмъ удачной комбинаціи съ другими. Книгѣ присущи и обычные недостатки работъ пр. Овсянико-Куликовскаго: его пристрастіе къ „національной психологіи", которое, впрочемъ, здѣсь

менѣе портитъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ его работахъ (напр. въ работѣ о Гоголѣ), нѣсколько фельетонная форма изложенія и даже мышленія, не нужно затрудняющая читателя.

Н. Коробка.

Л. Сулержицкій. — Въ Америку съ духоборами. Изд. „Посредника", съ иллюстр., 1905, цѣна 1 р. 30 к.

Танъ.—Духоборы въ Канадѣ (очерки и разск., т. V), Изд. Н. Глаголева, цѣна—1 руб.

Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. Изд. Т-ва „Обществ. Польза", 1904. цѣн.—2 р.

Ольховскій.—Назарены въ Венгріи и Сербіи. Изд. „Посредника", 1905, ц. 30 к.

Поразительное за послѣднее время развитіе въ Россіи, такъ называемыхъ, раціоналистическихъ сектъ, развитіе внутреннее, въ глубь, и внѣшнее, въ ширь,—явленіе, имѣющее огромное значеніе. Къ сожалѣнію, русская печать, подробно освѣдомляющая насъ о томъ, что сказалъ Делькассэ, или что „заявилъ" русскій посолъ въ Вашингтонѣ, или о чемъ разговаривалъ Францъ-Іосифъ съ какимъ-нибудь генераломъ отъ политики, и о многихъ другихъ, столь же интересныхъ и важныхъ событіяхъ, совершенно умалчиваетъ объ огромныхъ народныхъ движеніяхъ, захватывающихъ собой милліоны людей. И едва ли причиной этому одни „независящія обстоятельства"... Въ европейской печати встрѣчается такихъ свѣдѣній больше, хотя тоже очень немного. Но и эти рѣдкія, отрывочныя извѣстія позволяютъ намъ установить фактъ, что глубокія религіозныя движенія массъ имѣютъ мѣсто не только въ глухихъ русскихъ деревняхъ, но и въ Сербіи, и въ Венгріи—какъ о томъ свидѣтельствуетъ очень интересная брошюра г. Ольховскаго о назаренахъ,—и въ нѣдрахъ темнаго для насъ мусульманства, и въ Америкѣ, и въ Японіи, и въ Австраліи,—вездѣ люди ищутъ свѣтлыхъ путей къ братскому сліянію на почвѣ единой всечеловѣческой религіи. Поэтому и можно смѣло сказать, что развитіе у насъ раціоналистическаго сектантства имѣетъ огромнѣйшее значеніе не только въ жизни русскаго народа, но и всего человѣчества, и всякая попытка пролить свѣтъ на эти движенія заслуживаетъ самого большого сочувствія и вниманія.

Поэтому нельзя достаточно горячо привѣтствовать появленіе книгъ подобныхъ тѣмъ, заглавія которыхъ выписаны выше.

Послѣ торжественнаго сожженія оружія и возврата правительству солдатскихъ билетовъ, изъ Карской области, гдѣ несмотря на очень тяжелыя условія, духоборы достигли значительнаго благосостоянія,—ихъ разселяли

по лихорадочнымъ долинамъ Тифлисской губ., по 2 — 3 семьи на аулъ. Какова была ихъ жизнь въ этихъ домахъ, среди чуждаго имъ населенія, языкъ котораго былъ совершенно непонятенъ имъ, безъ земли, безъ домовъ, при полномъ отсутствіи заработковъ и запрещенія передвиженія, трудно передать здѣсь. Достаточно сказать, что за 3 года такого существованія изъ 4.000 чел. здѣсь умерло почти 1.000 (Сулержицкій, стр. 5). Лѣтомъ 1897 г. духоборы подали прошеніе о выселеніи заграницу и въ началѣ 98 г. получили разрѣшеніе на это. Книга Сулержицкаго — отрывки изъ дневника автора, помогавшаго по предложенію Л. Н. Толстого, духоборамъ въ ихъ переселеніи, — и рисуетъ намъ исходъ 7.750 духоборовъ изъ ауловъ Грузіи за океанъ, рисуетъ просто и живо, а иногда и чрезвычайно трогательно (см. напр., сценку похоронъ въ морѣ умершаго въ дорогѣ ребенка). Тяжелое сказаніе автора обрывается съ началомъ 1900 г., когда „періодъ перваго устройства духоборовъ на новой землѣ можно было считать законченнымъ“.

Очерки Тана служатъ продолженіемъ этой интересной книги. Танъ засталъ духоборовъ, когда они уже сорганизовались въ одну огромную коммуну и когда цѣнность имущества ихъ, пріѣхавшихъ сюда безъ гроша, достигла— за какіе нибудь 5 лѣтъ!—*почти милліона рублей*. Надо думать, что въ очень скоромъ времени духоборы встанутъ на одинъ уровень съ менонитами, выселившимися въ Канаду изъ Россіи (ихъ теперь въ Канадѣ около 20.000) и считающимися богатѣйшей частью населенія страны. Ростъ благосостоянія духоборческой коммуны гарантируется, *во-первыхъ*, широкимъ обезпеченіемъ ихъ землей, которую канадское правительство отводитъ переселенцамъ на очень льготныхъ условіяхъ и по чрезвычайно низкой цѣнѣ: каждый желающій, достигшій 18-лѣтняго возраста, можетъ за плату въ *19 р. 40 к.* получить „гомстэдъ“, имѣющій, на нашъ счетъ, *59 десятинъ*. *Во вторыхъ* — самимъ характеромъ переселенцевъ. „Духоборы сами плотники, ткачи, кузнецы, портные, столяры и каменьщики. Они ничего не покупаютъ и, куда бы ни пришли, всюду они приносятъ съ собою все, что необходимо для созданія полной, зажиточной жизни“. (Сул., 6). Широко развитое начало взаимопомощи и упорный трудъ помогли имъ устроиться очень недурно даже въ тяжелыхъ условіяхъ Карской области, гдѣ они были поселены на высотѣ 6.000 фут. надъ ур. м., тѣмъ болѣе возможно это въ Канадѣ, о плодородіи которой Танъ разсказываетъ изумительныя вещи, говоритъ почти также, какъ нѣкогда говорили послы еврейскаго народа, возвратившіеся изъ земли обѣтованной. Кромѣ того, духоборы любятъ земледѣліе (Сул., 293), а трудъ любимый, не подневольный— великое дѣло. Кстати: какъ и все русское крестьянство, они считаютъ, что земля не можетъ быть предметомъ собственности, такъ какъ она Божья и, какъ свѣтъ и воздухъ, принадлежитъ всѣмъ или, точнѣе, тому,

кто ее обрабатываетъ своими руками: „земля не того, кто по ней бродитъ“—говоритъ народная пословица,—а того, кто по ней за сохой ходитъ“.

Въ третьихъ—и это едва ли не самое главное,—личность духобора совершенно свободна, развитію ея и дѣятельности ничто въ коммунѣ не препятствуетъ. „У насъ старшихъ нѣтъ, — говорятъ духоборы,—мы всѣ равны, потому мы считаемъ, что всѣ люди одинаковы. Во всѣхъ людяхъ Духъ Божій и никто не можетъ быть другому господинъ. Грѣхъ поэтому и подчиняться кому другому, кромѣ души своей“ (Сул., 131). Этотъ глубоко-анархическій принципъ неуклонно проводится ими въ жизнь. Государство со всѣми его учрежденіями и законами рѣшительно отвергается духоборами[1]) и въ этомъ они сходятся не только съ большинствомъ русскихъ сектантовъ - раціоналистовъ, но и со всѣми наиболѣе крупными представителями философскаго анархизма, каковы—не говоря о Л. Н. Толстомъ,—П. А. Крапоткинъ, Прудонъ, Годвинъ, Штирнеръ, Бакунинъ, Тэнкеръ (см. превосходную книгу „Eltzbacher'a Der Anarchismus“). По мнѣнію духоборовъ, все должно быть принесено въ жертву человѣческой личности, только одинъ нравственный законъ стоитъ надъ личностью, только ему одному обязанъ человѣкъ подчиняться.

Религіозное ученіе духоборсвъ чрезвычайно просто и ясно; въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ ненужныхъ и нелѣпыхъ мудрствованій, безплодной схоластики, мертвой буквы. Чрезвычайно характерную въ этомъ отношеніи сценку приводитъ Сулержицкій.

Къ одному изъ старцковъ-духоборовъ подошла изящно одѣтая дама, американка, и спросила его, что онъ думаетъ объ искупленіи.

— Барыня,—отвѣчалъ тотъ серьезно,—намъ это неизвѣстно. Мы объ этомъ мало думаемъ. Мы полагаемъ, что главное, что намъ передалъ Христосъ, это—завѣтъ братской любви, чтобы люди жили, какъ братья..

— Да, но вѣдь вы же знаете, что Онъ пострадалъ за насъ на крестѣ и этимъ искупилъ насъ навсегда?

— Хто е знаетъ! Я какось-то не разберу, какъ это „искупилъ...“ Все можетъ быть, но только мы объ этомъ неизвѣстны...—закончилъ онъ равнодушно (стр. 133—134).

Не большимъ, чѣмъ барыня, успѣхомъ пользовались у духоборовъ и налетѣвшіе на нихъ со всѣхъ сторонъ миссіонеры всевозможныхъ толковъ.

— Писаніе!—говорили духоборы.—Ты про чужое-то писаніе не расписывай, а говори отъ ума. У тебя что на плечахъ-то — голова или дыня? Кажи намъ, что у тебя есть подъ коркой... А то вотъ возьми

---

[1]) Хотя, конечно, они дѣлаютъ различіе между строемъ одного государства и другого, — такъ Канаду они оцѣнили по достоинству: „не говори: Канада, а говори: *такъ и надо*“, шутятъ духоборы.

лучше топоръ да дровъ наколи. Языкомъ-то всякій могетъ, а матушка ладонь весь міръ кормитъ (Танъ, 109—110).

Ту же участь потерпѣли и многіе интеллигенты, пріѣхавшіе въ Канаду просвѣщать духоборовъ.

Ясность ученія духоборовъ привлекаетъ къ нему многихъ,—такъ изъ книги Тана (51) мы впервые узнаемъ интересный фактъ, что на Кавказѣ ученіе это распространилось и среди армянъ, 500 семей которыхъ хотятъ послѣдовать за своими единовѣрцами въ Канаду.

Вліяніе Л. Н. Толстого, по словамъ Сулержицкаго и Тана, среди духоборовъ очень велико: „дѣдушку Толстова“ они называютъ „столпомъ, которымъ подперта вся духовная свобода“ (Т., 12).

Многіе изъ духоборовъ очень хорошо сознаютъ большое значеніе ихъ опыта устройства жизни на новыхъ началахъ. На замѣчаніе Тана, что такіе опыты бывали и раньше, но распадались, Гр. В. Веригинъ великолѣпно отвѣчалъ:

— Распадались! Такъ надо ихъ повторять, пока перестанутъ распадаться. Мы тоже попробуемъ,—можетъ, намъ лучше удастся...

А. И. Герценъ говоритъ, что съ изъятіемъ декабристовъ культурный уровень русскаго общества сильно упалъ. Мнѣ кажется, что и изъ этой коротенькой замѣтки ясно, что съ изъятіемъ духоборовъ сильно упалъ культурный—въ лучшемъ смыслѣ этого слова—уровень всего русскаго народа [1]).

Книга Пругавина говоритъ намъ, что духоборы явленіе далеко не исключительное въ Россіи,—религіозныя движенія наблюдаются въ народѣ вездѣ и всюду. Духоборы, сютаевцы, штундисты, венгерскіе назарены, персидскіе бабиты, раціоналисты-магометане, квакеры, молоканы, бѣлоризцы—все это явленія одной категоріи, или вѣрнѣе, только различныя степени пробужденія массъ отъ долгой, тысячелѣтней спячки.

Огромные по духовной мощи, чарующіе нравственной красотой фигуры цѣлаго ряда духоборовъ, выведенныхъ Сулержицкимъ и Таномъ, Сютаева, апостола Зосимы у Пругавина, ихъ страстная жажда проповѣди, ихъ готовность на всякое страданіе „за правду“,—все это до такой степени сильно, ярко, что только слѣпые могутъ не понять всей важности этихъ религіозныхъ движеній. И, когда вы прочтете въ брошюрѣ Ольховскаго сцену казни молодыхъ назаренъ или у Пругавина слѣдующія слова Сютаева: „я не страшусь! Вотъ скажите мнѣ: закопаемъ тебя въ яму живого—не устрашусь! Пусть гонятъ,—это и должно... Я жду, берите

---

[1]) Кстати: ходятъ упорные слухи, что между оставшимися въ Россіи духоборами (ихъ не одна тысяча) идетъ сильное броженіе и они, вѣроятно, должны будутъ послѣдовать за своими единовѣрцами. Нечего говорить, какой огромной утратой будетъ это для Россіи.

меня! Я страдать хочу!..“,—вы поймете, что нѣтъ силъ, которыя могли бы задавить эти движенія, что всякія репрессіи будутъ только способствовать ихъ развитію въ глубь и въ ширь, что и доказано блестяще опытомъ послѣднихъ лѣтъ...

Въ заключеніе еще разъ повторю: развитіе раціоналистическаго сектантства—явленіе огромнаго значенія и всякій мыслящій человѣкъ, желающій сознательно работать надъ улучшеніемъ жизни, *не можетъ* пройти мимо этого явленія, *долженъ* основательно познакомиться съ запросами огромныхъ народныхъ массъ, вылившимися въ этихъ глубокихъ религіозныхъ движеніяхъ...

Ив. Наживинъ.

„Педагогическая Библіотека“, подъ редакціею А. П. Нечаева. СПБ. Изданіе М. И. Пейкеръ. 1904.

Выпускъ I. Габріэль Компейре. Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Перев. Л. В. Степановой.

Выпускъ II. Габріэль Компейре. Песталоцци и элементарное воспитаніе. Перев. С. И. Виноградовой.

Выпускъ III. Педагогика и педологія.

Послѣ долгаго педагогическаго затишья наступила, наконецъ, пора нѣкотораго оживленія въ средѣ лицъ, причастныхъ дѣлу обученія и воспитанія юнаго поколѣнія. Ожили педагогическіе журналы, стали появляться въ печати внушительныя статьи и монографіи, и даже педагоги-чиновники заговорили о необходимости реформъ въ школахъ.

Вотъ въ это-то отрадное или, по крайней мѣрѣ, сносное время является въ печати изданіе подъ названіемъ „Педагогическая Библіотека“ подъ редакціей нашего русскаго психолога, г. Нечаева.

Темы всѣхъ трехъ выпусковъ симпатичныя. Теорія научнаго воспитанія Г. Спенсера и теорія элементарнаго воспитанія Песталоцци не потеряютъ цѣны на долгіе годы, современное же педологическое ученіе открываетъ новые горизонты юному поколѣнію педагоговъ.

Компейре старается обстоятельно ознакомить читателя съ теоріей воспитанія Спенсера.

Онъ начинаетъ съ утвержденія, что для того, чтобъ удачно написать книгу о воспитаніи, нѣтъ необходимости самому быть преподавателемъ и имѣть въ дѣлѣ преподаванія профессіональную опытность. Утвержденіе подобнаго рода, если и нельзя назвать прямо парадоксальнымъ, то едва ли и выдерживающимъ критику, и даже по отношенію къ Спенсеру, слабая сторона теоріи котораго и заключается именно въ томъ, что она недостаточно жизненна и не желаетъ считаться съ практикой. Авторъ, напа-

дая на нѣкоторыя положенія Спенсерова ученья, нападаетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ требованіямъ жизни, т. е. потому, что находитъ Спенсера слишкомъ теоретизирующимъ педагогомъ.

Намъ кажется вообще, что авторъ слишкомъ спѣшитъ со своими выводами, и потому оцѣнка его и по отношенію къ ученію Спенсера является въ значительной мѣрѣ несправедливою. Такъ, онъ приписываетъ Спенсеру слишкомъ утилитарныя стремленія въ воспитаніи ребенка и упрекаетъ его въ томъ, что ученикъ его „окажется напичканнымъ знаніями, приспособленными къ жизни утилитарной; что же касается нравственныхъ обязанностей“, то въ этомъ отношеніи онъ не найдетъ надлежащей подготовки. Намъ кажется, что Спенсеръ принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ, которые заботятся именно о гармоничномъ, всестороннемъ воспитаніи ребенка; если же въ немъ и видна тенденція сдѣлать изъ послѣдняго субъекта, болѣе годнаго къ жизни, то взглядъ этотъ раздѣляетъ въ настоящее время большинство педагоговъ, особенно въ новѣйшихъ реформныхъ школахъ.

„Воспитаніе Спенсера“, по мнѣнію автора, „вмѣщаетъ все самое существенное для выработки положительныхъ и практическихъ умовъ. Но чего никто не найдетъ ни на одной страницѣ книги, это заботы о развитіи чувства и сердечныхъ склонностей“.

Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ, угадать трудно. Спенсеръ обстоятельно говоритъ объ эстетическомъ воспитаніи, говоритъ весьма достаточно о воспитаніи религіозномъ; онъ говоритъ даже, что наука и религія суть родныя, неразъединимыя сестры. Правда, онъ не сторонникъ французской системы enseignement moral et civique, проводимой въ четырехъ стѣнахъ класса и, можетъ-быть, имѣемой въ виду авторомъ, но за то его отнюдь нельзя прямо обвинить въ томъ, что онъ не заботится о развитіи въ дѣтяхъ чувства и сердечныхъ склонностей. Эти послѣднія, собственно говоря, вѣдь и не нуждаются въ спеціальномъ культивированіи, если разумно вести умственное и тѣлесное воспитаніе.

Далѣе, авторъ говоритъ: „Если среди ложныхъ взглядовъ Спенсера и чувствуется духъ истины, то нельзя не признать, что онъ сильно затемняется софистическими преувеличеніями“. Такъ, напримѣръ, у Спенсера, по мнѣнію автора, литература и искусство низводятся до роли забавы. Это совсѣмъ не софистическое преувеличеніе. Спенсеръ относитъ ихъ не къ наукамъ, это вѣрно, но онъ не отказываетъ имъ въ воспитующемъ и морализирующемъ вліяніи на юношей.

„Мѣстами Спенсеръ, забывая о краткости человѣческой жизни, а слѣдовательно и ученія, бываетъ иногда склоненъ потребовать отъ своего ученика сверхчеловѣческаго усилія, которое дало бы ему возможность вмѣстить въ себѣ всѣ знанія во всей ихъ совокупности“. Это утвержденіе автора рѣшительно ни на чемъ не основано. Самъ Спенсеръ, первый

насмѣхается надъ дѣйствующими програмами и приводитъ примѣры крайняго обремененія учащихся учебными занятіями.

Нападки автора какъ будто бы говорятъ за то, что онъ не любитъ Спенсера, сердится на него, ревнуетъ его, словомъ, относится къ нему не столько интеллектуально, сколько эмоціонально.

Противъ основъ тѣлеснаго воспитанія по системѣ Спенсера авторъ, повидимому, не возражаетъ; что же касается нравственнаго воспитанія, что касается предлагаемой Спенсеромъ дисциплины, основанной на предостереженіи человѣка самою природою, то, по мнѣнію автора, она не выдерживаетъ критики, такъ какъ несправедлива, груба и жестока по отношенію къ слабымъ. Но, что болѣе всего роняетъ эту дисциплину, прибавляетъ авторъ,—это то, что она совершенно забываетъ о нравственномъ началѣ.

Кто же мѣшаетъ, наряду съ мѣрами естественнаго воздѣйствія, примѣнять и мѣры чисто-нравственнаго воздѣйствія. Развѣ противъ этого что-либо имѣетъ Спенсеръ? И развѣ самъ авторъ можетъ фактически доказать полную непригодность системы естественнаго воздѣйствія? Авторъ, впрочемъ, соглашается, что система можетъ оказаться полезной, но только тогда, если ее дополнить наградами, а, во-вторыхъ, обращаться къ сердечнымъ чувствамъ ребенка, а также къ его нравственному сознанію, къ его совѣсти и т д., т. е. если примѣнять тѣ средства, къ которымъ недовѣрчиво относятся всѣ современные педагоги!

Дальнѣйшіе упреки автора можно признать, пожалуй, и справедливыми. Онъ обвиняетъ Спенсера, что тотъ заботится только о воспитаніи джентльмена (подобно Локку), что народному образованію совсѣмъ не отводитъ мѣста и что въ области воспитанія у него новыхъ идей вообще весьма мало.

Въ заключеніе слѣдуетъ родъ панегирика: „Никто такъ не заслуживаетъ репутаціи научнаго и философскаго ума, какъ Спенсеръ. Хотя онъ, повидимому, и склоняется въ сторону профессіональнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе онъ не приверженецъ спеціальной, узкой науки. Онъ стремится къ всеобъемлющему знанію, т. е. къ философіи, представляющей „объединенное знаніе“.

Къ Песталоцци относится Компейрэ гораздо мягче и снисходительнѣе, чѣмъ къ Спенсеру, хотя составить понятіе о характерѣ и дѣятельности знаменитаго швейцарскаго педагога, по описанію автора, нельзя сказать, чтобъ было легко.

„Надо построить нашу хижину“, говоритъ Песталоцци, „подальше отъ этого разсадника порока (Цюриха)... Въ деревнѣ при встрѣчѣ съ ребенкомъ, обнаружившимъ прекрасную душу, но не имѣющимъ хлѣба, я возьму его за руку и сдѣлаю изъ него добраго гражданина“. „Я самъ жилъ какъ нищій, уча нищихъ жить людьми“.

Одною изъ основныхъ идей педагогіи Песталоцци была ассоціація ручного труда и элементарнаго образованія. Школа безъ мастерской, школа, не дающая одновременно возможности научиться зарабатывать кусокъ хлѣба, казалась ему нелѣпостью. Было время (1780—1798), когда онъ особенно нуждался, но еще сильнѣе страдалъ онъ отъ сознанія своей безпомощности, крушенія надеждъ и перерыва дѣятельности. Онъ не находилъ утѣшенія и у сосѣдей, ему не симпатизировавшихъ. А между тѣмъ, въ тѣ-же печальные дни, французское законодательное собраніе наградило его званіемъ французскаго гражданина (26 авг. 1792), привѣтствуя словами: „люди, служащіе своими произведеніями и своимъ мужествомъ на пользу свободы и освобожденія умовъ, не могутъ считаться чужими во Франціи".

Дестю-де-Траси, въ письмѣ къ Мэнъ-де-Вирану (1807), говорилъ: „методъ Песталоцци, о которомъ столько говорятъ, еще не достаточно разъясненъ въ умѣ самого автора". „Его теоріи соотвѣтствовали его опытамъ", пишетъ Штейнмюллеръ въ 1808 г., „а такъ какъ онъ производилъ опыты всю свою жизнь, то и теорія его мѣнялись". Одинъ изъ бывшихъ учениковъ Песталоцци, историкъ Вильманъ разсказывалъ: „То, что называли методомъ Песталоцци, являлось для насъ загадкой такъ-же, какъ и для преподавателей... Всѣ ученики Песталоцци кончили тѣмъ, что объявили, будто онъ самъ себя не понимаетъ".

Не много видно утѣшительнаго въ этихъ разсказахъ.

Господствующая идея П. была идея наглядности, т. е. та идея, какую проводили и Коменскій, и Базедовъ. „Не повергайте ребенка въ лабиринтъ словъ"—таковы его слова: „но дайте сформироваться его уму посредствомъ ознакомленія съ дѣйствительностью".

Спенсеръ сказалъ: Песталоцци былъ умомъ частичныхъ наглядностей.

Песталоцци работалъ главнымъ образомъ для того, чтобы осуществить свою завѣтную мечту: воспитаніе ребенка матерью. Онъ охотно согласился-бы на упраздненіе начальной школы, чтобы замѣнить ее „комнатой въ семьѣ", гдѣ внимательная и нѣжная мать, работница, крестьянка или представительница буржуазіи, безразлично, — вооруженная „Руководствомъ", сама воспитывала-бы своихъ сыновей и дочерей".

Песталоцци началъ дѣло начальной, народной школы, открытой для всѣхъ дѣтей, независимой отъ церкви. Онъ является однимъ изъ первыхъ свѣтскихъ преподавателей. Въ послѣднихъ частяхъ „Леонарда и Гертруды" онъ дерзко подчиняетъ пастора школьному учителю. И въ поясненіе говоритъ, что одни міряне способны подготовить людей для семейной и общественной жизни".

„Не будьте къ нему суровы за то, что онъ не съумѣлъ точно опредѣлить своего метода. Онъ самъ былъ методомъ со всею своею живостью, со всѣмъ своимъ неутомимымъ энтузіазмомъ. Онъ останется „единственнымъ", какъ говорилъ его другъ, Лафатеръ".

Книжку свою Компейре заканчиваетъ такъ: „Песталоцци воскликнулъ однажды: Да, природа прекрасна, но есть болѣе прекрасное, чѣмъ природа и ея земное великолѣпіе, это—человѣческое сердце... Да, скажемъ мы,—если это сердце Песталоцци“.

Чтобы учить ребенка, надо не только имѣть знанія, но надо любить ребенка. Песталоцци именно любилъ дѣтей: и въ этомъ его великая, неоцѣненная заслуга...

III выпускъ Библіотеки, подъ заглавіемъ „Педагогика и педологія“, содержитъ нѣсколько самостоятельныхъ статей. Въ „Введеніи“ и въ статьѣ объ „основателѣ педологіи Стэнли Холлѣ и его научной дѣятельности“ А. П. Нечаевъ знакомитъ съ біографіей этого ученаго и сообщаетъ, что въ настоящее время въ Америкѣ во всѣхъ университетахъ читаются курсы педологіи, и все общество охвачено стремленіемъ содѣйствовать педологическимъ изслѣдованіямъ и принимать въ нихъ участіе. Въ Европѣ дѣло это обстоитъ иначе, хотя и подвигается нѣсколько медленно. „Изслѣдованіе дѣтей“, говоритъ г. Нечаевъ, „претерпѣло до сихъ поръ массу тяжелыхъ и злостныхъ нападокъ, но не встрѣтило ни одной (!) компетентной критики“. Странно слышать подобное утвержденіе, когда о педологіи не только русскіе люди, но и европейцы узнали впервые изъ рукъ нѣмцевъ, французовъ, но не американцевъ, и большею частью въ сочувственномъ къ дѣлу тонѣ, не говоря уже о томъ, что идеи педологіи (когда не было еще термина „педологія“) проводимы были въ Европѣ десятками лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ Америкѣ, и что самъ С. Холлъ основы своего ученія заимствовалъ въ Германіи.

Теперь, во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, для научной педагогики дѣло стоитъ такъ, что ей надо „или усвоить себѣ успѣхи и результаты экспериментальнаго изслѣдованія психологическихъ проблемъ, или же отказаться отъ названія науки и даже отъ названія научнаго толкованія практическихъ данныхъ“ (Мейманъ).

Въ статьѣ „Возникновеніе и цѣли экспериментальной педагогики“, авторъ, проф. Мейманъ знакомитъ съ этой новой областью изслѣдованій. Основанію ея способствовали, по его мнѣнію, четыре группы научныхъ изслѣдованій: 1) стремленіе создать гигіену умственной работы ученика; 2) стараніе психіатровъ найти научно-правильное, діагностическое изслѣдованіе слабоумныхъ, умственно отсталыхъ и душевно больныхъ дѣтей; 3) работы по самой экспериментальной психологіи, и 4) стремленіе учителей-практиковъ производить психологически-педагогическіе опыты надъ школьной работой, т. е. организовать всю учебную часть на чисто психологической основѣ при спеціальномъ пользованіи результатами экспериментальной психологіи.

Остановимся на гигіенѣ умственной работы или, точнѣе, на вопросѣ объ умственномъ утомленіи, т. е. на томъ „явленіи, которое имѣетъ наиболѣе практическія послѣдствія“.

Утомленіе толкуется авторомъ очень неясно. На вопросъ, заданный имъ самимъ, „существуетъ-ли прогрессирующее или даже непроходящее утомленіе?“ онъ отвѣчаетъ: „Такъ, напримѣръ, Крепелинъ утверждаетъ, что большая часть учениковъ находится въ теченіе школьнаго дня въ постоянномъ наркозѣ утомленія; высказываютъ даже предположеніе, что нѣкоторые ученики живутъ въ теченіе цѣлаго школьнаго семестра въ постоянно увеличивающемся утомленіи...“ Самъ же авторъ, не рѣшивъ ничего, вдругъ отвѣчаетъ: „Для изслѣдованія такихъ вопросовъ можно опредѣлить посредствомъ измѣренія *степени* утомленія“. Что тутъ пойметъ читатель касательно утомленія, мы не знаемъ.

„Физическая работа, исполняемая въ состояніи умственнаго утомленія, не даетъ отдыха, но увеличиваетъ утомленіе“. Это мнѣніе проф. Моссо авторъ выдаетъ за нѣчто рѣшенное и неопровержимое, между тѣмъ какъ оно далеко не выдерживаетъ строгой критики (Цандеръ, Ф. Шмидтъ).

При изслѣдованіи на утомленіе, по Мейману, должно имѣть въ виду, что „всякая умственная работа подчинена вліянію навыка, привычки, умѣнія приспособить вниманіе къ роду занятій, равномѣрности сосредоточенія, пріятности, которую представляетъ сама работа, усилія, посредствомъ котораго испытуемый борется съ дѣйствіемъ утомленія..“ и т. д. Авторъ говоритъ, что для опредѣленія психическихъ свойствъ ученика Крепелинъ считалъ существеннымъ обращать вниманіе на индивидуальность, а нѣкоторые гербартіанцы (Циллеръ, Стой) пользовались характеристиками учащихся, однако „всѣ эти стремленія не имѣли какихъ бы то ни было важныхъ послѣдствій ни для выработки теоретическаго пониманія дѣтской индивидуальности, ни для практическихъ пріемовъ индивидуальнаго воспитанія“.

Какъ же, спрашивается, не будучи знакомымъ съ индивидуальностью учащихся, предпринимать какія бы ни было изслѣдованія ихъ умственнаго труда, какой-бы ни было ихъ дѣятельности? Намъ кажется, что безъ дозволенія педагоговъ и школьныхъ гигіенистовъ нельзя допускать никакихъ экспериментовъ въ школѣ: г.г. педологи обязаны считаться съ требованіями этихъ спеціалистовъ. Что же говорятъ послѣдніе? Педагоги увѣряютъ, что опыты педологовъ совершенно не отвѣчаютъ обычному школьному преподаванію, и что задачи ихъ отличаются значительнымъ однообразіемъ и длительностью (Г. Шиллеръ), а школьные гигіенисты утверждаютъ, что учащіеся представляютъ такой разнохарактерный матеріалъ, что ко всякому изслѣдованію его слѣдуетъ относиться съ величайшею осторожностью. Какъ изслѣдовать умственное состояніе учащагося, когда не знаешь его тѣлосложенія, темперамента, его санитарнаго состоянія? Кому не извѣстно, какъ неодинаковъ бываетъ составъ классовъ; какъ одинъ, напримѣръ, составъ дорогъ, другой ненавистенъ учителямъ! А школьный гигіенистъ, со своей стороны, наблюдаетъ, что, помимо разнообразія въ тѣлосложеніи,

темпераментѣ и характерѣ учащихся, замѣчаются рѣзкія особенности въ здоровьѣ ихъ и болѣзненности. Если извѣстною долею ученики нервны (невропаты, психопаты), если въ числѣ ихъ есть онанисты, курильщики, субъекты индолентные, развинченные и т. д., то отношеніе такого состава въ умственныхъ занятіяхъ будетъ совсѣмъ не то, что у дѣтей нормальныхъ, здоровыхъ. Мало того. Наличность въ классѣ извѣстнаго числа учениковъ, не спавшихъ ночь, голодныхъ, озябшихъ, нравственно разстроенныхъ и т. д. замѣчательно вліяетъ на работоспособность класса. Современные учащіеся на треть, на половину, а то и болѣе отличаются тѣми или другими изъ вышеозначенныхъ пороковъ или недостатковъ. Однимъ словомъ, если желательно производить педологическія изслѣдованія надъ учащимися, то повидимому, только при посредствѣ самихъ преподавателей и въ крайнемъ случаѣ школьныхъ врачей, т. е. людей своихъ, близкихъ, къ которымъ дѣти привыкли, которыхъ они любятъ и уважаютъ, съ которыми сроднились, сжились. Педологи же являются лицами посторонними для учащихся, нарушающими обычное теченіе школьной жизни, нарушающими душевное настроеніе дѣтей, да и умственную ихъ дѣятельность, слѣдовательно и результаты педологическихъ изслѣдованій должны быть недостаточно правильными, не строго-научными.

Самъ Мейманъ говоритъ, что „только будущее можетъ показать, удастся ли разрѣшить вопросъ и устроить опыты такъ, чтобы они по возможности были приспособлены къ пріемамъ ученика и учителя во время урока, не теряя, однако, точности метода". „Не ожидайте отъ примѣненія экспериментальныхъ методовъ сразу реформы педагогики. Чѣмъ глубже это нововведеніе должно проникнуть въ педагогику, тѣмъ медленнѣе оно должно совершаться". Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ не предоставить-ли все дѣло педологіи не особымъ, самостоятельнымъ спеціалистамъ, а прямо учителямъ или гигіенистамъ, имѣющимъ къ учащимся непосредственное, постоянное отношеніе и могущимъ пользоваться учениками, какъ и когда угодно, для педологическихъ цѣлей. Не союзъ учителя и психолога поможетъ дѣлу педологіи, а выработка въ самихъ учителяхъ психологовъ и педологовъ, которые и внесутъ въ школу новые методы наблюденій и изслѣдованій надъ тѣлесною, умственною и нравственною природою учащихся и посодѣйствуютъ тѣмъ самымъ прочному установленію экспериментальной дидактики и, вообще, раціональному, современно-научному воспитанію юнаго поколѣнія.

Въ III выпускѣ имѣются еще двѣ, болѣе или менѣе извѣстныя уже статьи: „Открытіе Педологическаго Отдѣла при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній", г. Доброписцева и „Педологическіе курсы".

Въ скоромъ времени появится въ печати и IV выпускъ „Педагогической Библіотеки“: переводъ монографіи Гроса „Душевная жизнь ребенка“.

Остается лишь пожелать редакціи и издателю „Педагогической Библіотеки“ полнаго успѣха предпріятія на пользу воспитанія нашихъ дѣтей.

А. Вирениусъ.

К. Елпатьевскій. Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 2-ое изданіе (,) дополненное новыми статьями, объяснительнымъ словаремъ и подстрочными примѣчаніями. СПБ. 1904. Стр. VIII—432. Цѣна 1 руб.

Достоинства книги г. Елпатьевскаго замѣчены и признаны: въ 1-мъ изданіи она одобрена Уч. Комитетомъ Мин. Нар. Просв., Главн. Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и Уч. Комитетомъ при Св. Синодѣ; въ короткое время она выходитъ вторымъ изданіемъ. Поэтому мы, не говоря о положительныхъ сторонахъ названной книги, обратимся къ такимъ ея сторонамъ, которыя вызываютъ критическія замѣчанія.

Авторъ не колебался въ выборѣ между первостатейными писателями, которые не всегда доступны для пониманія учащихся младшаго возраста, и второстепенными малоизвѣстными компиляторами, которые писали прямо для дѣтей или для народа. Его хрестоматія состоитъ почти исключительно изъ статей второстепенныхъ авторовъ. Такъ въ ней мы находимъ имена: Алексѣевъ, Адамовъ, Борзаковскій, Желобовскій, Павловъ, Мельгуновъ, Павловъ, Петровъ, Роговъ, Турцевичъ и др. тому подобныя, но вовсе не находимъ именъ Карамзина, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Забѣлина; изъ Соловьева взята всего-навсего одна статейка. Между тѣмъ у всѣхъ названныхъ авторовъ найдется очень немало матеріала, доступнаго для чтенія дѣтямъ въ возрастѣ отъ 12 до 14—15 лѣтъ (таковъ именно возрастъ учениковъ 3-го класса гимназій и реальныхъ училищъ, изучающихъ русскую исторію). Нѣкоторые отрывки изъ Исторіи Карамзина (напр., о Куликовской битвѣ, о митр. Филиппѣ) вошли во множество хрестоматій по русскому языку, очеркъ домашней боярской жизни Костомарова вставленъ въ учебникъ русской исторіи Рождественскаго. Бестужевъ Рюминъ написалъ цѣлую серію общедоступныхъ разсказовъ по древней русской исторіи, Соловьевъ далъ переводъ русской лѣтописи и составилъ общедоступныя чтенія о Петрѣ Великомъ и т. п. Эти авторы и произведенія и по научному достоинству, и по прекрасному изложенію не могутъ быть забыты въ историческихъ хрестоматіяхъ, и г. Елпатьевскій не украсилъ своей книги статьями нашихъ лучшихъ источниковъ къ большому

ущербу для нея. Помѣстилъ же онъ въ своей хрестоматіи статью Погодина о Петрѣ В. (стр. 309), которая ничуть не легче для пониманія учащагося, чѣмъ многія мѣста въ сочиненіяхъ Карамзина, Соловьева, Костомарова. Необходимо имѣть въ виду и то, что нѣкоторые серьезные читатели могутъ интересоваться русской исторіей. Къ чему же имъ перейти послѣ книги г. Елпатьевскаго? Неужели мальчику 14—15 лѣтъ читать книгу г. Грекова „Посѣвы“ или какія-нибудь „Народныя чтенія“, которыя, намъ кажется, могутъ принести нѣкоторую пользу только ученику начальной школы.

Разумѣется мы не высказываемъ такой мысли: если авторы не извѣстны, то и статьи слабы. Напротивъ: статья, напр., малоизвѣстнаго автора, г. Мельгунова: „Начало Москвы“ отличается дѣльнымъ содержаніемъ и отличнымъ изложеніемъ; весьма недурна статейка г. Козлова: „Лже-Димитрій I“; очень просто и толково изложены статьи г. Борзаковскаго о Екатеринѣ II (напрасно только сказано, что императрица въ своихъ сочиненіяхъ „больше всего говоритъ о воспитаніи дѣтей“ (стр. 334) и т. п. Но во всякомъ случаѣ, у авторовъ не выдающихся, изъ статей которыхъ составлена книга г. Елпатьевскаго, легко найти много недостатковъ въ языкѣ, стилѣ, немало промаховъ въ сужденіяхъ, иногда встрѣтится фальшивывый тонъ въ изложеніи, неправильная окраска лицъ и событій и т. п. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ статьѣ № 19 г. Алексѣевъ съ такими произвольными измѣненіями передаетъ простой и ясный лѣтописный разсказъ о Владимірѣ и дружинѣ, пожелавшей ѣсть серебряными ложками: „Серебромъ и золотомъ не найду я *храброй* дружины, *часто говаривалъ* Владиміръ“.. Говоря объ исцѣленіи Ильи Муромца, г. Алексѣевъ употребляетъ вульгарное выраженіе: всталъ словно „встрепаный“, которое тѣмъ болѣе не умѣстно, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ данной былины нищіе, исцѣляющіе Илью, называются святыми. Въ статьѣ № 31 тотъ же авторъ долженъ бы былъ сказать не „*Передвижка* князей шла къ Кіеву“, но: „передвиженіе“ и никакъ не долженъ былъ приписывать князьямъ старшимъ и младшимъ *обыкновенія* съѣзжаться для совѣщаній о дѣлахъ и рѣшенія ихъ съ общаго согласія. Въ статьѣ г. Петрова: „Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова“ приводятся большія подробности погибели Сусанина: его мысли, патріотическая рѣчь (не ошибается ли авторъ, думая, что патріотическіе подвиги непремѣнно соединяются съ патріотическими рѣчами? И то и другое можетъ являться отдѣльно), черты мѣстности, въ которую онъ завелъ поляковъ, подробности его убійства (стр. 232), а въ заключеніе говорится, что и сами злодѣи погибли въ густыхъ лѣсахъ, въ которые были заведены. У читателя поневолѣ явится вопросъ: откуда же получились приведенныя свѣдѣнія? Въ другой статьѣ того же г. Петрова Анна Іоанновна „со слезами на глазахъ“ подписываетъ „многочисленные

смертные приговоры (?), составленные Бирономъ" (стр. 314) и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ то образомъ вѣритъ „въ благоденствіе Россіи подъ его правленіемъ".

То, что сказано нами объ историческихъ статьяхъ, приходится повторить и о поэтическихъ: г. Елпатьевскій даетъ слишкомъ много мѣста посредственнымъ авторамъ. Наша литература имѣетъ замѣчательныя историческія повѣсти и романы Пушкина, Л. Толстого, А. Толстого, но изъ нихъ не взято ничего: есть только отрывки изъ Загоскина и Лажечникова. Изъ Пушкина взято 10 стихотвореній; столько же изъ Навроцкаго; изъ Розенгейма даже еще больше: 11. Знанію русскаго языка и пониманію исторіи два послѣдніе поэта не могутъ много содѣйствовать; поэтому гораздо лучше бы было ими воспользоваться болѣе умѣренно. Они даютъ иногда невѣрныя историческія понятія. Напр., г. Навроцкій, вопреки всѣмъ даннымъ исторіи, говоритъ, что „власть посадника была сильна, грозна". Это можно сказать развѣ только о власти московскихъ князей эпохи усиленія Москвы. Стихи Розенгейма иной разъ не удовлетворяютъ даже такому необходимому требованію, какъ нѣкоторая послѣдовательность мысли. Такъ въ началѣ стихотворенія на 6 апрѣля 1885 года онъ разражается противъ латинства, а въ концѣ—неискренно или наивно—заявляетъ, что „мы нетерпимости не знаемъ исповѣдной"... Не особенно хорошо подобраны и другіе стихи. Укажемъ для примѣра, что въ стих. Бутовскаго: „Начало Руси" Гостомыслъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы онъ начитался патріотическихъ статей 30—40-хъ годовъ XIX вѣка; что на стр. 383 совсѣмъ напрасно приведена не эстетичная и не воспитательная „Пѣснь русскаго ратника (1853 г.)" кн. Вяземскаго, въ которой находятся такіе стихи: „Твой булатъ, наслѣдство дѣдовъ, кровью крымцевъ, кровью шведовъ распотѣшился въ бою, жаждетъ онъ опохмелиться, кровью свѣжей вновь упиться, очистить ржавчину свою". Въ пылу патріотическаго одушевленія пишутся иной разъ такія вещи, которыя нужно забывать для славы писавшихъ и для пользы читающихъ. Не бѣда, если бы написанное было только грубо: худо, что это грубѣйшая психологическая и историческая неправда. Русскій народъ, кажется, никогда не обнаруживалъ такой дикой кровожадности; тѣмъ болѣе не показывали ее лучшіе наши представители на войнѣ. Для великаго побѣдителя шведовъ его враги были „господа шведы", „учители" въ военномъ искусствѣ, для Суворова „солдатъ былъ христіаниnъ, а не разбойникъ".

Вообще авторъ хрестоматіи почему-то не избѣгаетъ тяжелыхъ, кровавыхъ сценъ. Такъ изъ „Тараса Бульбы" онъ не беретъ поэтическое описаніе жизни въ Запорожской Сѣчи или сраженій подъ Дубномъ, но „Казнь Остапа и смерть Тараса Бульбы", гдѣ ужъ во всякомъ случаѣ нужно было пропустить то мѣсто, въ которомъ разсказывается, какъ

расправлялись казаки Тараса съ „бѣлогрудыми" паненками, какъ поднимали младенцевъ на копья и бросали ихъ въ огонь.

Не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, помѣщать въ хрестоматіи и такихъ стихотвореній, которыя, несмотря на горячо выраженное въ нихъ патріотическое чувство, или темны, или имѣютъ мало отношенія къ исторіи. Такъ, напр., и 15-лѣтнему мальчику будутъ совершенно непонятны нѣкоторыя мѣста въ стихотвореніи Аксакова „Къ Россіи" (385 стр.), если даже исправить несомнѣнныя опечатки въ немъ. Можно высоко цѣнить патріотическое одушевленіе И. Аксакова или Хомякова и не заставлять дѣтей читать ихъ патріотическіе стихи, потому что для пониманія ихъ требуется слишкомъ большое знаніе русской и европейской исторической жизни, языка и литературы. Еще болѣе неумѣстнымъ мы считаемъ не только въ хрестоматіяхъ, но и вообще въ школахъ, всякаго рода стихотворенія, въ которыхъ есть апологическій элементъ. Читая стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи" (стр. 375), мы должны его объяснять, и при этомъ, обращаясь къ мысли и чувству учащихся, мы собственно отдаемъ Россію на судъ и оправданіе школьниковъ, что нужно признать цѣломъ крайне неподходящимъ для нихъ по возрасту и развитію. Наконецъ мы не совсѣмъ понимаемъ, какое отношеніе къ исторіи имѣютъ стихотворенія „Югъ и Сѣверъ" Никитина, „Русское сказочное царство" Пушкина или отрывокъ „Русь" Гоголя. Для характеристики русской равнины въ началѣ ея исторіи стихотвореніе. Никитина не годится, потому что онъ описываетъ сѣверную часть равнины теперь; напр., указываетъ въ ней „просторъ степей", чего въ древности не было. Между тѣмъ это стихотвореніе помѣщено въ самомъ началѣ, на 2-ой стр. „У лукоморья дубъ зеленый" Пушкина имѣетъ всѣ права на помѣщеніе въ хрестоматію по русскому языку, но имѣетъ очень мало основаній быть въ исторической хрестоматіи, потому что дѣйствіе всякихъ сказокъ происходитъ внѣ историческихъ или географическихъ условій „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ". „Русь" Гоголя нельзя отнести ни къ историческимъ событіямъ, ни къ историческимъ идеямъ: это поэтичное выраженіе страстной любви къ родинѣ, которая выходила никакъ не изъ знакомства съ исторіей. Въ подобныхъ случаяхъ г. Елпатьевскій смѣшиваетъ патріотизмъ съ историческимъ знаніемъ, тогда какъ можно быть отличнымъ патріотомъ и почти не знать исторіи своей земли.

Лучше было бы ввести въ хрестоматію, вмѣсто непонятныхъ стихотвореній, подходящіе прозаическіе отрывки изъ многочисленныхъ нашихъ мемуаровъ; полезно было бы помѣстить нѣсколько историческихъ пословицъ, которыя извѣстны съ самаго начала русской исторіи до XIX вѣка („Бѣда аки въ Роднѣ", „Голодный французъ и воронѣ радъ") и т. п.

Существеннымъ недостаткомъ хрестоматіи г. Елпатьевскаго мы считаемъ то, что въ ней нѣтъ статей, изъ которыхъ мы могли бы познакомиться

съ исторіей быта, просвѣщенія, государственныхъ учрежденій, съ географической и исторической обстановкой, въ которыхъ происходятъ событія и т. п. Даже въ маленькомъ учебникѣ Рождественскаго о Сперанскомъ и его дѣятельности сказано больше, чѣмъ въ хрестоматіи Елпатьевскаго...

Словарикъ, приложенный къ книгѣ, далеко не полонъ. Напр., не объяснены слова: козни (стр. 383), скопы (тамъ же), кичиться (384 с.), чреватый (14 стр.) и мн. др. Не объяснены такія слова, которыя необходимо знать при чтеніи историческихъ статей: воръ (Тушинскій воръ, стр. 208) опальный (230 с.). Въ хрестоматіи г. Елпатьевскаго и сами авторы статей не всегда понимаютъ слова древняго языка. Такъ въ статьѣ о крещеніи Руси говорится, что Владиміръ велѣлъ объявить по всему городу, что кто не придетъ креститься, „тотъ не любъ будетъ князю" (34 стр.). Эта фраза и дальнѣйшія поясненія показываютъ, что авторъ статьи не понималъ слова: „противенъ", которое стоитъ въ лѣтописи: оно совсѣмъ не имѣетъ такого значенія, какъ теперь (не любъ, непріятенъ, отвратителенъ), но значитъ: противникъ, врагъ.—Нѣкоторыя слова объяснены не вполнѣ удовлетворительно, напр., схима, баянъ, лукоморье. Слово „лузь" помѣщено въ словарикъ по недоразумѣнію: „въ лузяхъ" (стр. 359) произошло изъ сл. „лугъ"; именительный падежъ „лузь" для объясненія формы „въ лузяхъ" также не нуженъ, какъ не нужны слова „Божъ", или „друзь" для объясненія словъ „Боже", „друзья".

В. Чернышевъ.

„Школьная библіотека", подъ редакціей Вл. Львова. Москва. **„Общедоступная библіотечка"** подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва.

Школьная библіотека—совсѣмъ еще молодое издательство, возникшее за послѣдній годъ въ общей волнѣ подъема интереса къ читателю изъ народа, предъявляющаго свои требованія на дешевую и доступную ему литературу. Впрочемъ, школьная библіотека, какъ говоритъ и само заглавіе ея, больше приспособлена къ чтенію для дѣтей школьнаго возраста, хотя впрочемъ, брошюры по естествознанію, какъ напримѣръ „падающія звѣзды и кометы", равно интересны и взрослому читателю, незнакомому съ излагаемыми вопросами. Большая часть брошюръ по естествознанію составлена самимъ редакторомъ и притомъ очень просто и толково. Лучше составлены имъ брошюры изъ жизни животныхъ и о пушномъ промыслѣ. Жизнь лѣсовъ изображена у него, какъ живая; видно, что авторъ хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ. Менѣе живо и интересно составлена брошюра по астрономіи „Падающія звѣзды и кометы", что тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ популярной русской литературѣ имѣются брошюры по астрономіи. Кромѣ научно-популярныхъ брошюръ, въ школьной библіотекѣ имѣются и очень недурныя брошюры по

беллетристикѣ. Особенно выдающагося то въ ней ничего отмѣтить не можемъ, но во всякомъ случаѣ изданія ея являются хорошимъ пополненіемъ школьныхъ библіотекъ, страдающихъ отъ слишкомъ ограниченныхъ каталоговъ, жаль только, что изданія ея несоразмѣрно дороги: книжечка въ 24 страницы стоитъ 10 коп., правда, изданія библіотеки снабжены иллюстраціями, но иллюстраціи эти хороши и понятны только при брошюрахъ естественно-историческаго содержанія.

Скажемъ еще два слова о появившейся только въ текущемъ году „Общедоступной Библіотечкѣ Горбунова-Посадова". Пока всѣ ея изданія представляютъ собой научно-популярныя брошюры, которыхъ въ русской литературѣ долго еще не будетъ достаточно для все растущаго читателя этихъ изданій. Нѣкоторыя брошюры были раньше изданы въ „Библіотекѣ для юношества", Горбунова-Посадова. Другія же появились вновь, и мы не можемъ не привѣтствовать отъ всей души ихъ появленія, такъ какъ подобныя брошюры, какъ напримѣръ, „Мой цвѣтникъ", „Мой огородъ", „Наши комнатныя растенія", составленныя К. Ельмановой, могутъ прекрасно руководить, даже и безъ помощи взрослыхъ, въ высшей степени полезными и здоровыми занятіями дѣтей,—лѣтомъ на свѣжемъ воздухѣ, а зимой—съ растеніями комнатными. Онѣ учатъ дѣтей смотрѣть на растенія, какъ на живыя существа, которыя требуютъ вниманія и ухода, и, развиваютъ любовь къ нимъ. Нерѣдко дѣти просто не знаютъ, какъ имъ взяться за дѣло, взрослымъ же некогда заняться съ ними. И вотъ, такая брошюра можетъ помочь дѣтямъ съ самыми простыми средствами устроить и садъ, и цвѣтникъ, и огородъ и т. п.

Нельзя не пожелать новой библіотечкѣ самаго успѣшнаго процвѣтанія.

В. Величкина.

Изданія Вятскаго товарищества. Изданія Вятскаго товарищества, очевидно, имѣютъ въ виду своимъ читателемъ крестьянина, къ интересамъ котораго они и приспособлены; содержаніе большей части брошюръ взято изъ области крестьянской жизни и говоритъ объ ея горестяхъ и... радостяхъ, хотѣли бы мы сказать, — но радостей-то, очевидно немного въ тяжелой, безпросвѣтной жизни нашего крестьянскаго люда. „Изъ земли ты роешь золото, самъ-же сытъ сухою коркою!" Эти слова одного изъ стихотвореній сборника „Трудовой крестьянскій годъ!" могли бы стать эпиграфомъ ко всему издательству Вятскаго товарищества. Въ издательствѣ имѣются нѣсколько маленькихъ сборничковъ стихотвореній, нѣсколько разсказовъ изъ крестьянской жизни и кромѣ того, еще три брошюры по русской исторіи, составленныя Е. Волковой. Маленькій разсказикъ „Передъ праздникомъ" И. Данилина,

представляетъ собою эпизодъ изъ жизни дѣтей—рабочихъ, мечтающихъ о поѣздкѣ на праздникъ въ деревню. Онъ напечатанъ также и въ нѣкоторыхъ другихъ издательствахъ. „Одинокій скиталецъ"—это самоотверженный деревенскій адвокатъ, вся жизнь котораго представляетъ собой одну сплошную драму, а дѣятельность—рядъ тяжелыхъ огорченій и разочарованій, но который, несмотря на все это, сохранилъ до старости всю свою ясность духа и дѣтскую жизнерадостность.

Въ разсказѣ Н. Астырева „Книга жизни" передъ нами та же картина крестьянскаго горя, нужды и безправія, на что живо реагируютъ молодыя души двухъ подростковъ—дѣтей. Не того ожидали отъ знакомства дѣтей съ книгой жизни ихъ буржуазные родители, и всѣ планы ихъ безнадежно разстраиваются. Они и сами не умѣли читать ту „книгу жизни", которую собирались преподнести дѣтямъ, и для ихъ благополучнаго прозябанія на свѣтѣ годились только или ихъ городскія квартиры, или искусственныя обстановки подгородныхъ дачъ съ ихъ неизбѣжными картами и сплетнями.

Изъ историческихъ брошюръ разсмотримъ пока двѣ: „Несчастный женихъ" и „Лютое время". Первая изображаетъ намъ царствованіе Бориса Годунова, и менно эпизодъ съ неудачнымъ бракомъ Ксеніи, а вторая рисуетъ намъ царствованіе Алексѣя Михайловича и начало раскола. Обѣ брошюры составлены хорошо и читаются съ интересомъ, хотя первая и затянута нѣсколько длинными описаніями обстановки и костюмовъ. Обѣ онѣ даютъ довольно яркія картины данныхъ эпохъ; но нельзя не отмѣтить, что у автора не хватаетъ правильнаго и яснаго пониманія внутренней жизни этихъ эпохъ, хотя онъ и старается найти болѣе глубокіе корни тѣхъ или иныхъ общественныхъ явленій. Такъ напримѣръ, въ расколѣ онъ видитъ національное теченіе мало просвѣщеннаго русскаго народа, причемъ ему кажется, что евангельское ученіе, самые простые и основные принципы его, были недоступны тогдашнему темному русскому люду. „Русскіе люди,—пишетъ онъ,—по своей грубости и невѣжеству не могли проникнуть въ самую сущность христіанскаго ученія, мало доступны имъ были заповѣди Христа о любви къ ближнему, большинству изъ нихъ непонятно было Евангеліе; грубому уму невѣжественныхъ людей доступнѣе и понятнѣе были внѣшнія формы, въ которыхъ выражалось христіанское ученіе, т. е. обряды", что можетъ быть, кажется, проще заповѣди о любви къ ближнему. Не отъ непросвѣщенности народа зависитъ непроведеніе въ жизнь этого принципа, и первыми послѣдователями Христа были простые рыбаки, тогда какъ ученые и развитые люди съ глубокимъ презрѣніемъ относились къ его ученію. Гораздо труднѣе, думается намъ, понять и усвоить всѣ тѣ сложные и запутанные обряды, которые присоединились къ первобытному христіанскому ученію. И не потому, разумѣется, держались и держатся раскольники за ненарушимость своихъ обрядовъ,

что они не понимаютъ смысла ученія,—оно одинаково понимается, какъ раскольниками, такъ и не раскольниками,—а потому, что ихъ обряды—старые обряды,—сдѣлались для нихъ знаменемъ въ ихъ борьбѣ противъ нарождающагося бюрократическаго строя жизни, въ борьбѣ мелкаго и средняго духовенства противъ власти и гнета высшаго, въ борьбѣ за свою независимость средняго класса противъ бояръ и придворной знати, захватившихъ въ свои руки всѣ государственныя дѣла. Не двуперстное знаменіе, разумѣется, создало Аввакуму обаяніе среди простого народа,—нѣтъ, Аввакумъ является представителемъ его интересовъ; въ традиціяхъ старины русской еще таились остатки древняго русскаго народоправія, которое новое бюрократическое государство стремилось уничтожить, и за эти-то остатки своихъ древнихъ правъ такъ и боролся упорно русскій народъ подъ знаменемъ двуперстія и другихъ подобныхъ внѣшнихъ обрядовъ. Впослѣдствіи оппозиція эта приняла другія формы и разбилась на различныя теченія. Одни изъ нихъ болѣе или менѣе примирились съ новымъ положеніемъ вещей и только удержали у себя старыя обрядовыя формы; другія же дошли до полнаго отрицанія властей, какъ поставленныхъ незаконно. Всякое общественное теченіе имѣетъ глубокіе корни въ народной жизни, и крайне неправильно видѣть причину такого огромнаго явленія, какъ расколъ, въ невѣжествѣ народныхъ массъ или репрессивныхъ мѣрахъ правительства.

Брошюры Вятскаго товарищества изданы аккуратно и очень дешево, и нѣкоторыя изъ нихъ даже допущены въ школьныя и народныя библіотеки; къ сожалѣнію, впрочемъ, очень не многія, а было бы желательно доставить имъ болѣе широкое распространеніе.

В. Величкина.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Изд. Кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи ред. газ. „Право“. Крестьянскій строй. Сборникъ статей. СПБ. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Истор.-фил. Общ. при Имп. Харьк. Унив. 1) Памяти профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Сборникъ статей, некроловъ, воспоминаній. Ц. 50 к. 2) Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній. Харьковъ 1905 г. Ц. 1 р. 30 к.

Изд. ред. жур. „Міръ Божій“. М. Туганъ-Барановскій. 1) Теоретическія основы марксизма. Ц. 1 р. 2) Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. СПБ. 1905 г. Ц. 1 р.

Изд. кн. маг. „Помощь“. О писателяхъ. (Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ). СПБ. 1905 г. *).

Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. 1) **Д. Айзманъ.** Въ чужой сторонѣ. Ц. 7 к. 2) **Бибикъ А.** Пріятели. Ц. 7 к. 3) **В. I. Дмитріевой.** На скалѣ. Очеркъ. Ц. 10 к. 4) **Н. Темный.** Обыскъ. Ц. 3 к. 5) **А. Н. Толстой.** Тяжелое бремя. Быль. Ц. 2 к. Харьковъ. 1905 г.

Изд. „Соврем. научно-образ. библіотеки“. 1) **Т. Цигени.** Мозгъ и душа. Ц. 10 к. 2) **А. Килландъ.** Новеллы. Ц. 10 к. 3) **Э. Вандервельдъ.** Эконо-

*) Изд. кн. маг. **„Помощь“. А. Родныхъ.** Формулы по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Необходимое пособіе. СПБ. 1905 г. Ц. 40 к.

мическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ. Ц. 10 к. 4) **Георгъ Зиммель**. Кантъ и современная эстетика. **К. фонъ Келлесъ—Краузъ**. Музыка и экономика. Ц. 10 к. 5) **Рихардъ Кальверъ**. Міровое хозяйство къ началу XX вѣка. Ц. 10 к. 6) **Т. Шлезингеръ—Экштейнъ**. Женщина къ началу XX вѣка. Ц. 20 к. 7) **А. Блашко**. Проституція начала XX вѣка. Ц. 10 к. 8) **К. ф.—Келлесъ—Краузъ**. Соціологія къ началу XX вѣка. Ц. 20 к. 9) Д-ръ юрид. наук. Брунъ. Японская конституція. Ц. 10 к. СПБ. 1905 г.

Bernardo Mallén. Le Mexique hier et aujourd'hui 1876—1904. Mexico 1904 г.

Изд. т-ва Сытина. П. Дружбинъ. 1) Объ умѣ и нравахъ слоновъ. Ц. 15 к. 2) Объ умѣ и нравахъ собакъ. Ц. 20 к. 3) Объ умѣ и нравахъ кошекъ. Ц. 15 к. 4) Объ умѣ и нравахъ львовъ. Ц. 10 к. Москва. 1905 г.

Евгенія де-Турже — Туржанская. 1) Сапожникъ. Очеркъ. Ц. 7 к. Москва. 2) Разсказы и очерки. Смоленскъ. 1905 г. Ц. 75 к. **П. Соловьева**. (Allegro). Иней. Рисунки и стихи. СПБ. 1905 г. Ц. 2 р. **Н. Карѣевъ**. 1) Выборъ факультета. Ц. 50 к. СПБ. 1905 г. 2) Общій взглядъ на исторію западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. СПВ. 1905 г. Ц. 60 к. **Техн. П. А. Федоровъ**. Постройка дома.

Изд. книгопрод. И. Е. Козлова. Справочная книга и руководство. Ц. 1 р.

Сигизмундъ Либровичъ. Петръ Великій и женщины. СПБ. Ц. 1 р.

Л. В. Македоновъ. Хозяйственное положеніе и промыслы населенія нагорныхъ станицъ Кубанской области. СПБ. 1904 г.

П. А. Несторовскій. Бессарабскіе руссины. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1905 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Проф. А. П. Павловъ. Реформа средняго образованія. Москва. 1905 г. Ц. 25 к.

Ис. Перлинъ. Учебникъ русской этимологіи. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Умань. 1905 г. Ц. 60 к.

Русскій. Думы и пѣсни. Посвящаются молодому поколѣнію. Москва 1905 г. Ц. 1 р.

Сер... Сир... Ночныя бабочки. Разсказы и очерки. Москва. 1905 г. Ц. 50 к.

Изд. П. И. Шанина. М. Коваленскій. Старая и новая Японія. Москва. 1904 г. Ц. 35 к.

Ред.-изд. И. Н. Холчевъ. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Ц. 1 р. 75 к.

Статистическія данныя за 1902—03 уч. годъ о дѣтяхъ, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою. Москва. 1904 г.

Статистическія данныя за 1903—04 уч. годъ о дѣтяхъ обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою. Москва. 1905 г.

Труды Статистическаго Отдѣленія Департамента Таможенныхъ Сборовъ. Внѣшняя торговля по Европейской границѣ за декабрь и за весь 1904 годъ. СПБ. 1905 г. Ц. 1 р.

Учитель—Стенографъ. № 1. 15 марта 1905 г. СПВ.

Уставъ Владикавказскаго собранія педагоговъ и родителей. 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности Общества Взаимн. Вспомож. при Московскомъ Учит. Институтѣ за 1904 г. Москва. 1905 г.

Отчетъ о дѣятельности Нижегор. Город. „Пушкинской“ безплатной народной читальни за 1904 г. Нижній-Новгородъ. 1905 г.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго Общества попеченія о душевно-больныхъ за 1901—1904 гг. СПБ. 1905 г.

Краткій отчетъ десятилѣт. дѣятельн. Сарапульскаго об-ва Трезвости. (193—1903 г.)

Лавинъ А. До жизни. Разсказы. Москва. 1905 г. Ц. 35 к.

Литвиненко К. А. Сборникъ систематич. диктантовъ. Практ. руковод. къ обуч. русск. правопис. и стилю. Ц. 80 к. Москва. 1904 г.

„Лучъ“ литератур. сборникъ. Изд. „Товарищеской библіотеки“. Ц. 25 к. Москва. 1906 г.

Македоновъ Л. В. Хозяйствен. положеніе и промыслы населенія нагорныхъ станицъ Куб. Об. Вып. 2. Изслѣдованіе 1903 г. Петербургъ. 1904 г.

Марковъ Карлъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Пер. съ фр. С. А. Алексѣева. Одесса. 1905 г. Изд. Е. М. Алексѣевой. Ц. 15 к.

Механическая теорія міра. Ц. 35 к. Изд. К. Гропковскаго. Казань. 1905 г.

Мельгуновъ П. Что такое исторія? Ц. 10 к. Изд. магазина „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залѣсской. Москва. 1905 г.

Мейснеръ В. Руководство къ практическимъ занят. по зоологіи позвоноч. Вып. I. Лягушка. Казань. 1905 г. Ц. 50 к.

Наживинъ Ив. Среди могилъ. Путевые наброски. Ц. 25 к. Изд. „Библіотеки для всѣхъ" О. Н. Рутенберга и А. И. Жуковой. СПБ. 1905 г.

Нечаевъ Александръ. Ассоціація сходства: Психологич. изслѣдованіе. 1905 г. СПБ. Ц. 3 р. 50 к.

Николаевъ С. Современная Бурса (изъ воспом. обуч. инстит.) Изд. В. В. Кирьякова. Москва. 1905 г. Ц. 30 к.

Нѣмоевскій А. Листопадъ. Прометей. Люди съ завязанными глазами. Съ польск. пер. У. Ульрихъ.

Итоги дѣятельности о-ва взаим. вспомощ. учит. и учительн. Нижег. губ. за 10 л. существ. 1894—1904 г. Состав. Обуховъ. 1905 г. Н. Новгородъ.

Календарь Садовода на 1905 г. Безпл. прил. къ жур. Садоводъ на 1905 г. Изд. Ростов. н/д. общ. садоводства.

Карменъ. На днѣ Одессы. Изд. Е. Е. Свистуновой 1905 г. Ц. 1 р. Одесса.

Квапиль Я. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Пьеса въ 5 д. для дѣтей и юношества. Пер. съ чешск. Н. Новичъ. СПВ. 1905 г. Ц. 30 к.

М. Клечковскій. Состав. по Эльсландеру. Современ. воспитаніе и новые пути. Изд. Вибліотеки „Новаго воспитанія" подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва. 1905 г. Ц. 40 к.

Колычевъ А. Приказчики и ихъ нужды. Изд. книгоизд. „Сѣверное Эхо" Ц. 20 к. 1905. Ярославль.

Костомаровъ Н. И. Собраніе Сочиненій. Историч. монографіи и изслѣдованія. Кн. Т. XII. XIII и XIV. Изд. Об-ва для пособія нужд. литер. и учен. СПБ. 1905 г. Ц. 4 р.

Нѣсколько историч. справокъ къ вопросу о женск. образ. Кіевъ. 1905 г.

Общедоступные разсказы изъ русск. исторіи для школъ и самообразованія. Ц. 30 к. СПВ. 1905 г. Изд. книж. ск. „Школьное и библіотеч. дѣло".

Отчетъ Одесской город. публич. библіотеки за 1904 г. Одесса. 1905 г.

Сводъ отзывовъ мѣстнаго населенія о проектѣ нормальн. сѣти училищъ по Ярослав. губ., Составлен. школьн. комисс. губер. земства. Ярославль. 1904 г.

Сборникъ Пермскаго земства № 5—6. 1904 г. Изд. Перм. губер. зем.

Сведенборгъ Эммануилъ. О Божественной любви и Божествен. мудрости. Посмертное твореніе. СПБ. Ц. 50 к. 1905 г.

Словинскіе поэты. Изданы подъ редакціей Н. Новича. 1904 г. СПБ. Ц. 45 к.

Сборникъ въ пользу Томск. воскрес. школъ и Гоголевскаго народ. дома. На сибирскія темы. Подъ ред. М. Н. Соболева. 1905 г. СПБ Ц. 1 р. 75 к.

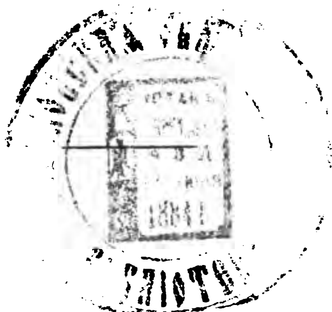
Рейхъ М. Д-ръ. Объ изслѣдованіи освѣщенія въ учеб. помѣщеніяхъ и о фотометрѣ Winden'a. СПВ. 1905 г.

Уэббъ Б. Кооперативное движеніе въ Англіи. Пер. съ англійск. Н. и И. Алексѣевыхъ. Изд. И. Балашова. СПБ. Ц. 1 р.

Чернышевъ В. Упрощеніе русск. правописанія. Ц. 40 к. СПВ. 1905 г.

Шапиръ Ѳльга. Не повѣрили. Повѣсть. СПВ. Ц 1 р.

Яковлевъ Н. Н. Горообразованіе, вулканы, землетрясенія. СПВ. 1905 г. Ц. 8 к.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

ОТДѢЛЪ II.

Продолжается подписка на 1905 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Образованіе“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода—3 р.
за границу 8 руб.
Цѣна отдѣльной книжки 60 коп. съ перес.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у Н. Печковской Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе“ (Ришельевская)

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ **только** по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже **10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ ежедневно отъ 3 до 4 ч. кромѣ пятницъ и праздничныхъ дней.*

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНІЕ“

БИБЛІОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ

Вып. V. *Иммануилъ Кантъ*, его жизнь и ученіе проф. Берлинск унив. *Фр. Паульсена*, перев. съ нѣмецк. Н. Лосскаго ***2-е изданіе***. Ц. 1 р.

Вып. XI. *Людвигъ Фейербахъ*, его жизнь и ученіе проф. Е скаго унив. *Фр. Іодля*, перев. съ нѣмецк. Е. Макси... Ц. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не пл...